

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 511. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 511. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740



**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р ист. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Вершинин В.А. Археология томского интернета: этапы развития цифровых форм медиатизированной коммуникации в 1991–2001 гг.	5
Жукова Е.Ю., Курьянович А.В. Идиостилевые особенности сатирических текстов М.М. Жванецкого как инструмент интерпретации авторской картины мира	20
Панамарёв И.В. Восприятие драмы Островского «Бесприданница» на страницах газеты «Казанский биржевой листок» (о постановках 1879 г.)	33
Петров А.А. Богородичная семантика имени Мария в русской антинигилистической литературе	46
Проскурнова Е.Л., Чжу Вань, Тё О.Е. Пропаганда национальных культурных ценностей в современных телепередачах Китая	54
Чернова Д.А., Полферова Т.С. Влияние читательского опыта на параметры движения глаз при чтении связного текста	68

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Попов П.Л., Черенев А.А., Галёс Д.А. Изменение электоральной ситуации в Российской Федерации по материалам принятия Конституции РФ и поправок к ней	76
Салиева Л.К., Луканина М.В. Русский театр как компонент культурного бренда России	84

ИСТОРИЯ

Антонова Л.В. Олимпийские игры 1912 г. и проблемы международных отношений на страницах журнала «Русский спорт»	94
Болкунова Е.В. Деятельность профессиональных юридических общественных объединений Кемеровской области на страницах газет «Кузбасс» и «Кузнецкий край» в 1990–2010 гг.	102
Заманапулов Д.М. Подходы Генри Киссинджера к украинскому кризису 2014–2023 гг.	112
Клинова М.А. Североатлантический альянс: репрезентация образа в советской прессе 1948–1949 гг.	118
Корсукова О.О. «Храм нэповской цивилизации» в провинциальном городе: история Тюменского отделения ГУМа (1922–1926)	129
Ромахова А.А. «Современная отечественная историография студенчества России позднимперского и раннесоветского периодов	141
Скипина И.В. Современная историография исторической памяти о Гражданской войне (1918–1922) в России	151
Чарышова М.Ю. Конь и образ коня в культуре алтайцев	159

ПЕДАГОГИКА

Казакова У.А., Макарова О.Ю., Горбунова Д.В. Иноязычная подготовка в развитии толерантности студентов медицинских вузов	167
Никифорова А.Н., Макарычева А.В. Использование аутентичных подкастов на испанском языке во внеаудиторной работе студентов в неязыковом вузе	177
Мутъев А.В., Лебедев Д.В. Организация массовой физкультурно-оздоровительной работы с юными пионерами и школьниками в Крыму с начала 20-х до середины 30-х гг. XX в.	183
Рыжова Н.И., Молохов Д.А., Государев И.Б., Каракозов С.Д. Использование цифрового образовательного контента в школе: модель методики и принципы	191

CONTENTS

PHILOLOGY

Vershinin V.A. Archaeology of the Tomsk internet: Stages of development of digital forms of mediatized communication in 1991–2001	5
Zhukova E.Yu., Kurjanovich A.V. Idiostyle features of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts as a tool for interpreting the author's worldview	20
Panamarev I.V. Kazan theater criticism about stagings of Alexander Ostrovsky's <i>Without a Dowry</i> in 1879	33
Petrov A.A. The Mother of God semantics of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature	46
Proskurnova E.L., Van Chzhu, Tyo O.E. Propaganda of national cultural values in modern Chinese television broadcasts	54
Chernova D.A., Polferova T.S. The interrelation of print exposure with patterns of oculomotor activity and text comprehension	68

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Popov P.L., Cherenev A.A., Galyos D.A. Changing the electoral situation in the Russian Federation based on the adoption of the Constitution of the Russian Federation and amendments to it	76
Salieva L.K., Lukanina M.V. Russian theatre as a component of Russia's cultural brand	84

HISTORY

Antonova L.V. The 1912 Olympic Games and international relations issues on the pages of the <i>Russkiy Sport</i> magazine	94
Bolkunova E.V. Activities of professional legal public associations of Kemerovo Oblast on the pages of the newspapers <i>Kuzbass</i> and <i>Kuznetskiy Kray</i> in 1990–2010	102
Zamanapulov D.M. Henry Kissinger's approaches to the 2014–2023 Ukrainian crisis	112
Klinova M.A. The North Atlantic Treaty Organization: Representation of the image in the 1948–1949 Soviet press	118
Korsukova O.O. "The Temple of NEP Civilization" in a provincial town: History of the Tyumen Branch of GUM (1922–1926)	129
Romakhova A.A. Modern Russian historiography of students of the Late Imperial and Early Soviet periods	141
Skipina I.V. Modern historiography of the historical memory of the Civil War (1918–1922) in Russia	151
Charyshova M.Yu. The horse and the image of the horse in the culture of the Altaians	159

PEDAGOGICS

Kazakova U.A., Makarova O.Yu., Gorbunova D.V. Foreign language instruction in tolerance development in medical higher school students	167
Nikiforova A.N., Makarycheva A.V. Using authentic podcasts in Spanish in students' extracurricular activities in a non-language higher education institution	177
Mutyev A.V., Lebedev D.V. Organization of mass physical culture and recreation work with young pioneers and schoolchildren in the Crimea from the early 1920s to the mid-1930s	183
Ryzhova N.I., Molokhov D.A., Gosudarev I.B., Karakozov S.D. Digital educational content in school: Teaching methods model and usage principles	191

Цигулева О.В., Абакумова Н.Н. Вуз как центр развития образовательной мобильности: история, содержание, дизайн	200
Shostak E.V., Prieto D.A., Khalyapina L.P. Spanish speaking practice in class using ChatGPT-designed didactic material	208

ПРАВО

Галиев И.Ш., Енгальчев В.Ф., Палеха Е.С. Криминальные технологии дистанционной радикализации молодежи в сети Интернет	213
Мананкова Р.П. Современный взгляд на доктринальные межотраслевые понятия	222
Поляков В.В. Формирование экосистем преступных сообществ как следствие цифровой трансформации организованной преступной деятельности	229
Скоревич А.С. Алгоритм построения допрашивающим последовательности задаваемых вопросов	237
Фазлиева Л.К. Полномочия органов местного самоуправления в сфере изъятия земельных участков для муниципальных нужд: проблемы теории и практики	242

Tsiguleva O.V., Abakumova N.N. University as a center of educational mobility development: History, content, design	200
Shostak E.V., Prieto D.A., Khalyapina L.P. Spanish speaking practice in class using ChatGPT-designed didactic material	208

LAW

Galiev I.Sh., Engalychev V.F., Palekha E.S. Technologies of remote radicalization: Once again on personally oriented recruitment on the Internet	213
Manankova R.P. A modern view on doctrinal intersectoral concepts'	222
Polyakov V.V. The formation of ecosystems of criminal groups due to the digital transformation of organized crime	229
Skorevich A.S. Algorithm for constructing a sequence of questions by the interrogator	237
Fazlieva L.K. Powers of local government bodies in the field of seizure of land plots for municipal needs: Problems of theory and practice	242

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/511/1

Археология томского интернета: этапы развития цифровых форм медиатизированной коммуникации в 1991–2001 гг.

Василий Александрович Вершинин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, virshinin@gmail.com

Аннотация. Описываются появление и этапы развития среды цифровой коммуникации в Томске и Томской области, представлены основные формы медиатизированной коммуникации в ней, в том числе появление средств массовой информации в 1991–2001 гг. В контексте археологии медиа анализируются особенности сохранения информации о различных цифровых артефактах, связанных с «томской медийной аномалией». Выявлены наиболее старые сохранившиеся следы взаимодействия томских интернет-пользователей, первые цифровые медиа и новостные веб-сайты. Представлены предпосылки и особенности формирования «тонета», специфической инфраструктурной сети, создавшей благоприятные условия для развития томских интернет-ресурсов в период 1998–2008 гг.

Ключевые слова: археология медиа, история интернета, СМИ, томская журналистика, Томская область

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

Для цитирования: Вершинин В.А. Археология томского интернета: этапы развития цифровых форм медиатизированной коммуникации в 1991–2001 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 5–19. doi: 10.17223/15617793/511/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/1

Archaeology of the Tomsk internet: Stages of development of digital forms of mediatized communication in 1991–2001

Vasiy A. Vershinin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, virshinin@gmail.com

Abstract. This article delves into the development of the digital communication and media environment in Tomsk and Tomsk Oblast from 1991 to 2001. The primary focus is on identifying specific features in the formation of the Tomsk Internet, known as "Tonet", and analyzing the digital transformation of local media within the social and infrastructural context of the region. The research is grounded in an examination of archival materials, media artifacts, and surviving sources, complemented by interviews with participants in Tomsk's early internet environment. By employing media archaeology methods, the study reconstructs pivotal stages in the evolution of Tomsk's digital infrastructure and media artifacts, employing a non-linear approach to media history. The study identifies the earliest preserved traces of interaction among Tomsk's internet users and the emergence of the first digital media and news websites. The article categorizes three key stages in the development of the Tomsk internet. The first stage (1991–1996) witnessed the emergence of initial users and media interactions, primarily through email and teleconferences. The second stage (1996–1998) encompassed the formation of virtual communities and the establishment of the first websites, reflecting the interests of local universities, media, and public organizations. The third stage (1998–2008) represented the zenith of Tomsk's internet (Tonet), characterized by a widespread utilization of Tomsk-based resources, such as email, news sites, file exchange, and messaging services, as well as "mirrors" of external sites. The study elucidates that the development of Tomsk's digital media environment was influenced by distinctive regional factors, particularly the availability of free intra-city traffic, which facilitated the popularity of local resources. Consequently, Tonet constituted a unique media landscape, leading to the creation of numerous distinctive internet resources. However, by 2008, the entry of major federal providers into the regional market diminished the economic incentives for local resource utilization, resulting in a decline in interest in Tonet resources. The historical trajectory of Tomsk's internet underscores the significance of examining regional media phenomena and emphasizes the imperative of preserving digital heritage.

Keywords: media archaeology, web archaeology, internet history, mass media, Tomsk journalism, Tomsk

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

For citation: Vershinin, V.A. (2025) Archaeology of the Tomsk Internet: Stages of development of digital forms of mediatized communication in 1991–2001. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/1

Введение

Интерес к истории интернета и периоду 1990–2000 гг. становится всё более заметным, появляются как научные работы по этой теме, так и публицистические материалы, становится популярной ностальгия по этому периоду в массовой культуре: от сериалов до интернет-мемов. В этом контексте Томск представляет особый интерес как значимый образовательный и научный центр, как «медийная аномалия» и город с уникальной историей развития интернета в регионе – *тонета* (томского интернета). Также стоит отметить, что доступные в научной литературе данные нельзя назвать полными и достоверными в силу слабой изученности тонета, неверного представления научного сообщества о масштабе его развития. Целью данного исследования является выявление факторов появления первых цифровых медиа в регионе, а также классификация основных форматов первых цифровых медиа. Среди ключевых задач можно обозначить:

- 1) анализ основополагающих технологических факторов и явлений, оказавших влияние на формирование новой медиасреды;
- 2) анализ взаимоотношения акторов медиа с продуктами своей деятельности и предпосылок для перехода к коммерциализации медиа;
- 3) выявление этапов в изменении восприятия цифровых медиа традиционными СМИ, а также важнейшими общественными институтами (органы власти, университеты, научные организации и др.).

Актуальность первой задачи обусловлена ежегодным ростом объема информации, который по итогам 2024 г. достигнет 147 зеттабайт (10^{21} байт) данных, что в десять раз больше, чем было в 2014 г. [1]. За прошедшие годы создалось впечатление, что «интернет помнит всё» и «то, что было опубликовано в интернете, будет доступно всегда», однако в реальности значительные объемы данных и ресурсов стремительно перестают быть доступными. В 2024 г. исследовательский центр *Pew Research* представил доклад *When Online Content Disappears*, в котором подсчитано, что:

- 23% новостных страниц содержат минимум одну неработающую ссылку;
- 54% страниц Википедии содержат в списке источников хотя бы одну ссылку на страницу, которой уже не существует;
- 25% всех веб-страниц, существовавших между 2013 и 2023 гг., больше недоступны, а среди страниц, уже существовавших в 2013 г., процент недоступности вырастает до 38% [2].

Обобщенно сложность изучения описываемого материала может быть обозначена следующим образом:

- 1) медиа исследуемого периода, особенно начала

1990-х гг., не вписываются в современные представления о том, как устроен современный интернет-ресурс – как технологически, так и по сценариям использования; 2) их изучение становится более проблематичным, чем исследование традиционных, печатных СМИ из-за перехода на новые платформы и прекращения поддержки устаревших технологий, а также ряда других ограничений, которые лишают исследователей доступа к оригинальным источникам материалов. О многих существовавших цифровых медиа мы можем судить только по публикациям в других медиа, воспоминаниям участников и очевидцев или с помощью архивных копий веб-страниц, которые индексируют такие проекты, как *The Wayback Machine*¹ некоммерческой организации *Internet Archive*. Этот проект начал работать в конце 1996 г., и страницы, исчезнувшие раньше или недостаточно непопулярные, не сохранились. По состоянию на октябрь 2024 г. проект предоставляет доступ к более чем 916 млрд сохраненных веб-страниц. Однако эта возможность сохранения истории интернет-медиа не является гарантированной – так во время написания этой статьи сайт проекта подвергся крупнейшей в своей истории хакерской атаке и перестал функционировать на несколько дней [3]. Одна из задач нашего исследования – зафиксировать многообразие цифровых медиа в период ускоренной трансформации цифровой середи 1990-х – начала 2000-х гг.

Различные аспекты истории интернета в Томске уже становились предметом исследования в научных статьях и монографиях [4], где чаще всего раскрываются инфраструктурные аспекты [5], в том время как деятельность традиционных СМИ и новых медиа, с учетом специфики развития цифровых коммуникаций, пока не становилась объектом комплексного изучения. В нашем исследовании важно проследить, как, с одной стороны, развивались цифровые форматы медиатизированной коммуникации в Томске и Томской области, а с другой – как менялись констелляции цифровых массмедиа с появлением интернет-среды. Также мы рассмотрим, как вместе с цифровой репрезентацией образовательных организаций и органов власти, появлением новых коммуникативных практик в этой среде развивалась и журналистика, менялось отношение традиционных медиа к интернету.

Эта статья стала результатом работы автора в рамках проекта, в котором исследователи факультета журналистики Томского государственного университета восстанавливают процессы трансформации журналистики в Томской области 1990–2020-х гг. [6]. И одним из важнейших процессов, которому посвящена данная статья, является цифровая трансформация медиасреды региона. Этот процесс еще далек от завершения и неизвестно, может ли завершиться в принципе, по-

скольку цифровая среда продолжает меняться. Проследив, как 30 лет назад первые цифровые медиа появились в децентрализованном пространстве различных сетей и протоколов доступа к ним, пройдя путь унификации и объединения в общее веб-пространство, мы можем стать свидетелями возврата медиа к существованию в разных сетях в рамках процессов децентрализации веба [7] и «балканизации интернета» [8].

Теоретические предпосылки и методы исследования

Британский социолог Джон Брукшир Томпсон установил три типа интеракций, т.е. форм взаимодействия, в которые вступают акторы, использующие средства коммуникации:

- немедиатизированная (лицом к лицу);
- медиатизированная (т.е. технически опосредованная, как телефонный разговор);
- и медиатизированная квазиинтеракция (опосредованная технически от одного адресата ко многим неопределенным адресатам) – эта интеракция создается такими медиа, как газеты, журналы, книги, радио, телевидение и т.п. [9. С. 82]

Таким образом, был разработана объяснительная рамка для анализа форм взаимодействия, осуществляемых медиа. Согласно устоявшейся практике массовыми коммуникациями, или массмедиа, принято называть медиа, распространяющие сообщения, адресованные неопределенно широкому кругу лиц [10. С. 30].

Позднее в своей статье *Mediated Interaction in the Digital Age* Дж. Томпсон предложил четвертый тип – «медиатизированная онлайн-интеракция», которая в большей степени свойственна современным социальным сетям и другим формам цифровых медиа. Этот тип имеет, с одной стороны, сходство с медиатизированной интеракцией в плане диалогического характера взаимодействия, с другой стороны, ориентирован на широкую аудиторию, множество реципиентов [11]. Такой способ коммуникации имеет более сложную социальную организацию, которая становится возможной благодаря современным цифровым технологиям. Эти технологии сегодня меняют и традиционные медиа, и те, которые еще недавно считались «новыми». Что подтверждает Клаус Брун Йенсен: «Понятия “медиа” и “коммуникация” в настоящее время переосмысливаются в свете *computer-mediated communication*» [12. С. 13]. Этот тезис повышает значимость изучения каналов развития информации, подтверждается известной максимой Маршала Маклюэна: «Средство коммуникации есть сообщение», поскольку до появления новых форм коммуникации «люди имели привычку спрашивать, о чем эта картина» [13. С. 11]. Эта идея подтверждена в ходе интервью – пользователей интернета поражал сам факт моментальной коммуникации с помощью компьютера, игнорирующей любые географические дистанции, возможность делиться данными или компьютерными программами. Именно об этом сообщали многие интервьюируемые пионеры цифровых коммуникаций в Томске. Таким образом, мы приходим к выводу, что исследование этапов развития томской

интернет-журналистики не следует рассматривать в отрыве от развития интернет-среды, каналов цифровой коммуникации. Началом существования интернета можно считать 1969 г., относительно недавно, но его история привлекает внимание уже несколько десятилетий [14], еще в 1996 г. вышла книга Кэти Хэфнер *Where Wizards Stay Up Late: The Origins Of The Internet* [15]. А среди методов исследования всё чаще можно встретить использование «археологического подхода»: киберархеологии [16] и археологии медиа [17]. Применительно конкретно к изучению истории томского интернета необходимо выделить несколько аспектов данного подхода, имеющих методологическую ценность:

– **Поиск артефактов.** В рамках археологии медиа исследователи заинтересованы в поиске артефактов и технологий, которым люди пользовались для медиакоммуникаций [18].

– **Культурный контекст.** Археология медиа рассматривает культурные, социальные и политические контексты, в которых возникли и развивались медиатехнологии в стремлении понять, как эти технологии сформировались и были сформированы более широкими культурными практиками и идеологиями [19].

– **Нелинейность истории.** Археологи часто оспаривают линейные повествования о технологическом прогрессе. Вместо этого они исследуют сосуществование различных медиатехнологий и способы, с помощью которых старые технологии могут существовать рядом с новыми [20].

– **Медиа как археологические слои.** Метафора «слоев» часто используется в археологии медиа. Каждый слой представляет собой исторический пласт медиатехнологий, и, раскапывая эти слои, ученые стремятся раскрыть скрытые или забытые аспекты истории медиа [18].

– **Разрывы и развилки.** Медиаархеологи бросают вызов идее непрерывного развития медиатехнологий. Они подчеркивают моменты разрыва и альтернативные пути, по которым могли пойти технологии. Исследования медиаархеологов показывают, что попытки использовать существующие форматы и технологии для проектирования образов новых медиа или переосмысления роли существующих – зачастую проигрышный сценарий. В качестве примера можно вспомнить запуск факс-газет в 1930-е гг. [21], и эксперимент по запуску интерактивных онлайн-сервисов через терминалы, подключающиеся к телевизионной кабельной сети AT&T в 1983 г. [22], и в целом безуспешный опыт развития формата печатных изданий на планшетных устройствах в начале 2010-х гг. [23].

Зигфрид Цилински указывает на необходимость исследовательских экскурсов «в ситуации, предшествовавшие стандартизации, и в те фазы, когда были задуманы, но еще не завершили унифицирующие процессы» [20]. И это ценное утверждение, поскольку, с одной стороны, современная цифровая среда состоит из технологий, развивавшихся на протяжении тысяч лет, например криптографии, с другой стороны, выбор в пользу определенных технологий был сделан недавно, например, в пользу TCP/IP, а не X.25. Часто использование нестандартизированных, ранних цифровых медиатехнологий повышает риск утраты доступа к медиаартефактам.

Для нашего исследования использование метода археологии медиа видится перспективным также в связи с тем, что мы наблюдаем не только непрерывную смену моделей деятельности цифровых медиа от их зарождения в начале 1990-х гг., но и практически полную потерю доступа к некоторым медиаартефактам в связи с отказом от устаревших технологий, прекращением поддержки ПО, изменением законодательства и проч. В истории томских медиа тоже есть подобные примеры. Так, например, прекращение поддержки технологии Flash лишило современных пользователей доступа к части материалов, а иногда и целым медиапроектам. Для изучения цифровых (и некоторых традиционных, печатных) медиа в первоисточнике коллективом авторов возвращены к работе несколько компьютеров, которые позволяют взаимодействовать с устаревшими форматами файлов и носителями данных, использовавшимися для производства и распространения медиаконтента, начиная с середины 1990-х гг. и на протяжении всех последующих периодов, вплоть до настоящего времени. Так, например, в рамках исследовательского проекта были восстановлены цифровые копии четырех выпусков подростковой газеты межшкольной газеты г. Томска, которые до этого считались утраченными, поскольку их тираж не сохранился. Также по исходным файлам были восстановлены копии экспериментальных цифровых медиа, создававшихся на факультете журналистики НИ ТГУ, в том числе iPad-журналы «Зеленый марс» и «Городские птицы», поддержка которых была прекращена в 2018 г. и доступ к которым был утрачен.

Г. Асмолов и П. Колозариди указывают, как менялись группы, взаимодействующие с интернетом в России: от IT-специалистов к представителям журналистской отрасли, затем к активистам и, наконец, государственным органам власти [24]. В рамках нашего исследования наиболее ранних этапов развития цифровых коммуникаций в Томске, наряду с поиском по цифровым архивам, инициативным проектам по сохранению истории интернета, научной литературе, мы опираемся на серию интервью с представителями наиболее активных групп акторов цифровых форм медиатизированной коммуникации: сотрудниками первых томских телекоммуникационных и IT-компаний, а также вузов.

Необходимость периодизации развития томского интернета

Целый ряд научных публикаций посвящен периодизации различных аспектов журналистики: спортивной [25], визуальной [26], детской [27], также разработана периодизация развития журналистики томского региона [28]. И, конечно, есть разные подходы к периодизации интернет-журналистики. Однако представленная в статье периодизация с опорой на развитие цифровой медиасреды и интернет-технологий позволяет выявить значимые изменения в процессе развития медиа, а именно обозначить момент возникновения этого типа коммуникации в интернет-пространстве.

В рамках концепции Л.О. Алгави появление других типов интеракций подменяется понятием онлайн-журналистики. Она характеризует период с 1990–2003 гг. как ранний этап развития российской интернет-журналистики, считая началом этого периода появление первых «советских» конференций в сети Usenet, а концом – «появление первых российских блог-платформ, ознаменовавших конец Web 1.0» [29. С. 77]. С такой формулировкой границ можно не согласиться по нескольким причинам. Во-первых, вряд ли можно считать журналистикой общение между пользователями на темы политики и культуры СССР в новостных группах Usenet, но это точно можно отнести к медиатизированной коммуникации в цифровой среде и можно считать некой предтечей российского сегмента интернета, получившего в последствии название «Рунет». Но даже тогда общение в этих новостных группах преимущественно проходило на английском языке или с помощью транслитерации кириллического текста. Во-вторых, верхняя граница этого периода также вызывает сомнение, тем более что первые блог-платформы, о которых идет речь, не были российскими, скорее всего речь идет о том, что в 2003 г. был зарегистрирован первый русскоязычный блог на американской блог-платформе *livejournal.com*.

Первые российские журналистские веб-сайты появляются в 1995 г. – это сайты агентства РБК и газеты «Коммерсант». Эти медиа оказались наиболее передовыми в плане освоения технологий, поскольку в том же 1995 г. это стало распространенным явлением за рубежом – появляются сайты *CNN*, *The Guardian*, *Die Welt* и многих других изданий по всему миру. Это связано со стремительным развитием программного обеспечения, облегчающего разработку и доступ к веб-ресурсам. Прежде всего это браузеры *Netscape Navigator* (1994) и *Internet Explorer* (1995), вошедший в состав популярной операционной системы Windows 95, которая, в свою очередь, обеспечивала полную поддержку кириллических шрифтов.

А.А. Градюшко выделяет этапы развития веб-журналистики в Беларуси, в качестве первого из них выделяя период 1996–2002 гг., это время от запуска первой веб-версии газеты «Вечерний Минск» до появления ряда крупных новостных интернет-порталов [30. С. 55]. В качестве последующих этапов автор выделяет развитие региональных массмедиа в веб-среде, приход государственных СМИ и бурное развитие социальных сетей. Интересно, что автор выделяет для исследования именно веб-журналистику, а не все цифровые форматы медиа. И хотя основная масса томских цифровых медиа также представлена веб-ресурсами, для полноты картины мы опишем и форматы, предшествовавшие распространению стандартизированного способа потребления цифровых медиа через веб-браузеры.

Полное название книги Михаила Визеля, посвященной биографии одного из выдающихся деятелей российской интернет-журналистики – «Создатель. Жизнь и приключения Антона Носика, отца Рунета, трикстера, блогера и первопроходца, с описанием трех

эпох Интернета в России», уже указывает на периодизацию развития российского сегмента интернета. Автор описывает первый этап в границах 1996–1999 гг., от появления первых веб-сайтов до появления интернет-журналистики в России – сайтов *lenta.ru* и *gazeta.ru* [31].

В рамках нашего исследования мы будем отмечать важные события в развитии томской интернет-журналистики, но в рамках этапов развития городской интернет-среды, поскольку именно в этом контексте происходили наиболее важные изменения, которые имели отражение на всех уровнях виртуальных сообществ. Мы выделяем три этапа развития томского интернета: первый, связанный с появлением в Томске первых интернет-пользователей в 1991–1996 гг.; второй, на котором формировались элементы сетевой инфраструктуры и появлялись веб-среда и первые сообщества пользователей в 1996–1998 гг.; третий – этап расцвета томского интернета в 1998–2008 гг.

Этап первый: появление интернета в Томске

Появление виртуальных сообществ в США и СССР – важная предпосылка современной интернет-культуры, поскольку многие ее элементы появились еще до распространения цифровых коммуникаций. Например, виртуальные сообщества появились в СССР еще в 1970-е гг., когда в Ленинграде получил распространение так называемый «телефонный эфир», когда представители неформальной молодежи пользовались особенностями телефонных автоматов для создания общих «комнат» для разговора, где можно было включать музыку и общаться, пользуясь никнеймами, чтобы избежать проблем с органами безопасности, у этих комнат также избирались модераторы, которые назывались «королями эфира» [32. С. 139–140]. Подобным образом в некоторых городах использовалась сеть радиоточек, куда пользователи подключались с помощью усилителя и наушников во время отсутствия вещания с часа ночи до шести утра, сигнал не проходил сквозь трансформаторы, и трансляция работала в пределах одного района, но участники также пользовались никнеймами и соблюдали определенные правила этикета. Остается плохо изучен феномен советского радиопиратства, поскольку архивы по делам против его участников, которые велись КГБ СССР, остаются закрытыми [32. С. 142–143].

Известно, что в СССР были идеи создания собственной единой цифровой сети, например, проект ОГАС – Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации, цель которого состояла в сборе и передаче экономических данных, производственном контроле и мн. др. В конце концов, эта сеть так никогда и не была построена [33]. Другие проекты, такие как «Академсеть», были реализованы лишь частично.

Первые, еще единичные, опыты доступа советских ученых к глобальным сетям цифровой коммуникации приходятся на середину 1980-х гг. Так, биохимик А.А. Клесов в 1985 г. описывал свой опыт участия в научных телеконференциях на страницах журнала

«Наука в СССР» [34]. Но в более массовом формате интернет появился в СССР в 1990 г., с появлением сети *Relcom*, объединившей несколько городов, что позволило зарегистрировать домен верхнего уровня *.su*, а затем получившей подключение к европейской сети *EuNet*.

В 1991 г. сеть *Relcom* появилась в Томске, благодаря МПЭКС (Малое предприятие электронных коммуникационных систем). Основным видом услуг, которую предлагал *Relcom*, была электронная почта, но помимо нее также предоставлялся доступ к телеконференциям в самой сети *Relcom* (на русском языке), а также нескольким сетям, таким как *UUnet*, *BITNET*, *CompuServe*, в том числе к глобальной сети новостных групп *Usenet* [35], изначально создававшейся как межуниверситетская сеть в США.

Сегодня существует несколько архивов этой сети, что позволяет найти в ней следы присутствия томских пользователей. Однако поиск, который мы провели, по 2 104 830 текстовым файлам в 56 953 папках из архива с магнитных лент, собранного Дэвидом Вайзманом в Университете Торонто, содержащего публикации в группах *Usenet* за период с февраля 1981 г. по июнь 1991 г., показал, что Томск упоминается лишь в списке телефонных кодов СССР за 1990 г. и как один из городов мира в исходном коде компьютерной игры 1988 г. Пользователей из Томска в это время в этой сети не было или как минимум об этом не осталось цифровых следов. Нужно отметить, что этот архив был удален из веб-архива и периодически удаляется с различных площадок, где его публикуют энтузиасты истории интернета, что подчеркивает хрупкость исследуемого материала.

Для доступа к сети *Relcom* МПЭКС использовали канал государственной цифровой телефонной связи Искра-2, которая проектировалась для обеспечения связью высших органов государственной власти, руководителей областных и республиканских администраций [36]. Сеть вступила в строй в 1990 г., а в 1991 г. была передана для доступа крупным предприятиям, а затем и другим желающим. В Томске предприятием, которое использовало эту сеть, была «ТомскНефть».

С использованием сети *Usenet* связано одно из знаковых медийных событий в Томске 1991 г. на фоне правительственного кризиса, получившего название Августовский путч. Информация из сети *Relcom* распечатывалась и публиковалась на стенде томского Дома Советов, а также передавалась первой независимой телекомпанией ТВ-2, которая продолжала вести круглосуточный эфир. Конечно, это был не единственный источник информации о событиях в Москве, как это иногда преподносится в рассказах о появлении в Томске интернета, основным источником информации были поездки журналистов, которые передавали видеокассеты через пассажиров авиарейсов в Томске, а также зарубежные радиостанции. Например, один из участников интервью вспоминает, как помогал с переводом радиовыпусков ВВС для эфира ТВ-2. В свою очередь многие иностранные каналы тоже получали информацию о путче из сети. Известна публикация от 19 августа 1991 г. в новостной группе *talk.politics.soviet* со словами

«PREDPRINQTA POPYTKA GOSUDARSTWENNOGO PEREWOROTA, OTSRANEN OT DOLVNOSTI PREZIDENT sssr»², которую отправили из сети *Relcom* по электронной почте, опубликовали в *Usenet*, а затем его распространили новостные агентства. Из этой сети публикации были доступны также в Томске.

Валерий Елизарьев, директор МПЭКС, вспоминал в интервью: «Примерно часа в 4 вечера я распечатал наиболее интересное о событиях в Москве и отнес материалы в томский “Белый дом”. Как сейчас помню: большой кабинет, сидят напряженные мужи области и города. Когда я отдал довольно толстую кипу бумаг и объяснил, что это получено по интернету и что такое интернет, началась натуральная потасовка: бумаги вырывали друг у друга из рук. Естественно, что одним из первых наших абонентов стала областная администрация» [37].

В рамках данного исследования удалось выявить самую раннюю доступную публикацию, отправленную по интернету из Томска. Это сообщение в сети из Томска фиксируется 20 августа 1991 г. (в разгар Августовского путча) в дайджесте для новостной группы *talk.politics.soviet*. Дайджест был сделан на основе опроса «Режим № 1» – «программисты попросили всех релкомовских подписчиков выглянуть в окно, а потом написать, что именно они там увидят, – только факты, никаких эмоций» [38. С. 28]. Вот это сообщение: «w tOMSKOJ OBLASTI I GORODE WRODE WSE SPOKOJNO, NAROD W PODAWLQ@JEM BOLX[INSTWE PODDERVIWAET eLXCINA»³, что значит «В Томской области и городе вроде всё спокойно, народ в подавляющем большинстве поддерживает Ельцина» – это как раз пример автоматической транслитерации, поскольку сеть *Usenet* не поддерживала кириллицу до 1994 г. Кроме сообщения из Томска в этом письме также сообщения из Киева, Дубны, Барнаула и Ленинграда (Санкт-Петербурга). Примечательно, что уже через час после этого сообщения последовала более развернутая публикация из Томска, рассказывающая о решениях президиума томских городского и областного советов народных депутатов о поддержке обращения президента РСФСР, трансляции его указа на телевидению и радио, о принятии дополнительных мер по охране объектов жизнеобеспечения и общественного порядка, а также о состоявшейся в тот же день встрече ветеранов Афганистана, где также поддержали Б.Н. Ельцина.

Осознав важность нового канала коммуникации, многие предприятия и органы власти стали обзаводиться адресами электронной почты, одним из первых пользователей стал Облсовет Томской области. В архиве сети *Usenet* можно найти email-карты, списки адресов электронной почты на пространстве бывшего СССР, которые позволяют установить первых акторов цифровых медиатизированных интеракций. Так, в 1992 г. в Томске уже было не менее 20 активных адресов электронной почты⁴. Полагаем, в реальности к этому моменту их было больше. Еще в 1991 г. своими электронными адресами обзавелись Институт физики прочности и материаловедения СО АН СССР, Томская

товарообменная биржа, НИИ ЯФ. Первым традиционным СМИ, использовавшим электронную почту, была телекомпания ТВ-2, как минимум с 1993 г. – *tv2@tv2.tomsk.su*. Следом в 1994 г. появился адрес электронной почты у газеты «Всё для вас».

Для передачи электронной почты в то время использовался протокол UUCP (сокр. от англ. *Unix-to-Unix CoPy*), основой для которого была операционная система *Unix*. Ее копия в 1983 г. попала в СССР, где система была доработана и представлена в виде продукта ДЕМОС (Диалоговая Единая Мобильная Операционная Система), в которой также протокол UUCP использовался для передачи почты и новостей (телеконференций). Для передачи электронной почты по этому протоколу компьютеры связывались друг с другом напрямую, поскольку интернет не представлял собой единую сеть, как сейчас. Возникали сложности, например, с отправкой электронной почты из одной сети в другую. Некоторые почтовые сервисы были доступны только в пределах работы одного провайдера.

Поиск по сообщениям в архиве *Usenet* показывает, что томичи в начале 1990-х в основном публиковали там свои резюме для поиска работы за рубежом, искали решения проблем с компьютерным ПО и публиковали свои решения по этой теме. Иностранцы же интересовались советами по поводу визита в Томск, а также переживали по поводу аварии на СХК – наибольшее количество сообщений про Томск в 1993 г. связано именно с этим событием. Один из респондентов исследования рассказывает, что в компании, где он работал, о самой аварии узнали именно из компьютерной сети.

На веб-сайте Администрации города Томска в разделе «Средства массовой информации» существовал раздел «Телеконференции UseNet», в котором были три ссылки: *fido7*, *relcom* и *tomsk*, эти ссылки не имеют содержательных пояснений, но свидетельствуют о существовании актуальных на тот момент виртуальных пространствах для общения томичей в этой сети.

В начале 1990-х гг. после снятия запрета на поставку компьютерной техники в СССР и в связи с появлением свободного рынка, компьютерная техника стала распространяться в организациях и среди частных пользователей. Появляется возможность подключаться не только через первых провайдеров к сети *Relcom*, но и к любительским FTN-сетям, таким как *FidoNet*, которая существенно отличалась от современного способа коммуникации в интернете – это была так называемая офлайн-сеть. Во-первых, как и ранние форматы электронной почты, связь осуществлялась через прямое соединение двух компьютеров по модему, во время которого осуществлялся обмен заархивированными данными: сообщениями электронной почты, телеконференций и проч. Во-вторых, это была иерархическая сеть, где помимо конечных пользователей также были узлы, региональные сети узлов и зоны, через которые последовательно осуществлялся обмен информацией. Основной формой обмена информацией пользователями были BBS (*bulletin board system*), электронные доски объявлений. Именно в формате BBS традиционные медиа стали эксперимен-

тировать с запуском своих электронных версий, одной из первых среди которых была *Electronic Trib* – BBS газеты *The Albuquerque Tribune*, запущенная в 1990 г.

В 1992 г. была зарегистрирована томская региональная сеть *Fido 5005*, появляются первые томские узлы, судя по архиву сети *Usenet*, в 1994 г. в Томске было не менее 16 узлов сети *Fido*. Например, адрес ТГУ в *Fido* был таким: 2:5005/12, где 2 – зона (Западная и Восточная Европа), 5005 – Россия (50), Томск (05), 12 – узел ТГУ. Наибольшая активность томских пользователей в этой сети наблюдается в 1993–1999 гг. На этот период приходится наибольшее количество активных узлов сети в Томске, как и в остальном мире.

В 1993 г. Олег Абрамов, работая в компании «Крук и компания», стал автором одного из первых цифровых изданий в Томске – это была телеконференция *stocks.siberia.tomsk*, создатели которой позиционировали её как журнал для бизнеса, где публиковались стоимость российских и томских акций, курсы валют, ситуация на рынках недвижимости, а также криминальные новости Томска, связанные с бизнесом. В середине 1990-х гг. в печатных изданиях уже можно было встретить материалы, написанные по результатам анализа цифровых медиаресурсов. Так, в журнале «Формула успеха» была опубликована статья с рекомендациями по выбору настольного компьютера, написанная по результатам анализа обсуждений и содержащая отметку, что автор «изучал телеконференции» для подготовки материала.

В это время количество потенциальных пользователей интернета оставалось небольшим, и первые участники рынка информационных услуг и компьютерной техники предприняли попытку популяризации ПК и интернета. Бывший сотрудник *Trecom*, одной из фирм, разрабатывавшей сайты тонета, Евгений Шандаров рассказывает, что в 1993 г. для этого была организована выставка «Мультимедиа Мания» в Томском областном театре драмы, где были представлены компьютеры, многообразие их компонентов и периферийных устройств, также туда был прокинут интернет-кабель из офиса МПЭКС, а его специалисты продемонстрировали первый браузер Mosaic, чтобы посетители увидели, как на экране загружаются изображения с американского веб-сайта.

В 1991–1992 гг. через МПЭКС к сети подключаются университеты: сначала ТИАСУР (сейчас ТУСУР), следом ТГУ. Позже оба университета организуют собственные каналы доступа через сеть *RELARN* (*Russian Electronic Academic Research Network*), которой занималась Ассоциация научно-образовательных организаций, куда в том числе входил Курчатовский институт, целью которой было преодоление коммуникационной изоляции научно-образовательного сообщества России. Позже эта сеть была преобразована в систему доступа к магистральной сети RBNet (*Russian Backbone Network*), через которую в последующем университеты получили доступ к интернету на более высоком технологическом уровне.

Цифровые медиатизированные коммуникации в период 1990–1994 гг. имели отличную от современной практику использования, но уже тогда это был важный инструмент для получения информации, в том числе

традиционными медиа. Исследователь интернет-географии Ю.Ю. Перфильев называет этот период в истории российского интернета этапом формирования начальной телекоммуникационной интернет-инфраструктуры [39. С. 30]. Относительно томского интернета этот период можно назвать «претонетом», когда также начинает формироваться интернет-инфраструктура, первые пользователи уже появились, но пока не существовало собственно томских интернет-ресурсов. Появившиеся в нецифровых виртуальных сообществах и офлайн-сетях принципы самоорганизации и такие явления, как никнеймы, подписки, флуд, бан, FAQ (ЧаВо) и спам, стали стандартами в интернете и, в частности, тонете.

Этап с 1991 по 1996 г. характеризуется появлением интернета в Томске и первых пользователей. Можно выделить следующие особенности этого этапа:

- основной тип коммуникации – медиатизированная интеракция, которая не может быть приравнена к массмедиа;
- основные акторы: органы власти, вузы, IT-специалисты;
- отсутствие собственно томских веб-ресурсов;
- отсутствие единых стандартов и протоколов доступа (многообразие сетей);
- основной формат коммуникации – электронная почта;
- минимум медиаартефактов за данный период.

Второй этап: появление инфраструктуры и виртуальных сообществ

В 1995 г. компьютерная фирма «Стек», которая с 1992 г. занималась подключением к сети томских банков по протоколу X.25, начинает опыты с оптоволоконной связью. Университеты тоже начинают развивать свою цифровую инфраструктуру, строят свои оптоволоконные сети для доступа к интернету и локального обмена данными.

В 1996 г. появляются веб-сайты города Томска и Томского государственного университета, на последнем начинает публиковаться электронная версия корпоративной газеты *Alma Mater* (самый ранний выпуск доступен за 17 декабря 1996 г.). Анализ веб-архивов показывает, что из традиционных медиа эта газета первая, которая начала публиковать свои материалы в интернете. Первые сайты активно создавались при участии провайдеров, в частности сайты *tomsk.ru* и другие были созданы при участии CISA для популяризации интернета среди своих потенциальных абонентов. Этот же принцип был положен в 1996 г. в основу первого интернет-издания блогера и стартап-менеджера Антона Носика «Вечерний интернет», который появился на сайте столичного провайдера «Ситилайн», продававшего поминутный доступ в интернет и тут же предлагавшего потратить эти минуты на чтение своего издания.

В 1996 г. появился веб-сайт «электронного научного журнала «Наука Сибири», веб-версия которого выходила с 1997 по 1999 г., в дополнение к которому были запущены телеконференции *tomsk.sci.ref* и *tomsk.sci.d* для обсуждения публикаций журнала в сети

Relcom. Это пример существования одного издания в различных сетях и форматах цифровой медиатизированной коммуникации, имеющий схожие черты с современным трансмедийным подходом при проектировании изданий, где разные функции получают версии издания в разных медиасредах [40]. В том же году фирма «Консультант» зарегистрировала домен *tsk.ru*, разместила на нем сайт своего филиала и пробовала публиковать там в виде дайджеста материалы газет «Красное знамя» и «Томский вестник», чтобы привлечь пользователей к своему сайту и прорекламировать свои услуги, в том числе провайдерские. Веб-версии газет на данном сайте быстро перестали обновляться и вскоре появились собственные веб-сайты этих СМИ.

Кроме того, на томском рынке в 1996 г. появился провайдер «Томика», который помимо прочего предоставлял информационные услуги: биржевые бюллетени, курсы валют, экономические и аналитические издания, сервисы электронной почты.

В течение 1997 г. появляется сайт Томского политехнического университета, где, в частности, спустя год начинает публиковаться корпоративная газета «За кадры». Начинают работать сайты Администрации города Томска, газеты «Красное знамя», последний, правда, содержал на тот момент в основном выходные данные издания и контакты с отделами редакции.

Обращает на себя внимание роль Томского государственного университета как одного из наиболее значимых факторов появления и развития новых коммуникативных практик, цифровых изданий, мультимедийных проектов, в целом интернет-среды региона и того, как в этой среде развивалась томская журналистика и авторы-энтузиасты. Цифровизация Томского университета началась еще в 1957 г., «когда было принято решение о создании в университете проблемной лаборатории счетно-решающих устройств и вычислительного центра». Центр оснащался все более совершенными средствами вычислительной техники – от «Урала-1» к ЕС 1060 и «Эльбрусу», открывая возможности для применения методов и средств информатики в научном поиске и обучении [41. С. 136].

В качестве одной из предпосылок, определивших интерес Томского университета к скорейшему подключению к интернету, С.Л. Ляхович называет в интервью присоединение СССР в 1973 г. к Всемирной конвенции об авторском праве, которое привело к прекращению практики распространения «пиратских версий» зарубежных научных журналов, которые переводились, печатались и распространялись по научным учреждениям. В результате, например, в Томске остро чувствовался недостаток зарубежной научной литературы, ученым приходилось ездить в Москву, чтобы работать с оригиналами журналов в библиотеке и делать достаточно дорогие фотокопии нужных статей.

Интернет, который на заре своего существования был прежде всего распространен в университетах, предоставлял возможность получить легальный доступ к препринтам статей из ведущих научных журналов. Работая именно в ЦЕРНе, в 1989 г. Тим Бернерс-

Ли предложил глобальный гипертекстовый проект, теперь известный как «Всемирная паутина» (*World Wide Web*), принцип работы сети, который сейчас чаще всего приходит на ум, когда говорят об интернете. Язык описания веб-страниц HTML, созданный им, до сих пор несет в себе логику описания прежде всего научных статей.

В конце 1994 г. ректорат ТГУ принял решение о разработке концепции информатизации ТГУ, эта работа проводилась в рамках федеральной программы информатизации высшего образования Российской Федерации. Уже тогда были сформулированы задачи по цифровизации основных сфер деятельности университета, в том числе в рамках учебного процесса, научной деятельности, культурного наследия, книгоиздательства и административной деятельности [42. С. 131].

Заметные изменения в расстановке интернет-ресурсов Томска принесли гранты Фонда «Открытое общество» Джорджа Сороса, также РФФИ и РФГН, по ним в ТГУ было поставлено оборудование, благодаря которому университет стал важнейшим актором развития не только городской интернет-инфраструктуры, но и площадкой для запуска первых интернет-представительств традиционных региональных СМИ: сайта телекомпаний ТВ-2 и новостной программы АТФ-новости (ГТРК), газеты «Всё для вас» и подросткового издания «Вместе». А также множества сайтов и сервисов самой различной тематики: информационного сайта «Новости. Время томское», галерей графики, справочных систем, сервиса отправки сообщений на пейджеры, сервиса перевода кодировки, чат-системы *Tonight* и веб-сайта Управления внутренних дел Томской области. Все эти ресурсы были запущены при участии «Интернет-центра ТГУ» и располагались на университетском сервере, что делало вуз крупнейшим актором томского интернета.

Евгений Шандаров в интервью рассказывает, что одной из причин создания новостного сайта телепередачи АТФ-Новости компанией *Trecom* была необходимость расширения аудитории интернет-пользователей для привлечения внимания к интернет-магазину *enjoy.tomsk.ru*, который, в частности, продавал компакт-диски. Евгений говорит, что в то время он несколько раз посещал телекомпанию, чтобы понять, как им встроиться в редакционный процесс и передавать тексты новостей на сайт. В результате он обратил внимание, что синхроны выпусков набираются в программе *Microsoft Write* для распечатки и визирования, на случай возможных судебных исков, причем эти файлы даже потом не сохраняются. В результате программа на компьютере была заменена на *Microsoft Word* (сохранив при этом иконку *Write*), которая поддерживала макросы, и при нажатии на кнопку «Печать», файл не только печатался, но и сохранялся, запускался звонок по модему и файл отправлялся на сайт, расположенный на сервере ТГУ. Вскоре появился сайт телеканала ТВ-2, который также разработали в *Trecom* и разместили на сервере ТГУ.

Какие были причины массового появления сайтов изданий, организаций на серверах ТГУ в конце 1990-х? Основной задачей на тот момент было вовлечение

наибольшего количества акторов в расширение инфраструктуры сети, а также повышение уровня репрезентации региона во внешнем интернете. Ну и, конечно, также это было возможностью для заработка сотрудников, создающих сайты.

Интернет 1990-х гг. оставался территорией, свободной от регулирования и основными акторами коммуникации являлись IT-специалисты. Респондентами отмечалось, что привлекались и журналисты, редакторы, но какие-то страницы – явно индивидуальное творчество людей, которые занимались его разработкой, имеющих доступ к инфраструктуре и обладающих соответствующими навыками. Они добавляли на сайты, например, томских университетов и газет неформальные, на современный взгляд, разделы. Как правило, это были списки интересных веб-сайтов (линк-листы) или справочники, посвященные интернет-технологиям и программированию. Например, раздел «Разное» официального сайта ТГУ содержал ссылку в такой формулировке: «Томский политический театр открывает очередной сезон. Премьера сезона – “Выборы в Государственную Думу”. Содержание спектакля, действующие лица и исполнители, рецензии на спектакль – ежедневно на www.politika.tomsk.ru». Этот раздел сайта в тот момент содержал множество оригинально сформулированных ссылок на ресурсы томского интернета. А в том же году старый сайт СибГМУ после запуска новой версии на другом домене превратился в неофициальный, наполненный коллекциями софта, музыки, информацией на компьютерную тематику и т.д. Что также свидетельствует о большом влиянии на формирование цифровой медиасреды в тот момент аййтишников, о котором также упоминали в своей статье Г. Асмолов и П. Колозарики [24].

Интернет и FidoNet в это время становятся пространствами формирования первых томских виртуальных сообществ. Помимо появления возможности обмена сообщениями на веб-чатах, упомянутых выше, и форумов, существовали и другие цифровые форматы медиатизированной коммуникации, например, уже начиная с 1995 г. в Томске появляются IRC-сети, первым сервером для которых стал irc.fet.tiasur.tomsk.su. Этот формат медиатизированной онлайн интеракции стал очень популярным в конце 1990-х гг., заметным явлением в общероссийском сегменте интернета стали IRC-конференции онлайн-издания *Zhurnal.Ru* с группой «АукцЫон», писателем Виктором Пелевиным и др.

На сайте газеты «Красное знамя» за 1998 г. можно было найти персональные страницы некоторых сотрудников, которые рассказывали о себе, делились контактами и ссылками на свои коллекции музыки, компьютерных игр и фильмов. Например, существовала персональная страница дизайнера газеты Алексея Конькова, который рассказал в интервью, что он таким образом в свободное от работы время, имея доступ к компьютеру, доступ к интернету и права на редактирование сайта газеты, учился создавать веб-страницы, изучал на практике язык разметки веб-страниц (HTML).

Роль университета в развитии «томской медийной аномалии» заключается не только в том, что ТГУ запустил один из первых сайтов в Томске, а его корпоративное издание стало первым печатным изданием, публикуемым в томском интернете. Есть также несколько значимых, но менее очевидных аспектов: построение крупного инфраструктурного сегмента сети, хостинг множества разнообразных региональных медиапроектов, открытие доступа к интернету множеству новых пользователей, развитие онлайн-сообществ, вовлечение новых акторов в построение интернет-среды Томска, конечно, подготовка кадров и многое другое. Эти факторы во многом определили путь развития того самобытного явления, которое сейчас принято называть «тонет» и то, как томская журналистика начала путь к цифровой трансформации.

Итак, второй период от появления томских интернет-ресурсов в 1996 г. до формирования общегородской интернет-сети (тонета) в 1998 г. уже можно назвать «ранним тонетом», поскольку на данном этапе сформировались основные сегменты будущей сетевой инфраструктуры, начали свою деятельность первые акторы будущего интернет-сообщества. Описывая особенности формирования российского интернета, Ю.Ю. Перфильев называет этот период этапом «провайдинговым», «когда развитие сектора интернет-услуг происходило практически полностью в рамках предоставления услуг по подключению к Интернету» [39].

В целом интернет-среда середины 1990-х гг. обладала множеством специфических особенностей. На тот момент существующие операционные системы и браузеры требовали от создателей сайтов подготовить разные версии, например, с контентом страниц в разных кодировках. *Lingua franca* интернета был английский язык, потому что практически все сайты в Томске до 1997 г. имели англоязычную версию по умолчанию. А любительский сайт города Стрежевого в 1996 г. вообще был только на английском языке.

Особенности «раннего тонета» (1996–1998 гг.):

- основной тип коммуникации в веб-среде – медиатизированная квазиинтеракция;
- отсутствие единых стандартов отображения веб-страниц;
- английский – язык веб-сайтов по умолчанию;
- формирование первых виртуальных сообществ вокруг интернет-ресурсов: узлов *FidoNet*, веб-сайтов и др.;
- основные акторы: органы власти, вузы, школы, IT-компании, интернет-энтузиасты;
- ключевая роль вузов в формировании цифровой медиасреды;
- наполнением и развитием веб-ресурсов занимаются IT-специалисты, обладающие доступом к технологиям и необходимыми навыками.

Особенности интернет-журналистики в среде «раннего тонета»:

- отсутствие единого понимания как развивать СМИ в интернете: просто сайт-визитка, размещение материалов и цифровых реплик печатных выпусков или обособленная новостная лента;
- свобода самовыражения сотрудников на сайте издания (низкий уровень внимания к редактированию);

- появление первых *digital first* (т.е. прежде всего для цифровой медиасреды) изданий и новостных агрегаторов;
- новые форматы интернет-ресурсов выполняют навигационную функцию, но не заменяют собой масс-медиа.

Этап третий: расцвет тонета

Во второй половине 1990-х гг. развитие оптоволоконных сетей провайдеров в городе продолжалось. Так, «сети Томского государственного университета и “Стека” были буквально переплетены между собой» [43. С. 42]. Частично они уже использовали инфраструктуру друг друга для обеспечения доступа абонентов в интернет. Однако пользователь, посещающий томский сайт, продолжал получать данные через московскую точку пиринга – MSK IX, построенную в 1995 г. Например, сотрудник ТГУ, открывающий сайт «Томики», получал данные через Москву, хотя сервер находился на расстоянии 500 м. Потому ключевым решением для развития томского интернета стало появление своей IX (*Internet Exchange Point*), при подключении абонентов к любому томскому сайту таким образом, что трафик остается в Томске. Вследствие этого абонент получал более высокую скорость соединения и низкую стоимость трафика. Инициатором создания томской пиринговой точки являлся Владимир Водолажко – директор провайдера «Томика». TSK-IX имел более чем 30 участников: провайдеры г. Томска и Северска, хостинговые компании, контент-провайдеры, корпоративные, научные и образовательные сети [44].

Вскоре установилась единая цена абонентской платы, которая оставалась неизменной на протяжении нескольких лет – 200 руб. в месяц (240 руб. после НДС) за безлимитный томский трафик плюс внешний трафик по цене 3 руб. за каждый мегабайт данных. Вследствие этого большинство пользователей стремилось по возможности пользоваться томскими ресурсами. Так начал формироваться *тонет* – сеть томских интернет-ресурсов с бесплатным доступом для абонентов. Считается, что название «тонет» впервые было использовано в авторском обзоре сайта томского дизайнера и копирайтера Артемия Фоминых «Ровинциальная Кривда» в феврале 2001 г. [45]. В монографии Ю.Ю. Перфильева «Российское интернет-пространство: развитие и структура» 2001 г. слово «тонет» уже употребляется в значении «интернет Томской области» [46].

Упомянутая выше работа Ю.Ю. Перфильева содержит статистическую оценку тонета в плане количества пользователей и ресурсов, которые существовали, но приведенные цифры заставляют усомниться в их точности. И это связано опять-таки с условиями тарификации – многие томские ресурсы закрывали доступ для «внешних» пользователей и доступ к ним могли получить только внутри тонета. Так, в монографии приводится количество томских сайтов в 2001 г. – 93, что очевидно не соответствует реальности. Автор в качестве критерия принадлежности сайта к томскому интернету считает его привязку к домену второго уровня

tomsk.ru. Наше исследование медиаресурсов по каталогам и линк-листам сайтов тонета демонстрирует наличие в 2001 г. не менее 80 сайтов только среди СМИ, информационных ресурсов и авторских блогов. Множество городских сайтов были привязаны, например, к домену ТГУ – *tsu.ru*, как уже упоминалось выше, или альтернативным региональным доменам *tsk.ru* и *tom.ru*. Магистрант ТГУ Н.А. Смирнов в своей исследовательской работе посчитал, что к концу 2009 г. тонет включал в себя приблизительно 5 600 сайтов, из которых в категорию СМИ он отнёс 144 ресурса [43. С. 64].

Первыми цифровыми масс-медиа в тонете можно считать сайт *tomsk.ru* и корпоративные сайты университетов, которые начали публиковать новости о своей деятельности и вскоре организовали разделы своих газет, например, *Alma mater* ТГУ. За ними последовали традиционные городские издания и телеканалы, которые использовали свои веб-сайты по-разному от сайтов-визиток (газета «Красное знамя») до полноценных новостных лет (ТВ-2, АТФ-Новости, «Томский вестник», «Всё для вас»). В 2000 г. стали появляться полностью ориентированные на онлайн-издания, такие как «Новости время томское», «Деловой обзор», «Томская политика» и полностью авторские проекты, такие как «Ровинциальная Кривда», *Spiders* и др. Всего в рамках исследования было выявлено более 80 томских цифровых изданий, существовавших в период с 1993 по 2001 г. После 2001 г. количество таких проектов сокращается, и фокус смещается на поддержание социальных ресурсов, таких как форумы, чаты, файлообменные ресурсы, которые по типу коммуникации ближе к медиатизированной онлайн-интеракции.

Важными событием в жизни города и непосредственно тонета, объединявшим офлайн- и онлайн-среду г. Томска, являлись конкурсы и фестивали, проводимые среди местных веб-мастеров и дизайн-студий. Первым подобным мероприятием являлся конкурс «Томский сайт – 2000», организованный в июле 2000 г. совместными усилиями департамента связи Томской области и агентства «Томика». Конкурс проводился среди сайтов, создаваемых и поддерживаемых непосредственно жителям г. Томска – всего было представлено 190 сайтов, конкурировавших в девяти номинациях, одна из которых – «СМИ – информационные агентства, электронные СМИ, новостные сайты, периодические издания», в которой первое место разделили «Радио «Сибирь» и «Томский вестник» [47].

Итоги «Томского сайта» вызывали много споров и обсуждений в тонете. Критики ссылались на субъективность жюри в процессе оценки сайтов-конкурсантов, но благодаря этому конкурсу мы сегодня имеем возможность оценить цифровой медиаландшафт Томска 2000 г. Спустя два года был проведен конкурс «ТЕГ» / «TAG» (*Tomsk Active links Gallery*, или Томское Ежегодное Голосование), который, по оценкам, прошел на более высоком уровне. Его организаторами стали составители и редакторы газеты «Компьютерра+Томск». Впоследствии этот конкурс проводился еще дважды; по сайтам каждого конкурса мы также можем исследовать наиболее активных акторов томского интернета и специфику его развития.

Важнейшими источниками о медиаресурсах томского интернета, которые остаются доступными в архивных копиях *The Wayback Machine*, являются каталоги и рейтинги томских сайтов, такие как *stars.tomsk.ru* и *catalog.tomsk.ru*, а также сети обмена баннерами. Эти сети могут служить косвенным источником информации о посещаемости сайтов, поскольку в архивных копиях можно увидеть цифры показов баннеров, среди участников сети.

Традиционно одним из самых популярных ресурсов тонета была электронная почта: *mail2000.ru* – сервис начал работу 15 декабря 1999 г., имел только веб-интерфейс, позднее в 2007 г. также появился ставший достаточно популярным сервис *sibmail.com*. Кроме того, свои службы электронной почты развивали и университеты: ТГУ, ТПУ, ТУСУР и др. Как правило *mail2000.ru* делил первое место по популярности в рейтингах с сайтом *weather.tomsk.net*, который предоставлял прогноз погоды.

Популярным явлением томского интернета стали блог-платформы, площадки UGC (от *user generated content*) – ключевого элемента эпохи *Web2.0*. В Томске такими платформами были *crazys.info*, *gorod.tomsk.ru*, *klopp.ru* и *thebytes.ru*, где зарегистрированные пользователи могли делиться своими материалами.

Большой популярностью пользовались интернет-форумы как общей тематики, такие как *forum.tomsk.ru* (также известный как FTR), *tomsk.ru/forum*, *forum.vtomske.ru* и другие, а также тематические форумы по интересам и субкультурам: *fantasy.tomsk.ru*, *kiss.tomsk.ru*, *underworld.tomsk.ru*. Другим популярным форматом интернет-общения в томском интернете были веб-чаты: *tonight.tsu.ru*, *tusovka.tomsk.ru* и *chat.tomsk.ru* (известный как «Чат Общага») и IRC-каналы. С ростом популярности мессенджера ICQ у многих томских провайдеров появились возможности настроить этот мессенджер таким образом, чтобы обмен данными шел бесплатно через тонет.

Поисковые системы и глобально были еще мало развиты, в Томске тем более, но они существовали. Например, есть данные про томский поисковик *Sēarch* (sic!), его база поиска на 2001 г.: 1 651 веб-страница на 218 серверах. А также были *fpsearch.tomsk.ru* и *seek.tomsk.ru*. Поэтому многие сайты (организаций, изданий, даже магазинов) содержали собственные линк-листы (каталоги ссылок), политика составления которых заметно отличалась как по составу, так и по формату представления информации (список, таблица), наличию комментариев и степени их формальности.

Стараясь минимизировать внешний трафик в Томске, создавались «зеркала» популярных в российском сегменте интернета ресурсов: электронная почта, библиотеки и т. п. Можно отметить, что даже создавались издания, которые одновременно были доступны на разных серверах, содержание которых было зеркально. Так, запущенный при поддержке РФФИ научный журнал «Химия растительного сырья» на своем сайте имел раздел «Зеркала», где можно выбрать «Зеркало на сервере Новосибирского Института Органической химии» и «Зеркало на сервере Томского политехнического университета».

Описывая развитие российского интернета после 1999 г., Ю.Ю. Перфильев называет его этапом развития различных направлений интернет-бизнеса (контентным этапом) [39. С. 30]. И именно на этапе необходимости монетизации контента развитие тонета затормозилось, поскольку как отмечается в монографии под ред. П. Колозарики «Интернет и города России», «у тонета – в отличие от веба, WWW – не было утопии» [4. С. 93]. Он появился как решение по оптимизации обмена трафика и перестал быть таким востребованным, когда исчезла «внешняя» граница и безлимитные тарифы стали распространяться не только на томский, но и на весь глобальный интернет. Тонет начал постепенно терять прежнюю роль, но остался важной частью городского интернета. После 2008 г. этот процесс еще больше ускорился. Сегодня большинство знаменитых в свое время ресурсов тонета стали недоступны для просмотра, кроме как в виде набора архивных копий.

Третий этап развития томского интернета – это собственно «тонет» (1998–2008 гг.). Это сформированная среда, где есть десятки тысяч пользователей, тысячи веб-ресурсов, получает широкое развитие интернет-культура. Вот ключевые особенности «тонета»:

- взрывной рост количества интернет-сайтов в томском интернете;
- распространение медиатизированной онлайн-интеракции как типа коммуникации;
- городские «виртуальные сообщества» вокруг медиаресурсов, форумов, чатов;
- любительские сети с бесплатным доступом к внутренним городским ресурсам;
- «зеркала» внешних сайтов для бесплатного доступа внутри городской сети;
- многие ресурсы закрыты для «внешнего интернета» из-за опасения высокого трафика – их исследование затруднено;
- основные акторы: вузы, IT-компании, домашние пользователи.

Выводы

Интернет появился в Томске в 1991 г. и прошел в своем развитии три основных этапа:

- первый этап (1991–1996 гг.), когда появились интернет-пользователи, но собственных интернет-ресурсов практически не было, а основной формой коммуникации была электронная почта;
- второй этап (1996–1998 гг.), когда формировались элементы городской сетевой инфраструктуры, появлялись веб-среда и первые виртуальные сообщества пользователей, происходило становление интернет-культуры;
- третий этап (1998–2008 гг.) – расцвет томского интернета (тонета), когда пользователям было максимально выгодно пользоваться собственными, томскими интернет-ресурсами: электронной почтой, новостными сайтами, сервисами обмена файлов и сообщений, «зеркалами» внешних сайтов и др.

В 2008 г. с приходом в город крупных российских провайдеров, предлагающих недорогие безлимитные тарифы, у пользователей исчезла экономическая мотивация

пользоваться внутригородскими веб-ресурсами, а популярные городские ресурсы были вытеснены из внимания набирающими популярность социальными сетями.

Если судить по данным Росстата на 2023 г., процент использования интернета организациями в Томской области незначительно выше, чем в соседних регионах и в среднем по стране [48. С. 892], хотя, когда собирались первые данные в 2005 г., процент организаций, имеющих веб-сайт в регионе, был вдвое выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу, и соответствовал уровню Московской области [49. С. 615].

На рубеже 1990–2000 гг. в Томске сложилась уникальная ситуация в развитии городской интернет-инфраструктуры: бесплатный внутригородской трафик данных подталкивал провайдеров, университеты, традиционные медиа и энтузиастов к развитию городских интернет-ресурсов. К 2001 г. было создано не менее 80 цифровых изданий. Однако недоступность большинства веб-ресурсов, упомянутых в данной статье, демонстрирует хрупкость сохранения истории цифровых медиа, особенно имеющих региональную специфику и небольшую посещаемость. Последний фактор напрямую влияет на сохранение архивных копий для их исследования.

Проведенный анализ показал, что на первом этапе формирования цифровой медиасреды ключевыми акторами являлись IT-специалисты, но расцвета и полноценного развития данный феномен достиг за счет активного участия университетов в данном процессе.

Партнерство вузов и провайдеров дало большой толчок развитию инфраструктуры, что в свою очередь привело к расширению списка форматов доступных цифровых медиа и, как следствие, увеличению числа пользователей и вовлечения в процесс других важных общественных институтов. Это простимулировало массмедиа к полноценному развитию в интернет-среде и отказу от использования веб-ресурсов только как платформы агрегации материалов и информирования пользователей о доступных для них изданиях.

Развитие цифровой среды в городе Томске – важный элемент развития интернет-журналистики, которое продолжается и по сей день. Мы рассмотрели томский интернет с точки зрения основных этапов развития цифровых форм медиатизированной коммуникации, представили, как менялись цифровые массмедиа в период 1991–2001 гг., когда СМИ только нащупывали пути развития в этой новой среде. Ретроспективный анализ убедительно демонстрирует, что, достигнув пика по количеству цифровых массмедиа в 2001 г., тенденция пошла на спад, так как интерес к прямой копии печатных медиа в новой среде быстро угас. Медиа были вынуждены искать новые подходы к развитию в цифровой среде, которые не ограничиваются только выбором актуальных технологий дистрибуции контента. И на этом – современном этапе – ключевыми акторами медиаландшафта должны быть уже не вузы и IT-специалисты, а профессиональные коллективы журналистов с пониманием принципов существования цифровой среды.

Примечания

¹ URL: <https://web.archive.org/>

² Транслитерация: «Предпринята попытка государственного переворота, отстранен от должности президент СССР». Текст письма из новостной группы Usenet доступен по ссылке: https://groups.google.com/g/talk.politics.soviet/c/n_6MIFurKs/m/CyPFdKeDXT0J (дата обращения: 29.10.2024).

³ Транслитерация: «В Томской области и городе вроде все спокойно, народ в подавляющем большинстве поддерживает Ельцина». Архив сообщений доступен по ссылке: <https://www.cs.oswego.edu/~dab/coup/> (дата обращения: 29.10.2024).

⁴ Текст письма из новостной группы Usenet доступен по ссылке: https://groups.google.com/g/soc.culture.soviet/c/Qxj7ejjRXk/m/8-yzF132_2MJ (дата обращения: 29.10.2024).

Список источников

1. Volume of data/information created, captured, copied, and consumed worldwide from 2010 to 2020, with forecasts from 2021 to 2025 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/> (дата обращения: 29.10.2024).
2. Pew Research Center. May 2024. «When Online Content Disappears». URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2024/05/pl_2024.05.17_link-rot_report.pdf (дата обращения: 29.10.2024).
3. The Internet Archive is under attack, with a breach revealing info for 31 million accounts // The Verge. URL: <https://www.theverge.com/2024/10/9/24266419/internet-archive-ddos-attack-pop-up-message> (дата обращения: 29.10.2024).
4. Интернет и города России : коллект. монография / под ред. П. Колозари, О. Довбыш. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 200 с.
5. Юлдашев Л. Тонет – реконструкция одной истории // Неприкосновенный запас. 2020. № 2 (130). С. 72–94.
6. Жиликова Н.В., Мишанкина Н.А., Ершова В.Е. Трансформации региональной медиасистемы с 1990-х до 2020-х годов (на примере Томска и Томской области) // Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2022. С. 117–119.
7. Jamieson J., Yamashita N., McEwen R. Bridging the Open Web and APIs: Alternative Social Media Alongside the Corporate Web // Social Media + Society. 2022. № 8 (1). doi: 10.1177/20563051221077032
8. Polatin-Reuben D., Wright J. An Internet with BRICS characteristics: data sovereignty and the Balkanisation of the Internet // Usenix. 2014. URL: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).
9. Thompson J. The Media and Modernity. Cambridge : Polity Press, 1995. 322 p.
10. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа : учеб. для вузов. 2-е изд., исправл. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. (Учебники Высшей школы экономики). 423 с.
11. Thompson J.B. Mediated Interaction in the Digital Age // Theory, Culture & Society. 2020. № 37 (1). P. 3–28. doi: 10.1177/0263276418808592
12. A Handbook of Media and Communication Research: Qualitative and Quantitative Methodologies / ed. by K.B. Jensen. 3rd ed. Routledge, 2020. doi: 10.4324/9781138492905
13. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М. : Кучково поле, 2014. 464 с.
14. The Routledge Companion to Global Internet Histories / eds. by G. Goggin, M. McLelland. 1st ed. Routledge, 2017. doi: 10.4324/9781315748962
15. Hafner K., Lyon M. Where Wizards Stay up Late: The Origins of the Internet. 1st ed. Simon & Schuster, Inc., 1996.
16. Jones Q. Virtual-Communities, Virtual Settlements & Cyber-Archaeology: A Theoretical Outline // Journal of Computer-Mediated Communication. 1997. Vol. 3, № 3. doi: 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00075.x

17. Мишанкина Н.А., Жиликова Н.В., Вершинин В.А., Ершова В.Е. «Томская медийная аномалия»: методологическая модель исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 269–286. doi: 10.17223/19986645/85/14
18. Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications / eds. by E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley, Calif. : University of California Press, 2011. 366 p.
19. Huhtamo E. From Kaleidoscomaniac to Cybernerd: Notes toward an Archaeology of the Media. Erkki Huhtamo // Leonardo. 1997. Vol. 30, № 3. P. 221–224. doi: 10.2307/1576453
20. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М. : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 440 с.
21. Faxpapers: A Lost 1930s Technology That Delivered Newspapers via Radio // Gizmodo. URL: <https://gizmodo.com/faxpapers-the-lost-dream-of-delivering-newspapers-thro-1682383694> (дата обращения: 29.10.2024).
22. Lessons Learned: IT's Biggest Project Failures // PC World. URL: https://www.pcworld.com/article/537052/it_project_failures.html (дата обращения: 29.10.2024).
23. Are Digital Magazines Dead? // The Wired. URL: <https://web.archive.org/web/20141204094417/http://www.wired.com/2014/10/are-digital-magazines-dead/> (дата обращения: 29.10.2024).
24. Asmolov G., Kolozaridi P. The imaginaries of RuNet: The change of the elites and the construction of online space // Russian Politics. 2017. Vol. 2, № 1. P. 54–79.
25. Алексеев К.А. К проблеме периодизации истории спортивной журналистики в России // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 2. С. 175–185. doi: 10.21638/11701/spbu09.2018.202
26. Лайкова Я.В. Инфографика в российских СМИ: периодизация и тренды развития // Медиаскоп. 2015. № 2. URL: <http://www.media-score.ru/1712> (дата обращения: 29.10.2024).
27. Ключевская О.С. Отечественное детское телевидение: к вопросу ретроспективной периодизации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39, № 3. С. 331–344.
28. Жиликова Н.В. Периодизация развития журналистики Томской губернии / Томской области // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 5. С. 63–81. doi: 10.30547/vestnik.journ.5.2022.6381
29. Алгави Л.О. К вопросу о периодизации российской онлайн-журналистики // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 3. С. 76–85.
30. Градюшко А.А. Периодизация региональной веб-журналистики в контексте развития цифровых технологий // Рэгіянальныя СМІ Рэспублікі Беларусь у лічбавую эпоху: ад лакальнай праблематыкі да інфармацыйнай бяспекі дзяржавы : мат. III Рэспуб. навук.-практ. канф. Мінск, 2021. С. 54–58.
31. Визель М.Я. Создатель. Жизнь и приключения Антона Носика, отца Рунета, трикстера, блогера и первопроходца, с описанием трех эпох Интернета в России. М. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. 496 с.
32. Конрадова Н.А. Археология русского интернета. Теплота, теломосты и другие техноутопии холодной войны. М. : Издательство АСТ : CORPUS, 2022. 288 с.
33. Peters B. How Not to Network a Nation. The Uneasy History of the Soviet Internet. The MIT Press, 2016. doi: 10.7551/mitpress/9800.001.0001
34. Клесов А.А. В моду входят телеконференции // Наука в СССР. 1985. № 6. С. 84–89.
35. Пескин Е.Г. Сеть Relcom – новое качество общения и жизни // Вестник Российской академии наук. 1992. № 9. С. 67.
36. Искра-2 // История интернета в городах России. URL: <https://foi.hse.ru/internethist/names/229818540> (дата обращения: 29.10.2024).
37. Томскому интернету 20 лет! // Tomsk.Ru. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/45995-Tomskomu-internetu-20-let> (дата обращения: 29.10.2024).
38. Солдатов А., Бороган И. Битва за Рунет: Как власть манипулирует информацией и следит за каждым из нас : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017. 342 с.
39. Перфильев Ю.Ю. Пространство распространения сети интернет в России как процесс диффузии инноваций // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2003. № 2. С. 30–36.
40. Вершинин В.А. Разработка трансмедийной модели издательского проекта (на примере переиздания творческого наследия дореволюционных писателей Сибири) // Вопросы журналистики. 2023. № 14. С. 113–128. doi: 10.17223/26188422/14/7
41. Щипунов А.А., Бабанский М.Д., Воробейников Э.С., Абдрашитов Ф.Р., Вершинин А.Ф., Деркач В.А., Острицын В.В., Паскаль И.Ю., Хасанов В.Я. Итоги построения инфраструктуры информатизации Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 269. С. 136–143.
42. Воробейчиков Э.С., Щипунов А.А., Башкатов В.З. Концепция информатизации Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 269. С. 128–135.
43. Смирнов Н.А. Томское городское веб-пространство (1996–2009 гг.): инфраструктура и границы : магистерская диссертация по направлению подготовки: 41.04.02 – Регионоведение России. Томск, 2023. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:19325> (дата обращения: 29.10.2024).
44. Участники TSK-IX // Томский IX (Internet Exchange). URL: <http://tsk-ix.ru/members> (дата обращения: 29.10.2024).
45. Корнев Дмитрий aka DIMMI: 20 лет Тонета в цифрах и фактах // Томский обзор. URL: <https://obzor.city/article/606853> (дата обращения: 29.10.2024).
46. Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. М. : Гардарики, 2003. 272 с.
47. Итоги // Конкурс «Томский сайт – 2000». URL: <https://web.archive.org/web/20010404220834/http://site.tomsk.ru/result.shtml> (дата обращения: 29.10.2024).
48. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. 900 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.10.2024).
49. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 : стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.10.2024).

References

1. Statista. (2025) Volume of data/information created, captured, copied, and consumed worldwide from 2010 to 2020, with forecasts from 2021 to 2025. *Statista*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/> (Accessed: 29.10.2024).
2. Pew Research Center. (2024) When Online Content Disappears. *Pew Research Center*. [Online] Available from: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2024/05/pl_2024.05.17_link-rot_report.pdf (Accessed: 29.10.2024).
3. The Verge. (2024) The Internet Archive is under attack, with a breach revealing info for 31 million accounts. *The Verge*. [Online] Available from: <https://www.theverge.com/2024/10/9/24266419/internet-archive-ddos-attack-pop-up-message> (Accessed: 29.10.2024).
4. Kolozaridi, P. & Dovbysh, O. (eds) (2024) *Internet i goroda Rossii* [The Internet and the Cities of Russia]. Moscow: HSE.
5. Yuldashev, L. (2020) Tonet – rekonstruktsiya odnoy istorii [Tonet – reconstruction of one history]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2 (130). pp. 72–94.

6. Zhilyakova, N.V., Mishankina, N.A. & Ershova, V.E. (2022) [Transformations of the regional media system from the 1990s to the 2020s (on the example of Tomsk and the Tomsk region)]. *Kommunikatsiya v sovremennom mire* [Communication in the Modern World]. Proceedings of the International Conference. Voronezh. 20–21 May 2022. Voronezh: Voronezh State University. pp. 117–119. (In Russian).
7. Jamieson, J., Yamashita, N. & McEwen, R. (2022) Bridging the Open Web and APIs: alternative social media alongside the corporate web. *Social Media + Society*. 8 (1). doi: 10.1177/205633051221077032
8. Polatin-Reuben, D. & Wright, J. (2014) An Internet with BRICS characteristics: data sovereignty and the Balkanisation of the Internet. *Usenix*. [Online] Available from: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf> (Accessed: 29.10.2024).
9. Thompson, J. (1995) *The Media and Modernity*. Cambridge: Polity Press.
10. Kiriya, I.V. & Novikova, A.A. (2020) *Istoriya i teoriya media* [History and Theory of Media]. 2nd ed. Moscow: HSE.
11. Thompson, J.B. (2020) Mediated Interaction in the Digital Age. *Theory, Culture & Society*. 37 (1). pp. 3–28. doi: 10.1177/0263276418808592
12. Jensen, K.B. (ed.) (2020) *A Handbook of Media and Communication Research: Qualitative and Quantitative Methodologies*. 3rd ed. Routledge. doi: 10.4324/9781138492905
13. Maklyuen, G.M. (2014) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The External Extensions of Man]. Translated from English by V. Nikolaeva. 4th ed. Moscow: Kuchkovo pole.
14. Goggin, G. & McLelland, M. (eds) (2017) *The Routledge Companion to Global Internet Histories*. 1st ed. Routledge. doi: 10.4324/9781315748962
15. Hafner, K. & Lyon, M. (1996) *Where Wizards Stay Up Late: The Origins of the Internet*. 1st ed. Simon & Schuster, Inc.
16. Jones, Q. (1997) Virtual-communities, virtual settlements & cyber-archaeology: a theoretical outline. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 3 (3). doi: 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00075.x
17. Mishankina, N.A. et al. (2023) "Tomsk media anomaly": A methodological model of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 269–286. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/14
18. Huhtamo, E. & Parikka, J. (eds) (2011) *Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications*. Berkeley: University of California Press.
19. Huhtamo, E. (1997) From kaleidoscomaniac to cybernerd: notes toward an archaeology of the media. *Leonardo*. 30 (3). pp. 221–224. doi: 10.2307/1576453
20. Tsilinski, Z. (2019) *Arkheologiya media: o "glubokom vremeni" audiovizual'nykh tekhnologiy* [Archaeology of Media: On the "Deep Time" of Audiovisual Technologies]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh".
21. Gizmodo. (2024) Faxpapers: a lost 1930s technology that delivered newspapers via radio. *Gizmodo*. [Online] Available from: <https://gizmodo.com/faxpapers-the-lost-dream-of-delivering-newspapers-thro-1682383694> (Accessed: 29.10.2024).
22. PC World. (2024) Lessons Learned: IT's Biggest Project Failures. *PC World*. [Online] Available from: https://www.pcworld.com/article/537052/it_project_failures.html (Accessed: 29.10.2024).
23. The Wired. (2014) Are Digital Magazines Dead? *The Wired*. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20141204094417/http://www.wired.com/2014/10/are-digital-magazines-dead/> (Accessed: 29.10.2024).
24. Asmolov, G. & Kolozaridi, P. (2017) The imaginaries of RuNet: The change of the elites and the construction of online space. *Russian Politics*. 1 (2). pp. 54–79.
25. Alekseev, K.A. (2018) K probleme periodizatsii istorii sportivnoy zhurnalistiki v Rossii [On the problem of periodization of the history of sports journalism in Russia]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 2 (15). pp. 175–185. doi: 10.21638/11701/spbu09.2018.202
26. Laykova, Ya.V. (2015) Infografika v rossiyskikh SMI: periodizatsiya i trendy razvitiya [Infographics in Russian media: periodization and development trends]. *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1712> (Accessed: 29.10.2024).
27. Klyuchevskaya, O.S. (2020) Otechestvennoe detskoe televidenie: k voprosu retrospektivnoy periodizatsii [Domestic children's television: on the issue of retrospective periodization]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 3 (39). pp. 331–344.
28. Zhilyakova, N.V. (2022) Periodizatsiya razvitiya zhurnalistiki Tomskoy gubernii / Tomskoy oblasti [Periodization of the development of journalism in the Tomsk province / Tomsk region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 5. pp. 63–81. doi: 10.30547/vestnik.journ.5.2022.6381
29. Algavi, L.O. (2013) K voprosu o periodizatsii rossiyskoy onlayn-zhurnalistiki [On the issue of periodization of Russian online journalism]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 3. pp. 76–85.
30. Gradyushko, A.A. (2021) [Periodization of regional web journalism in the context of the development of digital technologies]. *Regiyanal'nyya SMI Respubliki Belarus' u lichbavuyu epokhu: ad lakal'nay problematyki da infarmatsynay byaspeki dzyvarzhavy* [Regional Mass Media of the Republic of Belarus in the Personal Era: On local issues and information security of the public]. Proceedings of the 3rd Republican Conference. Minsk. 24 June 2021. Minsk: Belarusian State University. pp. 54–58. (In Russian).
31. Vizeľ, M.Ya. (2023) *Sozdatel'. Zhizn' i priklucheniya Antona Nosika, ottsa Runeta, trikstera, blogera i pervoprokhodtsa, s opisaniem trekh epokh Interneta v Rossii* [Creator. The Life and Adventures of Anton Nossik, the Father of Runet, Trickster, Blogger, and Pioneer, with a Description of Three Eras of the Internet in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi.
32. Konradova, N.A. (2022) *Arkheologiya russkogo interneta. Telepatiya, telemosti i drugie tekhnoutopii kholodnoy voyny* [Archeology of the Russian Internet. Telepathy, Teleconferences, and Other Techno-Utopias of the Cold War]. Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS.
33. Peters, B. (2016) How not to network a nation. The uneasy history of the Soviet Internet. *The MIT Press*. doi: 10.7551/mitpress/9800.001.0001
34. Klesov, A.A. (1985) V modu vkhodyat telekonferentsii [Teleconferences Are Coming into Fashion]. *Nauka v SSSR*. 6. pp. 84–89.
35. Peskin, E.G. (1992) Set' Relcom – novoe kachestvo obshcheniya i zhizni [Relcom Network – New Quality of Communication and Life]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 9. P. 67.
36. Istoriya interneta v gorodakh Rossii [History of the Internet in Russian Cities]. (n.d.) Iskra-2. *Istoriya interneta v gorodakh Rossii* [History of the Internet in Russian Cities]. [Online] Available from: <https://foi.hse.ru/internethist/names/229818540> (Accessed: 29.10.2024). (In Russian).
37. Tomsk.Ru. (2011) Tomskomu internetu 20 let! [Tomsk Internet is 20 years old!]. *Tomsk.Ru*. 19 August. [Online] Available from: <https://www.tomsk.ru/news/view/45995-Tomskomu-internetu-20-let> (Accessed: 29.10.2024).
38. Soldatov, A. & Borogan, I. (2017) *Bitva za Runet: Kak vlast' manipuliruet informatsiey i sledit za kazhdym iz nas* [Battle for Runet: How the authorities manipulate information and monitor each of us]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
39. Perfil'ev, Yu.Yu. (2003) Prostranstvo rasprostraneniya seti internet v Rossii kak protsess diffuzii innovatsiy [The Internet spread space in Russia as an innovation diffusion process]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2. pp. 30–36.
40. Vershinin, V.A. (2023) Razrabotka transmedynoy modeli izdatel'skogo projekta (na primere pereizdaniya tvorcheskogo naslediya dorevolutsionnykh pisateley Sibiri) [Development of a transmedia model of a publishing project (based on the example of republishing the creative heritage of pre-revolutionary writers of Siberia)]. *Voprosy zhurnalistiki*. 14. pp. 113–128. doi: 10.17223/26188422/14/7
41. Shchipunov, A.A. et al. (2000) The results of the construction of informatization infrastructure of Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 269. pp. 136–143. (In Russian).
42. Vorobeychikov, E.S., Shchipunov, A.A. & Bashkatov, V.Z. (2000) The concept of informatization of Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 269. pp. 128–135. (In Russian).
43. Smirnov, N.A. (2023) *Tomskoe gorodskoe veb-prostranstvo (1996–2009 gg.): infrastruktura i granitsy* [Tomsk urban web space (1996–2009): infrastructure and borders]. Master's Thesis. Tomsk. [Online] Available from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:19325> (Accessed: 29.10.2024).

44. Tomskiy IX (Internet Exchange). (n.d.) *Uchastniki TSK-IX* [TSK-IX Participants]. [Online] Available from: <http://tsk-ix.ru/members> (Accessed: 29.10.2024).
45. Tomskiy obzor. (2011) Kornev Dmitriy aka DIMMI. 20 let Toneta v tsifrakh i faktakh [Dmitry Kornev aka DIMMI: 20 years of Tonet in figures and facts]. *Tomskiy obzor*. 24 August. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/606853> (Accessed: 29.10.2024).
46. Perfil'ev, Yu.Yu. (2003) *Rossiyskoe internet-prostranstvo: razvitiye i struktura* [Russian Internet Space: Development and structure]. Moscow: Gardariki.
47. Internet Archive. Wayback Machine. (n.d.) *Konkurs "Tomskiy sayt – 2000". Itogi* [Tomsk site – 2000 Competition. Results]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20010404220834/http://site.tomsk.ru/result.shtml> (Accessed: 29.10.2024).
48. Rosstat. (2023) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023]. Moscow: Rosstat. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Accessed: 29.10.2024).
49. Rosstat. (2014) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2014* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2014]. Moscow: Rosstat. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Accessed: 29.10.2024).

Информация об авторе:

Вершинин В.А. — канд. филол. наук, доцент кафедры новых медиа, фотожурналистики и медиадизайна Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). Email: virshinin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Vershinin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: virshinin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.10.2024;
одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 30.10.2024;
approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/511/2

Идиостилевые особенности сатирических текстов М.М. Жванецкого как инструмент интерпретации авторской картины мира

Елена Юрьевна Жукова¹, Анна Владимировна Курьянович²

^{1,2} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ lenko1994s@mail.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Аннотация. Исследуются фрагменты концептуальной картины мира М.М. Жванецкого, связанные с представлениями о человеке как носителе социальных характеристик в контексте взаимоотношений с обществом и представителями государственной власти. Посредством анализа идиостилевых свойств, воплощенных в сатирических текстах автора, делаются выводы о значимых для его картины мира аксиологических смыслах. К перечню рассматриваемых черт идиостиля относятся собственно языковые (лексико-стилистические и грамматические) и экстралингвистические (жанровая специфика, своеобразие реализации образа автора) особенности, свойственные творческой манере сатирика.

Ключевые слова: сатира, сатирический текст, идиостиль, языковая личность автора, авторская картина мира, М.М. Жванецкий

Для цитирования: Жукова Е.Ю., Курьянович А.В. Идиостилевые особенности сатирических текстов М.М. Жванецкого как инструмент интерпретации авторской картины мира // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 20–32. doi: 10.17223/15617793/511/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/2

Idiostyle features of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts as a tool for interpreting the author's worldview

Elena Yu. Zhukova¹, Anna V. Kurjanovich²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ lenko1994s@mail.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract. The study was carried out in line with the linguoconceptological approach based on the material of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts. Since the author's position plays an exceptional role in understanding the essence of a satirical text, which manifests itself in the specifics of the linguistic structure of the text, the analysis of the features of its conceptual and linguistic picture of the world is of particular importance. The aim of this study is to consider the key features of Zhvanetsky's idiosyncrasy reflected in the language structure of his satirical texts as a means of objectifying fragments of the author's worldview associated with ideas about a person as a carrier of social characteristics in the context of relations with society and government. The material includes 122 satirical miniatures by Zhvanetsky created in the period from the late 1980s to the early 2000s. The methodological basis of the research consists of introspection, linguistic conceptual, including linguo-axiological analysis of the text, semantic-stylistic and functional-stylistic analysis, elements of linguodiscursive analysis and modeling. It is noted that the list of considered features of the satirical writer's idiosyncrasy includes extralinguistic and linguistic features proper to his creative manner. The genre specificity of Zhvanetsky's texts of the designated period consists in the predominance of satirical miniatures – works laconic in form, but saturated in terms of conceptual content. Their stylistic features include impressionism, ambivalence of assessment, and syncretism of lyrical, humorous and satirical pragmatics. In the image of the author, complementary "role-playing" components are highlighted – an observer, a narrator, and a mentor. In the latter case, we are talking about the writer's desire to become a "regulator" of the mechanisms of understanding reality in the minds of each addressee, representing an audience of an inert, weak-willed mass reader, and to contribute to his movement towards gaining inner freedom in the context of total suppression of external freedom. The linguistic features of Zhvanetsky's creative manner mainly determine such lexical and stylistic features as techniques of pun, paradox, alogism, bringing to the point of absurdity, violation of paradigmatic connections between words, as a result of which pseudoanthonyms and pseudonyms begin to appear in texts. In order to create a comic effect, the writer actively uses clichés, clerical phrases, occasional and colloquial vocabulary, and dialog constructions. An assumption is made about the key place of the concepts of MAN, LAUGHTER and STATE in the author's worldview. Laughter acts as an instrument of reflection, evaluation, interpretation, having various forms of embodiment – from light, mocking irony to

derogatory sarcasm and accusatory satire. The man in the street in the satirist's picture of the world is complex, not ideal, experiencing joys and sorrows, looking for his place in the world and in a society full of absurdity and in confrontation with the ridiculous actions of government officials. Zhvanetsky defines the feeling of inner freedom as the highest value of a person, and, therefore, through satire, he ridicules social vices in his modern society. Among the promising directions for the development of the problem, we highlight the task of modeling based on the results of studying the specifics of Zhvanetsky's idiosyncrasy in the systematic form of his worldview.

Keywords: satire, satirical text, idiosyncrasy, author's linguistic personality, author's worldview, Mikhail Zhvanetsky

For citation: Zhukova, E.Yu. & Kurjanovich, A.V. (2025) Idiosyncrasy features of Mikhail Zhvanetsky's satirical texts as a tool for interpreting the author's worldview. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 20–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/2

Введение

Во все времена ученые демонстрируют устойчивый интерес к изучению форм комического, в том числе сатиры. Большинство из них определяют *сатиру* как способ восприятия происходящего, который выражается в «осмеянии и гневном обличении явлений действительности, резко отклоняющихся от идеального представления о них» [1. С. 312], абсурдных с точки зрения здравого смысла. Исследования, посвященные сатире, остаются актуальными благодаря той многогранной роли, которую она играет в социуме, культуре, политике. Сатира способствует поддержанию общественного диалога и развитию критического мышления, отражает настроения эпохи, социальные конфликты и политические изменения, помогает осмыслить культурную идентичность нации, мировоззрение людей той или иной исторической эпохи, их отношение к власти, морали и другим важным вопросам. Понимание механизмов воздействия сатиры на психику человека важно для развития эффективных методов коммуникации и воспитания.

В области лингвистических исследований сатира рассматривается как жанрообразующий фактор, определяющий особенности содержательной организации *сатирических текстов* (СТ). Информация, передаваемая в СТ, характеризуется присутствием оценки, которая соотносится с системой ценностей автора и аксиологическими установками, принятыми в социуме, а сатирический вектор направленности текста позволяет автору воздействовать на картину мира адресата посредством создания комического эффекта.

Закономерной реакцией адресата на концептуальные смыслы, присутствующие в содержании СТ, является смех, представляющий собой не только маркер эмоциональной рефлексии, но и способ оценки действительности. В СТ объектом смеха, как правило, выступают человеческие пороки и социальные события, которые в аксиологической системе автора имеют отрицательную оценку. Автор СТ – не сторонний наблюдатель за происходящим, а его активный интерпретатор. По меткому выражению писателя и литературоведа А.З. Вулиса, сатирик «ненавидит, а не просто видит», «пересматривает, а не просто смотрит» [2].

Для понимания сущности СТ исключительную роль играет позиция автора, проявляющаяся в специфике языкового строя его текстов. Следовательно, для интерпретации СТ особую значимость имеют понятия «языковая личность автора», «идиостиль», «авторская картина мира».

Идиостиль является отражением совокупных характеристик *языковой личности автора*, анализ которой направлен на «реконструкцию ее языковой модели мира; выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании» [3. С. 43]. Черты своеобразия языковой личности, воплощенные в ее текстовой деятельности, служат инструментом экспликации *концептуальной картины мира автора* – «глобального образа мира, лежащего в основе мировидения» и являющегося «результатом всей духовной активности человека» [4].

Наиболее полно исследовать взаимосвязь обозначенных понятий можно в русле когнитивного подхода, представители которого утверждают, что идиостиль имеет ментальную гносеологическую природу и концептуальную феноменологию. Например, В.А. Пищальникова трактует идиостиль как «систему логико-семантических способов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы автора, объективированную в эстетической деятельности и предполагающую индивидуальную трансформацию языковых выражений» [5. С. 20]. По мнению С.Н. Плотниковой, языковая личность определяется «через языковую картину мира, следовательно, идиостиль обусловлен “мыслительной реальностью”» [6. С. 7]. Ряд исследователей (Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, М.А. Холодная, И.П. Шкуратова и др.) выдвигают понятие «когнитивный стиль языковой личности» в качестве способа отражения «типа мышления, тезауруса, концептосферы, ассоциативной деятельности» [7. С. 189]. Следовательно, анализ языковых средств, репрезентирующих те или иные концептуальные смыслы в тексте, выявление их функций и значения в условиях контекста и с учетом совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования позволяют реконструировать фрагменты концептуальной картины мира автора.

Русская сатирическая проза имеет богатую историю: начиная с XVIII в., в периоды общественных, экономических и эстетических преобразований она становится способом осмысления действительности и демонстрации системы ценностей той или иной эпохи. Особое звучание русская сатира приобретает в XIX в. со времени появления произведений А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Традиции классиков русской литературы продолжили развивать в своем творчестве в первой половине XX в. А.Т. Аверченко, М.А. Булгаков, М.М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров, Н.А. Тэффи, Н.Р. Эрдман. Значимое место в ряду

русских сатириков второй половины XX в. – А.М. Арканова, С.Т. Альтова, В.Н. Войновича, М.Н. Задорнова, А.И. Райкина и др. – занимает М.М. Жванецкий.

В числе современных ему эстрадных сатириков М.М. Жванецкий выделяется самобытностью в выборе эстетических решений, наличием уникального творческого стиля, оригинальным подходом к раскрытию тем и развертыванию сюжетов. Его индивидуальная манера творчества узнаваема, тексты отличаются многоплановостью тематического содержания и жанрового оформления. Способность выразить с эстрадной сцены целую философию жизни в небольших по объему произведениях, четко уловить и зафиксировать в языковой форме собственные мысли и переживания, вызвать чувство сопричастности у зрителя и читателя, побудить к рефлексии – все это характеризует М.М. Жванецкого как глубокого знатока человеческой психологии, тонко понимающего внутреннее состояние, потребности и запросы людей своей эпохи.

Научная новизна исследования обусловлена недостаточной степенью изученности проблемы своеобразия идиостиля М.М. Жванецкого как инструмента интерпретации его картины мира.

Целью данного исследования является осмысление значимых фрагментов концептуальной картины мира М.М. Жванецкого с опорой на характеристику черт идиостиля, нашедших отражение в его СТ. В число задач входит: (1) рассмотрение свойств творческой манеры М.М. Жванецкого, обусловленных влиянием экстралингвистических факторов (жанровой принадлежностью текстов и формами «присутствия» в них автора); (2) анализ лексических, грамматических, стилистических текстовых средств в качестве лингвистического фактора, определяющего специфику идиостиля писателя; (3) интерпретация ключевых, в первую очередь аксиологических, составляющих картины мира М. Жванецкого сквозь призму идиостилевого своеобразия.

Материалом исследования выступают 122 текста М.М. Жванецкого, написанные в период зрелого творчества – с конца 1980-х гг. до начала 2000-х гг. – и вошедшие в IV том собрания его сочинений [8]. Выбор материала осуществлен на основании критерия типовой принадлежности текстов: если ранние произведения автора в жанровом отношении больше тяготеют к юмористическим текстам, то прагматика текстов обозначенного временного отрезка отличается доминированием сатиры.

Методологическую базу исследования составляют интроспекция, лингвоконцептуальный, включая лингвоаксиологический анализ текста, семантико-стилистический и функционально-стилистический анализ, элементы лингводискурсивного анализа и моделирования.

Из истории изучения идиостилевых особенностей СТ М. Жванецкого в аспекте описания авторской картины мира

Творческое наследие М.М. Жванецкого собрано в пятитомнике его сочинений: каждый том содержит произведения, созданные в определенный исторический период («Шестидесятые», «Семидесятые»,

«Восьмидесятые», «Двухтысячные», «XXI век») [8]. М. Жванецкий осмысляет окружающую жизнь посредством ее изображения в своих сатирических произведениях. Каждая из этих книг – это картина авторского восприятия жизни российского общества в один из периодов его существования, отражение ценностных и нравственных ориентиров автора, запечатленных в слове. Расцвет его творческой деятельности пришелся на переходный этап от СССР к современной России, когда Советский Союз находился на грани распада, в стране началась перестройка, зарождались рыночные отношения. По точному замечанию писателя и журналиста Ю. Михайлика, «если много лет спустя, кто-нибудь попытается понять, что же происходило в огромной и загадочной стране в XX веке, достаточно будет прочесть Жванецкого. ...он принадлежит к числу тех немногих, кто долгие годы поддерживал в ней атмосферу, возможность свободного дыхания. Ибо умел так дышать» [9].

Перечисленные выше основания обуславливают исследовательский интерес к языковой личности М. Жванецкого, своеобразие которой в полной мере запечатлено в его творчестве. Идиостилевая специфика его творчества анализируется с точки зрения жанровых [10], прагмалингвистических [11, 12], семантико-стилистических [13–15] свойств.

Так, А.С. Трач отмечает такие яркие специфические черты творческой манеры М. Жванецкого, как широкое использование приема языковой игры, ресурса спонтанной устной речи «в разнообразных и неожиданных сочетаниях» [11. С. 5], что во многом усиливает сатирическую прагматику его СТ. А.М. Карпова анализирует эстетическую функцию экспрессивной лексики как средства выразительности в СТ М. Жванецкого [16]. Т.В. Шемелева рассуждает о роли неполных синтаксических конструкций в создании комического эффекта в текстах сатирика [17]. Ю. Михайлик, описывая типичную для М. Жванецкого интеллектуальную манеру изложения, указывает на характерные для писателя приемы: лакуны, умолчания, парадоксы, скороговорку, небывалую плотность текстов, сравнимую с плотностью стихов Бродского [18].

В концептуальном плане творческий дискурс сатирика изучен не в полной мере: нами найдены единичные работы, посвященные рассмотрению отдельных фрагментов картины мира М.М. Жванецкого. Назовем здесь статью С.Ю. Лавровой и Ю.Ю. Бочкаревой, посвященную рассмотрению концептов УМ и ГЛУПОСТЬ в русском юмористическом дискурсе на материале текстов М. Жванецкого [19]. В частности, присутствие фрагмента, связанного с бинарным представлением об уме и глупости, в картине мира автора объясняется исследователями обусловленностью факторами «возраста, становления ценностных приоритетов в рамках культурного поколения 1960-х, интересом к общечеловеческим проблемам» [19. С. 34]. Задача М.М. Жванецкого как писателя-сатирика состоит, по мнению ученых, в реализации интеллектуальной иллюзии – «заставить аудиторию думать, размышлять» [19. С. 35].

Идиостилевые особенности СТ М. Жванецкого, обусловленные жанром

Рассматриваемые тексты М. Жванецкого отличаются лаконичностью, небольшим объемом и законченностью композиции. На основании соответствия перечисленным формальным параметрам СТ, созданные М. Жванецким в конце XX – начале XXI в., можно отнести к *текстам-миниатюрам*. Миниатюра – понятие, заимствованное из сферы живописи. Лексема-номинал этого понятия обозначает маленькую картинку, которая является уменьшенной по размеру копией своего полномасштабного аналога, отличается тщательностью отделки и точностью изображения. По мнению В.Ю. Баймиевой, миниатюра – это «маленькое по объему произведение, композиционно завершенное, но с преобладанием <...> кульминации, усиленной авторской экспрессией и доминирующим образом автора, сливающимся чаще всего с повествователем» [20. С. 10].

Выбор М. Жванецким жанровой формы миниатюры оправдан во многом тем, что, будучи эстрадным сатириком, большинство своих произведений он написал для чтения со сцены с «отыгрыванием» описываемых ситуаций, в том числе с помощью невербальных средств: известен яркий образ Жванецкого-сатирика как «человека с портфелем». Такое эстрадное «назначение» подразумевает выбор лаконичной жанровой формы, с одной стороны, облегчающей адресату восприятие текстовой информации на слух, с другой – позволяющей автору выразить посредством немногих слов разнообразную «палитру» смыслов, что в целом делает текст более многослойным и открывает возможность для различных интерпретаций. Приведем пример.

Миниатюра «Телефонное одиночество» посвящена размышлениям автора над проблемой одиночества человека в современном мире, которое, несмотря на наличие средств связи и высокоразвитых технологий, становится все более ощутимым и приводит к разобщению и изоляции людей в социуме. Абсурдной, с точки зрения писателя, выглядит сама постановка вопроса: персонажи миниатюры испытывают желание общаться, но сталкиваются с «экономическими» трудностями в реальном взаимодействии, что приводит к комичным, но глубоко печальным ситуациям. В условиях рыночной экономики, когда нужно платить за каждую минуту телефонного разговора, сам инструмент коммуникации – телефон, – вместо того чтобы сближать людей, часто становится причиной их разобщенности.

В миниатюре, объем которой не выходит за рамки одной печатной страницы, М. Жванецкому удается погрузиться в глубокие темы, связанные с осознанием одиночества во всех сферах человеческого бытия, возникающего вследствие распространения коммерческих отношений в современном социуме. Содержательное наполнение миниатюры составляют разнообразные варианты интерпретации темы одиночества человека в современном мире, а именно:

– одиночество творческой личности в условиях рыночных отношений: *«Наторгуешь своим телом и снова выходишь на связь. О рекомендациях разговора*

нет. Кто там что успевает? Одно замечание по языку – это четыре обеда в хорошем кафе» [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как плата за технический прогресс в виде «тарификации» общения: *«Разговор с другом шестьдесят рублей минута. Прочтешь ему крохотный отрывок – триста рублей. Услышать его вздох – девяносто»* [8. Т. 4. С. 22];

– «повседневное» и «будничное», переходящее в «экзистенциальное» одиночество: *«Шестнадцать часов вкалывал, опоздал в гастроном, хлебной коркой обтер холодильник изнутри, чтобы услышать, что сейчас у нее ночь, но она проголодалась и жрет пудинг и бекон или, наоборот, и очень скушает, но хочет спать...»* [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как результат преобладания холодного расчета в человеческих отношениях: *«Он оттуда звонит молнией, называет свой новый номер и бросает трубку, как кусок раскаленного угля. Он вообще мыслит шекелями, а говорит за рубли. За рубли он говорит очень охотно...»* [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как причина возникновения чувства осознания собственной ненужности и оскорбления собственного достоинства: *«Такого одиночества еще не бывало. Унижаться можно, когда за это платят тебе, но унижаться и платить самому?!»* [8. Т. 4. С. 22];

– одиночество как следствие ностальгии по прошедшим временам, когда все близкие были рядом, не было необходимости платить за телефонные разговоры, когда основой человеческих отношений было доверие, внимание и сочувствие, а не холодный расчет: *«Выставляйте счета! Ничто так не подчеркивает одиночество, как счета за телефон и свет! / Да! Если она рядом, нужно меньше света. Да!»* [8. Т. 4. С. 22].

Миниатюра «Телефонное одиночество», таким образом, – это размышление о природе человеческих отношений в эпоху технологий, там, где истинная близость и душевное понимание все чаще заменяются краткими сообщениями и звонками, которые, в свою очередь, необходимо оплачивать по тарифу.

Описанное свойство жанровой формы миниатюры условно обозначим как *высокую степень концентрации смысла в лаконичных по объему речевых произведениях*. Добавим, что отмеченная особенность жанра, активно используемого М. Жванецким в указанный период творчества, составляет яркую черту индивидуальной манеры писателя-сатирика.

Во многом реализация данного свойства становится возможной благодаря следованию принципу *импрессионистичности* в организации текстового содержания. Каждая миниатюра с точки зрения развертывания смысла представляет поток сознания, где отсутствует дифференциация на главную и второстепенную информацию, прошлое переплетается с будущим, мысли одновременно разрознены и собраны воедино. Например: *«Счастье его (Б. Окуджавс. – Е.Ж., А.К.) знать – больше, чем петь и читать. Недаром такой спрос на людей, знавших Пушкина. Пока еще нас много, знавших его. Вот мы в Болгарии. Мой первый выезд. До этого был еще выезд в Румынию, но его можно не считать. Абсолютно и полностью. Не хочу»* («Окуджаве снова...») [8. Т. 4. С. 135]. Формирование

текстовой информации в приведенном фрагменте происходит по принципу сосредоточенности внимания автора на передаче впечатлений от объекта, а не на его детальном изображении, когда значимыми становятся атмосфера момента, настроение и ощущения, с ней связанные. Смыслы от прочтения текста рождаются в сознании читателя так же, как возникает отклик зрителя на полотно художника-импрессиониста. При рассмотрении «вблизи» каждый мазок кисти творца, а в тексте каждая единица воспринимаются отдельно от других, но стоит «отдалиться», в том и в другом случае художественная миниатюра «оживает», рождается целостное впечатление, аккумулирующее мировоззренческие установки автора и фокусирующие их суть.

Еще одной чертой идиостиля М. Жванецкого, обусловленной авторскими предпочтениями в выборе жанра, можно считать *особую сатирическую прагматику жанра миниатюры* и одновременно – его *синкретичную природу*. Такого рода тексты вызывают у читателя широкий спектр эмоций – от легкой иронии до едкого сарказма, что может выражаться в смеховой реакции разного типа – в добродушном, искренне-детском, безудержном, самодовольном, злом, натянутом, невольном смехе, смехе сквозь слезы. Эмоциональный отклик усиливает воздействие текста.

Мы солидарны с мнением А.С. Трач, отметившей, что для творческой манеры М.М. Жванецкого характерен синкретизм юмора, лирики и сатиры, необходимый для «полной, объемной характеристики сложных явлений, там, где невозможно обойтись только одним жанром» [11. С. 111]. Исследователь приводит слова самого писателя: «Юмор – это не шутки. Это не слова. <...> Юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно» [8. Т. 3. С. 46]. Это высказывание М. Жванецкого свидетельствует о его понимании юмора как синкретичного феномена, передающего «глубокое, серьезное под маской смешного отношение к изображаемому» [11. С. 86]. С таким отношением к юмору и смеху связывается присутствие в стилистической ткани миниатюр М. Жванецкого особого лиризма: «Смешное и грустное тесно переплетается в понимании писателя, создавая особую разновидность юмора, смех сквозь слезы» [11. С. 97]. Коммуникативная цель автора состоит в осмеянии людских пороков и выражении авторского осуждения «несуразностей» общественной жизни. И даже функциональный ресурс сатиры, по признанию самого М. Жванецкого, не способен реализовать его авторскую установку в полной мере: «Я немножко сложнее и жизнь немного сложнее» [21]. Выбор жанра миниатюры обусловлен динамичностью сознания М. Жванецкого: глобальные и серьезные общественные проблемы требуют от автора моментальной реакции, для выражения которой становится недостаточно только форм комического.

Таким образом, миниатюра как жанровая разновидность СТ обладает высоким когнитивным и регулятивным потенциалом и в полной мере отвечает интенции автора – эстрадного писателя-сатирика: в лаконичной фразе запечатлеть многообразие и «текучесть» смыс-

лов, реализовать сатирический прагматический эффект, актуализировав в смысловом пространстве СТ аксиологические доминанты, свойственные авторской картине мира.

Идиостилевые особенности СТ М. Жванецкого, обусловленные формами «присутствия» в них автора

Идиостилевые особенности, воплощенные в СТ М. Жванецкого и выступающие маркерами индивидуально-авторской картины мира, обусловлены также, помимо жанровой специфики, своеобразием форм «присутствия» автора в тексте.

Образ автора в СТ М. Жванецкого характеризуется *синкретичностью* и *амбивалентностью*, совмещает в себе позиции наблюдателя и ментора. Являясь непосредственным участником описываемых событий общественной жизни, автор, с одной стороны, активно воспринимает, фиксирует в сознании и анализирует информацию о них, с другой – стремится добиться перлокутивного эффекта в отношении адресата, работая на изменение системы взглядов и ценностей последнего. Подобный вариант репрезентирует субъектную позицию автора, рассматривается как составляющая его личного и социального опыта, отражает сложность и многогранность переживаемых им эмоций. Автор намеренно не дистанцируется от адресата, при этом стремится манипулировать его сознанием, выступая от себя, но опосредованно, «примекая» различные «речевые маски» (М.В. Шпильман) и «проигрывая» разные паттерны коммуникативного поведения, актуализирующие те или иные черты характера людей и (или) суть человеческих поступков.

В образе автора в дискурсе Жванецкого присутствуют черты конкретной личности: в некоторых СТ прослеживаются автобиографические элементы, что придает повествованию личную окраску и делает стиль изложения более искренним. Например, в миниатюре «Эммануилу Моисеевичу Жванецкому от сына» в авторе угадывается личность М. Жванецкого, поскольку данный текст представляет собой лирическое письмо, адресованное отцу сатирика: «А настроение было хреновое, отец. Я затих. Опять, думаю, буду знаменитым, опять в подполье, если не глубже. А твой проклятый солнечный город у моря и в мирное время отрезают от всех киевским телевидением. Ни одной новой московской газеты, ни одной передачи...» [8. Т. 4. С. 15].

Можно выделить некоторый перечень форм позиционирования автора в СТ, характерный для идиостилевой манеры М. Жванецкого в указанный период творчества. Каждой из форм соответствует определенный коммуникативный «образ» автора:

– автор-философ: «Нам ничего не остается, как писать интересно и лучше видеть тех, от кого останутся фотографии, слышать живые голоса тех, кто будет глубоко изучаться в записи, и поддерживать, и касаться друг друга. И не сбрасывать руку с плеча: “Постой, я расскажу тебе...”» [8. Т. 4. С. 238];

– автор-критик: *«Все остальное искусство и даже литература с ее провайдерами, критэтерами, пиарицами и прочим отсутствием живых и здоровых напоминает больницу и вызывает сострадание, а не размышления»* [8. Т. 4. С. 222];

– автор, выражающий иронию и самоиронию: *«Ну что ж, вы правы, почему вы за свои деньги должны видеть злую перекошенную рожу. Нет-нет-нет. Надо вспомнить что-то хорошее. Все-таки пятьдесят шесть лет. Я должен, я обязан вспомнить что-то хорошее. Ведь оно же было. Я же был счастлив»* [8. Т. 4. С. 24];

– автор-скептик: *«Передайте, что все еще тяжело. Передайте тем, кто рассчитывал, что детям будет легче, – НЕТ... Пока нет... Насчет надежд. Пока тоже нет. Года через три может появиться надежда на улучшение. Лет через пять. Года через три на лет через пять»* [8. Т. 4. С. 32];

– автор-гуманист и эмпат: *«Страна должна что-то сделать для своих людей. Сколько можно разглядывать свое будущее, ползущее рядом, согнутое на палке, со слезящимися глазами и дрожащими руками? Страна должна что-то сделать для своих людей. Нет народа. Нет населения. Есть люди»* [8. Т. 4. С. 70].

Описанные выше формы позиционирования автора в текстах коррелируют с вариантами поведенческих установок, реализуемых писателем-сатириком в отношении адресатов.

Образ адресата в текстах М. Жванецкого, как и образ автора, амбивалентен. С одной стороны, это обыватель, проявляющий черты характера, идущие вразрез с ценностями автора. Он инертный, безвольный, неспособный критически мыслить. С другой стороны, адресат писателя – близкий ему по духу человек, современник, достойный соучастия и заслуживающий сопереживания. В одной из своих миниатюр М. Жванецкий отмечает: *«Публика бежит на концерт с набором соответственных ассоциаций. Смех рвется еще до подхода к креслу, похожий на рыдание, не потому, что смешно, а потому что: “Да! Да! Да! Точно ...Какой ужас! Ха-ха-ха! На эту пенсию не то что жить, смотреть без слез невозможно! Ха-ха!.. Как мы живем, ха-ха, как нас лечат... Как нас хоронят? Ха-ха!”»* [8. Т. 3. С. 263].

Часто М. Жванецкий говорит о несправедливом, с его точки зрения, жизненном укладе современников в критически-насмешливом тоне: *«Тридцать – сорок лет на севере, чтоб затем на юге немного без здоровья и зубов...»* [8. Т. 4. С. 20], *«Пусть за всю жизнь мы накопили шестнадцать рублей и детям ничего не завещаем, кроме рецептов, мы отстаиваем свой гибельный путь и рвем каждого, кто хочет вытащить нас из капкана!»* [8. Т. 4. С. 99]. Но одновременно с этим заключает, как бы оставляя адресату право самостоятельно решить, оставаться ли ему в этой точке жизненного пространства: *«Это наш путь! И мы на нем лежим, рыча и завывая, в стороне от всего человеческого»* [8. Т. 4. С. 99]. Использование в приведенном выше контексте глагола *лежим* вместо более подходящего для сочетания со словом *путь* глагола *идем* позволяет автору усилить выражение негативной оценки

современной ему реальной действительности и одновременно создать перлокутивный эффект, направленный на читателя/зрителя.

Вместе с тем добавим, что в отношении рядовых членов общества в сатирических миниатюрах М. Жванецкого не наблюдается жесткой критики: *«Сатиру отшибло полностью. Низы жалко, а верхи отвратительны»* [8. Т. 4. С. 25]. Высмеивая беспомощность, инертность «низов», автор одновременно выражает им глубокое сочувствие: *«...кажется, они хотели, чтоб мы не работали, а мучились – пришел к восьми и мучаешься до пяти; и все зрители радуются. Так что этот способ мы знаем. А нет ли другого, если поискать?»* [8. Т. 4. С. 58]. Риторический вопрос свидетельствует о том, что, негативно оценивая изображаемое, автор сочувствует обывателю и стремится воздействовать на него как на адресата своего творчества, изменить ценностные приоритеты в рамках его картины мира.

Таким образом, варианты представления мировоззренческой позиции автора, включая ее аксиологический компонент, объединены на основании критического и одновременно глубоко человеческого отношения писателя к событиям и явлениям окружающей действительности, членам социума, к которым он относит и себя также. «Присутствие» автора в структурно-семантической организации его СТ манифестирует активную позицию Жванецкого как великого гуманиста-деятели, что можно считать одним из основополагающих свойств его творческого кредо. Смех Жванецкого – одновременно инструмент познания жизни, средство рефлексии и орудие борьбы за «лучшего» человека.

Идиостилевые особенности СТ М. Жванецкого, проявляющиеся в их языковой ткани

Ключевой для любого СТ выступает функция реализации прагматики комического. В идиостиле Жванецкого комическое проявляется в разнообразных формах и мастерски воплощается автором при помощи лексических, грамматических единиц, а также стилистических приемов. С их помощью писатель доносит до адресата глубину смысла, скрывтую за внешней легкостью слов, выражает собственное – насмешливое, скептическое, неодобрительное и пр. – отношение к описываемому. Анализ языковой организации СТ М. Жванецкого рассматриваемого временного периода с учетом наработок ученых, изучающих творческий дискурс писателя-сатирика, а также с опорой на собственные наблюдения позволяет систематизировать информацию о специфических чертах языкового оформления, делающих его стиль уникальным и узнаваемым.

Остановимся на характеристике ключевых свойств его идиостиля, вызывающих в его СТ комический эффект посредством использования лексических и грамматических единиц.

Наиболее значимыми в дискурсе М. Жванецкого, в полной мере передающими своеобразие его творческой манеры, на наш взгляд, можно считать лексические единицы, использование которых решает следующие задачи:

– критической оценки актуальных социальных явлений и политических событий, обсуждения человеческих слабостей и пороков общества: «Этого мы объяснить не можем и **тащимся** на производство, а вечером домой» [8. Т. 4. С. 58], «Умных, образованных, очкастых – **вон из страны**, со вкусом, одного за другим» [8. Т. 4. С. 99];

– изображения психологических состояний и чувств людей с целью демонстрации внутренних конфликтных ситуаций и мотивации героев, побудившей их к совершению тех или иных поступков: «Сейчас некоторые **наши из оголтелых кричат**: / – Лучший генотип уничтожен! Мы нашли виноватых! Давай за нами!» [8. Т. 4. С. 12];

– имитации формы диалоговой коммуникации, что создает ощущение живого общения и вовлекает читателей в дискуссию, а сатирическую критику делает более доступной и понятной массовому читателю: «– Алло, простите, куда я попал? Я набирал восьмерку. Извините, я сейчас перенаберу. / – Он думает попасть в другое место. / – Алло, это опять вы? / – Да, это мы все опять. А это опять ты? / – Да» [8. Т. 4. С. 188].

Яркой чертой идиостиля Жванецкого можно считать также использование для создания комического эффекта запоминающихся и наглядных образов в виде ярких *развернутых метафор*. Проиллюстрируем сказанное. Идейное содержание миниатюры «Ждать» связано с авторским осмыслением состояния страны после распада СССР, когда особенно остро ощущался дефицит продуктов питания и продовольственных товаров и население страны в поисках возможности приобрести хоть что-нибудь собиралось в длинные очереди. Присутствующие в данном СТ метафоры *центр бурлит, людьми отравлен организм, на прилавках и полках одни люди* создают яркий образ толпы, вызывающей у автора почти физическое отвращение, схожее с состоянием пищевого отравления [8. Т. 4. С. 92].

С этой же целью в СТ Жванецкого активно привлекается семантический ресурс лексем с учетом их *парадигматических свойств*. Проиллюстрируем это свойство идиостиля на примере использования писателем-сатириком *антонимических* пар слов. К числу наиболее типичных для него глагольных антонимов, по собственному признанию сатирика, принадлежит пара лексем – *смеяться* и *ржать*: «На первый план сейчас вышло все, что доставляет удовольствие. УДОВОЛЬСТВИЕ! Наша задача – получить удовольствие. Михал Михалыч, мы пришли, чтобы поржать! Вы извините, мы приходим поржать, так что давайте все, что у вас есть, самое смешное. И я стараюсь. На моих концертах публика смеется. Может быть, не ржет, но смеется» (фрагмент интервью М. Жванецкого корреспонденту «Первого Русского Радио» в Лондоне в 2003 г.: [22]). Подобные лексемы отражают свойство амбивалентности многих вещей и явлений, которое характерно для картины мира писателя. Они транслируют установку на то, что юмор и смех в СТ М. Жванецкого – что-то, одновременно смешное и серьезное, интуитивное и осознанное, линейное и многомерное.

Одним из частотных, реализуемых в языковой структуре СТ М. Жванецкого, можно считать прием

нарушения парадигматических связей между словами, в результате которого в текстах начинают фигурировать *псевдоантонимы* и *псевдосинонимы*. Так, в высказывании «...**развитого** социализма и **недоразвитой** демократии с нашим лицом» (миниатюра «Бояться не надо!») [8. Т. 4. С. 12] комический эффект, вследствие которого у адресата зарождается сомнение в значимости описываемого явления, возникает в результате использования в рамках минимального контекста лексем *развитый* и *недоразвитый*, составляющих пару псевдоантонимов. Интересна в этом смысле также миниатюра «Население и народ. Разговор начальников», которая построена в форме диалога двух чиновников. Комический эффект в данном СТ создается посредством контекстного сближения псевдосинонимов *народ* и *население* (причем первая единица выступает в качестве гиперонима ко второй): «– Ох, Петраков, **народ** терпеть не будет, если ты оставишь **население** без, допустим, газет. // – Какие могут быть, допустим, сомнения. Оставь **население** без газет нам не поволит **народ**» [8. Т. 4. С. 28].

Отличительной чертой творческой манеры М. Жванецкого, как неоднократно указывали ученые, является его особая «привязанность» к *местоименным* формам. В аксиологической системе координат автора умение постоять за себя и ощущение внутренней свободы являются важнейшими категориями, и потому в СТ М. Жванецкого часто осмеянию подвергается неспособность общества эти категории реализовать. В языковом строе текстов это эксплицируется посредством «игры» с выбором форм личных местоимений: «Нормально все. **Наши** люди. **Они** на свободу не потянут. **Они** нарушать любят. **Ты** ему запрети все, чтоб **он** нарушал. Это **он** понимает» [8. Т. 4. С. 85].

Для автора местоимение – полифункциональная единица, которая способствует:

– его дистанцированию от предмета обсуждения; в этом случае автор имеет возможность свободно критиковать или высмеивать, не вовлекая себя напрямую;

– выражению иронии и сарказма; писатель говорит «они» (=«люди») в том случае, когда он на самом деле не говорит о них в положительном ключе, а, напротив, высмеивает их поведение или характеристики или помещает их в смешные и абсурдные ситуации;

– обобщению: употребляя местоимения *все*, *каждый*, *никто* и пр., Жванецкий делает акцент на общих свойствах человеческой натуры или сути происходящих общественных процессов, что придает комическому эффекту оттенки универсальности;

– выражению личной позиции; так, местоимение «я» позволяет Жванецкому выразить свою личную точку зрения или эмоции, что делает сатиру более искренней, эмоционально насыщенной, глубоко лиричной.

В качестве идиостилевой черты отметим также частотность случаев использования местоимения *мы* как способа экспликации образа автора: «**Мы** впервые проверили, действительно ли там хорошо, где нас нет...» [8. Т. 4. С. 10], «Хватит цепляться за эту жизнь. Как **мы** убедились – в ней ничего хорошего...» [8. Т. 4. С. 12], «Так что период, когда **мы** меняли, ничего не меняя, сменился теперешним, когда **мы** меняем то,

чего нет» [8. Т. 4. С. 96]. Данный вариант «экзистенциального нереферентного употребления» (И.Ю. Гранева) местоимения *мы* свидетельствует о том, что говорящий причисляет себя к некоторому кругу лиц одних с ним взглядов и убеждений. Тем самым, не отделяя себя от адресата, автор в содержательном поле текстов четко выстраивает противопоставление «МЫ» – «не МЫ». «Не МЫ» – это представители власти, чьи установки не всегда коррелируют с мнениями простых людей – членов социума. В ряде случаев данная семантическая оппозиция выражается посредством использования обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений, например: «Сказали БАМ строить – **мы** поехали. Сказали Братск строить – **мы** поехали» [8. Т. 4. С. 20]. Обезличенное «не МЫ» выражается формой глагола множественного числа и противопоставляется лексическим единицам с более конкретной семантикой *человек* или *наш человек*. В последнем случае речь идет о представителе народа, поддерживающем систему ценностей, которые приветствуются и самим автором. Однако чем дальше человек из народа отстоит в своих ценностных представлениях от разумно обоснованной, этически обоснованной и существующей веками на Руси системы, тем чаще его образ обозначается посредством местоимения *наши*. К примеру: «Сейчас некоторые **наши** из оголтелых кричат» [8. Т. 4. С. 12].

Таким образом, местоимения в текстах Жванецкого служат не только для грамматической связи, но и играют ключевую роль в выражении его сатирического взгляда на окружающую действительность.

В качестве еще одной яркой идиостилевой черты назовем активное использование писателем-сатириком, особенно в текстах политической тематики, *штампов* и *канцеляризов* в качестве средств создания комического эффекта. К таким случаям можно отнести, например, употребление отглагольных существительных на *-ние* («...к 2000 году должно остановиться ухудшение. Падение ухудшения и нарастание улучшения будут происходить одновременно...») [8. Т. 4. С. 49], «...глубокое и постоянное изменение нашей жизни к худшему. То есть непрерывное улучшение, приводящее к ухудшению жизни» [8. Т. 4. С. 12]), а также «нанизывание падежей» («В целях скорейшего обеспечения убыстрения нарастания получения продуктов для быстрой их употребления был посещен ряд предприятий общественного питания...») [8. Т. 4. С. 27]). Штампы и канцеляризмы, выступая лексико-стилистическими маркерами преимущественно письменных официально-деловых текстов, в СТ Жванецкого демонстрируют особое понимание автором природы смеха: писатель стремится говорить серьезно о серьезном, однако при этом вызывает у адресата смеховую реакцию.

Помимо единиц лексического и грамматического уровней, в реализации прагматики комического автор задействует ряд *стилистических приемов*. В их числе отметим:

– *парадокс*, реализуемый в виде противоречивых утверждений, которые заставляют задуматься о глубине и абсурдности ситуации: «...за независимость на

местах при полной зависимости от центра», «...за все виды собственности, кроме частной, личной, индивидуальной и вообще принадлежащей кому-то...», «за отход КПСС от власти при сохранении руководящей роли» [8. Т. 4. С. 36];

– «*обманутое ожидание*», когда сюжет или описываемая ситуация разворачиваются вопреки ожиданиям адресата, что создает комический эффект: «Будем откровенны – плохо живем. Будем откровенны – еды во многих домах нет. Я лично буду откровенен – я без валенок к зиме. Буду еще откровеннее – у меня лысина. Буду совсем откровенен – у меня нет правой руки. И если начистоту, я без ног. А совсем между нами – они мне и не нужны» [8. Т. 4. С. 218];

– *сарказм*, манифестируемый посредством остроумных и язвительных высказываний, которые подчеркивают недостатки и смешные стороны жизни и людского поведения. Раскрывая особенности разрешения мужчинами бытовых и политических конфликтов, в миниатюре «Сексуальная революция», автор отмечает: «У них всегда позиции разные. Называется это – альтернатива. То есть стенка на стенку. Как один что-то придумал, так появляется второй и придумывает противоположное. В животном мире это давно есть: два петуха, два козла, два барана на мосту и так далее» [8. Т. 4. С. 20];

– *гиперболу* как намеренное преувеличение характеристик или их значимости в целях демонстрации их абсурдности: в миниатюре «О нас», говоря о русском человеке за границей, автор подмечает: «Там мы как белые вороны, как черные зайцы, как желтые лошади» [8. Т. 4. С. 224];

– *аллюзию*, т.е. использование культурных и литературных смысловых переключек, создающих иронический подтекст на основе контраста между ожидаемым и реальным. Так, в миниатюре «Ума не приложу» видим отсылку к периоду развития Советского и Российского государства, когда у власти находились люди преклонного возраста: «Мы, говорят они, не понимаем, что творится с президентом. <...> Он единственный, кого можно понять, невзирая на дикцию. Но как можно так лечить все руководство страны, чтоб они становились такими одинаковыми к своим годам? Нет ли там в Кремле других лекарств?» [8. Т. 4. С. 222];

– *контраст*, способствующий созданию двуплановости – видимого и скрытого смысла, когда что-то, декларируемое формально как положительное, имеет скрытую отрицательную прагматику (а потому подвергается сатирическому осмеянию). Так, например, в миниатюре «Там хорошо, где нас нет» автор восклицает: «Оказывается, Жора, нигде в мире нет блатных песен. Это же уму непостижимо! Это же отсутствует целая литература. Фольклора нет. Народы молчат. Это же, оказывается, только у нас» [8. Т. 4. С. 10]. Использование разговорного выражения *уму непостижимо* для выражения «искреннего» недопонимания того факта, что нигде в мире нет блатных песен, создает комический эффект и вызывает смех как естественную реакцию у адресата. Однако на самом деле автор выражает негативное отношение к изображаемому и насмехается над описываемым общественным

укладом, неотъемлемой частью которого являются артефакты криминального мира;

– языковую игру на основе привлечения каламбуров, алогизмов, приема доведения до абсурда, умолчания, делающую текстовую информацию более ироничной и остроумной. Приведем примеры. Одной из известных выступает миниатюра «Рискуют все!», посвященная изображению периода распада СССР и формирования России как государства с демократическим строем и рыночной экономикой. В ней есть такой фрагмент: *«А народ уже заразился импровизацией. // – На меня давай, на меня. И либерализм, и приватизацию, и трепанацию, и цивилизацию, и интеллигенцию...»* [8. Т. 4. С. 33]. Использование лексемы *трепанация*, относящейся к медицинской терминологии, в одном ряду с единицами, принадлежащими тематической группе «Социальные отношения», становится возможным благодаря структурной схожести слов. В данном случае каламбур служит не только выражению комично-ироничной прагматики, а позволяет выразить одновременно критически-насмешливое и сочувственное отношение автора к обозначенному субъекту. Народ, в понимании автора, – инертная масса, которую легко можно направить в необходимое властной системе русло, «заразить» актуальными для определенного момента истории идеями;

Другой пример. В приводимом фрагменте миниатюры «Население и народ. Разговор начальников» комический эффект возникает и усиливается за счет растущего эмоционального воздействия на адресата путем доведения описываемой ситуации до абсурда: *«– ...как с обеспечением населения, допустим, лекарствами? // – Допустим, населения? // – Да, да. // – И чем вы спрашиваете? // – Лекарствами. // – Обеспечим. // – Я в этом уверен? // – Безусловно. // – Здесь сомнений быть не может? // – Абсолютно. // – Народ будет обеспечен лекарствами? // – В первую очередь. // – А все остальные? // – Тоже. // – Пока о населении говорить не будем. // – Трудности с валютой. // – Народ не должен это чувствовать. // – Безусловно»* [8. Т. 4. С. 28]. Весь текст миниатюры иллюстрирует реализацию авторского насмешливо-иронического отношения к описываемому за счет использования каламбура, алогизмов в репликах диалога и приема доведения до абсурда. Финальная сцена в миниатюре «Население и народ. Разговор двух начальников» строится на приеме умолчания: *«– Если можно, еще встречу к Новому году? // – До свидания. // – ...»* [8. Т. 4. С. 28].

Подобный способ построения СТ характерен и для других миниатюр М. Жванецкого. Так, например, в миниатюре «Таблетки от тревоги», построенной в форме диалога между пациентом и врачом, алогичные реплики доктора нивелируют тревогу пациента, связанную непониманием происходящего вокруг него: *«– Элениум перед сном. // – Ага. И я все пойму? // – Нет. Будет лень разбираться. // – Тогда простой вопрос. Где найти кран для сантехника? // – В аптеке. По одной штучке. // – И что? // – И ничего. – А сантехник? // – Я ему уже выписал. // – Ага. Значит, теперь... // – Вы не нужны друг другу. Тем более что нет этих кранов»* [8. Т. 4. С. 41].

Примечательно, что финальные реплики в каждой из описанных миниатюр демонстрируют всеобщее безразличие к происходящему, и это вызывает у автора чувство неприятия социальной действительности, которое и становится причиной для развития у текста в целом сатирической направленности. Миниатюру «Таблетки от тревоги» завершает фраза доктора, сказанная пациенту в ответ на вопрос о том, где достать вышеупомянутые таблетки: *«– У меня есть две. Мы с вами примем и не будем об этом думать»* [8. Т. 4. С. 41].

М. Жванецкий мастерски сочетает перечисленные и другие приемы с отбором языковых единиц, создавая уникальный стиль, который позволяет глубоко и метко описать наивность, глупость или нелепость человеческих поступков и общественных явлений.

Интерпретация значимых фрагментов картины мира М. Жванецкого на основании результата анализа идиостилевых особенностей его СТ

С опорой на результаты, полученные в ходе анализа обуславливающих своеобразие идиостилевой манеры М. Жванецкого экстралингвистических и лингвистических факторов, можно предложить варианты интерпретации авторского представления о человеке, власти, смехе. Эти представления лежат в основе выделения в картине мира писателя-сатирика ключевых концептуальных смыслов ЧЕЛОВЕК, ГОСУДАРСТВО, СМЕХ.

Сатира как стилеобразующее начало в миниатюрах М. Жванецкого позволяет актуализировать концептуальный смысл «человек должен быть свободен», являющийся аксиологической доминантой в картине мира автора. Особо ценными для писателя являются такие свойства личности, как независимость, внутренняя свобода, способность постоять за себя, психологическая целостность и самостоятельность, в связи с чем особое место в индивидуально-авторской картине мира Жванецкого занимает концептуальный смысл ЧЕЛОВЕК. Его содержательное наполнение основывается на представлении сатирика об амбивалентной природе смеха, когда возникает ситуация «смеха сквозь слезы» или понятие «смех тела», актуализируемое на поверхностном уровне восприятия текстовой информации, противопоставляется понятию «смех ума» (номинации предложены Л.В. Карасевым: [23]). В последнем случае речь идет о глубинных уровнях интерпретации, порождающих данный феномен. Трагикомичная по сути и глубоко лиричная по форме – таковы основные свойства сатиры М. Жванецкого, нашедшие отражение в идиостилевых особенностях его произведений и выступающие «ключом» для понимания всей глубины его мировоззрения.

Поскольку создание СТ, рассматриваемых в рамках данного исследования, хронологически соотносится с периодом распада СССР и формирования государства нового типа, концептуальный смысл ЧЕЛОВЕК в большинстве СТ автора актуализируется в контексте социально-политических изменений. По мысли автора, человек глубоко несчастен, поскольку лишен базовых социальных благ: *«Копаемся в помоях, проклиная друг*

друга: «Как лечат, суки! Как строят, гады! Как кормят, падлы!» [8. Т. 4. С. 99]; «Правительство реформ выглядит хорошо. Волнения идут ему на пользу. Некоторые, волнуясь, много едят. Большинству не на что, хотя волнуются не меньше» [8. Т. 4. С. 104]. Писатель уверен: несмотря на то, что человек вынужден существовать в полном абсурде социуме и в противоречии с общественными нормами, вынужден смириться с произволом государственной системы, он достоин лучшего будущего. Умело соединяя юмор и сарказм, М. Жванецкий вселяет в человека надежду: «Да кто только здесь не был, чем только нас не отвлекали. И царизмом, и социализмом, и капитализмом. А мы всегда под Новый год, под праздничное ощущение, под чувство и предчувствие, под закусочку и записочку. Выпьем! И все будет хорошо» [8. Т. 4. С. 105]; «Мы будем жить очень хорошо. Я в этом убежден. И ничто меня не переубедит – ни холод, ни голод, ни то, что все необходимое продали...» [8. Т. 4. С. 94].

Содержательное наполнение концептуального смысла ЧЕЛОВЕК в картине мира автора связано с глубоким пониманием М. Жванецким многогранности человеческой природы. В миниатюрах автор саркастически говорит об инертности и внутренней несвободе человека: «– Не хотим хорошо жить! Никто не заставит нас хорошо жить! Не подсовывайте нам собственность! Хотим жить без имущества и работать без зарплаты!» [8. Т. 4. С. 99] и одновременно выражает гуманное отношение к его слабостям: «Жалко нас. Никто за нас не хочет пройти наш путь. Придетесь нам. Жалко нас. Жалко. Не надо впадать в отчаяние. Я думаю, что мы преодолеем» [8. Т. 4. С. 58]. С точки зрения М. Жванецкого, человек способен философски подходить к осознанию своего места в мире и в социуме, погружаться в глубокие экзистенциальные переживания: «Мы стоим на земле, где лежат кости... так же живших от “на грани разорения” до “на грани процветания” <...> Наше поколение – выяснят те, будущие, – умело не так любить, как дружить, и предательство, которое давалось так легко, вызывало большие переживания» [8. Т. 4. С. 238].

В картине мира сатирика особую роль играет концептуальный смысл ГОСУДАРСТВО, приобретающий в его дискурсе особое прочтение: государство – это бездушная, неискренняя, механистичная, формализованная система. Содержательное наполнение концептуального смысла ГОСУДАРСТВО в СТ М. Жванецкого рассматриваемого периода представлено единицами, называющимися бюрократические структуры и правоохранительные органы: «Когда государство ночью нагрнуло, знаю – милиция пришла» [8. Т. 4. С. 97]; «Эти ребята [парламент], выражая ничьи интересы, вернее, ничьи интересы не выражая, кроме интересов народа, дробят все, что к ним поступает. И стоя аплодируют сами себе. Мною замечено, если парламент стоя аплодирует – быть войне» [8. Т. 4. С. 104].

Концептуальный смысл ГОСУДАРСТВО в картине мира М. Жванецкого обесценено с точки зрения аксиологической значимости: «Страну, что мы любили, заменило государство, его невозможно любить, как бы ты ни изворачивался» [8. Т. 4. С. 70]. Государство и

человек существуют в параллельных реальностях, четко отделены друг от друга и даже противопоставлены друг другу. Отношения между ними лишены понимания и сотрудничества: «Выпьем за правительство реформ! Пусть у них будет все хорошо. Если мы мешаем – мы уйдем. Они важнее. Еще год назад была надежда, что наши пути хоть где-то пересекутся, если не в данном месте, то хоть в данном времени. Но, видимо, не судьба» [8. Т. 4. С. 104]; «Говорят, какой-то закон все-таки выйти должен, но расстояние от мозгов депутатов до души населения столь велико, что закон его не преодолеет» [8. Т. 4. С. 104]. Однако можно утверждать, что концептуальные смыслы ЧЕЛОВЕК и ГОСУДАРСТВО в картине мира М. Жванецкого неразрывно связаны между собой: осмысление бездушной и формализованной природы государственной системы невозможно без осмысления глубины и многогранности человеческой сущности.

И если для Жванецкого человек и его внутренняя свобода выступают мерилем сути вещей, а государство сатириком оценивается лишь в отрицательном ключе, то смех трактуется в качестве инструмента познания человеческой природы. Выявление оригинальных индивидуально-авторских оттенков в структуре концептуального смысла СМЕХ коррелирует с представлением о его образных и сценарных составляющих, включая, субъекта, объекта, каузатора (причину) смеха, характер взаимоотношений между субъектом и объектом, оценочный и эмоциональный компоненты [24. С. 235]. В индивидуальной картине мира Жванецкого именно образ автора интегрирует потенциал всех перечисленных компонентов, стимулируя адресата продемонстрировать смех не только и не столько физиологической, сколько когнитивной природы. Смех, вызванный Жванецким, – не только реакция на что-то веселящее. Это всегда и в первую очередь – смех-удивление, появление которого спровоцировано умением автора «так метко подбирать и описывать факты жизни» [11. С. 87]. Амбивалентность смыслов, наполняемых картину мира сатирика, обуславливает наличие в семантической ткани текстов М. Жванецкого всей гаммы прагматических оттенков комического: от легкой, насмешливой иронии – до мрачного, трагического сарказма. Парадоксальная формула «смешно, потому что грустно» является отличительной идиостилевой характеристикой, объединяющей все сатирические миниатюры М.М. Жванецкого. Подробнее см.: [25].

СМЕХ в концептуальной структуре СТ М. Жванецкого занимает центральное место и является интегрирующим звеном, поскольку именно посредством смеха осмысливаются окружающая действительность, сущность человеческого бытия и сложность взаимоотношений человека и современных ему государственной системы, страны, эпохи. Амбивалентная природа смеха дает возможность сатирику обнаруживать сложность экзистенции человека в мире, часто проникнутом абсурдом и противоречиями: «Нет, нужно родиться там, тогда вам не кажется подозрительным такое количество счастливых лиц» [8. Т. 4. С. 70]; «В слово “запрещено”, – верю свято. Наше слово. В то, что “все разрешено, что не запрещено”, – не верю.

И не поверю никогда» [8. Т. 4. С. 97]. Благодаря жизнеутверждающей природе сатиры М. Жванецкого его миниатюры обладают мощным прагматическим эффектом, вызывающим глубокую рефлексию их адресата.

Осмеянию и одновременно глубокому философскому осмыслению сатирик подвергает лишь особенности человеческой природы и характер взаимоотношений человека с государственной системой в эпоху общественно и политических изменений. Собственно государство в изоляции от человека находится вне поля зрения М. Жванецкого. Возникающие в процессе взаимодействия человека и государства несправедливость и абсурд писатель-сатирик подвергает критической оценке, поскольку главная интенция автора заключается в том, чтобы своими миниатюрами подчеркнуть все достоинства и недостатки человеческой природы, поднять на поверхность глубинные смыслы бытия человека, вызвать катарсический эффект у слушателя и читателя. Этим объясняется серьезное отношение автора к юмору и стремление пробудить в адресате своего творчества «смех ума».

Заключение

С опорой на полученные в процессе анализа выводы о специфических чертах идиостилевой творческой манеры М.М. Жванецкого, проявляющихся в СТ, созданных в последние десятилетия XX в., исследована концептуальная картина мира писателя в рамках отдельных ее фрагментов. Тем самым подтверждена целесообразность изучения мировоззренческих установок и аксиологических представлений автора на основе рассмотрения уникальных свойств его языковой личности, нашедших отражение в текстовой деятельности.

В перечне экстралингвистических характеристик идиостиля писателя выделены факторы жанровой специфики текстов указанного периода, а также формы коммуникативного позиционирования автора.

Предпочтения в выборе жанра – сатирической миниатюры – определяют склонность М. Жванецкого к лаконичной форме, доступной для восприятия массовому адресату в условиях чтения текста с эстрадной сцены. Наблюдающаяся при этом концентрация смысла, возникающая, в том числе, благодаря реализации принципа импрессионистичности (мозаичности, наложения сюжетных ходов, «полифонии» голосов и мнений), расширяет содержательное поле текста. Сатирическая прагматика жанра в ракурсе авторского восприятия приобретает синкретичную природу, адаптируя «под» решение авторских задач в рамках индивидуального творческого дискурса функциональный ресурс юмора, сатиры, лирической составляющей.

Самобытность творческой манеры М. Жванецкого проявляется также в формах авторского «присутствия» в структурно-содержательной ткани СТ и в способах демонстрации отношения к своим адресатам. В отношении к адресатам автор демонстрирует двойственное – одновременно насмешливое и лирически-сочувственное – отношение, связанное с желанием повлиять на сознание читателя / зрителя, изменив его аксиологические ориентиры.

Образ автора остается целостным, несмотря на смену коммуникативных «масок»: иронизирующий автор, автор-критик, автор-гуманист и эмпат, автор-философ, автор-скептик. Синкретизм и амбивалентность авторской позиции позволяет варьировать формы и средства выражения прагматики СТ.

Анализ языкового строя СТ М. Жванецкого способствовал осмыслению в системном виде информации об идиостилевых чертах, связанных с предпочтениями в выборе лексических единиц, грамматических форм и стилистических приемов. В целях расстановки смысловых акцентов автором широко привлекаются местоимения, разговорная лексика, штампы и канцеляризмы, а также случаи актуализации парадигматических связей между лексемами (например, частое употребление слов-антонимов) и, наоборот, случаи нарушения парадигматических связей (псевдоантонимы, псевдосинонимы). В числе активно используемых синтаксических средств названы диалоговые конструкции, обобщенно-личные предложения. Лингвистический анализ СТ Жванецкого свидетельствует о таких «излюбленных» им способах и средствах, как различные виды языковой игры (каламбура, алогизмов), стилистические приемы «доведения до абсурда», «обманутого ожидания», привлечение семантического потенциала парадокса, иронии, сарказма, гиперболы, метафоры, контраста. Перечисленные языковые средства, будучи маркерами индивидуального стиля Жванецкого, эффективно помогают автору реализовать комплекс задач, которые он поднимает и решает в своих текстах как писатель-сатирик.

На основании осуществленного анализа наиболее значимых параметров идиостиля, нашедших отражение в сатирических миниатюрах М.М. Жванецкого обозначенного временного периода, выдвинуто предположение о ключевом месте концептуальных смыслов ЧЕЛОВЕК, СМЕХ, ГОСУДАРСТВО в картине мира автора и представлено общее их содержательное наполнение, в том числе, в аспекте аксиологической характеристики. Как высшую ценность человека Жванецкий определяет чувство внутренней свободы, декларирует это представление в своей авторской позиции – писателя-сатирика, владеющего широким набором инструментов комического (от легкой иронии до едкого сарказма) для осмеяний социальных пороков в современном ему обществе. Суть понимания человека в мировоззренческой «системе координат» автора заключается в глубоком анализе человеческой природы, раскрывающейся во всем многообразии жизненных ситуаций, в контексте отношений между людьми, общественных норм, внутренних противоречий и повседневном существовании. Через юмор и сарказм Жванецкий показывает, как человек часто оказывается в комичных и парадоксальных ситуациях, подчеркивая при этом его слабости и несовершенство. Одной из ключевых тем его творчества является одиночество человека в обществе, поиск смысла жизни, а также столкновение индивидуальных стремлений с общественными ожиданиями. Жванецкий умело подмечает детали, которые могут показаться незначительными, но на самом деле раскрывают глубокие человеческие чувства и переживания. В его творчестве человек сложен и

многогранен, он не идеализируется автором, испытывает радости и горести, ищет свое место в мире и полном абсурда социуме, сталкивается с бесконечными вопросами о собственной природе и предназначении. Смех в картине мира сатирика полифункционален: он выступает инструментом рефлексии, оценки, интерпретации, имея различные формы воплощения – от легкой, насмешливой иронии до уничижающего сарказма и обличающей сатиры. Комический эффект в сатирических миниатюрах М. Жванецкого возникает благодаря тому, что автор серьезно относится к юмору. Такое понимание природы комического в картине мира М. Жванецкого обусловлено амбивалентной природой смеха и особым, жизнеутверждающим, характером его сатиры.

В числе перспективных направлений развития обозначенной проблематики выделим задачу моделирования в системном виде картины мира М.М. Жванецкого на основании результатов изучения специфики его идиостиля (осуществления контент-анализа СТ, выделения наиболее частотных слов и с учетом полученных данных – ключевых концептов, установления между ними связей и отношений), подтверждения результатов интроспекции в серии ассоциативных лингвистических экспериментов, рассмотрения картины мира автора в аспекте динамики организующих ее концептуальных смыслов в рамках творческого дискурса, обоснования дискурсивной обусловленности концептообразования в картине мира сатирика.

Список источников

1. Луков В.А., Федотов О.И. Сатира // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 312–316.
2. Вулис А.З. Алхимия поиска // Конец здравого смысла. Ташкент : Шарк, 1993. URL: <https://traumlibrary.ru/book/zayaitskiy-konzs/zayaitskiy-konzs.html#s001> (дата обращения: 01.12.2024).
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : URSS, 2010. 264 с.
4. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
5. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1992. 73 с.
6. Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Иркутск : ИГЛУ, 2005. С. 5–16.
7. Болотнова Н.С., Болотнов А.В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187–193.
8. Жванецкий М.М. Собрание произведений в пяти томах. WebKniga. Т. 1: Шестидесятые. 167 с.; Т. 2: Семидесятые. 239 с.; Т. 3: Восьмидесятые. 272 с.; Т. 4: Девяностые. 239 с.; Т. 5: Двадцать первый век. 201 с.
9. Михайлик Ю. Поговорим о творчестве Михаила Жванецкого. Около-литературные беседы. URL: https://vk.com/m.zhvan?z=article_edit-133885332_82342 (дата обращения: 01.12.2024).
10. Трач А.С. Идиостиль М.М. Жванецкого: языковая игра на основе нарушения кодифицированных норм // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 223–227.
11. Трач А.С. Феномен М.М. Жванецкого: жанровый и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 185 с.
12. Фефелова Г.Г. Языковые приемы комического как особенности идиостиля М. Задорнова и М. Жванецкого // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2020. С. 161–166.
13. Колесниченко Е.Л., Габидуллина А.Р. Парадоксальные высказывания в произведениях М. Жванецкого // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 1. С. 54–65.
14. Стихина М.А. Особенности применения переводческих трансформаций при переводе афоризмов (на материале произведений М.М. Жванецкого и С. Фрая) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых : в 2 ч. / под общ. ред. Ж.А. Храмушиной, А.С. Поршневой, Л.А. Запеловой, А.А. Ширшиковой. Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т, 2013. С. 324–329.
15. Гуляева А.А. Роль неполных предложений в создании эффекта комического в художественных произведениях М.М. Жванецкого // Студенческий вестник. 2021. № 23-1 (168). С. 25–27.
16. Карпова А.М. Экспрессивная лексика как средство выразительности в творчестве М.М. Жванецкого // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2020. № 3 (32). С. 112–114.
17. Шемелева Т.В. Прагматические и стилистические возможности неопределенных местоимений в дискурсе М. Жванецкого // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума : В 2 т. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 414–419.
18. Михайлик Ю. Бродский и Жванецкий. Эссе // Стихи.Ру. URL: <https://stihi.ru/diary/ivfadlan/2012-09-02?ysclid=m34h95idg776553257> (дата обращения: 01.12.2024).
19. Лаврова С.Ю., Бочкарева Ю.Ю. Концепты «ум» и «глупость» в современном русском юмористическом дискурсе (на материале текстов М. Жванецкого и «Comedy club») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 31–36.
20. Баймиева В.Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). С. 10–12.
21. Интервью М. Жванецкого корреспонденту «Первого Русского Радио» в Лондоне Алене Мучинской // Деловые люди : журнал. Июнь 2003. URL: <https://jvanetski.livejournal.com/90616.html> (дата обращения: 01.12.2024).
22. Интервью М. Жванецкого журналисту К. Лариной в эфире передачи «Эхо Москвы». 08.10.2005 // Жванецкий в ВК. URL: https://vk.com/wall-133885332_113879?ysclid=m35g0elkix428759961 (дата обращения: 01.12.2024).
23. Карасев Л.В. Философия смеха. М. : РГГУ, 1996. 222 с.
24. Попова С.А. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «смеха» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 232–238.
25. Сластина Е.Ю., Курьянович А.В. Концепт СМEX в русской языковой картине мира с позиций лингвокультурологического подхода: к постановке проблемы // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: достижения, перспективы, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. И.В. Пекарская ; отв. ред. О.А. Вольф. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2020. С. 91–94.

References

1. Lukov, V.A. & Fedotov, O.I. (2013) Satira [Satire]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2. pp. 312–316.
2. Vulis, A.Z. (1993) Alkhimiya poiska [Alchemy of search]. In: *Konets zdravogo smysla* [The End of Common Sense]. Tashkent: Shark. [Online] Available from: <https://traumlibrary.ru/book/zayaitskiy-konzs/zayaitskiy-konzs.html#s001> (Accessed: 01.12.2024).

3. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 7th ed. Moscow: URSS.
4. Postovalova, V.I. (1988) *Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [Picture of the world in human life]. In: Serebrennikov, B.A. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World]. Moscow: Nauka. pp. 8–69.
5. Pishchal'nikova, V.A. (1992) *Problema idiostilya. Psikholingvisticheskiy aspekt* [The Problem of Idiostyle. Psycholinguistic Aspect]. Barnaul: Altai State University.
6. Plotnikova, S.N. (2005) *Yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost': k probleme razgranicheniya ponyatiy* [Language, communicative, and discursive personality: on the problem of delimiting concepts]. In: *Lingvistika diskursa* [Discourse Linguistics]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 5–16.
7. Bolotnova, N.S. & Bolotnov, A.V. (2012) *Kognitivnyy stil' yazykovoy lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy* [Cognitive style of linguistic personality in the structure of the idiostyle model: on the problem statement]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 187–193.
8. Zhvanetskiy, M.M. (n.d.) *Sobranie proizvedeniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vols 1–5. WebKniga.
9. Mikhaylik, Yu. (n.d.) *Pogovorim o tvorchestve Mikhaila Zhvanetskogo. Okolo-literaturnye besedy* [Let's talk about the work of Mikhail Zhvanetsky. Near-literary conversations]. [Online] Available from: https://vk.com/m.zhvan/?z=article_edit-133885332_82342 (Accessed: 01.12.2024).
10. Trach, A.S. (2007) Idiostil' M.M. Zhvanetskogo: yazykovaya igra na osnove narusheniya kodifitsirovannykh norm [Idiostyle of Mikhail Zhvanetsky: a language game based on the violation of codified norms]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 50. pp. 223–227.
11. Trach, A.S. (2007) *Fenomen M.M. Zhvanetskogo: zhanrovyy i pragmalingvisticheskiy aspekty* [Phenomenon of Mikhail Zhvanetsky: genre and pragmalinguistic aspects]. Philology Cand. Diss. Taganrog.
12. Fefelova, G.G. (2020) [Linguistic devices of the comic as features of the idiostyle of Mikhail Zadornov and Mikhail Zhvanetsky]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoy gumanitarnoy nauki* [Theoretical and Practical Problems of the Development of Modern Humanitarian Science]. Proceedings of the 6th International Conference. Ufa: Bashkir State University. pp. 161–166. (In Russian).
13. Kolesnichenko, E.L. & Gabidullina, A.R. (2013) *Paradoksal'nye vyskazyvaniya v proizvedeniyakh M. Zhvanetskogo* [Paradoxical statements in the works of Mikhail Zhvanetsky]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 1. pp. 54–65.
14. Stikhina, M.A. (2013) [Features of the application of translation transformations in the translation of aphorisms (based on the works of Mikhail Zhvanetsky and Stephen Fry)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Current Issues of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the 3rd All-Russian. Yekaterinburg. 8 February 2013. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 324–329. (In Russian).
15. Gulyaeva, A.A. (2021) *Rol' nepolnykh predlozheniy v sozdaniy effekta komicheskogo v khudozhestvennykh proizvedeniyakh M.M. Zhvanetskogo* [The role of incomplete sentences in creating a comic effect in the works of Mikhail Zhvanetsky]. *Studencheskiy vestnik*. 23-1 (168). pp. 25–27.
16. Karpova, A.M. (2020) *Ekspressivnaya leksika kak sredstvo vyrazitel'nosti v tvorchestve M.M. Zhvanetskogo* [Expressive vocabulary as a means of expressiveness in the works of Mikhail Zhvanetsky]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZh*. 3 (32). pp. 112–114.
17. Shemeleva, T.V. (2020) [Pragmatic and stylistic possibilities of indefinite pronouns in the discourse of Mikhail Zhvanetsky]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in a Policultural World]. Proceedings of the IV International Symposium. Simferopol. 9–11 June 2020. Simferopol: Crimea Federal University. pp. 414–419. (In Russian).
18. Mikhaylik, Yu. (2012) *Brodskiy i Zhvanetskiy. Esse* [Brodsky and Zhvanetsky. Essay]. *Stikhi.Ru*. [Online] Available from: <https://stikhi.ru/diary/ivfadlan/2012-09-02?ysclid=m34h95idg776553257/> (Accessed: 01.12.2024).
19. Lavrova, S.Yu. & Bochkareva, Yu.Yu. (2009) *Kontsepty "um" i "glupost" v sovremennom russkom yumoristicheskom diskurse (na materiale tekstov M. Zhvanetskogo i "Comedy club")* [The concepts of "um" (intelligence) and "glupost" (stupidity) in modern Russian humorous discourse (based on the texts of Mikhail Zhvanetsky and Comedy club)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (22). pp. 31–36.
20. Baymieva, V.Yu. (2016) *Zhanr miniatyury v russkoy literature XX veka* [The genre of miniatures in Russian literature of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9-3 (63). pp. 10–12.
21. Delovye lyudi. (2003) *Interv'yu M. Zhvanetskogo korrespondentu "Pervogo Russkogo Radio" v Londone Alene Muchinskoy* [Interview of Mikhail Zhvanetsky to Alena Muchinskaya, a correspondent of the First Russian Radio in London]. *Delovye lyudi*. June. [Online] Available from: <https://jvanetski.livejournal.com/90616.html> (Accessed: 01.12.2024).
22. VK.com. (2005) *Interv'yu M. Zhvanetskogo zhurnalistu K. Larinoy v efire peredachi "Ekho Moskvy"* [Interview of Mikhail Zhvanetsky to a journalist Ksenia Larina on the air of the program Ekho Moskvy]. *VK.com*. [Online] Available from: https://vk.com/wall-133885332_113879?ysclid=m35g0elkix428759961 (Accessed: 01.12.2024).
23. Karasev, L.V. (1996) *Filosofiya smekha* [Philosophy of Laughter]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
24. Popova, S.A. (2015) *Obraznaya i stsenarnaya sostavlyayushchie mental'noy struktury "smekh" v russkoy yazykovoy kartine mira* [Figurative and scenario components of the mental structure "laughter" in the Russian linguistic picture of the world]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 232–238.
25. Slastina, E.Yu. & Kur'yanovich, A.V. (2020) [The concept SMEKh in the Russian linguistic picture of the world from the standpoint of the linguacultural approach: towards the formulation of the problem]. *Aktual'nye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: dostizheniya, perspektivy, innovatsii* [Current Problems of the Study of Language, Literature and Journalism: Achievements, prospects, innovations]. Proceedings of the International Conference. Abakan. 18–19 November 2020. Abakan: Khakassian State University named after N. F. Katanov. pp. 91–94. (In Russian).

Информация об авторах:

Жукова Е.Ю. – аспирант кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: lenko1994s@mail.ru

Куриянович А.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Zhukova, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lenko1994s@mail.ru

A.V. Kurjanovich, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory of Language and Methods of Teaching Russian, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 82-92+82-2+82.091
doi: 10.17223/15617793/511/3

Восприятие драмы Островского «Бесприданница» на страницах газеты «Казанский биржевой листок» (о постановках 1879 г.)

Иван Валерьевич Панамарёв¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ivanpanamareff@gmail.com

Аннотация. На материале театральных заметок в газете «Казанский биржевой листок» за 1879 г. рассматривается проблема рецепции и интерпретации драмы А.Н. Островского «Бесприданница». Анализируется полемика между анонимными критиками под псевдонимами *Wedion* и *Неведион* о значении модусов романтического и реалистического в пьесе. Проводится сопоставление между оригинальным текстом пьесы и его сценическим вариантом, где использовался романс «Ты изменил, и льются слезы...» вместо романса М.И. Глинки со стихами Е.А. Баратынского. Впервые привлекаются казанские театральные афиши и библиотека антрепренера П.М. Медведева.

Ключевые слова: А.Н. Островский, «Бесприданница», Казанский театр, «Казанский биржевой листок», театральная критика, сценическая интерпретация, романс

Для цитирования: Панамарёв И.В. Восприятие драмы Островского «Бесприданница» на страницах газеты «Казанский биржевой листок» (о постановках 1879 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 33–45. doi: 10.17223/15617793/511/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/3

Kazan theater criticism about stagings of Alexander Ostrovsky's *Without a Dowry* in 1879

Ivan V. Panamarev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ivanpanamareff@gmail.com

Abstract. The article examines the notes of two anonymous theater critics from *Kazanskiy Birzhevoy Listok* [Kazan Stock Exchange Newspaper], a commercial, public, and literary newspaper, regarding the productions of Alexander Ostrovsky's *Without a Dowry* at the Kazan Theater in 1879. Three stagings of the piece were presented in Kazan: the première by amateur actors on 29 January, a mixed (amateurs and professionals) production at the Summer Theatre on 27 May, and a professional production at the City Theater on 5 October. The first critic, named *Wedion*, had been contributing to the newspaper since 1877 and referred to himself as a "theater chronicler". The second critic, named *Nevedion* [I'm-not-Wedion], appeared for a brief period between April and October, 1879. During this time, he offers a critique of *Wedion*'s opinions and puts himself in opposition to *Wedion*. *Wedion* relies heavily on Nikolay Dobrolyubov's criticism. The critic considers the social context and the balance of power in Bryakhimov's society to be important. In this context, Larisa is presented as a part of Ogudalova's circle and criticized. The heroine's feelings are a manifestation of banality and inexperience. She appears to be a frivolous person, ruled by impulses of feeling and naive romantic patterns. Paratov is also placed in the field of banality; he is equalized with the rest of the faceless representatives of the nobility, whose actions are guided by selfish motives. Karandyshev, with whom *Wedion* aligns his role as an interpreter, is the sole bearer of unselfish love in the play. As a result, for the critic he is the only character that arouses sympathy, which is why he is appointed the play's protagonist. *Nevedion* presents the romantic and the realistic as equally valid aspects of the drama, focusing his attention on Larisa and her feelings for Paratov. The critic regards the heroine as the bearer of a profound love, ennobled by sincerity and aspiration towards the ideal. She is set in opposition to the values and practices of Ogudalova's society, functioning as the primary conveyor of the author's ideas. In the critic's view, Karandyshev represents the epitome of vulgarity. His entire being is aimed at rising above the Bryakhimov's society, and his bride is disgusted by him. *Nevedion*'s note about the production of *Without a Dowry* in October 1879 provides a comprehensive analysis of the provincial actress Iraida P. Umanets-Raiskaya's play. Her interpretation among the famous performers of the role of Larisa is characterized by a stormy temperament and a meticulous examination of Paratov, which aims to uncover his true identity. Furthermore, the critic's review ascertains the involvement of the Kazan theater director Pyotr M. Medvedev's troupe in replacing Mikhail Glinka's romance on lyrics by Yevgeny Baratynsky with the romance *You Betrayed Me, and Tears Are Flowing...* This version of the play became prevalent on the stage of the Russian theater and persisted at least until the end of the 19th century, which is proved by Anastasia Tsvetaeva's impressions of such performance at Moscow's Korsh Theater in her autobiographical book *Dym, Dym and Dym* [Smoke, Smoke, and Smoke]. In light of the reference to the Kazan press, it becomes evident that there was a bidirectional interaction between metropolitan and provincial theaters.

Keywords: Alexander Ostrovsky, *Without a Dowry*, Kazan theater, *Kazanskiy Birzhevoy Listok*, theatre criticism, stage interpretation, provincial theater, romance

For citation: Panamarev, I.V. (2025) Kazan theater criticism about stagings of Alexander Ostrovsky's *Without a Dowry* in 1879. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 33–45. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/3

Проблема интерпретации творчества А.Н. Островского в провинциальных театрах XIX в. напрямую связана с тем, как местные актеры и театральные критики воспринимали произведения драматурга. В 1850–1960-х гг., в связи с изданием двухтомного собрания пьес, в Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии со всей страны поступали запросы на разрешение поставить Островского, и Казанский театр выступил одним из наиболее заинтересованных [1. С. 78–79]. Параллельно с жизнью на подмостках разворачивалась рецензия и на страницах газет, где критика стремительно вовлекалась в обсуждение режиссуры, игры, публики, успехов и неудач постановщиков и исполнителей. Одной из влиятельнейших провинциальных газет второй половины XIX в. становится «Казанский биржевой листок», постепенно превратившийся из промышленного издания в универсальное и даже имевший филиалы в Нижегородской и Симбирской губерниях [2. С. 154]. В казанском отделении «биржевого листка» лишь за период с 1878 по 1881 г. было опубликовано более 30 заметок, в которых кратко или развернуто говорилось о сыгранных пьесах Островского. Материал «Казанского биржевого листка» еще не становился объектом тщательного литературоведческого изучения и обходилась стороной, о чем, среди прочего, говорит всего одно упоминание газеты в «Библиографии литературы об А.Н. Островском» К.Д. Муратовой [3. С. 55] и полное отсутствие в таком обобщающем издании, как «А.Н. Островский. Энциклопедия» [4].

Среди наиболее плодотворных критиков газеты выступает анонимный Wedion, пишущий для театрального отдела газеты с 1877 г.² и называющий себя «театральным хроникером биржевого листка». Ценные сведения о личности критика дает провинциальный актер А.Н. Кремлёв: Wedion был «коротким знакомым» редактора А. Миропольского, что позволяло рецензенту свободнее высказываться об актерской игре, нередко в оскорбительном тоне [5. С. 10]. Кроме того, в автобиографии (рукопись сохранилась в личном архиве Н.Я. Агафонова, издателя «Камско-Волжской газеты») Кремлёв раскрывает имя одного из ненавистных ему казанских критиков, которое можно смело отнести к Wedion'у: «Один из этих критиканов, донельзя неразвитый и нахальный Владимир Орлов, пристроившийся к редакции пошлой московской газеты “Московский листок”, через 11 лет нашел нужным отметить мне за эту брошюру...»³.

В апреле 1879 г. на страницах газеты появляется новый критик под псевдонимом Невеდიон. Вероятно, им мог быть казанский рецензент и журналист «Камско-Волжской газеты» К. Лаврский, использовавший псевдонимы «Нередников», «Инеюшков», но точных подтверждений этому нет. В своих театральных рецензиях он часто опровергает Wedion'a и спорит с ним. В одной

из заметок Невеდიон отмечает: «Читатель может видеть, насколько наши взгляды противоположны между собой» [7]. Внезапное появление и порой кардинально отличающееся мнение заставляют Wedion'a рефлексировать: «Если я, театральный хроникер “Бирж. Листка”, называюсь *Wedion*, то *Неведион* – очевидно мое если не полнейшее противоположение, то уже наверняка отрицание, по крайней мере так заставляет думать отрицательное наречие *не*, приставленное к моей постоянной подписи» (курсив автора. – И.П.) [8]. Самым резким противоречием между ними в оценке театральных постановок становится спор о «Бесприданнице» А.Н. Островского, однако во взгляде журналистов газеты прослеживается не только контраст, но и подспудное сходство, и множество интересных пересечений.

Примечательным эпизодом казанской театральной жизни в 1879 г. становятся три постановки «Бесприданницы» (табл. 1), противоречивой пьесы драматурга, в которой изображено стремление героини к романтической любви в границах обыденного мира, – «романс с поправкой на реальность», как писал А.Л. Штейн [9. С. 343]. Полемические заметки Wedion'a и Невеდიона выявляют это сочетание в центральных образах (Лариса, Паратов, Карандышев) и в соотношении любовного конфликта с миром произведения, воплощая потенциальные линии интерпретации пьесы. Взгляд каждого из критиков позволяет лучше понять, как читался и ставился Островский за пределами Москвы и Петербурга.

Таблица 1
Постановки «Бесприданницы» в Казани, 1879 г.

Характеристика	Дата постановки		
	29 января (премьера)	27 мая	5 октября
Театр	Городской	Летний	Городской
Состав	Любительский	Смешанный	Профессиональный
Режиссер		Бельский	П.М. Медведев
Лариса	О.В. Воронина	Немирова 2-я	И.П. Уманец-Райская
Паратов	М.П. Аристов	Вехтер	М.И. Бабилов
Карандышев	В.Е. Ильков	П.М. Свободин	Борисовский

Основными расхождениями становятся интерпретация образа Ларисы и взаимоотношение его с другими центральными образами пьесы, приводящие каждого критика к его собственному толкованию. Wedion пишет отзыв на премьеру «Бесприданницы», поставленной на любительской сцене (рис. 1), и подробно останавливается на сюжете, говоря, что «имя автора безусловно требует этого» [10]. В то же время критик предъявляет «искусному перу А.Н. Островского» большие требования и заявляет, что «разочаровался в значительной степени по окончании любительского спектакля» [10]. Разочарование критика

связано с недостаточным, на его взгляд, осуществлением «глубокого замысла, симпатичной основной идеи». Оценивая пьесу в целом, Wedion резюмирует:

Мы, правда, видим довольно удачно очерченную бытовую картину, видим отдельные сцены, детали и даже некоторые характеристики исполненными художественно-мастерски, но целого, полного, законченного мы не усматриваем [10].

Отношение рецензента во многом соответствует духу первых отзывов московской критики на премьеру пьесы, а иногда Wedion почти дословно воспроизводит их – достаточно сравнить последнюю цитату с соображениями С. Васильева (С.В. Флерова) в «Московских ведомостях» (1878): «Некоторые подробности нарисованы и отделаны художественною рукой, другие только намечены и оставлены в форме эскиза» [12. С. 5]. Рецензент «Казанского биржевого листка» считает, что «ошибка» Островского заключается «в бедной проработке главных носителей его идеи – Ларисы и Карандышева» [10].



Рис. 1. Афиша постановки от 29 января 1879 г. [11]

Ведущей особенностью взгляда критика становится стремление прочесть пьесу с реалистических позиций. Важную роль в таком подходе играют статьи Н.А. Добролюбова о «Тёмном царстве», к которым активно обращается рецензент в отношении многих пьес Островского⁴, в том числе и поздних, о которых Добролюбов не успел ничего написать. Например, «Последняя жертва» (1877), по мнению анонимного журналиста, представляет собой «значительный прогресс в изображении “темного царства”, именуемого самодурством» [14]. Значительные параллели с позициями демократической критики обнаруживаются и в отношении «Бесприданницы». Wedion оценивает главную героиню пьесы критически, называя ее «девицей» с «необычайной красотой, которая волнует и увлекает все молодое и старое из местных и наезжих мужчин купеческого происхождения» [10]. Отстраняясь от личных переживаний Ларисы, театральный рецензент встраивает ее образ в план общественного, отчего на первое место выходят внешние черты героини, и она пред-

стает субъектом сословных отношений, а дом Огудаловых «делается центром, вокруг которого группируются все волжское купечество и коммерсанство» [10]. Wedion буквально истолковывает беседу Кнурова и Вожеватова в начале пьесы, где проливается свет на положение бесприданницы, и указывает: «Лариса есть тот магнит или, вернее, цемент, который сплачивает воедино это разношерстное общество» [10]. Выводя экспозицию социального устройства в пьесе, критик подготавливает почву для интерпретации любовных исканий героини.

В связи с реалистической стороной «Бесприданницы» Wedion выделяет в пьесе трагедийное и мелодраматическое (или банальное). К области трагедийного критиком относится сюжетная коллизия, завершающаяся убийством героини, а к области мелодраматического – центральные характеры. В этом аспекте замечка Wedion'a вновь близка первым столичным отзывам, приведенная выше характеристика Ларисы сопоставима с мнением А.Д. Куперина в «Новом времени» (1878): «Неужели стоило г. Островскому тратить свои силы и свое время на драматическое воспроизведение банальной, старой, неинтересной истории о глупенькой, обольщенной девице?...» [15. С. 2]. Восприятие «Бесприданницы» как банальной пьесы было связано в том числе с кажущейся повторяемостью сюжетных коллизий, персонажей и мотивов. Желание многих критиков видеть в Островском создателя галереи типов даже в периоды его зрелого, «пореформенного» творчества и отказ проводить различия между типами, характерами и личностями в современной драме (эти идеи высказал Д.В. Аверкиев в серии статей «О драме», выпускавшихся в 1877–1878 гг. [16]) приводили к своеобразному сдвигу внимания с различий на сходства. В этом смысле характерна рецензия П.Д. Боборыкина на «Бесприданницу», где он пишет, что в пьесе «избитый сюжет, знакомые фигуры, все тонет в ненужных разговорах и несносных длиннотах» [17. С. 387]. Однако взгляд казанского критика примечателен тем, что не видит проблемы в основной идее, которую называет «симпатичной», а связывает неудачу произведения с изображением центральных характеров в свете романтического.

Wedion рассматривает чувства Ларисы иронически, что проявляется уже в самой его интонации и подборе лексики: «Но не думайте, однако, что Лариса раздает свои симпатии направо и налево, – нет, напротив, она никого не любила до тех пор, пока не предстал перед ней во всем величии блестящей демонической силы некто Паратов, “блестящий барин из судохозяев”, как значится в афише» [10]. Обращение к читателю с целью опровергнуть возможное толкование выступает рядом с характеристикой матери Ларисы, которая «под сурдинку собирает с пьяных и трезвых воздыхателей с кого сколько может деньгами и подарками» и «спекулирует своею дочерью» [10]. Негативно оценивая атмосферу дома Огудаловых и ее хозяйку, Wedion все же причисляет главную героиню к тому же обществу, отчего и предвосхищает мысли читателя, отвергаемые фразой «Но не думайте...». Явная гипербола – «во

всем величии блестящей демонической силы» – используется критиком, чтобы подсветить иронию и указать на влюбленность героини как на нечто заурядное. Иными словами, критик считает, что окружение Ларисы, рассмотренное с реалистической стороны, закладывает в героине потенциал уподобления и опошления, поскольку даже Паратов, что будет показано далее, относится к огудаловскому обществу и не может быть положительным примером. Следовательно, обоснование романтической уникальности героини через идею «среды» оказывается принципиально невыполнимо, в чем Wedion и видит проявление незаконченности пьесы, поэтому он на протяжении всей заметки активно пользуется иронией, чтобы аннулировать эту необоснованную черту героев.

Характеристика Паратова разворачивается критиком через интерпретацию его воздействия на Ларису. Wedion сочетает простую пересказывающую интонацию с высокопарным романтическим языком, лишая этим любовную коллизию реальных оснований:

Этот человек произвел на Ларису настолько сильное впечатление, что она прямо почувствовала в нем своего героя, свой идеал. Паратов, появившись как нечто всепокоряющее в глазах Ларисы, сделал свое дело, т.е. оставил глубокий след в душе девушки, и затем пропал бесследно [10].

Налицо отсутствие симпатии к обоим героям: «всепокоряющий» Паратов не описывается через его достоинства, критик не поясняет характеристику героя, а лишь указывает на его функцию, – «сделал свое дело», – которая сводится к оболыщению героини. Рецензент отказывает возлюбленному Ларисы в какой-либо исключительности, выстраивая все его поступки и черты в логике грядущего обмана. Критик рассуждает:

Что же такое этот Паратов, который пробудил в Ларисе чувство, граничащее с раболепством, слепую покорностью и безграничную восторженностью по отношению к нему? А это ни больше ни меньше, как олицетворенная удаль, беззаветное молодечество с большою примесью того рыцарства, которое нередко проявляется в самодурах некупеческого происхождения [10].

Используя слово «самодур» и встраивая Паратова в добролюбовскую систему персонажей, рецензент определяет чувства Ларисы не как реальную любовь, а как следствие оболыщения. Самодур в концепции «Тёмного царства» – это человек, которого нельзя на самом деле любить, поскольку он действует из позиции превосходства и мотивирует поступки личной выгодой. Именно поэтому критик не употребляет слово «любовь», ведь Лариса находится под действием противоестественного, труднообъяснимого чувства, состоящего из «раболепства», «покорности» и «восторженности». Таким образом, Wedion снижает образ Паратова и сводит положительное в нем к самообману Ларисы. Критик видит модус романтического, но не признает его значимости в реалистической драме и определяет как следствие наивности и банальности.

Снисходительный взгляд критика на Ларису ярко выражен и в описании кульминации сюжета. Wedion указывает, что Лариса видит единственный выход в свадьбе с Карандышевым, которого она не любит. По его мнению, резкий отказ от собственного решения, связанный с приездом Паратова, свидетельствует о непостоянстве и незрелости героини, что критик подчеркивает короткими восклицательными предложениями: «Все изменяется моментально! Судьба Ларисы решена!..» [10]. Описание побега героини с Паратовым завершается двусмысленной характеристикой мотивации Ларисы, в которой и указание на действительные чувства девушки, и их ироническая интерпретация:

<...> там за Волгой Лариса, будучи уже не в силах бороться против власти Паратова, отдается в порыве беззаветной и беспредельной страсти своему герою, своему повелителю, который затем тотчас же заявляет несчастной девушке, что он не может на ней жениться, и показывает на пальце своем обручальное кольцо <...> [10].

Примечательно, что в тексте Островского нет акцента на сексуальное обладание Ларисой. В интерпретации критика эта деталь возникает как продолжение романтического шаблона. В том, что героиня верит своему возлюбленному (который обручен с другой) и отдается ему, Wedion усматривает свидетельство ее инфантильной доверчивости. Это отношение к центральному женскому образу прямо заявляется при попытке подвести черту под итоговым вопросом о героине:

Что такое в сущности Лариса? Не легкомысленная ли это девочка, которая так же пылко увлеклась бы каким-нибудь мишурным офицериком или ухарским юнкером, как и Паратовым? <...> Если к этому прибавить еще то соображение, что Лариса никого лучше Паратова не видала, то станет слишком ясно, что в Ларисе это идеальное обожание своего повелителя проявилось именно тогда, когда уже «бурлила кровь, лишь выходя ища»... [10]

Критик вновь характеризует Ларису через Паратова, ставя его в один ряд с обезличенными «мишурными офицерами» и «ухарскими юнкерами» и тем самым задавая неисчерпаемую и неизбежную повторяемость истории оболыщения «девицы» «самодуром». Своеобразие взгляда рецензента проявляется в детальном внимании к социальному происхождению героини и ее среде, в намеренном снижении тех любовных исканий, которые отмечены печатью романтического, в подсвеченной при помощи иронии заурядности как самой героини, так и ее возлюбленного.

Второй критик «Казанского биржевого листка» не выделяет мелодраматического ядра пьесы, которую видит исключительно как трагедию, где реалистическое и романтическое существуют на равных началах. Октябрьскую постановку «Бесприданницы» на профессиональной сцене (рис. 2). Неведон рассматривает в тесном сближении с игрой известной актрисы И.П. Уманец-Райской в роли Ларисы. Критик отмечает, что актриса «скрасила роль и выдвинула перед зрителем ее характеристические особенности» [19].

Дальнейший анализ автором заметки строится именно на рассмотрении этих особенностей, через которые раскрывается истолкование образа главной героини.



Рис. 2. Афиша постановки от 5 октября 1879 г. [18]

В отличие от Wedion'a, критик не уравнивает Ларису и бряхимовское общество: «Перед нами была симпатичная девушка, попавшая силою обстоятельств в среду, совершенно чуждую ее наклонностям, в среду негодяев, циников, торгующих бесцеремонно человеческими достоинствами» [19]. Невеდიон противопоставляет Ларису окружению и сразу же обращается к ее внутренним достоинствам, на что и указывает слово «симпатичная» (а не на внешнюю красоту). Рецензент отмечает то же стремление Огудаловой к жизни в достатке, что и предыдущий рецензент, но смещает акцент в сторону достоинств Ларисы: «Ее мать <...> принадлежит к той же шайке и не может понять хороших задатков своей дочери» [19]. Критик представляет Ларису как отчужденную и одинокую личность, обладающую положительными качествами, которые позволяют выделить ее на фоне остальных персонажей пьесы.

Романтические искания героини в интерпретации рецензента лишены иронии и представлены в положительном ключе. Критик раскрывает их происхождение: «Лариса растет и развивается одна; нет у ней такого руководителя, который бы направил ее по настоящему правильному пути, и что удивительного, если она увлекается лучшим из окружающих людей, по крайней мере, по наружному виду – Паратовым» [19]. Примечательно, что Невеდიон тоже отмечает незрелость героини, но ее влюбленность, по мнению критика, обоснована искренностью в стремлении найти лучшее, поэтому дана со всей серьезностью.

Собственный взгляд на Ларису автор заметки противопоставляет ведионовскому, скрыто цитируя «театрального хроникера»:

Кто-то сказал, что Лариса легкомысленная девушка, что она так же пылко увлеклась бы каким-нибудь мишурным офицериком или ухарским юнкером, как и

Паратовым. Что действия Паратова представляются необычайными в сравнении с дебошами *каких-нибудь* (курсив автора. – И.П.) офицериков – нетрудно понять всякому, и тогда личность Ларисы тотчас же получит должную окраску и название «легкомысленной» ступается [19].

Неведион выводит Паратова из числа заурядных людей, поскольку считает, что стремление необыкновенной героини к своему возлюбленному было оправданным, а равноценная исключительность обоих лишает любовный конфликт в пьесе той банальности, которую обнаруживал Wedion.

Примечательно, что подбор лексики при характеристике Паратова у Невеდიона предельно близок к Wedion'у: «Этот человек, не обладающий нравственными качествами, нравится ей своим *молодечеством, удалью и ужающей храбростью*» (курсив мой. – И.П.) [19]. Критик не отказывает романтическому составляющему пьесы в подлинности, поэтому «молодечество», «удаль» и «храбрость» используются без какой-либо иронии. Вообще, дальнейшая характеристика Паратова с определениями «повелитель» и «герой», эпитетами «любимый» и «обожасмый», а также всевозможные описания чувств Ларисы к нему лишены иронии и сарказма, в чем проявляется намерение рецензента использовать лексику, свойственную романтическому взгляду героини, в ее исходном значении, тем самым принять позицию Ларисы и противопоставить себя Wedion'у. Такая специфика истолкования пьесы выходит из собственного взгляда Невеდიона на жизнь, который он дает в заключение характеристики героини: «Жизнь наша и люди крайне измельчали; невольно является стремление к чему-то большому, оригинальному, недюжинному; отсюда – погоня за идеалами, исключениями, дурными или хорошими – все равно...» [19].

Важно, что автор заметки относит Паратова к числу «руководителей» Ларисы, поскольку это объясняет мотивировку ее поведения: после знакомства с Паратовым она больше не может оставаться в доме своей матери, подчиняясь установленному порядку, душа Ларисы требует бунта против положения бесприданницы. Эта позиция критика примечательна тем, что лишает героиню абсолютной романтической самостоятельности. Отношение Wedion'a и Невеდიона к Ларисе, заданное ее возрастом и жизненной неопытностью, схоже, однако принципиальное отличие взгляда второго в том, что вместо иронического обнуления он показывает один из подлинных источников романтического в героине. В классических исследованиях «Бесприданницы» ведущей является точка зрения на Ларису как самостоятельную романтическую личность в пространстве обывденного. Главными ее воспитателями называются литература романтизма, романс и цыганская песня, героиня является носителем вольного искусства и обращается к моделям поведения из своего культурного багажа, как бы существует сама в себе и сама по себе, о чем пишет А.Л. Штейн:

Лариса воспринимает Паратова как «идеал мужчины». <...> Таким кажется Паратов Ларисе. Она воспринимает его в свете лермонтовской поэзии. <...> За

благородной внешностью Паратова скрывается коварная и жестокая душа – так, в духе романтической поэзии, воспринимает Лариса крах своих иллюзий, разрешение загадки Паратова [9. С. 345].

Литературовед исходит из того, что воспитанная на романтизме Лариса обманывается в Паратове, поскольку герой оказывается лишь поверхностно связан с идеалом мужчины, т.е. является скорее проекцией ожиданий героини, чем реально имеющим эти качества. Несмотря на то, что в Паратове «тоже есть артистизм и жизненная талантливость», что он «наделен храбростью, волей, хладнокровием» и «свободен от мещанских предрассудков и мещанской узости», герой все же «недалеко ушел от бессовестных и ничтожных дворянчиков, которых так язвительно изображает Островский» [9. С. 345–347].

Однако если рассмотреть Паратова с позиции Невеდიона, то герой открывается как «руководитель» и «пример» романтического бунта. В этом аспекте ключевую роль играет рассказ Ларисы о том, как Паратов стрелял из пистолета по монете в ее руке, уже упомянутый в связи с Wedion'ом. Wedion представляет этот момент ключевым для Ларисы, когда «в ее душе, в ее представлении этот человек сложился в прочный идеал» [10]. Критику этот поступок кажется смешным, особенно в свете того, что «идеальный» Паратов затем исчезает. Для автора заметки этот эпизод – все то же проявление самодурства и порожденной им удали, иначе говоря – банальность. Невеდიон же говорит, что все поступки Паратова «необычайны», следовательно, и эпизод со стрельбой тоже. Стрелять напоказ в дворянскую девушку из пистолета – немыслимый поступок, нарушающий все границы дозволенного, стоящий не только за пределами общественной морали, но и закона. Произносимая героем фраза: «Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею» [20. С. 22], подчеркивает пренебрежительное отношение Паратова к установленным нормам и воплощает собой непринятие их. Если рассматривать Паратова как единственного «руководителя», к которому обращена Лариса, то описанный эпизод становится для нее главным примером бунта, обуславливающим ее потребность в выражении своей воли, власти над судьбой.

Далее бунт героини несколько сглаживается ее первоначальным желанием выйти за Карандышева, однако его ядро сохраняется, ведь Лариса выбирает простого чиновника и хочет уехать с ним в деревню, что полностью противоположно идеалам огудаловского общества. Однако Паратов дает героине понять, что и Карандышев – это пошлость застывшей повседневности (тем более, что он не соглашается уезжать), поэтому финал пьесы и волевое решение героини бежать с возлюбленным можно рассматривать не только как окончательное обольщение и результат самообмана, но и как финальную точку бунта, когда отвергается и данное обещание, и социальные приличия, и связь с матерью (без Ларисы она обречена на нищету). Отчаянное принятие предложения Кнурова, таким образом,

это и отказ от любви, и финальное обнуление, уподобление вещи. Обозначенная широта истолкования образов в рамках полемики казанских критиков указывает на смысловую множественность как важнейшую черту поэтики «Бесприданницы» и художественную задачу Островского.

Критическое восприятие Невеდიона дополняется взглядом на исполнение роли Ларисы. Ни одна из прошлых постановок, по мнению критика, не давала достаточно проработанного сценического образа героини, который был бы верен. Только в игре Уманец-Райской он обнаруживает большое внимание к личности Ларисы, утонченное исполнение и глубокую детализацию характера. В пользу этого говорит лишь краткое обращение к постановке «Бесприданницы» на сцене Летнего театра от 27 мая в другой заметке, где критик не рассматривает никого, кроме П.М. Свободина в роли Карандышева: отсутствие подлинного сценического образа героини не позволило критику высказаться подробнее. Неслучайно Невеდიон отмечает, что сравнение между Уманец-Райской и Немировой 2-й (бесприданницей в майской постановке) «будет далеко не в пользу последней» [19].

Критик, следуя за игрой, пишет: «В исполнении г-жи Уманец-Райской можно было заметить серьезное изучение роли, тщательную отделку деталей и вполне верное воспроизведение изображаемого лица» [19]. Выводя действия героини, критик не просто воспроизводит происходящее на сцене, но дополняет его собственным толкованием. Обращаясь к шестому явлению второго действия, когда Лариса узнает о приезде Паратова, автор заметки пишет: «Воспоминания чудного прошлого сильной струей ворвались в ее нерастойчивую жизнь, потрясли весь ее организм» [19]. Любопытно построение фразы на основе трехчастного экспрессивного клише из «сильной струи воспоминаний», «нерастойчивой жизни» и «потрясенного организма», с помощью которого подчеркивается мелодраматическая сторона пьесы, принимаемая критиком. Неведион проникает в мысли героини, чтобы передать то их содержание, которое представляется ему наиболее вероятным.

Далее уже говорится непосредственно об актерской игре, но Уманец-Райская и Лариса в восприятии критика сливаются в одно лицо:

Предчувствуя недоброе, она пробует бороться: порывистым движением со своего места она бросается к жениху, и, как утопающая хватается за соломинку, схватывает его за руку, умоляя задыхающимся от волнения голосом бежать скорее и как можно дальше... «Гоните вы меня, толкаете в пропасть!» восклицает она в отчаянии на его упорство и с силой увлекает его за собой в соседнюю комнату. Услышав голос любимого человека, у ней не хватает сил не видеть его хоть на одно мгновение. Она выходит... [19]

Актрисе удастся передать динамику чувств героини, что важно для критика. Он детально описывает внешнее проявление острого переживания: порывистые движения, задыхающийся от волнения голос, от-

чаянную попытку уйти вместе с Карандышевым. Воспроизведение сценического действия позволяет критику подсветить безвыходное положение героини, ее пребывание на грани самообладания, которое может в любой момент разрушиться одним словом возлюбленного. Невеდიон пропускает описание беседы матери Огудаловой с Паратовым, тем самым акцентируя значение момента для героини. Выводя контраст между отчаянными усилиями скрыться от Паратова и той легкостью, с которой Лариса выходит на звук его голоса, критик передает всю полноту надежд бесприданницы на идеальную любовь.

Продолжая описание второго действия, Невеდიон переходит к явлению восьмому и сосредоточивает свой взгляд на героине. Критик отмечает, что во время исполнения Уманец-Райская не совершила «ни одного лишнего движения; взгляд, голос характерно обрисовали требуемый момент» [19]. Вновь подтверждается соответствие исполнения актрисы собственным представлениям критика о Ларисе Островского. Детализируя чувства и мысли героини, автор заметки пишет:

Счастливая, едва сдерживая охватившее ее волнение, Лариса некоторое время не решается взглянуть на него (курсив автора. – И.П.), но, постепенно овладев собою, поднимает свои глаза, сияющие от неудержимого восторга. Ей и приятно, и больно слышать насмешливые речи Паратова; приятно потому, что она с наслаждением вслушивается в мелодию этих речей, больно – потому, что они ее оскорбляют. На вопрос Паратова, любит ли еще она его? – Лариса, забыв все выстраданное и пережитое, застенчиво, тихим, ласкающим слух, голосом отвечает: «Да, конечно, да! Нечего и спрашивать», – но тотчас же, опомнившись, добавляет с укором: «вам только этого и хотелось!..» [19].

Сценическая интерпретация актрисы полна продуманных деталей, которые проясняют внутренние переживания героини, что открывает Неведиону возможность для истолкования. В описании каждого действия возникает зримый образ Ларисы, испытывающей одновременно и счастье, и волнение, и страх, и восторг, которые передаются при помощи мимики и жестов: взгляд направлен в сторону от Паратова и медленно поднимается к нему, «сияющие глаза» и улыбка говорят о надежде, выражение лица передает двойственные чувства от слов Паратова, а тембр голоса и интонация (сперва спокойная и застенчивая, затем резкая и укоризненная) выдают перепады настроения героини. Описание «сцены свидания» Неведион строит на контрасте разнонаправленных сил, борющихся в душе бесприданницы: влечения к Паратову и стремления сдержать данное Карандышеву слово.

Уманец-Райская в своей сценической интерпретации образа Ларисы использует оригинальный мимический жест, который отмечает Неведион. В тех сценах, где, как пишет критик, Лариса испытывает чувство «смущения и оскорбительного стыда», которое вызывает в ней Карандышев, актриса хмурит брови:

Такое невыносимое положение кладет черту на ее хорошенькое лицо: <...> между бровей появляется морщинка, не предвещающая ничего хорошего. Исчезая

во время пения романса и объяснения с Паратовым, морщинка еще резче отпечатывается на лице при слушании дерзкой и пошленькой речи захмелевшего Карандышева [19].

Таким образом, Уманец-Райская через повторяющееся использование «морщинки» в сценах с Карандышевым яснее дает понять чувства своей героини, поскольку Карандышев не вызывает, по мысли и актрисы, и критика, у Ларисы никаких эмоций, кроме отвращения. Неслучайно чиновник фактически оказывается выключен из анализа пьесы.

Отдельного внимания заслуживает сцена с пением романса, на которой специально останавливается театральный рецензент:

Слова романса, чрезвычайно выразительно исполненного г-жою Уманец-Райской, опьяняют Паратова и окончательно решают участь Ларисы. <...> У г-жи Уманец-Райской голос звучный, чистого, приятного тембра, хотя и небольшой, но она им владеет с умением, достойным всякой похвалы [19].

Не соглашаясь с Wedion'ом, который считает, что судьба Ларисы была решена в тот момент, когда Паратов уговорил ее ехать на Волгу, анонимный критик ставит иной акцент: именно пение Ларисы, в котором она выражает всю свою любовь и страдание, определяют дальнейший ход повествования, поскольку уже Паратов пленяется героиней, а не наоборот. Примечательно, что в этой постановке «Бесприданницы» труппа П.М. Медведева решает заменить романс М.И. Глинки со стихами Е.А. Баратынского на другой, о чем свидетельствует критик:

В заключительном куплете: «нет сил таиться – я рыдаю!» – артистка проявила много душевной теплоты; в голосе ее так и слышались слезы исстрадавшегося человека, что произвело на слушателей сильно впечатление. Самый романс выбран, по нашему мнению, чрезвычайно удачно – в пьесе поется другой – что, конечно, делает честь вкусу избравшего [19].

Замена романса является существенным новаторским ходом, который необходимо рассмотреть вблизи. Полный текст произведения, что удивительно, обнаруживается только в книге Анастасии Цветаевой «Дым, дым и дым» (1916). Писательница воспроизводит его в следующем контексте:

Рокот струн. Знакомый мотив – что это? Ах, это песенка из Островского, – помню, девочкой, в театре Корша, я видела его пьесы. Буфетные, девичьи, липовые сады, тяжелые вышивки, бусы...

Ты изменил, и льются слезы,
И я в тоске не вижу дня,
Упреки, жалобы, угрозы
В душе бушуют у меня...

* * *

Твоя улыбка открывает
В моей душе – блаженства рай,
И я с тоскою повторяю:
«Не изменяй, не изменяй!..»

Помню: невеста медленно подымается, все с гитарой в руке, смотря в упор на приезжего барина, глаза горят, ручки еле трогают струны.

– «Нет сил таиться, я рыдаю,
Хоть гордость шепчет мне “скрывай”,
И в страшных муках повторяю:
“Не покидай, не покидай...”» [21. С. 86].

До сегодняшнего дня исследователи не могли установить происхождение приводимых Цветаевой стихов [22. С. 182]. Скорее всего, труппа Медведева была первой, кто решился использовать романс «Ты изменил, и льются слезы...» вместо оригинального. Это косвенно подтверждается обнаруженной карандашной пометой в режиссерском экземпляре пьесы, сохранившемся в театральной библиотеке Медведева. Романс перечеркнут вертикальной чертой, а по диагонали записано «мимо» [23]. Казанское происхождение замены, отмеченной Цветаевой, подтверждается и тем, что некоторые актеры труппы Театра Корша не раз выступали в Казани и работали с Медведевым: П.М. Свободин, А.П. Ленский, П.А. Стрепетова, М.И. Писарев и др. [24, 25]. Можно утверждать, что как минимум до конца XIX в. на российской сцене проходили постановки «Бесприданницы» с новым романсом, в том числе в Москве.

Это изменение задает иные акценты, во многом противоположные изначальным. Если, как пишет Б.О. Костелянец, «романсом “Не искушай меня без нужды...” Лариса как бы хочет поставить крест на всем, что было между нею и Паратовым», и в пении находят прямое выражение мысли героини [17. С. 445], то в новом тексте открывается страх утраты возлюбленного и попытка удержать его. Как бы забегая вперед сюжета, романс «Ты изменил, и льются слезы...» прямолинейнее формирует будущий разговор с Паратовым и окончательный разрыв Ларисы с прошлой жизнью ради желаемой любви. Обращает на себя внимание вполне конкретная «женская» составляющая романса, поскольку нейтральные самоназвания лирического героя Баратынского местоимением «я» и словом «больной» и столь же неопределенное обращение «друг заботливый» заменяются четким «ты изменил», выражающим позицию лирической героини с первой же строчки.

Однако видна близость отдельных составляющих обоих романсов. В каждом из них сильную позицию занимает мольба героини: «не искушай меня без нужды» располагается в первом стихе и вместе с направлением рассуждений Ларисы задает центральную идею неприятия «искушений» и бессмысленности их; «не изменяй, не изменяй» и «не покидай, не покидай» завершают второе и третье четверостишия, дважды повторяемая просьба лирической героини акцентирует внимание на сложном страхе очередного предательства и грядущего одиночества.

В романсах рисуется переживаемое состояние Ларисы, обусловленное разрушенной любовью и изменой и связанное со страданием, недоверием к чувству: «Разочарованному чужды // Все обольщенья прежних дней» и «Нет сил таиться – я рыдаю, // Хоть гордость шепчет мне “скрывай”». С утратой любви тесно связано

понятие «тоски», встречающееся в обоих текстах. Если у Баратынского «слепая тоска» связана с пребыванием в полусне, которым выражается «усталость и болезнь души, плата за иллюзии» [26. С. 223], то в новом романсе лирическая героиня «в тоске не видит дня» и «с тоскою повторяет» после осознания измены, что говорит о «тоске» как маркере неприятия нового состояния (наряду с ней в душе бушуют «упреки, жалобы, угрозы») и ожидания возвращения на круги своя (воспоминание об улыбке, открывающей в душе «блаженства рай»).

При этом оба романса сохраняют в пьесе амбивалентные переживания Ларисы: с одной стороны, героиня Островского сопротивляется бросившему ее Паратову и пытается сдержать данное Карандышеву обещание, однако исполнением своим пробуждает на короткое время в Паратове чувство любви, которое сохраняется и в ней; с другой стороны, за счет нового романса приобретает оттенок исповедания, героиня как бы признается в том, что не в силах будет жить без своего возлюбленного, несмотря на его предательство – гордость борется с любовью. Интересно и то, что в измененном романсе дублируется сюжетная канва пьесы: Паратов оказывается обручен с другой, Лариса просит не бросать ее.

Сцену объяснения Ларисы с Паратовым Невеდიон описывает особенно детально, он стремится задать контраст между мечтой героини об идеальной любви и реальностью:

«Лариса» жадно прислушивается к каждому слову любви, сказанному ее «повелителем», желая убедить себя, что обожаемый ею человек говорит правду и что к ней снова вернулись желанные минуты счастья и блаженства... Почти без колебаний она соглашается на все его требования... отдается ему вся... и с беззаветной преданностью рабыни готова идти «куда ему угодно» [19].

Обращает на себя внимание сходство описания данной сцены у обоих критиков, – «беззаветная преданность» и «беззаветная страсть», «повелитель» в кавычках и без, – однако если у «театрального хроникера» все слова, иллюстрирующие любовь Ларисы и Паратова, отмечены знаком иронии и используются для того, чтобы свести отношения героев к обыденной банальности, то у Неведиона ясно видна задача выделить и усилить душевную драму героини. Лариса, по мысли критика, прислушивается к словам любви не только потому, что она слепо влюблена, но и потому, что хочет убедиться в искренности чувств возлюбленного. Героиню побуждает к бегству с Паратовым ее тоска по прежнему счастью и ожидание идеальной любви, что подчеркивает достойный характер ее искренности.

В том же абзаце рецензент переходит к сцене расставания: «Четвертый акт застает героиню, как известно, в самом ужасном состоянии; все ее надежды рушатся одна за другой; опора ускользает из-под ног...» [19]. Контраст начинает высветиваться, и критик вновь детализирует образ Ларисы через сценическое исполнение:

В начале разговора с Паратовым ей кажется, что как будто бы еще не все потеряно. С лучом надежды на глазах она выслушивает его холодно-любезные речи, но на замечание, что ее жених будет рад, если она опять его приласкает, Лариса энергично заявляет: «у меня один жених – это вы!». Опушенные стыдливо глаза во время объяснения зажимаются на мгновение зловещим огоньком, но, убитая безжалостными словами Паратова, она бессильно опускается на стул и, качая головой, с горьким упреком, восклицает: «что же вы молчали? Безбожно, безбожно!» [19].

Неведион передает выражение лица и значение взгляда Ларисы в исполнении Уманец-Райской во всех тонкостях. Глаза героини то сияющие, то стыдливо опущенные, то с лучом надежды, а взгляд или избегает Паратова, или устремлен на него и выражает все внутреннее напряжение. Критик вполне осознанно противопоставляет начало и конец диалога: сперва Лариса ощущает вновь возможность любви, отчего «жадно вслушивается» в речи Паратова, затем – героиня предчувствует недоброе, старается удержать возлюбленного, но лишь «выслушивает холодно-любезные речи», отчего приходит в отчаяние.

Если Wedion понимает расставание героев как закономерный процесс, обусловленный холодным расчетом Паратова на неопытность и легкомысленность Ларисы, то Неведион истолковывает всю сцену как пусть и ожидаемое, но все же вероломное предательство, загубившее прекрасную душу. «Холодно-любезные речи» в противовес искренней трагедии, переживаемой Ларисой, ясно показывают отношение рецензента к образу Паратова. Анализируя игру М.И. Бабинова, Неведион пишет:

Вместо дерзкого, самоуверенного тона, ухарских, хотя и джентльменских манер, мы видели какого-то ленивого и вялого байбака, которого ничто не интересует и не волнует. Посмеивается он втихомолку над всеми – и только [19].

Несмотря на признание романтического в Паратове и помещение его на один уровень с Ларисой (за пределами огудаловского общества), итоговое отношение к нему как к обманщику безусловно.

Когда героиня на подмостках понимает, что ей остается только удел дорогой вещи, она застывает в ужасе:

В этом неподвижном состоянии артистка дала понять зрителю, что все ужасное уже перенесено героиней; впредь ничего не осталось, ничего, кроме самоубийства. И она говорит об этом, нарушив прикованное к ее фигуре внимание зрителя движением на шаг вперед... [19].

При помощи неподвижности актриса и удерживает внимание зрителя, и добивается напряженности в зале, а шаг вперед, сопутствующий монологу о самоубийстве, выражает готовность и серьезность намерений Ларисы.

К важности актерской интерпретации обращается и Wedion. Однако специфика его взгляда сопряжена с

убеждением в том, что «Бесприданница» является провальной пьесой Островского:

От исполнителя требуется, чтобы он своим умением и талантом скрасил по мере сил и возможности все промахи и недостатки автора в обрисовке. <...> Вследствие этого и следует изумиться той смелости, с которой наши любители не задумались выбрать для своего спектакля такую пьесу, как «Бесприданница» [10].



Рис. 3. Афиша постановки от 27 мая 1879 г. [27]

По мнению «театрального хроникера», никому из любителей не удалось справиться с передачей характеров центральных персонажей. О Ларисе же в исполнении актрисы Ворониной критик пишет: «У г-жи Ворониной Лариса вышла какой-то кисейной барышней, без всякого намека на ту нравственную логику, которая происходит в душе у злосчастной бесприданницы» [10]. Сжатость оценки затрудняет истолкование слов критика, но, по всей видимости, в исполнении актрисы главная героиня получилась не легкомысленной, а изнеженной и жеманной, то есть ее стремление быть с Паратовым опровергалось топорностью движений и неискренностью интонации. Любопытно, что Немирову 2-ю, которая играла Ларису 27 мая на сцене Летнего театра (см. рис. 3), критик считает умелой и талантливой, способной обнаружить потенциал образа и пьесы вообще. Тем не менее ей из-за плохой и развязной игры Вехтера в роли Паратова (актер широко размахивал руками и задевал Немирову, мешая ей сосредоточиться на исполнении), в сценах первой встречи с Паратовым и объяснения в любви на обеде у Карандышева пришлось «стусевать все тонкие оттенки этих моментов» [28]. Это объясняет критическое сравнение, которое проводит Неведион между Уманец-Райской и Немировой 2-й: анонимный критик вновь стремится опровергнуть своего оппонента. В целом Wedion в оценке актерской игры стремится к объективности.

Стоит отметить, что Неведион не пренебрегает советами актерам и отмечает «промахи» в игре Уманец-Райской, среди которых «торопливость читки» и неестественность движений в некоторых моментах (1-е д., 4-е явл.; 2-е д., 6-е явл.; 4-е д., 9-е явл.). Косвенно отмечаются недочеты в подборе костюма в 1-м действии и указывается, что актрисе следовало бы обратить внимание на ремарку автора⁵. Кроме того, критик дает развернутый совет по поводу финальной сцены:

Сцену смерти, по нашему мнению, следует вести, опустившись после выстрела на пол около стула. Можно и приподняться немного, держась одной ру-

кой за стул, в то время как другая рука бессознательно отыскивает упавший пистолет. Так было бы, пожалуй, удобнее и эффектнее [19].

Указания актрисе позволяют акцентировать незапность убийства и вместе с тем мгновенное принятие героиней собственной смерти, ведь, из последних сил сохраняя самообладание, она берет в руки пистолет, чтобы взять всю вину на себя и простить своих обидчиков. Как видно, Неведион останавливается на исполнении Уманец-Райской не из одного только пристрастия, своими советами актрисе он и стремится помочь ей исправить ошибки, и проводит дальнейшую нюансировку образа Ларисы.

Возникает вопрос о расположении Уманец-Райской в ряду «бесприданниц»: от Г.Н. Федотовой и М.Г. Савиной до В.Ф. Комиссаржевской. Как отмечает Б.О. Костелянец, промежуточным звеном между Федотовой и Комиссаржевской оказывается М.Н. Ермолова, в исполнении которой нет «ни “цыганского” элемента, внесенного в роль Ларисы М. Савиной, ни налета мелодраматизма, свойственного исполнению Г. Федотовой» [17. С. 459–460]. Своим исполнением Ермолова создает образ искренней и благородной Ларисы, которая обманывается в своей любви и видит спасительный выход только в смерти. Представляется, что интерпретация Уманец-Райской наиболее близка именно к Ларисе Ермоловой, поскольку горячность темперамента и вдумчивые попытки героини разгадать истинные чувства Паратова лишают ее слепого мелодраматического упоения возлюбленным. Лариса в исполнении Уманец-Райской получилась личностью, обладающей чутким вниманием к чувству любви, вместе с тем, однако, не лишенной романтической окраски. Видение ею Паратова как руководителя и примера независимого поведения определяет, как следствие, резкое неприятие Карандышева, пренебрежительное отношение к нему. Вместе с тем Уманец-Райской удалось показать уникальность своей героини, ее чуждость огудаловскому кругу. Все же от Ларисы Комиссаржевской эта интерпретация далеко, поскольку героиня чрезвычайно привязана и близка к Паратову, она еще не «все время над ними (Карандышевым, Паратовым, Кнуровым. – И.П.)» [17. С. 420], в ее оторванности от Карандышева и Кнуrows чувствуюется сознательность пренебрежения, рукотворность этой внешней позиции, что лишает героиню «парения», открытого Комиссаржевской⁶.

Объемную интерпретацию вблизи отношения образов Ларисы и Паратова у критиков закономерно получает и фигура Карандышева. Характеризуя этого персонажа как «небогатого чиновника», за которого Лариса выходит не по любви, Wedion считает, что «Карандышев – это такого рода лицо в драме, которое <...> совершенно не удалось автору, – настолько не удалось, что охарактеризовать Карандышева, оценить его место и значение в пьесе и, наконец, уяснить его *raison d'être* в драме – нет никакой возможности» [10]. Критик подчеркивает, что Карандышев является главным действующим лицом, поскольку «уполномочен автором держать в своих руках судьбу Ларисы». По

мнению Wedion'a, такая важная роль героя расходуется с его обрисовкой: «<...> что это за невозможная и непонятная личность?! <...> то недоумение, которое возбуждает Карандышев в публике своими странными действиям, объясняется именно неправильной постановкой в драме этого несомненно главного действующего лица» [10].

Отношение к Карандышеву и у «театрального хроникера», и у Неведиона формируется в зависимости от понимания образа Ларисы. Молодой чиновник оказывается близок Wedion'у и вызывает сочувствие: Карандышев должен быть победителем, поскольку в нем больше всего достоинств по сравнению с остальными ухажерами Ларисы. Это подтверждается пересечением оценок от лица самого критика, и от лица Карандышева. Рецензент считает цыганский табор олицетворением всех отрицательных сторон личности и представляет поведение Огудаловой наполненным корыстью и бессердечием, а также отмечает низость помыслов Кнуrows и Вожеватова. То же самое видно в истолковании намерений жениха Ларисы:

<...> этот человек невыразимо гнушается всеми членами огудаловского табора, глубоко презирает их и своей женитьбой на Ларисе хочет посмеяться над ними и показать им свое торжество, хочет повеличаться над ними тем, что красавица именно его, Карандышева, предпочла всем этим золотым тельцам. Что касается глубокой любви Карандышева, то она действительно не подлежит сомнению... [10].

Автор заметки старается обозначить положительные стороны чиновника, соединяет свою собственную оценку происходящего с позицией героя и выделяет его как имеющего право быть в центре и торжествовать. Отдельно им отмечается особое свойство любви Карандышева, связанное с искренностью и явно противопоставленное «неудержимому влечению» у Кнуrows и Вожеватова, а также обладанию и повелеванию Ларисой у Паратова. Так, говоря об игре актера-любителя Илькова, критик подчеркивает:

У г. Илькова окончательно исчез из роли весьма важный элемент – нежного чувства к Ларисе, и если принять во внимание, что Карандышев чрезвычайно сильно любит Ларису, то отсутствие этого элемента в исполнении <...> естественно должно произвести на зрителя фальшивое, неправильное впечатление [10].

В Карандышеве Wedion выводит на первый план нежное чувство мужчины к женщине. Оно дает герою право стать центральным действующим лицом. Нечто похожее обнаруживается в героях классических пьес Островского. Например, Жадов проникнут самой нежной любовью к Полине и помещен драматургом в центр повествования «Доходного места». То же касается Мити и Любви Гордеевны в пьесе «Бедность не порок». В «Бесприданнице» обнаружен и свой «самодур некупеческого происхождения» – Паратов. По мысли критика, если Паратов самодур, то Карандышев, нежно любящий Ларису, – главный герой.

Такое истолкование новой драмы Островского с целью встроить ее в ряд образцовых пьес 1850–1860-х гг.

характерно для анонимного критика, достаточно взглянуть на рассуждения о том, почему «Бесприданница» не удалась:

<...> у г. Островского не оказалось в настоящее время в наличности той силы психического анализа, который необходим для достойной обрисовки подобных действующих лиц и который когда-то (к сожалению, не теперь!) обнаруживался нашим автором в сильнейшей степени («Гроза», «Не так живи, как хочется», «Грех да беда» и пр.) [10].

Образцами творчества критик считает классические пьесы драматурга и от новых произведений ждет соответствующей сюжетно-событийной структуры, что, вкупе с анализом, обуславливает расположение Карандышева в ряду главных героев, наравне с Ларисой.

Отношение Невеდიона к Карандышеву оказывается прямо противоположным. Критик отмечает, что чиновник представляется Ларисе «жалким и ничтожным в сравнении с героем – Паратовым» [19]. Карандышев на обеде произносит «дерзкую и пошленькую речь», Лариса испытывает к нему отвращение. Вместе с тем у Ларисы-Уманец-Райской «хорошо также вышло <...> выражение немого испуга, когда она, просидев долгое время в забытьи, поднимает голову и видит Карандышева» [19]. Финальный диалог Ларисы и Карандышева не анализируется критиком, однако немой испуг может свидетельствовать о страхе возможного возвращения к чиновнику, от жизни, образа мыслей и самого существа которого героиня решительно отмежеввалась.

Совершенно ясно, что анонимный автор «Казанского биржевого листка» ставит персонажа на второй план, поскольку находит любовный конфликт Ларисы и Паратова важнее, их он и делает главными героями пьесы Островского. Говоря об игре Борисовского, Невеდიон отмечает: «...тип Карандышева представлял слишком много лакейского, вульгарного, чего во всяком случае не должно быть» [19]. В понимании рецензента, Карандышев не обнаруживает никакого лакейства, напротив, он не стремится угождать кому-либо из героев, даже своей невесте. Нет в нем и вульгарности, поскольку ее место занимает пошлость взглядов на жизнь и желание повеличаться.

Более полное восприятие героя сформулировано в заметке «Итоги летнего театрального сезона. II», где критик говорит об игре Свободина:

У Островского Карандышев является мелочным, задорным и себялюбивым человеком. Постоянное желание высказаться, блеснуть перед другими и крайняя нетактичность в поступках – что отчасти характеризуется у него запальчивостью в речах со всеми – делают Карандышева антипатичной личностью и затемняют его эгоистическую любовь к невесте [29].

Карандышев видится критику со стороны огудаловского круга, он изображается и описывается как его представитель, которого интересует только личная выгода и совершенно не интересуют проблемы других людей, даже своей невесты. Обращает на себя внима-

ние фраза «эгоистическая любовь», противопоставляющая чувства Карандышева самоотверженной и преданной любви Ларисы к Паратову.

В изложении критика образ Карандышева, представленный Свободиным, приобретает положительные черты и, следовательно, большее сюжетное значение:

Г. Свободин отрешился от замысла Островского и дал свой цельный и законченный (курсив автора. – И.П.) образ. <...> В исполнении г. Свободина Карандышев вышел простаком-провинциалом, с угловатыми манерами, тихими вкрадчивыми речами, незатейливым костюмом, – вообще человеком без претензий, пожалуй, даже приятным. При этом тон был верный, читка – прекрасная [29].

В исполнении актера Карандышев уже не «невозможная и непонятная личность», не антипатичный герой, а простой человек из провинции. Этот образ приземлен, лишен надрыва, он близок взгляду «театрального хроникера» тем, что в нем угадывается «нежное чувство к Ларисе», элемент искренней любви. Вообще коллизии Лариса – Паратов и Карандышев – Лариса обнаруживают пересечение именно в изображении отвергнутой привязанности, поэтому появление толкований Свободина и Wedion'a столь же закономерно, сколь закономерен взгляд Уманец-Райской и Невеდიона.

Таким образом, критическая полемика о «Бесприданнице» в Казани содержательно сфокусирована на трех центральных образах, которые наиболее ярко выражают противоречивый характер произведения Островского. Поскольку основу как общего замысла пьесы, так и фигур Ларисы, Паратова и Карандышева составляет антитеза модусов романтического и реалистического, на сцене и в критике сюжетно-образная канва меняется в зависимости от субъективной оценки каждого полюса. Характерно, что именно романтическое в пьесе стоит под вопросом, так как на рецепцию продолжает оказывать влияние демократическая критика Добролюбова. Wedion как сторонник данного направления обесценивает чувственные переживания главных героев, а Невеდიон, явно полемизируя с такой позицией, уравнивает романтическое и реалистическое в творении драматурга.

Смена романа, произведенная антрепренером Медведевым, оказывается явным подтверждением активного осмысления нового художественного подхода Островского, который обозначился с появлением «Бесприданницы». Тщательно подобранный текст песни усиливает романтические аспекты образа Ларисы и актуализирует «женскую тему», оставаясь при этом довольно близко на смысловом уровне с оригинальными стихами Баратынского. Продуктивность замены лишь подтверждается распространением на российской сцене вплоть до Москвы. Обращение к казанской печати показывает, что столичный и провинциальный театр (а с ним и критика) толковали драму Островского не только одновременно, но и на равных правах.

Примечания

- ¹ Материалом статьи послужил доклад, прочитанный на Мельгуновских чтениях в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН 12 апреля 2024 г.
- ² Первая заметка «Гугеноты на казанской сцене» появилась в № 92 от 20 ноября 1877 г.
- ³ Рукопись сохранилась в личном архиве Н.Я. Агафонова, издателя «Камско-Волжской газеты» [6].
- ⁴ О казанских критиках и трудах Н.А. Добролюбова см.: [13].
- ⁵ Островский характеризует внешний вид Ларисы: «Одета богато, но скромно» [20. С. 8].
- ⁶ Об этом писал Ф. Степун: «Слова реплик, чем дальше, тем более перестают быть словами; это не слова, это голоса, звуки – музыка... Но вот минута – и музыки, как музыки, уже нет, есть только восторг, порыв и парение» [17. С. 468].

Список источников

1. Зубков К.Ю. А.Н. Островский в репертуаре провинциальных театров: 1849–1865 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 2. С. 78–89.
2. Бик-Булатов А.Ш. Отделения газеты «Казанский биржевой листок» (1869–1892) в городах Поволжья // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 3. С. 152–169.
3. Муратова К.Д. Библиография литературы об А.Н. Островском. 1847–1917. Л.: Наука, 1974. 284 с.
4. А.Н. Островский: энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. 660 с.
5. Кремлёв А.Н. Нравственные кретины в шкуре рецензентов. Ответ на театральные фельетоны. Казань: Типография Императорского Университета, 1879. 44 с.
6. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ед. хр. 361. Рукописи библиотеки Н.Я. Агафонова. Л. 153.
7. Казанский биржевой листок. Казань, 1879. № 33.
8. Казанский биржевой листок. Казань, 1879. № 85.
9. Штейн А.Л. Мастер русской драмы. М.: Сов. писатель, 1973. 432 с.
10. Казанский биржевой листок. Казань, 1879. № 15.
11. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 1. Оп. 3. № 4602. Л. 1.
12. Флеров С.В. Театральная хроника (Малый театр. В первый раз «Бесприданница») // Московские ведомости. 1878. № 295. С. 5.
13. Панамарёв И.В. Пьесы А.Н. Островского 1850–1865 годов в казанской театральной критике последней трети XIX века // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2024. № 1. С. 42–58.
14. Казанский биржевой листок. Казань, 1878. № 13.
15. Куперин А.Д. Московский фельетон // Новое время. 1878. № 979. С. 2.
16. Аверкиев Д.В. О драме: Критическое рассуждение. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. 388 с.
17. Костелянец Б.О. Драма и действие. Лекции по теории драмы. М.: Совпадение, 2007. 501 с.
18. ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. № 4602. Л. 139.
19. Казанский биржевой листок. Казань, 1879. № 81.
20. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980. Т. 5.
21. Цветаева А.И. Собрание сочинений. М.: Изограф, 1996. 253 с.
22. Есенина Е.А. Автобиографическая проза А.И. Цветаевой: проблема жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 224 с.
23. ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8615. Островский А.Н. Бесприданница. 1878. Л. 86.
24. Корш Ф.А. Краткий очерк десятилетней деятельности русского драматического театра Корша в Москве. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1892. 50 с.
25. Языков Д.Д. Краткий очерк двадцатипятилетней деятельности Театра Ф. А. Корша: (1882 г. – 30 авг. – 1907 г.). М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1907. 100 с.
26. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 746 с.
27. ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. № 4602. Л. 103.
28. Казанский биржевой листок. Казань, 1879. № 42.
29. Казанский биржевой листок. Казань, 1879. № 70.

References

1. Zubkov, K.Yu. (2014) A.N. Ostrovskiy v repertuare provintsial'nykh teatrov: 1849–1865 gg. [A.N. Ostrovsky in the Repertoire of Provincial Theaters: 1849–1865]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 156 (2). pp. 78–89.
2. Bik-Bulatov, A.Sh. (2022) Otdeleniya gazety "Kazanskiy birzhevoy listok" (1869–1892) v gorodakh Povolozh'ya [Branches of the Newspaper "Kazan Exchange Sheet" (1869–1892) in the Volga Cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 3. pp. 152–169.
3. Muratova, K.D. (1974) *Bibliografiya literatury ob A.N. Ostrovskom. 1847–1917* [Bibliography of Literature about A.N. Ostrovsky. 1847–1917]. Leningrad: Nauka.
4. Ovchinina, I.A. (ed.) (2012) *A.N. Ostrovskiy: entsiklopediya* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia]. Kostroma: Kostromizdat; Shuya: ShSPU.
5. Kremlyov, A.N. (1879) *Nravstvennye kretiny v shkure retsenzentov. Otvet na teatral'nyye fel'tony* [Moral Cretins in the Skin of Reviewers. A Response to Theater Feuilletons]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta.
6. Department of Manuscripts and Rare Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University. (ORRК NBL KFU) Item 361. Rukopisi biblioteki N.Ya. Agafonova [Manuscripts from the N.Ya. Agafonov library]. Page 153.
7. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1879) Kazan. 33.
8. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1879) Kazan. 85.
9. Shteyn, A.L. (1973) *Master russkoy dramy* [Master of Russian Drama]. Moscow: Sov. pisatel'.
10. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1879) Kazan. 15.
11. State Archive of the Republic of Tatarstan (GART). Fund 1. List 3. No. 4602. Page 1.
12. Flerov, S.V. (1878) *Teatral'naya khronika (Malyy teatr. V pervyy raz "Bespridanitsa")* [Theater Chronicle (Maly Theater. First Performance of "The Dowry")]. *Moskovskiy vedomosti*. 295. p. 5.
13. Panamarev, I.V. (2024) *P'esy A.N. Ostrovskogo 1850–1865 godov v kazanskoy teatral'noy kritike posledney trety XIX veka* [Plays by A.N. Ostrovsky from 1850–1865 in Kazan Theater Criticism of the Last Third of the 19th Century]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*. 1. pp. 42–58.
14. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1878) Kazan. (13).
15. Kuperin, A.D. (1878) *Moskovskiy fel'ton* [Moscow Feuilleton]. *Novoye vremya*. 979. p. 2.
16. Averk'yev, D.V. (1907) *O drame: Kriticheskoye rassuzhdeniye* [About Drama: A Critical Discussion]. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
17. Kostelyanets, B.O. (2007) *Drama i deystviye. Lektsii po teorii dramy* [Drama and Action. Lectures on the Theory of Drama]. Moscow: Sovpadeniye.
18. State Archive of the Republic of Tatarstan (GART). Fund 1. List 3. No. 4602. Page 139.
19. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1879) Kazan. 81.

20. Ostrovskiy, A.N. (1973-1980) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: In 12 Volumes]. Vol. 5. Moscow: Iskustvo.
21. Tsvetaeva, A.I. (1996) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Izograf.
22. Yesenina, E.A. (2022) *Avtobiograficheskaya proza A.I. Tsvetaevoy: problema zhanra* [Autobiographical Prose of A.I. Tsvetaeva: The Problem of Genre]. Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Department of Manuscripts and Rare Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University (ORRK NBL KFU). Unit 8615. Ostrovskiy, A.N. (1878) *Bespridannitsa* [Without a Dowry]. Page 86.
24. Korsh, F.A. (1892) *Kratkiy ocherk desyatiletney deyatel'nosti russkogo dramaticheskogo teatra Korsha v Moskve* [A Brief Outline of the Ten-Year Activity of the Russian Drama Theater of Korsh in Moscow]. Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
25. Yazykov, D.D. (1907) *Kratkiy ocherk dvadtsatipyatiletney deyatel'nosti Teatra F.A. Korsha: (1882 g. – 30 avg. – 1907 g.)* [A Brief Outline of the Twenty-Five-Year Activity of the Theater of F.A. Korsh: (1882 – August 30 – 1907)]. Moscow: T-vo skoropech. A.A. Levenson.
26. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy trety XIX veka: ucheb. posobie* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century: A Textbook]. Moscow: FLINTA.
27. State Archive of the Republic of Tatarstan (GART). Fund 1. List 3. No. 4602. Page 103.
28. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1879) Kazan. 42.
29. *Kazanskiy birzhevoy listok*. (1879) Kazan. 70.

Информация об авторе:

Панамарёв И.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ivanpanamareff@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Panamarev, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ivanpanamareff@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 05.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 05.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/15617793/511/4

Богородичная семантика имени Мария в русской антинигилистической литературе

Андрей Алексеевич Петров¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, sinavitrivor@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сюжетообразующий потенциал имени Мария в русской антинигилистической литературе. На примере романов В.И. Аскоченского «Асмодей нашего времени», А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», Ф.М. Достоевского «Бесы», дилогии В.П. Авенариуса «Бродящие силы» показано, как употребление этого антропонима может вводить в произведение богородичный сюжет, в том числе и представленный «в негативе»: таким образом полемика с нигилизмом в творчестве этих писателей переходит в религиозно-философскую плоскость.

Ключевые слова: Богородица, Мария, антропонимика, русская литература XIX в., антинигилистический роман, В.И. Аскоченский, А.Ф. Писемский, В.П. Авенариус, Ф.М. Достоевский

Для цитирования: Петров А.А. Богородичная семантика имени Мария в русской антинигилистической литературе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 46–53. doi: 10.17223/15617793/511/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/4

The Mother of God semantics of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature

Andrey A. Petrov¹

¹ St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, sinavitrivor@mail.ru

Abstract. The article examines the plot-forming potential of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature. Using the example of the novels *Asmodeus of Our Time* (1858) by V.I. Askochensky, *The Turbulent Sea* (1863) by A.F. Pisemsky, *Demons* (1872) by F.M. Dostoevsky, the diology *Wandering Forces (Modern Idyll)* (1865) and *Pestilence* (1867) by V.P. Avenarius, it is shown how the use of this anthroponym can introduce the Virgin Mary plot into a work, including one presented "in the negative". The study demonstrates how the scheme, which initially appeared in Askochensky's novel as a mirror image of the biblical plot of Mary's birth of the Child (the heroine of the work, Marie, gives birth to a stillborn child from a "demon" who seduced her – the atheist Pustovtsev) is transformed in subsequent texts of anti-nihilistic literature, the canon of which is largely set by Askochensky – the works of Avenarius and Pisemsky. The Virgin Mary motifs in Dostoevsky's novel, which were the only ones noticed by previous researchers, become, from this point of view, a continuation of the line that was set by earlier examples of anti-nihilism. The Virgin Mary plot turns out to be connected with the most important question of the 1860s–1870s about the institution of the family, emancipation, and the role of women in society: by showing a woman-mother through the image of the Virgin Mary, the authors of anti-nihilistic works bring this social theme to the level of religious and philosophical issues. Anti-nihilist writers built their ideas on the foundations of Christianity, sought to oppose atheism – faith, emptiness (nihil) and sterility — with a positive principle, which for them, as Orthodox Christians, was unthinkable outside of Christ. The idea of redemption and rebirth is inextricably linked with the Virgin Mary (from her pictorial depiction to the plot of the birth of a child), which, in essence, rather relates to the Resurrection of Christ: the Gospel plot is not reproduced literally, but is compressed, perceived as a single whole. Considering only a few anti-nihilistic novels of the 19th century through the prism of the Virgin Mary plot already makes it possible to see the vector of the evolution of this discourse in literature: direct and "negative" likenesses to the Virgin Mary are replaced by their mixture, which allows not only affirming the ideal and condemning vice, but also showing sin and rebirth, outlining the path of healing from the nihilistic infection.

Keywords: Mother of God, Maria, anthroponymy, Russian literature of 19th century, anti-nihilistic novel, V.I. Askochensky, A.F. Pisemsky, V.P. Avenarius, F.M. Dostoevsky

For citation: Petrov, A.A. (2025) The Mother of God semantics of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 46–53. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/4

Общепризнано, что антинигилистическая литература второй половины XIX в. стремится к взгляду на современность с позиции христианских ценностей.

По формулировке Н.Н. Старыгиной, антинигилистические романы «продолжают христианскую (национальную) духовную традицию как общезначимую и

непреходящую в народной жизни и выражают основополагающий для народа христианский идеологический и нравственно-эмоциональный комплекс» [1. С. 351]. Нигилизм в такой оптике предстает прежде всего как антихристианство, антиправославие, причем это противопоставление часто содержит в себе мотив зеркальности: ложные ценности оппонентов показаны как зеркальные отражения истинных, одновременно идентичные и противоположные им. Основание для такой трактовки дают сами «новые люди», часто – выходцы из духовной среды, выстраивающие свою идеологию и модели поведения по образцам, заданным христианской религией, но наполняющие эти формы принципиально иным содержанием. Так, И. Паперно в классической монографии «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» описывает «глубокий идеализм истового материалиста, христианский аскетизм, жертвенное рвение этого “разумного эгоиста”, православные чувствования этого законченного атеиста» [2. С. 33] и т.д., т.е. все то, что позволит, например, Н.А. Некрасову в одноименном стихотворении (1874) выставить автора «Что делать?» пророком. Антинигилистическая литература откликается на это явление, показывая библейские образы «в негативе»: так, вместо пророков в романах появляются образы лжепророков (Губарев в «Дыме» И.С. Тургенева (1867), Полояров в «Панурговом стаде» В.В. Крестовского (1869) [3. С. 213–214], Петр Верховенский в «Бесах» Ф.М. Достоевского (1872) [4. С. 178]). Подобным образом некоторые из писателей-антинигилистов работают и с одним из главных сюжетов Евангелия – богородичным. Причины обращения авторов к образу Девы Марии не столь очевидны и требуют особого комментария.

По весьма категоричной формулировке И.П. Смирнова, антинигилизму «не может быть известна никакая иная ценность, кроме одной – продолжаемости родовой жизни» [5. С. 115]. Действительно, один из центральных сюжетов большинства антинигилистических романов – разрушение семьи, гибель героя, отпавшего от рода (например, героини, оказавшиеся в коммуне, – такие, как Лиза Бахарева в романе Н.С. Лескова «Некуда» (1864) или Нюта Лубянская в «Панурговом стаде» Крестовского). Особую роль здесь играет мотив материнства: беременность для соблазненной нигилистом женщины неизбежно оборачивается трагедией (например, в «Маре» В.П. Ключникова (1864) Юлия теряет ребенка от Бронского, у Нюты Лубянской отбирают сына от Полоярова, в результате чего героиня умирает, Чекмарев в «Поветрии» В.П. Авенариуса (1867) отказывается от ребенка, которым забеременела Наденька Липецкая, считая его собственностью государства, и т.д.). Учитель Устинов, один из главных резонеров «Панургова стада», обвиняет авторов романов о «новых людях» в том, что те в своих утопических проектах совершенно не учитывают деторождение: «Как поглядишь, какие все это ярые эмансипаторы, все эти господа Полояровы! Через два слова в третье Джон-Стюарт Милль на языке, угнетение женщины, свобода и равноправие отношений, свобода чувства,

безобразие брака – и какие ведь все хорошие слова, подумаешь! Даже повести и романы специально на этот предмет сочиняют. Но странное дело! Замечали ль вы, что во всех этих повестях они тщательно избегают детей? Так избегают, чтобы в голове читателя даже и намек на вопрос о детях не возникло бы! Я не помню, чтобы которая из их героинь имела ребенка» [6. С. 331]. Вопросы брака, свободной любви, женской эмансипации – одни из важнейших в полемическом дискурсе 1860–1870-х гг., и именно судьба детей часто является главным аргументом сторонников традиционной семьи.

Думается, однако, что сюжет несостоявшегося материнства часто необходимо рассматривать не только в конкретно-социальном, но и в символическом аспектах: сам по себе нигилизм (от лат. nihil – «ничто») уже содержит в себе сему бесплодности; его идеи понимались как пустые, способные разрушить – но не породить новое, путь нигилистов показывался как бесцельный («Некуда» – название первого антинигилистического романа Лескова), их деятельность – как бессмысленная и безрезультатная (как резюмирует свой роман «Взбаламученное море» А.Ф. Писемский, «это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извне, а отчасти появившиеся от поднявшейся снизу разной дряни» [7. С. 288])¹. В религиозной парадигме рождение детей у людей, отрицающих Христа, противопоставляется рождению самого Христа, причем богородичный сюжет предстает «в негативе»: место непорочного зачатия занимает греховное, место Благой вести – ощущение трагизма ситуации, наконец, место рождения, Рождества – смерть.

На то, что в антинигилистической прозе возникают образы-символы, напоминающие Богоматерь, указывает Старыгина в монографии «Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов». Исследовательница усматривает черты Девы Марии в светлом образе матери Бориса Райского и его умершей возлюбленной Наташи («Обрыв»), а также во Флоре, покойной жене генерала Синтянина («На ножках» Лескова (1870)) [1. С. 262–268]. Представляется, что этот перечень далеко не исчерпан, особенно если обратить внимание не только на идеальных героинь, но и на те образы, в которых богородичный сюжет воплотился «в негативе». Мотивы, связанные с Богородицей, могут быть весьма многообразны; в настоящем исследовании мы остановимся на наиболее очевидных из них – на совмещении мотива деторождения и имени Мария. Следует оговориться, что мы вовсе не утверждаем, что само использование этого имени автоматически влечет за собой уподобление героини Богоматери, однако именно такова первичная ассоциация, возникающая в христианской культуре в связи с этим антропонимом. Сюжетообразующий потенциал имени был продемонстрирован А.Б. Пеньковским в книге «Нина: культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении»: на материале «Маскарада» М.Ю. Лермонтова, «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и поэмы «Бал» Е.А. Баратынского ученый реконструирует «миф о Нине», образ и сюжет, реализующийся в тексте, в котором возникает этот антропоним [8].

Имя Мария изначально несет в себе максимальную смысловую нагрузку и при сочетании с иными мотивами часто запускает в произведении тот сюжет, с которым сопряжена его главная сема – сема Богоматери.

Первое антинигилистическое произведение, в котором богородичный образ возникает «в негативе», – роман В.И. Асоченского «Асочей нашего времени», опубликованный в 1858 г., но, как признался сам автор в его позднейшем переиздании с продолжением, озаглавленном «Панорама, или Очерки из современной жизни», составленный из черновиков еще второй половины 1840-х гг. [9. С. 1]. Именно это произведение, часто называемое предтечей антинигилистического романа, как формулирует Е.Л. Куранда, стало «основой антинигилистической тенденции в русской общественной мысли» [10. С. 136]. В одноименной статье (1862) леворадикальный критик М.А. Антонович сопоставляет этот текст с романом И.С. Тургенева «Отцы и дети», появившимся несколькими годами позже и чаще всего признаваемым родоначальником антинигилистической литературы [11. С. 308], показывая, что многие черты образа Базарова уже были воплощены в Пустовцеве из романа Асоченского. Это сопоставление, конечно, носит отчетливо полемический, провокационный характер: издатель журнала «Домашняя беседа» приобрел репутацию крайнего ретрограда и «обскуранта», уподобление ему Тургенева – в первую очередь риторический прием («Говорим совершенно искренно и серьезно и просим читателей не принимать наши слова в смысле того часто употребляемого приема, посредством которого многие, желая унижить какое-нибудь направление или мысль, уподобляют их направлению и мыслям г. Асоченского» [12. С. 196]). Однако основания для такого уподобления у Антоновича были: героев действительно роднит и ряд общих черт (атеизм, материализм, отрицание брака и проч. непереносимые особенности литературных нигилистов), и негативное авторское отношение (особенно если принять во внимание задумку Тургенева, желавшего после конфликта в «Современнике» очертить истинное лицо «новых людей» [13]). Роман Асоченского не только задал парадигму изображения нигилиста на десятилетия вперед, но и сразу же ввел в систему антинигилистического романа богородичный сюжет.

Главная героиня романа – Marie – институтка, приехавшая в провинциальный город к своей матери и попавшая в чуждую для себя непросвещенную среду. При первом появлении в романе девушка, кажется, воплощает христианский женский идеал: она скромна, приветлива, смиренно сносит несправедливые попреки матери Соломонины Егоровны. Героиня оказывается предметом интереса двух мужчин – протагониста Софья и «Асочей» Пустовцева. Основа характеристики последнего заключена уже в его «говорящей» фамилии: пустота, отсутствие всякого положительного начала, всеобщее отрицание («...от великой тайны мироздания до последних явлений силы Божией, бывающих и в наше скудное верою время, он все подвергал критическому обзору, требуя одного лишь знания и

знания; что же превышало ум его, что не укладывалось в узенькие клеточки человеческой логики, он все отвергал, как пустяки, как сущий вздор» [14. С. 250]). Образ Пустовцева уже на уровне названия инфернален, что не раз подчеркивается в тексте, в частности, через мотив богоборчества: так, в финале герой, уже прямо названный «демоном-соблазнителем» [14. С. 350], разбивает икону Богоматери (NB!), учуяв ее по запаху: «Мне прислали из Киева кипарисную икону Богоматери с святыми угодниками; я оставила ее в кабинете Валериана. Приходит он с должности; я встретила его, и мы пошли вместе в его половину. “Чем это пахнет?” – спросил он. Я указала на икону... Ах, маменька!.. с каким нечеловеческим остервенением бросился он к столу!..» [14. С. 341]. Именно Пустовцев овладевает сначала душой, а потом и телом Marie: он лишает ее нравственной чистоты и невинности, заставляя перенять собственную циничную насмешливость, а затем совращает в лесу, что воспринимается в романном мире как катастрофа и, по сути, гибель. Соблазненная девушка рождает мертвого ребенка и умирает, после чего в порыве ненависти ко всему мирозданию кончает с собой и сам Пустовцев [15].

Игра Асоченского, выпускника и преподавателя Киевской духовной академии, с библейскими антропонимами не ограничивается Марией (сама французская форма Marie как бы намекает на зеркальное травестирование евангельского сюжета). Имя матери героини – Соломонида (или Саломея) – восходит к библейским апокрифам: так звали повивальную бабку, присутствовавшую при рождении Иисуса и засвидетельствовавшую чудо непорочного зачатия. В романе этот сюжет оборачивается противоположностью: вместо непорочного зачатия – в высшей степени греховное, вместо присутствия при родах – разлука с дочерью, вместо Святого Духа – демон-соблазнитель Асочей, вместо рождения Христа – смерть безымянного младенца, а потом – его матери и отца. Тема бесплодности атеистического материализма, обреченности людей, отошедших от Бога, на гибель, получит в творчестве писателя дальнейшее развитие: так, например, в стихотворении «Экспромт» (1862) Асоченский предвещает неминуемое вымирание «богоборному народу» нигилистов [16], а в пьесе «Марфа Посадница, или Падение Новгорода» показывает гибель целого города, забывшего о Господе [17].

На звание первого антинигилистического романа, помимо «Асочей» Асоченского и «Отцов и детей» Тургенева, претендует также «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского (1863) [18. С. 35]. В центре романа – образ Александра Бакланова, человека 1840-х гг., одинаково непостоянного и в любви, и в идеологии, переходящего от консерватизма к нигилизму и легко во всех этих идеях разочаровывающегося. Вокруг героя показана целая галерея «новых людей» – разные типы нигилистов от наивных, трагически заблуждающихся Елены Базелейн, Валерьяна Собакеева, «книжного» человека Проскрипского, списанного с Чернышевского [19. С. 136], до негодяев Басардина и братьев Галкиных.

Мотивы, связанные с Богородицей, играют в романе важную роль. Так, Мадонны Рафаэля становятся одним из предметов спора между Баклановым и Проскриптским: если второй смеется над изящным искусством, то первый воспринимает полотно как ценность – но, скорее, только эстетическую, наряду с Венерой Милосской и балетом («В балете есть грация, которая живет в рафаэлевских Мадоннах, в Венере Милосской» [7. С. 74]). Этот мотив получает свое развитие в финальной части романа, когда Бакланов и Софи в заграничном путешествии вживую видят Сикстинскую Мадонну. Картина производит сильное впечатление на обоих героев, главным образом – на Софи, которую поражает в первую очередь Христос, предстающий не столько Богом, сколько Младенцем на руках у Матери. Зрелище заставляет Софи, не познавшую радости материнства, испытать неловкость за собственную жизнь («Ей почему-то в эти минуты вдруг припомнилась вся ее жизнь, и ей сделалось как-то неловко» [7. С. 240]). В романе Софи, любовница Бакланова, противопоставляется Евпраксии, идеальной жене и матери («Страна, где есть такие жены и матери, как вы, не погибла еще!» [7. С. 287] – обращается к ней один из персонажей). Идеал Мадонны предстает не только как эстетический, но и как этический, сравнение с ним позволяет ввести в зыбкий, лишенный ясных очертаний добра и зла (взбаламученное море) мир произведения несомненную нравственную основу, исходя из которой, можно говорить об истинном и ложном предназначении женщины. Важнее оказывается, однако, даже не раскаяние Софи, не показанное как деятельное, а то, как переосмысливает взгляды на жизнь самый главный герой романа, Бакланов, в результате оценивший по достоинству качества своей жены и постаравшийся вернуться в семью («Все женщины, жизнь которых была не безукоризненна и которыми он так еще недавно восхищался, стали ему казаться омерзительны, но зато, о Боже мой, в каком светозарном ореоле представилась ему его чистая и непорочная жена! Без мучительной тоски и тайного стыда он не в состоянии был видеть маленьких детей, воображая, что и он тоже отец!..» [7. С. 264]).

Богородичный сюжет работает в романе и на уровне антропонимов. Сразу несколько героинь произведения носят имя Мария. Так, один из эпизодических персонажей – дочь священника Маша, «молоденькая, прехорошенькая собою девушка, преумненная, но в то же время пресмешная», «наивная» [7. С. 63], «добрая» [7. С. 196], т.е. воплощение нравственной чистоты и непорочности. В пятой части романа она появляется уже как жена Венявина, бывшего соученика Бакланова. Жизнь Маши в браке – предельное, идиллическое воплощение идеи супружества и материнства: «Они сочетались и до сих пор столько же раз и с такою же нежностью каждодневно целовались, как и в первый день своего брака. Детей у них было человек десять» [7. С. 196]. Портретные характеристики героини ограничиваются указанием на ее полноту и «совершенно ангельское лицо» [7. С. 196]: святость в романе связана не с аскетизмом, не с отказом от «живой жизни» (как у «кабинетного» мыслителя Проскриптского), а с плодородием, радостью, изобилием.

Напротив, чиновные нигилисты, «человеколюбивые эмансипаторы» в устах мужа героини Венявина сравниваются с Иродом, готовым за жалование «младенцев резать» [7. С. 197]: богородичный сюжет вводит в роман оппозицию Марии и Ирода, деторождения и убийства младенцев. Конкретным воплощением враждебной силы становится Иродиада, виновная в ряде преступлений, в том числе и в «нигилистических» петербургских пожарах². Если Маша, как неоднократно подчеркивается, полна, то преступница предстает «худой, бледной» [7. С. 181], ее имя, помимо прямой связи с виновницей гибели Иоанна Крестителя, содержит явный намек и на самого Ирода Великого.

Как и для Асоченского, для Писемского богородичный сюжет связан с проблемой деторождения. Однако если для автора «Асоченского» ребенок – прежде всего метафора, призванная продемонстрировать бесплодие нигилизма, то в куда менее метафорически-условном и более реалистическом художественном мире Писемского дети сами по себе оказываются важнейшей ценностью, определяющей облик идеальных героев. Проблема отношения к детям получит продолжение в его романе «В водовороте» (1870): зараженная нигилизмом Елена Жиглинская хочет отдать своего ребенка в общину, отказывается его крестить, не желает, чтобы он был русским, и т.д.; ей противопоставлена княгиня Елизавета, идеальная жена, в финале рожающая сына.

Два пути введения богородичного сюжета в антинигилистический дискурс соединяются в диалогии В.П. Авенариуса «Бродящие силы». В повести «Современная идиллия» (1865) описывается (в числе прочих) история взаимоотношений Льва Ильича Ластова, кандидата естественных наук, и юной швейцарки – горничной Мари. Увлеченный прогрессивными идеями натуралист соблазняет девушку, видя в ней, подобно Базарову, только телесную красоту («Разве женщина может пленить чем другим? Главное в ней – прелесть обхождения и телесная красота. Если бы мы влюблялись только в ум, то, конечно, не пленялись бы женщинами, а мужчинами» [21. С. 529]). В финале повести Ластов оставляет полюбившую его швейцарку и уезжает, однако во второй части диалогии – повести «Поветрие» – Мари оказывается уже в Петербурге, где вновь сходит с героем, рожаает от него ребенка и умирает.

Такая фабула внешне напоминает сюжет романа Асоченского, однако Ластов лишен inferнального начала, которое было присуще Пустовцеву, он, подобно героям Писемского, примыкает к «бродящим силам» эпохи; запутавшийся в любви и идеологии, он не в силах найти для себя прочного основания. Рождение ребенка, оставшегося в живых, оборачивается духовным возрождением и для него, и для другой центральной героини повести – Наденьки Липецкой. Девушка входит в круг студентов-нигилистов и вступает в «натуральный брак» с Чекмаревым, который после новости о беременности бросает ее якобы из идейных соображений.

Отвергнутая любовником и изгнанная родителями, она предпринимает попытку утопиться, однако оста-

ется в живых, а позже заменяет сыну Мари мать и обретает счастье в союзе с Ластовым. Сравнивая двух женщин, герой объясняет, почему именно Мари, любовь которой он изначально отверг, является для него идеалом женщины: «...если провести параллель между нею и хоть бы вами, вы всем почти окажетесь сильнее ее: и умом, и образованием, и телесною красотою. <...> По видимому, все преимущества на вашей стороне. К тому же, как вам известно, во время приезда Мари я был уже заинтересован вами; и между тем она все-таки вытеснила вас из моего сердца! Чем же она преуспела перед вами? Одним лишь – своей безгранично любящей, истинно женской, женственной натурой. Этого великого качества достаточно в женщине, чтобы на жизнь и смерть привязать к ней мужчину» [22. С. 680]. Это признание ставит точку в споре о женской эмансипации, одном из главных в диалогии: выше оказывается не просвещенная, образованная, прогрессивная Наденька, пришедшая к личному краху, а наивная, женственная, любящая Мари. Однако ее ребенок выступает как спасение не для своей чистой матери, не нуждающейся в том, а для иных – заблуждавшихся, грешивших – персонажей, чьи ошибки он искупает своим рождением. Мари, таким образом, совмещает в себе черты и Богородицы, и – если учесть сюжет соблазнения – ее зеркальной противоположности. При этом само рождение ребенка приобретает, как и в «Асмодее», символическую трактовку – однако произведение Авенариуса являет собой уже следующий шаг в развитии антинигилистической прозы, не просто предупреждает нигилистов о неизбежной гибели, а показывает путь к исцелению и возрождению.

Наиболее полно богородичный сюжет раскрывается в творчестве Ф.М. Достоевского. Отнесение его романов (в первую очередь – «Бесов» (1872)) к антинигилистическим остается научной проблемой. Многие современные исследователи (например, М.А. Шинков [23], А.С. Ефимов [4]) ставят творчество писателя в один ряд с произведениями Лескова, Крестовского, Клюшникова и проч., иные же говорят о диалоге Достоевского и антинигилистической романистики [24, 25] или вовсе не рассматривают его сочинения как антинигилистические (И.П. Смирнов обосновывает эту позицию, говоря о «Бесах» как об «отрицании отрицания отрицания» [5. С. 120–130]). Причины, по которым отнесение романов Достоевского к антинигилистическим не является общепринятым, как кажется, многообразны: здесь играет роль и закрепившаяся в советские годы репутация такой литературы как второсортной, реакционной и проч., т.е. такой, с которой нельзя смешивать творения классика, и представление о полифоничности произведений Достоевского, якобы не способных утверждать какую-либо идею из-за равенства голосов автора и его героев [26]. Настоящая работа не ставит целью разрешить этот вопрос, однако не подлежит сомнению, что в романе «Бесы» и ряде других произведений Достоевского появляются нигилисты, показанные как отрицательные герои, адепты разрушительной, вредной идеологии, что позволяет говорить хотя бы о внешнем антинигилистическом начале этих

текстов. Встроенность в традицию антинигилистической литературы проявляется в том числе и в том, как в романах Достоевского работает богородичный сюжет.

В отличие от рассмотренных выше произведений, на наличие в романах Достоевского образов, связанных с Богородицей, исследователи внимание обращали. В частности, богородичный сюжет усматривался в связи с двумя героинями, носящими имя Мария: Марьей Тимофеевной Лебядкиной³ и Марьей Шатовой из романа «Бесы». Однако именно взгляд на творчество Достоевского через призму предшествующих антинигилистических романов позволяет понять генеалогию этих образов и их ключевые особенности: как это всегда и происходит в истории развития литературы, вершинные произведения используют находки писателей второго и третьего ряда, доводя их до эстетического совершенства.

Достоевский движется в русле, заданном Аскаченским (роман которого, по утверждению Е.Н. Дрыжаковой, Достоевский «вряд ли читал», но мог запомнить его содержание по пересказам [24. С. 8], что, впрочем, еще нуждается в доказательстве) и Авенариусом. Так, история Марьи Лебядкиной являет собой уже традиционное изложение богородичной истории «в негативе»: Хромоножка – девица, обольщенная нигилистом Николаем Ставрогиным – лжекнязем в сознании самой героини, героем, которому, как Пустовцеву, присущи черты демонического [28. С. 428–430]. По словами Т.А. Касаткиной, обратившей внимание не только на имя, но и на этимологию отчества героини, «Ставрогин, занимая место мужа девицы Марьи Тимофеевны (Мария – (евр.) превознесенная, Тимофей – (греч.) почитающий Бога; таким образом, Марья Тимофеевна – превознесенная почитающими Бога, такое именование приличествует лишь Богородице (не говоря уже, конечно, о самом имени “Мария”, неизбежно связанном в нашем сознании с Богородицей)), вытесняет Бога из ее сердца, оставляя в нем тоску, пустоту, сны и миражи, кошмары небытия, захватывающие все большее пространство, пожирающие реальность и в конце концов уничтожающие героиню» [29. С. 22]. Мотив мертвого ребенка возникает в «мираже» Марьи Лебядкиной о том, как она, будучи девицей, родила от неизвестного («И всего больше я плачу о том, что родила я его, а мужа не знаю» [30. С. 117]), при этом то обстоятельство, что героиня не помнит пол младенца («то мальчик вспомнится, то девочка» [30. С. 117]), связывается Касаткиной с «идеей цельного Человека Христа» [29. С. 22]. Будучи юрдовкой, девушка соотносится со своей тезкой – швейцаркой Мари из «Идиота» (1868) (как указывает Е.А. Дубеник, они имеют общий прототип – Аграфену Тимофеевну Лаврентьеву, «дурочку» из деревни Достоевских [31. С. 14]), чья история, скорее, отсылает к сюжету о Марии Магдалине, однако важно, что именно в этом образе юродство сближается со святостью, чистотой. То, что этого оказывается, в сущности, лишена Лебядкина, предстает как вина лжекнязя, Христа «в негативе» (в отличие от истинного князя-Христа – Мышкина) Николая Ставрогина.

Марья Шатова – еще одна жертва нигилизма, соблазненная Ставрогиным и на сей раз в реальности родившая от него ребенка.

В этой сюжетной линии богородичный сюжет разрабатывается уже по модели Авенариуса: рождение ребенка становится искуплением, спасением и для самой матери, и для ее мужа Ивана Шатова⁴ (хотя, как и у Асоченского, герои погибают). Бывший нигилист и атеист, принимая чужого ребенка, достигает идеала христианского всепрощения, духовно воскресает накануне физической смерти. Его супруга, не желавшая ребенка и озлобившаяся на все человечество, также преображается (Шатов обращает внимание на «совсем какой-то новый» взгляд жены [30. С. 452]). Как формулирует Ю.С. Дубасова, «появление на свет ребенка и чудесное “перерождение” супругов Шатовых (особенно же страдавшей, потерявшей веру в людей Marie) указывает на произошедшее символическое “вознесение”, восхождение к чистоте прообраза, завершившееся преображением» [34. С. 121]. В отличие от Ластова и Наденьки, будущей счастливой жизнью Шатовы не вознаграждаются – однако для Достоевского оказывается важнее то изменение, которое произошло в душе героев, вечной, в отличие от тела. Интересно, что, по наблюдению М.С. Альтмана, все три Марии связаны со Швейцарией: Мышкин встречается там Мари, Ставрогин обольщает Марию Шатову и именно туда приглашает отправиться Марию Лебядкину [32. С. 184]. Здесь видится прямая интертекстуальная связь с диалогией Авенариуса, вплоть до формы имени Мари.

Мотив Богородицы возникает в романе и в аспекте живописи, что сближает «Бесов» уже со «Взбаламученным морем» Писемского. Как Бакланов и Проскриптский, Степан Трофимович Верховенский спорит с нигилистами о Сикстинской Мадонне⁵. В «Бесах» этот мотив занимает куда более важное место, чем то было у предшественника. Подпавшая под влияние молодежи Варвара Петровна заявляет, что «никто уж Мадонной не восхищается и не теряет на это времени, кроме закоренелых стариков» [30. С. 264]. Именно Мадонна, важнейшая картина для самого Достоевского [35. С. 300], становится той чертой, которую Степан Трофимович на пути сближения с нигилизмом не может перешагнуть: он объявляет творение Рафаэля «идеалом человечества» [35. С. 265] и берется прочесть о ней лекцию (по сути – бросить вызов «новым людям»), что заканчивается для него окончательным разладом с миром, бегством и смертью. Как формулирует Н. С. Рубцова, «Сикстинская Мадонна – та точка, с которой именно в жизни Степана Трофимовича начинается “обратный” отсчет, его “обратная” перспектива: преодоление земных страстей во имя причащения к великой тайне» [36. С. 122]. Преображение Верховенского прописано в «Бесах» значительно более подробно, а место Мадонны в нем обозначено более ясно, чем во «Взбаламученном море», однако роль картины в романах идентична: она предстает одновременно и эстетическим, и этическим, религиозным идеалом, вносящим в мир произведения ясные представления о добре и зле, о божественном и греховном и служащим толчком для духовного перерождения героев.

В черновиках романа есть намеки на другое описание духовного преображения, связанного с изображением Богородицы. Достоевский неоднократно вспоминает отрывок из «Былого и дум» А.И. Герцена (1857),

где передаются слова славянофила И.В. Киреевского о том, какое впечатление на него произвело изображение Девы Марии в часовне: «Я раз стоял в часовне, смотрел на чудотворную икону богоматери и думал о детской вере народа, молящегося ей; несколько женщин, больные, старики стояли на коленях и, крестясь, клали земные поклоны. С горячим упованием глядел я потом на святые черты, и мало-помалу тайна чудесной силы стала мне уясняться. Да, это не просто доска с изображением... Века целые поглощала она эти потоки страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных; она должна была наполниться силой, струящейся из нее, отражающей от нее на верующих. Она сделалась живым органом, местом встречи между творцом и людьми» [37. С. 160]. Для Шатова, выражающего в данном случае, видимо, авторскую позицию, такое описание говорит о неверии Киреевского (и вообще славянофилов) [38. С. 185]: возможно, как раз по той причине, что сила иконы связывается здесь просто с выражением народного духа и теряет собственно христианскую, религиозную основу, связь с самим богородичным сюжетом, столь важным для Достоевского.

Синтезируя практически все пути включения богородичного сюжета в антинигилистический дискурс в одном романе, Достоевский расширяет проблематику такой прозы, поднимая ее тематику до уровня общечеловеческого, сосредотачивается не столько на социальном явлении, сколько на внутренней жизни человека. Как формулирует В. Торстенсон, «*Demons transcends the constraints of the polemical novel and offers philosophical and religious critique of nihilism as an episode in the battle of good and evil in the human nature*»⁶ [28. С. 448]. Как ни парадоксально, ближе всего из нигилистических романов, содержащих богородичный сюжет, «Бесы» оказываются к «Асмодею нашего времени» Асоченского (конечно, с учетом разного уровня сложности психологических мотивировок, глубины раскрытия характеров и проч.): в обоих произведениях в центре внимания находится не общественный феномен, как-то влияющий на судьбы героев, а сам человек и его внутренняя жизнь. Однако смерть анти-Богородицы и ее младенца – на уровне не физическом, но духовном – уступает место воскрешению (вероятно, не без посредничества Авенариуса), богородичный сюжет соединяется с пасхальным.

Из всего многообразия мотивов, связанных с Богородицей, востребованным в антинигилистической литературе оказывается главный – рождение Младенца. Он получает и конкретно-социальную (важнейшие темы, обсуждавшиеся в 1860–1870-е гг.: институт брака, женская эмансипация и вообще роль женщины в обществе), и символическую трактовки. Писатели-антинигилисты строили свои идеи на основах христианства, стремились противопоставить безбожию – веру, пустоте (nihil) и бесплодности – положительное начало, которое для них как для православных было немыслимо вне Христа. С Богородицей (от Ее живописного изображения до сюжета рождения ребенка)

оказывается неразрывно связана идея искупления и возрождения, по сути, скорее, относящаяся к Воскресению Христову: евангельский сюжет не воспроизводится буквально, а спрессовывается, воспринимается как единое целое.

Рассмотрение только нескольких антинигилистических романов XIX в. через призму богородичного сюжета уже дает возможность увидеть вектор эволюции этого дискурса в литературе. На смену прямым и

«негативным» уподоблениям Деве Марии приходит их смешение, позволяющее не просто утвердить идеал и осудить порок, а показать грех и возрождение, очертить путь исцеления от нигилистической заразы. Роман «Бесы» при этом можно считать кульминацией, но не завершением традиции этого библейского уподобления, возможного отнюдь не только «простейшим» антропонимическим путем, что может стать предметом анализа уже в иных исследованиях.

Примечания

- ¹ Утверждения о безрезультатности деятельности нигилистов постепенно (особенно – после покушения Каракозова 1866 г.) уступают место пониманию опасности этого явления.
- ² В целом Писемский не высказывал однозначной позиции по поводу источника пожаров, в зависимости от практической необходимости в нескольких редакциях романа предлагая различные версии [20].
- ³ И.П. Смирнов обнаруживает еще один прообраз героини – жите Марии Египетской, что создает двойную мотивировку ее имени [27].
- ⁴ О казанских критиках и трудах Н.А. Добролюбова см.: [13].
- ⁵ Сопоставление с Богородицей подкрепляется рассказом о скитаниях Шатовой с ребенком, который, по мысли М.С. Альтмана, сконструирован как евангельский миф о бегстве Марии с Младенцем Иисусом в Египет [32. С. 184], а также упоминанием Богоявленной улицы: слово *Ελεῖν* («богоявление») первоначально использовалось применительно к самому факту явления Христа в мир, т.е. Его рождению [33].
- ⁶ Позиция утилитаристов напоминает, например, суждения В.А. Зайцева, который упрекает «эстетиков» в том, что те «300 лет восхищаются мадоннами Рафаэля» [35. С. 312].

Список источников

1. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
2. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ, 1996. 204 с.
3. Старыгина Н.Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 203–221.
4. Ефимов А.С. Готическое мироощущение русской антинигилистической прозы // Ефимов А.С. Нигилизм и готика: альманах. М.: ПринтЛЕТО, 2022. С. 11–291.
5. Смирнов И.П. Психодиахронология: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛЮ, 1994. 352 с.
6. Крестовский В.В. Кровавый пух: в 2 кн. Кн. 1: Панургово стадо. М.: RUGRAM, 2021. 454 с.
7. Писемский А.Ф. Взмаламученное море // Писемский А.Ф. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. IV. М.: Университетская тип., 1863. 289 с.
8. Пеньковский А.Б. Нина: культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. 519 с.
9. Аскоченский В.И. Панорама, или Очерки из современной жизни. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1875. 730 с.
10. Куранда Е.Л. Повествовательная структура романа Н.С. Лескова «Некуда» в системе русского антинигилистического романа 1860–1870-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Псков: Псковский ордена «Знак почета» государственный педагогический институт имени С.М. Кирова, 2001. 243 с.
11. Ефимов А.С. Краткая история русской антинигилистической прозы // Ефимов А.С. Нигилизм и готика. М.: ПринтЛЕТО, 2022. С. 292–332.
12. Антонович М.А. Асмодей нашего времени («Отцы и дети»). Роман Тургенева. «Русский вестник», 1862 г., № 2, февраль) // Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. С. 141–202.
13. Лукаш К.И. «Отцы и дети» И.С. Тургенева и «Асмодей нашего времени» В. И. Аскоченского // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 73–76.
14. Аскоченский В.И. Асмодей нашего времени // Аскоченский В.И. За Русь святую! М.: Инст-т русской цивилизации, 2014. С. 144–351.
15. Петров А.А. Аскоченский и роман-комедия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. [В печати].
16. Аскоченский В.И. Экспромт // Замай В. [Аскоченский В.И.] Басни и отголоски. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. С. 221.
17. Аскоченский В.И. Марфа-Посадница, или Падение Новгорода. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1870. 64 с.
18. Склейнис Г.А. Личность автора и формы авторского присутствия в антинигилистической романистике // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2010. № 14. С. 35–37.
19. Лотман Л.М. Писемский – романист // История русского романа: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 121–148.
20. Петровских М.А., Зубков К.Ю. Студенты, купцы или поляки? Изображение майских пожаров 1862 года и проблема достоверности в романе А. Ф. Писемского «Взмаламученное море» // Русская литература. 2020. № 2. С. 74–84.
21. Авенариус В.П. Современная идиллия // Авенариус В.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996. С. 363–540.
22. Авенариус В.П. Поветрие // Авенариус В.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996. С. 541–686.
23. Шинков М.А. «Бесы» Ф. М. Достоевского и русский антинигилистический роман 1860–1870 годов: дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орловский гос. ун-т, 1998. 188 с.
24. Дрыжакова Е.Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 17. СПб.: Наука, 2005. С. 3–29.
25. Склейнис Г.А. «Великое пятикнижие» Ф.М. Достоевского в жанровом контексте антинигилистического романа. М.: [б. н.], 2006. 110 с.
26. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
27. Смирнов И.П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 212–220.
28. Thorstenson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s-1870s. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures). Madison: University of Wisconsin-Madison, 2013. 510 p.
29. Касаткина Т.А. Литургическая цитата в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. М., 2007. № 22. С. 13–26.
30. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Бесы: роман: в 3 ч. Л.: Наука, 1974. 519 с.
31. Дубеник Е.А. Литературные ассоциации в образе Марьи Тимофеевны Лебядкиной // Русская речь. 2010. № 5. С. 12–17.
32. Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 280 с.
33. Богоявление // Католическая энциклопедия: в 5 т. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. С. 649–650.
34. Дубасова Ю.С. Тип «рыцаря бедного» в творчестве Ф. М. Достоевского: контекст, подтекст, интертекст: ВКР. СПб.: СПбГУ, 2023. 206 с.
35. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 12: Бесы: рукописные редакции. Наброски 1870–1872. Л.: Наука, 1975. 376 с.
36. Рубцова Н.С. Живописный сюжет в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья первая // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 5. С. 114–123.
37. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 9: Былое и думы. Ч. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 361 с.
38. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Бесы: глава «У Тихона», рукописные редакции. Л.: Наука, 1974. 415 с.

References

1. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian Novel in the Situation of Philosophical and Religious Polemics of the 1860s – 1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Era of Realism]. Moscow: NLO.
3. Starygina, N.N. (1998) Demonicheskie znaki v antinigilisticheskom romane kak vyrazhenie avtorskoy tsennostno-mirovozzrencheskoy pozitsii [Demonic signs in the anti-nihilistic novel as an expression of the author's worldview and values]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. pp. 203–221.
4. Efimov, A.S. (2022) *Nigilizm i gotika: al'manakh* [Nihilism and Gothic: Almanac]. Moscow: PrintLETO. pp. 11–291.
5. Smirnov, I.P. (1994) *Psikhodiakhronologika: psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodiachronology: Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day]. Moscow: NLO.
6. Krestovskiy, V.V. (2021) *Krovavyy puf* [Bloody Hoax]. Book 1. Moscow: RUGRAM.
7. Pisemskiy, A.F. (1863) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Universitetskaya tip.
8. Pen'kovskiy, A.B. (1999) *Nina: kul'turnyy mif zolotogo veka russkoy literatury v lingvisticheskom osveshchenii* [Nina: The Cultural Myth of the Golden Age of Russian Literature through Linguistics]. Moscow: Indrik.
9. Askochenskiy, V.I. (1875) *Panorama, ili Ocherki iz sovremennoy zhizni* [Panorama, or Sketches from modern life]. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va.
10. Kuranda, E.L. (2001) *Povestvovatel'naya struktura romana N. S. Leskova «Nekuda» v sisteme russkogo antinigilisticheskogo romana 1860–1870-kh godov* [The narrative structure of Nikolai Leskov's novel No Way Out in the system of the Russian anti-nihilistic novel 1860–1870s]. Philology Cand. Diss. Pskov.
11. Efimov, A.S. (2022) *Nigilizm i gotika: al'manakh* [Nihilism and Gothic: Almanac]. Moscow: PrintLETO. pp. 292–332.
12. Antonovich, M.A. (1961) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. pp. 141–202.
13. Lukash, K.I. (2015) "Ottsy i deti" I.S. Turgeneva i «Asmodey nashego vremeni» V.I. Askochenskogo [Fathers and Sons by Ivan Turgenev and Asmodeus of Our Time by Viktor Askochensky]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova*. 4. pp. 73–76.
14. Askochenskiy, V.I. (2014) *Za Rus' svyatyuyu!* [For Holy Rus'!]. Moscow: Inst-t russkoy tsivilizatsii. pp. 144–351.
15. Petrov, A.A. (n.d.) Askochenskiy i roman-komediya [Askochensky and the comedy novel]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. [In print].
16. Zamay, V. [Askochenskiy, V.I.]. (1869) *Basni i otgoloski* [Fables and Echoes]. Saint Petersburg: Tip. Akad. nauk. P. 221.
17. Askochenskiy, V.I. (1870) *Marfa-Posadnitsa, ili Padenie Novgoroda* [Martha the Mayoress, or the Fall of Novgorod]. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va.
18. Skleynis, G.A. (2010) Lichnost' avtora i formy avtorskogo prisutstviya v antinigilisticheskoy romanistike [Personality of the author and forms of authorial presence in anti-nihilistic romance]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 35–37.
19. Lotman, L.M. (1964) Pisemskiy – romanist [Pisemsky – a novelist]. In: *Istoriya russkogo romana* [History of the Russian Novel]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 121–148.
20. Petrovskikh, M.A. & Zubkov, K.Yu. (2020) Studenty, kuptsy ili polyaki? Izobrazhenie mayskikh pozharov 1862 goda i problema dostovernosti v romane A. F. Pisemskogo "Vzbalamuchennoe more" [Students, Merchants, or Poles? The Depiction of the May Fires of 1862 and the Problem of Authenticity in A.F. Pisemsky's Novel The Turbulent Sea]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 74–84.
21. Avenarius, V.P. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: TERRA. pp. 363–540.
22. Avenarius, V.P. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: TERRA. pp. 541–686.
23. Shinkov, M.A. (1998) "Besy" F.M. Dostoevskogo i russkiy antinigilisticheskoy roman 1860–1870 godov [Fyodor Dostoevsky's Demons and the Russian anti-nihilistic novel of the 1860s – 1870s]. Philology Cand. Diss. Orel.
24. Dryzhakova, E.N. (2005) Dostoevskiy i nigilisticheskoy roman 1860-kh godov [Dostoevsky and the nihilistic novel of the 1860s]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 17. Saint Petersburg: Nauka. pp. 3–29.
25. Skleynis, G.A. (2006) "Velikoe pyatiknizhnie" F.M. Dostoevskogo v zhanrovom kontekste antinigilisticheskogo romana [The Great Pentateuch by Fyodor Dostoevsky in the genre context of the anti-nihilistic novel]. Moscow: [s.n.].
26. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 5–300.
27. Smirnov, I.P. (1979) Drevnerusskie istochniki "Besov" Dostoevskogo [Old Russian sources of Dostoevsky's Demons]. In: *Russkaya i gruzinskaya srednevekovye literatury* [Russian and Georgian Medieval Literatures]. Leningrad: Nauka. pp. 212–220.
28. Thorstenson, V. (2013) *The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s*. PhD Dissertation. Madison.
29. Kasatkina, T.A. (2007) Liturgicheskaya tsitata v "Brat'yakh Karamazovykh" [Liturgical quotation in The Brothers Karamazov]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 22. pp. 13–26.
30. Dostoevskiy, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
31. Dubenik, E.A. (2010) Literaturnye assotsiatsii v obraze Mar'i Timofeevny Lebyadkinoy [Literary associations in the image of Marya Timofeevna Lebyadkina]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 12–17.
32. Al'tman, M.S. (1975) *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By the milestones of names]. Saratov: Saratov State University.
33. Cioroch, G. (ed.) (2002) *Katolicheskaya entsiklopediya* [Catholic Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Frantsiskantsev. pp. 649–650.
34. Dubasova, Yu.S. (2023) Tip "rytsarya bednogo" v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: kontekst, podtekst, intertekst [The type of the "poor knight" in the works of Fyodor Dostoevsky: context, subtext, intertext]. Bachelor's Thesis. Saint Petersburg.
35. Dostoevskiy, F.M. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.
36. Rubtsova, N.S. (2015) Zhivopisnyy syuzhet v romane F.M. Dostoevskogo "Besy". Stat'ya pervaya [Pictorial plot in the novel Demons by Fyodor Dostoevsky. Article one]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 5. pp. 114–123.
37. Gertsen, A.I. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Part 4. Moscow: USSR AS.
38. Dostoevskiy, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Leningrad: Nauka.

Информация об авторе:

Петров А.А. – аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sinavitrivor@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Petrov, postgraduate student, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sinavitrivor@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2024;
одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 20.11.2024;
approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/511/5

Пропаганда национальных культурных ценностей в современных телепередачах Китая

Евгения Леонидовна Проскурнова¹, Чжу Вань², Ольга Евгеньевна Тё³

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, karikh.el@gmail.com

² Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия, alou666na@gmail.com

³ Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия, tyo_olga@bmstu.ru

Аннотация. Описывается масштабная программа китайских властей по привлечению внимания общества к культуре и традициям страны через освещение культурных тем в телеэфире КНР. Выявляются общие характеристики телепередач культурной направленности, выходящих в эфир в XXI в. Используется метод контент-анализа, системный подход, аксиологический анализ, контрастивный метод, метод случайной выборки. Детальное изучение 486 эпизодов 16 культурных проектов, транслируемых на популярных телеканалах КНР, позволило определить основные персуазивные стратегии, используемые в данный момент тележурналистами в КНР.

Ключевые слова: Китай, культурные телепередачи, журналистика, телевидение, персуазивные стратегии

Для цитирования: Проскурнова Е.Л., Чжу Вань, Тё О.Е. Пропаганда национальных культурных ценностей в современных телепередачах Китая // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 54–67. doi: 10.17223/15617793/511/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/5

Propaganda of national cultural values in modern Chinese television broadcasts

Evgeniya L. Proskurnova¹, Van Chzhu², Olga E. Tyo³

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, karikh.el@gmail.com

² RUDN University, Moscow, Russian Federation, alou666na@gmail.com

³ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation, tyo_olga@bmstu.ru

Abstract. The active filling of modern Chinese television with cultural programs is considered to be a response to the westernization of the PRC's value system, which the country faced at the end of the last century. The need to rehabilitate the culture, traditions, and history of China in the people's minds made the Chinese Communist Party develop a large-scale program aimed at destroying the image of the Republic as a manufacturer of cheap, low-quality goods and switching the nation's focus to its own values. All national media, including television, are involved in solving this problem. This study aims to find and describe well-known television projects about Chinese culture created by major television companies of the country. The strategies of identifying guidelines and strengthening the important behavior patterns that are used in China's TV program may prove to be useful for Russian journalists as well. Geopolitical events of the recent years have led to the emergence of a crisis of self-determination in Russian society. However, today there are virtually no cultural programs on Russian television that can induce respect for the traditions and achievements of their country, and give belief in the validity of the path chosen by the nation. The authors study 16 television projects (486 episodes in total). The main objectives of this research are: (1) searching for distinctive characteristics of television projects, (2) identifying the composition of participants and creators, (3) determining the topics and goals of the projects, (4) finding data on the target audience and popularity indicators. The content analysis method, the contrastive method, the systematic approach, the axiological analysis, and the random sampling method were chosen to reach the objectives. It is revealed that modern cultural television shows in China are created with the help of outstanding scientists, theater and film directors. They tell the viewer about: museums and attractions, traditions, the history of the state, national dishes, dances, clothes, literature, holidays, etc. Many projects use expensive decorations and involve actors. Show, docudrama, travelogue, reality show, documentary film are the most common genres of cultural programs. A large amount of expensive video equipment allows directors to shoot the content of a very high quality. Young people play key roles in a large number of projects. Television cultural content is also distributed through online platforms of TV channels; thus, access to such projects is available to a wider audience. A lot of attention is paid to PR support of each project. It is found that the persuasive strategies chosen by Chinese TV channels in the context of promoting cultural topics helped to achieve impressive results. A dialogue between generations has been established. Traditional Chinese culture has become popular. Modern young people are passionate about the history of their country, traditions, customs, and incorporate them into their everyday lives.

Keywords: China, cultural TV shows, journalism, television, persuasive strategies

For citation: Proskurnova, E.L., Van Chzhu & Tyo, O.E. (2025) Propaganda of national cultural values in modern Chinese television broadcasts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 54–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/5

Введение

Активное наполнение современного телеэфира КНР множеством передач о национальной культуре (в первую очередь, многосерийных) можно рассматривать как репаративную методику, призванную реабилитировать в сознании китайского народа собственных традиций и истории, во многом обесцененных из-за вестернизации, во власти которой Китай оказался на рубеже XX–XXI столетий. Объявленная в конце 1970-х гг. Дэн Сяопином «политика открытых дверей» легализовала торговлю с зарубежными странами и прямые иностранные инвестиции, что, с одной стороны, повысило интегральный уровень финансового благосостояния граждан, но с другой – детерминировало девальвацию культурных ценностей в китайском обществе. В результате развития сотрудничества с США и европейскими странами, основанного на финансовой выгоде, создаваемые по всей КНР предприятия стали массово выпускать товары под брендами других стран, что спровоцировало возникновение в массовом сознании фрейма «Китай – мастерская планеты». Лишь недавно республике удалось избавиться от репутации государства, производящего дешевые низкачественные товары.

В 1990-х гг. в Китае практически все, что ассоциировалось с Европой и США, нередко безосновательно, идеализировалось. Это касалось одежды, еды, способов времяпрепровождения, а также медиапотребления. Очарование «благополучным Западом», как можно предположить, базировалось на собственном травматичном опыте китайской нации, связанном с событиями XIX и XX столетий: на долю населения выпало множество испытаний – кровопролитные войны, резкая неоднократная трансформация государственной системы управления, международная изоляция, массовый голод и нищета.

В начале нового столетия во главе КПК оказался Ху Цзиньтао, была поставлена цель сменить экзистенциальную парадигму страны, что подразумевало и противодействие влиянию Запада. Когда к власти пришел Си Цзиньпин, в основу новой культурной политики Китая был положен возврат к национальным ценностям. В качестве одного из способов решения данной задачи предлагалось активно создавать и распространять просветительский контент в медиасистеме Китая, в частности в телеэфире.

В данный момент русский народ в связи со сложившейся геополитической обстановкой проходит процесс самоопределения, пытается переосмыслить свой культурный код. Используемые в Китае стратегии по выявлению ценностных ориентиров и закреплению важных позитивных паттернов в сознании населения при помощи СМИ могут оказаться полезными для России. В этом заключается актуальность работы.

В отечественных исследованиях феномен современных китайских телепередач о культуре практиче-

ски не исследован. Тем не менее нам удалось обнаружить ряд научных статей, в которых авторы так или иначе затрагивают эту проблему. С позиции государственного управления актуальные форматы на современном просветительском телевидении Китая рассматриваются как способ смены культурного мировосприятия, в первую очередь, молодежи [1]. С точки зрения социологии новая культурная политика властей Китая расценивается как фактор, используемый для возрождения творческой силы нации, и как способ укрепления страны [2. С. 100]. Кроме того, отмечаются позитивные изменения не только в сетке федеральных телеканалов, но и региональных: телекомпании меняют повествовательную структуру, уделяя больше внимания истории и культуре Китая [3]. Китайскими авторами телешоу и художественные фильмы о культуре определяются как важный инструмент формирования имиджа Китая не только в его границах, но и за рубежом [4, 5].

Комплексная совместная работа политиков, телевизионного менеджмента, журналистов, культурных деятелей, ученых может оказать значительный позитивный эффект в контексте привлечения внимания к национальным ценностям, и, как результат, детерминировать трансформацию культурного самосознания отдельной нации. В этом состоит гипотеза исследования.

Авторы данной работы ставят своей целью выявление персуазивных стратегий, которые используются в телевизионном сообществе Китая под руководством КПК. Нами были выдвинуты следующие исследовательские задачи: 1) определить популярные телекомпании Китая, в эфирной сетке которых представлены передачи о культуре; 2) выявить проекты, где освещается культурная проблематика; 3) проанализировать форму и содержание программ о культуре КНР; 4) описать основные паттерны, используемые для привлечения внимания к такому контенту; 5) оценить эффект, оказанный на аудиторию.

Основными методами, используемыми в процессе исследования, стали: метод контент-анализа, контрастивный метод, системный подход, аксиологический анализ, метод случайной выборки.

В ходе работы были просмотрены 486 эпизодов 16 телепроектов.

Методология исследования

На начальном этапе исследования авторы произвели аксиологический анализ природы ценностей современного китайского общества и изучили основные утвержденные в XXI в. документы, которые сегодня регулируют деятельность телеканалов КНР в сфере освещения культурной проблематики.

Была изучена программа Центрального телевидения Китая 1980–1990-х гг. на предмет наличия в эфире тех лет фильмов и передач зарубежного производства

с целью подтверждения (или опровержения) расхожего мнения, согласно которому китайский телеэфир конца XX в. был подвержен влиянию Запада. Использовался метод случайной выборки.

На следующем этапе работы было определено, какие телеканалы сегодня в КНР являются наиболее популярными и при этом имеют в эфирной сетке разнообразие культурных передач. Был произведен поиск и анализ выпусков передач, посвященных культурным темам. Отметим, что производителями значительной части качественного контента о культуре Китая всегда были и остаются телеканалы корпорации CCTV. Чтобы составить более объективное представление о положении дел на рынке шоу о культуре, авторы приняли решение не акцентировать внимание на проектах данной компании, несмотря на их высокую популярность, а обнаружить примеры в программе телеканалов разных провинций.

Для определения и последующего описания персуазивных тактик, используемых сегодня на китайском ТВ для пропаганды культурных ценностей страны, применялся системный метод, была предпринята попытка выявить основные компоненты телевизионного контента, связанного с освещением культурной проблематики в КНР. Между изученными выпусками передач были проведены аналогии и описаны характерные отличия. В итоге была предпринята попытка оценить эффект, оказанный на аудиторию.

С рейтингами программ, выходящих на китайских телеканалах, авторы знакомились на площадках Douban и Bilibili. Это два основных ресурса, где в Китае публикуются подобного рода данные. На сайте Douban представлена информация о книгах, фильмах, музыке, телепроектах, там же размещаются показатели популярности, основанные на оценках и комментариях пользователей, каждый из которых предоставляет о себе личную информацию. Платформа сотрудничает с Главным государственным управлением по делам печати, радио, кино и телевидения Китая, распространяемые данные проходят контроль на достоверность. Bilibili – крупнейший китайский видеохостинг, где размещается и телевизионный контент тоже. Количество активных пользователей в месяц в 2024 г. достигло 341,5 млн, каждый имеет право оставлять оценки и комментарии, которые влияют на рейтинги контента.

Материал исследования

Как удалось установить, в программе китайских телеканалов в конце прошлого столетия и в первые годы XXI в. и правда регулярно появлялись сериалы, киноленты и шоу, произведенные, в первую очередь, в США, а также в европейских странах [6, 7]. В то же время наблюдался дефицит качественных отечественных передач и фильмов, особенно посвященных культуре. Еще в 2011 г. «телепродукция, повествующая о культуре Китая, занимала слабые позиции на рынке. Передачи вызывали скуку и были предназначены для людей с высоким уровнем образования. Контента о культуре было мало, и он не имел влияния на аудиторию» [8]. В тот момент

масштабная реформа китайской медиасистемы только вступила в активную фазу. В 2015 г. наметился рост интереса аудитории, причем и со стороны молодежи: 10% всех зрителей шоу о культуре находились в возрастной группе 15–24 года [9]. В 2017 г., по данным опросов, 86,4% китайцев с удовольствием смотрели культурные шоу (73,7% респондентов на тот момент было от 17 до 37 лет) [10]. А уже в 2023 г. передачи о национальной культуре стали занимать доминирующую позицию на китайском ТВ [11]: из 477 шоу различной тематики 121 были посвящены культурной проблематике [12]. Все указывает на, что потребление контента о традициях, праздниках, наследии КНР стало нормой в китайском обществе. В ежегодном отчете компании CSM (лидер китайского рынка медиаисследований, аналог российской Mediascope) говорится об «ажитаже вокруг передач о культуре в 2023 г.», и эксперты прогнозируют рост популярности такого контента. Более того, «культурную» составляющую власти рекомендуют сегодня включать в кулинарные шоу, в передачи о моде, политике и т.д. Для отдельных программ появилась маркировка «культура+» («культура + еда», «культура + мода», «культура + здоровье», «культура + музыка» и проч.).

Что касается обнаруженных нами государственных документов, определяющих в последние 15 лет контент-политику телевидения и нормы телевизионной эстетики, нами были обнаружены десятки нормативных актов, которые содержат методики и рекомендации по извлечению телевизионного пространства республики от засилья программ иностранного производства, а также алгоритмы закрепления в сознании граждан новых культурных паттернов через демонстрацию достижений культуры 5000-летней цивилизации в телеэфире.

Приведем несколько примеров. Необходимость увеличения количества культурных программ упоминается еще в материалах 2012 г. по итогам XVIII съезда КПК [13]. Там же отмечается, что подобного рода проекты должны производиться при поддержке Центрального департамента пропаганды, корпорации CCTV, китайского бюро ООН по культурному наследию, а также Китайской академии социальных наук. В «Мнении о содействии качественному развитию радио, телевидения и аудиовизуальных онлайн-шоу в новейшую эпоху» [13], опубликованном в 2019 г., уже излагаются детальные рекомендации, касающиеся планирования съемочного процесса, организации сбора и исследования собранных для передач данных, создания сценариев, отслеживания прогресса производства, PR-продвижения проектов, а также повышения их популярности. Следом то же ведомство учредило сразу несколько госнаград, благодаря чему создатели успешных проектов стали поощряться, в том числе финансово.

Отметим, что «культурная» реформа китайского ТВ изначально подразумевала «вертикальное» распространение контента о традициях и ценностях КНР: не только в телеэфире, но также на онлайн-платформах телеканалов и в коллаборации с интернет-ресурсами. И это тоже обозначено во многих документах. Содержатся в них и советы по выбору конкретных тем, рекомендуется, например, рассказывать о национальной музыке, боевых искусствах, танцах, еде, археологии, одежде и т.д. [14].

Насколько подробно в нормативных актах прописаны советы по созданию телепередач о культуре, можно судить по заявлениям, размещенным на официальном сайте Главного государственного управления по делам печати, радио, кино и телевидения Китая в последние 3 года. В них указывается на необходимость «энергично продвигать в телеэфире традиционную культуру Китая, устанавливать правильную эстетическую направленность программ, строго контролировать подбор актеров и гостей, стили исполнения, костюмов и грима» и т.д., «решительно положить конец «женокподобным» образам и другой ненормальной эстетике, сопротивляться тенденциям, которые призывают демонстрировать богатство и удовольствия», «противостоять расточительству и роскоши» [15, 16]. Говорится о «важности тщательной организации съемок культурных передач, а также необходимости постоянного увеличения объема программ, посвященных литературе, документальным фильмам и мультфильмам о музеях и театрах, запуске многосерийных драм по той же тематике». Примеров подобных государственных документов – множество [17–19].

Отдельно отметим, что трансляция национальных праздников – направление, которому власти КНР уделяют сегодня особое внимание. Методики работы с таким контентом содержатся в программном документе кампании «Наша китайская мечта – культура – проникает в 10 тысяч домов» [20].

Результаты исследования

Эмпирической базой исследования стали 16 телепроектов, появившихся в эфире телеканалов CCTV, Hunan TV, Dragon TV, Beijing Television, Henan TV и Zhejiang TV с 2001 по 2024 г. Всего было проанализировано 486 эпизодов продолжительностью от 20 до 120 мин.

Отбор производился по следующему принципу: шоу так или иначе посвящены культурной тематике, но при этом выполнены в разных жанрах и форматах, охватывают аудиторию разных регионов Китая (либо КНР в целом), пользуются широкой популярностью у зрителей, выходят в эфире популярных телеканалов республики. Ниже (табл. 1–6) представлены результаты анализа.

Таблица 1

Основные отличительные характеристики культурных передач телеканала CCTV

Характеристика	Название передачи			
	«Китай в классике» [21]	«Китай на кончике языка» [22]	«Культурная десятка» [23]	«Конференция китайской поэзии» [24]
Жанр	Шоу с элементами докудрамы	Очерк	Информационная передача	Игра
Состав участников	Два ведущих, актеры, ученые, зрители в студии	Ведущий, герои выпусков (жители Китая)	Ведущий, корреспонденты, герои новостных сюжетов	Ведущие, участники, зрители, ученые, деятели культуры
Сценарий	Через театрализованные сцены рассказывается о жизни и творчестве легендарных китайских литераторов, в студии ведущий и ученые обсуждают произведения	Съемочная группа совершает путешествие по 20 провинциям Китая и снимает процесс приготовления традиционных жителей КНР китайских блюд	Ведущий зачитывает подводки к сюжетам, основное содержание передачи – репортажи о культурных событиях Китая	Участники в студии демонстрируют знания в области китайской поэзии и умение зачитывать стихи, в конце сезона определяют победителя
Тематика	Классические произведения китайской литературы	Традиционная китайская кухня	События из мира культуры Китая и других стран	Китайская поэзия
Отличительные особенности передачи	Создан эффект «перенесения в прошлое»; фоном звучит традиционная китайская музыка; демонстрируются кадры подготовки к съемкам театральных сцен	Каждый эпизод напоминает художественный фильм, в котором передана красота китайских блюд	Традиционный новостной формат используется для знакомства зрителя с современными культурными тенденциями Китая	Участники разных возрастов (об их жизни и увлечениях зрители узнают из снятых заранее профайлов) в студии демонстрируют любовь и уважение к традиционной китайской литературе
Коллектив создателей	Редакция CCTV, 34 ученых, специализирующихся на истории и культуре КНР	Редакция CCTV	Редакция CCTV	Редакция CCTV, деятели культуры и искусства, Министерство образования КНР
Целевая аудитория (ЦА), показатели популярности	ЦА: 15–35 лет. Рейтинг на портале Douban: 8,7 (1-й сезон), 9,2 (2-й сезон). Количество просмотров на всех платформах CCTV – 1,6 млрд [25]	ЦА: 15–45 (преимущественно городское население) [26]. Рейтинг на портале Douban: 9,4 (1-й сезон), 8,7 (2-й сезон), 3,8 (3-й сезон)	Без возрастных ограничений. Данные о рейтингах передачи в открытом доступе обнаружить не удалось	ЦА: 4–44 лет. Рейтинг на портале Douban: от 8,0 до 9,2 за 9 сезонов; Второй сезон посмотрели 1,163 млрд раз [27]
Цель проекта	Адаптировать для современных зрителей сложные для понимания классические литературные произведения [28]	Помочь зрителям оценить уникальное очарование культуры китайской кухни, разрушая стереотипные представления о китайской еде	Задача – предоставить рекомендации по посещению выставок, музеев, чтению современных книг	Проект выбирает знакомые всем китайцам стихи, пробуждая в них воспоминания и чувства, помогая вновь осознать величие китайской поэтической культуры
Кол-во просмотренных выпусков; хронологические рамки	1, 2-й сезоны, 21 эпизод; 12.01.2021–09.04.2023	1, 2, 3-й сезоны, 23 серии; 19.02.2018–26.02.2018	140 выпусков; 01.01.2024–15.07.2024	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9-й сезоны, 90 серий; 12.02.2016–18.05.2024
Хронометраж выпусков, мин	90	50	20	90

Таблица 2

Основные отличительные характеристики культурных передач телеканала Dragon TV

Характеристика	Название передачи	
	«Китай до Китая» [29]	«Поэтический Цзяннань» Poetry Jiangnan [30]
Жанр	Докудрама	Шоу
Состав участников	Актеры, ведущий	Ведущий, ученые-культурологи
Сценарий	В выпусках рассказывается о происхождении и раннем развитии китайской цивилизации, начиная с династий Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. – 220 г.н.э.). Реальные эпизоды древней истории Китая реконструированы в формате художественных фильмов. В выпусках присутствуют сцены, где ведущий демонстрирует музейные экспонаты и рассказывает про них, а также демонстрируются места археологических раскопок	Цзяннань – китайская провинция, где расположен город Шанхай. Ведущий и гости обсуждают литературные произведения авторов, живших в разное время в Цзяннане. Выпуски разделены на две тематические части: «Выступление и чтение», в процессе которой участники зачитывают строки из классических китайских произведений, и «Беседа», в ходе которой обсуждают фигуры авторов, сюжеты, персонажей. В некоторых выпусках встречаются музыкальные и танцевальные номера
Тематика	История Древнего Китая	Литературная классика Китая
Отличительные особенности передачи	Актеры одеты в национальные костюмы с большим количеством деталей; используется дорогостоящий реквизит и сложные декорации; в основе выпусков – научные достижения и открытие «Проекта изучения китайской цивилизации» и организации «Археологический Китай»	Ведущий и гости находятся в студии, украшенной в традиционном китайском стиле: в центре стол, за которым участники проводят большую часть времени, обсуждая тему выпуска; используются сложные декорации; участники программы одеты в национальные костюмы
Коллектив создателей	Команда телеканала Dragon TV, более 100 историков и музейных работников, представители Государственного управления культурных реликвий и отдела пропаганды Шанхайского муниципального комитета партии	Команда телеканала Dragon TV, ученые-культурологи, литературоведы Китая
Целевая аудитория (ЦА), показатели популярности	Без возрастных ограничений. Рейтинг на портале Douban: 9,1	Без возрастных ограничений. «Поэтический Цзяннань 2» в рейтинге культурных передач 2023 г. заняла 17-е место [31]
Цель проекта	Цели проекта – рассказать, как разные региональные цивилизации взаимодействовали и, в итоге, сформировали китайскую нацию, раскрыть секреты археологических реликвий	Основная задача – привлечь внимание к культуре провинции Цзяннань
Кол-во просмотренных выпусков; хронологические рамки	1-й сезон, 8 эпизодов; 20.10.2023–08.01.2024	1, 2, 3-й сезоны, 30 эпизодов; 06.01.2022–26.07.2024
Хронометраж выпусков, мин	52	60

Таблица 3

Основные отличительные характеристики культурных передач телеканала Henan TV

Характеристика	Название передачи		
	«Танцующее тысячелетие» 《舞千年》 [32]	«Китайские фестивали» 《中国节日》 [33]	«Китайские банкеты» 《中国家宴》 [34]
Жанр	Шоу	Шоу	Шоу
Состав участников	Актеры, танцоры	Актеры, знаменитости, танцоры, музыканты	Ведущий, актеры
Сценарий	Основная часть шоу – исполнение национальных китайских танцев, относящихся к эпохам правления древних династий. Танцы включены в театрализованные сцены. Выпуски поделены на «главы». Каждая сцена начинается с появления в кадре плашки, на которой написано название танца и излагается суть происходящего	Серия зрелищных телешоу, каждый эпизод которого посвящен одному из традиционных праздников Китая (Праздник весны, Праздник фонарей, Цинмин, Праздник драконьих лодок, Циси, Праздник середины осени и Чунъян и т.д.)	Для каждой серии написан свой сюжет, по сути, это серия художественных фильмов, в центре сценария – вымышленные события, разыгрывающиеся в Древнем Китае. В сценарий включены эпизоды, в которых герои собираются во время обеда или ужина, на банкете или на торжественном праздновании какого-либо события с накрытыми столами. Между сценами ведущий в студии рассказывает об истории китайских традиций принятия пищи, либо обсуждает эту тему со специалистами
Тематика	Национальный китайский танец	Национальные праздники КНР	Китайские банкеты
Отличительные особенности передачи	Актеры одеты в национальные китайские костюмы; для каждой сцены выбраны сложные декорации и реквизит; часть сцен снята в павильонах на фоне хромакея; во время съемок использовалось дорогостоящая кинотехника; на съемку одного танца уходило от нескольких дней до нескольких недель	Графические элементы (некоторые сцены полностью анимированы); сложные декорации в национальном стиле; на участниках шоу – надеты национальные костюмы со множеством деталей; часть представлений записана на реальной сцене; музыкальные номера сочетаются со сценами, снятыми в разных местах провинции Хэнань, актеры и местные жители разыгрывают различные вымышленные ситуации, в которых, по сценарию, присутствует много юмора	Реконструкции с привлечением актеров; красочные декорации; традиционные костюмы; используются графические элементы

Характеристика	Название передачи		
	«Танцующее тысячелетие» 《舞千年》 [32]	«Китайские фестивали» 《中国节日》 [33]	«Китайские банкеты» 《中国家宴》 [34]
Коллектив создателей	Коллектив телеканала Hunan TV, ученые, культурные деятели Китая, постановщики танцев. Шоу создано совместно с компанией Bilibili	Коллектив телеканала Hunan TV, хореографы, театральные режиссеры	Коллектив телеканала Hunan TV, ученые, культурные деятели Китая
Целевая аудитория (ЦА), показатели популярности	Без возрастных ограничений. Рейтинг на портале Douban: 9,9	Без возрастных ограничений. Общее число просмотров выпусков шоу – более 820 млрд в Интернете и более 50 млн на зарубежных платформах [35]	Без возрастных ограничений. Общее количество просмотров на всех платформах телеканала составило 1,1 млрд [36]
Цель проекта	Привлечение внимания, в первую очередь, поколения Z, к национальным танцам Китая.	Демонстрация традиций китайских праздников. С ростом популярности программы, возросли известность и привлекательность культурного и туристического сектора как провинции Хэнань, так и Китая в целом	В шоу еда используется в качестве отправной точки, чтобы познакомить зрителей с культурой китайских банкетов
Кол-во просмотренных выпусков; хронологические рамки	1-й сезон, 8 серий; 2021–2022	12 эпизодов; 2021–2024	1-й сезон, 6 серий; 12.09.2023–28.09.2023
Хронометраж выпусков, мин	50	26–120	30

Таблица 4

Основные отличительные характеристики культурных передач телеканала Hunan TV

Характеристика	Название передачи		
	«Китайская свадьба» [37]	«Дивы отправляются в путь» [38]	Гала-концерт в честь Весеннего фестиваля [39]
Жанр	Реалити-шоу	Путевой очерк	Шоу
Состав участников	Участники шоу	Ведущие (молодые люди) и китайские женщины-знаменитости	Ведущие, танцоры, актеры, знаменитости Китая
Сценарий	Молодая пара сообщает родным о том, что они собираются и отпраздновать свадьбу, затем все вместе готовятся к торжеству, которое проходит с учетом национальных традиций, и празднуют свадьбу	Семь известных китайских артистов отправляются в путешествие по разным странам. Они посещают местных жителей. Особый акцент в проекте сделан на том, как инициатива «Один пояс – один путь» способствует укреплению культурных связей	Проект снят в формате театрализованного музыкального шоу
Тематика	Традиционная свадебная культура Китая	Культура зарубежных стран, путешествия	Весенний фестиваль
Отличительные особенности передачи	В качестве свадебных нарядов многие герои выбирают национальные костюмы; родственники обсуждают обычаи, принятые в свадебной культуре Китая; в передаче герои много шутят, режиссеры используют различные приемы для того, чтобы усилить сатирический эффект (используются графические элементы – стикеры, комментарии, эмодзи, наезд/укрупнение/стоп-кадр/перемотка)	Используется множество графических эффектов (стикеры, текст, эмодзи, наезды/укрупнение/стоп-кадр/перемотка); множество юмористических сцен; присутствуют испытания и соревнования	Основное содержание шоу — музыкальные номера. Между ними рассказываются истории о культуре Китая, о достопримечательностях страны, о достижениях жителей провинции Хунань
Коллектив создателей	Команда Hunan TV	Команда Hunan TV	Коллектив телеканала Hunan TV, ученые, культурные деятели Китая
Целевая аудитория (ЦА), показатели популярности	Зрители в возрасте 20–35 лет. Количество просмотров первого сезона – 1,88 млрд [40]; второго сезона – 1,95 млрд [41]	Зрители в возрасте 20–35 лет. Рейтинги на портале Douban: от 5,9 до 9,8 за пять сезонов. Количество просмотров пятого сезона составило 4 млрд [42]	Без возрастных ограничений. Средний рейтинг на портале Douban: 9,8
Цель проекта	Возрождение свадебных традиций Китая. Новобрачные в программе – это еще и представители различных профессиональных групп, и их истории отражают жизненные реалии современной молодежи Китая, их мечты о будущем	Провокация интереса к странам, с которыми КНР сотрудничает в рамках инициативы «Один пояс – один путь», в частности, к Саудовской Аравии, Хорватии, Великобритании, Австралии, Испании. Так, после демонстрации сезона о Саудовской Аравии в поисковых онлайн-системах КНР словосочетание «Саудовская Аравия» стало встречаться на 72% чаще, также возрос интерес к арабскому языку [43]	Возрождение традиции широкого празднования Весеннего фестиваля, привлечение внимания к культуре региона Хунань
Кол-во просмотренных выпусков; хронологические рамки	1, 2-й сезоны? 24 эпизода\$ 16.04.2022–21.07.2023	1, 2, 3, 4, 5-й сезоны, 64 эпизода; 25.10.2023–24.01.2024	4 гала-концерта. Фестивали 2021, 2022, 2023 и 2024 гг.
Хронометраж выпусков, мин	90	90	102–114

Таблица 5

Основные отличительные характеристики культурных передач телеканала BRTV

Характеристика	Название передачи	
	«Новый Запретный город» [44]	«Ешь и пей, Китай» [45]
Жанр	Докудрама	Документальный фильм
Состав участников	Ведущий, актеры	Ведущие, китайские знаменитости, герои отдельных эпизодов (обычные жители Китая)
Сценарий	Все эпизоды – это отдельные художественные фильмы, в которых рассказывается про эпизоды 600-летней истории Запретного города, расположенного в сердце Пекина	Группа молодых знаменитостей Китая путешествует по разным провинциям с ведущим, который знакомит их со способами приготовления китайских блюд, приглашает в гости к местным жителям, приглашает попробовать себя в качестве агронома, сотрудника предприятия, где производят продукты питания, лаборатории и т.д.
Тематика	История и культура Китая	Культура питания в Китае
Отличительные особенности передачи	Зрителям представлена реконструкция реальных исторических событий; диктор за кадром поясняет те или иные нюансы повествования; присутствуют графические элементы; в некоторых сценах ведущий появляется в кадре и рассказывает об отдельных частях Запретного города; демонстрируются реальные архивные кадры	Графические элементы, звуковые эффекты, субтитры, смайлы, эмодзи; подобраны живописные планы; присутствуют интервью с местными жителями и производителями продуктов питания; сделан акцент на том, что китайская еда – полезная; много юмористических моментов
Коллектив создателей	Команда телеканала BRTV, ученые-историки и культурологи	Команда телеканала BRTV, группа специалистов, изучающих продукты питания и блюда Китая
Целевая аудитория (ЦА), показатели популярности	18–35 лет, 13,8 млн просмотров на Bilibili, 30,1 млн – на Tencent Video и 56,2 млн на Migu Video [46]	Без возрастных ограничений. Количество просмотров на Weibo 18,9 млн [47]
Цель проекта	Помочь зрителям осознать историческую и культурную ценность Запретного города, а вместе с тем узнать больше о том, как развивался Китай сквозь века	В основу шоу заложена идея описания новой системы питания КНР, которая объединяет традиции и новейшие тенденции
Кол-во просмотренных выпусков; хронологические рамки	1-й сезон, 6 эпизодов; 2023	1-й сезон, 7 эпизодов; 20.10.2023–15.12.2023
Хронометраж выпусков (мин)	50	70

Таблица 6

Основные отличительные характеристики культурных передач телеканала Zheijiang TV

Характеристика	Название передачи	
	«Проехать тысячу миль в одиночку» [48]	«Китайская деревня» [49]
Жанр	Путевой очерк с элементами реалити-шоу	Документальный фильм
Состав участников	Знаменитости Китая, ученые, местные жители	Жители китайских деревень
Сценарий	Группа молодых жителей Китая, популярных в разных сферах, посещают объекты всемирного наследия, расположенные на территории КНР. Участники встречаются с местными археологами, учеными-гуманитариями, историками, деятелями культуры, экспертами по работе с культурным наследием	Съемочная группа путешествует по деревням Китая и демонстрирует красоту сельской жизни, культурные традиции китайцев, живописность природы страны
Тематика	Культурное наследие Китая	Культура китайской деревни
Отличительные особенности передачи	Ведущий рассказывает героям об объектах культурного наследия; участники передачи подчеркивают, что власти уделяют внимание достопримечательностям, выделяют значительные средства на их сохранение; стоит отметить большую продолжительность кадров – зрителю позволяют рассмотреть детали объекта более внимательно	Живописные кадры; звучит закадровый текст; местные жители запечатлены за своими традиционными занятиями; звучит местная музыка; демонстрируются местные еда, животные, домашний быт, работа; используется прием «таймлапс» – чтобы продемонстрировать, как проходит день в деревне за несколько секунд. В общей сложности снято более 100 старинных деревень
Коллектив создателей	Команда телеканала Zheijiang TV, ученые	Команда телеканала Zheijiang TV, ученые
Целевая аудитория (ЦА), показатели популярности	4–65 лет. Первый сезон получил оценку 9,5 на Bilibili, 8,2 – на Douban, общее количество на всех онлайн-платформах – 200 млн [50]	От 4 лет. Любитель документальных фильмов. Рейтинг на портале Douban: 8,0
Цель проекта	Познакомить новое поколение китайцев с объектами культурного наследия, расположенными в КНР	С помощью современного визуального языка наглядно и живо показать повседневную жизнь и условия существования китайцев в старых деревнях
Кол-во просмотренных выпусков; хронологические рамки	1, 2, 3-й сезоны, 36 серий; 31.01.2021–05.03.2022	1-й сезон, 7 эпизодов; 22.04.2019–01.07.2019
Хронометраж выпусков, мин	60	45

Авторы пришли к следующим выводам. Наиболее популярными жанрами, которые выбирают тележурналисты для

создания культурных передач, являются шоу, докудрама, путевой очерк, реалити-шоу, документальный фильм.

В процессе подготовки культурных телепроектов, исследованных нами, использовано большое количество дорогостоящей видеотехники, позволяющей снимать кадры в высоком разрешении в любых условиях. Об этом можно судить по качеству отснятого материала. Сценарий каждого шоу тщательно продуман, стоит отметить высокий уровень видеомонтажа и то, что для каждого проекта создано оригинальное музыкальное сопровождение. Все это в совокупности создает особое положительное впечатление от увиденного и услышанного. Применяются различные художественные приемы, модные сейчас в китайском медиапространстве и характерные в целом для азиатских стран. Примечательно, что в большинстве изученных телепрограмм можно увидеть множество визуальных (в первую очередь, графических) и звуковых элементов – «стикеров», эмодзи, смысловых надписей, знаков, субтитров; действия героев сопровождаются определенными звуками.

Передачи, в которых повествуется о культуре Китая, создаются с участием большого количества специалистов разного профиля. К съемочному процессу привлекаются не только тележурналисты, но также выдающиеся ученые, культурные деятели, театральные режиссеры, декораторы, актеры.

Основные культурные направления, которые оказываются в центре внимания тележурналистов Китая, имеют отношение к архитектуре, литературе, живописи, обычаям, традициям, национальной кухне, национальным праздникам, истории.

Диапазон хронометража отдельных эпизодов обычно заключен в рамки от 45 до 90 мин.

Обнаруженные нами культурные шоу, как правило, не имеют возрастных ограничений, предназначаются для широкой аудитории.

Дискуссия. Заключение

Нам удалось установить, что пропаганда национальной культуры Китая в СМИ имеет системный характер. Данный тренд не возник случайно, а был сгенерирован на уровне высшей политической власти, что закреплено во множестве документов. Общими усилиями профильных министерств и ведомств КНР, правительства, представителей медиа и ученых-гуманитариев удалось создать диверсифицированную повествовательную модель, которая помогла не просто привлечь внимание к культуре, но также способствовала развитию культурного вкуса и духовного темперамента у населения.

Описанная выше стратегия с самого начала подразумевала использование различных алгоритмов для провокации интереса, в первую очередь, китайской молодежи – поколения «digital». Телепроекты о культуре с момента возникновения «погружаются» в систему омнимедиа: выпуски представлены на «большом экране», сайтах телекомпаний, в аккаунтах соцсетей (в виде shorts и reels), на видеохостингах (целиком и также в формате «нарезанных» фрагментов), на стриминговых платформах, в онлайн-кинотеатрах. В качестве ведущих и участников многих передач приглашают граждан 20–30 лет. Можно утверждать, что такая

тактика сработала. Значительная часть аудитории программ на культурную тематику в Китае – молодые люди до 35 лет. Потребляет такого рода контент молодое поколение не только в онлайн-формате, некоторые смотрят шоу о культуре непосредственно по ТВ. В ежегодном докладе компании CSM за 2024 г. отмечается, что телевидение для молодежи и сегодня представляет ценность. Примечательно, что на фоне снижения времени просмотра ТВ среди зрителей 45–65 лет (250 мин/день в 2022 г., 238 мин/день в 2023 г.), среди молодых людей популярность ТВ остается стабильной (15–24 лет – 50 мин/день в 2022 г., 46 мин/день 2023 г.; 24–34 лет – 60 мин/день и в 2022 г., и в 2023 г.) [51].

Продюсеры китайских телепроектов о культуре КНР уделяют массу внимания их PR-сопровождению. Журналистам сообщают множество деталей, которые в совокупности порождают высокую степень доверия к той или иной телепередаче. Подчеркивается, что в процессе работы принимают участие ученые, театральные и кинорежиссеры, профессиональные актеры, используются сложные декорации. Упоминаются точные цели, преследуемые менеджментом телекомпаний при создании шоу, а также полученные результаты: какой эффект оказан на аудиторию, каким образом изменилось поведение зрителей, какие привычки они приобрели в результате получения новых знаний из выпусков проекта, приводятся выдержки из интервью со зрителями.

На этапе создания сценариев современных культурных шоу в Китае используется политика «мягкой силы». Ни один из изученных нами проектов не имеет явного назидательного тона. Применяются стратегии объективного аргументирования, ценностные, рациональные и эмоциональные подходы.

Истории, которыми делятся молодые жители Китая с журналистами, указывают на рост интереса к традициям страны и на налаживание диалога между поколениями [52, 53]. В некоторых публицистических статьях заявляется о начале в КНР «культурной лихорадки» среди молодежи [54, 55]. И тому есть множество доказательств. Опишем наиболее наглядные примеры:

– гигантский *рост популярности национальных китайских костюмов*, в частности *ханьфу* (рис. 1). Объем рынка их производства в 2023 г. достиг 144,7 млрд юаней. Если в 2015 г. в Китае было продано ханьфу на 1,9 млн юаней, а в 2020-м на 6,3 млрд юаней, то к 2027 г. показатель, по прогнозам, достигнет 24,18 млрд юаней [56]. Молодые люди надевают ханьфу для участия в фотосессиях, тематических мероприятиях и играх, носят в повседневной жизни. Современные дизайнеры разрабатывают «новые китайские стили», интегрируя в моду элементы традиционной одежды Китая. Более 90% потребителей ханьфу – лица моложе 40 лет;

– пробуждение *массового интереса к музеям*. За 2023 г. китайские музеи приняли 1,29 млрд посетителей, что стало рекордом за последние годы [57]. Для сравнения, в 2015 г. этот показатель был ниже почти в 2 раза [58]. Наблюдается возрождение «культурного туризма»: молодые китайцы «коллекционируют» посещение музеев, отправляясь в путешествие по разным провинциям с этой целью. Коллекционирование музейных товаров

превратилось в хобби: культурные площадки продают игрушки, статуэтки, фигурки в форме экспонатов, за ними выстраиваются очереди (рис. 2) [59];

– резкое увеличение количества посетителей театров. В 2023 г. в профессиональных театрах Китая поставили почти 100 тыс. спектаклей, кассовые сборы составили 8 млрд 623 млн юаней, а количество зрителей превысило рекордные 30,6 млн человек [60];

– пробуждение интереса к национальным танцам, музыке и изобразительному искусству, в первую очередь, среди молодых людей. Блогеры массово записывают ролики, где исполняют древние танцы Китая. Вырос конкурс на поступление в танцевальные, музыкальные вузы и художественные учебные заведения после школы. Только в колледжи искусств в 2025 г. будут поступать, по прогнозу, 14,5 млн абитуриентов, для сравнения, в 2021 г. этот показатель был ниже в 13 раз (рис. 3) [61].



а



б



в

Рис. 1. а – в: жители Китая носят национальный костюм ханьфу в повседневной жизни



а



б

Рис. 2. а – б – музейные товары, изображающие экспонаты



Рис. 3. Вступительный экзамен в китайскую школу искусств

Мы считаем, что выдвигаемая нами гипотеза нашла подтверждение. Разработанная властями КНР программа, имеющая целью формирование нового культурного самосознания нации при помощи СМИ, а также реализация поставленных задач журналистским сообществом при содействии выдающихся ученых, режиссеров, актеров республики всего за несколько лет позволили прийти к трансформации мировосприятия китайцев.

С повышением общего эстетического уровня и духовных устремлений публики, спрос аудитории на аудиовизуальный контент больше не ограничивается досугом и развлечениями, важность приобретает культурное наследие и духовный подтекст программы, а также национальная гордость людей и растущая культурная уверенность в себе, все это делает рынок культурных шоу перспективным направлением.

Оценивая общий пропагандистский эффект телепередач о культуре на население Китая, авторы, разумеется, были бы не правы, связав изменение отношения к культуре в КНР исключительно со сменой вектора телевидения. Способствовали этому, разумеется, и другие мощные факторы. В первую очередь, позитивное развитие китайской экономики, рост финансового благополучия населения, развитие больших и малых городов, эволюция целого ряда отраслей промышленности, а также укрепление позиций Китая на геополитической карте мира. Все это стало благоприятной основой для развития культурных индустрий. Но высокие рейтинги рассмотренных нами передач и стабильный спрос на телевизионный контент со стороны молодежи подтверждают, что телевидение Китая внесло неоценимый вклад в пропаганду культуры, что позволило запечатлеть в сознании китайского народа неизвестные и забытые образы из истории этой древней цивилизации.

Список источников

1. Гэ Ц. Дракон меняет свой стиль: новый образ регионального телевидения Китая // *Litera*. 2019. № 4. С. 37.
2. Гаврилова Е.В. Культурная политика Китая в условиях противостояния западному глобализму // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2022. № 2. С. 100.
3. Сергеева Е.С. Традиционная культура на телеэкране: поиски новых форматов на современном телевидении Китая // *Наука телевидения*. 2016. № 12.2. С. 87–88.
4. Xiaoying Y. The Phenomenon of Cultural Discount and Its Reasons in the Cross-cultural Communication of Domestic TV Dramas-Taking The Legend of Zhenhuan as an Example // *Communications in Humanities Research*. 2024. Vol. 33 (1). P. 256–262. doi: 10.54254/2753-7064/33/20240111
5. Te Z. Research on the Cross-cultural Communication of Chinese TV Dramas Based on Social Media // *Media and Communication Research*. 2023. Vol. 4. P. 6–13. doi: 10.23977/mediacr.2023.041102
6. Американские сериалы, представленные в материковом Китае в 1980-х и 1990-х годах (80、90年代中国大陆引进的美剧 (美国电视剧) (на кит. яз.) // *Huiban*. 2019. URL: <http://www.huibangqyh.cn/forum.php?mod=viewthread&tid=17266> (дата обращения: 05.06.2024).
7. Когда американские драмы пришли в Китай и когда они стали популярными? (美剧什么时候传入中国的, 什么时候盛行的?) (на кит. яз.) // *Zhihu*. 2014. URL: https://daily.zhihu.com/story/3998163?utm_id=0%20%202.%20http://www.huibangqyh.cn/forum.php?mod=viewthread&tid=17266 (дата обращения: 17.07.2024).
8. Вэньхуань Л. Определение и размышления о культурных телевизионных программах (对文化类电视节目的界定及思考) (на кит. яз.) // *CSM Media Research*. 2016. URL: <https://www.csm.com.cn/Content/2016/11-11/1056392110.html> (дата обращения: 10.11.2024).
9. Хуэй Ч. Успешная контратака культурных телешоу (文化类综艺节目的成功逆袭) (на кит. яз.) // *CSM Media Research*. 2016. URL: <https://www.csm.com.cn/Content/2016/11-11/1054075122.html> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Опрос: 86,4% респондентов любят смотреть культурные шоу (中国青年报调查: 86.4%受访者喜欢看文化类综艺节目) (на кит. яз.) // *China Youth Daily*. 2017. URL: <http://culture.people.com.cn/n1/2017/0307/c22219-29128025.html> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Компания China Audiovisual Big Data опубликовала ежеквартальный отчет о рейтингах за первый квартал 2024 года (программы “Культура+” по-разному представляют традиционную китайскую культуру, завоевывая сердца аудитории и возглавляя рейтинги) (中国视听大数据发布2024年一季度收视季报 (“文化+” 节目多元呈现中国传统文化, 滋养观众心灵, 收视领跑)) (на кит. яз.) // *China Audiovisual Big Data*. 2024. URL: <http://www.cavbd.cn/news/2024041701.html> (дата обращения: 09.11.2024).
12. Поддержите интеграцию культуры и туризма, сохраните китайскую культуру: на телевидении все больше передач с маркировкой «Культура+» в 2024 году (助力文旅融合 赓续中华文脉 2024“文化+” 综艺荧屏涌现) // *Variety*. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NTg1OTYwNA==&mid=2665491959&idx=1&sn=5b89a85b1051a1e258f13b964192be96&chksm=bc aec29c28d0a1d62ef1804e41d41af901c137f9b169d03650cfeca4dbbb64d5eb50b3e3082&scene=27 (дата обращения: 09.11.2024).
13. Мнение о содействии качественному развитию радио, телевидения и аудиовизуальных онлайн-СМИ (关于推动广播电视和网络视听产业高质量发展的意见) (на кит. яз.) // Главное государственное управление по делам радио, кино и телевидения. URL: <https://whlyj.sh.gov.cn/zcfg/20190820/0022-28628.html> (дата обращения: 19.07.2024).
14. Культурные программы за последнее десятилетие: яркая аудиовизуальная визитная карточка для построения культурного могущественной страны (文化类节目这十年: 打造文化强国建设的亮丽视听名片) (на кит. яз.) // Официальный сайт Правительства Китая. 2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-05/24/content_5691993.html (дата обращения: 19.07.2024).
15. Уведомление об управлении литературными и художественными программами и их персонале (国家广播电视总局办公厅关于进一步加 强文艺节目及其人员管理的通知) (на кит. яз.) // Главное государственное управление по делам радио, кино и телевидения. URL: https://www.nrta.gov.cn/art/2021/9/2/art_113_57756.html (дата обращения: 11.11.2024).
16. Аудиовизуальная реклама на радио, телевидении и в Интернете, а также работа по редактированию и трансляции программ (广播电视和网络视听宣传和节目编播工作) (на кит. яз.) // Главное государственное управление по делам радио, кино и телевидения. URL: https://www.nrta.gov.cn/art/2021/12/31/art_113_59079.html (дата обращения: 11.11.2024).
17. Рекомендации по организации 27-й Национальной телевизионной премии в области литературы и искусства «Starlight Award» (中国广播电视节目奖 (第27届全国电视文艺“星光奖”)) (на кит. яз.) // Главное государственное управление по делам радио, кино и телевидения. URL: https://www.nrta.gov.cn/art/2022/1/29/art_113_59453.html (дата обращения: 11.11.2024).
18. Уведомление о начале приема заявок на реализацию проектов на радио и телевидении Китая по культурной тематике в 2022 году (公厅关于开 展2022年“中华文化广播电视传播工程”重点项目申报工作的通知) (на кит. яз.) // Главное государственное управление по делам радио, кино и телевидения. URL: https://www.nrta.gov.cn/art/2022/3/3/art_113_59693.html (дата обращения: 11.11.2024).

19. Министерство культуры и туризма провело телеконференцию, направленную на укрепление комплексного управления в сфере культуры и развлечений (文化和旅游部召开加强文娱领域综合治理工作电视电话会议) (на кит. яз.) // Официальный сайт Правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-09/09/content_5636510.htm (дата обращения: 11.11.2024).
20. В 2024 году было запущено мероприятие «Наша китайская мечта – культура входит в десять тысяч домов» (2024年“我们的中国梦——文化进万家”活动启动) (на кит. яз.) // Официальный сайт КПК Китая. 2024. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0205/c64387-40173390.html> (Дата обращения: 05.05.2024).
21. «Китай в классике» // CGTN. 2021. URL: <https://www.cgtv.com/special/china-in-the-classics.html> (дата обращения: 04.06.2024).
22. «Китай на кончике языка» («舌尖上的中国») // CCTV. 2023. URL: <https://tv.cctv.com/2017/01/19/VIDAtlyRXSW-BaJGZ1itGdZFE170119.shtml> (дата обращения: 24.07.2024).
23. «Культурная десятка» («文化十分») // CCTV. 2024. URL: <https://tv.cctv.com/lm/whsf/index.shtml> (дата обращения: 24.07.2024).
24. «Конференция китайской поэзии» («中国诗词大会») // CCTV. 2024. URL: <https://tv.cctv.com/2024/03/10/VIDArZULIY-IY0uBET8cVrcOr240310.shtml> (дата обращения: 24.07.2024).
25. Второй сезон «Китай в классике» завершился с более чем 1,6 миллиарда просмотров на всех платформах и 260 горячими поисками во всей сети («典籍里的中国»第二季收官, 全平台播放量超16亿次, 全网收获260个热搜热榜) (на кит. яз.) // Weixin. 2023. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5MDg2MTA4MA==&mid=2651832780&idx=1&sn=4344a21005758b3742da1482f8d685a8&chksm=bd4533bb8a32baad21f4f6d0aa4d7a18d58535c7b888786f15f9e915d52a614492d54b0de00&scene=27 (дата обращения: 19.07.2024).
26. «После почти четырехлетнего перерыва, можно ли после возвращения ожидать коммерческий успех шоу “На кончике языка”?» (一别近四年, 再归来, 《舌尖》IP背后的商业诱惑有多大?) (на кит. яз.) // Net Ease. 2018. URL: <https://www.163.com/dy/article/DB75EDVI0519ANLQ.html> (дата обращения: 19.07.2024).
27. «Конференцию китайской поэзии посмотрели 1,163 миллиарда зрителей. Почему она так популярна?» («累计收看观众11.63亿人次 中国诗词大会缘何广受追捧») (на кит. яз.) // CCTV. 2017. URL: <https://news.cctv.com/2017/02/09/ARTIBJCJDaJFd5bEamNjKOG170209.shtml> (Дата обращения: 19.07.2024).
28. Шэнь Х. Почему мы планируем Китай в классике? (我们为什么要策划《典籍里的中国》) (на кит. яз.) // QS Theory. 2021. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-03/01/c_1127146333.htm (дата обращения: 04.06.2024).
29. «Китай до Китая» (何以中国) // Shanghai TV. 2024. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLGjsh-EBqdUOINVTW5KKiSAnHjeeV-TkYQ> (дата обращения: 24.07.2024).
30. «Поэтический Цзяннань» (斯文江南) // Shanghai TV. 2024. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PL1OG5YATWAbDkJe2A_WJgkpSamrFwNr (дата обращения: 24.07.2024).
31. «Опубликован годовой отчет China Audiovisual Big Data Ratings 2023. Dragon TV лидирует по многим направлениям и лидирует во всех аспектах» (中国视听大数据2023收视年报出炉 东方卫视多赛道领跑, 全方位领先) (на кит. яз.) // «Шанхайское бюро радио и телевидения». 2024. URL: <https://whlyj.sh.gov.cn/gbds/20240117/f1a974c80b58d4acbfda6948a62f1cd0.html> (дата обращения: 19.07.2024).
32. «Танцующее тысячелетие» («舞千年») // Henan TV. 2023. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLYL-RBLLKpj7bWauCp0I3Pxxw4qMkp1KspA> (дата обращения: 24.07.2024).
33. «Китайские фестивали» (中国节日) // Henan TV. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QuQLJG6SKVg&list=PL6AueUKt7bHvFi2ATiN82ZUun0LfXzC89> (дата обращения: 19.07.2024).
34. «Китайские банкеты» («中国家宴») // Henan TV. 2023. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLcl97ssFtd1-QGMFDS0G6og9h7G14-IS> (дата обращения: 24.07.2024).
35. Прогноз посещения туристами Фестиваля лодок-драконов на 2023 год (2023年端午假期旅游预测报告) (на кит. яз.) // Baidu. 2023. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1795903807888409035&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 19.07.2024).
36. «Общая аудитория превысила 1,1 миллиарда, а совокупное число зрителей превысило 75,6 миллиона – Ханьцзян объединился с Хэнаньским спутниковым телевидением, чтобы создать «Китайский семейный банкет» и стал «горячим хитом» (总曝光量超11亿、累计观看人数突破7560万 – 汉酱携手河南卫视打造《中国家宴》成“爆款”)
37. «Китайская свадьба» (中国婚礼) // Hunan TV. 2022. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLUM8x224JrX90K_Np9ju1lWBd8Ugwr-jX (дата обращения: 24.07.2024).
38. «Дивы отправляются в путь – 5» («花儿与少年S5·丝路季») // Hunan TV. 2023. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLhayK-qLSbiYEETWYz6I9ByTumq62XV1I> (дата обращения: 24.07.2024).
39. Гала-концерт в честь Весеннего фестиваля (湖南卫视春节) // Mango TV. 2024. URL: <https://w.mgtv.com/b/621760/20490055.html> (дата обращения: 19.07.2024).
40. «Китайская свадьба: выдать дочь замуж» (中国婚礼) // Mango TV. 2023. URL: https://w.mgtv.com/b/437625/16059730.html?fpa=se&lastp=so_result (дата обращения: 24.07.2024).
41. «Китайская свадьба: идеальная пара» // Mango TV. 2023. URL: https://w.mgtv.com/b/541954/18705559.html?fpa=se&lastp=so_result (дата обращения: 10.07.2024).
42. «Почему “Дивы отправляются в путь 5” привлекают внимание зрителей?» («花儿与少年5» 缘何受关注) (на кит. яз.) // Xinhua. 2024. URL: <http://www.xinhuanet.com/ent/20240201/3f4a13892ec64146bb311460d27e2f4b/c.html> (дата обращения: 10.07.2024).
43. China's reality show sparks cultural exchange enthusiasm with Saudi Arabia // Global Times. 2023. URL: <https://www.global-times.cn/page/202311/1301460.shtml> (дата обращения: 02.07.2024).
44. «Новый Запретный город» («紫禁城») // BRTV. 2023. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLi9TWGXpDJsbcLr7nzmDfW8cDuIu7AW> (дата обращения: 24.07.2024).
45. «Ешь и пей Китай» («食养中国») // BRTV. 2023. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLmsQIE-uCO4cb27aD2TaFZ1gGIQgKq_x8 (дата обращения: 24.07.2024).
46. Медийная коммуникационная стратегия Цзя Сюэфаня для исторических и культурных документальных фильмов на примере «Запретного города» (历史文化类纪录片的全媒体传播策略——以《紫禁城》为例节选) (на кит. яз.) // Weixin. 2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI1ODY1NzUyMw==&mid=2247527868&idx=2&sn=237a6d2d8f4a3aa2fd0f5cd57130ac0c&chksm=ea06f020dd717936ece997c1b617d81d338b76e147d706b0bec7d646142c9b0620f52c8522c2&scene=27 (дата обращения: 10.07.2024).
47. «Ешь и пей Китай» (食养中国) // Weibo. 2023. URL: <https://weibo.com/7607358170> (дата обращения: 10.07.2024).
48. «Проехать тысячу миль в одиночку» («万里走单骑») // Zhejiang TV. 2023. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLm-Hvcli_9mkR6KjIGjieDcUYA5TDjsTZV (дата обращения: 24.07.2024).
49. «Китайская деревня» («中国村落») // Zhejiang TV. 2019. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLm-Hvcli_9mkSf160HlkRz5yc8Rgu6pLj9 (дата обращения: 24.07.2024).

50. Проект «Проехать тысячу миль в одиночку» официально запущен (《万里走单骑》第二季正式启动) (на кит. яз.) // Baidu. 2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1702192520562780697&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.07.2024).
51. Rating China 2024 (收视中国) (на кит. яз.) // CSM Media Research. 2024. URL: <https://www.pic.csm.com.cn/Files/2024/5/17/161419688771c650-d.pdf> (дата обращения: 24.07.2024).
52. Li Q. TV shows on Chinese classics gain popularity among young generation // China. 2021. № 12. URL: https://www.bjreview.com/Life-style/202103/t20210322_800240958.html (дата обращения: 03.06.2024).
53. Ji Y., Lou K. TV shows turn to traditional culture to satisfy young audiences // Global Times. 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1241550.shtml> (дата обращения: 03.06.2024).
54. Культурные эстрадные шоу: традиционная культура становится «популярной» (文化类综艺: 传统文化“正流行”) (на кит. яз.) // China Today. 2021. URL: http://www.chinatoday.com.cn/zw2018/ly_4982/202108/t20210823_800256181.html (дата обращения: 03.06.2024).
55. Стремясь к поколению Z, китайская традиционная культура достигла «самых уверенных в себе людей» (瞄准Z世代 中国传统文化抵达“最自信的人群”) (на кит. яз.) // Weixin. 2021. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzIwNDM2MjIwMQ==&mid=2247518548&idx=4&sn=60ca32c88d2d9294c52d737465bac3b9&chksm=96c391e2a1b418f4fe0bb9e9f1905c1e99555cd0b50f13759c84d61a8f0a7f0c0f9848f7fde&scene=27 (Дата обращения: 03.06.2024).
56. AI Media Consulting. Исследовательский отчет о текущей ситуации и потребительском поведении китайской индустрии Ханьфу в 2024–2025 гг. (艾媒咨询: 2024-2025年中国汉服产业现状及消费行为研究报告) (на кит. яз.) // Weixin. 2023. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/B2NG61NvUoR_TtrPb3uZ0g (дата обращения: 15.11.2024).
57. В 2023 году китайские музеи приняли 1,29 миллиарда посетителей, что является рекордным рекордом (2023年我国博物馆接待观众12.9亿人次 创历史新高) (на кит. яз.) // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 2024. URL: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6952138.htm (дата обращения: 24.07.2024).
58. 85% музеев в Китае открыты бесплатно, и около 700 миллионов человек посещают их каждый год (我国85%博物馆免费开放 每年约7亿人次参观) (на кит. яз.) // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-05/18/content_5074472.htm (дата обращения: 15.11.2024).
59. Обзор Gongshi. Почему музейные культурные творения «завоевывают» сердца молодых людей? (工视评 | 博物馆文创何以“俘获”年轻人的心?) (на кит. яз.) // China Daily. 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1813246839155471201&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.11.2024).
60. Отчет о панорамном обзоре и прогноз исследования рынка театральной индустрии Китая (中国剧场类演出行业全景调查与市场调查预测报告) (на кит. яз.) // Sohu. 2024. URL: https://yule.sohu.com/a/791912414_121626425 (дата обращения: 15.11.2024).
61. Данные показывают, что в 2025 г. количество поступающих в школы искусств увеличится! (数据显示: 2025艺考录取率将更高!) (на кит. яз.) // Baidu. 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1816777397321758896&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.11.2024).

References

1. Ge, Ts. (2019) *Drakon menyayet svoy stil': novyy obraz regional'nogo televideniya Kitaya* [The Dragon Changes Its Style: The New Image of China's Regional Television]. *Litera*. 4. p. 37.
2. Gavrilova, E.V. (2022) *Kul'turnaya politika Kitaya v usloviyakh protivostoyaniya zapadnomu globalizmu* [China's Cultural Policy in the Context of Confronting Western Globalism]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2. p. 100.
3. Sergeeva, E.S. (2016) *Traditsionnaya kultura na telekrane: poiski novykh formatov na sovremennom televidenii Kitaya* [Traditional Culture on TV: Searching for New Formats in Modern Chinese Television]. *Nauka televideniya*. 12 (2). pp. 87–88.
4. Xiaoying, Y. (2024) The Phenomenon of Cultural Discount and Its Reasons in the Cross-cultural Communication of Domestic TV Dramas-Taking The Legend of Zhenhuan as an Example. *Communications in Humanities Research*. 33 (1). pp. 256–262. doi: 10.54254/2753-7064/33/20240111
5. Te, Z. (2023) Research on the Cross-cultural Communication of Chinese TV Dramas Based on Social Media. *Media and Communication Research*. 4. pp. 6–13. doi: 10.23977/mediacr.2023.041102
6. Huiban. (2019) *American TV Series Introduced in Mainland China in the 1980s and 1990s*. [Online] Available from: <http://www.huibangqy.cn/forum.php?mod=viewthread&tid=17266> (Accessed: 05.06.2024). (In Chinese).
7. Zhihu. (2014) *When Did American Dramas Come to China and When Did They Become Popular?* [Online] Available from: <https://daily.zhihu.com/story/3998163> (Accessed: 17.07.2024). (In Chinese).
8. Ven'khuai, L. (2016) Definition and Reflections on Cultural TV Programs. *CSM Media Research*. [Online] Available from: <https://www.csm.com.cn/Content/2016/11-11/1056392110.html> (Accessed: 10.11.2024). (In Chinese).
9. Khuy, Ch. (2016) The Successful Counterattack of Cultural Variety Shows. *CSM Media Research*. [Online] Available from: <https://www.csm.com.cn/Content/2016/11-11/1054075122.html> (Accessed: 11.11.2024). (In Chinese).
10. China Youth Daily. (2017) *Survey: 86.4% of Respondents Like to Watch Cultural Shows*. [Online] Available from: <http://culture.people.com.cn/n1/2017/0307/c22219-29128025.html> (Accessed: 09.11.2024). (In Chinese).
11. China Audiovisual Big Data. (2024) *China Audiovisual Big Data Released Q1 2024 Ratings Report*. [Online] Available from: <http://www.cavbd.cn/news/2024041701.html> (Accessed: 09.11.2024). (In Chinese).
12. Variety Show. (2024) *Supporting Cultural-Tourism Integration, Preserving Chinese Culture*. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NTg1OTYwNA==&mid=2665491959&idx=1&sn=5b89a85b1051a1e258f13b964192be96&chksm=bc aec29c280d0a1d62ef1804e41d41af901c137f9b169d03650cfeca4dbbb64d5eb50b3e3082&scene=27 (Accessed: 09.11.2024). (In Chinese).
13. National Radio and Television Administration. (2019) *Opinion on Promoting High-Quality Development of Broadcasting, TV and Online Audiovisual Media*. [Online] Available from: <https://whlyj.sh.gov.cn/zcfg/20190820/0022-28628.html> (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
14. Chinese Government Website. (2022) *Cultural Programs of the Past Decade*. [Online] Available from: https://www.gov.cn/xinwen/2022-05/24/content_5691993.html (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
15. National Radio and Television Administration. (2021) *Notice on Strengthening Management of Entertainment Programs*. [Online] Available from: https://www.nrta.gov.cn/art/2021/9/2/art_113_57756.html (Accessed: 11.11.2024). (In Chinese).
16. National Radio and Television Administration. (2021) *Radio, TV and Online Audiovisual Advertising*. [Online] Available from: https://www.nrta.gov.cn/art/2021/12/31/art_113_59079.html (Accessed: 11.11.2024). (In Chinese).
17. National Radio and Television Administration. (2022) *Guidelines for the 27th National TV "Starlight Award"*. [Online] Available from: https://www.nrta.gov.cn/art/2022/1/29/art_113_59453.html (Accessed: 11.11.2024). (In Chinese).
18. National Radio and Television Administration. (2022) *Notice on 2022 Chinese Culture Broadcasting Projects*. [Online] Available from: https://www.nrta.gov.cn/art/2022/3/3/art_113_59693.html (Accessed: 11.11.2024). (In Chinese).
19. Chinese Government Website. (2021) *Ministry of Culture and Tourism Holds Video Conference*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2021-09/09/content_5636510.htm (Accessed: 11.11.2024). (In Chinese).
20. CPC Website. (2024) *In 2024 "Our Chinese Dream – Culture Enters Thousands of Homes" Campaign Launched*. [Online] Available from: <http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0205/c64387-40173390.html> (Accessed: 05.05.2024). (In Chinese).
21. CGTN. (2021) *China in the Classics*. [Online] Available from: <https://www.cgtn.com/special/china-in-the-classics.html> (Accessed: 04.06.2024).

22. CCTV. (2023) *A Bite of China*. [Online] Available from: <https://tv.cctv.com/2017/01/19/VIDAtlyRXSWBaJGZ1itGdZFE170119.shtml> (Accessed: 24.07.2024).
23. CCTV. (2024) *Cultural Focus*. [Online] Available from: <https://tv.cctv.com/lm/whsf/index.shtml> (Accessed: 24.07.2024).
24. CCTV. (2024) *Chinese Poetry Conference*. [Online] Available from: <https://tv.cctv.com/2024/03/10/VIDArZULIYIYOUBET8cVrcOr240310.shtml> (Accessed: 24.07.2024).
25. Weixin. (2023) *Second Season of "China in Classics" Concludes*. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5MDg2MTA4MA==&mid=2651832780&idx=1&sn=4344a21005758b3742da1482f8d685a8&chksm=bd4533bb8a32baad21f4f6d0aa4d7a18d58535c7b888786ff15fce915d52a614492d54b0de00&scene=27 (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
26. Net Ease. (2018) *After Nearly Four Years, Can "A Bite of China" Expect Commercial Success Upon Return?* [Online] Available from: <https://www.163.com/dy/article/DB75EDVI0519ANLQ.html> (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
27. CCTV. (2017) *Chinese Poetry Conference Viewed by 1.163 Billion*. [Online] Available from: <https://news.cctv.com/2017/02/09/ARTIBCJDafD5bfEamNjKOG170209.shtml> (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
28. Shen, Kh. (2021) *Why We Planned "China in Classics"*. QS Theory. [Online] Available from: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-03/01/c_1127146333.htm (Accessed: 04.06.2024). (In Chinese).
29. Shanghai TV. (2024) *The Origins of China*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLGjsh-EBQdUOINVTW5KKiSAnHjeeVtkYQ> (Accessed: 24.07.2024).
30. Shanghai TV. (2024) *Cultural Jiangnan*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/playlist?list=PL1OG5YATWAbDkJje2A_WJgkpSarnrFwNr (Accessed: 24.07.2024).
31. Shanghai Radio and Television Bureau. (2024) *China Audiovisual Big Data 2023 Ratings Report Released*. [Online] Available from: <https://whlyj.sh.gov.cn/gbds/20240117/f974c80b58d4acfbfda6948a62f1cd0.html> (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
32. Henan TV. (2023) *Dancing Millennium*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLYLRBLKpj7bWauCp0l3Pwx4qMkp1KspA> (Accessed: 24.07.2024).
33. Henan TV. (2024) *Chinese Festivals*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=QuQLJG6SKVg&list=PL6AueUKt7bHvFi2ATiN82ZUun0LfXzC89> (Accessed: 19.07.2024).
34. Henan TV. (2023) *Chinese Banquet*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/playlist?list=PLcI97ssFtd1-_QGMFDS0G6og9h7G14-IS (Accessed: 24.07.2024).
35. Baidu. (2023) *2023 Dragon Boat Festival Tourism Forecast Report*. [Online] Available from: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1795903807888409035&wfr=spider&for=pc> (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
36. Tencent. (2023) *Total Audience Exceeded 1.1 Billion*. [Online] Available from: <https://new.qq.com/rain/a/20231017A063TD00> (Accessed: 19.07.2024). (In Chinese).
37. Hunan TV. (2022) *Chinese Wedding*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/playlist?list=PLUM8x224JrX90K_Np9ju11WBd8Ugwr-jX (Accessed: 24.07.2024).
38. Hunan TV. (2023) *Divas on the Road Season 5*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLhayK-qLSbiYEETWYz6l9ByTymq62XV11> (Accessed: 24.07.2024).
39. Mango TV. (2024) *Hunan TV Spring Festival Gala*. [Online] Available from: <https://w.mgtv.com/b/621760/20490055.html> (Accessed: 19.07.2024).
40. Mango TV. (2023) *Chinese Wedding: Marrying off a Daughter*. [Online] Available from: <https://w.mgtv.com/b/437625/16059730.html> (Accessed: 24.07.2024).
41. Mango TV. (2023) *Chinese Wedding: Perfect Match*. [Online] Available from: <https://w.mgtv.com/b/541954/18705559.html> (Accessed: 10.07.2024).
42. Xinhua. (2024) *Why "Divas on the Road 5" Attracts Audience Attention*. [Online] Available from: <http://www.xinhuanet.com/ent/20240201/3f4a13892ec64146bb311460d27e2f4b/c.html> (Accessed: 10.07.2024). (In Chinese).
43. Global Times. (2023) *China's reality show sparks cultural exchange enthusiasm with Saudi Arabia*. [Online] Available from: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1301460.shtml> (Accessed: 02.07.2024).
44. BRTV. (2023) *The New Forbidden City*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLi9TWGXpDJsbcI7nznmdDFW8cDuIu7AW> (Accessed: 24.07.2024).
45. BRTV. (2023) *Eat and Drink China*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/playlist?list=PLmsQIE-uCO4cb27aD2TaFZ1gGIQgKQ_x8 (Accessed: 24.07.2024).
46. Weixin. (2022) *Jia Xuefang's Media Communication Strategy*. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI1ODY1NzUyMw== (Accessed: 10.07.2024). (In Chinese).
47. Weibo. (2023) *Eat and Drink China*. [Online] Available from: <https://weibo.com/7607358170> (Accessed: 10.07.2024). (In Chinese).
48. Zhejiang TV. (2023) *Riding Solo for Miles*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/playlist?list=PLmHvclj_9mkR6KjIGjieDeUYA5TDjsTZV (Accessed: 24.07.2024).
49. Zhejiang TV. (2019) *Chinese Village*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/playlist?list=PLmHvclj_9mkSf60HlkRz5yc8Rgu6pLj9 (Accessed: 24.07.2024).
50. Baidu. (2021) *"Riding Solo for Miles" Project Officially Launched*. [Online] Available from: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1702192520562780697&wfr=spider&for=pc> (Accessed: 10.07.2024). (In Chinese).
51. CSM Media Research. (2024) *China Ratings 2024*. [Online] Available from: <https://www.pic.csm.com.cn/Files/2024/5/17/161419688771c650-d.pdf> (Accessed: 24.07.2024). (In Chinese).
52. Li, Q. (2021) TV shows on Chinese classics gain popularity among young generation. *China*. 12. [Online] Available from: https://www.bjreview.com/Lifestyle/202103/t20210322_800240958.html (Accessed: 03.06.2024).
53. Ji, Y. & Lou, K. (2021) TV shows turn to traditional culture to satisfy young audiences. *Global Times*. [Online] Available from: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1241550.shtml> (Accessed: 03.06.2024).
54. China Today. (2021) *Cultural Variety Shows: Traditional Culture Becomes "Popular"*. [Online] Available from: http://www.chinatoday.com.cn/zw2018/ly_4982/202108/t20210823_800256181.html (Accessed: 03.06.2024). (In Chinese).
55. Weixin. (2021) *Aiming at Gen Z, Chinese Traditional Culture Reaches "The Most Confident People"*. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzlwNDM2MjIwMQ==&mid=2247518548&idx=4&sn=60ca32c88d2d9294c52d737465bac3b9&chksm=96c391e2a1b418f4fe0bb9e9f1905c1e99555cd0b50f13759c84d61a8f0a7ffc0f9848f7fde&scene=27 (Accessed: 03.06.2024). (In Chinese).
56. Weixin. (2023) *AI Media Report on Hanfu Industry 2024-2025*. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s/B2NG61NvUoR_TrrPb3uZ0g (Accessed: 15.11.2024). (In Chinese).
57. Central People's Government of PRC, (2024) *Chinese Museums Received 1.29 Billion Visitors in 2023*. [Online] Available from: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6952138.htm (Accessed: 24.07.2024). (In Chinese).
58. Chinese Government Website. (2016) *85% of Chinese Museums Free to Public*. [Online] Available from: https://www.gov.cn/xinwen/2016-05/18/content_5074472.htm (Accessed: 15.11.2024). (In Chinese).
59. China Daily. (2024) *Why Museum Cultural Products "Win" Young Hearts*. [Online] Available from: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1813246839155471201&wfr=spider&for=pc> (Accessed: 15.11.2024). (In Chinese).

60. Sohu. (2024) *China Theater Industry Market Research Report*. [Online] Available from: https://yule.sohu.com/a/791912414_121626425 (Accessed: 15.11.2024). (In Chinese).
61. Baidu. (2024) *Data Show Arts School Admissions Will Increase in 2025*. [Online] Available from: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1816777397321758896&wfr=spider&for=pc> (Accessed: 15.11.2024). (In Chinese).

Информация об авторах:

Проскурнова Е.Л. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: karikh.el@gmail.com

Чжу Вань – аспирант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: alou666na@gmail.com

Тё О.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германских языков Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия). E-mail: tyo_olga@bmstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.L. Proskurnova, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: karikh.el@gmail.ru

Van Chzhu, postgraduate student, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alou666na@gmail.com

O.E. Tyo, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tyo_olga@bmstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.10.2024;
одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 02.10.2024;
approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 81'23
doi: 10.17223/15617793/511/6

Влияние читательского опыта на параметры движения глаз при чтении связного текста

Дарья Алексеевна Чернова¹, Татьяна Сергеевна Полферова²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
¹ d.chernova@spbu.ru

² sanyaagryb@gmail.com

Аннотация. Обсуждается связь читательского опыта с параметрами движений глаз при чтении и с пониманием прочитанного. В эксперименте регистрировались движения глаз участников, читавших тексты и выполнявших задания к ним, для оценки читательского опыта применялся тест на узнавание авторов. Показано, что читательский опыт влияет на такие окуломоторные параметры, как амплитуда саккады и количество возвратных движений глаз; связи читательского опыта с качеством понимания прочитанного не обнаружено.

Ключевые слова: регистрация движения глаз, чтение, понимание, окуломоторная активность, письменная речь, типы текста, художественный текст, научно-популярный текст, читательский опыт, индивидуальные различия

Источник финансирования: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 104912415.

Для цитирования: Чернова Д.А., Полферова Т.С. Влияние читательского опыта на параметры движения глаз при чтении связного текста // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/511/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/5

The interrelation of print exposure with patterns of oculomotor activity and text comprehension

Darya A. Chernova¹, Tatiana S. Polferova²

^{1,2} St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ d.chernova@spbu.ru

² sanyaagryb@gmail.com

Abstract. The current study aims to investigate how individual differences in print exposure affect text processing. Print exposure represents the amount of time one devotes to reading. It is an essential measure for psycholinguistic research on language processing: it has been shown that exposure to print can affect reading comprehension (Martin-Chang & Gould, 2008; Mar & Rain, 2015), reading speed (Martin-Chang & Gould, 2008; Mano & Guerin, 2018), and some eye movement patterns during the reading (Choi et al., 2015; Slattery & Yates, 2018). We focus on two (fiction and non-fiction) text types and investigate how print exposure affects both oculomotor reading behavior and comprehension of coherent fiction and non-fiction texts in Russian. 40 native speakers of the Russian aged 18 to 28 years volunteered to take part in the study. All the participants had higher education or were university students, all had normal or corrected-to-normal vision. They were asked to read six short texts in Russian: three fiction texts were short stories by Felix Krivin, and three non-fiction texts were Wikipedia-style paragraphs taken from the materials of the Multilingual Eye-Movement Corpus (Siegelmann et al., 2022). Eye movements during reading were recorded using EyeLink 1000+ desktop mount eyetracker with a chin rest. Comprehension questions were asked after each text. To assess fiction texts comprehension we also used the keyword extraction task and text summarization task. As for individual differences in print exposure, the most effective methodology to assess them is the Author Recognition Test, or ART (Stanovich & West, 1989). This test was adapted for different languages, in our study we use the Russian version of ART (Chernova & Bakhturina, 2021). We modeled the eye-movement data with a mixed-effects regression, including random intercepts and random slopes by a participant and by a text in the model. We show that ART-score, which reflects individual differences in print exposure, significantly affects saccade amplitude ($b=0.052$, $SE=0.015$, $t=3.416$; $p=0.002$), and average regression count per word ($b=-0.021$, $SE=0.010$, $t=-2.068$; $p=0.046$). Print exposure affects eye-movements both in reading fiction texts ($b=0.016$, $SE=0.006$, $t=2.5$; $p=0.018$ for saccade amplitude) and non-fiction texts ($b=0.019$, $SE=0.007$, $t=2.7$; $p=0.012$ for saccade amplitude) taken separately. No significant effect of print exposure on text comprehension was found. Print exposure, i.e. previous experience in reading, significantly affects reading fluency: the more experienced a reader is, the larger saccades and the fewer fixations s/he makes. It should be noticed

that ART measures print exposure for fiction, and the effect on eye movements is pronounced both for fiction and non-fiction texts. No evidence is found for the effect of print exposure on text comprehension, but interrelation between comprehension scores and regression rates can give evidence for interrelation between online and offline text processing.

Keywords: eye-tracking, reading, comprehension, oculomotor activity, written speech, text types, literary text, non-fiction, print exposure, individual differences

Financial support: The work was carried out with the support of St. Petersburg State University, project code 104912415.

For citation: Chernova, D.A. & Polferova, T.S. (2025) The interrelation of print exposure with patterns of oculomotor activity and text comprehension. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/6

Исследование восприятия письменной речи – одна из ключевых задач психолингвистики. Чтение связного текста включает в себя набор высоко скоординированных когнитивных операций на разных языковых уровнях: это распознавание отдельных слов, установление связей между словами внутри предложения и между предложениями в тексте и, наконец, создание ментальной модели содержания текста в памяти и его интеграция с другими знаниями читающего посредством логической обработки.

Ход обработки текста в режиме реального времени отражается в движениях глаз читающего. С помощью психолингвистической методики регистрации движений глаз (айтрекинга, видеоокулографии) можно измерить длительность (или пропуск) фиксации взгляда на тех или иных словах, возвраты к определенным словам и предложениям для их перечитывания и таким образом обнаружить и количественно оценить те или иные затруднения, связанные с лексической, синтаксической или дискурсивной обработкой текста [1. С. 384; 2. С. 11]. Фиксацией называется задержка взгляда на одном из элементов воспринимаемого текста (средняя длительность фиксаций при чтении составляет 200–250 мс), а саккадой – перемещение взгляда от одной точки фиксации до другой. Во время чтения читатели фиксируют взгляд примерно на 70% слов в тексте, остальные (преимущественно короткие, высокочастотные и легко предсказуемые, например, служебные части речи) – пропускаются, в то время как на сложных для обработки словах (длинных, низкочастотных, труднопредсказуемых) может происходить несколько фиксаций [3]. Амплитуда, или длина, саккады, т.е. расстояние между фиксациями, составляет в среднем 3–4 угловых градуса (7–9 символов) и зависит от сложности текста и степени сформированности навыка чтения [1]. При развитом навыке чтения 85–90% саккад – это движения глаз вперед по тексту, остальные – возвратные движения (регрессии). При несоответствии слова или элемента текста грамматическому или семантическому контексту увеличивается время фиксации в этой области и вероятность регрессии [4]. Глазодвигательные паттерны меняются не только в зависимости от характеристик текста, но и в зависимости от характеристик читателя. Так, есть данные о том, что средняя продолжительность фиксации выше у пожилых читателей по сравнению с молодыми [5], а мужчины делают при чтении больше регрессий, чем женщины [6]. Основное влияние на окулomotorное поведение

при чтении оказывают индивидуальные особенности, связанные с языковой способностью, например, объем словарного запаса [7], способность к быстрой идентификации слов [8] и др. При исследовании становления навыка чтения у детей показано, что с возрастом, по мере формирования навыка, уменьшается продолжительность фиксаций и возрастает амплитуда саккады [9].

На сегодняшний день большинство исследований окулomotorного поведения при чтении проведено на материале отдельных предложений, а не связных текстов. Немногочисленные исключения – французский корпус чтения газетных текстов [10], Гентский корпус движения глаз при чтении художественного текста на английском и нидерландском языках [11], а также Мультиязычный корпус движения глаз (The Multilingual Eye-tracking Corpus) при чтении научно-популярных текстов на нескольких десятках языков мира, включая русский [12]. В качестве материала выбираются преимущественно научно-популярные и публицистические тексты, хотя исследование восприятия художественных текстов становится отдельным активно развивающимся направлением, представленным такими исследователями, как Е. ван дер Ховен, М. Мак, Р. Виллемс, и другими [13–15].

Исследования на материале русского языка также немногочисленны: помимо уже упомянутой русскоязычной выборки Мультиязычного корпуса движения глаз [12], это Русский корпус предложений [16], а также психолингвистические исследования отдельных лексических, синтаксических, дискурсивных явлений с помощью методики регистрации движения глаз [2] и исследования параметров глазодвигательной активности у билингвов [17] или изучающих русский как иностранный [18]. В этом направлении работают такие исследователи, как Т.В. Черниговская, С.В. Алексеева, А.В. Дубасова, Т.Е. Петрова, В.К. Прокопеня [2].

Таким образом, исследование восприятия связных текстов, в том числе художественных текстов на русском языке, позволит расширить представление об особенностях окулomotorного поведения при чтении различных типов текстов на различных языках.

Для построения обобщенных моделей чтения представляется важным учитывать не только многообразие языков [12, 19] и типов текста [20, 21], но и индивидуальные различия читающих [22–24]. Связанные с чтением индивидуальные различия обусловлены уровнем сформированности различных языковых навыков, таких как

навык графемно-фонемного декодирования, орфографическая грамотность, словарный запас, способность к синтаксическому анализу и некоторых других [12, 25].

Эти навыки, в свою очередь, во многом определены предыдущим опытом чтения, или читательским опытом [26]. Регулярное чтение выступает своеобразной «тренировкой», в ходе которой улучшается качество лексических репрезентаций, т.е. становятся устойчивее взаимосвязи между фонологической, графической и семантической репрезентацией слов [27], а также усиливается способность предсказывать последующие слова на основе предыдущего лексического и грамматического контекста [28. С. 13]. Соответственно, читательский опыт может определять скорость чтения, качество понимания прочитанного, а также определять интерес к дальнейшему чтению, накапливаясь соразмерно самому себе по принципу «эффекта Матфея» – люди с большим предыдущим читательским опытом активнее приобретают последующий [29. С. 269].

Читательский опыт может быть оценен разными способами. Субъективный метод оценки (анкетирование) представляется недостаточно точным: самоотчеты могут быть предвзяты вследствие эффекта социальной желательности, в связи с чем более точным считается объективный метод – тест на распознавание авторов [29, 30]. В этом тесте имена популярных авторов художественной литературы смешаны с вымышленными именами и перед участником ставится задача отметить известных ему авторов, при этом выбор кого-то из несуществующих подразумевает штраф (потерю баллов). Таким образом исключается влияние социальной желательности на ответы участников. В задачу такого теста не входит измерение абсолютных показателей читательского опыта – это относительная мера, отражающая индивидуальные различия. Первая версия теста, предложенная К. Становичем и Р. Уэстом в 1989 г., была рассчитана на читающих по-английски, позже была актуализована [30]. Англоязычная версия теста не может использоваться для исследований с участием носителей других языков [31]: в их читательский кругозор входят другие имена, соответственно, для каждого языка требуется собственная версия методики, с учетом того, какие авторы пишут на этом языке и произведения каких авторов на этот язык переводят. Были разработаны версии теста на распознавание авторов для читающих на других языках: китайском [32], корейском [33], нидерландском [34], русском [35]. Важно, что в перечень имен входят именно авторы художественных текстов (не учебных, не научных, не научно-популярных и др.), отбираемых на основе рейтингов продаж книжных магазинов, библиотечных записей и читательских отзывов [35].

Отмечается, что для художественного текста характерна более высокая степень интерактивности чтения, т.е. вовлеченность читателя в повествование, взаимодействие читателя с текстом [6. С. 1; 36. С. 377]. Это происходит как за счет особенностей формы (использование средств выразительности и риторических приемов способствует замедлению и деавтоматизации чтения, возникновению эстетических переживаний у

читателя), так и за счет особенностей содержания (художественный вымысел способствует вовлечению в историю, в мысли и чувства персонажей, возникновению эмоционального отклика у читателя).

Интерес представляет вопрос о том, насколько предыдущий читательский опыт определяет языковую обработку при восприятии письменной речи в реальном времени и способность понимать смысл прочитанного текста, а также то, насколько это зависит от типа текста: влияет ли предыдущий опыт чтения художественных текстов на восприятие других художественных текстов или на восприятие любых текстов в целом.

В задачи данного исследования входила экспериментальная проверка того, как предыдущий читательский опыт влияет на параметры движения глаз и качество понимания прочитанного при восприятии разных типов текста на русском языке – художественного и научно-популярного.

Материалы и методы

В качестве стимульного материала были выбраны художественные и научно-популярные тексты длиной 150–300 слов. В качестве художественных были выбраны три короткие аллегорические зарисовки из цикла «Полусказки» Феликса Кривина: «Подкова», «Снежинки» и «Костер в лесу» (после прочтения каждого из художественных текстов испытуемым задавался вопрос, читали ли они данный текст ранее (в случае положительного ответа испытуемый исключался из финального анализа)). Как отмечает филолог Владимир Карасик, «эти тексты представляют собой басни, выраженные большей частью в прозе, но они отличаются от классических басен отсутствием финального морализаторского суждения» [37. С. 41]. В качестве научно-популярных были выбраны три коротких информационных текста из русскоязычной части Мультиязычного корпуса движения глаз [12], построенные по принципу энциклопедической статьи – «Пчеловодство», «Апельсиновый сок» и «Тилацин» (все материалы корпуса находятся в открытом доступе по ссылке <https://osf.io/3527a>).

Участники

В исследовании приняли участие 40 носителей русского языка с нормальным или скорректированным до нормального зрением, без речевых отклонений или патологий чтения, в возрасте от 18 до 28 лет. Никто из участников не имел филологического образования. Все участники подписали добровольное информированное согласие.

Процедура

В задачу участника входило прочесть текст на экране монитора и выполнить задания на понимание прочитанного. Регистрация движения глаз проводилась с помощью аппарата Eyelink 1000+ (SR Research), запись велась в монокулярном режиме, с фиксирован-

ным положением головы, с калибровкой по девяти точкам. После каждого текста участнику предлагались задания на понимание прочитанного.

Понимание может быть определено как интеграция информации, содержащейся в прочитанном тексте, с существующими знаниями индивида [38. Р. 315]. В научно-популярном тексте не используются средства художественной выразительности и сообщаются только конкретные факты. Поэтому для научно-популярного текста исчерпывающие данные можно получить при помощи классической вопросно-ответной методики. Однако в художественном тексте информация может выражаться не только буквально, но и иносказательно. В связи с этим выбор методики для оценки понимания художественного текста представляется нетривиальной задачей. Как отмечено Л.В. Сахарным, для полноценной оценки восприятия цельности текста целесообразно использовать несколько разных методик, направленных на разностороннее исследование изучаемого параметра [39], поэтому помимо вопросно-ответной методики, нами применялись также две другие – методика ключевых слов и методика парафраза.

Ключевым называется слово или словосочетание, которое несет в тексте существенную смысловую нагрузку с точки зрения информационного поиска. Набор ключевых слов может стать инструментом, позволяющим отразить цельность текста [40. С. 79], а значит, с его помощью можно оценить степень понимания прочитанного [41. С. 150]. Для определения так называемого истинного набора ключевых слов, т.е. такого, который мог бы в той или иной степени объективно отражать содержание текста, индексируются слова, выделяемые в качестве ключевых наиболее часто [40. С. 74]. В ходе предварительного эксперимента 50 участникам, носителям русского языка от 18 до 50 лет (образование не учитывалось), было предложено прочесть три выбранных нами художественных текста и назвать пять ключевых слов. На основе этих данных для каждого текста был сформирован истинный набор ключевых слов, и в рамках основного эксперимента оценивалось совпадение предлагаемого испытуемого набора ключевых слов с истинным.

Следует отметить, что данная методика используется только в комплексе с другими, поскольку не является исчерпывающей [41. С. 151]: перечислить ключевые слова можно и без полного понимания текста, опираясь, например, на частоту их встречаемости в произведении или на их синтаксическую выделенность. В дополнение к методике ключевых слов нами использовалась методика парафраза. Как отмечено Н.И. Жинкиным, во всяком тексте высказана одна основная мысль, которая может быть изложена в сжатом виде [42]. Способность сформулировать эту основную мысль может являться свидетельством понимания прочитанного текста. Перед испытуемыми ставилась задача изложить основную мысль текста в одном предложении любой длины. Для определения сохранности цельности текста в парафразе использовалась экспертная оценка: в качестве экспертов выступили три специалиста с высшим литературоведческим образованием, которые давали бинарную оценку парафраза – понял

испытываемый смысл текста или нет. Важно отметить, что итоговая степень согласованности итоговых оценок экспертов была равна 0,92, т.е. была высокой.

Что касается вопросно-ответной методики, для научно-популярных текстов использовались соответствующие вопросы из корпуса МЕСО. Это вопросы по содержанию текста. Для художественных текстов были специально созданы аналогичные вопросы по содержанию с тремя вариантами ответа, где только один вариант верный. За выбор верного ответа испытуемый получал балл, а за выбор неверного – 0 баллов.

Таким образом, к художественным текстам предлагалось три задания: выбрать правильный ответ на два закрытых вопроса с тремя вариантами ответов к каждому, назвать ключевые слова (оценивалось количество совпадений с истинным набором ключевых слов) и сформулировать основную мысль текста в одной фразе (ответ оценивался экспертами). Каждому из трех заданий на понимание текста было условно присвоено по трети от общей значимости, и на их основе высчитывался итоговый балл, отражающий качество понимания прочитанного. К научно-популярным текстам предлагалось задание по вопросно-ответной методике – выбрать правильный ответ из двух вариантов («да или нет») на четыре вопроса.

Для оценки читательского опыта участников была использована русскоязычная версия теста на распознавание авторов, представляющая собой список, в котором случайным образом перемешаны 67 имен авторов художественных произведений и 67 выдуманных имен, задача участников – отметить имена известных ему писателей [35]. Оценка рассчитывается в соответствии с классической моделью К. Становича и Р. Уэста путем вычитания количества ошибочно выбранных вариантов из числа правильно выбранных имен реальных писателей [28].

Результаты

Предварительная фильтрация глазодвигательных данных проводилась в программе Eyelink Data Viewer и включала четырехступенчатую фильтрацию фиксации (4-stage cleaning function), в ходе которой фиксации короче 140 мс объединялись с соседними, а фиксации длиннее 800 мс исключались из статистического анализа как выбросы. В анализ в качестве зависимых переменных были включены следующие параметры окуломоторной активности, отражающие степень трудности обработки текста: средняя продолжительность фиксации взгляда при чтении, средняя амплитуда саккады при чтении, среднее количество фиксаций в расчете на слово, среднее количество регрессий в расчете на слово и общее время чтения текста. Кроме того, в анализ в качестве зависимой переменной включался балл, полученный за выполнение задания на понимание прочитанного. В качестве независимой переменной выступал балл, набранный участником в тесте на читательский опыт. В таблице приведены описательные статистики по обсуждаемым переменным.

Анализ данных был проведен в среде программирования R на всем массиве данных. Использовался метод

смешанной регрессионной модели (пакет lme4) с двумя случайными эффектами: текст и испытуемый. Было выявлено, что читательский опыт предсказывает общее время чтения – чем больше читательский опыт, тем меньше время чтения ($b = -8,408$, $SE = 3,087$, $t = -2,722$; $p = 0,01$), среднюю амплитуду саккады – чем больше читательский опыт, тем длиннее совершаемые читателем саккады ($b = 0,052$, $SE = 0,015$, $t = 3,416$; $p = 0,002$), а также среднее количество регрессий в расчете на слово – чем больше читательский опыт, тем их меньше ($b = -0,021$, $SE = 0,010$, $t = -2,068$; $p = 0,046$).

Описательные статистики

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Средняя продолжительность фиксации, мс	221,3	28,4	159,5	290,4
Средняя амплитуда саккады, °	2,9	0,5	1,7	4,8
Среднее количество фиксаций в отношении к количеству слов в тексте	1,2	0,3	0,7	2,2
Среднее количество регрессий в отношении к количеству слов в тексте	0,3	0,1	0,09	0,64
Общее время чтения текста, мс	644 487	25 036	25 441	160 656
Балл в задании на понимание текста	0,7	0,3	0,13	1
Балл в тесте на читательский опыт	25	13	3	52

Далее был проведен анализ для разных типов текстов в отдельности. Было выявлено, что читательский опыт предсказывает амплитуду саккады как при чтении художественного текста ($b = 0,016$, $SE = 0,006$, $t = 2,5$; $p = 0,018$), так и при чтении нехудожественного текста ($b = 0,019$, $SE = 0,007$, $t = 2,7$; $p = 0,012$) – чем больше читательский опыт, тем длиннее совершаемые читателем саккады.

Влияния читательского опыта на успешность выполнения заданий к прочитанным текстам обнаружено не было ($r = -0,297$, $p = 0,002$, $W = 0,977$, $p = 0,06$).

Обсуждение и выводы

Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод о том, что уровень читательского опыта в значительной мере предсказывает параметры глазодвигательной активности при чтении взрослыми носителями языка. Испытуемые с более высоким уровнем начитанности совершают более длинные саккады, т.е. способны охватить взглядом большее количество символов за одну фиксацию. Кроме того, они совершают меньшее количество регрессий при чтении, т.е. им реже требуется возврат к ранее прочитанным фрагмен-

там для интеграции слова в лексический, грамматический или дискурсивный контекст. Таким образом, уменьшается общее время на чтение текста в целом.

Учитывая, что читательский опыт в нашем исследовании оценивался при помощи теста на распознавание авторов, который основан на списке именно авторов художественной литературы, можно сделать вывод, что чтение художественной литературы позволяет более эффективно производить оculoмоторную обработку текста. При этом важно, что связь между уровнем читательского опыта и глазодвигательными характеристиками прослеживается как при анализе на материале всех типов текстов в целом, так и для каждого из типов текстов в отдельности – из этого можно сделать вывод о том, что чтение художественной литературы развивает показатели оculoмоторной активности не только художественных, но и других типов текста. Дальнейшие исследования с привлечением других типов текста (научного, официально-делового и т.д.) могли бы дать возможность судить о том, насколько универсальной является эта закономерность.

Отметим, что схожие закономерности обнаружены для читающих на английском языке: так, имеются данные о взаимосвязи читательского опыта с длиной саккады и общей скоростью чтения [22], а также с длительностью фиксаций и временем перечитывания отдельных фрагментов текста (regression path duration) [43]. В этих исследованиях читательский опыт также подразумевал знакомство именно с художественной литературой и оценивался с помощью теста на распознавание авторов, однако оculoмоторное поведение регистрировалось при чтении отдельных предложений или абзацев, в нашем же исследовании это сделано на материале естественных связных текстов. В целом подавляющее большинство исследований оculoмоторной активности выполнено на материале английского [12] и других германских (немецкой, нидерландской) языков, поэтому обращение к материалу русского языка представляется важным: универсальный характер обнаруженных взаимосвязей между индивидуальными различиями читающих и паттернами глазодвигательной активности может быть в дальнейшем проверен в исследованиях с привлечением материала других типологически разных языков.

Связи между читательским опытом и пониманием прочитанного в рамках нашего эксперимента обнаружить не удалось. Следует отметить, что этот навык носит комплексный характер и может быть обусловлен, помимо предыдущего читательского опыта, целым рядом других индивидуальных характеристик, не учтенных в данном исследовании, например объемом рабочей памяти, уровнем интеллекта, уровнем мотивации к выполнению задания и др. Кроме того, для художественных текстов отсутствует общепринятый оптимальный метод оценки прочитанного: все имеющиеся методы могут приводить к некоторому искажению результата. Так, даже правильное выделение ключевых слов, как упоминалась ранее, не всегда свидетельствует о полноценном понимании прочитанного, а экспертная оценка

парафразов остается субъективной даже в случае, когда экспертов несколько.

Таким образом, вопрос об индивидуальных характеристиках читателя, определяющих качество понимания прочитанного, остается открытым для дальнейшего исследования, как и представляющий значительный интерес отдельный вопрос о взаимосвязи качества понимания прочитанного с параметрами глазодвигательной активности [41].

В рамках данного исследования продемонстрировано влияние предыдущего читательского опыта на параметры движения глаз при чтении художественных и научно-популярных текстов на русском языке.

Исследование окуломоторного поведения при чтении естественных связных текстов разных типов на разных языках вносит вклад в развитие обобщенных моделей чтения.

Список источников

1. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological Bulletin*. 1998. № 124. P. 372–422.
2. Черниговская Т.В., Алексеева С.В., Дубасова А.В., Петрова Т.Е., Прокопья В.К., Чернова Д.А. Взгляд кота Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2018. 228 с.
3. Rayner K. Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search // *Quarterly journal of experimental psychology*. 2009. № 62 (8) P. 1457–506.
4. Rayner K., Reichle E.D., Stroud M.J., Williams C.C., Pollatsek A. The effect of word frequency, word predictability, and font difficulty on the eye movements of young and older readers // *Psychology and Aging*. 2006. № 21(3). P. 448–465.
5. Choi W., Lowder M.W., Ferreira F., Henderson J.M. Individual differences in the perceptual span during reading: Evidence from the moving window technique // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2015. № 77. P. 2463–2475.
6. Zhan Z., Wu J., Mei H., Wu Q., Fong P. Individual Difference on Reading Ability tested by Eye-Tracking: From Perspective of Gender // *Interactive Technology and Smart Education*. 2020. № 17. P. 267–283.
7. Long D., Freed E. An Individual Differences Examination of the Relation between Reading Processes and Comprehension // *Scientific Studies of Reading*. 2020. № 25. P. 1–19.
8. Kuperman V., Van Dyke J.A. Effects of individual differences in verbal skills on eye-movement patterns during sentence reading // *Journal of Memory and Language*. 2011. № 65 (1). P. 42–73.
9. Bucci M., Sessau M. Reading and visual search: a developmental study // *PLOS One*. 2013. № 8 (7).
10. Kennedy A., Pynte J., Murray W.S., Paul S.A. Frequency and predictability effects in the Dundee Corpus: An eye movement analysis // *Journal of Experimental Psychology*. 2013. № 66. P. 601–618.
11. Cop U., Drieghe D., Duyck W. Eye Movement Patterns in Natural Reading: A Comparison of Monolingual and Bilingual Reading of a Novel // *PLOS One*. 2015. № 10 (8).
12. Siegelman N., Schroeder S., Acartürk C., Ahn H. D., Alexeeva S., Amenta S., Bertram R., Bonandrini R., Brysbaert M., Chernova D., Da Fonseca S.M., Dirix N., Duyck W., Fella A., Frost R., Gattei C.A., Kalaitzi A., Kwon N., Lõo K., Marelli M., Kuperman V. Expanding horizons of cross-linguistic research on reading: The Multilingual Eye-movement Corpus (MECO) // *Behavior research methods*. 2022. № 54 (6). P. 2843–2863.
13. van den Hoven E., Hartung F., Burke M., Willems R. Individual Differences in Sensitivity to Style During Literary Reading: Insights from Eye-Tracking // *Collabra*. 2016. № 2 (1). Art. No. 25.
14. Magyari L., Mangan A., Kuzmicova A., Jacobs A., Lüdtke J. Eye movements and mental imagery during reading of literary texts in different narrative styles // *Journal of Eye Movement Research*. 2020. № 3. doi: 10.16910/jemr.13.3.3
15. Mak M., Willems R.M. Eyelid: Eye Movement and Reader Response Data During Literary Reading // *Journal of Open Humanities Data*. 2021. № 7. Art. No. 25.
16. Laurinavichyute A.K., Sekerina I.A., Alexeeva S., Bagdasaryan K., Kliegl R. Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Russian // *Behavior research methods*. 2019. № 51 (3). P. 1161–1178.
17. Parshina O., Sekerina I., Lopukhina A., Malsburg T. Monolingual and bilingual reading processes in Russian: An exploratory scanpath analysis // *Reading Research Quarterly*. 2022. № 2 (57). P. 469–492.
18. Владимирова В.Е., Машанло Т.Е., Резанова З.И. Психолингвистическая база данных TurkWordPerception как лексикографический источник (оценки вклада модальностей восприятия в семантику) // *Вопросы лексикографии*. 2022. № 26. С. 96–114. doi: 10.17223/22274200/26/5
19. Машанло Т.Е., Резанова З.И. Межкультурная письменная коммуникация: чтение текстов алфавитной и логографической систем письменности билингвами // *Русин*. 2018. № 1 (51). С. 299–309. doi: 10.17223/18572685/51/19
20. Kim W.J., Yoon S.R., Nam S., Lee Y., Yim D. The Impact of Reading Modalities and Text Types on Reading in School-Age Children: An Eye-Tracking Study // *Applied Sciences*. 2023. № 13 (19). Art. No. 10802.
21. Петрова Т.Е. Экспериментальное исследование влияния типа текста на его обработку и понимание // *Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации* / ред. Т.В. Черниговская, Ю.Е. Шелепин, О.В. Заширинская. СПб. : БВМ, 2016. С. 99–123.
22. Ashby J., Rayner K., Clifton C. Eye Movements of Highly Skilled and Average Readers: Differential Effects of Frequency and Predictability // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2005. № 58 (6). P. 1065–1086.
23. Slattery T.J., Yates M. Word skipping: Effects of word length, predictability, spelling and reading skill // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2018. № 71. P. 250–259.
24. Castles A., Rastle K., Nation K. Ending the Reading Wars: Reading Acquisition From Novice to Expert // *Psychological Science in the Public Interest*. 2018. № 19. P. 5–51.
25. Mol S.E., Bus A.G. To read or not to read: a meta-analysis of print exposure from infancy to early adulthood // *Psychological bulletin*. 2011. № 137 (2). P. 267–296.
26. Taylor J.N., Perfetti C.A. Eye movements reveal readers' lexical quality and reading experience // *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*. 2016. № 29 (6). P. 1069–1103.
27. McGeown S., Duncan L., Griffiths Y., Stothard S. Erratum to: Exploring the relationship between adolescents' reading skills, reading motivation and reading habits // *Reading and Writing*. 2016. № 28. P. 545–569.
28. Stanovich K., West R.F. Exposure to print and orthographic processing // *Reading and Research Quarterly*. 1989. № 24. P. 402–433.
29. Wimmer L., Ferguson H.J. Testing the validity of a self-report scale, author recognition test, and book counting as measures of lifetime exposure to print fiction // *Behavior Research Methods*. 2023. № 55. P. 103–134.
30. Moore M., Gordon P.C. Reading ability and print exposure: item response theory analysis of the author recognition test // *Behavior Research Methods*. 2015. № 47. P. 1095–1109.
31. McCarron S.P., Kuperman V. Is the author recognition test a useful metric for native and non-native English speakers? An item response theory analysis // *Behavior Research Methods*. 2021. № 53. P. 2226–2237.

32. Chen S.-Y., Fang S.-P. Developing a Chinese version of an Author Recognition Test for college students in Taiwan // *Journal of Research in Reading*. 2013. № 38. P. 1–16.
33. Lee H., Seong E., Choi W., Lowder M.W. Development and assessment of the Korean Author Recognition Test // *Quarterly journal of experimental psychology*. 2019. № 72. P. 1837–1846.
34. Brysbaert M., Sui L., Dirix N., Hintz F. Dutch Author Recognition Test // *Journal of Cognition*. 2020. № 3 (1). P. 1–26.
35. Чернова Д.А., Бахтурин П.В. Методика оценки читательского опыта: применение в психолингвистике и адаптация для русского языка // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. № 20 (4). С. 872–887.
36. Kidd D.C., Castano E. Reading literary fiction improves theory of mind // *Science*. 2013. № 342. P. 377–380.
37. Карасик В.И. Ценностная картина мира в аллегориях Феликса Кривина // *Известия РАН: серия литературы и языка*. 2017. № 76. С. 40–47.
38. Akan E., Köçeri K., Ulaş H. Discussion of the Relationship Between Fluent Reading Skills and Reading Comprehension // *International Journal of Psychology and Educational Studies*. 2023. № 10. P. 314–322.
39. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 184 с.
40. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 171 с.
41. Петрова Т.Е., Рихакайнен Е.И., Кузнецова А.С., Мараев А.В., Шаталов М.А. Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2017. Вып. 5. С. 149–156.
42. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи у учащихся III–VII классов. // *Известия Академии педагогических наук РСФСР*. 1956. № 78. С. 141–250.
43. Mézière D.C., Yu L., Reichle E.D., Von Der Malsburg T., McArthur G. Using Eye-Tracking Measures to Predict Reading Comprehension // *Reading Research Quarterly*. 2021. № 58 (3). P. 425–449.

References

1. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124. pp. 372–422.
2. Chernigovskaya, T.V., Alekseeva, S.V., Dubasova, A.V., Petrova, T.E., Prokopenya, V.K. & Chernova, D.A. (2018) *Vzglyad kota Shredingera: registratsiya dvizheniy glaz v psikholingvisticheskikh issledovaniyakh* [Schrödinger's Cat's Gaze: Eye Movement Registration in Psycholinguistic Research]. St. Petersburg: St Petersburg University.
3. Rayner, K. (2009) Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 62 (8). pp. 1457–1506.
4. Rayner, K., Reichle, E.D., Stroud, M.J., Williams, C.C. & Pollatsek, A. (2006) The effect of word frequency, word predictability, and font difficulty on the eye movements of young and older readers. *Psychology and Aging*. 21 (3). pp. 448–465.
5. Choi, W., Lowder, M.W., Ferreira, F. & Henderson, J.M. (2015) Individual differences in the perceptual span during reading: Evidence from the moving window technique. *Attention, Perception, & Psychophysics*. 77. pp. 2463–2475.
6. Zhan, Z., Wu, J., Mei, H. & Wu, Q.F. (2020) Individual Difference on Reading Ability tested by Eye-Tracking: From Perspective of Gender. *Interactive Technology and Smart Education*. 17. pp. 267–283.
7. Long, D. & Freed, E. (2020) An Individual Differences Examination of the Relation between Reading Processes and Comprehension. *Scientific Studies of Reading*. 25. pp. 1–19.
8. Kuperman, V. & Van Dyke, J.A. (2011) Effects of individual differences in verbal skills on eye-movement patterns during sentence reading. *Journal of Memory and Language*. 65 (1). pp. 42–73.
9. Bucci, M. & Sessau, M. (2013) Reading and visual search: a developmental study. *PLOS One*. 8 (7).
10. Kennedy, A., Pynte, J., Murray, W.S. & Paul, S.A. (2013) Frequency and predictability effects in the Dundee Corpus: An eye movement analysis. *Journal of Experimental Psychology*. 66. pp. 601–618.
11. Cop, U., Drieghe, D. & Duyck, W. (2015) Eye Movement Patterns in Natural Reading: A Comparison of Monolingual and Bilingual Reading of a Novel. *PLOS One*. 10 (8).
12. Siegelman, N. et al. (2022) Expanding horizons of cross-linguistic research on reading: The Multilingual Eye-movement Corpus (MECO). *Behavior Research Methods*. 54 (6). pp. 2843–2863.
13. van den Hoven, E., Hartung, F., Burke, M. & Willems, R. (2016) Individual Differences in Sensitivity to Style During Literary Reading: Insights from Eye-Tracking. *Collabra*. 2 (1). Art. No. 25.
14. Magyari, L., Mangen, A., Kuzmicova, A., Jacobs, A. & Lüdtke, J. (2020) Eye movements and mental imagery during reading of literary texts in different narrative styles. *Journal of Eye Movement Research*. 13 (3). doi: 10.16910/jemr.13.3.3
15. Mak, M. & Willems, R.M. (2021) Eyelit: Eye Movement and Reader Response Data During Literary Reading. *Journal of Open Humanities Data*. 7. Art. No. 25.
16. Laurinavichyute, A.K., Sekerina, I.A., Alexeeva, S., Bagdasaryan, K. & Kliegl, R. (2019) Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Russian. *Behavior Research Methods*. 51 (3). pp. 1161–1178.
17. Parshina, O., Sekerina, I., Lopukhina, A. & Malsburg, T. (2022) Monolingual and bilingual reading processes in Russian: An exploratory scanpath analysis. *Reading Research Quarterly*. 57 (2). pp. 469–492.
18. Vladimirova, V.E., Mashanlo, T.E. & Rezanova, Z.I. (2022) Psycholinguistic Database TurkWordPerception as Lexicographic Source. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 96–114. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/26/5
19. Mashanlo, T.E. & Rezanova, Z.I. (2018) Intercultural written communication: Bilingual reading of texts written in alphabetic and logographic writing systems. *Rusin*. 51 (1). pp. 299–309. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/51/19
20. Kim, W.J., Yoon, S.R., Nam, S., Lee, Y. & Yim, D. (2023) The Impact of Reading Modalities and Text Types on Reading in School-Age Children: An Eye-Tracking Study. *Applied Sciences*. 13 (19). Art. No. 10802.
21. Petrova, T.E. (2016) Eksperimental'noe issledovanie vliyaniya tipa teksta na ego obrabotku i ponimanie [Experimental Study of Text Type Influence on Processing and Comprehension]. In: Chernigovskaya, T.V., Shelepin, Yu.E. & Zashchirinskaya, O.V. (eds) *Psikhofiziologicheskie i neurlingvisticheskie aspekty protsessa raspoznavaniya verbal'nykh i neverbal'nykh patternov kommunikatsii* [Psychophysiological and Neurolinguistic Aspects of Verbal and Nonverbal Pattern Recognition]. St. Petersburg: VVM. pp. 99–123.
22. Ashby, J., Rayner, K. & Clifton, C. (2005) Eye Movements of Highly Skilled and Average Readers: Differential Effects of Frequency and Predictability. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 58 (6). pp. 1065–1086.
23. Slattery, T.J. & Yates, M. (2018) Word skipping: Effects of word length, predictability, spelling and reading skill. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 71. pp. 250–259.
24. Castles, A., Rastle, K. & Nation, K. (2018) Ending the Reading Wars: Reading Acquisition From Novice to Expert. *Psychological Science in the Public Interest*. 19. pp. 5–51.
25. Mol, S.E. & Bus, A.G. (2011) To read or not to read: a meta-analysis of print exposure from infancy to early adulthood. *Psychological Bulletin*. 137 (2). pp. 267–296.
26. Taylor, J.N. & Perfetti, C.A. (2016) Eye movements reveal readers' lexical quality and reading experience. *Reading and Writing*. 29 (6). pp. 1069–1103.

27. McGeown, S., Duncan, L., Griffiths, Y. & Stothard, S. (2016) Exploring the relationship between adolescents' reading skills, reading motivation and reading habits. *Reading and Writing*. 28. pp. 545–569.
28. Stanovich, K. & West, R.F. (1989) Exposure to print and orthographic processing. *Reading Research Quarterly*. 24. pp. 402–433.
29. Wimmer, L. & Ferguson, H.J. (2023) Testing the validity of a self-report scale, author recognition test, and book counting as measures of lifetime exposure to print fiction. *Behavior Research Methods*. 55. pp. 103–134.
30. Moore, M. & Gordon, P.C. (2015) Reading ability and print exposure: item response theory analysis of the author recognition test. *Behavior Research Methods*. 47. pp. 1095–1109.
31. McCarron, S.P. & Kuperman, V. (2021) Is the author recognition test a useful metric for native and non-native English speakers? An item response theory analysis. *Behavior Research Methods*. 53. pp. 2226–2237.
32. Chen, S.-Y. & Fang, S.-P. (2013) Developing a Chinese version of an Author Recognition Test for college students in Taiwan. *Journal of Research in Reading*. 38. pp. 1–16.
33. Lee, H., Seong, E., Choi, W. & Lowder, M.W. (2019) Development and assessment of the Korean Author Recognition Test. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 72. pp. 1837–1846.
34. Brysbaert, M., Sui, L., Dirix, N. & Hintz, F. (2020) Dutch Author Recognition Test. *Journal of Cognition*. 3 (1). pp. 1–26.
35. Chernova, D.A. & Bakhturina, P.V. (2023) Metodika otsenki chtatel'skogo opyta: primeneniye v psikholingvistike i adaptatsiya dlya russkogo yazyka [Reader Experience Assessment Method: Application in Psycholinguistics and Russian Adaptation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 20 (4). pp. 872–887.
36. Kidd, D.C. & Castano, E. (2013) Reading literary fiction improves theory of mind. *Science*. 342. pp. 377–380.
37. Karasik, V.I. (2017) Tsennostnaya kartina mira v allegoriyakh Feliksa Krivina [Value Picture of the World in Felix Krivin's Allegories]. *Izvestiya RAN: seriya literaturny i yazyka*. 76. pp. 40–47.
38. Akan, E., Köçeri, K. & Ulaş, H. (2023) Discussion of the Relationship Between Fluent Reading Skills and Reading Comprehension. *International Journal of Psychology and Educational Studies*. 10. pp. 314–322.
39. Sakharov, L.V. (1989) *Vvedeniye v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Leningrad: Leningrad University.
40. Murzin, L.N. & Shtern, A.S. (1991) *Tekst i ego vospriyatiye* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk: Ural University.
41. Petrova, T.E., Rikhakaynen, E.I., Kuznetsova, A.S., Maraev, A.V. & Shatalov, M.A. (2017) Vydeleniye klyuchevykh slov v verbal'nykh i neverbal'nykh patternakh [Key Word Extraction in Verbal and Nonverbal Patterns]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. 5. pp. 149–156.
42. Zhinkin, N.I. (1956) Razvitiye pis'mennoy rechi u uchashchikhsya III-VII klassov [Development of Written Speech in Grades 3–7 Students]. *Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR*. 78. pp. 141–250.
43. Mézière, D.C., Yu, L., Reichle, E.D., Von Der Malsburg, T. & McArthur, G. (2021) Using Eye-Tracking Measures to Predict Reading Comprehension. *Reading Research Quarterly*. 58 (3). pp. 425–449.

Информация об авторах:

Чернова Д.А. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: d.chernova@spbu.ru

Полферова Т.С. – выпускница магистратуры Института когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sanyaagryb@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Chernova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.chernova@spbu.ru

T.S. Polferova, master's program graduate, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sanyaagryb@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024;
одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 03.05.2024;
approved after reviewing 04.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 324 + 911.3
doi: 10.17223/15617793/511/7

Изменение электоральной ситуации в Российской Федерации по материалам принятия Конституции РФ и поправок к ней

Петр Леонидович Попов¹, Алексей Анатольевич Черенев², Дмитрий Анатольевич Галёс³

^{1, 2, 3} Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия

¹ plp@irigs.irk.ru

² alcherenev@gmail.com

³ d.gales@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается электоральное поведение (уровень поддержки тех или иных политических сил и явка избирателей) на всенародном голосовании по принятию Конституции РФ и общероссийском голосовании по внесению поправок в нее. Данные электоральные события сравниваются и анализируются с привлечением данных президентских выборов 1996 и 2018 гг. в территориальном аспекте. Выявляется смена знака корреляционной связи поддержки инициатив власти и явки избирателей. Рассматриваются факторы перехода от голосования за КППРФ к провластному электоральному поведению.

Ключевые слова: референдум, общероссийское и всенародное голосование, Конституция РФ, президентские выборы, смена знака корреляции, поддержка инициатив власти, протестное электоральное поведение, территориальная изменчивость

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках государственного задания (AAAA–A21–121012190018–2, AAAA–A21–121012190056–4).

Для цитирования: Попов П.Л., Черенев А.А., Галёс Д.А. Изменение электоральной ситуации в РФ по материалам принятия Конституции РФ и поправок к ней // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 76–83. doi: 10.17223/15617793/511/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/7

Changing the electoral situation in the Russian Federation based on the adoption of the Constitution of the Russian Federation and amendments to it

Pyotr L. Popov¹, Aleksey A. Cherenev², Dmitriy A. Galyos³

^{1, 2, 3} V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation

¹ plp@irigs.irk.ru

² alcherenev@gmail.com

³ d.gales@yandex.ru

Abstract. The article discusses electoral behavior (support of the initiatives of the authorities and the appearance of voters) on a popular vote on the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the all-Russian vote to amend it. A historical review of the introduction of the Basic Law of the country and the preceding documents in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation is given. These electoral events are compared and analyzed with the involvement of the presidential elections in 1996 and 2018. In the territorial aspect, a change in the signaling sign of the support of the initiatives of the authorities and the appearance of voters is revealed. In this regard, the aim and objectives of the study were set. The aim of the study was to compare the results of the vote on the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993 and the amendments to it in 2020 at the regional and macro-regional levels, and to identify regions where the sign of the correlation between voting "for" and voter turnout has changed. This comparison allowed us to identify trends in the change of electoral sentiments in the constituent entities of the Russian Federation regarding both the country's main law and the initiatives of the federal government. The source materials were the results of referendums, nationwide electoral events, and the presidential elections of 1996 and 2018. The study was based on spatial and correlation analysis of the corresponding statistical data. In carrying out the work, we used comparative-geographical, statistical, historical, and cartographic approaches and research methods. The cartographic research method allowed us to determine the areas of variation of electoral events, their integrity, and discontinuities. The information and theoretical basis of the study consisted of the works of domestic and foreign specialists in the field of economic and political geography. When analyzing the results of the votes on the adoption of the

Constitution of the Russian Federation and the amendments to it, heterogeneities in electoral behavior were revealed at the macro-regional and regional levels. In the European part of the country, a direction of weakening support for government initiatives and the level of turnout from the southwest to the northeast was identified; the Asian part is similar to the northern and eastern regions of the European part of the country. The change in the sign of the correlation between voter turnout and voting "for" the ruling party between 2003 and 2020 occurred in most of the country. Regions that did not contribute to the change of sign are located in the Central Non-Black Earth and Northwestern macro-regions, in the South Urals, in Western Siberia, and in the Far East. There has been a transformation of support for the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) and the associated negative attitude towards the Constitution of the Russian Federation in 1993 into support for the adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation initiated by the authorities in 2020."

Keywords: referendum, all-Russian and popular voting, Constitution of the Russian Federation, presidential elections, change of correlation sign, support of initiatives of authorities, protest electoral behavior, territorial variability

Financial support: The study was carried out within the framework of the state assignment (AAAAA–A21–121012190018–2, AAAAA–A21–121012190056–4).

For citation: Popov, P.L., Cherennev, A.A. & Galyos, D.A. (2025) Changing the electoral situation in the Russian Federation based on the adoption of the Constitution of the Russian Federation and amendments to it. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 76–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/7

Введение

На протяжении всего существования государства Российского вопросы введения основных законов (Соборное уложение 1649 г. и т.д.) и конституций, выбор руководителя страны и степени доверия к нему решались узким кругом правящей политической элиты. Однако в начале 1990-х гг. наступил новый этап политической истории страны: стали проводиться легитимные референдумы, плебисциты, всероссийские и всенародные голосования и т.д. (плебисцит – всенародное голосование граждан с целью решения определенных политических вопросов). Часто плебисцит считается синонимом референдума. Сам термин «плебисцит» получил широкое распространение в странах с декларируемым демократическим типом власти из-за своего дословного перевода «от лат. *Plebs* – простой народ и *Scitum* – решение, постановление». Референдум Российской Федерации – всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения [1]. Были проведены: всесоюзный референдум о сохранении СССР (17.03.1991 г.), всероссийский референдум о введении поста Президента РФ (17.03.1991 г.), всероссийский референдум о доверии Президенту РФ Б.Н. Ельцину (25.04.1993 г.). Последнее электоральное событие федерального значения – общероссийское голосование по внесению поправок в Конституцию РФ – прошло 25.06. – 1.01.2020 г. Понятие «общероссийское голосование», как и «всенародное голосование» (принятие Конституции 12.12.1993 г.), в отличие от референдума, не подразумевает уровня явки более 50%, чтобы электоральное событие считалось состоявшимся. Согласно Федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации», на референдум не могут выноситься вопросы изменения статуса субъектов РФ, продления срока полномочий Президента РФ и палат Федерального Собрания, вопросы, ограничивающие или отменяющие общепризнанные права и свободы человека и гражданина и конституционных гарантий их реализации. До принятия в 2004 г. Федерального конституционного закона

№ 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» Президент РФ не обладал полномочиями инициировать проведение референдума РФ.

Введение основного закона страны в РФ происходит через электоральные процессы. Общеизвестно, что электоральная сфера зависит от социально-экономических и этнических факторов, связана с очагами конфликтов [2], характеризуется неоднородностями территориального распределения [3, 4]. Методы исследований политической географии, в частности географии электоральной, в том числе и количественные [5–9], улучшают возможности сопоставления и анализа политических событий и явлений.

Цель исследования – выявить отношение к действующей власти через электоральное поведение населения на общероссийских и общенародных голосованиях в макрорегиональном и региональном разрезах и рассмотреть факторы, на него влияющие.

Задачей статьи является сравнение результатов голосования по принятию Конституции РФ 1993 г. и поправок ней в 2020 г. в региональном и макрорегиональном аспекте, определить регионы, в которых произошла смена знака зависимости голосования «за» от явки избирателей.

Сравнение позволит выявить тенденции изменения электоральных настроений в субъектах РФ по отношению как к главному закону страны, так и к инициативам федеральной власти.

Исходными материалами послужили результаты референдумов, общероссийских и общенародных электоральных событий и президентских выборов 1996 и 2018 гг. Исследование основывалось на пространственном и корреляционном анализе соответствующих статистических данных.

При выполнении работы нами были использованы сравнительно-географический, статистический, исторический и картографический подходы и методы исследования.

Информационную и теоретическую базу исследования составили работы отечественных и иностранных специалистов в области экономической и политической географии.

Историческая справка

Элементы формирования конституционного строя в Российской империи появились в XVI в. Первыми конституционными документами были крестоцеловальные записи Ивана III (1462 г.) и Василия Шуйского (1606 г.). В крестоцеловальной записи Василия Шуйского закреплялись гарантии по охране короны, прав наследования трона, законного судебного разбирательства для всех сословий и запрету преследования родственников преступников. В 1730 г. Верховным Тайным советом, в том числе непосредственно князем Д. Голицыным, были предложены кондиции, ограничивавшие полномочия императрицы Анны Иоанновны с концентрацией всей полноты верховной власти у совета. Первая полноценная Конституция в Российской империи появилась в 1815 г. в только что присоединенной Польше. Александр I гарантировал народу Польши свободу личности, вероисповедания и печати, ввел сенат и палату депутатов от общин. Польская Конституция была отменена Николаем I через 15 лет, после восстания против власти Российской империи. Первой Конституцией Российской империи считают кодифицированные под руководством М.М. Сперанского основные государственные законы Российской Федерации (1832 г.) измененные и дополненные Николаем II в 1906 г. В советский период в России было принято три Конституции СССР и четыре Конституции РСФСР (таблица) [10]. Действующая Конституция РФ была принята в 1993 г.

Основные государственные законы
Российской империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации

Основной закон, год принятия	Кем принята
Основные государственные законы Российской империи	Приняты Императором Всероссийским Николаем II 23.04.1906 г.
Конституция РСФСР, 1918	Принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.
Конституция СССР, 1924	Утверждена резолюцией II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 г.
Конституция РСФСР, 1925	Утверждена Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11.05.1925 г.
Конституция СССР, 1936	Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5.12.1936 г.
Конституция РСФСР, 1937	Принята Постановлением XVII чрезвычайного Всероссийского Съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов от 21.01.1937 г.
Конституция СССР, 1977	Верховным Советом СССР 7.10.1977 г.
Конституция РСФСР, 1978	Принята на VII сессии Верховного Совета РСФСР 12.04.1978 г. ввиду принятия Конституции СССР 1977 г.
Конституция РФ, 1993	Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г.

Понятие всенародного референдума как формы народного волеизъявления появилось в Конституции

СССР 1936 г. в ст. 49 п. е. [11]. Президиум Верховного совета СССР наделяется полномочиями производить всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик. Несмотря на более чем полувековую историю своего существования процедура проведения референдума была проведена 1 раз – 17.03.1991 г. На всесоюзный референдум был вынесен вопрос «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». При явке 75,44% за сохранение СССР высказалось 76,4%. В РСФСР и России федеральные референдумы проводились 2 раза: 17.03.1991 г. 69,85 из 75,09% принявших в референдуме россиян поддержали введение поста Президента РСФСР и 25.04.1993 г. из 64,09% принявших в референдуме россиян 58,66% выразили свое доверие Президенту РФ Б.Н. Ельцину. В последние 30 лет были и референдумы на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. Основные вопросы, выносимые на местных референдумах, касались объединения субъектов РФ, бывших в СССР одним целым, переноса региональной столицы, доверия главам регионов и МО и т.д. Отдельного внимания заслуживают Общекрымский референдум о статусе Автономной Республики Крым и г. Севастополя, прошедший 16.03.2014 г. и референдумы о присоединении к России в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях 23–27.09.2022 г.

Результаты и обсуждения

Изменение электоральной ситуации в период 1993–2020 гг. можно проследить по результатам принятия Конституции РФ и поправок к ней. Современная Конституция РФ была сформирована при двух масштабных электоральных событиях – всенародном голосовании и общероссийском голосовании. Рассмотрим их результаты подробнее. Принятие Конституции в РФ в 1993 г. прошло с небольшим перевесом голосов, поданных «за» – 58,4%; «против» проголосовало 41,6%; принятие поправок к ней в 2020 г. поддержало 77,8% избирателей, против них было 21,2%.

Неоднородности электорального поведения обнаруживаются и на макрорегиональном, и на региональном уровнях. Два макрорегиона «Центральное Черноземье» (53,4%) и «Северный Кавказ» (62,8%) проголосовали против конституции. В 17 субъектах РФ население не поддержало главный закон страны. В Калужской, Рязанской, Амурской областях «за» проголосовали чуть более 50%, в Республике Калмыкия, Краснодарском и Алтайском краях, Тверской, Ростовской, Саратовской, Ульяновской, Новосибирской областях «за» чуть более 51% (рис. 1, 2).

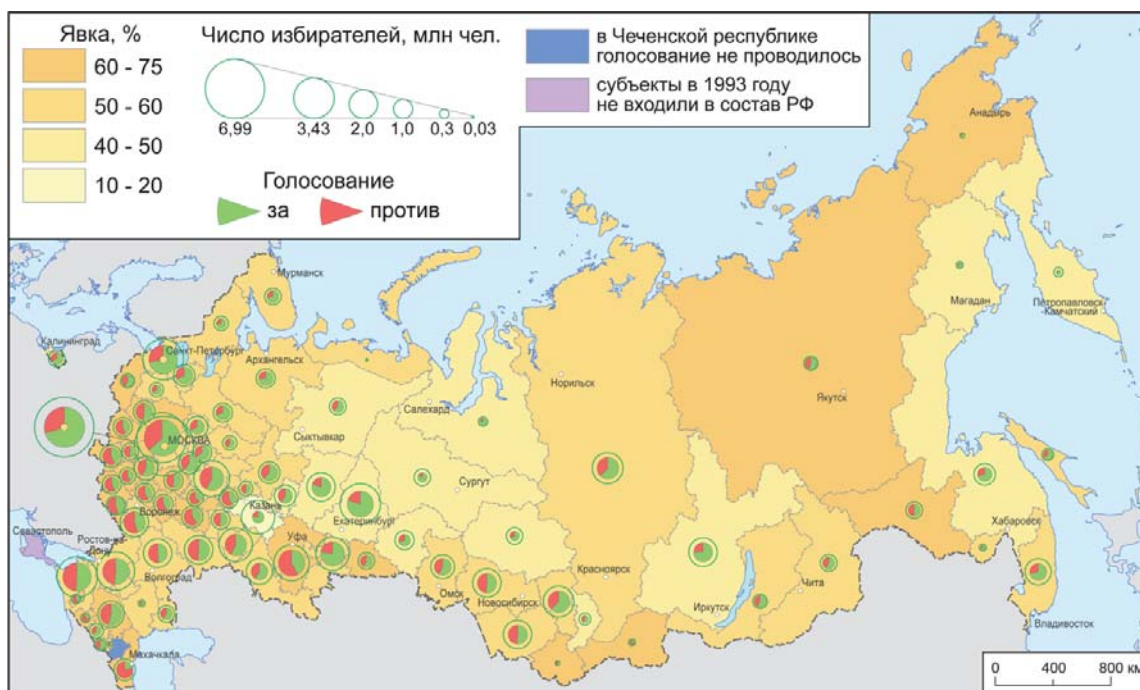


Рис. 1. Результаты всенародного голосования по принятию Конституции РФ в 1993 г.



Рис. 2. Ареалы принятия и непринятия Конституции РФ в 1993 г.

Рисунок 2 повторяет некоторые данные по всенародному голосованию, однако по сравнению с рис. 1 позволяет лучше проследить ареалы (территории, включающие два и более смежных субъектов РФ) принятия и непринятия Конституции РФ.

Значительное неприятие Конституции РФ также отмечается на Юге и в Поволжье. Наиболее активно ее поддержали жители Северо-Запада, Северо-Востока европейской части России, Восточной Сибири, Дальнего Востока, но с некоторыми исключениями – Республика Тыва. Выделяется ареал (Омская, Ново-

сибирская области и Алтайский край) примерно равного количества сторонников и противников Конституции РФ.

Территориальное распределение результатов всенародного голосования имеет определенное сходство с распределениями ряда других социальных явлений (ожидаемая продолжительность жизни, криминогенная обстановка, качество школьного образования, уровень влияния традиционных религий). По данной группе явлений характерно направление пространственных изменений с юго-запада на северо-восток в

пределах европейской части страны; сходство азиатской части страны скорее с северными и восточными макрорегионами европейской части; специфика ареала, занимающего восток Сибири и континентальную часть Дальнего Востока [12, 13]. Имеются и определенные отличия: в распределении результатов всенародного голосования обнаруживается ареал, примерно соответствующий территориально ядру «красного пояса» (группы регионов устойчивой поддержки Коммунистической партии России в 1990-е гг.), который не вполне соответствует направлению территориальной изменчивости социальных явлений.

Явка на всенародном голосовании составила 54,8%, однако, в 12 субъектах РФ порог в 50% преодолен не был (официально этого и не требовалось). Особо отметим, что в Республике Татарстан вопрос о принятии Конституции РФ был проигнорирован населением –

явка составила 13,9%. Выделяются ареалы с повышенной и пониженной явкой избирателей. Повышенная явка наблюдается в Центральном Черноземье, Центральном Нечерноземье, Юге, Северо-Западе, на Северном Кавказе, Юге Поволжья, части Западной, Южной и Восточной Сибири. Ареалы с пониженной явкой расположены между реками Волга и Енисей и на Дальнем Востоке.

Таким образом, территориальные различия и по результатам голосования в 1993 г. и по уровню явки являются значительными, нередко территориально близкие (соседние) регионы обнаруживают сходство электорального поведения населения. В данном случае можно говорить, что пространственный анализ выявляет влияние положения объекта на его свойства [14. С. 11].

В 2020 г. состоялось общероссийское голосование по принятию поправок к Конституции РФ. Его результаты показаны на рис. 3.

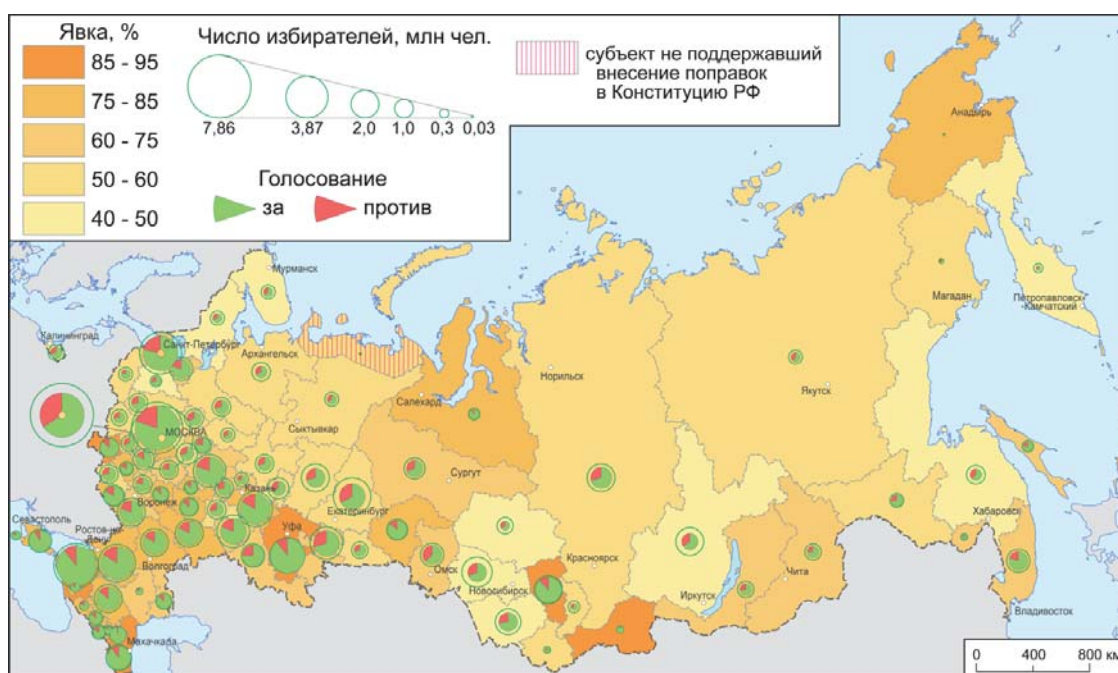


Рис. 3. Результаты общероссийского голосования по принятию поправок к Конституции РФ в 2020 г.

В отличие от результатов 1993 г. электоральная ситуация кардинально изменилась. Если в 1993 г. протестное голосование тяготело больше к юго-западной части страны, то в 2020 г. – к северной и восточной. Охарактеризуем результаты голосования 2020 г. в макрорегиональном разрезе. Лишь в одном субъекте РФ – Ненецком автономном округе, избиратели проголосовали против принятия поправок к Конституции (55,25% – «против», 43,78% – «за»). Наибольшие показатели протестного голосования наблюдаются в регионах Сибири и Дальнего Востока (Республика Саха (Якутия) – 40,65%, Республика Алтай – 32,83%, Камчатский край – 40,65%, Хабаровский край – 36,64%, Омская область – 36,66%, Магаданская область – 36,62%, Иркутская область – 34,84%, Томская область – 34,09%, Новосибирская область – 31,3%) и северо-востока европейской части РФ (Республика Коми – 33,94%, Мурманская область – 36,33%, Архан-

гельская область – 33,38%). Отдельно следует отметить высокие показатели протестного голосования в г. Москва – 33,97% и г. Байконур, находящегося на территории Казахстана, – 37%.

Высокая поддержка 80–98% в основном была проявлена жителями Северного Кавказа, Юго-Запада, Центрального Черноземья, Поволжья, некоторыми национальными образованиями вне этих макрорегионов – Республика Тыва, Республика Башкортостан, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Электоральная активность в 2020 г. составила 67,93%, что на 13% выше, чем в 1993 г. В девяти регионах РФ явка избирателей составила менее 50%. Почти исключительно все они находятся в Сибири, на Дальнем Востоке и северо-востоке европейской части РФ. То есть нередко там же, где отмечены самые низкие показатели поддержки по результатам голосования. В эту картину вписывается и г. Байконур, где явка составила 50,11%.

Сопоставление результатов двух типологически близких электоральных событий может быть проведено с помощью корреляционного анализа. Коэффициент корреляции между результатами рассматриваемых голосований по регионам равняется $-0,49$. Соответствующий коэффициент корреляции по явке избирателей в 1993 и 2020 гг. равен $0,25$. Существуют и корреляционные связи между явкой и голосованием «за», причем характер этих связей полярно изменился. В 1993 г. этот коэффициент корреляции был отрицательным ($-0,61$), а в 2020 г. сменил знак ($0,86$). То есть в 1993 г. чем больше избирателей приходило на голосование, тем меньше была поддержка инициативы существующей власти, в 2020 г. – наоборот. Смена знака

произошла за счет изменения электорального поведения в большинстве регионов (рис. 4). Можно предположить, что изменение знака связи «явка – поддержка инициатив власти» обусловлена снижением протестного потенциала в стране в условиях стабилизации 2000-х гг. Отрицательная связь явки и провластного голосования может наблюдаться в условиях выраженных протестных настроений, а положительная связь более обычна. В это время восстановился феномен «контролируемого» голосования [15, 16], когда национальные образования снова стали активными электоральными сторонниками федерального центра. Такое голосование вносит вклад и в поддержку и в явку.



Рис. 4. Смена вклада в характер корреляционной связи между явкой избирателей и голосованием «за».

Следует отметить, что понятие «смена знака» предполагает или переход от поддержки линии правящей партии на протестное голосование, или наоборот. Аналогично сохранение знака может означать сохранение поддержки или сохранение протестного голосования.

Регионы дифференцируются в зависимости от их вклада в изменение соотношения явки избирателей и голосования «за». Как видно из рис. 4 регионы, составляющие большую часть страны, внесли вклад в изменение знака корреляционной связи между явкой избирателей и голосованием «за». Иными словами, если в 1993 г. явка и голосование «за» в этих регионах отклонялись в разные стороны от соответствующих средних, что формировало отрицательную корреляцию, то в 2020 г. стали отклоняться в одну и ту же сторону (либо выше среднего, либо ниже среднего).

На рис. 4 прослеживаются ареалы регионов (их названия, как правило, совпадают с названиями макро-регионов), не внесших вклада в смену знака корреляционной связи: Центрально-Нечерноземный, Северо-Западный, Южно-Уральский, Западно-Сибирский, Дальневосточный и Чукотский. Данные ареалы во

многих случаях разделены большими расстояниями. Характер голосования в этих ареалах разнороден.

О факторах, влияющих на результаты голосований

Одной из причин протестного электорального поведения на голосовании по принятию Конституции РФ была поддержка идей левого круга. В этой связи рассмотрим результаты президентских выборов 1996 и 2018 гг. и сопоставим их с итогами голосованию по принятию и внесению изменений в современную Конституцию РФ. Процесс восприятия новой политической и социально-экономической реальности сдерживается определенной инерцией. Коэффициент корреляции с поддержкой кандидата на президентских выборах 1996 г. Г.А. Зюганова и голосованием принятия Конституции в 1993 г. отрицательный ($-0,71$). Иными словами, регионы наибольшей поддержки Г.А. Зюганова были регионами наименьшей поддержки власти, предлагавшей Конституцию РФ. С этим обстоятельством согласуется факт значительной положительной

корреляции (0,67) голосования «за» Б.Н. Ельцина в 1996 г. и принятия Конституции РФ в 1993 г.

При сопоставлении результатов президентских выборов 1996 и 2018 гг. не обнаруживается корреляционных связей между поддержкой лидеров от власти и от КПрФ на уровне регионов РФ. Коэффициент корреляции поддержки Б.Н. Ельцин / В.В. Путин составляет 0,05, Г.А. Зюганов / П.Н. Гудинин 0,2, В.В. Путин / Г.А. Зюганов 0,008, Б.Н. Ельцин / П.Н. Гудинин –0,24. Однако соотношение корреляций «поддержка власти – принятие Конституции или поправок к ней» и «поддержка КПрФ – принятие Конституции или поправок к ней» приблизительно сохранилось. Так, коэффициент корреляции голосования «за» В.В. Путина в 2018 г. и поддержки принятия поправок к Конституции РФ составил 0,79. А коэффициент корреляции поддержки П.Н. Гудинина и поддержки принятия поправок к Конституции РФ составил –0,65. Можно предположить, что избиратель, поддерживавший КПрФ в 1990-е гг., в основном руководствовался стремлением к социально-экономической стабильности, нарушенной в результате реформ политической системы государства. Сторонники КПрФ в 2000-х гг. в значительной части перешли к поддержке существующей власти под влиянием произошедших социально-экономических изменений. Этим объясняется отсутствие значительной корреляции по регионам, между поддержкой Г.А. Зюганова в 1996 г. и поддержкой П.Н. Гудинина в 2018 г.

Также в 1990-е гг. развивались обособленные тенденции в национальных образованиях (республиках и округах), что повлекло за собой негативное отношение к центральной власти и различные виды протестного политического поведения – от попыток выхода из состава РФ до игнорирования федеральных электоральных событий и массовых голосований «про-

тив» инициатив власти. В наше время, напротив, национальные образования характеризуются повышенной поддержкой инициатив власти.

Заключение

Электоральные события уровня референдума, всенародного и общероссийского голосований, кроме своей политической и социально-экономической значимости, также являются источником данных, которые могут быть сопоставлены с результатами выборов федерального уровня.

Проведенное исследование показало значительную территориальную неоднородность результатов голосований по принятию Конституции РФ и поправок к ней. В европейской части страны наблюдается пространственное направление изменчивости электорального поведения с юго-запада на северо-восток. В 1993 г. в соответствии с этим направлением изменчивости происходило ослабление поддержки инициатив власти. В 2020 г. отмечена противоположная тенденция.

Смена знака корреляционной связи явки избирателей и голосования «за» партию власти в период с 2003 по 2020 г. произошла на большей части страны. Регионы, не внесшие вклада в смену знака, находятся в Центрально-Нечерноземном и Северо-Западном макрорегионах, на Юге Урала, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке.

Полученные результаты исследования обнаруживают слабость преемственности в голосовании по регионам за КПрФ.

Несмотря на смену знака корреляционной связи «явки избирателей» и «поддержки инициатив власти», произошла трансформация поддержки КПрФ и сопутствующего непринятия Конституции или поправок к ней в поддержку власти – принятие Конституции или поправок к ней.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 28.06. 2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21089> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Покровский Е.А. Проблемы реализации избирательного процесса в регионе Российской Федерации как источник конфликтности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 1. С. 244–247.
3. Ишмуратов Б.М. Экономико-географические и геополитические факторы развития межэтнических отношений на современном этапе // География и природные ресурсы. 1998. № 1. С. 5–14.
4. Heppen J. Racial and social diversity and U.S. presidential election regions // The Professional Geographer. 2003. № 33 (55). P. 191–205.
5. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. М.: Аспект Пресс, 2020. 255 с.
6. Johnston R. Anglo – American electoral geography: same roots and same goals, but different means and ends? // The Professional Geographer. 2005. № 57 (4). P. 580–587.
7. Ахременко А.С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2008. 160 с.
8. Дегтярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 154–168.
9. Фартышев А.Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // Политическая наука. 2022. № 4. С. 18–40.
10. Конституция в России. Конституционный процесс в России. Историческая справка // Архив Официального сайта Президента России. URL: <https://web.archive.org/web/20120908174228/http://archive.kremlin.ru/articles/ConstHistory.shtml> (дата обращения: 06.10.2023).
11. Конституция СССР 1936 г. // Государственный архив Российской Федерации. URL: <https://statearchive.ru/465> (дата обращения: 14.10.2023).
12. Попов П.Л., Черенев А.А., Сараев В.Г., Галёс Д.А. Ареал социально-экономического отставания и протестного электорального поведения в восточной части РФ // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 43–51.
13. Попов П.Л., Черенев А.А., Сараев В.Г. Анализ региональных и макрорегиональных факторов поддержки основных политических партий на выборах в ГД РФ 2016 г. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 124–130. doi: 10.17223/15617793/436/14
14. Окунев И.Ю. Электоральная география. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.
15. Туровский Р.Ф. Политическая география: учеб. пособие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
16. O'Loughlin J. Polical Geography // The Professional Geographer. 1981. № 33 (2). P. 270–271.

References

1. President of Russia. (2017) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 28.06. 2004 № 5-FKZ (red. ot 18.06.2017) "O referendume Rossiyskoy Federatsii"* [On the Referendum of the Russian Federation. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of June 28, 2004 (as amended on June 18, 2017)]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21089> (Accessed: 05.10.2023).

2. Pokrovskiy, E.A. (1999) Problemy realizatsii izbiratel'nogo protsessa v regione Rossiyskoy Federatsii kak istochnik konfliktnosti [Problems of implementing the electoral process in a region of the Russian Federation as a source of conflict]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 1. pp. 244–247.
3. Ishmuratov, B.M. (1998) Ekonomiko-geograficheskie i geopoliticheskie faktory razvitiya mezhetnicheskikh otnosheniy na sovremennom etape [Economic-geographical and geopolitical factors in the development of interethnic relations at the present stage]. *Geografiya i prirodnye resursy*. 1. pp. 5–14.
4. Heppen, J. (2003) Racial and social diversity and U.S. presidential election regions. *The Professional Geographer*. 33 (55). pp. 191–205.
5. Okunev, I.Yu. (2020) *Osnovy prostranstvennogo analiza* [Basics of Spatial Analysis]. Moscow: Aspekt Press.
6. Johnston, R. (2005) Anglo – American electoral geography: same roots and same goals, but different means and ends? *The Professional Geographer*. 57 (4). pp. 580–587.
7. Akhremenko, A.S. (2008) *Kolichestvennyy analiz rezul'tatov vyborov: sovremennyye metody i problemy* [Quantitative Analysis of Election Results: Modern Methods and Problems]. Moscow: Moscow State University.
8. Degtyarev, A.A. (2004) Politicheskiy analiz kak prikladnaya distsiplina: predmetnoe pole i napravleniya razvitiya [Political analysis as an applied discipline: subject field and development directions]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 154–168.
9. Fartyshev, A.N. (2022) Kolichestvennyye metody v rossiyskikh geopoliticheskikh issledovaniyakh [Quantitative methods in Russian geopolitical studies]. *Politicheskaya nauka*. 4. pp. 18–40.
10. Arkhiv Ofitsial'nogo sayta Prezidenta Rossii [Archive of the Official Website of the President of Russia]. (2012) *Konstitutsiya v Rossii. Konstitutsionnyy protsess v Rossii. Istoricheskaya spravka* [Constitution in Russia. Constitutional process in Russia. Historical background]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20120908174228/http://archive.kremlin.ru/articles/ConstHistory.shtml> (Accessed: 06.10.2023).
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). (1936) *Konstitutsiya SSSR 1936 g.* [Constitution of the USSR of 1936]. [Online] Available from: <https://statearchive.ru/465> (Accessed: 14.10.2023).
12. Popov, P.L. et al. (2019) Areal sotsial'no-ekonomicheskogo otstavaniya i protestnogo elektoral'nogo povedeniya v vostochnoy chasti RF [Area of socio-economic backwardness and protest electoral behavior in the eastern part of the Russian Federation]. *Vlast'*. 2 (27). pp. 43–51.
13. Popov, P.L., Cherenov, A.A. & Saraev, V.G. (2018) Analysis of regional and macro-regional factors for supporting the main political parties at the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 124–130. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/436/14
14. Okunev, I.Yu. (2023) *Elektoral'naya geografiya* [Electoral Geography]. Moscow: Aspekt Press.
15. Turovskiy, R.F. (1999) *Politicheskaya geografiya* [Political Geography]. Smolensk: Smolensk State University.
16. O'Loughlin, J. (1981) Political Geography. *The Professional Geographer*. 33 (2). pp. 270–271.

Информация об авторах:

Попов П.Л. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия). E-mail: plp@irigs.irk.ru

Черенев А.А. – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия). E-mail: alcherenev@gmail.com

Галёс Д.А. – ведущий инженер лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия). E-mail: d.gales@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.L. Popov, Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: plp@irigs.irk.ru

A.A. Cherenov, Cand. Sci. (Geography), senior research fellow, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: alcherenev@gmail.com

D.A. Galyos, leading engineer, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: d.gales@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.05.2024;
одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 28.05.2024;
approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 327.8 + 316.7
doi: 10.17223/15617793/511/8

Русский театр как компонент культурного бренда России

Людмила Казимовна Салиева¹, Мария Владимировна Луканина^{2, 3}

^{1, 2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Россия

¹ liudmila.salieva@gmail.com

^{2, 3} mvlukaninag@gmail.com

Аннотация. Рассматривается правомерность использования понятия бренд по отношению к феномену «русский/российский» театр. Описываются основные составляющие структуры бренда, такие как имя, идея, миссия и ценности, история и уникальность, впечатление, индивидуальность. Делается вывод о концептуальном содержании бренда «русский театр» при отсутствии сформированных внешних характеристик.

Ключевые слова: брендинг, театр, культурная дипломатия, культурный бренд

Для цитирования: Салиева Л.К., Луканина М.В. Русский театр как компонент культурного бренда России // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 84–93. doi: 10.17223/15617793/511/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/8

Russian theatre as a component of Russia's cultural brand

Liudmila K. Salieva¹, Maria V. Lukanina^{2, 3}

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russian Federation

¹ liudmila.salieva@gmail.com

^{2, 3} mvlukaninag@gmail.com

Abstract. The issue of Russia's cultural branding has increasingly attracted the attention of researchers in recent years, but research in this area is still at its dawn. The first step of the national branding procedure based on the country's cultural resources is to find candidates for brand status that conform to the entirety of the cultural heritage. This task has not yet been resolved in Russia; no catalog of national cultural brands has been developed. The article explores the phenomenon of Russian national theatre as part of national branding given that Russian theatre as a general notion is not the only code of Russian identity, but its inherent aspects such as drama, directing and acting are also cultural codes to be considered. Currently, despite the fact that individual theatres in Russia are full-fledged brands (Bolshoi Theater, Moscow Art Theatre, Tabakherka, Mariinsky Theatre, etc.) and Russian theatre is often referred to as a brand by celebrities, there is no structural brand framework for the Russian theatre. The article analyzes Russian theatre as a brand from the structural perspective, characterizing each of its brand components in turn: (1) brand name – a unique name that reflects the content of the brand; (2) idea – the main task for brand positioning; (3) mission – the purpose of the brand's existence in the market; (4) history – coverage of the main stages of brand development; (5) uniqueness – features that distinguish a brand from competitors; (6) impression – associations and emotional images that should arise in consumers' mind when mentioning a brand, which contribute to the formation of its positive image; (7) values – intangible characteristics of a brand that increase its significance in the eyes of consumers; (8) identity – a set of external characteristics of a brand (style, color scheme, logo, slogan, etc.) that provide maximum differentiation from competitors. The research is designed on semantic analysis of secondary data, based on search results of Yandex, Google, Yahoo, cyberleninka.ru, eLIBRARY.RU, disserCat, and the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Culture web-sites. Based on the results of a structural analysis of the Russian theatre brand, its another important characteristic is derived – personality. As a personality, "Russian theatre" can be characterized as multifaceted: having absorbed national and world cultures, educated, but also innovative; emotionally, spiritually and intellectually deep, confessional, but also paradoxical; sophisticated and accessible; all in all – always professional, with "enlightening" being its main driver feature. Thus, the concept of "Russian theatre" contains all the content features (prerequisites) to be considered and developed as a brand with a potential of different target-audience orientation. However, from the perspective of political branding and cultural diplomacy, it still requires visual brand identity differentiation (a trademark, a logo, etc.).

Keywords: branding, theatre, cultural diplomacy, cultural brand

For citation: Salieva, L.K. & Lukanina, M.V. (2025) Russian theatre as a component of Russia's cultural brand. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 84–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/8

Согласно Индексу национальных брендов, формируемому в рамках исследований Anholt-GfK Roper Nation Brands Index на основе оценки 23 национальных атрибутов в шести ключевых аспектах (экспорт, государственное управление, культура, люди, туризм и иммиграция/инвестиции), самым сильным компонентом бренда России является культура. Если в 2021 г. Россия занимала 27-е место в рейтинге брендов стран и ее самыми сильными аспектами репутации были «Культура», «Экспорт» и «Туризм», то в 2022 г. рейтинг России значительно снизился по всем критериям. Россия заняла 58-е место [1].

В этой связи представляется обоснованным делать ставку на развитие самых сильных сторон бренда России, а именно продвижение культуры, для улучшения репутации страны на международной арене и среди целевых аудиторий. Такое же мнение выражает и ряд исследователей этой области [2–4].

Брендинг страны посредством продвижения ее культуры позволяет решить две крупномасштабные задачи. Во-первых, представить нацию как нацию с развитой классической, современной и массовой культурой с возможностью приобщения к этой культуре иммиграции посредством культурного и образовательного обмена. В этом случае культура является содержанием транслируемого послания. Во-вторых, создать положительный образ нации при помощи содержания искусства, литературы, театра, массовой культуры. В этом случае культура выступает каналом коммуникации [5].

В статье «Основные характеристики культурного бренда» А.А. Гуцалов отмечает, что первым шагом в рамках процедуры брендинга в культурной среде является поиск кандидатов на статус бренда с точки зрения полноты культурного наследия [6]. В плане рассмотрения кандидатов на статус культурного бренда не последнее внимание должно быть уделено русскому и в целом российскому театру, поскольку, как писал Островский в 1881 г., «Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же, как и академии, университеты, музеи» (цит. по: [7. С. 4]).

Т.С. Злотникова считает, что в России не только театр в целом является кодом идентичности, но и такие его аспекты, как драма, режиссура и актерство [8]. К этому списку мы можем добавить и музыкальный театр во всем комплексе его составляющих.

Ниже приводится ряд причин, по которым, с нашей точки зрения, театр является важным ресурсом брендинга страны на международной арене (культурной дипломатии):

– Театр – зрелищное искусство, способное захватить внимание и завоевать любовь аудитории.

– Театр – синтетическое искусство, заключающее в себе многие формы художественного творчества, среди которых музыка, пластика, актерское искусство, искусство режиссуры и сценографии, архитектура, дизайн, литература, современные технологии (цифровой театр, онлайн-стримы и кинопоказы) и др. Благодаря этому театр способен продемонстрировать культурные достижения страны в разных областях искусства, пока-

зать, с одной стороны, культурную глубину классического наследия и, с другой стороны, свободу художественного мышления, характерную для актуального искусства (включая цифровой театр: VR театр, AR театр, Desktop Theater) [9–11].

– Театр – место для эксперимента, пространство пробы искусства будущего. Страна с насыщенной и богатой театральной жизнью – это страна с высоким творческим потенциалом и, как правило, с развитой креативной индустрией.

– Театр – носитель нравственных, эстетических, политических и других ценностей, которые передаются аудитории подспудно, путем воздействия на эмоциональную сферу через сопереживание. Это делает театр важным каналом коммуникации с точки зрения эффективности воздействия на аудиторию с целью трансляции ценностей и создания образа страны и человека.

– Театральное искусство высокого уровня, которое демонстрируют театры, выступая за рубежом, способно формировать репутацию страны на международной арене.

– Театр, сценическая речь – образец литературного языка нации, что обуславливает возможность использования театра для распространения национального языка и объединения соотечественников, живущих в странах ближнего и дальнего зарубежья.

В данной статье представлены результаты исследования потенциала феномена и концепта «русский/российский театр» как бренда «русский/российский театр» и рассмотрение его в свете структуры бренда. Исследование основывается на семантическом анализе материалов по теме, полученных методом «от поиска». Материалом для анализа послужили материалы первых трех страниц поисковой выдачи в поисковых системах «Яндекс», Google Yahoo, а также библиотек cyberleninka.ru, eLIBRARY.RU, disserCat, сайтов МИД РФ и Министерства культуры РФ. Следующие термины были выбраны в качестве ключевых слов для поиска: понятие русский театр, бренд русский театр, история русского театра, уникальность русского театра, типология русского театра, современное положение русского театра, национальные театры России, русские театры зарубежья, провинциальный театр, детский театр, международная театральная/концертная деятельность, восприятие русского театра за рубежом, всемирное значение русского театра, русский театр в Китае, инструменты театральной дипломатии, театральные фестивали, Чеховский фестиваль.

Русский/российский театр как бренд

В последние годы в российском медийном дискурсе нередко можно встретить термин «бренд», когда речь идет о театре. Приведем некоторые примеры:

Авангард Леонтьев, народный артист России и актер МХТ имени Чехова: «... в нашей стране театр – такой же бренд, как, например, балет. Греция – родина драматического искусства, а Россия – страна, где расцвел репертуарный театр с постоянной труппой» [12].

Заголовок статьи: «Владимир Гальченко: «Русский театр – это мировой бренд»» [13].

Заголовок статьи на сайте общественной организации «Русская инициатива»: «Большой театр – один из самых прославленных брендов России» [14].

Сайт Алтайского краевого театра драмы им. Василия Шукшина о Тбилисском русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова: «Грибоедовский сегодня – это театральный бренд, коллектив с серьезной репутацией и громким именем. Пригласить его на гастроли считают за честь лучшие фестивали и театры. Достаточно сказать, что только за последний год театр им. Грибоедова выступил в 12-ти странах» [15].

Марина Давыдова: «Современный зритель давно уже имеет дело не с конкретными артистами или режиссерами и уж тем более не с конкретными произведениями искусства, ими созданными, а с брендами» [16].

Сергей Бабкин (заголовок статьи): «Как сделать универсальный брендинг для театра» [17].

Как видно из приведенных высказываний, слово «бренд» используют в отношении русского театра в целом, отдельных видов театрального искусства, театров (как российских, так и ближнего зарубежья), театральных деятелей. Мировой известностью и признанием пользуются русская драма, драматурги, режиссеры (К.С. Станиславский, Е.Б. Вахтангов, В.Э. Мейерхольд, Д.Ф. Черняхов), антрепренеры (С.П. Дягилев), артисты (Ф.И. Шаляпин, И.М. Смоктуновский, Г.С. Уланова и др.), театральные школы, музыкальная исполнительская школа, балетные школы (Москва, Санкт-Петербург, Пермь).

В научном дискурсе также присутствуют работы, рассматривающие театр как бренд, среди них статьи: «Первый русский театр: от названия к бренду» [18], «Национальный академический театр имени Янки Купалы как театральный бренд» (к 100-летию со дня основания) [19], «Технологии продвижения бренда культурно-досуговых учреждений (на примере “Этюд-Театра”» [20], «Пермский Академический театр оперы и балеты им. П.И. Чайковского как бренд» [21], кандидатская диссертация «Бренд Большого театра в мировом информационном пространстве» [22].

Отталкиваясь от интерпретации И.А. Добровольской [22], брендом в искусстве мы называем материальный знак (имя, логотип и т.д.), обозначающий объект культурного и исторического наследия или современной культуры страны, с которым связаны определённые ассоциации, закреплённые в сознании народа страны и за рубежом и использующиеся с коммерческой и (или) имиджевой целью путем позиционирования и продвижения. Мы можем рассматривать бренд как концепт дискурса общества потребления, а в аспекте культурной дипломатии – культурного дискурса, причем как первое, так и второе в конечном счете вливается в медийный дискурс, формируя общественное мнение. Также сферами употребления этого термина являются деловой, политический, исследовательский дискурс.

В начале исследования необходимо определить субъекты, объекты и предметы брендинга территории, в нашем случае государства – Российской Федерации.

Субъектом является собственно инициатор и непосредственный участник деятельности по формированию бренда страны. К субъектам брендинга страны относятся органы государственной, региональной и муниципальной власти, национальные и международные средства массовой информации, общественные организации, коммерческие структуры и их объединения, спортивные, культурные, научные и образовательные учреждения, отдельные индивиды [23]. При наличии общей стратегии и совместной работы субъектов формирования бренда при поддержке государственных органов можно говорить о создании условий для формирования культурного бренда или культурно-дипломатической проектной деятельности. Выстроенная стратегическая коммуникация может способствовать формированию согласованного внутреннего и внешнего имиджа.

Объектом брендинга выступает государство или страна, а также ее культура во всем ее многообразии, в том числе многообразии культур регионов. Последнее чрезвычайно важно для России, поскольку Российская Федерация – многонациональное государство и подчеркивание исключительно русской культуры может иметь негативные последствия как внутри страны, так и на международной арене.

Предмет брендинга – отличительные особенности и уникальные достоинства культурного объекта/феномена страны, с помощью правильного использования которых создаётся как бренд страны, так и ее культуры.

В нашем случае в качестве объекта брендинга выступает Россия, представляемая русским и российским театром, а в качестве предмета – уникальное место русского и российского театра в мировой культуре.

Каковы составляющие бренда «русский театр» и «российский театр»?

Итак, если мы полагаем, что «русский театр» – бренд, то какие ассоциации несет имя «русский театр» и «российский театр»? Какова структура бренда, которая должна составлять его ассоциативную ауру в расчете на внутреннюю и внешнюю аудитории, включая зрителей, партнеров, инвесторов, государства и т.д. как в своей стране, так и за рубежом?

Есть разные модели описания структуры бренда, такие как колесо бренда, методика ТТВ, модель Зозулева, Unilever Brand Key, метод этапности построения бренда, Censydiam Synovate. В данной работе будет использоваться модель И.А. Добровольской [22. С. 19–20], которая, основываясь на работах М.О. Макашева «Бренд», Д. Аакеру «Создание сильных брендов», Л. Де Шернатони, Р. Дал'Омо Франческа «Моделирование составляющих бренда», предлагает свою схему бренда, которая представлена ниже:

1. Имя бренда – уникальное название, отражающее содержательную составляющую бренда.
2. Идея – главная задача для позиционирования бренда.
3. Миссия – предназначение существования бренда на рынке.

4. Ценности бренда – нематериальные характеристики бренда, которые увеличивают его значимость в глазах потребителей.

5. История – освещение основных этапов развития бренда.

6. Уникальность – признаки, которые выделяют бренд из числа конкурентов.

7. Впечатление – ассоциации и эмоциональные образы, которые должны возникать у потребителей при упоминании бренда, которые способствуют формированию его положительного имиджа.

8. Индивидуальность бренда – совокупность внешних характеристик бренда (стиль, цветовое решение, логотип, слоган и т.д.), обеспечивающих максимальное отличие от конкурентов. Важное значение имеет наличие товарного знака. Пока у бренда не существует официально зарегистрированного товарного знака, существует опасность использования образа театра в ущерб его репутации.

Однако существуют принципиальные отличия при рассмотрении отдельного бренда (такого как Большой театр) и общего культурного концепта русский или российский театр, которые необходимо отдельно рассмотреть в ходе данного исследования.

Структура бренда «русский/российский театр» (театры России)

1. ИМЯ. В силу богатства театральной палитры России, возможно, целесообразно предложить несколько вариантов имени бренда, которые могли бы использоваться при необходимости в разных ситуациях. Кроме того, разные варианты имени могут использоваться в коммуникативных кампаниях одновременно, для того чтобы показать разнообразие и объемность театрального пространства страны: «русский театр», «российский театр», «театры России» (во многом благодаря общей истории национальных театров России и русского театра концепты «российский театр» и «русский театр» имеют много общего).

Русский театр, как драматический, так и музыкальный, в силу своей уникальности наряду с великими театрами других наций занимает самое высокое и никем не оспариваемое место на мировом театральном олимпе. Именно под этим именем проходили гастроли русских театров в конце XIX – начале XX в.

2. ИДЕЯ – сохранение великих традиций и экспериментальный поиск новых форм выражения. По известному афоризму Станиславского, «пускай старая мудрость направляет юную бодрость и силу, пускай юная бодрость и сила поддерживают старую мудрость» [24].

3 и 4. МИССИЯ и ЦЕННОСТИ. Из речи К.С. Станиславского на открытии Художественно-общедоступного театра: «Мы приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, а общественный характер. Не забывайте, что мы стремимся осветить темную жизнь бедного класса, дать им счастливые, эстетические минуты среди той тьмы, которая окутала их. Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем

свою жизнь» [25. С. 15]. Станиславский был убежден, что созданное товарищество будет воспринято как общественно-полезное, просветительское дело [26, 27].

Никита Астахов (театральный режиссер): «Театр, по Станиславскому, должен организовывать «жизнь человеческого духа» [28]. Эта же мысль отражена в словах Олега Табаков о миссии Табакерки на сайте театра: «Основа театра – не действие, основа театра – живое чувство. В спектаклях мы ищем уникальность формы для жизни человеческого духа на сцене. Поэтому выбираем такую литературу и драматургию, в которой рассматривается главная для меня проблема – как человеку быть человеком. Именно этот вопрос стоит во главе угла, и мы каждый раз по мере данного нам Богом таланта отвечаем на него заново. Но честно и бесстрашно» [29].

Выполнение миссии достигается через достижение выражающих основные ценности целей театра, среди которых, согласно уставам театров (например, Устав Мариинского театра, Устав Большого театра) и положениям о фестивалях (например, Положение о российской национальной театральной премии и фестивале «Золотая Маска», Положение о Чеховском фестивале), нижеследующие: 1) сохранение, развитие и распространение в Российской Федерации и за рубежом общемировых и российских национальных культурных ценностей; 2) обеспечение высокого международного уровня русского/российского театра как достояния культуры мира, сохранение традиций русской театральной школы и поиск нового современного сценического языка; 3) создание условий для роста профессионального мастерства и преемственности артистической школы, поддержка и развитие творческого потенциала театральных коллективов; 4) определение тенденций современного театрального процесса; 5) укрепление единого культурного пространства страны и создание условий для регулярного творческого обмена, установление и укрепление творческих контактов между представителями театральных профессий, создание условий для обмена опытом между творческими коллективами; 6) укрепление гуманитарных контактов с регионами России, странами ближнего и дальнего зарубежья.

Среди общих положений Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г. отмечено, что особая миссия театра – доносить до общественного сознания идеи и ценности, побуждая людей к творчеству во всех сферах социальной жизни.

Таким образом, рассмотрев высказывания театральных деятелей, уставы театров, положения театральных фестивалей мы можем кратко сформулировать миссию русского и российского театра как – «возвышать жизнь человеческого духа: «Красиво не то, что по-театральному ослепляет и дурманит зрителя. Красиво то, что возвышает жизнь человеческого духа на сцене и со сцены, то есть чувства и мысли артистов и зрителей» [29]. Театр – это общественно-полезное, просветительское дело.

5 и 6. ИСТОРИЯ и УНИКАЛЬНОСТЬ. Знание истории брендируемого культурного объекта помогает

субъекту брендинга понять уникальность объекта, выделить важные атрибуты, сложившиеся исторически, использовать знаменательные вехи в процессе продвижения бренда. История раскрывает весь комплекс факторов, культурных, политических, экономических, социальных и пр., который сделал рассматриваемый объект кодом идентичности нации и дал ему потенциал бренда.

В данном пункте мы объединяем параметры «история» и «уникальность»; мы не ставим задачи представить всю историю русского театра, а только делаем попытку выделить сложившиеся в ходе истории особенные черты его, то, что делает русский театр уникальным феноменом в мировой культуре.

Особенностью истории русского театра, несмотря на то, что в целом его истоки были такими же, как и везде в мире (народные обряды, календарные празднества, ряжение, использование кукол-чучел в процессе «игрищ», скоморохи), выступает тот факт, что русский профессиональный театр исторически вышел из школьного театра духовных семинарий и монастырей, в основе драматургии которого лежало соединение библейского, исторического и современного сюжетов. «Представление подобных драм преследовало нравственно-воспитательные цели. Школьный театр выдвинул переживание одним из первых своих положений. Семинаристы духовных школ не только знакомили народ с такими явлениями, как драматургия, сцена, спектакль, но развивали у людей эстетический вкус и способность к сопереживанию... театр в России укрепился в своём изначальном духовном предназначении... и объективно подлинная природа театра несёт в себе с тех пор духовную основу. Духовный культ стал истоком театра. Театр был и есть – зримая часть культуры, действенный культ. Смысловые корни театра и культуры едины» [28]. В России драматургия и сценическое искусство приобретают ярко выраженную национальную окраску, более эмоциональную и непосредственную [28]. То же можно сказать и о русской опере и балете.

Как отмечает Гендова, русский театр – это театр эмоционального мышления: сюда стремятся, чтобы задуматься над проблемами, искать ответы; театр в России никогда не воспринимался как способ развлечения [30. С. 135].

Концепты: нравственно-воспитательные цели, сопереживание, театр эмоционального мышления, эстетический вкус, духовное предназначение, действенный культ, корни театра и культуры едины, первый разумный, нравственный общедоступный театр.

А. Типология театров. Для субъекта брендинга страны информация об исторически сложившихся типах театра является ориентиром в выборе кандидатов на статус бренда. Театрально-концертная жизнь России чрезвычайно многообразна, что приводит к невозможности строгой классификации видов театра. Все исторические сложившиеся типы театра важны для кода идентичности, они в том числе характеризуют разнообразие творческого потенциала страны.

Сначала театр существовал в виде театрализации церковных обрядов, придворного театра, школьного

театра, крепостного театра, уличного театра, провинциального театра и народного театра. В конце XIX – начале XX в. театральный рынок России стал необыкновенно разнообразным, включая как императорские репертуарные стационарные театры столиц, провинциальные казенные театры, городские (муниципальные) театры, так и антрепризы, товарищества, а также полупрофессиональные народные театры (их в начале XX в. насчитывалось более 400) [26].

С августа 1919 г. все театры стали государственными, как драматические, так и музыкальные. В советское время получили развитие русские театры в советских республиках и театры на языках советских республик (национальные театры), детские театры, авторский театр (театр Любимова, Эфроса, Ефремова, Е. Еланской и др.), театр одного актера. Из приведенного списка многое вошло в современность и сохраняет большое значение для как театральной жизни России, так и русской и российской культуры в целом.

Концепты: государственный театр, провинциальный театр, народный театр (любительские театры, включая студенческие), русские театры ближнего зарубежья, национальные театры, театр оперы и балета, детский театр, кукольный театр, уличный театр, авторский театр. Получили развитие новые виды театра: театр мюзикла, иммерсивный театр, цифровой театр, документальный театр, пластический театр, театр художника, театр одного актера, подводный театр (последний придумали в России).

Разнообразие рассматриваемой сферы – национальное достояние, поддержка его важна также и с точки зрения театральной дипломатии. Бренд «русский театр» включает все указанные виды, бренд «российский театр» в качестве важнейшего компонента должен выдвигать также «национальный театр». В целях театральной дипломатии целесообразно использовать те или иные виды театра в зависимости от предпочтений аудитории.

В международном культурном-театральном обмене в основном успешно участвуют столичные театры, и эта деятельность до определенной степени налажена и финансируется, хотя и можно поставить вопрос о том, что из нее (этой деятельности) относится к культурной дипломатии – но это предмет отдельного рассмотрения. Здесь мы обратим внимание на культурно-дипломатический потенциал некоторых типовых не первого уровня акторов театрального рынка (рассмотреть потенциал всех из приведенного выше списка здесь не представляется возможным) и именно: русских театров зарубежья, провинциальных театров, детских театров, национальных театров и уличных театров.

Русские театры зарубежья, как ближнего, так и дальнего, являются мощным средством продвижения русской драмы, русского языка и русской культуры в целом.

Глава Грибоедовского театра в Тбилиси Николай Свентицкий сказал: «Я не устаю повторять... что русский театр зарубежья – это оплот русской культуры в мире и её проводник. Если угодно – форпост» [31].

Филиалы ведущих театров за рубежом.

Русские провинциальные театры. Директор Вологодского театра кукол, успешно гастролирующего за

рубежом, Елена Бухарина назвала провинциальные театры инструментом продвижением народного творчества и популяризации «российской глубинки» не только внутри страны, но и за рубежом» [32].

Детские театры – в аспекте театральной дипломатии, а именно формирования будущей лояльной аудитории, потенциал детского театра трудно переоценить, поскольку работа с детской аудиторией – это формирование не только сегодняшнего имиджа страны, но и будущего.

Первый русский детский театр создан великим ученым А.Т. Болотовым в 1779 г. на территории Богородицкого дворца (Тульская губерния). Другим знаменательным фактом в истории детского театра в России является то, что Детский музыкальный театр Натальи Сац является первым в мире театром такого рода. В настоящее время в России действуют детские театры разных видов: драматический театр, интерактивный театр, театр для малышей, музыкальный театр, кукольный театр, цирковой театр, театр теней, детский театр юного актера. Россия (изначально СССР) является членом Международной ассоциации театров для детей и юношества (АССИТЕЖ). Российский центр АССИТЕЖ (ASSITEJ RUSSIA) – общественная организация, которая объединяет под своим крылом более 60 профессиональных театров России, работающих для детей и молодежи.

Среди удачных проектов можно привести в пример деятельность руководителя и создателя детского театра «Апрелик» (Франция) Людмилы Дробич, которая давно и активно занимается объединением детских театров зарубежья: так многообещающий проект «Магистр русского театра» нашел поддержку уже в 28 странах. В рамках проекта выпускники лучших театральных вузов России получают возможность поставить свои дипломные спектакли в русских детских театрах зарубежья, с одной стороны получая профессиональный опыт, с другой – представляя свои идеи и знания зарубежом [32].

Тем не менее, как следует из доклада генерального директора Гильдии драматургов России Юрия Бутунина «Взаимодействие школы и театра или недетские игры с детскими театрами», состояние ТЮЗов в современной России плачевное. Среди проблем: дискредитация детских драматургов и актёров в профессиональной среде; отсутствие или несущественная государственная поддержка детских, и в особенности кукольных, театров; всё более поверхностные идеи, закладываемые в спектакли» [31].

Национальные театры стали появляться в республиках СССР в 1930-х гг. Сегодня из примерно 650 театров, существующих на территории многонациональной России, около 70 – национальные театры, включая детские. Национальные театры, которые берут на себя миссию сохранения языков и культур народов России, – очень важная часть бренда России как многонациональной страны.

«В погоне за хайпом театр хочет что-то сделать, но иногда скатывается, а национальный театр никогда этого не сделает. Потому что он связан с этой землей. Национальный театр не может предать свою землю.

Нравственность предков», – пояснил художественный руководитель Бурятского академического театра драмы им. Хоца Намсараева Саян Жамбалов [32].

Проблемы национальных театров России во многом поможет решить созданная в 2022 г. Ассоциация национальных театров. «Создание Ассоциации национальных театров – важнейшая задача не только для российского театрального сообщества, но всего нашего общества. Вопрос Ассоциации – это вопрос государственный, речь идёт о сохранении и развитии национальной культуры и языка. При этом национальные сцены несут очень интересные театральные возможности. Эти театральные культуры обогащают искусство и возвращают нас к самой природе театра», – заявил художественный руководитель Александринского театра Валерий Фокин... Среди приоритетных аспектов деятельности в этом направлении важно отметить создание школы повышения квалификации для коллег из разных театров России (как технических специалистов, так и менеджеров, продюсеров, художественных руководителей национальных театров). В дальнейших планах – проведение конгресса, который пройдет в Якутске. Кроме того, Валерий Фокин сообщил, что ведутся переговоры с Триколором, который будет снимать и затем транслировать лучшие спектакли национальных театров страны. Пока речь идет о 10 проектах. Также Валерий Фокин, который с успехом провел в России Театральную олимпиаду, сообщил, что в Театральную олимпиаду 2023 г., планируется включить программу спектаклей национальных театров России [33].

Уличные театры, с участием которых можно организовывать такие фестивали, как «Караван мира – 1989», способны оказывать воздействие на большие аудитории с самыми разными демографическими характеристиками. В рамках фестиваля «Караван мира – 1989» было реализовано множество проектов, включая проект-шествие уличных театров по Европе, показы спектаклей. Так по статистике фестиваля было занято 200 артистов и техников, 100 транспортных средств, 5 шапито, 8 театров (4 – с Запада, 4 – с Востока), проведено 600 спектаклей [33].

В. Режиссура. Россия – родина режиссерского театра.

Создателем театрального представления в эпоху дорежиссерского театра считался драматург (автор пьесы) и (или) актер (автор роли). Знаменитая 18-часовая встреча Владимира Ивановича Немировича-Данченко и Константина Сергеевича Алексеева (на сцене – Станиславский), состоявшаяся 22 июня 1897 г. в два часа дня в московском ресторане «Славянский базар», знаменует начало новой эры в мировом театральном искусстве. На этой встрече обсуждались планы создания Московского художественного общедоступного театра, который был открыт через год после встречи и стал первым режиссерским театром в мире.

Россия дала миру целую плеяду уникальных режиссеров, классиков и их учеников: К.С. Станиславский, В.Э. Мейерхольд, Е.Б. Вахтангов, А.Я. Таиров, Ю.А. Завадский, Н.П. Охлопков, Р.Н. Симонов, В.Н. Плучек, А.Д. Дикий, А.Д. Попов, М.О. Кнебель, Г.А. Товстоногов, А.В. Эфрос, О.Н. Ефремов,

Ю.П. Любимов, Г.Б. Волчек, М.А. Захаров. И этот список продолжает пополняться. Так, с начала 2023 г. сильнейшие российские режиссеры, актеры, театральные художники успешно работают на современном зарубежном пространстве. По мнению автора статьи Форбс, именно театр в контексте происходящего в мире оказался способен реагировать на актуальные и злободневные темы, «опередив и кино, и современное искусство» [34].

Уникален и сам тип русской режиссуры: «К содержанию концепта «русский театр» следует отнести русскую режиссуру в ее демиургичности, в ее жертвенности, в ее значимости для мирового театра как источника художественных открытий» [35. С. 110].

С. Русский театр – театр драмы. Приведем цитату из статьи Т.С. Золотниковой: «Русский театр – концепт и культурный феномен»: «Русский театр, в каком бы веке он ни существовал, верен драме как роду литературы, и никакие декларации отказа (разрушения, деконструкции или чего-то иного, подобного), будь то Net, Doc, перформативность или иммерсивность, не могут убедить в реальности отказа русского театра от его неперменной составляющей – драмы... Драма возвращается в жизнь человека уже не как род литературы, а как ситуация его экзистенции» [36. С. 7–8].

По мнению Т.С. Золотниковой, особенность русской драмы состоит: 1) в нелинейности ее жанров (трагедии, комедии, драмы) в противоположность европейской традиции, четко разделяющей комедию, драму и трагедию (например: по-разному определяемый автором (комедия) и режиссерами (трагедия, трагикомедия) жанр сценических версий пьесы Грибоедова); 2) парадоксальности картины мира, театрализации повседневности и интеграции художественного и внехудожественного в парадигме абсурда (предвосхитила зарождение европейской драмы абсурда (алогизм, оборотничество и перевертыши, феномен «пустоты»)); 3) отчетливой социально-критической (гротесковой) природы; 4) психологизме; 5) сочетании элементов внешнего и внутреннего конфликта как отражения духовно-нравственных исканий; 6) локальных мотивах (женско-мужская дихотомия, провинциально-столичный хронотоп) [35].

Из имен-концептов русского театра необходимо отметить А.С. Пушкина, М.В. Лермонтова, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.В. Сухово-Кобылина, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехова, М. Горького, А.Н. Арбузова, В.С. Розова, А.В. Вампилова, А.М. Володина, Н.В. Коляду, А.П. Шипенко, бр. Пресняковых, И.А. Вырыпаева и др. Из этого списка только пьесы Чехова и Горького широко ставятся за рубежом. Проблема, которую, вероятно, призван решить брендинг русского театра.

Д. Роль актера: «Актер в России больше, чем актер» [36. С. 11].

«Триада драматург – режиссер – актер, несомненно, составляет основу отечественной художественной традиции и утверждает значимость профессиональных интенций и культурфилософский смысл творческой деятельности каждого из трех авторов театрального

произведения. Актер в этой цепочке является завершающим звеном: как бы значимы ни были режиссерские изыскания и открытия, на острие воплощения замысла остается актер-творец; как бы ни были оригинальны либо консервативны драматургические приемы, они останутся на листе бумаги без живого актера, выходящего на сцену и привлекающего внимание публики» [36. С. 11].

Однако роль великих актеров в России в силу их отношения к профессии и к себе в ней никогда не ограничивалась просто актерством. Характеризуя роль актера в русском театральном искусстве на примере М. Чехова, Злотникова отмечает, что для Чехова искусство было не родом деятельности, а самой жизнью, что побуждало его стремиться к постоянному совершенствованию на фоне неудовлетворенности состоянием современного сценического искусства [36].

И М.А. Чехов – не единичное явление. Можно назвать также такие имена, как: актер, педагог, театральный менеджер О.П. Табаков; актер, режиссер, писатель С.Ю. Юрский; актер, режиссер, театральный менеджер В.Л. Машков, актер, педагог, сценарист, театральный менеджер А.А. Ширвиндт, актер, педагог, режиссер, театральный менеджер К.А. Райкин и др.

7. ПРОЕЦИРУЕМОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ – русский театр – уникальное явление, приобщение к которому является ценным жизненным духовным опытом.

При рассмотрении эмоциональных образов, ассоциаций и проецируемого впечатления фактически мы переходим к анализу имиджа русского театра как образа-представления, формируемого у аудитории. В основе имиджа бренда лежит образ компании (или культурного продукта или объекта) в глазах потребителей, инвесторов, государств [37].

С точки зрения восприятия России, общественного мнения о России, как внутри страны, так и за рубежом, русский/российский театр, несомненно, является брендом. Концепт русский театр имеет свое никем не оспариваемое место в концептосфере мировой культуры, и общественном сознании разных слоев разных стран мира. Так, например, при проведении социологического опроса у китайских студентов, проходящих обучение в МГУ на факультете мировой политики, все опрошенные имеют четкий, повторяющийся ряд ярко положительных ассоциаций с понятием «русский театр», куда входят как понимание миссии, ценности, так и определенные концепты, имена и названия: драматизм, эмоциональная глубина, история, богатство наследия, национальная культура, элегантность, духовность, Станиславский, Чехов, Толстой, Гоголь, Большой театр и т.п. Интересно отметить, что некоторые студенты не имеют собственного опыта посещения русского театра, при этом формируя свои ассоциации на основе сложившегося общественного мнения.

8. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ БРЕНДА – совокупность внешних характеристик бренда (стиль, цветовое решение, логотип, слоган и т.д.), воплощающих свойство бренда как личности и обеспечивающих максимальное отличие его от конкурентов. Бренд должен иметь официально зарегистрированный товарный знак

(«пока у бренда не существует официально зарегистрированного товарного знака, существует опасность использования образа театра в ущерб его репутации» [22]).

Подводя итог, феномен русский/российский театр обладает всеми содержательными компонентами, необходимыми для разработки структуры бренда русский/российский театр, кроме того, в этом феномене потенциально заложена ориентированность на разные целевые аудитории.

Однако с точки зрения политического брендинга и культурной дипломатии, только отдельные театры являются полноценными брендами; продвижение же страны на международной арене при помощи бренда русский/российский театр требует разработки айдентики для этого бренда специалистами дизайнерами.

Как видно из приведенного выше списка инструментов театральной дипломатии и высказываний театральных деятелей, для осуществления театральной дипломатии необходимы:

а) централизованный театральный менеджмент и маркетинг, в том числе международный;

б) предоставление театрам возможности использования современных технологий для трансляции своего контента: традиционные инструменты предоставляют возможность создавать яркие, но при этом только точечные события, впечатления о которых хранятся исключительно в человеческой памяти; использование новых технологий позволяет сделать воздействие на аудиторию непрерывным; например, если бы спектакли Чеховского фестиваля демонстрировались в кинотеатрах стран участниц, или странах ШОС и БРИКС, то фестиваль несомненно получил бы больший мировой резонанс и, возможно, в следующие годы число участников возросло бы;

в) использование существующих СМК в качестве инструментов театральной дипломатии;

г) внимание ко всем видам театра и их сбережение, развитие и продвижение на мировой арене;

д) распространение русской школы в мире через образование: на территории России, в зарубежных странах (открытие соответствующих учреждений за рубежом (как филиалов творческих вузов, так и школ театров), командирование специалистов за рубеж и пр.);

е) должное финансирование. Поскольку вопрос продвижения российских театров и русских театров за рубежом – актуальная современная проблема, причем не только театральной, но и политической жизни страны, необходимо искать способы решить задачи финансирования, возможно, путем учреждения специальных фондов, подобных тем, которые существуют на Западе. Финансирование искусства через специальные фонды осуществляется как государством (часто в скрытой форме), так и частными лицами.

Как личность же «русский театр», на наш взгляд, может быть охарактеризован эпитетом многогранный, который раскрывается (в соответствии с изложенным выше) следующим образом: *вобравший в себя национальную и мировую культуры, образованный, но и новаторский, авангардный, отвергающий старые формы; думающий, переживающий, эмоционально, духовно и интеллектуально глубокий, пытающийся докопаться до истины, исповедальный, но и парадоксальный, абсурдный, отвергающий нормы и истину; изысканный и общедоступный; при всем этом всегда профессиональный, интересный, полезный, трогающий душу, заставляющий думать.*

Список источников

1. Что такое бренд страны? Рейтинг всех стран по национальному брендингу 2022 // Международные инвестиции. 15.12.2022. URL: <https://dzen.ru/a/Y5r55UvvVwu0Zwrd>
2. Гринёв И.В. Роль национальной российской культуры в формировании международного имиджа страны : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 24 с.
3. Буторов С.А., Стрельцов В.В. Роль культуры и искусства в формировании международного имиджа России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 18–26.
4. Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей? // Россия и мусульманский мир. 2009. № 2. С. 4–17.
5. Салиева Л.К. Потенциал текста-вымысла как инструмента создания образа государства // Российская школа связей с общественностью. 2011. № 2. С. 138–149.
6. Гуцалов А.А. Основные характеристики культурного бренда // Культурное наследие России. 2019. № 2. С. 37–46. doi: 10.24411/2308-2062-2019-00021
7. Журавлева А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М. : Изд-во МГУ, 1988. 198 с.
8. Злотникова Т.С. Цивилизационный и ментальный дискурсы русского театра как кода идентичности // Обсерватория культуры. 2019. № 16 (1). С. 4–15. doi: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-4-15
9. Веллингтон А.Т. «Театр новых форм»: цифровые технологии в современном театре // Теория и история искусства. 2020. № 3-4. С. 217–224.
10. Сердечная В.С. «Точка доступа – 2020»: цифровой театр в условиях пандемии // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6 (4). С. 83–91.
11. Якимова В.В. Российский онлайн-театр в эпоху пандемии коронавирусной инфекции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 24–28.
12. Сутыка Д. Авангард Леонтьев: «Русский театр – это бренд» // Культура. 25.05.2017. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/theater/161464-avangard-leontev-russkiy-teatr-eto-brend/>
13. «Владимир Гальченко: «Русский театр – это мировой бренд» // Самарская газета. 08.09.2010. URL: <https://sgpress.ru/news/4165>
14. Большой театр – один из самых прославленных брендов России // Общественная организация «Русская инициатива». URL: <https://youfrom.ru/2019/03/28/bolshoy-teatr-odin-iz-samyih-proslavlennyih-brendov-rossii/>
15. Тбилисский русский драматический театр им. А.С. Грибоедова едет покорять Алтай // Алтайский краевой театр драмы им. Василия Шукшина. 18.11.2015. URL: <https://altdrama.ru/news/tbilisskiy-russkiy-dramaticheskii-teatr-im-a-s-griboedova-edet-pokoryat-altay>
16. Давыдова М. Эпоха театральных брендов // Театральный зритель. 22.11.2001. URL: http://www.smotr.ru/prensa/text/md_brend.htm
17. Бабкин С. Как сделать универсальный брендинг для театра // Look At Me. 01.04.2015. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/213235-praktika-branding>
18. Урядова А.В. Первый русский театр: от названия к бренду // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2014. № 2 (8). С. 51–69.

19. Стельмах А.М. Национальный Академический Театр имени Янки Купалы как театральный бренд (К 100-Летию Со Дня Основания) // Культура Беларуси: реалии современности. VIII Международная научно-практическая конференция, посвященная Году малой родины в Республике Беларусь. 2019. С. 512–517.
20. Маркачева М.А., Баракова В.С., Апевалова З.В. Технологии продвижения бренда культурно-досуговых учреждений (На Примере «Этюд-Театра») // Science Time. 2015. № 10 (22). С. 240–243.
21. Артемова А.В., Ширишкин П.С. Пермский академический театр оперы и балета им. П.И. Чайковского как бренд: проблемы создания и продвижения // Диалоги о культуре и искусстве : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). Пермь, 2020. С. 210–213.
22. Добровольская И.А. Бренд Большого театра в мировом информационном пространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 18 с.
23. Зеркаль Д.А., Мифтахова Л.Н. Формирование бренда территории как ресурс развития муниципального образования // Без темы. 2009. № 2 (12). С. 27–33.
24. Цитаты Станиславского на сайте Бурито. URL: <https://burido.ru/735-tsitaty-stanislavskogo>
25. Станиславский К.С. Речь перед открытием Художественно-общедоступного театра 14 июня 1898 г. // К.С. Станиславский об искусстве. М. : ВТО, 1982. С. 15.
26. Орлов Ю.М. Экономика московского художественного театра 1898–1914 годов: к вопросу о самоокупаемости частных театров // Отечественные записки. 2005. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/4/ekonomika-moskovskogo-hudozhestvennogo-teatra-1898-8211-1914-godov-k-voprosu-o-samoookupaemosti-chastnyh-teatrov.html>
27. Глебова И.С., Вавилова Т.Ю. Национальный театр и его миссия: результаты эмпирического исследования // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6 (57). С. 40–46.
28. Астахов Н. Культура в XXI веке. К духовным истокам // Русский духовный театр «ГЛАС». URL: <https://www.theatreglas.ru/kultura-v-xxi-veke-k-duhovnym-istokam/>
29. Московский театр Олега Табакова. URL: <https://tabakov.ru/about/> (дата обращения 02.02.2024).
30. Гендова М.Ю. Исполнительский стиль русского балета – уникальная духовная ценность // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 138–134.
31. Русский театр – проводник российской культуры за рубежом // Информационный портал фонда «Русский Мир». 02.11.2019. URL: <https://russkiymir.ru/publications/264599/>
32. В России создана Ассоциация национальных театров // СМОТРИМ. 11.01.2022. URL: <https://smotrim.ru/article/2662258>
33. Зарецкая Ж. Пять проектов Вячеслава Полунина, которые потрясли мир // Театр. URL: <https://oteatre.info/pyat-proektov-vyacheslava-polunina/>
34. Мак И. «Это все про меня»: как русский театр развивается за границей и отражает происходящее // ForbesLife. 02.11.2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/499614-eto-vse-pro-mena-kak-russkiy-teatr-razvivaetsa-za-granicej-i-otrazhaet-proishodasee>
35. Золотникова Т.С. Русский театр – концепт и культурный феномен // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1. С. 107–115.
36. Золотникова Т.С. Цивилизационный и ментальный дискурсы русского театра как кода идентичности // Контекст. Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 4–15.
37. Годин А.М. Брендинг. М.: Дашков и К, 2013. 183 с.

References

1. Mezhdunarodnye investitsii [International Investments]. (2022) Chto takoe brend strany? Rejting vseh stran po natsional'nomu brendingu 2022 [What is a country brand? Rating of all countries by national branding 2022]. *Mezhdunarodnye investitsii* [International Investments]. 15 December. [Online] Available from: <https://dzen.ru/a/Y5r55UvvVwu0Zvrd>
2. Grinev, I.V. (2009) *Rol' natsional'noy rossyskoy kul'tury v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha strany* [The role of national Russian culture in shaping the country's international image]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
3. Butorov, S.A. & Strel'tsov, V.V. (2015) *Rol' kul'tury i iskusstva v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha Rossii* [The role of culture and art in shaping Russia's international image]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2 (64). pp. 18–26.
4. Solov'ev, E.G. & Smirnov, A.N. (2009) *Mezhdunarodnyy imidzh sovremennoy Rossii: defitsit privlekatel'nosti ili defitsit idey?* [International image of modern Russia: deficit of attractiveness or deficit of ideas?]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 2. pp. 4–17.
5. Salieva, L.K. (2011) *Potentsial teksta-vymysla kak instrumenta sozdaniya obraza gosudarstva* [The potential of fictional text as a tool for creating the image of the state]. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu*. 2. pp. 138–149.
6. Gutsalov, A.A. (2019) *Osnovnye kharakteristiki kul'turnogo brenda* [Main characteristics of a cultural brand]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2. pp. 37–46. doi: 10.24411/2308-2062-2019-00021
7. Zhuravleva, A.I. (1988) *Russkaya drama i literaturnyy protsess XIX veka* [Russian Drama and the Literary Process of the 19th Century]. Moscow: Moscow State University.
8. Zlotnikova, T.S. (2019) *Tsivilizatsionnyy i mental'nyy diskursy russkogo teatra kak koda identichnosti* [Civilizational and mental discourses of Russian theatre as an identity code]. *Obseratoriya kul'tury*. 16 (1). pp. 4–15. doi: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-4-15
9. Vellington, A.T. (2020) *"Teatr novykh form": tsifrovye tekhnologii v sovremennoy teatre* ["Theatre of new forms": digital technologies in contemporary theatre]. *Teoriya i istoriya iskusstva*. 3-4. pp. 217–224.
10. Serdechnaya, V.S. (2021) *"Tochka dostupa – 2020": tsifrovoy teatr v usloviyakh pandemii* ["Access Point – 2020": digital theatre in the context of a pandemic]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. 6 (4). pp. 83–91.
11. Yakimova, V.V. (2020) *Rossiyskiy onlayn-teatr v epokhu pandemii koronavirusnoy infektsii* [Russian online theatre in the era of the coronavirus pandemic]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 53. pp. 24–28.
12. Sutyka, D. (2017) *Avangard Leont'ev: "Russkiy teatr – eto brend"* [Avangard Leontiev: "Russian theatre is a brand"]. *Kul'tura*. 25 May. [Online] Available from: <https://portal-kultura.ru/articles/theater/161464-avangard-leontev-russkiy-teatr-eto-brend/>
13. Samarskaya gazeta. (2010) Vladimir Gal'chenko: "Russkiy teatr – eto mirovoy brend" [Vladimir Galchenko: "Russian theatre is a world brand"]. *Samarskaya gazeta*. 08 September. [Online] Available from: <https://sgpress.ru/news/4165>
14. Obshchestvennaya organizatsiya "Russkaya initsiativa" [Russian Initiative Public organization]. (2019) *Bol'shoy teatr – odin iz samykh proslavlennykh brendov Rossii* [The Bolshoi Theater is one of the most famous brands in Russia]. *Obshchestvennaya organizatsiya «Russkaya initsiativa»* [Russian Initiative Public organization]. [Online] Available from: <https://youfrom.ru/2019/03/28/bolshoy-teatr-odin-iz-samyih-proslavlennyih-brendov-rossii/>
15. Altayskiy kraevoy teatr dramy im. Vasiliya Shukshina [Altai Regional Drama Theater named after Vasily Shukshin]. (2015) *Tbilisskiy russkiy dramaticheskii teatr im. A.S. Griboedova edet pokoryat' Altay* [Tbilisi Russian Drama Theater named after Alexander Griboyedov is coming to conquer Altai]. *Altayskiy kraevoy teatr dramy im. Vasiliya Shukshina* [Altai Regional Drama Theater named after Vasily Shukshin]. 18 November. [Online] Available from: <https://altdrama.ru/news/tbilisskiy-russkiy-dramaticheskii-teatr-im-a-s-griboedova-edet-pokoryat-altay>
16. Davydova, M. (2001) *Epokha teatral'nykh brendov* [The era of theatre brands]. *Teatral'nyy smotritel'*. 22 November. [Online] Available from: http://www.smotr.ru/prensa/text/md_brend.htm

17. Babkin, S. (2015) Kak sdelat' universal'nyy branding dlya teatra [How to make universal branding for the theatre]. *Look At Me*. 01 April. [Online] Available from: <http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/213235-praktika-branding>
18. Uryadova, A.V. (2014) Pervyy russkiy teatr: ot nazvaniya k brendu [The first Russian theatre: from name to brand]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy*. 2 (8). pp. 51–69.
19. Stel'makh, A.M. (2019) [Yanka Kupala National Academic Theater as a theatre brand (On the 100th Anniversary of its Foundation)]. *Kul'tura Belarusi: realii sovremenosti* [Culture of Belarus: Realities of our time]. Proceedings of the 8th International Conference. Minsk. 10 October 2019. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts. pp. 512–517. (In Russian).
20. Markacheva, M.A., Barakova, V.S. & Apevalova, Z.V. (2015) Tekhnologii prodvizheniya brenda kul'turno-dosugovykh uchrezhdeniy (Na Primere "Etyud-Teatra") [Technologies for promoting the brand of cultural and leisure institutions (On the example of "Etude-Theater")]. *Science Time*. 10 (22). pp. 240–243.
21. Artemova, A.V. & Shirinkin, P.S. (2020) [Perm Academic Opera and Ballet Theater named after P.I. Tchaikovsky as a brand: problems of creation and promotion]. *Dialogi o kul'ture i iskusstve* [Dialogues on Culture and Art]. Proceedings of the 10th All-Russian Conference. Perm. 15–17 October 2020. Perm: Perm State Institute of Culture. pp. 210–213. (In Russian).
22. Dobrovol'skaya, I.A. (2015) *Brend Bol'shogo teatra v mirovom informatsionnom prostranstve* [The brand of the Bolshoi Theater in the global information space]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Zerkal', D.A. & Miftakhova, L.N. (2009) Formirovanie brenda territorii kak resurs razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya [Formation of a territorial brand as a resource for the development of a municipality]. *Bez temy*. 2 (12). pp. 27–33.
24. Burido. (n.d.) Tsitaty Stanislavskogo [Stanislavsky's quotes]. *Burido*. [Online] Available from: <https://burido.ru/735-tsitaty-stanislavskogo>.
25. Stanislavskiy, K.S. (1982) *K.S. Stanislavskiy ob iskusstve* [Konstantin Stanislavsky on Art]. Moscow: VTO. P. 15.
26. Orlov, Yu.M. (2005) Ekonomika moskovskogo khudozhestvennogo teatra 1898–1914 godov: k voprosu o samookupaemosti chastnykh teatrov [Economy of the Moscow Art Theater in 1898–1914: on the issue of self-sufficiency of private theatres]. *Otechestvennye zapiski*. 4. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/4/ekonomika-moskovskogo-hudozhestvennogo-teatra-1898-8211-1914-godov-k-voprosu-o-samookupaemosti-chastnykh-teatrov.html>
27. Glebova, I.S. & Vavilova, T.Yu. (2022) Natsional'nyy teatr i ego missiya: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [National Theater and its mission: results of an empirical study]. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*. 6 (57). pp. 40–46.
28. Astakhov, N. (n.d.) Kul'tura v XXI veke. K dukhovnym istokam [Culture in the 21st century. Towards spiritual origins]. *Russkiy dukhovnyy teatr "GLAS"* [Russian Spiritual Theater GLAS]. [Online] Available from: <https://www.theatreglas.ru/kultura-v-xxi-veke-k-duhovnym-istokam/>
29. *Moskovskiy teatr Olega Tabakova* [Moscow Theatre of Oleg Tabakov]. (n.d.) [Online] Available from: <https://tabakov.ru/about/> (Accessed: 02.02.2024).
30. Gendova, M.Yu. (2013) Ispolnitel'skiy stil' russkogo baleta – unikal'naya dukhovnaya tsennost' [The performing style of Russian ballet is a unique spiritual value]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 1 (33). pp. 138–134.
31. Information portal of the Russian World Foundation. (2019) Russkiy teatr – provodnik rossiyskoy kul'tury za rubezhom [Russian theatre is a guide to Russian culture abroad]. *Information portal of the Russian World Foundation*. 02 November. [Online] Available from: <https://russkiymir.ru/publications/264599/>
32. SMOTRIM. (2022) V Rossii sozdana Assotsiatsiya natsional'nykh teatrov [The Association of National Theatres has been created in Russia]. *SMOTRIM*. 11 January. [Online] Available from: <https://smotrim.ru/article/2662258>
33. Zaretskaya, Zh. (2020) Pyat' proektov Vyacheslava Polunina, kotorye potryasli mir [Five projects by Vyacheslav Polunin that shook the world]. *Teatr*. 13 June. [Online] Available from: <https://oteatre.info/pyat-proektov-vyacheslava-polunina/>
34. Mak, I. (2023) "Eto vse pro menya": kak russkiy teatr razvivaetsya za granitsey i otrazhaet proiskhodyashchee ["It's all about me": how Russian theatre is developing abroad and reflecting what is happening]. *ForbesLife*. 02 November. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/forbeslife/499614-eto-vse-pro-mena-kak-russkiy-teatr-razvivaetsya-za-granicej-i-otrazhaet-proishodasee>
35. Zolotnikova, T.S. (2019) Russkiy teatr – kontsept i kul'turnyy fenomen [Russian theatre – concept and cultural phenomenon]. *Mir russkogovoryashchikh stran*. 1. pp. 107–115.
36. Zolotnikova, T.S. (2019) Tsivilizatsionnyy i mental'nyy diskursy russkogo teatra kak koda identichnosti [Civilizational and mental discourses of Russian theatre as an identity code]. *Kontekst. Observatoriya kul'tury*. 1 (16). pp. 4–15.
37. Godin, A.M. (2013) *Branding* [Branding]. Moscow: Dashkov i K.

Информация об авторах:

Салиева Л.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры международной коммуникации Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: liudmila.salieva@gmail.com

Луканина М.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры международной коммуникации Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Университета науки и технологий МИСИС (Москва, Россия). E-mail: mvlukaninag@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.K. Salieva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: liudmila.salieva@gmail.com

M.V. Lukanina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); associate professor, National University of Science and Technology MISIS (Moscow, Russian Federation). E-mail: mvlukaninag@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024;
одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 07.03.2024;
approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(4)
doi: 10.17223/15617793/511/9

Олимпийские игры 1912 г. и проблемы международных отношений на страницах журнала «Русский спорт»

Лидия Владимировна Антонова¹

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия, antonova.lidia.24@yandex.ru

Аннотация. На основе публикаций журнала «Русский спорт» анализируется восприятие российским обществом хода и результатов Олимпийских игр 1912 г. и ряда других спортивных событий. Делается вывод о том, что накануне Первой мировой войны для прессы была характерна политизация и милитаризация спортивных состязаний, негативная оценка в адрес политических противников России и нейтральная или комплиментарная по отношению к государствам, с которыми её связывали союзнические обязательства.

Ключевые слова: образ врага, образ союзника, Олимпийские игры 1912 г., спорт, журнал «Русский спорт», «The Times», международные отношения

Источник финансирования: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00770, <https://rscf.ru/project/23-28-00770/>

Для цитирования: Антонова Л.В. Олимпийские игры 1912 г. и проблемы международных отношений на страницах журнала «Русский спорт» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 94–101. doi: 10.17223/15617793/511/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/9

The 1912 Olympic Games and international relations issues on the pages of the *Russkiy Sport* magazine

Lidia V. Antonova¹

¹ Pskov State University, Pskov, Russian Federation, antonova.lidia.24@yandex.ru

Abstract. The beginning of the 20th century was marked by an aggravation of international relations in Europe and in the world. In this regard, the influence of politics on the sphere of high-performance sport and the revived Olympic movement became especially noticeable. The article analyzes the perception of the 1912 Olympic Games in Stockholm and some other sporting events of that period by Russian society. The main sources were publications in the *Russkiy Sport* [Russian Sport] magazine, articles in the British newspaper *The Times*, and materials from the report of the Swedish Olympic Committee. It is noted that the mentioned events took place in a situation when Europe was already divided into two opposing military blocs, and wars were raging in the Balkans and North Africa. The influence of the international situation on the perception of sports competitions by the general public and the coverage of Olympic events by the Russian and foreign press is traced. It is concluded that during the games, international disagreements were caused by the participation of the teams from countries that did not have their own statehood, for example, Finland. Conflict situations also arose due to the possible biases of judges towards representatives of other countries and the incorrect behavior of the supporters. Reviews of wrestling, fencing, athletics and other disciplines gave journalists a reason to discuss the general level of sports development in Russia. Sports objectives were related to political ones. It was believed that Russia had to set an example with its sports successes to other Slavic nations. The countries that were mentioned as the ones to learn from were primarily the United States and the UK, as well as Finland. At the same time, the prospect of using sports for military purposes was widely discussed in the press. An opinion is expressed that often problems with the judging and organization of competitions were objective in nature. They arose due to the lack of sufficient experience and an ill-conceived system of rules. Besides, sports journalism was characterized by the politicization and militarization of competitions; the introduction of a political context into the rivalry of national sports schools; a negative assessment of countries that were political opponents of Russia, and a neutral or complimentary assessment of states with which it had allied obligations.

Keywords: image of enemy, image of ally, 1912 Olympic Games, sport, "Russkiy Sport" magazine, "The Times", international relations

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00770, <https://rscf.ru/project/23-28-00770/>

For citation: Antonova, L.V. (2025) The 1912 Olympic Games and international relations issues on the pages of the *Russkiy Sport* magazine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 94–101. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/9

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи бурно развивался спорт, который сегодня мы бы назвали спортом высоких достижений. В последние два десятилетия XIX в. особенно активно начинали создаваться различные спортивные сообщества и клубы. Целью атлетов становилось не только общее физическое развитие и совершенствование определённых спортивных навыков, но и успешное участие в международных состязаниях. Грань между массовым, любительским и профессиональным спортом ещё не стала такой как в современном мире, а сами эти понятия не были чётко определены. Только начинали складываться системы правил в отдельных дисциплинах, принципы судейства и традиции проведения соревнований [1. Р. 28–63; 2. Р. 18–57; 3. С. 61–79; 4. С. 7–18].

Поскольку регулярными становились международные чемпионаты по различным видам спорта, а также возрождалось олимпийское движение, победы стали обретать важность не только для самих атлетов и их клубов. Значимость медалей быстро была осознана на государственном уровне. Успехи в престижных состязаниях начинали связывать со статусом государства на международной арене, а это значит, что сфера спорта приобрела неразрывную связь с политикой, победы и поражения трактовались в контексте межнациональных и межгосударственных отношений. Эта тенденция со временем усилилась и приобрела особенную остроту в условиях современных нам реалий [5]. В связи с этим интересно проанализировать, какое влияние напряжённая международная обстановка начала XX в. оказывала на восприятие спортивных событий того периода. В данной статье мы рассмотрим эту проблему, прежде всего, в связи с Олимпийскими играми 1912 г. в Стокгольме, а также затронем ряд менее значимых соревнований.

Зарубежная и отечественная историография олимпийского движения довольно обширна и, в числе прочего, освещает место в нём российского спорта. Немало публикаций посвящено и развитию спортивной журналистики в данный период. Из обобщающих работ следует назвать монографии А.Б. Суника [3, 6], В.И. Линдера [4], Д. Миллера [1], С. Холлидея [2] и др. Интересующие нас вопросы затрагивались в статьях К.А. Алексеева [7], И.Н. Новиковой [8], Н.Н. Качулиной [9] и др. В наши задачи не входит всестороннее освещение событий Олимпиады 1912 г. или других состязаний рубежа веков – подробные сведения о них содержат работы перечисленных выше авторов. Опираясь на публикации журнала «Русский спорт» [10–25], постараемся расширить имеющиеся представления о спортивной жизни России и в данном контексте о некоторых аспектах международных отношений накануне Первой мировой войны, особенностях восприятия политического противника и союзника [26, 27]. Также обратимся к такому источнику, как официальный отчёт шведского олимпийского комитета об играх в Стокгольме [28], и заметкам в британской газете *The Times* [29–31].

В начале XX в. печатные органы, так или иначе освещавшие спортивную тематику или прямо специализировавшиеся на ней, были очень многочисленны. Среди наиболее известных газет и журналов назовем следующие: «К спорту», «Циклист», «Вестник русского сокольства», «Спорт», «Геркулес» и др. [32]. «Русский спорт» – это еженедельное иллюстрированное издание, выходившее в 1909–1919 гг. с подзаголовком «журнал, посвящённый всем видам спорта». В нём публиковались аналитические авторские колонки о проблемах развития спорта высоких достижений, репортажи с российских и международных соревнований, статьи для широкой аудитории о пользе физической культуры и здорового образа жизни, интервью, рассказы, реклама спортивных товаров. Большое внимание журнал уделял олимпийскому движению и подробно рассказывал, в частности, об играх 1912 г. Обзоры на события Олимпиады для «Русского спорта» писали известные в то время журналисты, например Георгий Дюпперон – выдающийся спортивный деятель начала XX в. Он был одним из инициаторов создания Российского олимпийского комитета, несколько лет представлял Россию в МОК, являлся главным редактором журнала «Спорт» и писал для других специализированных изданий. Дюпперон внёс особый вклад в развитие в России футбола, а также оставил после себя огромное количество трудов по истории, теории и методике физической культуры и отдельных видов спорта [33].

Олимпиада 1912 г. привлекала внимание профессиональных историков, к ней обращались в популярной литературе и современной журналистике [1. Р. 67–70]. Это было первое официальное участие страны в играх и одновременно последнее для Российской империи, а также это последние игры перед Первой мировой войной. Именно этот факт обуславливает исключительную политизацию и милитаризацию состязаний в печати. Несмотря на внушительное представительство – почти две сотни атлетов – и присутствие ряда именитых спортсменов, например фигуриста и стрелка Николая Панина-Коломенкина и борца Мартина Клейна, российская команда выступила крайне слабо. Эта неудача, не без помощи прессы, ещё подогрела критические настроения общественности по отношению к власти, а российские журналисты едко прозвали олимпиаду «спортивной Цусимой» [6. С. 36–41].

В одном из летних номеров «Русского спорта» была аналитическая статья об олимпийском движении, которое, как уже говорилось, только начинало принимать более-менее близкую к современной форму. Отстаивалась точка зрения о том, что атлеты будут приезжать «в современную Олимпию для самой невинной и мирной из всех видов борьбы, – для борьбы из-за символической оливковой ветви» [10. С. 4].

Высказывалось мнение, что право проведения игр должно предоставляться по очереди столицам всех стран. Этот вопрос на заре современных олимпиад вызвал немалые споры – сначала Греция претендовала на

то, чтобы закрепить постоянное место проведения за собой, а потом возник комплекс проблем из-за совмещения игр с всемирными выставками [34. Р. 53–92]. Также в упомянутой статье освещалась дискуссия, в определённой степени актуальная и сегодня, о соотношении любительского и профессионального спорта.

В процессе подготовки к играм и формирования команды встал острый для России политический вопрос. Он касался формата участия в Олимпиаде финских спортсменов. На тот момент в Финляндии уже был свой олимпийский комитет, и с позиции международного движения она могла быть самостоятельным участником игр. Российское правительство ожидало увидеть в этом угрозу имперскому единству. В итоге удалось достичь компромисса – страны приняли участие в церемонии открытия со своей символикой, правда, финны шли сразу вслед за российскими спортсменами. Однако на этом конфликты не закончились. С разрешения Международного олимпийского комитета атлеты из Финляндии демонстрировали свою национальную символику во время соревнований. Олимпиада, следует отметить, была одним из немногих событий, где нации, не имевшие на тот момент своей государственности, могли это делать. Данная ситуация крайне раздражала российских чиновников, и после официальной ноты Министерства иностранных дел организаторы игр пошли на уступки, и финны поднимались на пьедестал под флагом Российской империи [8].

Всего Россия получила на этой олимпиаде пять наград, заняв третье с конца место среди стран, чьи спортсмены становились призёрами. Первенствовали американцы, на втором месте оказались хозяева-шведы, что общий тон публикаций в «Русском спорте», безусловно, приписывал несправедливому судейству, причины которого часто виделись в национальных симпатиях или антипатиях судей к тем или иным спортсменам.

В июльской статье под заголовком «Иностранцы и мы» шведы критиковались за многочисленные проблемы в организации игр и, прежде всего, за подбор судей. Изначально организаторы Олимпиады решили выставить только шведских судей, но потом стало ясно, что обойтись исключительно своими силами у них не получится. На предыдущих играх в Лондоне в 1908 г. все судьи были британцами, что также приводило к обвинениям в предвзятости. В Стокгольме же в назначении судей участвовали международные спортивные федерации. В этом аспекте игры 1912 г. приблизились к современной системе. Например, футбольных арбитров назначила созданная в 1904 г. ФИФА [2. Р. 55]. Тем не менее «Русский спорт» утверждал, что судьи приглашались в последний момент и в итоге, по утверждению журнала, «получилась такая комбинация, которая не удовлетворяет никого». С возмущением говорилось: «сплошь и рядом получается, что выигрывает не тот, который лучше подготовлен в спортивном отношении, а тот, который умеет распоряжаться судьями и, извините, проявлять большее нахальство» [10. С. 3]. В подтверждение приводилось несколько случаев, когда русские спортсмены, чётко следовавшие правилам, проигрывали из-за нечестного поведения иностранных соперников. Так, американцы выиграли состязания по

стрельбе, используя запрещённые приспособления – диоптры, очки с жёлтыми стеклами, курки несоответствующего норме веса. Судьи, по словам обозревателя, закрывали глаза на такие нарушения правил. Петербургские легкоатлеты жаловались в интервью, что они понятия не имели, в какой день и час должны выступать, и приходили потому на старт растерянными и неподготовленными. Так одному бегуну сообщили, что он стартует на следующий день в 13 часов, а в итоге он чуть не опоздал на свой забег, начинавшийся, как оказалось, в 9 утра [10. С. 8].

В соревнованиях по плаванию и легкой атлетике русские спортсмены никак не отличились, поэтому и обзоров на них в газете было мало. Показательным кажется замечание в одной из заметок о плавании, что эти соревнования оказались лучше всего организованы, а кроме того, «в этом виде спорта наименее сказались пристрастность и тенденциозность шведских судей» [11. С. 5].

В «Русском спорте» подробно рассказывалось о соревнованиях по борьбе, где Россия выставила 11 борцов и рассчитывала на успех, несмотря на то, что Финляндии и Швеции было позволено выставить по 40 человек. Порядок отбора на игры и нормы представительства по странам также ещё не были зафиксированы в международных правилах. В финальный этап вышли пять русских борцов, но журнал предрекал все призовые места финнам и несколько наград хозяевам-шведам, которые использовали в своих интересах выгодную очковую систему. Некоторые случаи, по крайней мере, если верить их описаниям в журнале, действительно были вопиющими нарушениями спортивных принципов. В состязаниях по борьбе по регламенту надлежало бороться 30 минут, если не будет результата, то ещё 30 минут, если и тогда не будет результата, то исход поединка определялся «по общему впечатлению» [10. С. 3]. Во время одного из поединков между русским и финном уже после первых 30 минут бой был остановлен, так как «общее впечатление» судьи оказалось на стороне финна. Присутствовавший на соревнованиях русский судья спорил, но «что поделаешь с тремя шведами и одним англичанином, которые упорно стоят на своем» [10. С. 4]. Или, например, в прыжках в высоту выиграли три американца, но шведы приняли решение присудить два вторых и три третьих места, чтобы в призах оказался их спортсмен – «способ довольно удобный, ...но едва ли справедливый» [12. С. 6].

В соревнованиях по фехтованию русские спортсмены также рассчитывали на медали, однако оказались биты. «Русский спорт» снова возлагал вину на судей, которые «настолько неопытны и не подготовлены, что у них всегда прав тот, кто больше кричит» [10. С. 3]. Правда, в описании хода поединков признавалось, что привыкшие к классическому стилю фехтования русские атлеты оказались не готовы к нестандартным приёмам противников. Поскольку таких чётких правил, как в современном спорте, тогда не существовало, то что иностранцы использовали другую технику и тактику, вряд ли можно было считать неспортивным. В обзорах на фехтование констатировалось, что русские уступали в подготовке, хотя подчеркивалось, что иностранные спортсмены отличаются не только тактикой,

но и этикой. Так в командных соревнованиях на шпагах по заранее составленному расписанию «русским пришлось биться с самыми сильными противниками англичанами и бельгийцами. Вряд ли это случайно» [11. С. 6]. По утверждению газеты, то, что «мало любезные хозяева шведы» хитрят, было очевидно и другим странам. Так признанные мастера фехтования французы «разгадали шведов заранее и совсем отказались участвовать» [11. С. 6], что тоже стало громким скандалом этой Олимпиады. При этом, по мнению обозревателя, только русские в фехтовании не позволили себе ни малейшей бестактности, хотя по сомнительному жребью им пришлось с первого этапа сражаться с сильнейшими соперниками, и они были выбиты в предварительных боях. «Русский спорт» писал, что даже в шведских газетах отмечали корректность русских. «Вряд ли мы будем когда-нибудь способны развратиться международными состязаниями до того, что будем позволять себе всякие трюки в погоне за призами», – подытоживал журналист [13. С. 6]. Обращает на себя внимание замечание о том, что, вероятно, война (имелась в виду Итало-турецкая война 1911–1912 гг.) помешала итальянцам выставить борцов на эспадронах.

Не только российские газеты писали в таком критическом тоне. Для сравнения обратимся к зарубежной прессе. Судьями были недовольны британцы. В лондонской *The Times* неоднократно отмечалось неправомерное поведение спортсменов и судейство, которое это позволяло, в фехтовании. Обозреватель газеты утверждал, что если бы вышедших в финал венгерских спортсменов судила британская судейская бригада по британским правилам, то все они были бы дисквалифицированы ещё в предварительном раунде [29. Р. 15]. В другом номере сообщалось, что многочисленные разногласия в соревнованиях по борьбе закончились официальным протестом, подписанным Италией, Австрией, Богемией, Венгрией, Финляндией, Германией, Великобританией. Обратим внимание не столько на факт протеста, сколько на приведённый список стран. Помимо Финляндии, здесь названы и другие страны, которые на тот момент не являлись независимыми субъектами международных отношений, но уже имели национальные олимпийские комитеты. Рассказывая об успехах британских спортсменов, *The Times* всегда указывала его национальную принадлежность. Например, в одном из заплывов пьедестал заняли англичанин, канадец и австралиец и три Юнион Джека «дружно развивались над стадионом» [29. Р. 15]. *The Times* посвятила отдельную заметку вопросу международных отношений в контексте игр. Корреспондент, находившийся в Стокгольме, писал об опасениях, что слишком резкие выпады британской прессы против несправедливого судейства и плохой организации соревнований приведут к трениям в отношениях с вовлечёнными государствами. Вероятно, такие опасения высказывал кто-то из спортивных функционеров или политиков. Далее журналист перечислил целый ряд ситуаций, в которых недовольство выражали другие страны: Франция отказалась участвовать в состязаниях по фехтованию; Россия была против присутствия отдельной команды Финляндии; Франция также подала протест против участия в велосипедных гонках команд

Англии, Ирландии, Шотландии вместо одной британской и тоже в отношении Австро-Венгрии и Богемии; Германия безуспешно опротестовала дисквалификацию своих бегунов в эстафете (интересно, что при этом использовались фотографии); шведская публика сочла некомпетентным судейство в водном поло и т.д. Однако в заключении говорилось, что, хотя этот список выглядит очень длинным, на самом деле по отношению к огромному количеству стартов, он весьма невелик. Общую атмосферу на играх британская газета характеризовала как дружелюбную. В отличие от «Русского спорта», *The Times* считала, что никаких претензий к шведам быть не должно – они делали всё, что могли и очень даже неплохо, а все претензии к судейству касались не шведских арбитров, а иностранцев. В то же время если российская газета выказывала восхищение подготовленности и патриотичности американцев, британцев, напротив, раздражало их шумное поведение, именно американцев они обвиняли в провоцировании конфликтов. «Подспудно присутствует, конечно, немало нервного напряжения и межнациональной зависти, поэтому по-прежнему встаёт вопрос о том, действительно ли игры способствуют укреплению международных отношений», – писала *The Times* [30. Р. 13].

В «Русском спорте» досталось и шведской публике. Патриотичность шведов производила на русских корреспондентов неприятное впечатление, так как она делала их чрезвычайно пристрастными. Они поддерживали своих атлетов такими криками, что это мешало следить за ходом соревнований. «Под конец этот бешеный крик сделался настолько неприятным, что я от души радовался каждому поражению шведа» [14. С. 4–5], – говорил один из зрителей. По его словам, американцы тоже поддерживали, но это не производило такого негативного впечатления. Шведы же почти не аплодировали представителям других национальностей, кроме финнов. Но нельзя было не признать, что результаты шведов в лёгкой атлетике «колоссальны и оставляют далеко позади себя результаты более крупных и более значительных в политическом отношении стран, как, например, Англия, Франция, Германия, Австрия, не говоря уже совсем о России» [14. С. 5]. Это замечание показывает, что уже тогда успехи в спорте и политический вес стран виделись взаимозависимыми. Великие державы хотели соответствовать своему статусу во всех сферах.

Поскольку нас интересует политическая составляющая спортивных состязаний, нельзя не упомянуть о соревнованиях по гимнастике на этой Олимпиаде. В середине XIX в. в Европе сложилось три основных школы гимнастики – немецкая, шведская и так называемая сокольская. Последняя была разработана в Праге в 1860-е гг. и вдохновлялась идеями панславизма и освободительной борьбы против Австро-Венгрии. Закономерно, что в России наибольшее распространение получила именно она. Если говорить о спортивной составляющей, то «соколы» практиковали вольные упражнения под музыку с элементами народных и бальных танцев, групповые синхронные упражнения, построение пирамид, использовали различные снаряды, а выступали в специальных парадных костюмах.

Движение «Сокол» позиционировалось как инструмент сплочения Российской империи и других славянских государств и народов. Для развития сокольских идей в 1911 г. в армии и учебных заведениях военного и гражданского ведомства ввели «Наставления по гимнастике», основанные на сокольской системе. О политической составляющей соколизма свидетельствует и то, что Россия присоединилась к этому международному движению в конце 1900-х гг., когда заметно обострились её отношения с Германией и Австро-Венгрией [4. С. 8; 35; 36]. В публикациях о сокольской гимнастике в «Русском спорте», однако, собственно гимнастическим упражнениям уделялось не так много внимания, но заметки о них всегда имели определённую милитаристскую политическую коннотацию. Так неоднократно сообщалось о том, что сокольские общества активно занимались благотворительностью в поддержку славян, пострадавших на шедшей в то время Балканской войне [15. С. 17; 16. С. 10].

На страницах «Русского спорта» неоднократно сравнивались три упомянутые гимнастические системы. Немецкая гимнастика характеризовалась как гимнастика военная или имеющая *«воинственный характер»*, которая заключается в подчинённых строгой дисциплине энергичных движениях, что не казалось удивительным: для Германии было характерно повсеместное господство иерархии и строгого послушания. «Если немцы согласны, что их победы 1866 и 1870 гг. одержаны школьным учителем, то, по всей вероятности, они полагают, что это был учитель гимнастики», – несколько иронично заключалось в одной из статей на эту тему. Также отмечалось, что сейчас немецкая военная гимнастика начинает отступать шаг за шагом перед спортом ради самого спорта, но «идея войны не перестает гипнотизировать немецких гимнастов» [13. С. 3]. Шведская гимнастика описывалась как лишённая всякой соревновательности и ориентирована только на здоровье. В другой заметке признавалось, что все системы имеют свои преимущества и недостатки, но «соколизм нам ближе уже самим своим именем. Как никак, а мы славяне и никогда не будем ни немцами, ни шведами» [17. С. 10].

Содержание упражнений, которые демонстрировали на Олимпиаде представители разных гимнастических школ, принципиально отличалось друг от друга, поэтому спорные ситуации в судействе были неизбежны. Это отмечала не только пресса, но и отчёт олимпийского комитета. В нём говорилось, что каждая нация старалась продемонстрировать лучшие и наиболее характерные приёмы своего гимнастического стиля. Вместе с тем признавалось, что нельзя не учитывать разницу в системах, которые едва ли могли быть оценены по одним параметрам, поэтому предстояли ещё дискуссии о том, какой вид гимнастики подходит для соревнований, как должны оцениваться командные выступления и личное мастерство спортсменов [28. Р. 557–560].

В конце лета – начале осени в публикациях «Русского спорта» подводились итоги прошедшей в Стокгольме Олимпиады. Некоторые выводы о проблемах и перспективах российского спорта делались и по ходу соревнований. В целом, как уже отмечалось, выступление российских спортсменов на играх сочли провалом.

Россия вместе с Австрией заняли 12-е место [18. С. 3–4]. Г. Дюпперон писал: «...мы ещё не умеем выигрывать, мы пока “играем”, мы боремся честно, с поднятым забралом; мы миримся с поражением». Он тоже много критиковал нарушения правил иностранцами, которым важно «победить, безразлично какими средствами, только победить» [10. С. 4].

«Нехорошо проигравшим слишком много говорить о невезении», – это слова британской The Times [31. Р. 13], анализировавшей собственные неудачи, но, в общем, о том же говорили и российские журналисты. В «Русском спорте» в контексте проблем разных видов спорта предлагались меры по улучшению результатов. Например, отмечалось, что желательно организовать всероссийские соревнования по всем видам спорта, которые проходили бы между Олимпиадами и служили бы подготовкой к международным играм. Так в связи с соревнованиями по гребле в Германии «Русский спорт» обращал внимание на то, что в России отсутствовали подробные европейские базы для гребного спорта и вообще очень плохо развита спортивная инфраструктура: «...есть истины, с которыми каждый согласен... как легко хотя бы позаимствовать их у Запада, который всё же во всех отношениях впереди нас» [21. С. 6].

Важно обратить внимание на то, какие страны назывались ориентирами для России, ставились в пример общей спортивной культурой, национальными традициями, грамотной организации подготовки спортсменов, развития инфраструктуры. Так, рассуждая о преимуществах и недостатках гимнастических систем, обозреватель «Русского спорта» утверждал, что «единственная система физических упражнений, которая... не думает ни о войне, ни о гигиене, а ищет наслаждения единственно в самом физическом труде, и которая, поэтому, одна только и может рассчитывать на общее распространение – это система английского спорта» [13. С. 3]. В другой заметке в качестве страны, где спорт достигает наивысшего развития, назывались Соединённые Штаты: «Америке ставятся главные мировые рекорды, американцы берут лучшие призы на олимпийских играх. Америка же имеет лучшие атлетические клубы и общества» [18. С. 4]. Было отмечено, что известные американские клубы не испытывали финансовых проблем, так как среди их членов были миллионеры, не скупившиеся на щедрые пожертвования. Подводя итоги игр, журналисты соединяли спортивные цели будущего с политическими устремлениями России. Олимпиада, как говорилось, показала, что спорт у всех славянских народов имеет самое ничтожное распространение. Задачи обозначались так: «...нам, русским спортсменам, необходимо показать хороший пример всему славянству и доказать иностранцам на следующей олимпиаде свою успешность в спорте, который является показателем состояния физической культуры данного народа. За учителями не следует ехать в Америку, следует учиться у наших финляндцев, их успехи в спорте удивили весь мир» [11. С. 7].

Коротко остановимся ещё на некоторых темах, звучавших на страницах «Русского спорта» в тот период. В нескольких номерах 1912 г. были заметки, посвящённые набиравшему популярность автомобилизму. Рассматривались вопросы обучения и получения прав на

вождение автомобиля, а также в целом значимость автомобилизма в современном мире. В связи с созданием автомобильных дружин в Москве отмечалось, что автомобили могут быть весьма полезны во время военных действий, что уже подтвердили манёвры во Франции и Германии [19. С. 6]. Неоднократно писал журнал о возрастающей военной роли воздухоплавания – в это понятие включались самолёты, дирижабли, воздушные шары. В частности, были заметки, посвящённые участию лётчиков в событиях на Балканах [15. С. 18–19]. В Германии проходили соревнования воздухоплавателей из 9 стран, но Россия не была там представлена. Корреспондент отмечал, что на развитие воздухоплавательного дела в России выделяются значительные средства, и понадобилась бы совсем небольшая сумма, чтобы снарядить один-два воздушных шара для участия в состязании, «значение которого признается девятью культурными нациями» [20. С. 7].

Статьи о различных боевых искусствах, их истории, национальных особенностях, современных тенденциях часто занимали в номерах «Русского спорта» по несколько страниц [25. С. 4–6]. «Каждый народ в течение своей исторической жизни вырабатывает то или иное средство самозащиты на случай неожиданных нападений, когда враг застает врасплох и нет под рукой оружия. Таково происхождение греко-римской борьбы, английского бокса, японского джиу-джитсу, русского кулачного боя, так называемого французского бокса», – говорилось в заметке о последнем [20. С. 3]. «Русский спорт» посвятил несколько объёмных публикаций упомянутому французскому боксу [21. С. 3]. Об английском боксе, конечно, тоже писали. Причём предлагалось по примеру англичан обратить внимание на развитие бокса в армии, поскольку он считался одним из лучших средств для развития силы и ловкости [15. С. 20; 24. С. 8]. Вполне возможно, что у такого интереса к французским и английским спортивным традициям были и политические причины. Впрочем, разного рода боевые искусства в России всегда были развиты, что давало и спортивные результаты. В сентябре 1912 г. Чемпионат Европы по борьбе завершился победой Мартина Кляйна в связи с чем «Русский спорт» отметил, что он «заставил иностранцев вспомнить о русском спорте и с уважением отнестись к его представителям. А то за последнее время русские спортсмены как будто не существовали для наших европейских соседей» [22. С. 17].

В Германии и Австро-Венгрии в тот период активно развивается лыжный спорт и в особенности применение лыж в армии. Принимая во внимание климатические условия этих стран, где снеговой покров держится не так много дней в году, это могло бы показаться странным. Однако в «Русском спорте» прямо давалось следующее объяснение: «Германия и Австрия на северо-востоке граничат с Россией, где зима продолжается 5 месяцев... Политическая конъюнктура последних десятилетий всё время складывалась таким образом, что постоянно допускала возможность вооружённого столкновения обеих немецких империй именно с Россией» [23. С. 7–8]. По мнению спортивного журнала, это свидетельствует о том, что уже 15 лет назад

данные страны стали принимать меры на случай вторжения в Россию. Далее в статье следовал исторический обзор военного применения лыж, в том числе в отечественной практике, а в заключении замечалось, что редакция, к сожалению, не располагала сведениями о текущем положении лыжного спорта в российских войсках.

Подведем некоторые итоги. В период становления и институционализации современного олимпийского движения и спорта высоких достижений международные организации, государственные и спортивные деятели декларировали такие идеалы как честная конкуренция, справедливость судейства, равенство условий для всех стран и представляющих их атлетов. На практике реализация этих принципов наталкивалась на множество проблем. Публикации в отечественной и зарубежной прессе показывают, что и в начале XX в. спортивные состязания омрачали спорные и даже скандальные ситуации, взаимные претензии организаторов и участников или последних друг к другу. Однако следует подчеркнуть, что ряд проблем, описанных нами на основе публикаций «Русского спорта», имел объективные причины. Чётких систем правил в большинстве видов спорта ещё не выработали, отсюда сложности с судейством, туманные правила жеребьёвки, подчас странные решения о присуждении нескольких комплектов медалей и т.д. Опыт проведения крупных международных соревнований только нарабатывался, поэтому организаторы сталкивались с множеством нестандартных задач – от самого сооружения масштабных спортивных объектов до составления расписания соревнований. Надо сказать, что в некоторых аспектах Олимпийские игры в Стокгольме были уже ближе к современным, чем предыдущие четыре Олимпиады. Вместе с тем очевиден тот факт, что уже на раннем этапе развития современного спорта и олимпийского движения для него была характерна политизация, а, учитывая общее обострение международных отношений в рассматриваемый нами период, даже милитаризация. В год, на который пришлась стокгольмская Олимпиада, Европа уже была разделена на два готовившихся к большой войне блока, параллельно шли Первая Балканская и Ито-турецкая войны. Эти обстоятельства объективно влияли и на условия подготовки стран к соревнованиям и на предвзятое восприятие состязаний. Приметой времени выглядят на страницах спортивного журнала многочисленные статьи о перспективе применения в военных целях автомобилей и авиации, не говоря уже о боксе или лыжах. Соответственно, в условиях крупного международного соревнования для общества, а также выражавшей и формировавшей его взгляды прессы, спортивный поединок представителей противоборствующих в политическом отношении стран выходил за пределы беговой дорожки, бассейна или футбольного поля. На примере рассмотренных нами публикаций видно, что на восприятии спортивных побед и неудач сказывалось место России в системе сложившихся на тот момент союзов и наметившихся конфликтов. Всячески продвигалась идея о России как примере и объединяющей силе для славянских народов, что особенно видно на

примере дискуссий о сокольстве и других гимнастических системах. Примером страны, более других развившей идеалы и традиции чистого спорта, неизменно называлась Англия – союзник России по Антанте. Образцом же государства с отлаженной системой подготовки спортсменов, благодаря которой удалось быстро встать в один ряд с ведущими европейскими державами, считались Соединённые Штаты Америки – страна, в тот момент нейтральная по отношению к европейской политике. В то же время более чем очевиден негативный тон публикаций, касавшихся Германии и

Австро-Венгрии, обвиняемых в милитаризации спортивных практик. Вал критики в адрес шведских организаторов соревнований можно объяснить досадой российских журналистов из-за неудач своей сборной, но во многом это, по-видимому, были справедливые упреки за подсушивание соотечественникам и, например, финнам. Тем не менее, на наш взгляд, политическая составляющая была присуща не столько самим соревнованиям или судейству, а освещению состязаний в прессе. Это суждение представляется справедливым как для событий более чем столетней давности, так и для сегодняшнего дня.

Список источников

1. Miller D. The official history of the Olympic Games and the IOC: Athens to Beijing, 1894–2008. Edinburgh : Mainstream, 2008. 592 p.
2. Halliday S. The Olympics. Newton Abbot : David & Charles, 2012. 141 p.
3. Суник А.Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М. : Сов. спорт, 2010. 616 с.
4. Линдер В.И. На крыльях «Буревестника»: история студенческого спорта. М. : Спорт, 2019. 185 с.
5. Марков А.С. Эволюция международного спортивного движения: от спорта ради мира к спорту как политическому инструменту // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 3. С. 67–75.
6. Суник А.Б. Современные олимпийские игры. Краткий исторический очерк (1896–2012 гг.). М., 2013. 232 с.
7. Алексеев К.А. Развитие отделов спорта в изданиях общей тематики в XIX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2014. Сер. 9. Вып. 2. С. 180–188.
8. Новикова И.Н. Россия и участие Великого княжества Финляндского в олимпийском движении в начале XX в. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 142–164.
9. Качулина Н.Н. Развитие сокольского движения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6, ч. 1. С. 223–225.
10. Русский спорт. 1912. 8 июля.
11. Русский спорт. 1912. 22 июля.
12. Русский спорт. 1912. 2 сентября.
13. Русский спорт. 1912. 5 августа.
14. Русский спорт. 1913. 29 июля.
15. Русский спорт. 1912. 11 ноября.
16. Русский спорт. 1912. 2 декабря.
17. Русский спорт. 1912. 16 декабря.
18. Русский спорт. 1912. 12 августа.
19. Русский спорт. 1912. 19 августа.
20. Русский спорт. 1912. 21 октября.
21. Русский спорт. 1912. 28 октября.
22. Русский спорт. 1912. 16 сентября.
23. Русский спорт. 1912. 18 ноября.
24. Русский спорт. 1912. 25 ноября.
25. Русский спорт. 1912. 23 декабря.
26. Антонова Л.В. От «решительной враждебности» к «сердечному согласию»: «The Times» об эволюции образа Британии в российской печати начала XX в. // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9, № 1 (33). С. 145–164.
27. Фролов В.В. Образ Австро-Венгрии на страницах газеты «Русский инвалид» в Первые годы первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 4 (32). С. 306–322.
28. The Official Report of the Olympic Games of Stockholm 1912. Stockholm, 1912. 1117 p.
29. The Times. 1912. July 13.
30. The Times. 1912. July 15.
31. The Times. 1912. July 24.
32. Дюперрон Г.А. Библиография спорта и физического развития: систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно. Петроград : Канцелярия Сов. при Главнаблюдающем, 1915. 263 с.
33. Михеева Г.В. Георгий Александрович Дюперрон: спорт и Библиотека // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь. СПб. : РНБ, 1998. С. 98–110.
34. Goldblatt D. The Games: A Global History of the Olympics. N.Y. : Norton & Company, 2016. 400 p.
35. Смирнов М.А. Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 9 (908). С. 178–182.
36. Сироткина И.Е. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 2. С. 320–329.

References

1. Miller, D. (2008) *The official history of the Olympic Games and the IOC: Athens to Beijing, 1894–2008*. Edinburgh: Mainstream.
2. Halliday, S. (2012) *The Olympics*. Newton Abbot: David & Charles.
3. Sunik, A.B. (2010) *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Essays on Russian Historiography of Physical Culture and Sports History]. Moscow: Sov. sport.
4. Linder, V.I. (2019) *Na kryl'yakh "Burevestnika": istoriya studencheskogo sporta* [On the Wings of "Petrel": History of Student Sports]. Moscow: Sport.
5. Markov, A.S. (2018) *Evolutsiya mezhdnarodnogo sportivnogo dvizheniya* [Evolution of International Sports Movement]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika*. 3. pp. 67–75.
6. Sunik, A.B. (2013) *Sovremennye olimpiyskie igry. Kratkiy istoricheskiy ocherk (1896–2012 gg.)* [Modern Olympic Games. Brief Historical Sketch (1896–2012)]. Moscow.

7. Alekseev, K.A. (2014) Razvitie otdelov sporta v izdaniyakh obshchey tematiki v XIX veke [Development of Sports Sections in General Publications in the 19th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. Ser. 9. 2.* pp. 180–188.
8. Novikova, I.N. (2018) Rossiya i uchastiye Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v olimpiyskom dvizhenii v nachale XX v. [Russia and Participation of Grand Duchy of Finland in Olympic Movement in Early 20th Century]. *Noveyshaya istoriya Rossii.* 8 (1). pp. 142–164.
9. Kachulina, N.N. (2015) Razvitie sokols'kogo dvizheniya v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vv. [Development of Sokol Movement in Russian Empire in Late 19th – Early 20th Centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki.* 6, part 1. pp. 223–225.
10. *Russkiy sport.* (1912) July 8.
11. *Russkiy sport.* (1912) July 22.
12. *Russkiy sport.* (1912) September 2.
13. *Russkiy sport.* (1912) August 5.
14. *Russkiy sport.* (1913) July 29.
15. *Russkiy sport.* (1912) November 11.
16. *Russkiy sport.* (1912) December 2.
17. *Russkiy sport.* (1912) December 16.
18. *Russkiy sport.* (1912) August 12.
19. *Russkiy sport.* (1912) August 19.
20. *Russkiy sport.* (1912) October 21.
21. *Russkiy sport.* (1912) October 28.
22. *Russkiy sport.* (1912) September 16.
23. *Russkiy sport.* (1912) November 18.
24. *Russkiy sport.* (1912) November 25.
25. *Russkiy sport.* (1912) December 23.
26. Antonova, L.V. (2024) Ot "reshitel'noy vrazhdebnosti" k "serdechnomu soglasiyu" [From "Decisive Hostility" to "Heartfelt Agreement"]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy.* 9 (1/33). pp. 145–164.
27. Frolov, V.V. (2023) Obraz Avstro-Vengrii na stranitsakh gazety "Russkiy invalid" [Image of Austria-Hungary in "Russkiy Invalid" Newspaper]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy.* 8 (4/32). pp. 306–322.
28. *The Official Report of the Olympic Games of Stockholm 1912.* (1912) Stockholm.
29. *The Times.* (1912) July 13.
30. *The Times.* (1912) July 15.
31. *The Times.* (1912) July 24.
32. Duperron, G.A. (1915) *Bibliografiya sporta i fizicheskogo razvitiya* [Bibliography of Sports and Physical Development]. Petrograd: Kantselyariya Sov. pri Glavnonablyudayushchem.
33. Mikheeva, G.V. (1998) Georgiy Aleksandrovich Duperron: sport i Biblioteka [Georgy Duperron: Sports and Library]. In: *Publichnaya biblioteka: lyudi, knigi, zhizn'* [Public Library: People, Books, Life]. St. Petersburg: RNB. pp. 98–110.
34. Goldblatt, D. (2016) *The Games: A Global History of the Olympics.* New York: Norton & Company.
35. Smirnov, M.A. (2013) Sokol'skaya gimnastika kak fenomen razvitiya fizicheskoy kul'tury [Sokol Gymnastics as Phenomenon of Physical Culture Development]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva.* 9/908. pp. 178–182.
36. Sirotkina, I.E. (2017) Natsional'nye modeli fizicheskogo vospitaniya i sokol'skaya gimnastika v Rossii [National Models of Physical Education and Sokol Gymnastics in Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie.* 16 (2). pp. 320–329.

Информация об авторе:

Антонова Л.В. — канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков, Россия). Email: antonova.lidia.24@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Antonova, Cand. Sci. (History), associate professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024;
одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 28.08.2024;
approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/15617793/511/10

Деятельность профессиональных юридических общественных объединений Кемеровской области на страницах газет «Кузбасс» и «Кузнецкий край» в 1990–2010 гг.

Екатерина Викторовна Болкунова^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

^{1, 2} e.v.bolkunova@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа газетных статей официального регионального печатного издания «Кузбасс» и оппозиционного издания «Кузнецкий край» в 1990–2010 гг., раскрывающих деятельность таких профессиональных юридических общественных сообществ, как адвокатура, нотариат, правозащитные общественные организации и объединения юристов в научно-образовательной среде. На примере газетных статей раскрывается образ юриста в 1990–2010 гг., показана его произошедшая трансформация.

Ключевые слова: профессиональные юридические общественные объединения, образ юриста, гражданское общество

Для цитирования: Болкунова Е.В. Деятельность профессиональных юридических общественных объединений Кемеровской области на страницах газет «Кузбасс» и «Кузнецкий край» в 1990–2010 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 102–111. doi: 10.17223/15617793/511/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/10

Activities of professional legal public associations of Kemerovo Oblast on the pages of the newspapers *Kuzbass* and *Kuznetskiy Kray* in 1990–2010

Ekaterina V. Bolkunova^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

^{1, 2} e.v.bolkunova@mail.ru

Abstract. The period 1990–2010 marked the transformation in all spheres of life of Russian society. Restructuring and the transition from a centralized economy to a market economy contributed to major changes in the legal system. In these conditions of rapidly changing legislation, which society did not have time for, the role of a lawyer increases. The legal profession is becoming not only one of the most important social professions, but also the most demanded and paid. The adoption of the Law "On Public Associations" in 1990 led to a significant increase in the number of professional legal public associations, which in the course of their activities began to influence the socio-economic processes taking place in the state, its policies and law-making, while reflecting the place and role of a lawyer in civil society. The article provides a statistical analysis of such associations in Kemerovo Oblast contained in the register of the Ministry of Justice of Russia. The aim of the article is to show the results of an analysis of newspaper articles presented on the pages of the official regional print publication *Kuzbass* and the opposition publication *Kuznetskiy Kray* in 1990–2010, revealing the activities of such professional legal public communities as the bar, notaries, human rights public organizations, and associations of lawyers in scientific and educational environment. The article presents the results of a sample of these articles by subject and their number in each of the print media. The example of newspaper articles reveals the image of a lawyer in 1990–2010, which was influenced by the events taking place in the country during this period – the rapid growth of the market economy, privatization, business, criminalization, and at the same time the formation of jurisprudence against the background of the general legal illiteracy of post-Soviet society. The transformation of this image is shown. Particular attention is paid to activities of legal communities actively developing during the specified period and reflected on the pages of newspapers: legal education, free legal assistance to the population, public examination of draft regulatory legal acts, combating crime and corruption, . Based on the analysis of newspaper articles, it is concluded that in the first two decades after the collapse of the Soviet Union in the context of the transition from confrontation to dialogue between the state and public associations, the latter, including professional legal public associations, function in the absence of organizational and financial support from the state. At the same time, the socially oriented activities of these associations are of particular importance for the population and lead to an increase in their demand in the structure of civil society.

Keywords: professional legal public associations, image of lawyer, civil society

For citation: Bolkunova, E.V. (2025) Activities of professional legal public associations of Kemerovo Oblast on the pages of the newspapers *Kuzbass* and *Kuznetskiy Kray* in 1990–2010. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 102–111. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/10

Период 1990–2010 гг. озаглавлен трансформацией во всех сферах жизни российского общества, это годы, когда государство проходило активный период становления и возрождения. Перестройка и переход от централизованной экономики к рыночной способствовали тому, что произошли серьезные перемены в системе права, которые способствовали изменениям во всех отраслях права. В короткий промежуток времени потребовалось заменить отраслевое законодательство, чтобы не допустить правового вакуума, соответственно, в авральном режиме и не всегда системно принимались новые нормативные акты либо вносились изменения в прежние документы [1. С. 520–522]. В этих условиях быстро меняющегося законодательства, за которым общество не успевало, возрастает роль юриста.

С переходом к рыночной экономике в 1990-х гг. профессия юриста становится не только одной из важнейших социальных профессий, но и самой востребованной, а привлекательность традиционных в советское время инженерно-технических и естественно-научных специальностей снижается. Большой спрос на юридические услуги с некоторым спадом сохраняется и в 2000-е гг.

В Советском Союзе специалистов в области юриспруденции готовили 52 вуза [2. С. 6], а в середине 2000-х гг. в России действовало около 250 государственных вузов и 230 их филиалов, порядка 200 негосударственных вузов и 370 их филиалов, занимавшихся подготовкой юристов [3. С. 14]. Как отмечается в статье «Адвокат: личность, знания, опыт» газеты «Кузнецкий край» от 15.02.2007 № 7, «коммерческие и государственные вузы “пекут” юристов-защитников, как пирожки, и счет уже идет на десятки тысяч. И понятно почему: закон становится все более сложным, и, чтобы воспользоваться даже абсолютно законными правами, часто требуется знание обширных и запутанных законодательных дебрей».

По данным социологических исследований, в 1990-е гг. в рейтинге престижности профессия юриста заняла первое место, а в оценке выгодности – третье после коммерции и менеджмента [4. С. 19]. Высоким спросом юристы пользовались и у государства, и у частного бизнеса. Возникший в эти годы дефицит юристов на протяжении долгих лет способствовал высокому уровню оплаты их труда. В статье «Юристы подорожали, а маркетологи по-прежнему востребованы слабо» газеты «Кузбасс» от 30.10.2002 № 199 кадровым агентством «Профи» приводится статистика о быстром росте заработных плат представителей этой профессии в Кемеровской области: «...аппетиты начальников юридических служб крупных предприятий доросли до 40–45 тыс. рублей (плюс социальный пакет), хотя еще в 2000 году эта цифра была на 15 тысяч ниже». Этим же агентством в 2004 г. в статье «Наперевес с дипломом», размещенной в газете «Кузбасс» от 13.04.2004 № 67, отмечается «больше перспектив в поиске работы у специалистов по праву: 147 вакансий на 284 человека. Многие из бывших выпускников в центры занятости попросту не обращаются и самостоятельно пытаются найти работу».

По данным Росстата, в 2012 г. юристы в перечень наиболее востребованных профессий уже не входили. Списочная численность юристов и других специалистов в области права на 31.10.2012 составляла 96,7 тыс. человек, а потребность – 2,7 тыс. человек [5]. Однако, как отмечает И.П. Попова, это не говорит о падении востребованности юридической профессии в обществе [6. С. 46].

Таким образом, пик расцвета профессии юриста и общества в целом приходится на 1990–2010 гг. и связан он, прежде всего, с процессами трансформации экономической и политической жизни российского общества в этот период.

Принятый в 1990 г. Закон «Об общественных объединениях» значительно расширил возможности граждан на объединения и самоорганизацию. Первоочередной целью создания общественных объединений являлись реализация и защита гражданских, политических, экономических и социальных прав и свобод. Принятие закона привело к значительному росту числа зарегистрированных общественных объединений, в том числе профессиональных юридических общественных объединений. Под последними имеются ввиду «общественные объединения, созданные на неправительственной (негосударственной) основе исходя из общих интересов, целей, задач и состоящие из представителей юридических профессий, имеющих юридическое образование» [7. С. 40].

Анализ данных, содержащихся в реестре Министерства юстиции России, показал, что в 1990–2010 гг. в Кемеровской области функционировали следующие виды профессиональных юридических общественных объединений:

- объединения адвокатов, представленные палатой адвокатов, адвокатскими образованиями и адвокатскими бюро. С начала 1990-х гг. в Кузбассе было создано 109 объединений адвокатов, 82 из которых – в период до 2010 гг., продолжает свою деятельность 91 объединение;

- объединение нотариусов в лице областной нотариальной палаты;

- общественные объединения, целью которых являлась некоммерческая правозащитная деятельность. В 1994–2010 гг. зарегистрировано 71 правозащитное общественное объединение, только два из них продолжают свою деятельность в настоящее время (Юргинская городская общественная организация по защите прав потребителей «НАШЕ ПРАВО» (г. Юрга, дата регистрации – 16.01.2008) и Юргинская городская общественная организация – Общество защиты прав потребителей «Общественный контроль» (г. Юрга, дата регистрации – 07.05.2007)).

В настоящей работе представлен сравнительный анализ газетных статей на страницах региональных печатных изданий «Кузбасс» и «Кузнецкий край» в 1990–2010 гг., отражающих деятельность таких профессиональных юридических общественных обществ, как адвокатура, нотариат, правозащитные общественные организации и объединения юристов в научно-образовательной среде (таблица).

Общественно-политические печатные периодические издания характеризуются востребованностью у

значительной части населения, выражают в своих публикациях непосредственные интересы и проблемы читателей, а также оказывают определенное влияние на общество.

Газета «Кузбасс» – одно из старейших печатных изданий Кемеровской области, издаваемое ежедневно с 1922 г. После перестройки в 1990-е гг. «Кузбасс» получил статус областного массового издания. В 1991 г. учредителями газеты стали Кемеровская областная партийная организация и трудовой коллектив редакции, а с 1994 г. Администрация Кемеровской области и журналистский коллектив редакции. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Печатное издание затрагивает все стороны жизни, и, как отмечают историки, «за годы своего существования стало настоящим учебником по краеведению региона, активно освещает основные этапы его развития; газета является одним из значимых источников по истории Кузбасса, без которого невозможно вести ни одно исследование, касающееся развития исторических процессов в регионе» (И.Ю. Усков), «размещенные на страницах областного издания материалы отражают те стороны жизни региона, которые плохо отражены в архивных документах» (А.Б. Коновалов) [8].

«Кузбасс» – это печатное издание, где публикуются региональные законы. Газета информирует о происходящих событиях в области, стремится к диалогу с населением, на ее страницах обсуждаются общественно значимые проблемы в регионе. Система рубрик в газете разнообразна, их содержание достаточно полно освещает общественную жизнь Кузбасса.

Тематика содержания статей газеты «Кузбасс» и «Кузнецкий край», посвященных деятельности юридических сообществ Кемеровской области в 1990–2010 гг.

№	Тематика статей	«Кузбасс» 1990– 2010	«Кузнецкий край» 1990– 2008
1	Правовые консультации, разъяснения и комментарии законодательства:		
	адвокатов	292	29
	нотариусов	1	22
	ученых юристов	8	6
	студентов юридических факультетов	4	2
2	правозащитных объединений, осуществляющих защиту прав потребителей	29	6
	Обсуждение (оценка) проектов нормативно-правовых актов и законодательная инициатива:		
	адвокатов	–	–
	нотариусов	–	–
	ученых юристов	11	2
3	студентов юридических факультетов	1	–
	правозащитных объединений, осуществляющих защиту прав потребителей	1	–
	Об адвокатах	12	2
	О нотариусах	1	4
	Статьи представителей научного юридического сообщества (открытые письма, актуальные интервью, очерки, мнения, прогнозы ученых юристов)	19	4
6	О студентах юридических специальностей	3	3
7	О правозащитных общественных объединениях	28	10
8	Очерки, статьи, фельетоны юристов – штатных и внештатных корреспондентов газеты по правовым вопросам	8	8

Оппозиционное печатное издание «Кузнецкий край» в своем выпуске от 01.01.1997 г. № 1 в статье «Областной газете “Кузбасс” – 75 лет» пишет следующее: «Так повелось, что газета всегда была близка к власти. Очевидно, тут коренятся те черты, что отличают ранешний “орган обкома КПСС” и сегодняшнюю “областную массовую газету”, соучредитель которой областная администрация, от других печатных изданий – солидная умеренность комментариев, конструктивная критика, благородная консервативность стиля и взвешенность в оценках – власть, вещающая через рупор, должна быть олицетворением спокойной благосклонности к гражданам и априорно беспристрастным общественным арбитром».

Газета «Кузнецкий край» являлась областной общественно-политической газетой, издавалась ежедневно. Создана в 1950 г. как печатный орган Кемеровского областного комитета ВЛКСМ и до 1991 г. издавалась под названием «Комсомолец Кузбасса». Долгое время являлась ведущей молодежной газетой Кемеровской области, в 1994 г. была акционирована [9].

В годы перестройки издание поддерживало происходящие в стране перемены и отошло от «комсомольской» тематики. Оно становится ведущим областным печатным изданием Кузбасса, представляет собой диалоговую площадку основных политических сил общества.

При редакторе Е. Богданове (1994–2002 гг.) газета находилась в оппозиции к местной власти. Сам редактор называет «Кузнецкий край» «относительно независимой газетой (среди газет “Кузнецкий рабочий”, “Шахтерская правда”, “Наша газета”)» [10]. Так, например, в статье «Когда будет погашен долг по детским пособиям?» в газете от 03.01.1998 № 3 сообщается следующее: «Читатели привыкли к рубрике “Вопрос-ответ”, а в “Вопросе без ответа” (если эта рубрика приживется) мы будем рассказывать о тех должностных лицах, которые отказались предоставить газете и ее читателям социально значимую информацию».

Как отмечается в ряде интернет-источников, губернатор Аман Тулеев, сумевший «приручить» всю местную прессу, не мог долго терпеть критику «Кузнецкого края». В апреле 2002 г. в газете «Кузбасс» опубликовано короткое сообщение о том, что «по решению собрания акционеров 8 апреля 2002 главный редактор газеты, который “пытался раздуть политический скандал” был переизбран и снял с себя полномочия» [11]. После указанной даты «Кузнецкий край», просуществовавший до ноября 2008 г., перестает быть оппозиционным изданием.

Итак, период 1990-х гг. стал временем бурного роста рыночной экономики, приватизации, бизнеса, криминализации и вместе с тем становления юриспруденции на фоне общей юридической безграмотности постсоветского общества. Все это оказало значительное влияние на образ юриста в эти годы.

Профессия юриста стала ассоциироваться с предпринимательством и высокими заработками. Сами юристы, работавшие в 1990-е гг., говорят о себе следующее: «Общество нуждалось в квалифицированных юристах, они были востребованы и их уважали» (Кира

Гин, юридическая фирма «Гин и партнеры»); «для юристов 90-е были лучшими временами. Это было время возможностей и высочайшего спроса на специалистов... работу можно было быстро сменить на более оплачиваемую, а на должности юристов брали даже студентов с парой курсов образования... А еще в 90-е обычный юрист мог безо всякой ипотеки купить квартиру просто на накопления» (Дмитрий Ширяев, руководитель направления судебной практики АКГ «Уральский союз»), «заработок зависел от сложности спора, но в условиях чрезвычайной востребованности правовых услуг и громадного “потока” дел можно было существенно повышать стоимость» (Дмитрий Ястребов, канд. юрид. наук, главный научный консультант компании «Юридическая служба столицы») [12].

На страницах обеих исследуемых газет образ юриста (адвоката) в первое постсоветское десятилетие дополняется рядом статей, в которых он представлен как человек, который смог реализовать те права, которые не удалось реализовать никакому другому гражданину в области. Речь идет о выплате адвокату возмещения ущерба с государства за украденный у него автомобиль, в связи с тем, что правоохранительные органы не нашли преступника согласно закону о собственности. Эта ситуация породила обсуждение вопроса, «как юристу удалось получить деньги, если при наличии закона механизма взыскания ущерба до сих пор нет» [13], «из 18 поступивших исполнительных листов в министерство финансов не были выплачены деньги, так как законодателем не был разработан механизм исполнения закона, а в местном бюджете нет такой статьи» [14].

В 1995–1996 гг. вводятся в действие часть первая и вторая Гражданского кодекса РФ, в 1998 г. – первая часть Налогового кодекса РФ. Расцвет основ гражданского права сопровождается резким ростом беззакония и бандитизма.

Юристы в наши дни и юристы 1990-х гг. сильно отличаются. Сегодня сама правовая система выстроена таким образом, что юристам в основном приходится действовать в рамках правового поля, т.е. в соответствии с действующим законодательством. В 1990-х гг. законы работали менее эффективно. Это позволяло юристам на основе законодательства разрабатывать различного рода криминальные схемы.

Процессуальные методы разрешения гражданских, в том числе и коммерческих споров, все более уступали место криминальным. Юристы 1990-х гг. вспоминают: «Работать юристом и адвокатом в 90-е было крайне опасно. Те, кто принимал участие в конфронтациях, оказывался под ударом. Противоборствующие стороны давали взятки полиции – фальсифицировались уголовные дела, и юристы оказывались за решеткой на долгие годы. В худшем случае их убивали. В 2000-х годах произошла легализация бизнес-процессов – крупные корпорации начали платить налоги. Времена начали меняться» (Алексей Головченко, юридическая Компания «ЭНСО») [12]. «На юристов возлагали очень большие надежды даже при том, что выигрыш дела в суде не означал гарантию исполнения этого

судебного решения. Тогда же часто приходилось сталкиваться с угрозами в адрес себя и своих близких со стороны оппонентов. Иногда это заканчивалось печально» (Дмитрий Ястребов, канд. юрид. наук, главный научный консультант компании «Юридическая служба столицы») [12].

Конечно, связь с ворами и бандитами для обычных практикующих юристов, в том числе и адвокатов, не была нормой поведения юриста того времени. Однако такая связь ряда представителей адвокатуры в 1990-е гг. способствовала тому, что в 2000-е гг. адвокатскому сообществу пришлось отстаивать собственный статус и доказывать свою непричастность криминальной сфере. Так, в 2007 г. в г. Кемерово состоялась ежегодная конференция адвокатов Адвокатской палаты Кемеровской области. По итогам участниками конференции была принята резолюция с обращением к руководителям правоохранительных и судебных органов регионального и федерального уровня, главам законодательной и исполнительной власти области, в органы Федеральной регистрационной службы и Министерства юстиции о недопущении попыток вмешательства в профессиональную деятельность адвокатов и ущемлении их конституционных прав. Основная суть этой резолюции заключалась в том, что «в отношении адвокатов как граждан России допускаются действия, которые носят дискриминационный характер по профессиональному признаку, а адвокатура как институт в сфере юстиции фактически выдавливается из процесса участия в отправлении правосудия. Особую озабоченность у адвокатского сообщества вызывает беспрецедентная попытка правоохранительных органов рассматривать оказываемую адвокатом юридическую помощь лицу, подозреваемому в совершении преступлений, как соучастие в этом преступлении. Видимо по этой причине, в отличие от стороны обвинения, адвокаты подвергаются досмотру в СИЗО г. Кемерово. Именно такое противоестественное, чуждое профессии адвоката представление о его роли в судопроизводстве очевидно тормозит программу Президента РФ Путина по проведению судебной реформы в стран» [15].

Нередко в юридическом сообществе, например нотариусов, оказывались лица, не имеющие к нему никакого отношения. Начавшаяся приватизация и рост сделок с недвижимым имуществом способствовали появлению «псевдонотариусов». Этому также способствовали принятые в 1993 г. Основы законодательства РФ «О нотариате», когда Россия начала переход к частной нотариальной практике. Такие «нотариусы» готовы были за отдельную плату принять участие в аферах с недвижимостью. В этом плане примечательна статья «Остерегайтесь фальшивых нотариусов» в приложении «Фемида» газеты «Кузбасс» от 23.02.1996 № 36, в которой говорится, что «не все (нотариусы), к кому вы можете обратиться, располагают необходимыми полномочиями. Имеются случаи приема с нарушением на работу в государственный нотариат людей без юридического образования либо не сдавших квалификационный экзамен... сделки заверенные таким нотариусом

могут быть легко оспорены». Далее приводится подробная инструкция, как гражданам проверить полномочия нотариуса.

Такая репутация нотариусов в 1990-е гг. привела к недоверию им граждан в 2000-е гг. В результате, когда частные нотариусы работали в стране уже десять лет, по состоянию на 2003 г. в Кемеровской области из 96 нотариусов было лишь 6 государственных, а в областном центре – Кемерове – только один, заместителю начальника Главного управления Минюста по Кемеровской области Т. Кондуковой пришлось кузбассовцам разъяснять, что «частный нотариус – это не частный предприниматель», и «не доверять им могут лишь юридически неграмотные люди, вернее те, кто, условно говоря, “задержался” в эпохе социализма» [16].

Таким образом, в 1990–2010 гг. образ юриста ассоциировался не только с его участием в противодействии преступности и коррупции (о чем речь пойдет ниже), но и связями с преступным миром.

Условия, в которых юристам приходилось работать, были далеки от совершенства. Так, например, как рассказывает председатель президиума Кемеровской областной коллегии адвокатов, заслуженный юрист РСФСР И. Копылов, «сами юридические консультации хотя и имеют условия для работы, однако они далеки от совершенства. В 17-ти народных судах области нет элементарных условий, даже комнаты, где можно было бы изучить материалы дела, провести беседу с подозреваемым или доверителем» [17]. Для ознакомления с материалами дел юристам приходилось приносить свои принтеры, которыми пользовались также и сотрудники судов.

В условиях возросшей преступности, безденежности населения и правовой безграмотности «больше половины уголовных дел проводилось по назначению органов следствия и судов, то есть бесплатно» [18]. Вместе с тем, после того как адвокатура стала финансироваться из федерального бюджета, возникла проблема задолженности. В газете «Кузбасс» от 10.04.1997 № 66 отмечается: «За 1996 г. Кемеровское объединение юристов выполнило для государства бесплатных работ на 1 млрд 656 млн рублей. Бесплатных – потому что ни одно определение суда об оплате выполнено не было». А бастовать (в отличие от шахтеров и учителей) адвокаты не имели права по закону. Так, часто адвокатам приходилось выступать в роли коллектора, чтобы получить честно заработанные деньги, когда клиент отказывался платить или платить ему было не чем.

На страницах газет сообщество юристов представлено прежде всего как сообщество защитников граждан, правда, такой образ юристы создавали себе сами. Примерами могут служить следующие выдержки из статей: «...адвокаты работают с высокой результативностью, в истекшем году суды первой инстанции удовлетворили 70% ходатайств адвокатам по уголовным делам. Юридические консультации выполняют колоссальное поручение граждан. Оказание правовой помощи населению совершенствуется, режим приема граждан дает возможность получения помощи и в нерабочее время – после 18.00» [17]; «Благодаря адвокатам в Кузбассе удалось сохранить (от намеренного

банкротства) такие предприятия, как КМК и Запсиб... Это практический пример защиты интересов сотен людей, которых ждала судьба безработных» [19].

Само общество видело своего защитника таким: «Членство по всяким коллегиях, бюро и т.д. не является знаком качества данного юриста. Не следует обращать внимание на наименование адвокатского образования (международное, межрегиональное и т.д.). Главные различия между адвокатами – в профессионализме, нравственных качествах, порядочности. Активная работа адвоката, внимательное чтение документов – позитивный знак. Главная деятельность адвоката при защите интересов клиента в суде состоит в анализе доказательств, который должен привести суд к конкретному выводу. Речь грамотного адвоката проста, четка, понятна и самые сложные юридические термины он сумеет объяснить доступным языком. Хороший адвокат – это прежде всего честный адвокат. Если закон не в пользу обратившегося, адвокат обязан убедить гражданина в несостоятельности его притязаний и отказаться от принятия дела к производству» [20].

Возрастание в 1990–2010 гг. участия профессиональных юридических общественных объединений в жизни общества и государства подтверждается тем, что в их деятельности существовали такие важные направления, как правовое просвещение и бесплатная юридическая помощь населению, общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов, а также противодействие резко возросшей преступности и коррупции.

В процессе реализации этих направлений юридические сообщества, как отмечает Н.С. Ельцов, «начинают оказывать влияние на правотворчество, социально-экономические процессы, политику, проводимую государством, тем самым отражают место и роль юристов в гражданском обществе» [21. С. 7–17]. Депутат Государственной думы Кузбасса С.И. Неверов в одном из номеров «Кузбасса» отмечает: «Общественные организации могут реально влиять на формирование законодательной базы страны. Мы давно ушли от противостояния и боевых действий с общественными организациями, независимо от политических пристрастий, потому что в свое время прислушались к призыву губернатора объединиться вокруг главного – обеспечить политическую стабильность в Кузбассе» [22].

Принятый в 1997 г. Устав Кемеровской области закрепил, что граждане имеют право на бесплатное предоставление им юридической помощи в случаях, когда это предусмотрено законом (ст. 17). Однако юридическое бюро, предметом деятельности которого является оказание гражданам государственной бесплатной юридической помощи, было создано в Кемеровской области лишь в 2022 г. Функцию правовой защиты граждан, в том числе оказание бесплатной юридической помощи, в 1990–2010 гг. приняли на себя профессиональные юридические общественные объединения.

В материалах исследуемых газет четко отслеживается преимущество статей, посвященных правовым консультациям, разъяснениям и комментариям законодательства представителей юридических сообществ.

Сегодня, в условиях доступа при помощи сети Интернет не только к действующей нормативной базе и актуальным правовым комментариям, но и к базам данных судебной практики, каждый гражданин способен оказать себе первую юридическую помощь. В 1990-е гг. информационный вакуум способствовал ценности юристов. Лучшими признавались те из них, кто быстрее добывал необходимую и актуальную информацию. У каждого юриста была коллекция нужных законов со вклеенными вырезками из «Российской газеты», а также папка, где заботливо хранились вырезки судебной практики из журналов «Бюллетень ВС» и «Вестник ВАС». «Приходилось черпать информацию и судебные прецеденты из печатных изданий. И много мог решить случай – увидел или не увидел нужную информацию» (Сергей Рюмин, управляющий партнер ООО «КАФ «Инвестаудиттраст») [12].

Быстро меняющееся законодательство приводит к необходимости создания справочно-правовых систем и дает старт таким проектам, как «Гарант» (1990 г.), «Кодекс» (1991 г.), «КонсультантПлюс» (1992 г.). Вместе с тем продукты этих компаний долгое время оставались недоступны широкой аудитории юристов, отсутствовала возможность их дистанционного обновления. Так, только в 1997 г. открыт сайт «КонсультантПлюс», оснащенный правовой базой [23], в 1999 г. компания «Гарант» запатентовала ряд технологических решений для создания СПС: систему хранения и поиска данных, поиск документов по ситуации и поиск версии документа [24], а компания «Кодекс» выпустила профессиональные юридические системы, включающие материалы судебной и арбитражной практики (ранее продукты компании были более ориентированы на бухгалтеров) [25]. В Кемеровской области в газете «Кузнецкий край» от 20.12.2001 № 147 появилась реклама о продаже продукта «КонсультантПлюс». Это свидетельствует о начале доступа профессиональных юристов и граждан к справочно-правовым системам. Вместе с тем на страницах исследуемых газет после указанной даты снижения количества опубликованных правовых консультаций представителей профессиональных юридических общественных объединений не отмечается.

В газете «Кузнецкий край» от 27.06.2000 № 71 представлена публикация «Скорая юридическая помощь. Бесплатно», в которой речь идет о создании «Центральной справочной службы» в г. Кемерово при областной научной библиотеке им. В. Федорова и областной юношеской библиотеке. Указами президента Б.Н. Ельцина о создании таких центров на базе Федерального агентства правительственной связи и информации, целью которых было сделать доступной для граждан информацию о решениях правительства, не суждено было сбыться, и служба была создана на средства полученных библиотеками грантов фонда Сороса. В этом в первом центре в Сибири можно было воспользоваться одновременно электронными базами данных ФАПСИ (а это собрание всего российского законодательства, нормативных актов всех министерств и ведомств, всех федеральных органов исполнительной власти, бюллетень Верховного Суда и правовых актов

Высшего арбитражного суда, областного Совета народных депутатов), правовой системы «КонсультантПлюс».

Итак, в условиях часто меняющегося законодательства, отсутствия его системности, такой серьезной проблемы общества, как правовая безграмотность, особую актуальность приобретают консультации, разъяснения и комментарии законодательства, предоставляемые бесплатно представителями профессиональных юридических сообществ.

Эти консультации ведутся в очном и заочном формате. Адвокаты, например, в очном формате проводят их не только в юридических консультациях, но и еженедельно непосредственно в редакции газеты «Кузбасс», о чем появляется соответствующее объявление в номерах газеты от 24.11.2000 № 222, от 29.12.2000 № 245. Заочные (письменные) консультации представителей юридических общественных объединений представлены в таких рубриках газеты «Кузбасс» как «Консультация специалиста», «Комментарии юриста», «Правовая неотложка», «Семейный адвокат», и таких рубриках газеты «Кузнецкий край», как «Юридическая консультация», «Вопрос-ответ», а также в отдельных статьях. С 1995 г. издается газета «Фемида» в газете «Кузбасс», ставшая областной массовой юридической газетой, а в 1999 г. в газете «Кузбасс» появляется бесплатное приложение «Ваше право», заявляющее себя как информационно-потребительская газета для потребителей и предпринимателей. Консультации ориентированы на самый широкий круг читателей, встретить их можно даже в газете «Сад и огород» при газете «Кузбасс» в разделе «Юридический ликбез».

Консультации, разъяснения и комментарии юристов в печатных изданиях представлены в следующих формах:

1. Самостоятельный выбор темы представителями профессиональных юридических общественных объединений. Выбор темы, как правило, обусловлен текущими изменениями законодательства и возникающими в связи с этим проблемными правовыми вопросами.

Например: после принятия Закона «О собственности в СССР» 1990 г. (действовал до ноября 1994 г.), Закона «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» 1991 г. актуальными становятся вопросы приватизации жилых помещений.

Начальник Управления по делам имущества Кемеровской области А. Стенько (юрист по профессии) в статье «Одиноким управленец по профессии юрист» газеты «Комсомолец Кузбасса» от 19.03.1991 № 32 отмечает: «В вопросах приватизации много юридических тонкостей. Приватизация не идет полным ходом, так как никто толком не знает, что и как делать, нет нормативной базы. Но несмотря на отсутствие специального закона, приватизация идет».

В условиях отсутствия на первом этапе приватизации выработанной нормативной базы представители профессиональных юридических общественных объединений воздерживаются от правовых консультаций, ограничиваясь только комментариями в вопросах приватизации (см.: газета «Кузбасс»: Недвижимость – это

стабильность и уверенность» от 19.10.1994 № 215, «Нулевой вариант российской приватизации» от 03.08.2000 № 143). Правовые консультации представлены в основном в 2000-е гг. (см: газета «Кузбасс»: «Не уплыла бы квартира» от 13.01.2003 № 209, «Можно ли квартиру расприватизировать» от 01.07.2004 № 143, «Чего нужно опасаться при покупке жилья?» от 04.03.2004 № 40; газета «Кузнецкий край»: «Приватизация жилья» 05.02.1998 № 13, «Приватизация жилья» от 27.02.2001 № 23).

С 01.03.2002 вводится в действие часть третья Гражданского кодекса РФ, регулирующая вопросы наследования. Это активизирует консультационную деятельность нотариусов на страницах газет, среди которой можно отметить следующие публикации в «Кузнецком крае»: «Приобретение наследства» от 16.03.2002 № 28, «Отказ от наследства» от 31.03.2002 № 31.

С введением в действие с 01.03.2005 нового Жилищного кодекса РФ появляются консультации, касающиеся применения предусмотренных им положений, например: «Кому жилье бесплатно?» в газете «Кузбасс» от 03.02.2005 № 18, «Общее имущество в многоквартирном доме» в газете «Кузнецкий край» от 07.06.2007 № 23.

2. Ответы юристов на правовые вопросы, поступившие в редакцию газеты от читателей.

Обе газеты содержат рубрику «Вопрос-ответ». В отличие от газеты «Кузбасс», где эта рубрика ведется в составе вышеупомянутого приложения «Ваше право», ориентированного на права потребителей, и где представлены ответы на вопросы по соответствующей тематике, в рубрике «Вопрос-ответ» газеты «Кузнецкий край» даются ответы на вопросы граждан по всем отраслям права. Например: «Приватизация жилья» от 27.02.2001 № 23, «Собственность и развод» от 03.04.2001 № 37, «Удостоверение личности» от 05.06.2001 № 63, «Продажа квартиры по доверенности» от 30.06.2001 № 73, «Об увольнении и командировках» от 24.07.2001 № 83, «Трудовая книжка» от 17.11.2001 № 133, «Брачный контракт – защита от развода со скандалом?» от 21.11.2002 № 130, «Подарить или завещать?» от 27.07.2002 № 81 и др.

Большинство консультаций, разъяснений и комментариев законодательства в газетах принадлежит адвокатам. При этом надо отметить особую заслугу в этом деле адвоката В.Н. Дубского, который в газете «Кузбасс» только в исследуемый период консультировал жителей Кузбасса еженедельно по самым различным и в то же время актуальным правовым вопросам на протяжении семи лет, начиная с февраля 2003 г.

Правовое просвещение юристов на страницах газет имеют особую значимость для населения региона в условиях его правовой безграмотности.

Как отмечается в статье «Беззащитность – от безграмотности» в газете «Кузбасс» от 20.08.2003 № 153, по данным, представленным аппаратом уполномоченного по правам человека и президента, адвокатской палаты Кемеровской области, «одна из причин безграмотности – катастрофическая нехватка адвокатов, особенно в маленьких городах – в Тисуле, Тяжинском, Чебуле. Проблемы с помещениями есть и в Кемерове».

В газетах приводится некоторая статистика численности адвокатов области: 1997 г. – около 500 адвокатов [18], в 2003 г. «в стране насчитывается 54 тыс. адвокатов, тогда как в одном Нью-Йорке их 286 тыс.» [19], а в 2007 г. «в России адвокатов уже много, не просто много, а очень...» [26].

Также в статье «Остерегайтесь фальшивых нотариусов» газеты «Кузбасс» (раздел «Фемида») от 23.02.1996 № 36 отмечается, что «сегодня, когда потребность граждан в оформлении сделок купли-продажи, дарения и т.д. возрастает лавинообразно, фигура нотариуса приобретает прямо-таки сакральный характер. Нотариусов и государственных и частных мало. За их услуги приходится платить большие деньги». В этих условиях бесплатные консультации нотариусов населению в виде ответов на конкретные вопросы, поступившие в редакцию газеты, имеют большое значение для граждан, особенно тех, кому их консультационные услуги не доступны.

Следует отметить, что такая бесплатная консультационная деятельность позволяла юристам не только повысить свой профессиональный статус, получив некую известность на страницах газет, но и оставалась источником заработка, так как предоставляемые консультации сопровождалась номерами телефонов адвокатских кабинетов и нотариальных контор, где граждане могли получить дополнительные консультации по интересующим их вопросам на платной основе.

Говоря о консультационной деятельности представителей профессиональных юридических общественных объединений, следует отметить ряд сюжетов, посвященных бесплатной правовой помощи, исходящей от общественной организации по защите прав потребителей «Союз потребителей Кузбасса» и объединения молодых юристов – студентов юридического факультета Кемеровского государственного университета.

Принятие в 1992 г. закона «О защите прав потребителей» способствовало резкому росту судебных дел данной категории и началу одноименного движения в стране. Появился большой спрос на юристов, занимавшихся этой отраслью. Почти во всех крупных городах области были созданы общественные организации по защите прав потребителей. Согласно данным, содержащимся в реестре некоммерческих организаций Министерства юстиции, на территории Кемеровской области в 1994–2010 гг. функционировала 21 организация осуществлявшая защиту прав потребителей, только две из них, как отмечалось выше, продолжают свою деятельность.

Созданный в 1993 г. в рамках этого движения Союз потребителей Кузбасса организовал активную консультационную деятельность на страницах исследованных газет. В «Кузбассе» она велась в рамках просветительской акции газеты и Союза. Тематика предоставляемых консультаций касалась в основном защиты прав потребителей¹, но также в форме «Вопрос-ответ» читатели получали от адвокатов ответы и на другие волнующие их вопросы (например, касающиеся льгот ветеранов труда (от 11.02.2000 № 26), об основаниях лишения родительских прав (от 21.01.2000 № 11).

В 2004 г. деятельность Союза прекратилась в связи с его ликвидацией по решению суда.

Тематика, посвященная консультационной деятельности студентов юридического факультета КемГУ, представлена публикацией «Молодые юристы дают руку помощи» в газете «Кузнецкий край» от 30.10.1999 № 123, которая освещает события посвященные инициативе, приуроченной Дню памяти жертв репрессий, с которой выступили студенты. В г. Кемерово, на указанную дату числилось 3 927 пострадавших от политических репрессий. Студенты юрфака во главе с заведующей юридической консультацией Межрегиональной коллегии адвокатов два дня бесплатно консультировали жертв репрессий по вопросам реабилитации и обеспечения льготами.

В 2000 г. в г. Кемерово в стенах областной научной библиотеки им. В. Федорова был открыт «Публичный центр правовой информации». Открытие «юридической клиники» состоялось силами кузбасского центра «Инициатива» и Союза молодежи Кузбасса. Как отмечается в газете «Кузнецкий край», «суть ее – юридический ликбез населения, который проводят студенты старших курсов юридических факультетов под руководством опытных преподавателей... польза обоюдная – малоимущее население получает бесплатно первую юридическую помощь, а студенты – практику. Теперь старшекурсники начиная с четвертого курса будут по скользящему графику консультировать здесь постоянно. Строить правовое государство без доступной правовой информации невозможно» [27].

В Центре также осуществлялось бесплатное оказание юридических консультаций правозащитным организациям – ветеранов боевых действий, матерей детей-инвалидов и т.д. Общественные организации, как и коммерческие фирмы, не только проходили регистрацию в органах юстиции, но, зарегистрировавшись, вступали в различные правовые отношения, в которых без квалифицированной юридической защиты было не обойтись. Но в отличие от коммерческих, у общественных организаций чаще всего не было денег на такую защиту. «Первой на помощь общественным организациям пришла общественная организация – кузбасский центр “Инициатива”, учрежденный Союзом молодежи Кузбасса» [28].

В условиях, когда в исследуемый период многие общественные организации прекращали свою деятельность, не имея поддержки со стороны государства [29], вопрос оказания им бесплатной правовой помощи был особо актуальным.

Таким образом, правозащитные общественные организации осуществляли защиту определенных слоев населения, сами при этом получая правовую поддержку от профессиональных юридических общественных объединений в лице Союза молодежи Кузбасса и представителей адвокатуры.

Молодые юристы области, наравне с другими представителями юридических общественных объединений, не оставались в стороне от участия в обсуждении правовым сообществом наиболее значимых социальных вопросов.

Примером служит ряд статей в газете «Кузбасс», связанных с жилищным вопросом. Опубликованный в газете «Кузбасс» от 03.01.1990 № 2 проект Правил учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и предоставления жилых помещений в Кемеровской области, порождает его критику в профессиональном юридическом сообществе в связи с «создаваемой им бюрократической волокитой» [30]. А в номере от 05.05.1990 № 104 опубликовано открытое письмо социологической группы юридического факультета Кемеровского государственного университета к депутатам Кемеровского областного, городских и районных Советов народного созыва. В письме говорится, что группа на протяжении целого ряда лет занималась изучением жилищной проблемы в области и взволнованна тем, что очередь на жилье не сокращается, а растет, люди обитают в ветхих и аварийных домах, отмечает нарушение законности в жилищной сфере, «когда острая нехватка жилья у одних и наличие значительных излишков квадратных метров у других». Этот же номер газеты сопровождается статьей «Жилищные условия кузбассовцев», содержащей данные об уровне проделанной работы, связанной с переселением граждан в благоустроенное жилье. Открытое письмо студентов в короткие сроки порождает в этом же печатном издании ряд статей – ответов, посвященных жилищному вопросу: «Жилище – каким ему быть?» от 26.06.1990 № 144, от 28.06.1990 № 146.

Еще одним примером служит обсуждение такого актуального вопроса, как возросшая преступность в стране, который приобретает научную значимость и порождает законодательную инициативу. Эта тема становится предметом обсуждения всего правового сообщества, находя особый отклик в среде ученых-юристов и студентов юридических факультетов, что неизбежно отражается на страницах газет (см.: газета «Кузбасс»: «Слезы матерей» от 14.11.1991 № 226, «Президент объявил войну преступности, но преступный мир об этом не знает» от 09.10.1992 № 191, «Право на оружие и преступность: спасет ли первое от второго?» от 17.02.2000 № 30; газета «Кузнецкий край»: «Оглянись во гневе» от 28.06.2001 № 72).

В статье «Я был судьей» газеты «Кузнецкий край» от 24.11.2006 № 25 освещается деятельность юридического клуба, члены которого собираются по субботним вечерам в аудитории Кемеровского университета, превращая ее в зал судебных заседаний. Так на скамье подсудимого оказывается закон о разрешении ношения огнестрельного оружия гражданским лицам. Студенты, заняв роль защиты, судьи и обвинения, размышляют на тему, быть закону или нет. В клубе рассматриваются актуальные правовые вопросы, читаются доклады, студенты учатся отстаивать свои позиции.

Говоря о деятельности профессиональных юридических общественных объединений, представленных научным сообществом, нельзя не остановиться на их деятельности, связанной с обсуждением проектов нормативно-правовых актов, их правовой экспертизой и законодательной инициативой. Отдельной строкой в

исследуемых газетах выделяется участие ученых-юристов в обсуждении проекта Конституции Российской Федерации. Например, в газете «Кузбасс» в следующих: «Конституция – документ юридический» (Ю.А. Евтюхин) от 23.01.1990 № 15, «Конституция для возрождения России» (Ю.А. Евтюхин) от 16.11.1990 № 228, «Конституция на заданную тему» (Е.А. Евтюхин) от 24.04.1992 № 77, «Воздушный замок» (Ю. Качановский) от 09.09.1992 № 169, «Основной закон России»: с каких позиций и как его оценивать» (В. Бойцов) от 09.02.1994 № 251. Оценка проекту конституции дается, прежде всего, с точки зрения его перспектив во взаимоотношениях центра и регионов, в том числе Кемеровской области.

В рамках указанной деятельности научного юридического сообщества важным направлением также становится участие в разработке основного закона области – Устава. В целях информирования населения об этой деятельности кандидат юридических наук и научный руководитель по подготовке проекта устава Ю.А. Евтюхин посвящает ряд статей в газете «Кузбасс»: «Учесть специфику Кузбасса» от 09.10.1992 № 191, «Две власти: от противостояния к сотрудничеству» от 09.01.1993 № 5-6, «У Томской губернии есть конституция. А у Кузбасса будет свой устав» от 19.01.1993 № 7, «Крыть купола золотом? Или расширить права и свободы кузбассовцев?» от 19.04.1995 № 70 и в газете «Кузнецкий край»: «Устав провинции Кузбасс» от 04.03.1997 № 25.

Итак, в 1990–2010 гг. сотрудничество государства и общественных объединений только начинает налаживаться, переходит от стадии противостояния к диалогу, но вместе с тем оно ограничено отсутствием организационной и финансовой поддержки со стороны государства, низкой степенью влияния общественных объединений на осуществление государственной политики, а также установленными государством правилами регулирования деятельности этих объединений.

Анализ газетных статей показал, что в исследуемый период возрастает роль профессиональных юридических общественных объединений в жизни российского общества.

В условиях становления российского законодательства в первые два десятилетия после распада Советского Союза в деятельности профессиональных юридических общественных объединений Кемеровской области активно развиваются такие направления, как правовое просвещение, бесплатная юридическая помощь населению, общественная экспертиза проектов нормативно-правовых актов, противодействие преступности и коррупции.

Социально ориентированная деятельность этих объединений в условиях не реализуемого со стороны государства предусмотренного Уставом права кузбассовцев на бесплатное получение помощи в случаях, предусмотренных законом, приобретает особую значимость для населения и ведет к росту востребованности профессии юриста в структуре гражданского общества.

Примечание

1 См.: в газете «Кузбасс»: «Лучше поздно, чем никогда» от 20.03.1991 № 55, «Права, которые мы не знаем» от 22.12.1992 № 246, «Общество – ваш адвокат» от 22.04.1995 № 73, «Торгует по новому» от 25.04.1998 № 77, «Ваше право» от 08.10.1999 № 191, «Ваше право» 14.01.2000 № 6 и др.; в газете «Кузнецкий край»: «Мы дойдем до суда» от 29.06.1993 № 73, «Защитим права через суд» от 15.03.1994 № 30, «Рекламные мифы посуды Цептр» от 14.03.1996 № 29 и др.

Список источников

1. История государства и права России : учебник / Под ред. Ю.П. Титова. М. : Проспект, 2001.
2. Кочкаров Р.М. Юридическое образование в контексте реформ // Alma mater. Вестник высшей школы. 2013. № 10.
3. Чашин А.Н. Профессиональная карьера юриста. М. : Дело и Сервис, 2009.
4. Топорин Б.Н. Высшее юридическое образование в России: проблемы развития. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996.
5. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2012 г. (по результатам выборочного обследования организаций) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/2013/potrorg/potr12.htm (дата обращения: 12.08.2024).
6. Попова И.П. Невостребованная «Востребованная профессия» в карьерах выпускников-юристов // Высшее образование в России. 2014. Вып. 1. С. 45–54.
7. Ельцов Н.С. Профессиональные юридические общественные объединения: понятие, признаки, виды // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 39–43.
8. Сто лет вместе с «Кузбассом» // Газета «Кузбасс». 11.01.2022. URL: <https://kuzbass85.ru/2022/01/11/sto-let-vmeste-s-kuzbassom> (дата обращения: 12.08.2024).
9. Новое время: всё о прессе и журналистике // Газета «Кузнецкий край». URL: <http://gazeta-nv.su/gz/?id=154> (дата обращения: 12.08.2024).
10. Богданов Е. Общество-пресса-власть: взаимодействие или противодействие // Кузнецкий край. 1998. 12 мая. № 51.
11. По решению собрания акционеров // Кузбасс. 2002. 9 апр. № 62.
12. Журнал «Юрист компании» // Мы – юристы из 1990-х. URL: <https://www.law.ru/article/22611-my-yuristy-iz-90-h> (дата обращения: 12.08.2024).
13. А счастье было так возможно // Кузнецкий край. 1994. 18 авг. № 93.
14. Иск адвоката – исключение из правил // Кузбасс. 1994. 19 авг. № 172.
15. Адвокаты о своих правах // Кузнецкий край. 2007. 8 авг. № 6.
16. Доверимся частному нотариусу? // Кузнецкий край. 2003. 20 марта. № 30.
17. Права не «качают», правами пользуются // Кузбасс. 1991. 17 мая. № 98.
18. Сегодня – День адвокатуры. Слово о защите // Кузбасс. 1997. 19 нояб. № 213.
19. Адвокат – это звучит творчески! // Кузбасс. 2003. 5 дек. № 225.
20. Николаева Н. Адвокат: личность, знания, опыт // Кузнецкий край. 2007. 15 фев. № 7.
21. Ельцов Н.С. Профессиональные юридические общественные объединения в структуре гражданского общества // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 7–17.
22. Неверов С.И. Законы должны быть народными // Кузбасс. 2003. 22 июля. № 129.

23. История компании «КонсультантПлюс» // «КонсультантПлюс» : информационно-правовое обеспечение. 2024. URL: <https://www.consultant.ru/about/company/history> (дата обращения 12.08.2024).
24. История компании «Гарант» // «Гарант» : информационно-правовое обеспечение. 2024. URL: <https://www.garant.ru/company/about/history/> (дата обращения: 12.08.2024).
25. История компании «Кодекс» // «Кодекс» : информационно-правовое обеспечение. 2024. URL: <https://kodeks.ru/about/history> (дата обращения: 05.08.2024).
26. Адвокат: личность, знания, опыт // Кузнецкий край. 1997. 15 февраля. № 7.
27. Скорая юридическая помощь. Бесплатно // Кузнецкий край. 2000. 27 июня. № 71.
28. Юридическая клиника для НКО // Кузнецкий край. 2000. 12 сентября. № 100.
29. Защити, юрист! // Кузнецкий край. 1998. 15 октября. № 117.
30. Иванин В. Находить возможности // Кузбасс. 1990. 12 мая. № 110.

References

1. Titov, Yu.P. (ed.) (2001) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of State and Law in Russia]. Moscow: Prospekt.
2. Kochkarov, R.M. (2013) *Yuridicheskoe obrazovanie v kontekste reform* [Legal Education in the Context of Reforms]. *Alma mater. Vestnik vysshey shkoly*. 10.
3. Chashin, A.N. (2009) *Professional'naya kar'era yurista* [Professional Career of a Lawyer]. Moscow: Delo i Servis.
4. Toporin, B.N. (1996) *Vysshee yuridicheskoe obrazovanie v Rossii: problemy razvitiya* [Higher Legal Education in Russia: Development Issues]. Moscow: ISL RAS.
5. Rosstat. (2012) *O chislennosti i potrebnosti organizatsiy v rabotnikakh po professional'nyim gruppam* [On the Number and Needs of Organizations for Employees by Professional Groups]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/2013/potrorg/potr12.htm (Accessed: 12.08.2024).
6. Popova, I.P. (2014) *Nevostrebannaya "Vostrebannaya professiya" v kar'erakh vypusnikov-yuristov* [The Unclaimed "In-Demand Profession" in Law Graduates' Careers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 1. pp. 45–54.
7. El'tsov, N.S. (2015) *Professional'nye yuridicheskie obshchestvennye ob'edineniya* [Professional Legal Associations]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 3 (41). pp. 39–43.
8. Kuzbass. (2022) *Sto let vmeste s "Kuzbassom"* [A Hundred Years Together with "Kuzbass"]. 11.01.2022. [Online] Available from: <https://kuzbass85.ru/2022/01/11/sto-let-vmeste-s-kuzbassom> (Accessed: 12.08.2024).
9. Kuznetskiy kray. (2024) *Novoe vremya: vsey o presse i zhurnalistike* [New Time: All About Press and Journalism]. [Online] Available from: <http://gazeta-nv.su/gz/?id=154> (Accessed: 12.08.2024).
10. Bogdanov, E. (1998) *Obshchestvo-pressa-vlast': vzaimodeystvie ili protivodeystvie* [Society-Press-Power: Interaction or Opposition]. *Kuznetskiy kray*. May 12. (51).
11. Kuzbass. (2022) *Po resheniyu sobraniya aktsionerov* [By Decision of Shareholders' Meeting]. April 9. (62).
12. Law.ru. (2024) *My – yuristy iz 1990-kh* [We Are Lawyers from the 1990s]. [Online] Available from: <https://www.law.ru/article/22611-my-yuristy-iz-90-h> (Accessed: 12.08.2024).
13. Kuznetskiy kray. (1994) *A schast'e bylo tak vozmozhno* [And Happiness Was So Possible]. August 18. (93).
14. Kuzbass. (1994) *Isk advokata – iskluchenie iz pravil* [Lawyer's Claim – Exception to the Rules]. August 19. (172).
15. Kuznetskiy kray. (2007) *Advokaty o svoikh pravakh* [Lawyers About Their Rights]. August 8. (6).
16. Kuznetskiy kray. (2003) *Doverimsya chastnomu notariusu?* [Shall We Trust a Private Notary?]. March 20. (30).
17. Kuzbass. (1991) *Prava ne "kachayut", pravami pol'zuyutsya* [They Don't "Pump Up" Rights, They Use Rights]. May 17. (98).
18. Kuzbass. (1997) *Segodnya – Den' advokatury. Slovo o zashchite* [Today is Lawyers' Day. A Word About Defense]. November 19. (213).
19. Kuzbass. (2003) *Advokat – eto zvuchit tvorcheskii!* [Lawyer – It Sounds Creative!]. December 5. (225).
20. Nikolaeva, N. (2007) *Advokat: lichnost', znaniya, opyt* [Lawyer: Personality, Knowledge, Experience]. *Kuznetskiy kray*. February 15. (7).
21. El'tsov, N.S. (2017) *Professional'nye yuridicheskie obshchestvennye ob'edineniya v strukture grazhdanskogo obshchestva* [Professional Legal Associations in Civil Society Structure]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*. 1 (1). pp. 7–17.
22. Neverov, S.I. (2003) *Zakony dolzhny byt' narodnymi* [Laws Should Be People's]. *Kuzbass*. July 22. (129).
23. ConsultantPlus. (2024) *Istoriya kompanii "Konsul'tantPlyus"* [History of "ConsultantPlus" Company]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/about/company/history> (Accessed: 12.08.2024).
24. Garant. (2024) *Istoriya kompanii "Garant"* [History of "Garant" Company]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/company/about/history/> (Accessed: 12.08.2024).
25. Kodeks. (2024) *Istoriya kompanii "Kodeks"* [History of "Kodeks" Company]. [Online] Available from: <https://kodeks.ru/about/history> (Accessed: 05.08.2024).
26. Kuznetskiy kray. (1997) *Advokat: lichnost', znaniya, opyt* [Lawyer: Personality, Knowledge, Experience]. February 15. (7).
27. Kuznetskiy kray. (2000) *Skoraya yuridicheskaya pomoshch'*. *Besplatno* [Emergency Legal Aid. Free]. June 27. (71).
28. Kuznetskiy kray. (2000) *Yuridicheskaya klinika dlya NKO* [Legal Clinic for NGOs]. September 12. (100).
29. Kuznetskiy kray. (1998) *Zashchiti, yurist!* [Defend, Lawyer!]. October 15. (117).
30. Ivanin, V. (1990) *Nakhodit' vozmozhnosti* [Finding Opportunities]. *Kuzbass*. May 12. (110).

Информация об авторе:

Болкунова Е.В. – соискатель Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: e.v.bolkunova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Bolkunova, external postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: e.v.bolkunova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024;
одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 16.08.2024;
approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/511/11

Подходы Генри Киссинджера к украинскому кризису 2014–2023 гг.

Демокрит Малхазович Заманпулов¹

¹ Институт Соединенных Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук, Москва, Россия, dz750@mail.ru

Аннотация. На материале статей Г. Киссинджера, выпущенных в период с 2014 по 2023 г., предпринята попытка систематизации его подходов в отношении украинского кризиса. Проведен анализ взглядов Г. Киссинджера на причины начала конфликта и возможные пути его урегулирования. Освещается концепция Украины как государства «моста» между Западом и Россией, предложенная Г. Киссинджером в 2014 г., и рассматривается эволюция его представлений о конфликте.

Ключевые слова: Г. Киссинджер, Россия, Украина, НАТО, конфликт, сдерживание, дипломатия, урегулирование

Для цитирования: Заманпулов Д.М. Подходы Генри Киссинджера к украинскому кризису 2014–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 112–117. doi: 10.17223/15617793/511/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/11

Henry Kissinger's approaches to the 2014–2023 Ukrainian crisis

Demokrit M. Zamanapulov¹

¹ Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, d.zamanapulov@iskran.ru

Abstract. Based on the material of articles and speeches by Henry Kissinger in the period from 2014 to 2023, the author makes an attempt to systematize his approaches and views on the Ukrainian crisis. After a brief introduction, the author proceeds to analyze Kissinger's views on the causes of the conflict and his vision of possible ways to resolve it. The article defines the concept of Ukraine as a "bridge" state between the West and Russia, proposed by Kissinger in 2014, and highlights the evolution of his views on the non-aligned status of Ukraine over the course of the conflict. The author notes that initially Kissinger maintained a moderate position towards the Ukrainian crisis. So he believed that Ukraine should not join NATO, but at the same time it should be able to form its government in accordance with the will of the Ukrainian people and join any economic unions, including the European Union. After the start of the Russian special military operation, he changed his views. An analysis of his article "How to Avoid a New World War" published in December 2022 in the British magazine *The Spectator*, allowed the author to come to the conclusion that Kissinger put forward a combined approach to the Ukrainian crisis. In particular, he proposed that Ukraine give up the territories occupied by Russian troops until February 24, 2022, in exchange for the possibility of joining NATO. At the same time, he urged the West not to seek to inflict a military defeat on Russia in Ukraine, as this could lead to the collapse of the entire international security system due to the inability to predict the consequences of this defeat inside Russia. Along with this, Kissinger, in his approach to the Ukrainian crisis, expressed concern about the rapid development of military technology as an additional trigger for disrupting global stability. The active use of high-tech means during the conflict in Ukraine (combat drones, hypersonic weapons), according to Kissinger, requires the creation of a separate narrative for negotiations. The author comes to the conclusion that the evolution of the views of Kissinger's reaction to the Ukrainian crisis is linked to the possibility of its expansion, which could potentially lead to a new world war, which requires considerable flexibility and willingness to conduct diplomatic negotiations at any stage of the conflict to avoid.

Keywords: Henry Kissinger, Russia, Ukraine, NATO, conflict, deterrence, diplomacy, settlement

For citation: Zamanapulov, D.M. (2025) Henry Kissinger's approaches to the 2014–2023 Ukrainian crisis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 112–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/11

Введение

Уход из жизни видного американского государственного деятеля, дипломата и учёного Г. Киссинджера поставил перед научным сообществом вопрос о необходимости подведения некоторых итогов его богатой и плодотворной экспертной деятельности в сфере

международных отношений. До конца своих дней доктор Г. Киссинджер бдительно следил за развитием внешнеполитических процессов и давал свои оценки касательно возможных путей преодоления противоречий, стоящих перед государствами.

Колоссальный практический опыт, полученный им на постах советника по национальной безопасности и

государственного секретаря в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда, позволял ему предлагать оригинальные модели решения как региональных, так и глобальных кризисов, что делало его желанным гостем в ключевых столицах мира, где к его мнению прислушивалось высшее политическое руководство.

Традиционно деятельность Г. Киссинджера в сфере международных отношений связывают с функционированием так называемого большого треугольника, который выражался в системе взаимоотношений между США, СССР и Китая в период холодной войны. После окончания глобального противостояния Востока и Запада Г. Киссинджер продолжил свои изыскания в данной области и оставил богатую теоретическую базу, охватывающую широкий круг вопросов как в американо-китайских отношениях, так и в отношениях между США и Россией. Если на китайском направлении американской внешней политики Г. Киссинджер выделял проблему Тайваня, то в отношениях с Москвой в данном качестве он безусловно видел противоречия между США и Россией касательно судьбы постсоветского пространства. С начала украинского конфликта в феврале 2014 г. в своих статьях в журналах и интервью на телевидении он высказывался касательно Украины и предлагал ряд вариантов урегулирования данного кризиса. В этой связи цель настоящей статьи заключается в систематизации и анализе подходов Г. Киссинджера к украинскому конфликту в период 2014–2023 гг.

Следует сказать, что в долгой академической и дипломатической карьере Г. Киссинджера одно из ключевых мест занимала Россия, поскольку проблемам сдерживания сначала СССР, а затем и России было посвящено значительное количество его книг и статей, а затем и большая часть его времени в качестве советника по национальной безопасности и госсекретаря.

Внешнеполитическая история России была темой, к которой Г. Киссинджер постоянно возвращался, что являлось объективным фактором значимости её роли в мировых делах. Будучи студентом Гарвардского университета, Г. Киссинджер, вернувшийся с полей Второй мировой войны, сконцентрировал свое внимание на изучении проблем построения системы безопасности, которая смогла бы предотвратить большую войну в Европе между великими державами. В этой связи его восхищение вызвала концепция «Европейского концерта», разработанная К. Меттернихом, Р. Кэслри и российским императором Александром I во время Венского конгресса, который положил конец эпохе наполеоновских войн. Не случайно его докторская диссертация «Восстановленный мир: Меттерних, Кэслри и проблемы мирного периода 1812–1822 годов» [1] была посвящена процессу создания баланса сил в Европе, позволившему учитывать общие интересы сторон и выработать механизм равновесия в отношениях между центрами силы в Европе. Позднее в своей книге «Дипломатия» Г. Киссинджер указал, что архитекторам «Европейского концерта» удалось достигнуть цели, которую они перед собой ставили: «в Европе наступил самый продолжительный период мира за всю её историю» [2. С. 67].

Говоря о месте России в системе баланса сил, Г. Киссинджер отмечал, что со времен Венского конгресса «Россия стала играть уникальную роль в международных делах: будучи частью системы баланса сил в Европе и Азии, она вносила свой вклад в обеспечение равновесия и порядка. Будучи наиболее сильной военной державой на континенте, Россия «сумела не допустить установления в Европе единоличного господства какой-то одной страны, выстояв против Карла XII Шведского, Наполеона и Гитлера, тогда как ключевые континентальные элементы баланса сил оказались поверженными» [3. С. 74]. Тем самым Г. Киссинджер подчеркивал особое положение России и видел её внешнюю политику через призму особого ритма, неизменного на протяжении столетий. Россия в системе взглядов Г. Киссинджера выступает в качестве силы, способной обуздать амбиции доминирующей европейской державы либо группы стран. Уже в силу этого к её мнению необходимо прислушиваться.

Нужно сказать, что несмотря на этот уважительный подход к мнению Москвы, Г. Киссинджер всегда рассматривал СССР, а затем и Россию как силу, которую необходимо сдерживать, чем он и занимался в своё время на ключевых постах американского внешнеполитического механизма.

Распад Советского Союза поставил перед Соединёнными Штатами новую геополитическую реальность. Несмотря на кризисы безопасности, имевшие место в период холодной войны, СССР неизменно показывал себя в качестве ответственного партнёра в области нераспространения оружия массового поражения и стратегической стабильности. Утеря контроля со стороны Москвы над бывшими союзными республиками, на территории которых (Белорусия, Украина, Казахстан) были размещены ядерное оружие и современные средства его доставки, стало сложной проблемой для США. Как известно, в указанный период администрация Дж. Буша старшего предприняла усилия по возвращению советского ядерного арсенала в Россию. В этом контексте примечателен разговор, состоявшийся между Г. Киссинджером и первым министром обороны независимой Украины К.П. Морозовым. Так, когда бывший советник по национальной безопасности США узнал о том, что Украина собирается передать советское ядерное оружие Москве, он риторически спросил К.П. Морозова: «И какая же тогда у вас независимость?» [4. С. 373].

Эти слова Г. Киссинджера, демонстрируют его приверженность концепции *realpolitik*, основанной на ведении внешней политики посредством манипулирования и скрупулёзного анализа силовых потенциалов государств. Примечательно, что этот метод в своё время был принесен в мировые дела его кумиром – создателем Германской империи О. фон Бисмарком. Как отмечает отечественный исследователь Е.Я. Додин, на протяжении всей своей карьеры идеология Г. Киссинджера основывалась на фундаменте политической доктрины реализма [5. С. 180], сущность которой выражалась в приоритете национальных интересов над иными соображениями в вопросе проведения внешней политики. Представляется, что именно в этом ракурсе следует рассматривать взгляды Г. Киссинджера к украинскому кризису.

Позиция Г. Киссинджера по украинскому конфликту в 2014 г.

События февраля 2014 г. на Украине стали информационным поводом, о котором поспешили высказаться все видные представители интеллектуального истеблишмента на Западе. Не стал исключением и Г. Киссинджер, который в марте 2014 г. по этому поводу написал статью для «Вашингтон пост» [6]. В ней он выдвинул концепцию «моста», которая заключалась в том, что если «Украина хочет выжить и процветать, она не должна быть форпостом одной из сторон (Запад vs Россия. – Д.З.) – она должна функционировать как мост между ними» [6]. Далее Г. Киссинджер отмечает: для того чтобы украинский кризис был урегулирован, Запад должен понять, что Украина не может быть для России просто чужой страной, так как «Украина была частью России на протяжении веков, и до этого их истории были переплетены. Некоторые из важнейших сражений за свободу России, начиная с Полтавской битвы 1709 г., произошли на украинской земле. Черноморский флот – средство проецирования силы России в Средиземноморье – базируется на условиях долгосрочной аренды в Севастополе, в Крыму. Даже такие знаменитые диссиденты, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина является неотъемлемой частью российской истории и, по сути, России» [6].

В свою очередь Россия, по мнению Г. Киссинджера, должна прийти к выводу, что положение Украины как безоговорочного сателлита Москвы невозможно в силу объективных причин развития украинского общества, которое имеет высокий запрос на западные стандарты жизни.

В целом в данной статье Г. Киссинджер демонстрирует прагматичный подход к украинской проблематике. Он подвергает критике медлительный бюрократический аппарат Европейского союза, угонувшего, по его словам, в бесконечных внутренних разногласиях, что привело к неспособности разработки жизнеспособного плана интеграции Украины [6]. Вместе с тем Г. Киссинджер осудил высшее политическое руководство Украины, которое в силу малого практического опыта продемонстрировало некомпетентность в вопросе решения внутренних разногласий [6]. Г. Киссинджер отмечал, что «Украина была независимой всего 23 года; ранее с XIV в. она находилась под иностранным правлением. Неудивительно, что ее лидеры не научились искусству компромисса, а тем более исторической перспективе. Политика Украины после обретения независимости ясно демонстрирует, что корень проблемы лежит в попытках украинских политиков навязать свою волю непокорным частям страны, сначала одной фракцией, затем другой» [6].

Наряду с этим Г. Киссинджер указывал следующее: российское руководство должно понимать, что каковы бы не были его обиды, «политика военного навязывания своей воли Украине приведет к новой холодной войне». В этой связи Соединённым Штатам, по его мнению, необходимо избегать отношения к России как

к отклоняющемуся от нормы государству, которое следует терпеливо обучать правилам поведения, установленным Вашингтоном, и выбрать путь переговоров с учетом интересов сторон. Г. Киссинджер видел в российском президенте В.В. Путине «серьезного страста», который действует в соответствии с историческими интересами России, понимание которых не является сильной стороной американских политиков [6].

В своей статье для «Вашингтон пост» Г. Киссинджер предлагает следующие варианты решения украинского кризиса:

1. Украина должна иметь право свободно вступать в экономические и политические ассоциации, в том числе с Европой.

2. Украина не должна вступать в НАТО.

3. Украина должна иметь право формировать любое правительство, выбранное её народом. На международном уровне украинские лидеры должны занимать позицию, сопоставимую с позицией Финляндии. Это государство не оставляет сомнений в своей независимости и сотрудничает с Западом во многих областях, но тщательно избегает враждебности по отношению к России.

4. Присоединение Крыма Россией несовместимо с правилами существующего мирового порядка. Но должна быть возможность поставить отношения Крыма с Украиной на менее напряженную основу. С этой целью Россия должна признать суверенитет Украины над Крымом. Украина должна укрепить автономии Крыма на выборах, которые пройдут в присутствии международных наблюдателей. Этот процесс будет включать в себя устранение любых неясностей относительно статуса российского Черноморского флота в Севастополе [6].

В заключении Г. Киссинджер отмечает, что не все из вышеперечисленных принципов будут приемлемы для всех сторон. Однако если некое решение, основанное на этих или сопоставимых подходах, не будет достигнуто, дрейф к конфронтации ускорится [6].

Как известно, в мае 2014 г. Киев предпринял провальную военную попытку решения проблемы Донбасса, что привело к дипломатическим переговорам, итогом которых стало заключение «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений» в сентябре 2014 г., который был дополнен в феврале 2015 г. В целом, комментируя эти события, Г. Киссинджер позитивно оценил мирные инициативы сторон. Серьёзным прогрессом в деле урегулирования кризиса стало принятие положений о прекращении огня, отвода тяжелых вооружений с линии соприкосновения, создание гуманитарных коридоров, обмен пленными и попытка создания мониторинговой группы со стороны ОБСЕ и Трёхсторонней контактной группы. Однако, как справедливо отмечает отечественный исследователь Э.Г. Соловьев, процесс имплементации «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений» «серьёзно забуксовал уже с момента их заключения» [7. С. 31]. При этом ни один пункт принятого соглашения не был выполнен в силу того, что политическое руководство Украины было настроено выиграть время и решить проблему Дон-

басса силовым путём. Этот подход получил дальнейшее развитие с приходом в Белый дом администрации Дж. Байдена, который в ходе многочисленных выступлений на тему украинского кризиса отмечал, что никаких уступок или послаблений «агрессивным действиями России» больше не будет, а защита «суверенитета и территориальной целостности Украины по-прежнему жизненно важна для Европы и США» [8].

Следствием подобной риторики стало беспрецедентное наращивание военного потенциала Украины, со стороны США и их союзников. Эта опасная динамика получила дополнительный импульс в декабре 2021 г. когда были отклонены предложения России к США и НАТО по гарантиям безопасности. Суть последних заключалась в требовании Москвы невступления в альянс Украины и Грузии и отказа США от ведения любой военной деятельности на территории Украины, Закавказья и Центральной Азии [9]. Данные требования вытекали из доктринальных документов России (Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина), были логичными и обоснованными в силу общей истории со странами региона и особых интересов Москвы на постсоветском пространстве, которые были общеизвестны и находили понимание в международном сообществе.

Эволюция взглядов Г. Киссинджера относительно украинского конфликта

Начало российской СВО на Украине стало следствием непонимания Западом законных потребностей России в сфере безопасности. При этом США и их союзники стали оказывать активную военную поддержку Киеву, что в перспективе могло привести к расширению конфликта. Г. Киссинджер отреагировал на эти тревожные процессы написанием обширной статьи для британского журнала «Спектатор» в декабре 2022 г. под недвусмысленным названием «Как избежать еще одной мировой войны» [10].

Анализируя ситуацию на Украине, Г. Киссинджер сравнил её с военно-политическими реалиями, имевшими место в период Первой мировой войны. Так, в статье он отмечал, что еще в 1916 г. оставались надежды путём посредничества Соединённых Штатов и дипломатических переговоров урегулировать конфликт и перейти к *status quo*. Однако «Вильсон, который хотел и был готов взять на себя посредническую роль, решил подождать до окончания президентских выборов в ноябре. К тому моменту британское наступление на Сомме и битва при Вердене унесли жизни еще двух миллионов человек» [10]. В результате «Первая мировая война продлилась еще два года и унесла еще миллионы жизней, безвозвратно уничтожив ранее сложившийся в Европе баланс. Германию и Россию раздирали революции. Австро-Венгерское государство исчезло с карты мира. Франция была обескровлена. Великобритания принесла в жертву значительную долю своего молодого поколения и экономической мощи, чтобы одержать победу. А карательный Версальский договор, положивший конец войне, оказался гораздо

более хрупким, чем та структура, которую он собой заменил» [10].

Таким образом, Г. Киссинджер видел в нежелании ведения дипломатических переговоров сторонами конфликта механизм, который привел к краху самой системы, из-за поддержания которой конфликт начался. Декламируя свою поддержку усилиям США и союзников по оказанию помощи Украине, Г. Киссинджер тем не менее замечает, что «приближается момент, когда нам необходимо будет опереться на стратегические изменения, которые уже случились, и интегрировать их в новую структуру, чтобы достичь мира путем переговоров» [10]. После этого исторического экскурса Г. Киссинджер, основываясь на новых возможностях украинских вооружённых сил, предложил, чтобы будущий мирный процесс связал Украину с НАТО в «чем бы это ни выразалось» [10]. Тем самым он отказался от своей прежней позиции, основанной на внеблоковом статусе Украины. Аргументируя этот новый поворот, Г. Киссинджер писал, что «вариант с нейтралитетом Киева больше не имеет смысла, особенно с учетом того, что Финляндия и Швеция уже вступили в состав альянса» [10]. Вместе с тем новая формула Г. Киссинджера предлагала, чтобы в обмен на уход российских войск с занятых после 24 февраля 2022 г. территорий Москва формально бы получила право контроля над Крымом, ЛНР и ДНР, статус которых должен был стать предметом дальнейших переговоров [10].

Определенный интерес вызывают предложения Г. Киссинджера о самоопределении спорных регионов. Так он отмечает, что «если не удастся вернуться к прежней разграничительной линии между Украиной и Россией путем боевых действий или переговоров, можно рассмотреть вариант с применением принципа самоопределения. На территориях, принадлежность которых вызывает наибольшие разногласия и которые на протяжении веков неоднократно переходили из рук в руки, можно провести референдумы о самоопределении под наблюдением международного сообщества» [10]. Последнее является не чем иным, как теоретическим обоснованием возможности распада Украины на ряд независимых государств, существование которых, судя по всему, является более предпочтительным для Г. Киссинджера вариантом, чем контроль России над этими территориями. Далее Г. Киссинджер вступает в полемику с представителями западного оборонного сообщества, которые считают, что главной целью украинского конфликта должно стать обескровливание России. В частности, он писал, что не согласен с данным подходом, поскольку Россия несмотря на свой «экспансионизм» в течении пяти столетий выступала в качестве стабилизирующего элемента системы равновесия сил [10]. Приращение исторической роли России, по мнению Г. Киссинджера, некорректно в силу наличия у нее ядерной триады. Стремление нанести поражение России на поле боя, в видении Г. Киссинджера, может привести к краху всей системы международной безопасности, поскольку политические последствия этого поражения внутри России и на её границах трудно прогнозируемы [10]. В этой связи Г. Киссин-

джер призывает мировых лидеров, участвующих в решении украинского кризиса, задуматься о последствиях этого конфликта и о «долгосрочной стратегии касательно зарождающихся высоких технологий и искусственного интеллекта» [10]. По его мнению, автоматизация систем вооружения может привести к ситуации, когда искусственный интеллект (ИИ) будет способен сам начать войну. В своей статье Г. Киссинджер задает вопрос «как лидеры могут осуществлять контроль, когда компьютеры предписывают стратегические инструкции в таких масштабах и манере, которые по своей сути ограничивают и ставят под угрозу человеческий вклад?» [10].

Следует сказать, что это «технологическое» отступление в статье Г. Киссинджера, посвященной украинскому кризису, не является случайным отвлечением мысли. Как известно, стороны конфликта активно используют на поле боя новейшие боевые платформы и системы вооружений, которые значительно трансформировали ведение войны. Вместе с тем украинский кризис стал первым, в ходе которого одна из сторон активно применяет гиперзвуковое оружие, наведение и перехват которого требуют активного участия ИИ. Последнее уже само по себе ставит перед системой международной безопасности новые вызовы и угрозы. Г. Киссинджер предупреждал, что «преодоление разрыва между передовыми технологиями и концепцией стратегий контроля над ними или даже понимание их полных последствий сегодня является такой же важной проблемой, как и изменение климата, и для этого требуются лидеры, владеющие как технологиями, так и историей» [10]. Таким образом, Г. Киссинджер настаивает на дипломатическом урегулировании

украинского кризиса, поскольку именно это способно выстроить новую структуру безопасности в Европе и избежать потенциального мирового конфликта.

Заключение

Подведя итог анализу подходов Г. Киссинджера к украинскому кризису, можно прийти к следующим выводам.

На первоначальном этапе конфликта Г. Киссинджер придерживался умеренного подхода, согласно которому Украина должна была быть связующим звеном между Европой и Россией, а не барьером между Западом и Востоком. Это должно было выражаться во внеблоковом статусе Украины в сфере безопасности и политике «открытых дверей» в экономических вопросах.

С началом российской СВО Г. Киссинджер перешел к комбинированному подходу, заключающемуся в необходимости, с одной стороны, сдерживания России, с другой – проявлении гибкости в отношениях с Москвой. Последнее было связано с осознанием того факта, что Украина вряд ли сможет вытеснить российские войска с занимаемых позиций. На этой стадии Г. Киссинджер отказался от концепции «моста» и призвал интегрировать оставшиеся под властью Киева территории Украины в НАТО. Соответственно, Соединённым Штатам, по его мнению, следует оказать давление на Киев, чтобы он сосредоточилась на защите и восстановлении более 80% территории Украины, которая все еще находится под его контролем. В долгосрочной перспективе Запад должен попытаться помочь Украине восстановить территориальную целостность – и этого результата, скорее всего, можно будет достичь за столом переговоров, чем на поле боя.

Список источников

1. Kissinger H. *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822*. Echo Point Books & Media, 2013. 376 p.
2. Киссинджер Г. *Дипломатия*. М.: Ладомир, 1997. 847 с.
3. Киссинджер Г. *Мировой порядок*. М.: АСТ, 2016. 512 с.
4. Плохий С. *Последняя империя. Падение Советского Союза*. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 624 с.
5. Додин Е.Я. Г. Смит. Шахматная доска истории Генри Киссинджера // *Вестник культурологии*. 2003. № 2 (25). С. 180–183.
6. Kissinger H. *How the Ukraine Crisis Ends* // Henry Kissinger's Website. URL: <https://www.henrykissinger.com/articles/how-the-ukraine-crisis-ends/> (дата обращения: 07.02.2024).
7. Соловьев Э.Г. Минские соглашения: на грани срыва // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 4 (53). С. 31–42.
8. Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference // The White House. February 19, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 07.02.2024).
9. Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности (проект) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.12.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1790818/ (дата обращения: 07.02.2024).
10. Kissinger H. *How to avoid another world war* // The Spectator. 17.12.2022. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-push-for-peace/> (дата обращения: 07.02.2024).

References

1. Kissinger, H. (2013) *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822*. Echo Point Books & Media.
2. Kissinger, H. (1997) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English. Moscow: Ladomir.
3. Kissinger, H. (2016) *Mirovoy poriyadok* [World Order]. Translated from English. Moscow: AST.
4. Plokhii, S. (2016) *Poslednyaya imperiya. Padenie Sovetskogo Soyuza* [The Last Empire: The Fall of the Soviet Union]. Moscow: AST: CORPUS. 624 p.
5. Dodin, E.Ya. (2003) G. Smit. Shakhmatnaya doska istorii Genri Kissindzhera [G. Smith. The Chessboard of Henry Kissinger's History]. *Vestnik kul'turologii*. 2/25. pp. 180–183.
6. Kissinger, H. (2024) *How the Ukraine Crisis Ends*. Henry Kissinger's Website. [Online] Available from: <https://www.henrykissinger.com/articles/how-the-ukraine-crisis-ends/> (Accessed: 07.02.2024).
7. Solov'ev, E.G. (2021) Minskie soglasheniya: na grani sryva [Minsk Agreements: On the Verge of Collapse]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 4/53. pp. 31–42.
8. The White House. (2021) *Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference*. February 19. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (Accessed: 07.02.2024).

9. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2021) *Dogovor mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Soedinennymi Shtatami Ameriki o garantiyakh bezopasnosti (proekt)* [Treaty Between the Russian Federation and the United States of America on Security Guarantees (Draft)]. December 17. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1790818/ (Accessed: 07.02.2024).
10. Kissinger, H. (2022) How to avoid another world war. *The Spectator*. December 17. [Online] Available from: <https://www.spectator.co.uk/article/the-push-for-peace/> (Accessed: 07.02.2024).

Информация об авторе:

Заманпулов Д.М. – старший научный сотрудник отдела военно-политических исследований Института Соединенных Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: dz750@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.M. Zamanapulov, senior research fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: d.zamanapulov@iskran.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 93/94.32.019.51:327.54“1948/1949”
doi: 10.17223/15617793/511/12

Североатлантический альянс: репрезентация образа в советской прессе 1948–1949 гг.

Марина Александровна Клинова¹

¹ Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, klinowa.m@yandex.ru

Аннотация. Предпринят анализ информационного образа НАТО в отечественной прессе 1948–1949 гг., выявлена его эволюция и специфика репрезентации, динамика количественной выраженности темы в печатных СМИ. Установлено, что тема НАТО чаще поднималась в центральной прессе, количество сюжетов возрастало. Образ НАТО представлял собой образ врага. Все негативные характеристики организации можно объединить в две группы: «агрессия» (направленность на войну, мировое господство и пр.); «нарушение» (нарушение предшествующих международных соглашений, устава ООН и пр.).

Ключевые слова: пресса, внешнеполитическая пропаганда, НАТО, образ врага, 1948–1949

Для цитирования: Клинова М.А. Североатлантический альянс: репрезентация образа в советской прессе 1948–1949 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 118–128. doi: 10.17223/15617793/511/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/12

The North Atlantic Treaty Organization: Representation of the image in the 1948–1949 Soviet press

Marina A. Klinova¹

¹ Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, klinowa.m@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the information image of NATO in the domestic press of 1948–1949, reveals its evolution and the specifics of representation, the dynamics of the quantitative expression of the topic in print media. The source basis of the research was the materials of the Soviet press of various levels. The central newspapers are *Pravda*, *Izvestia*, *Komsomolskaya Pravda* (Moscow), the regional edition is *East Siberian Pravda* (Irkutsk), *Krasny Sever* (Vologda), the newspaper of the USSR Air Force *Stalinsky Sokol* (Moscow), the newspaper of the Moscow military district *Red Warrior* (Moscow), the Magnitogorsk Metal factory newspaper (Magnitogorsk Iron and Steel Works named after I.V. Stalin, Magnitogorsk, Chelyabinsk Oblast). Statistical methods and content analysis were used in the analysis of press texts. It was revealed that the topic of NATO was more often raised in the central press – *Pravda*, *Izvestia*. The number of stories increased, reflecting both the process of increasing information about NATO and the increasing relevance of the topic. The number of reports published in the press about rallies and protests, and speeches by politicians increased. The texts of statements by leaders of foreign communist parties published in the press, speeches by citizens at rallies, responses from the foreign press – all this demonstrated broad international support for the USSR's position, emphasized its role as a defender of peace. The image of NATO, constructed in the Soviet press, was built on antitheses and contrasting oppositions, widely used in propaganda rhetoric. NATO represented the image of the enemy, and was created with the help of negative connotations. All negative characteristics of NATO can be grouped into two groups: "aggression" (focus on war, world domination, against the USSR, democratic countries, etc.) and "violation" (violation of previous international agreements, the UN Charter, the rights of citizens protesting for peace, etc.). In the domestic press, the connotations of the first group were "included" as early as 1948, appearing as indications of the US desire for world domination and statements about the aggressive, military orientation of the North Atlantic bloc. In 1949 the image of the "NATO aggressor" is preserved in the press, reinforced by comparisons with fascism, while at the same time the second legal aspect of the image is "turned on" – "NATO is a violator". Legal aspects come to the fore in the official statements of the USSR and are disseminated in the press. In fact, in 1949, the connotations "aggression" and "violation" became attributive characteristics of NATO in the Soviet press. It is important to note that the image of NATO was devoid of subjectivity and was viewed more as a tool to achieve the goals of the leading countries (primarily the United States), rather than as an independently operating organization. Therefore, clarifying the above-mentioned groups of NATO connotations, they can be defined as: "an instrument of aggression" and "the result of a violation".

Keywords: press, foreign policy propaganda, NATO, image of enemy, 1948–1949

For citation: Klinova, M.A. (2025) The North Atlantic Treaty Organization: Representation of the image in the 1948–1949 Soviet press. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 118–128. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/12

Введение

Во второй половине 1940-х гг. усиливается международная напряженность, углубляются советско-американские противоречия. СССР и США превратились в непримиримых противников, и ключевым моментом идеологической войны в обеих странах стало конструирование «образа врага».

Теоретические основы формирования внешнеполитических представлений населения получили рассмотрение в русле работ по исторической имагологии [1–3]. Реконструкция образа США, презентуемого в отечественной пропаганде, была предпринята в публикациях А.В. Фатеева, А.Д. Турусовой, И.Н. Лопаткина, Р.Р. Хисамутдиновой [4–6]. Отечественные исследователи обращались к изучению образа Североатлантического альянса. Его моделирование на материалах российской, французской и британской онлайн-публицистики предпринято в статье Е.П. Чернобровкиной и Е.Ю. Гуляевой [7]. Эволюция образа НАТО на материалах советских и российских карикатур изучена в работе Н.А. Кондрашовой [8]. Исследование образа НАТО на материалах газеты «Правда» конца 1940-х гг. предпринято в статье Е.А. Антюховой [9]. Она обозначила общие тенденции формирования представлений об организации у читателей газеты. В то же время в работе Е.А. Антюховой не ставилась задача количественного анализа публикаций, не изучалась эволюция образа НАТО, что актуализирует проблематику проводимого исследования.

В данной статье предпринята попытка изучения информационного образа Североатлантического блока в отечественной прессе 1948–1949 гг., выявлена его эволюция и специфика репрезентации, динамика количественной выраженности темы в печатных СМИ. Хронологические рамки исследования охватывают период с апреля 1948 г., когда в советской прессе фиксируется первое упоминание о Североатлантическом блоке, до конца апреля 1949 г.

Источники и методы исследования

Источниковую основу исследования составили материалы советской прессы различного уровня. Центральные газеты – «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» (г. Москва), областные издания – «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), «Красный север» (г. Вологда), а также газета Военно-воздушных сил СССР «Сталинский сокол» (г. Москва), газета Московского военного округа «Красный воин» (г. Москва), заводская газета «Магнитогорский металл» (Магнитогорский металлургический комбинат им. И.В. Сталина, г. Магнитогорск, Челябинская обл.).

При анализе текстов советской прессы использовались различные методы. Для количественного анализа публикаций, касающихся НАТО, применялись статистические методы. Использовался контент-анализ, позволяющий выявить частотность употребления лексем – характеристик образа НАТО в газетных сюжетах. Количественный анализ дополнялся качествен-

ным анализом текстов, что позволило учесть содержательный контекст употребления тех или иных лексем. Тематически выборка ограничивалась сюжетами СМИ, в которых была отражена проблематика НАТО.

Североатлантический блок в советской прессе: количественная и тематическая динамика сюжетов

Специфика материалов отечественной прессы о блоке НАТО была детерминирована не только политико-идеологической селекцией. На количество и качество информации влияли условия строгой секретности, в которых формировался Североатлантический союз, и общее ухудшение отношений СССР со странами Западной Европы, создающее препятствия для получения информации.

Материалы по теме могли быть представлены текстами различных видов и жанров: заметками о фактических событиях, публикациями, знакомящими читателей с материалами зарубежной печати, аналитическими статьями отечественных авторов, выступлениями советских и зарубежных политических лидеров, текстами резолюций и заявлений.

Большее внимание международным событиям уделялось в центральных СМИ «Правде», «Известиях». Областные газеты, комсомольская и заводская печать менее активно реагировали на детали внешнеполитической повестки, ограничиваясь освещением уже свершившихся событий, обобщающими международными обзорами.

Идея создания военного блока обсуждалась англо-американскими политическими элитами еще в середине 1940-х гг. [9. С. 6–7]. 12 марта 1948 г. госсекретарь Дж. Маршалл заявил, что США готовы немедленно приступить к обсуждению с европейскими странами создания Атлантической системы безопасности [10. С. 40]. Советская печать отреагировала кратким сообщением: «США намерены присоединиться к “Западному блоку”» [11. С. 4], где не говорилось об Атлантическом союзе. Первые упоминания о новом военном блоке можно датировать 7 апреля 1948 г., когда советские СМИ опубликовали заметки под заголовком «Газета “Жице Варшавы” об инициаторах создания северо-атлантического союза» [12. С. 4; 13. С. 4; 14. С. 4]. В текстах сообщались сведения, полученные лондонским корреспондентом польской газеты, о планах Великобритании и США создать военный союз, куда должен войти ряд европейских стран, включая страны Скандинавии. 25 апреля 1948 г. в «Правде» и «Известиях» снова были опубликованы сообщения со ссылкой на вышеозначенное польское издание, где уточнялось, что предполагается унификация армий, стандартизация вооружения, создание совместных опорных пунктов на побережье Атлантики [15. С. 4; 16. С. 4]. Летом 1948 г. пресса сообщала о принятии Сенатом США резолюции А. Ванденберга¹ [17. С. 4; 18. С. 3], проведении совещаний представителей «Западного блока» и США [19. С. 3; 20. С. 3; 21. С. 4; 22. С. 3].

В 1948 г. в советской прессе неоднократно поднимался вопрос о том, кто являлся инициатором или автором идеи создания Североатлантического блока. Высказывались различные точки зрения. В апреле 1948 г. «Правда» и «Известия», ссылаясь на информацию, опубликованную «Жице Варшавы», писали, что «инициаторами ... блока являются Бевин и Маршалл» [15. С. 4; 16. С. 4]. Означенное утверждение было не лишено логики, так как Государственный секретарь США и Министр иностранных дел Великобритании активно участвовали в подготовке Североатлантического блока. В августе 1948 г. «Известия» со ссылкой на материалы турецкой газеты «Тасвир» писали: «...по словам корреспондента, автором идеи этого союза... является заместитель руководителя американского национального военного колледжа генерал Лиман Лимницер» [23. С. 4], а в «Правде» в качестве автора идеи определялся «генерал Лиман» [24. С. 6]. По всей видимости, имелся ввиду Лайман Луи Лемницер. В 1948 г. он имел звание бригадного генерала и занимал должность заместителя коменданта Национального военного колледжа США. Он не являлся автором идеи Североатлантического союза, но, согласно опубликованной биографии, в 1948 г. «возглавлял делегацию США в Лондоне на заседаниях Военного комитета пяти держав Брюссельского пакта» [25. Р. 85].

В сентябре 1948 г. «Правда», ссылаясь на материалы газеты «Се суар», опубликовала статью, в которой указывалось, что автором-составителем проекта Атлантического союза является советник Маршалла Чарльз Болен [26. С. 4]. В тексте подчеркивалось, что его «влияние и полномочия... весьма велики. Болен... участвовал в Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях... Маршалл не может ничего предпринять без одобрения Болен, в то время как последний разрешает практические вопросы внешней политики без консультации с государственным секретарем... Маршалл все больше и больше передает руководство международными делами Болену» [26. С. 4]. Как и в случае с Лемницером, в данном утверждении были не-

которые неточности. В Тегеранской и Ялтинской конференциях Болен участвовал в качестве переводчика, в Потсдамской – в качестве сотрудника Госдепартамента США. Его влияние на Маршалла, вероятно, значительно преувеличено, как и его роль в проекте Атлантического союза, хотя Болен участвовал в подготовке договора о его создании [27. С. 89].

В целом летом–осенью 1948 г. в советской прессе фиксировалась достаточно общая (не всегда достоверная) информация, почерпнутая из материалов зарубежной прессы, о готовящемся союзе, его инициаторах, ведущихся секретных переговорах, предполагаемом перевооружении стран-участниц и пр. [23. С. 4; 28. С. 4; 29. С. 4]. Более конкретные данные появляются зимой 1948 г. В декабре 1948 – первой половине января 1949 г. внимание прессы было сосредоточено на двух аспектах, касающихся НАТО: встречах военных министров и дипломатов будущих стран-участниц [30. С. 4; 31. С. 4; 32. С. 4; 33. С. 3; 34. С. 4] и вопросах поставок американского оружия в Европу. Финансовая сторона проблемы получила детальное освещение. Сообщалось, что для поставок военных материалов странам НАТО США планирует выделить около 2 млрд долл. (это помимо запланированных в бюджете США на 1948–1949 гг. 14,268 млрд долл. на прямые военные расходы, 6,7 млрд долл. на международные военные дела, 2,5 млрд долл. на косвенные военные дела) [35. С. 4; 36. С. 4]. Последующая программа стандартизации вооружения стран Западного полушария оценивалась в 10 млрд долл. [37. С. 4].

В отечественной прессе 1948 г. количество материалов о НАТО было не существенным. В апреле–октябре 1948 г. тема затрагивалась в 7–9% выпусков центральных газет в месяц, в одном номере помещалось не более одной публикации. В ноябре–декабре 1948 г. фиксируется некоторое возрастание числа публикаций, отражающее как увеличение объема конкретной информации, так и усиление интереса к теме. О Североатлантическом блоке сообщалось в 10–15% номеров центральных газет (табл. 1). В 1948 г. в заводском издании «Магнитогорский металл» тема НАТО не рассматривалась.

Таблица 1

Количество публикаций в советской печати, касающихся Североатлантического блока (1948–1949 гг.)

Газета	1948 г.									1949 г.				Итого
	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	
«Правда»	2			3	2	1	2	2	3	22	53	74	83	247
«Известия»	2			2	1			5	5	13	37	67	52	184
«Сталинский сокол»	1				1		1	4	1	9	32	38	57	144
«Магнитогорский металл»											1		1	2
Итого	5			5	4	1	3	11	9	44	123	179	193	577

Таблица 2

Виды публикаций в советской печати, касающихся Североатлантического блока (1948–1949 гг.)*

Вид публикации	1948 г.									1949 г.				Итого
	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	
Сообщение, заметка	5			2	4	1	3	4	3	24	54	93	110	303
Аналитическая статья				2				1	6	5	14	11	24	63
Заявление, выступление, декларация				1				4		14	33	73	48	173
Отклики на заявление								2		1	22	2	11	38
Итого	5			5	4	1	3	11	9	44	123	179	193	577

* Составлено по материалам газет: «Правда», «Известия», «Сталинский сокол», «Магнитогорский металл».

В 1948 г. преобладающей в прессе информационной единицей являлось сообщение (как правило, небольшое), основанное на материалах зарубежных изданий и отражающее процесс секретных переговоров, ведущихся между странами (58% от общего количества публикаций 1948 г.) (см. табл. 2). Аналитические статьи на международные темы, где упоминался Североатлантический блок, составляли 24%, отклики зарубежной печати и тексты заявлений политиков – 18% (в сумме) от общего количества публикаций 1948 г.

В 1949 г. тема Североатлантического альянса становится более популярной в отечественной печати. В первую очередь это обусловлено тем, что она выносятся в официальное информационное пространство. 14 января 1949 г. Госдепартамент США опубликовал официальное заявление «Строим мир. Коллективная безопасность в северо-атлантическом районе», где сообщалось о Североатлантическом пакте, создание которого было аргументировано необходимостью обеспечения «безопасности США» [38. С. 4]. Через несколько дней Г. Трумэн в своей речи на инаугурации отметил создание военного союза стран Северной Атлантики в качестве одной из четырех важнейших задач страны [39. С. 4].

Официальное анонсирование создания военного блока, не дружественного Советскому Союзу, приводит к более активному «включению» социально-политических, юридических, пропагандистских механизмов реагирования в СССР и других странах. Активизируется деятельность коммунистических партий в Европе, вспыхивают протесты и митинги граждан против НАТО, организуются антивоенные мероприятия (конференции, заседания, конгрессы) [40. С. 3; 41. С. 4; 42. С. 4; 43. С. 4; 44. С. 4]. Параллельно между будущими странами – участниками блока продолжались переговоры, обсуждались варианты взаимодействия, вопросы вооружения [31. С. 4; 33. С. 3; 45. С. 4]. СССР не был пассивным наблюдателем происходящего, активно противодействуя созданию военного блока пропагандистскими и дипломатическими методами по официальным и неофициальным каналам. В начале 1949 г. предпринимались попытки заключения Пакта Мира между СССР и США², МИД и Правительство СССР выступали с официальными заявлениями. Несмотря на это в марте 1949 г. США публикуют текст будущего договора, который тиражируется мировыми СМИ [46. С. 4], а 4 апреля 1949 г. Североатлантический договор был подписан [47. С. 4]. Все это формировало максимально событийно насыщенный информационный континуум, отраженный (конструируемый) советской прессой в 1949 г. В отличие от публикаций 1948 г., где в условиях дефицита конкретной информации обсуждались предполагаемые авторы и участники Североатлантического блока, в 1949 г. в прессе фиксировалось больше фактических данных, отражающих меняющуюся событийность.

Начиная с февраля 1949 г. тема Североатлантического альянса становится регулярной в отечественной центральной печати. Если в «Правде» в январе 1949 г. тема Североатлантического блока прямо или косвенно затрагивалась в 35% выпусков, то в феврале – в 89%, в

марте и апреле – в 93% выпусков газеты. Растет и число публикаций по теме в одном номере издания. В январе–феврале 1949 г. – одна–две в одном выпуске «Правды»; в марте–апреле 1949 г. – в среднем две (в некоторых номерах до семи публикаций в выпуске).

В 1949 г. корректируется соотношение видов и жанровых форм публикаций, посвященных Североатлантическому альянсу (см. табл. 2). Количество аналитических статей увеличивается, но их доля в общем объеме публикаций по теме по сравнению с 1948 г. снижается, составляя 10%. Значительно возрастает количество публикуемых сообщений-заметок. Они продолжают составлять более половины от общего количества публикаций по теме (52%). Тематика сообщений расширяется за счет освещения не только дипломатической событийности, но общественно-политической активности населения в странах Европы (конференции, съезды, митинги, протесты).

В 1949 г. значительно увеличивается количество публикуемых в прессе заявлений политических лидеров, руководителей зарубежных компартий, резолюций, выступлений на митингах и пр. (31% от общего количества публикаций в 1949 г.). Характерно, что официальные заявления госучреждений и политиков США, касающиеся Североатлантического альянса, не публиковались полностью, сжимаясь до небольшого сообщения-пересказа, в лучшем случае включающего небольшие цитаты [38. С. 4; 39. С. 4]. Тексты заявлений, резолюций, выступлений лидеров зарубежных коммунистических партий (М. Тореза, П. Тольятти и др.), поддерживающих точку зрения СССР по международной проблематике, часто помещались полностью в центральных советских газетах [48. С. 4; 49. С. 4]. Выступления на митингах советских граждан также публиковались в прессе. В частности, речи участников митинга в защиту мира, прошедшего 25 февраля 1949 г. в Ленинграде, где участвовали 10 тыс. чел., были опубликованы в «Правде», заняв почти 1,5 полосы газеты [50. С. 2–3].

На страницах печатных СМИ публиковались и тексты официальных выступлений советских политиков, документы МИД СССР, Правительства СССР. В них артикулировались ключевые моменты внешнеполитической позиции страны. В рамках периода апреля 1948 – апреля 1949 гг. можно отметить несколько таких документов, касающихся Североатлантического блока. Хронологически первым из них являлся доклад В.М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 года, где единожды упоминалось о создаваемом блоке [51. С. 4]. Следующие документы датируются уже 1949 г.: Заявление МИД СССР «О Северо-атлантическом пакте», опубликованное в «Правде» 29 января 1949 г. [52. С. 2–3], «Меморандум Правительства СССР о Северо-атлантическом договоре» (31 марта 1949 г.) [53. С. 2].

После опубликования текста официального документа (заявления) СССР, в прессе помещались «иностранные отклики», представляющие собой обзор зарубежной печати. Данные публикации составляют 7% от общего объема материалов 1949 г. В «откликах» детально анализировались материалы зарубежных СМИ

(заголовок статьи, шрифт, размещение, полнота изложения и пр.). Так, например, после публикации Меморандума правительства СССР в «откликах» фиксировалось: «на всю первую страницу полный текст», «на самом видном месте», «крупным шрифтом» и пр. [54. С. 4]. Давалась оценка публикации в координатах «одобрение–отрицание». Тексты иностранной прессы, одобряющие позицию СССР, презентовались более подробно. Содержание негативных «откликов» (как правило, печать США, Великобритании) не детализировалось, ограничиваясь общей формулировкой, например: «Редакционная печать пытается извратить существо советского меморандума и выступает с клеветническими утверждениями относительно политики Советского Союза» [54. С. 4].

В целом на протяжении исследуемого периода в советской прессе расширялась тематика публикаций, отражая рост фактической событийности, связанной с НАТО, увеличивалось количество материалов по теме. Меняется соотношение жанровых форм опубликованных материалов.

Образ Североатлантического блока: трактовки и коннотации

В контексте разворачивающейся холодной войны информация о секретных переговорах по созданию военного блока недружественных держав не могла не вызывать опасений СССР. Сам факт его формирования негативно трактовался в отечественном информационном континууме.

Образ Североатлантического альянса, транслируемый отечественной прессой в 1948–1949 гг., представлял собой образ врага, конструируемый посредством негативных коннотаций. Его детализация и яркость менялись в связи с увеличением объема информации, формированием официальной позиции СССР. Важно отметить, что образ Североатлантического союза был лишен субъектности и рассматривался скорее как инструмент достижения целей стран-лидеров (в первую очередь США), а не как организация, имеющая собственные цели, интересы и пр. Репрезентация данного образа реализовывалась в нескольких плоскостях: освещение его целей, характера, методов создания и последствий, а также выявление различных нарушений международных норм в процессе создания данного блока.

В первой публикации, появившейся в советской прессе в начале апреля 1948 г., содержались немногочисленные данные, отражающие фактическую сторону процесса создания союза. Выраженные негативные коннотации-характеристики блока отсутствовали. В качестве штриха, маркирующего не комплементарность происходящего по отношению к советской внешнеполитической линии, можно отметить замечание о методах привлечения в блок стран-участниц – проведении «антикоммунистической кампании». Указывалось, что английские и американские дипломатические представители, руководители разведок, а также пресса «получили задание любыми средствами – путем пропаганды, распространения ложных слухов – создать впечатление, будто Советский Союз угрожает

Скандинавии» [12. С. 4]. Популяризуемы европейской пропагандой тезис о советской угрозе Европе являлся одним из главных методов привлечения стран в антисоветский военный союз. Это неоднократно отмечала советская пресса [55. С. 4]. В качестве методов формирования Североатлантического блока в отечественной печати отмечались формы негативного воздействия США и Англии на другие страны: «запугивание несуществующей опасностью», «нажим политики доллара», «грубые средства давления» [52. С. 2–3].

Хотя создатели Североатлантического блока определяли его как «оборонительный союз», в отечественном информационном поле к означенному определению относились скептически, подчеркивая его направленность на разжигание войны. Уже в конце апреля 1948 г. в советской прессе появляются негативные коннотации Североатлантического союза, меры по созданию которого определяется как «дипломатические маневры Англии и Америки, направленные против упрочения мира» [15. С. 4]. Иностранные заявления об оборонительном характере НАТО сопровождалось в советской печати фразами «якобы», «как будто бы»: «В заявлении повторяются прежние утверждения авторов пакта о его якобы оборонительном характере» [56. С. 4], «авторы этого пакта фальшивыми фразами о мирных стремлениях... пытаются прикрыть явно агрессивный характер Североатлантического союза» [46. С. 4].

«Антимирная» характеристика Североатлантического блока, усиленная лексемой «агрессия», будет наиболее востребованной при описании целей союза не только в прессе [57. С. 4], но и в официальном советском дискурсе. В.М. Молотов в своем выступлении на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 г. отмечал: «Вся эта возня вокруг “западных союзов”, “атлантических союзов”, “средиземноморских блоков” и т.п. прикрывается оборонительными декларациями, могущими ввести в заблуждение лишь слишком наивных людей. На деле эти “союзы” и “блоки” преследуют цели подготовки новой агрессии и развязывания новых войн, в которых заинтересованы те или иные правящие группы» [51. С. 4]. В тексте данного выступления лексема «агрессия» употребляется 27 раз (10 из них касательно Англии и США), 7 раз употребляется сочетание «поджигатели войны».

Весомым аргументом, подтверждающим агрессивные цели НАТО, являлся отказ США от подписания Пакта Мира. С данным соглашением между Трумэном и Сталиным связывались надежды на дипломатический выход из холодной войны. После отрицательного ответа Трумэна [58. С. 4] на первой странице «Правды» была опубликована статья «Почему США отклонили предложение о Пакте Мира?». Где позиция США объяснялась несоответствием Пакта Мира внешнеполитическим планам данной страны: «Альфой и омегой этого плана является создание под американской эгидой агрессивных блоков, безостановочная гонка вооружений, возврат к старому антисоветскому курсу и осуществление пресловутой “стратегии”, направленной на изоляцию, на окружение СССР».

Пакту Мира правящие американские круги противопоставляют так называемый Северо-атлантический

пакт, который является концентрированным выраженной политики агрессии и международных авантур» [59. С. 1]. В публикациях светской прессы формировалась цепочка смыслов: за мир – против войны – против «поджигателей войны» – против США (империализма) – против Североатлантического блока. Часто данная цепочка сокращалась до призыва «За мир – против НАТО!». Так, например, в марте 1949 г. «Правда», сообщая о митинге, организованном норвежской секцией Международной федерации демократических женщин и союзом домохозяек Осло, цитировала обращение митингующих: «...мы будем продолжать борьбу против политики, которая ведет к войне, а сегодня в Норвегии это означает – вести борьбу против Атлантического пакта» [60. С. 6]. «Известия», сообщая о митингах в Канаде, цитировали надписи на плакатах: «Атлантический военный пакт – ваш смертный приговор. Боритесь за мир!» [61. С. 8].

Проводимая США агрессивная политика имела определенную направленность. В выступлении В.М. Молотова было отмечено, что магистральной целью внешнеполитической активности является «достижение мирового господства англо-американского блока» [51. С. 4]. Данное положение впоследствии широко тиражировалось прессой [57. С. 4] и фигурировало в официальном заявлении МИД СССР (январь 1949 г.) (в тексте сочетания «мировое господство», «американское господство» и т.п. встречаются 17 раз) [52. С. 2–3]. Негативные коннотации тезиса о стремлении США к мировому господству усиливались сравнением американской политики с политикой фашистской Германии. Более рельефно это подчеркивалось в аналитических статьях, выступлениях, публикуемых в советской прессе в январе–апреле 1949 г.: «США выдвинули доктрину... по которой США якобы принадлежит роль гегемона над всем миром в силу их... “превосходства”, чем в свое время хвастались также гитлеровцы, и претендовали на этом же основании на ту же роль, на которую сегодня претендуют американцы» [62. С. 4]. Параллели с фашизмом проводятся и в заявлении МИД СССР по поводу Североатлантического блока: «Само существование Советского государства... является непреодолимым препятствием... установления мирового господства тех или иных держав, что уже нашло свое историческое подтверждение в ликвидации фашистских государств, попытавшихся осуществить свои фантазерские планы мирового господства, от которых мало чем отличаются нынешние планы установления англо-американского господства» [52. С. 2]. В тексте «Меморандума Правительства СССР о Североатлантическом договоре» более детально прописана роль пакта в данной стратегии: «Северо-атлантический договор предназначен для устрашения государств, не согласных подчиняться диктату англо-американской группировки держав, претендующих на мировое господство, хотя несостоятельность подобного рода претензий вновь подтвердила вторая мировая война, закончившаяся разгромом фашистской Германии, тоже претендовавшей на мировое господство» [53. С. 2].

Хотя направленность блока против СССР, не артикулировалась официально в тексте Североатлантического договора, эта тема активно обсуждалась в печати.

Сам факт того, что СССР, а также страны Восточной Европы не пригласили в данный союз, не без оснований интерпретировался как показатель антисоветской направленности НАТО [53. С. 2]. В качестве многочисленных косвенных свидетельств выступали агрессивные заявления политических элит стран-создателей блока в адрес СССР [63. С. 4], а также «обличающие» империалистов выступления лидеров зарубежных компартий [64. С. 4; 65. С. 4]. Об антикоммунистической направленности блока писала в марте 1949 г. зарубежная пресса. В частности, газета «Фронт» сообщала, что проект будущего Североатлантического договора будет включать пункт, обязывающий участников пакта бороться «с внутренней агрессией», что означает «борьбу против всякого движения, начатого коммунистами, тайными коммунистами, полукоммунистами и прочими марксистами внутри стран» [66. С. 4]. Данное требование, по сообщению издания, будет внесено в дополнительный секретный протокол. В марте 1949 г. после опубликования текста Североатлантического пакта «Правда» опубликовала замечание корреспондента газеты «Фран-тирер», который отметил, что «авторам пакта удалось “ловкая штука”». Они отредактировали текст договора о военном союзе, направленного от первой до последней строки против СССР, не разу не упоминая о предмете своей навязчивой мысли» [67. С. 4].

В аналитических статьях, публикуемых в советской печати, указывались и другие завуалированные цели создания США данного военного блока: контроль и закабаление Европы [17. С. 4; 22. С. 3; 68. С. 4], «расправа с народными массами самой Западной Европы и подвластными западным державам колониальными странами, которые требуют национальной независимости» [55. С. 4]. Отмечались последствия блоковой стратегии – «раскол Европы» [69. С. 3]. Указывались и прагматичные экономические цели военного блока – «выгодный бизнес американских фабрикантов оружия» [35. С. 4].

Тезис о том, что в создании Североатлантического военного блока заинтересованы правящие группы и алчные элиты Западной Европы, а отнюдь не народы этих стран, был широко распространен в сообщениях, аналитических статьях советских печатных СМИ [67. С. 4; 70. С. 4]. «Антинародный» имидж данного образования подчеркивали сообщения о протестах граждан стран Западной Европы против вхождения в Североатлантический блок. (Первые сообщения о протестах появляются в отечественной печати в январе 1949 г. и публикуются регулярно в феврале–апреле 1949 г. [71. С. 4; 72. С. 4]. Более выраженное число публикаций было посвящено протестам в Норвегии и Италии.)

Публикуемые в прессе тексты заявлений лидеров зарубежных коммунистических партий, выступлений граждан на митингах, отклики иностранной печати – все это демонстрировало широкую международную поддержку позиции СССР, подчеркивало его роль защитника мира, разоблачителя поджигателей войны.

Идейная солидарность населения разных государств с СССР, протесты в странах Западной Европы –

все это усиливало формируемую в прессе дихотомичную картину послевоенного мироустройства. Где в контексте разворачивающейся холодной войны оппозиционные стороны презентовались посредством полярных коннотаций: СССР – миротворец, защитник; США, Великобритания – агрессоры, стремящиеся к войне и мировому господству, а Североатлантический пакт их инструмент для достижения данных целей. В целом образ НАТО конструировался с использованием контрастных лексем: «мир–война», «агрессия–добро» и т.п., а также коррелировал с магистральной антитезой советского дискурса – «социализм–капитализм».

Еще одним аспектом, освещаемым советской прессой в контексте создания НАТО, являлись противоречия юридического и правового характера.

Еще осенью 1948 г. в выступлении В.М. Молотова было отмечено, что блоковые стремления Англии и Франции находятся в противоречии с пактами о дружбе и взаимопомощи, заключёнными этими странами с СССР [51. С. 4]. В заявлении МИД СССР (январь 1949 г.) также указывалось на данные факты [52. С. 2]. В тексте Меморандума Правительства СССР был не только отмечен факт нарушения соглашений, ранее заключённых СССР с Францией, Великобританией, США, но и приводились цитаты из текстов данных договоров. Так, например, договор между Великобританией и СССР (1942 г.) фиксировал обязательства сторон «не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях направленных против другой, Высокой Договаривающейся Стороны» [53. С. 2].

Достаточно активно в советской прессе января–апреля 1949 г. аргументировалось противоречие Североатлантического блока Уставу ООН.

На этапе подготовки Североатлантический альянс презентовался его создателями как образование в рамках ООН, для укрепления ООН, основанное на 51-й и 52-й статьях данной организации [73]³. Соответствие блока данным статьям Устава ООН оппонировалось в официальном заявлении МИД СССР, где указывалось, что блок не является региональным (так как объединяет страны двух полушарий), не направлен на самооборону стран ввиду отсутствия агрессии по отношению к ним [52. С. 3]. Аргументом, указывающим на отсутствие связи Североатлантического блока с ООН, было и то, что вопрос его создания не обсуждался в ООН, а готовился тайно [52. С. 3]. В тексте Меморандума Правительства СССР данные доводы были усилены. Не региональный характер блока аргументировался тем, что он «не ставит своей целью урегулирование тех или иных региональных вопросов», указывалось также на включение в блок стран, не являющихся членами ООН (Италия, Португалия), что не соответствует содержанию 52-й статьи Устава ООН. Подчеркивалось, что 5-я статья договора НАТО противоречит 53-й статье Устава ООН, запрещающей предпринимать региональными органами принудительные действия без полномочий от Совета Безопасности ООН [53. С. 2].

Советская пресса определяла создание военного блока как «маневры за кулисами ООН» [57. С. 4],

направленные на «ликвидацию ООН» [74. С. 4], «подрыв Организации Объединённых наций и расшатывание ее основных устоев» [57. С. 4], не имеющие ничего общего с политикой ООН в силу «противоречия стремлению народов к миру» [75. С. 3]. В качестве аргументов, подтверждающих агрессивные действия организаторов блока против ООН, приводились заявления, фиксируемые в зарубежной печати о перспективах НАТО. Так, например, сообщалось, что бывший премьер-министр Южно-Африканского Союза Сметс заявил: «Атлантический пакт неизбежно в конечном счете вовлечет в свою орбиту и Африку. Пакт... “фактически станет практической заменой Совету Безопасности ООН”» [76. С. 4]. «Атлантический пакт сводит к нулю принципы ООН» – сообщала «Уолл-стрит джорнал» [77. С. 4]. Советские газеты цитировали аналогичные заявления и других зарубежных изданий [78. С. 2]. Тема противодействия НАТО Организации Объединённых наций становится неотъемлемой частью текстов выступлений и заявлений зарубежных просоветских политических литеров, публикуемых в отечественной прессе в марте–апреле 1949 г. [79. С. 4]. В целом в советской печати многократно подчеркивалось, что сам факт создания Североатлантического блока противоречит Уставу ООН, является нарушением, а его создатели – нарушителями.

Фактически в 1949 г. коннотации «агрессия» и «нарушение» становятся атрибутивными характеристиками НАТО в советской прессе, регулярно фигурирующими как в объемных аналитических статьях, так и в коротких заметках. Так, например, в тексте сообщения о подписании Североатлантического договора было отмечено: «Перед подписанием договора министры иностранных дел государств участвующих в договоре, выступили с короткими речами, в которых стремились создаваемый договором агрессивный военный блок, нарушающий Устав ООН и направленный против СССР и стран народной демократии, представить в качестве якобы “оборонительного мероприятия”» [47. С. 4].

Заключение

Анализ советской печати позволяет прийти к выводу, что в рамках исследуемого периода тема НАТО чаще поднималась в центральной прессе – «Правде», «Известиях». Количество сюжетов возрастало на протяжении 1948 – начала 1949 гг., отражая как процесс увеличения информации о блоке, так и повышение актуальности темы для СССР. Увеличивалось число публикуемых в прессе сообщений о митингах и протестах, заявлений, выступлений политиков.

Образ НАТО, конструируемый в советской печати, был построен на антитезах и контрастных противопоставлениях, широко используемых в пропагандистской риторике. Он представлял собой образ врага и презентовался посредством исключительно отрицательных коннотаций. Все негативные характеристики организации можно объединить в две группы: «агрессия» (направленность на войну, мировое господство,

против СССР, демократических стран и пр.); «нарушение» (нарушение предшествующих международных соглашений, устава ООН, прав граждан, протестующих за мир и пр.). В отечественной прессе коннотации первой группы «включаются» еще в 1948 г., фигурируя в качестве указаний на стремление США к мировому господству и заявлений об агрессивной, военной направленности Североатлантического блока. Означенные характеристики, отражающие кризис в отношениях СССР и США, формировали негативный имидж НАТО, но являлись недостаточными для правового, юридического противодействия его созданию. В 1949 г. образ «НАТО-агрессора» сохраняется в печати, усиливаясь сравнениями с фашизмом, параллельно «включается»

второй юридически-правовой аспект образа – «НАТО-нарушитель». Юридические аспекты выходят на первый план в официальных заявлениях СССР, получают распространение в печати. Фактически в 1949 г. коннотации «агрессия» и «нарушение» становятся атрибутивными характеристиками НАТО в советской прессе. Важно отметить, что образ Североатлантического союза был лишен субъектности и рассматривался скорее, как инструмент для достижения целей стран-лидеров (в первую очередь США), а не как самостоятельно действующая организация. Поэтому уточняя вышеозначенные группы коннотаций НАТО, фигурирующие в советской печати, можно определить их как «инструмент агрессии» и «результат нарушения».

Примечания

¹ 11 июня 1948 г. Сенатом США была одобрена резолюция председателя сенатской комиссии по иностранным делам А. Ванденберга, предполагающая отказ от практики неприсоединения США к военно-политическим блокам за границами Западного полушария в мирное время. Данный документ сыграл важную роль, став первым шагом США к формированию внешнеполитической блоковой стратегии.

² 27 января 1949 г. Сталин, отвечая на вопросы генерального директора американского агентства «Интернейшл ньюс сервис» в Европе Кингсбэри Смита, отметил, что готов встретиться с Трумэн, заключить Пакт Мира, подтверждающий обоюдное желание СССР и США не воевать друг против друга, провести мероприятия, ведущие к постепенному разоружению. Трумэн ответил согласием на предложение о встрече, но затем (3 февраля 1949 г.) отказался от дальнейшего взаимодействия.

³ Статья 51 декларирует право на индивидуальную или коллективную самооборону. Статья 52 не препятствует существованию региональных соглашений для поддержания международного мира и безопасности.

Список источников

1. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
2. Репина Л.П. Историческая имагология и проблемы межкультурного диалога // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019. С. 17–46.
3. Бахарева М.Д. Современная имагология: значение и перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 2 (22). С. 86–101.
4. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.
5. Турусова А.Д. Роль СМИ в процессе эволюции образа США в СССР в годы «холодной войны» // Огарёв-Online. 2020. № 4 (141). С. 8.
6. Лопаткин И.Н., Хисамутдинова Р.Р. Реконструкция образа США на базе контент-анализа материалов периодических изданий Советского Союза 1956–1964 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (58). С. 93–107.
7. Чернобровкина Е.П., Гуляева Е.Ю. Моделирование образа НАТО в русско-, франко-, и англоязычной онлайн публицистике // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5-1 (5). С. 121–123.
8. Кондрашова Н.А. Эволюция образа НАТО в советских/российских карикатурах // Кубанские исторические чтения: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2021. С. 158–160.
9. Антихова Е.А. Начальный этап холодной войны и процесс конструирования образа НАТО в советской периодической печати 1940-х гг. (на материалах газеты «Правда» // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 5–12. doi: 10.17223/19988613/51/1
10. Щемелева Е.Г. У истоков глобального противостояния: общественность США о перспективах американо-советских отношений накануне подписания договора о НАТО // Клио. 2007. № 2 (37). С. 40–47.
11. США намерены присоединиться к «Западному блоку» // Правда. 1948. 14 марта.
12. Газета «Жице Варшавы» об инициаторах создания северо-атлантического союза // Правда. 1948. 7 апреля.
13. Газета «Жице Варшавы» об инициаторах создания северо-атлантического союза // Известия. 1948. 7 апреля.
14. Газета «Жице Варшавы» об инициаторах создания североатлантического союза // Комсомольская правда. 1948. 7 апреля.
15. Газета «Жице Варшавы» о плане создания «Северо-западного Атлантического блока» // Известия. 1948. 25 апреля.
16. План создания «Северо-западного атлантического блока» // Правда. 1948. 25 апреля.
17. Новый маневр противников международного сотрудничества // Правда. 1948. 25 июня.
18. К предстоящим переговорам представителей западно-европейских стран и США // Известия. 1948. 23 июня.
19. Ассошиэйтед Пресс о предстоящих переговорах представителей западноевропейских стран и США // Правда. 1948. 23 июня.
20. США и Брюссельский пакт // Правда. 1948. 8 июля.
21. Маринин М. Об Атлантическом блоке и гаагском совещании // Правда. 1948. 25 июля.
22. Наблюдатель. Американский нажим в Гааге и Вашингтоне // Известия. 1948. 23 июля.
23. Турецкая газета о подготовке создания «Северо-атлантического союза» // Известия. 1948. 8 августа.
24. Турецкая газета о подготовке создания «Северо-атлантического союза» // Правда. 1948. 8 августа.
25. The chairmanship of the Joint Chiefs of Staff, 1949-1999. Washington, 2000. DC Joint History Office, Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff: For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O. 280 p.
26. Газета «Се суар» о советнике государственного департамента Болене // Правда. 1948. 5 сентября.
27. Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII-XX века. М.: Международные отношения, 2001. 703 с.
28. Переговоры Маршалла, Даллеса, Бевина // Правда. 1948. 4 октября.
29. Английские газеты о подготовке к заключению северо-атлантического пакта // Известия. 1948. 11 ноября.
30. К пребыванию в США начальника генерального штаба итальянской армии // Красный воин. 1948. 7 декабря.
31. Переговоры между Бевин и Шуманом // Известия. 1949. 15 января.
32. Атлантический пакт и скандинавские страны // Известия. 1949. 26 января.
33. Совещание министров скандинавских стран // Правда. 1949. 8 января.

34. К переговорам между Бевином и Шуманом // Правда. 1949. 16 января.
35. Наблюдатель. Цена разговоров о «новой эре» в США // Известия. 1949. 14 января.
36. Предполагаемые ассигнования на следующий финансовый год в США // Сталинский сокол. 1949. 8 января.
37. К созданию Северо-Атлантического блока // Известия. 1949. 18 января.
38. Заявление Госдепартамента об Атлантическом пакте // Правда. 1949. 16 января.
39. Речь Трумэна // Правда. 1949. 22 января.
40. Против Атлантического пакта // Правда. 1949. 25 марта.
41. Перед всемирным конгрессом сторонников мира // Восточно-сибирская правда. 1949. 27 марта.
42. Всемирный конгресс сторонников мира // Восточно-сибирская правда. 1949. 26 апреля.
43. Конференция отделения Американского всеславянского конгресса в штате Мичиган // Правда. 1949. 20 апреля.
44. Движение в защиту мира в Чехословакии // Правда. 1949. 20 апреля.
45. Поставки американского вооружения странам-участникам Атлантического пакта // Правда. 1949. 6 апреля.
46. Текст Северо-атлантического пакта // Правда. 1949. 20 марта.
47. Подписание Северо-атлантического договора // Правда. 1949. 5 апреля.
48. В итальянском парламенте // Восточно-сибирская правда. 1949. 22 марта.
49. Заключительная речь Тореза на заседании ЦК французской компартии // Сталинский сокол. 1949. 26 февраля.
50. 10-тысячный митинг профсоюзных делегатов от имени 1 млн. 400 тысяч организованных в профсоюзы рабочих и служащих Ленинграда и Ленинградской области, отвечая на обращение английских рабочих, поднимает свой могучий голос в защиту мира // Правда. 1949. 26 февраля.
51. 31 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад В.М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 года // Известия. 1948. 11 ноября.
52. Заявление Министерства Иностранных Дел СССР о Северо-атлантическом пакте // Правда. 1949. 29 января.
53. Меморандума Правительства СССР о Северо-атлантическом договоре // Правда. 1949. 1 апреля.
54. Иностранные отклики на меморандум правительства СССР о Северо-атлантическом договоре // Сталинский сокол. 1949. 3 апреля.
55. Жуков Ю. «Региональные союзы» и их опекуны // Правда. 1948. 25 июня.
56. Заявление министров иностранных дел стран-участниц Северо-атлантического договора // Правда. 1949. 4 апреля.
57. Виктор Я. Разоблачение и саморазоблачение политики англо-американского блока // Правда. 1948. 19 декабря.
58. Отказ президента Трумэна от Пакта Мира между СССР и США // Правда. 1949. 4 февраля.
59. Почему США отклонили предложение о Пакте Мира? // Правда. 1949. 6 февраля.
60. «Мы будем продолжать борьбу против политики, которая ведет к войне» // Правда. 1949. 11 марта.
61. Протесты в Канаде против присоединения к Северо-атлантическому пакту // Известия. 1949. 17 марта.
62. Выступление Тольятти в палате депутатов // Правда. 1949. 18 марта.
63. Людоед Кэннон из американского парламента // Правда. 1949. 17 апреля.
64. Выступление Акселя Ларсена в датском риксдаге // Правда. 1949. 13 февраля.
65. Выступление Мориса Тореза // Правда. 1949. 19 февраля.
66. Газета «Фронт» о секретных статьях Атлантического пакта // Правда. 1949. 15 марта.
67. Жуков Ю. Заговор против мира // Правда. 1949. 22 марта.
68. Леонтьев Б. Западная Европа в ярме «плана Маршалла» // Красный воин. 1948. 26 декабря.
69. На сессии экономического и социального совета ООН // Правда. 1948. 30 июля.
70. Михайлов Л. Маневры организаторов Северо-атлантического пакта // Сталинский сокол. 1949. 27 февраля.
71. Прогрессивная общественность Норвегии протестует против присоединения Норвегии к Северо-атлантическому пакту // Правда. 1949. 31 января.
72. Движение в Италии против Атлантического пакта // Правда. 1949. 19 марта.
73. Устав Организации Объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-8>
74. Изаков Б. Англо-американский заговор против ООН // Красный север. 1948. 29 декабря.
75. Сергеева Н. Авантюристическая политика военных блоков // Известия. 1948. 29 декабря.
76. Окровавленное признание Смэтса // Правда. 1949. 4 апреля.
77. Атлантический пакт сводит к нулю принципы ООН // Правда. 1949. 9 апреля.
78. Северо-атлантический договор и Организация Объединенных наций // Магнитогорский металл. 1949. 9 апреля.
79. Выступление Уоллеса на митинге в Нью-Йорке // Правда. 1949. 6 апреля.

References

1. Senyavskiy, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2006) Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya "obraza vraga" [Historical Imagology and the Problem of "Enemy Image" Formation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2/6. pp. 54–72.
2. Repina, L.P. (2019) Istoricheskaya imagologiya i problemy mezhkulturnogo dialoga [Historical Imagology and Problems of Intercultural Dialogue]. In: *"Svoy"/"Chuzhoy" v kross-kulturnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Rossii ["Us"/"Them" in Cross-Cultural Communications of Western Countries and Russia]*. St. Petersburg. pp. 17–46.
3. Bakhareva, M.D. (2022) Sovremennaya imagologiya: znachenie i perspektivy razvitiya [Modern Imagology: Significance and Development Prospects]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. 6 (2/22). pp. 86–101.
4. Fadeev, A.V. (1999) *Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954 gg.* [The Image of the Enemy in Soviet Propaganda. 1945–1954]. Moscow: IRH RAS.
5. Turusova, A.D. (2020) Rol' SMI v protsesse evolyutsii obraza SSHA v SSSR v gody "kholodnoy voyny" [The Role of Media in the Evolution of the US Image in the USSR During the Cold War]. *Ogaryov-Online*. 4/141. p. 8.
6. Lopatkin, I.N. & Khisamutdinova, R.R. (2021) Rekonstruktsiya obraza SSHA na baze kontent-analiza materialov periodicheskikh izdaniy Sovetskogo Soyuz 1956–1964 gg. [Reconstruction of the US Image Based on Content Analysis of Soviet Periodicals 1956–1964]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2/58. pp. 93–107.
7. Chernobrovkina, E.P. & Gulyaeva, E.Yu. (2012) Modelirovaniye obraza NATO v russko-, franko-, i angloyazychnoy onlayn publitsistike [Modeling NATO's Image in Russian, French and English Online Journalism]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 5-1/5. pp. 121–123.
8. Kondrashova, N.A. (2021) Evolyutsiya obraza NATO v sovetskikh/rossiyskikh karikaturakh [Evolution of NATO's Image in Soviet/Russian Cartoons]. In: *Kubanskije istoricheskie chteniya* [Kuban Historical Readings]. Barnaul. pp. 158–160.
9. Antyukhova, E.A. (2018) The initial stage of cold war and the process of designing the image of NATO in the soviet periodicals of the 1940s (a case study of the Pravda newspaper). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 51. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/51/1

10. Shchemeleva, E.G. (2007) U istokov global'nogo protivostoyaniya: obshchestvennost' SSHA o perspektivakh amerikano-sovetskikh otnosheniy nakanune podpisaniya dogovora o NATO [At the Origins of Global Confrontation: US Public Opinion on Soviet-American Relations Before NATO Treaty]. *Klio*. 2/37. pp. 40–47.
11. *Pravda*. (1948) SSHA namereny prisoedinit'sya k "Zapadnomu bloku" [US Intends to Join "Western Bloc"]. March 14.
12. *Pravda*. (1948) Gazeta "Zhice Varshavy" ob initsiatorakh sozdaniya severo-atlanticheskogo soyuza ["Zycie Warszawy" on NATO Initiators]. April 7.
13. *Izvestiya*. (1948) Gazeta "Zhice Varshavy" ob initsiatorakh sozdaniya severo-atlanticheskogo soyuza ["Zycie Warszawy" on NATO Initiators]. April 7.
14. *Komsomol'skaya pravda*. (1948) Gazeta "Zhice Varshavy" ob initsiatorakh sozdaniya severoatlanticheskogo soyuza ["Zycie Warszawy" on NATO Initiators]. April 7.
15. *Izvestiya*. (1948) Gazeta "Zhice Varshavy" o plane sozdaniya "Severo-zapadnogo Atlanticheskogo bloka" ["Zycie Warszawy" on "Northwest Atlantic Bloc" Plan]. April 25.
16. *Pravda*. (1948) Plan sozdaniya "Severo-zapadnogo atlanticheskogo bloka" [Plan to Create "Northwest Atlantic Bloc"]. April 25.
17. *Pravda*. (1948) Novyy manevr protivnikov mezhdunarodnogo sotrudnichestva [New Maneuver of International Cooperation Opponents]. June 25.
18. *Izvestiya*. (1948) K predstoyashchim peregovoram predstaviteley zapadno-evropeyskikh stran i SSHA [On Upcoming US-Western Europe Negotiations]. June 23.
19. *Pravda*. (1948) Assosheyted Press o predstoyashchikh peregovorakh predstaviteley zapadnoevropeyskikh stran i SSHA [AP on Upcoming US-Western Europe Negotiations]. June 23.
20. *Pravda*. (1948) SSHA i Bryussel'skiy pakt [US and Brussels Pact]. July 8.
21. Marinin, M. (1948) Ob Atlanticheskoy bloke i gaagskom soveshchani [On Atlantic Bloc and Hague Conference]. *Pravda*. July 25.
22. Nablyudatel' [Observer]. (1948) Amerikanskiy nazhim v Gaage i Vashingtone [American Pressure in Hague and Washington]. *Izvestiya*. July 23.
23. *Izvestiya*. (1948) Turetskaya gazeta o podgotovke sozdaniya "Severo-atlanticheskogo soyuza" [Turkish Newspaper on NATO Preparation]. August 8.
24. *Pravda*. (1948) Turetskaya gazeta o podgotovke sozdaniya "Severo-atlanticheskogo soyuza" [Turkish Newspaper on NATO Preparation]. August 8.
25. Joint History Office & JCS. (2000) *The Chairmanship of the Joint Chiefs of Staff, 1949–1999*. Washington, DC: Joint History Office, Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff.
26. *Pravda*. (1948) Gazeta "Se suar" o sovetnike gosudarstvennogo departamenta Bolene [Ce Soir on State Department Advisor Bohlen]. September 5.
27. Ivanyan, E.A. (2001) *Entsiklopediya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy XVIII–XX veka* [Encyclopedia of Russian-American Relations in the 18th–20th centuries]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
28. *Pravda*. (1948) Peregovory Marshalla, Dallesa, Bevina [Marshall, Dulles, Bevin Negotiations]. October 4.
29. *Izvestiya*. (1948) Angliyskie gazety o podgotovke k zaklyucheniyu severo-atlanticheskogo pakta [British Newspapers on NATO Pact Preparation]. November 11.
30. *Krasnyy voyn*. (1948) K prebyvaniyu v SSHA nachal'nika general'nogo shtaba ital'yanskoy armii [Italian Army Chief of Staff's US Visit]. December 7.
31. *Izvestiya*. (1949) Peregovory mezhdu Bevinom i Shumanom [Bevin-Schuman Negotiations]. January 15.
32. *Izvestiya*. (1949) Atlanticheskii pakt i skandinavskie strany [NATO Pact and Scandinavian Countries]. January 26.
33. *Pravda*. (1949) Soveshchaniye ministrov skandinavskikh stran [Scandinavian Ministers Meeting]. January 8.
34. *Pravda*. (1949) K peregovoram mezhdu Bevinom i Shumanom [On Bevin-Schuman Negotiations]. January 16.
35. Nablyudatel' [Observer]. (1949) Tsena razgovorov o "novoy ere" v SSHA [Price of "New Era" Talks in US]. *Izvestiya*. January 14.
36. *Stalinskiy sokol*. (1949) Predpolagaemye assignovaniya na sleduyushchiy finansovyy god v SSHA [Proposed US Budget Allocations]. January 8.
37. *Izvestiya*. (1949) K sozdaniyu Severo-Atlanticheskogo bloka [On NATO Creation]. January 18.
38. *Pravda*. (1949) Zayavlenie Gosdepartamenta ob Atlanticheskoy pakte [State Department Statement on NATO]. January 16.
39. *Pravda*. (1949) Rech' Trumena [Truman's Speech]. January 22.
40. *Pravda*. (1949) Protiv Atlanticheskogo pakta [Against NATO Pact]. March 25.
41. *Vostochno-sibirskaya pravda*. (1949) Pered vsemirnym kongressom storonnikov mira [Before World Peace Congress]. March 27.
42. *Vostochno-sibirskaya pravda*. (1949) Vsemirnyy kongress storonnikov mira [World Peace Congress]. (1949) *Vostochno-sibirskaya pravda*. April 26.
43. *Pravda*. (1949) Konferentsiya otdeleniya Amerikanskogo vseslav'yanskogo kongressa v shtate Michigan [American Slav Congress Conference]. April 20.
44. *Pravda*. (1949) Dvizhenie v zashchitu mira v Chekhoslovakii [Peace Movement in Czechoslovakia]. April 20.
45. *Pravda*. (1949) Postavki amerikanskogo vooruzheniya stranam-uchastnitsam Atlanticheskogo pakta [US Arms Deliveries to NATO Countries]. April 6.
46. *Pravda*. (1949) Tekst Severo-atlanticheskogo pakta [NATO Treaty Text]. March 20.
47. *Pravda*. (1949) Podpisaniye Severo-atlanticheskogo dogovora [NATO Treaty Signing]. April 5.
48. *Vostochno-sibirskaya pravda*. (1949) V ital'yanskom parlamente [In Italian Parliament]. March 22.
49. *Stalinskiy sokol*. (1949) Zaklyuchitel'naya rech' Toreza na zasedanii TsK frantsuzskoy kompartii [Thorez's Closing Speech]. February 26.
50. *Pravda*. (1949) 10-tysyachnyy miting profsoyuznykh delegate [10,000-strong Trade Union Rally]. February 26.
51. *Izvestiya*. (1948) 31 godovshchina Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Doklad V.M. Molotova [31st Anniversary of Revolution. Molotov Report]. November 11.
52. *Pravda*. (1949) Zayavlenie Ministerstva Inostrannykh Del SSSR O Severo-atlanticheskoy pakte [USSR Foreign Ministry Statement on NATO]. January 29.
53. *Pravda*. (1949) Memoranduma Pravitel'stva SSSR o Severo-atlanticheskoy dogovore [USSR Government Memorandum on NATO]. April 1.
54. *Stalinskiy sokol*. (1949) Inostrannyye otkliki na memorandum pravitel'stva SSSR o Severo-atlanticheskoy dogovore [Foreign Reactions to USSR Memorandum]. April 3.
55. Zhukov, Yu. (1948) "Regional'nye soyuzы" i ikh opekuny ["Regional Unions" and Their Guardians]. *Pravda*. June 25.
56. *Pravda*. (1949) Zayavlenie ministrov inostrannykh del stran-uchastnits Severo-atlanticheskogo dogovora [NATO Foreign Ministers Statement]. April 4.
57. Viktorov, Ya. (1948) Razoblachenie i samorazoblachenie politiki anglo-amerikanskogo bloka [Exposing Anglo-American Bloc Policy]. *Pravda*. December 19.
58. *Pravda*. (1949) Otkaz prezidenta Trumena ot Pakta Mira mezhdu SSSR i SSHA [Truman Rejects USSR-US Peace Pact]. February 4.
59. *Pravda*. (1949) Pochemu SSHA otklonili predlozhenie o Pakte Mira? [Why US Rejected Peace Pact?]. February 6.
60. *Pravda*. (1949) "My budem prodolzhat' bor'bu protiv politiki, kotoraya vedet k voyne" ["We'll Keep Fighting War-Mongering Policy"]. March 11.
61. *Izvestiya*. (1949) Protesty v Kanade protiv prisoedineniya k Severo-atlanticheskoyu paktu [Canadian Protests Against NATO]. March 17.
62. *Pravda*. (1949) Vystuplenie Tol'yatti v palate deputatov [Togliatti's Parliament Speech]. March 18.
63. *Pravda*. (1949) Lyudoyed Kennon iz amerikanskogo parlamenta [Cannibal Cannon from US Congress]. April 17.
64. *Pravda*. (1949) Vystuplenie Akselya Larsena v datskom riksdage [Axel Larsen's Danish Parliament Speech]. February 13.
65. *Pravda*. (1949) Vystuplenie Morisa Toreza [Maurice Thorez's Speech]. February 19.
66. *Pravda*. (1949) Gazeta "Front" o sekretnykh stat'yakh Atlanticheskogo pakta [Front on NATO Secret Articles]. March 15.
67. Zhukov, Yu. (1949) Zagovor protiv mira [Conspiracy Against Peace]. *Pravda*. March 22.

68. Leont'ev, B. (1948) Zapadnaya Evropa v yarme "plana Marshalla" [Western Europe in Marshall Plan Yoke]. *Krasnyy voyn*. December 26.
69. *Pravda*. (1948) Na sessii ekonomicheskogo i sotsial'nogo soveta OON [At UN ECOSOC Session]. July 30.
70. Mikhaylov, L. (1949) Manevry organizatorov Severo-atlanticheskogo pakta [NATO Organizers' Maneuvers]. *Stalinskiy sokol*. February 27.
71. *Pravda*. (1949) Progressivnaya obshchestvennost' Norvegii protestuet protiv prisoedineniya Norvegii k Severo-atlanticheskomu paktu [Norwegian Protests Against NATO]. January 31.
72. *Pravda*. (1949) Dvizhenie v Italii protiv Atlanticheskogo pakta [Italian Anti-NATO Movement]. March 19.
73. UN. (n.d.) *Ustav Organizatsii Ob"edinennykh natsiy* [UN Charter]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-8>
74. Izakov, B. (1948) Anglo-amerikanskiy zagovor protiv OON [Anglo-American Conspiracy Against UN]. *Krasnyy sever*. December 29.
75. Sergeeva, N. (1948) Avanyuristicheskaya politika voennykh blokov [Adventurist Policy of Military Blocs]. *Izvestiya*. December 29.
76. *Pravda*. (1949) Otkrovennoe priznanie Smetsa [Smuts' Frank Admission]. April 4.
77. *Pravda*. (1949) Atlanticheskii pakt svodit k nulyu printsipy OON [NATO Nullifies UN Principles]. April 9.
78. *Magnitogorskiy metall*. (1949) Severo-atlanticheskii dogovor i Organizatsiya Ob"edinennykh natsiy [NATO and UN]. (1949) April 9.
79. *Pravda*. (1949) Vystuplenie Uollesa na mitinge v N'yu-Yorke [Wallace's New York Rally Speech]. April 6.

Информация об авторе:

Клинова М.А. – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Marina A. Klinova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.08.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 17.08.2024;
approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 339.176 (571.12)
doi: 10.17223/15617793/511/13

«Храм нэповской цивилизации» в провинциальном городе: история Тюменского отделения ГУМа (1922–1926)

Олеся Олеговна Корсукова¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, o.o.korsukova@utmn.ru

Аннотация. Дана характеристика торговой деятельности ГУМа в провинциальной Тюмени в 1922–1926 гг. и определена его роль в становлении и развитии государственной универсальной торговли. Освещаются основные решения советской власти в деле организации государственной универсальной торговли в период нэпа. Анализируется эффективность ценовой политики и государственных мер в борьбе со спекуляцией. Доказано, что Тюменское отделение ГУМа в период нэпа оставалось главным центром государственной универсальной торговли в городе.

Ключевые слова: нэп, торговля, Тюменское отделение ГУМа, кооперация, Тюменская сырьевая ярмарка, советская благотворительность

Для цитирования: Корсукова О.О. «Храм нэповской цивилизации» в провинциальном городе: история Тюменского отделения ГУМа (1922–1926) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 129–140. doi: 10.17223/15617793/511/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/13

"The Temple of NEP Civilization" in a provincial town: History of the Tyumen Branch of GUM (1922–1926)

Olesya O. Korsukova¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, o.o.korsukova@utmn.ru

Abstract. The history of Moscow GUM is covered quite fully in the works of Russian scientists and the media. Based on the principles of historicism, comprehensiveness and objectivity, this article examines previously untouched facts about the fate of the first Soviet department store, which concern provincial branches, more precisely, the Tyumen Branch of GUM. The study aims to characterize the trading activities of GUM in provincial Tyumen in 1922–1926 and to determine its role in the formation and development of state universal trade. The article covers the main decisions of the Soviet government in organizing state universal trade during the NEP period. The author analyzes the effectiveness of pricing policy and government measures in the fight against speculation. The study reveals the methods of supplying goods to the provincial branch of the department store, and identifies the role of the Tyumen Raw Materials Fair (1924–1927) in expanding the range of outlets of the local GUM. The anthropological approach allowed analyzing the relationship between the buyer and the seller, as well as the attitude of society to various events that arose in the trade sector, of which the Tyumen GUM was a part. The focus in this case shifted from events to human participation in them, including the charitable activities of the local department store. Comparing the advertising campaigns of the provincial and capital GUM, the author sought to establish both similarities and differences. The use of the ideographic method of scientific knowledge allowed forming an individual image of the Tyumen Branch and noting its strengths and weaknesses in matters of developing the state trade sector in a provincial city. In the course of the study, the author also established the reasons for the liquidation of the Tyumen branch of GUM. As a result, it was proven that the Tyumen Branch of GUM remained the main center of state universal trade in the city during the NEP. The remoteness from Moscow made it difficult to deliver goods to the Tyumen GUM, but stimulated the management to search for other sources of replenishment of the store's assortment. As a result of active advertising campaigns, GUM managed to avoid the absorption of its retail network by a cooperative in 1924 and its closure in 1925. Its active charitable work helped to promptly and effectively solve the city's social problems. The accumulated experience in organizing universal state trade in the 1920s was successfully applied by the local authorities in the 1930s. The transfer of most of the retail outlets of the Tyumen Branch of GUM to the state trade sector "Uraltorg" after its liquidation contributed to the displacement of trade cooperatives to the village in the 1930s and the expansion of the network of state retail outlets in the city. This phenomenon was of an all-Russian nature.

Keywords: and phrases: NEP, trade, Tyumen Branch of GUM, cooperation, Tyumen Raw Materials Fair, Soviet charity

For citation: Korsukova, O.O. (2025) "The Temple of NEP Civilization" in a provincial town: History of the Tyumen Branch of GUM (1922–1926). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 129–140. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/13

Благосостояние населения страны и конкурентоспособность государства на мировом уровне напрямую зависят от качества функционирования внутреннего потребительского рынка. Сегодня внутренний рынок Российской Федерации находится под влиянием санкционных ограничений. Чтобы преодолеть период адаптации и обеспечить развитие, рост потребительского рынка, необходимо совершенствовать организацию внутренней торговли. Поэтому представляется актуальным изучение опыта преодоления кризисного, трансформационного для внутренней торговли страны периода 1920-х гг. В этот период высшее руководство апробировало различные формы и методы работы торговых организаций. Универсализация розницы, укрупнение торговых точек, расширение ассортимента, денежная реформа, планирование и усиление государственного контроля над частным сектором торговли позволили стабилизировать внутренний потребительский рынок к началу 1930-х гг.

Актуальность исследования обусловлена не только политическими и экономическими причинами, но и слабой разработанностью проблемы на региональном уровне. Специальных работ, где объектом исследования выступает тюменское отделение ГУМа, нет. Основная роль в развитии государственного сектора торговли в Тюмени краеведами и историками отводится ЦУМу, который ведет свою историю с 1947 г. [1]. В работах статейного характера Т.И. Бакулиной дается подробный анализ деятельности Уралторга (государственный сектор торговли) [2]. Однако в данном исследовании удалось установить, что Уралторг смог стать лидером, расширить сеть и влияние в городе только в конце 1926 г., после ликвидации тюменского ГУМа, путем поглощения его торговых точек.

Исходя из этого автор ставит цель – дать характеристику и оценку торговой деятельности тюменского отделения ГУМа в 1922–1926 гг., выявить ее особенности и определить роль местного ГУМа в становлении и развитии государственной универсальной городской торговли. Хронологические рамки определяются целью исследования. Они охватывают период с 1922 г., когда в Тюмени начала свою деятельность контора тюменского отделения ГУМа и государственной сектор торговли впервые осуществил розничную продажу товаров через универмаг, до 1926 г., когда отделение ГУМа было ликвидировано и развитие госторговли продолжил Уралторг.

В ходе рассмотрения проблемы были изучены материалы Государственного архива Тюменской области (ГАТО) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Основу исследования составил широкий комплекс архивных документов, большая часть из которых вводится впервые в научный оборот (книги приказов тюменского отделения ГУМа, анкеты сотрудников универмага, делопроизводственная документация и т.д.). Кроме того, привлечены материалы периодической печати, карты г. Тюмени, фотоматериалы, рекламные проспекты 1920-х гг. Методологической базой исследования стали: принципы историзма и объективности, антропологический подход, критический и сравнительный анализ.

Новая экономическая политика (нэп) в советской России легализовала торговую деятельность на советском рынке. Комиссия ЦК РКП(б) под председательством Л.Б. Каменева к маю 1921 г. завершила разработку основных декретов в рамках нэпа. После их издания решением В.И. Ленина деятельность комиссии была остановлена. А.М. Лежава предложил сохранить комиссию под председательством Л.Б. Каменева, доверив ей дело организации торговли в стране. Данная идея не получила поддержки у высшего руководства. Важные решения экономического характера принимал Совет народных комиссаров (СНК). Но несмотря на это, страна осталась без специального органа, который бы регулировал внутреннюю торговлю и изучал развитие торгового капитала в новых экономических условиях. На протяжении нескольких лет в эту сферу экономики с различными инициативами и решениями вторгались еще несколько ведомств: Народный комиссариат финансов (НКФ), Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), Народный комиссариат внешней торговли (Наркомвнешторг), Совет труда и обороны (СТО). Зачастую их действия не были согласованы, а решения оставались противоречивыми друг другу. Противоречивость решений различных государственных хозяйственных и правовых ведомств объясняется отчасти и противоречивостью задач, которое высшее руководство определяло для развития внутренней торговли. Например, с одной стороны, требовалось усилить государственный контроль во всех аспектах торговой сферы, а с другой стороны, высказывалась необходимость оживить советскую торговлю, что возможно только в условиях ослабления контроля и предоставления свободы для принятия ключевых решений [3. Л. 126–157].

Одним из первых государственных документов, регламентирующих торговую деятельность в стране, стала «Инструкция о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней» Совета народных комиссаров (СНК) от 19 июля 1921 г. [4]. Согласно ей, торговля разрешалась в крытых помещениях, а также на площадях, рынках и базарах. К торговой деятельности не допускались лица, которые не достигли возраста 16 лет. Надзор за порядком ведения торгов осуществляла милиция. Из муниципального фонда под торговлю предоставлялись помещения в первую очередь кооперации, а затем частным лицам или государственным предприятиям. Данная инструкция расставляла приоритеты в пользу развития кооперативной торговли.

Первый государственный объект универсальной оптово-розничной торговли появился 3 октября 1921 г. Решением СНК СССР в столице открывался Междоудомственный универсальный магазин (МУМ). Этому предшествовало обращение председателя Финансового комитета Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК РКП(б)) и СНК Е.А. Преображенского к членам Малого Совнаркома с предложением организовать в Москве большой универсальный магазин. 1 декабря МУМ был преобразован в Государственный универсальный магазин (ГУМ) согласно утвержденному СНК СССР положению о

ГУМе. Отделения и представительства первого государственного магазина открывались по всей стране, начиная с 1922 г.: 37 филиалов и отделений в СССР (включая г. Тюмень), 23 магазина в Москве, представительства в Нью-Йорке и Берлине [5. С. 460–461]. Первоочередной задачей ГУМа было снабжение государственных предприятий и учреждений материалами, продуктами и изделиями. Розничные торговые точки организации осуществляли продажу товаров населению страны. Постановление СТО РСФСР от 17 ноября 1922 г. вводило правила публичной отчетности и обязательных публикации в газете «Экономическая жизнь» для столичного ГУМа [6]. В Тюмени торговые предприятия регулярно публиковали результаты своей работы в газете «Трудовой набат».

К вопросу создания государственного органа для регулирования внутренней торговли советская власть вернулась весной 1922 г. Постановлением СНК СССР от 9 мая 1922 г. был создан Комвнуторг – Комиссия по внутренней торговле при СТО. Права комиссии были расширены 28 августа 1923 г., когда на нее было возложено регулирование внутренней торговли по всей территории СССР. Работа Комвнуторга началась с издания законодательных актов (закон об акционерных обществах, закон о товарных знаках, вексельный устав и т.д.) и создании торговых институтов (товарные биржи и ярмарки) [3. Л. 127].

Поскольку с марта 1921 г. была разрешена частная торговля, а единого государственного органа, проводившего последовательную непротиворечивую политику в торговой сфере, не было, то частнику хватало года для развития и усиления своих позиций на советском рынке. Перераспределение капитала осуществлялось в пользу частника, это позволило ему занять лидирующие позиции в оптовой и розничной торговле, что противоречило заданному экономическому курсу. Это и стало следствием осеннего экономического кризиса в 1923 г. и побудило членов ЦК РКП(б) приступить к анализу сложившейся ситуации и выработке долгосрочного плана по развитию внутренней советской торговли. Поэтому заседание Политбюро ЦК РКП(б) 27 марта 1924 г. было посвящено итогам первого этапа нэпа в экономике, осеннему кризису на товарном рынке, вопросу создания государственного торгового аппарата, борьбе с частным концентрированным капиталом и месту государственной торговли в розничных операциях [3. Л. 126–157].

Анализ работы Комвнуторга и последовавшее активное обсуждение проблемы подтвердили необходимость создания единого, масштабного и многофункционального торгового государственного органа (о чем убедительно заявлял еще в 1921 г. А.М. Лежава). Закономерным следствием стало постановление Президиума ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. об реорганизации Комвнуторга, деятельность которого оказалась недостаточно эффективной, в Народный комиссариат внутренней торговли (Наркомвнуторг). Следующим, не менее важным шагом, стало объединение комиссариатов внешней и внутренней торговли в единый орган – Наркомторг СССР.

Вторым важным моментом заседания Политбюро ЦК РКП(б) 1924 г., вызвавшим оживленную дискуссию, стал вопрос об участии государственного капитала не только в оптовых, но и в розничных операциях. Сторонников расширения государственного сектора в розничной торговле было меньше, чем тех, кто поддерживал приоритетное развитие кооперации. Суть полемики выражают три ключевых позиции: нарком внутренней торговли А.М. Лежава выступал против участия госторговли в рознице, допуская только объединение крупного частного капитала с государственным торговым аппаратом в смешанные акционерные предприятия или оптово-розничный вариант; секретарь ЦК РКП(б) А.А. Андреев высказывался за временный союз кооперации и государственного сектора с целью лишения лидерских позиций частника в рознице, но был против организации ГУМов в стране; председатель ВСНХ Э.Ф. Дзержинский был убежден, что необходимо обратить должное внимание на государственную торговлю в розницу.

Можно утверждать, что в полемике открылась истина: согласно позиции А.М. Лежавы, появились акционерные общества; версия А.А. Андреева реализовалась в появлении временного союза кооперации и госторговли в рознице; следуя совету Э.Ф. Дзержинского, в начале 1930-х гг. пришлось сделать госрозницу частью системы внутренней советской торговли.

Таким образом, оптовый ГУМ начала 1920-х гг., как главный представитель государственного сектора торговли, к 1925 г. стал на 75–88% розничной торговой организацией [7. Л. 54], а к 1931 г. был постепенно заменен новым лидером государственного сектора торговли. В Тюмени этим лидером стал Уралторг. Согласно экономической политике 1930-х гг., кооперация сохранялась в деревне, а в городах сосредоточились преимущественно государственные торговые точки [8. С. 122].

Решения по развитию торговли, принимаемые в высших эшелонах власти, становились прямым руководством к действию для регионов. Тюменский губернский исполнительный комитет (Губисполком), опираясь на инструкцию СНК от 19 июля 1921 г., включил в обязательное постановление № 64 от 18 июля 1923 г. пункт о том, что работать в тюменской торговле могли лица не моложе 16 лет. Кроме того, постановление напоминало, какие права торговых работников защищает Кодекс о труде: представители торговой сферы имели право на оплату сверхурочных за дополнительное отработанное время в базарные дни; право на обязательный выходной на рабочей неделе за работу в праздничные и выходные дни; исключительное право на короткий рабочий день в предпраздничные дни и на ежедневный обеденный перерыв длительностью 30 минут По стране (и в столице, и в провинции) обязательным документом, подтверждающим законность существования торгового заведения, был «патент на право торговли соответственно роду и размера ее» [9. С. 4].

Прерогатива, предоставляемая тюменским властям инструкцией СНК от 19 июля 1921 г., заключалась в

определении базарных мест и дней в городе, часов работы торговых точек. Так, местные магазины, включая тюменский ГУМ, в базарные дни (пятница и суббота) были открыты для покупателей с 9.00 до 19.00, а в остальные дни с 10.00 до 18.00. Лоточники и киоски смогли вести торговлю с 9.00 и до 23.00 ежедневно. В воскресенье и праздничные дни (1 мая, 7 ноября и т.д.) торговля не велась. Исключение составляли: торговля молочными продуктами, фруктами, продажа товаров с лотков и в киосках, работа кафе, столовых, чайных и ресторанов [9. С. 4]. Установленный режим работы магазинов был неудобен для тех, кто ранним утром отправлялся трудиться на заводы и фабрики, а возвращались уже после закрытия торговых точек, не успевая совершить покупки. Данная проблема освещалась в местных СМИ, но не была решена. Лишь с появлением в середине нэпа дежурных магазинов, торговавших до 24.00, многие товары стали доступнее для покупателей. Их деятельность регулировалась обязательным постановлением президиума тюменского Окрисполкома № 25 «О порядке и производстве торговли» от 10 февраля 1926 г. [10. С. 4].

К уголовной ответственности по ст. 132 Уголовного кодекса РСФСР привлекались руководители торговых организаций, которые нарушали продолжительность рабочего дня сотрудников, не оплачивали им сверхурочные часы работы или игнорировали обязательные нормы об охране труда. За невыполнение санитарных норм провинившиеся наказывались штрафом в 300 рублей или принудительными работами до 3 месяцев [10. С. 4].

Санитарные нормы, предъявляемые к местным торговым точкам, тоже были прописаны согласно общегосударственным рекомендациям и постановлениям. Обязательными для всех торговых организаций в Тюмени были санитарные правила, указанные в постановлении тюменского Окрисполкома от 1924 г. «Руками не трогать!» – плакаты, которые размещались в витринах и на лотках с продовольственными товарами. Важные атрибуты в торговле продовольствием – вилки, совочки, щипчики, ложки, чистые баки, крышки, марля и сетки, умывальник и чистое полотенце для рук. Особые требования предъявлялись и к внешнему виду продавцов: чистые и светлые фартуки, колпаки и рубашки с коротким рукавом [11. С. 4].

Президиум тюменского Окрисполкома ежегодно вносил дополнения и правки в постановления и циркуляры, касающиеся вопроса открытия и ведения торговли в городе, санитарных норм и правил налоговой отчетности местных торговых предприятий. Основой для корректировки имеющихся правил служили новые законы и положения, принимаемые властью. Учитывались особенности развития торгового дела в Тюмени и меняющийся вектор экономического развития СССР.

В тюменском архиве не сохранилось «Положение о Государственном универсальном магазине (ГУМ)» от 1 декабря 1921 г. Нет и его публикации в местной прессе 1920-х гг. либо не сохранился номер газеты, где она могла быть. Отсутствует подтверждение существования положения, разработанного местной вла-

стью, для тюменского ГУМа. Книги приказов тюменского ГУМа подтверждают тот факт, что местное отделение столичного универмага выстраивало свою торговую деятельность в соответствии с постановлениями и циркулярами тюменского Окрисполкома, Губисполкома, Губфинотдела и др. [12].

Столичный государственный универмаг размещался на Красной площади в помещениях Верхних торговых рядов, которые еще в XIX в. стали для Москвы самым модным и технически оснащенным местом торговли. Нэп подарил этому зданию новое и громкое звание – «Храм нэповской цивилизации!» [13. С. 2]. В 1920-е гг. ГУМ стал символом нэпа как в Москве, так и в провинциальных городах. Универмаг был и идеологическим инструментом в руках советской власти, который укреплял ее авторитет. Рекламные объявления ГУМа всегда делали акцент на том, что государственная торговля, контролируемая государством, – честная торговля, соблюдающая интересы трудящихся, предлагающая качественный товар и борющаяся с дороговизной реализуемой продукции.

Выгодное расположение контор и магазинов стремились обеспечить заведующие отделениями ГУМа в провинциальных городах, открывая их на центральных улицах и в самых больших, преимущественно в кирпичных зданиях, некогда принадлежавших представителям купечества. В Тюмени универмаги открывались на улице Республики (ранее – Царская) и параллельной ей на улице Ленина. Там же были торговые точки местной кооперации – Церабкоп, а также еще одной государственной организации – Уралторга.

Согласно опубликованным воспоминаниям С. Карнацевича: «Улица Царская была вся с обеих сторон застроена магазинами». Купцы строили большие каменные дома, которые, как правило, совмещали торговую и жилую площадь. Купеческие магазины обеспечивали тюменцев широким ассортиментом товаров. На Царской можно было купить головные уборы и меховые шубы, одежду и обувь, кружевное белье, украшения из золота и часы, колбасы и деликатесы, сладости и выпечку, предметы интерьера и посуду, аптекарские товары и книги [14. С. 105]. Особое внимание прохожих привлекал деревянный дом не столь зажиточных тюменских предпринимателей, так как это помещение имело коммерчески выгодное местоположение и многолетнюю торговую историю. Деревянный дом на углу улиц Республики и Семакова (ранее – Подаруевской) в XIX в. принадлежал мещанам Пельымским. К 1910 г. в нем располагалась «булочная и кондитерская Бентхен». Любопытное описание этого места сохранила «Сибирская торговая газета» от 13 января 1900 года: «Не мало еще неприглядных строений... на Царской улице... но более других режет взоры неуклюжее здание на углу Царской и Подаруевской улиц... против клуба и дома госпожи Брюхановой. Казалось бы, угловое место на главной улице города давно должно бы быть занято каким-нибудь магазином...» [15. С. 88]. В 1920-е гг. в этом уютном, небольшом доме начала свою деятельность контора тюменского ГУМа и открылся универмаг № 2 (ул. Республики, д. 24) [17. Л. 75 об.] (рис. 1).

В 1930-е гг. на его месте построили новое жилое здание, получившее название «Реконструктор» [15. С. 87] (рис. 2).



Рис. 1. Рекламное объявление и адрес тюменской конторы ГУМа в газете «Трудовой набат», 1923 г. [16. С. 2]



Рис. 2. В. Воробьев. Открытка. Двухэтажный дом П.А. Брюханова (слева). Булочная и кондитерская Бентхен (передний план, слева). Дом Гилевых (справа) [15. С. 80]

В разные годы, начиная с 1922 г., магазины тюменского ГУМа принимали покупателей в доме купца Я.П. Андреева (ул. Республики, д. 23) [18. С. 4] и мецената А.И. Текутьева (ул. Республики, д. 26) [19. С. 4]. Здания сохранились до наших дней.

Особняк, принадлежавший екатеринбургскому купцу и владельцу пароходов Якову Прохоровичу, был построен в XIX в. В нем размещались банковская контора, магазин торгового дома «Я.П. Андреев и наследники», где продавали сукно, драп, одеяла [20. С. 160]. Рекламная листовка Тюменского отделения ГУМа, сохранившиеся в ГАТО [21. Л. 75], содержит информацию о том, что дом по адресу Республики, д. 23 до революции принадлежал тюменскому купцу Панкратьеву. Учитывая тот факт, что купцы Андреевы разорились и их имущество, в том числе и в г. Тюмени, было распродано, можно предположить, что это здание было выкуплено тюменским купцом Панкратьевым. В 1920-е гг. это помещение стало частью торговой сети местного ГУМа. Контора универмага со временем сменила адрес ул. Республики, д. 24 на д. 23. Расширялся штат сотрудников, требовалось больше места для комфортной и эффективной работы служащих. Поэтому

деревянный дом администрация сменила на просторный двухэтажный каменный. Сегодня это здание лишено своей оригинальности и исторического облика XIX в. В 1930-е гг. дом был надстроен до трех этажей, лишился деталей классического фасада и бельведера.

Один из личных домов известного тюменского купца и мецената А.И. Текутьева также находился на главной улице города и был удобен и привлекателен для размещения филиала столичного универмага. Уникальный комплекс из трех двухэтажных зданий, объединивший различные стили каменной архитектуры конца XIX в. Дом неоднократно реставрировали и достраивали, сохраняя фасадные стены [22. С. 48–49]. До 1898 г. дом принадлежал екатеринбургскому купцу И.А. Бабушкину, а с 1898 по 1905 г. – купцу из крестьянского сословия М.А. Верещагину [23. С. 72, 219].

В бакалейно-мучном магазине потомственного почетного гражданина, тюменского купца П.И. Гильдии В.Л. Жернакова (ул. Ленина, д. 61) 19 июля 1925 г. открылся новый универмаг, принадлежавший местному ГУМу (рис. 3). В нем было шесть розничных секций: мануфактурная, галантерейная, обувная и кожаная, бакалейная, продуктовая и табачная [24. С. 4]. Выгодное расположение у Базарной площади позволяло этой торговой точке осуществлять как розничную, так и оптовую продажу товаров государственным, кооперативным и частным торговым предприятиям, в том числе прибывающим на Тюменскую сырьевую ярмарку. Местом притяжения для крестьян и гостей Тюмени стало это двухэтажное кирпичное здание, построенное в 1909 г. в стиле модерн. Известно, что в 1924 г. главными розничными покупателями в местном ГУМе были крестьяне. Они составляли 60% от общего их числа [7. Л. 57]. Редкий для провинциального города образец каменной застройки с огромными панорамными окнами, яркими витринами и широким ассортиментом товаров не оставлял равнодушными созерцающих его богатейшее внешнее убранство, сладости и деликатесы покупателей.

Важным фактом в судьбе этого здания является то, что в дореволюционное время здесь работал брат известного тюменского купца Василия Лавровича Г.Л. Жернаков, который вернулся на должность продавца бакалейного отдела в 1924 г., только уже не в семейный магазин, а в тюменское отделение ГУМа. Приход в советскую государственную торговлю бывших купцов и служащих купеческих магазинов – это, вероятно, не поиск «теплого места» в новой торговой системе, а осознанный выбор профессионального пути, желание заниматься торговлей, реализацией товара и обслуживанием покупателей именно в той торговой сфере, в которой был наработан опыт в купеческих магазинах.

Судьба дома по адресу улица Республики, д. 35, который не сохранился до наших дней и где также располагался магазин ГУМа [25], остается малоизученной. Обращаясь к фотоматериалам времен нэпа, размещенным в открытом доступе в группе «Тюмень до нашей эры» в социальной сети «ВКонтакте» [26], созданной канд. ист. наук, доцентом Тюменского государственного университета А.А. Бирюковым, можно предположить, что универмаг тюменского отделения ГУМа мог

расположиться в несохранившемся здании посудно-лампового магазина В.П. Шитоевой (позднее – ресторан «Сибирь») (рис. 4). Это одноэтажное каменное здание имело характерный для торговых сооружений того времени архитектурный почерк.



Рис. 3. Рекламное объявление тюменского ГУМа в газете «Трудовой набат» от 21 июля 1925 г. [24. С. 4]



Рис. 4. Открытка. Посудно-ламповый магазин В.П. Шитоевой (ул. Республики, д. 35) [27]

Соседнее к магазину Шитоевой деревянное двухэтажное здание – колбасная Н. Миншугина – находилось по адресу ул. Республики, д. 33 (рис. 5). Следовательно, магазин Шитоевой располагался по адресу ул. Республики д. 35. Бывший деревянный доходный дом, принадлежавший С.С. Бровцыну, затем Н.Л. Панкратьеву сгорел в 1970-х гг. Сейчас на этом месте «Президент-отель». На месте архитектурного каменного ансамбля, завершающего центральную улицу Тюмени, – магазин «Океан», построенный в 1970-е гг.



Рис. 5. Колбасная Миншугина (ул. Республики, д. 33) [28]

Количество торговых точек в отделениях ГУМа не было постоянным. Рентабельные оставались откры-

тыми, убыточные подлежали ликвидации, перепродаже кооперативному сектору торговли или сдаче в аренду. Отличием отделений универмага от его столичного представительства было то, что в городах кроме больших магазинов открывались мелкие торговые точки: киоски, ларьки, лавки.

Весной 1924 г. в Ленинграде ГУМ имел пять универмагов и 17 ларьков. Свердловское отделение владело универмагом, гастрономическим лабазом и торговлей папиросами в разнос (с лотков). В Тюмени работал один магазин-универмаг, колониально-гастрономический лабаз и колониально-бакалейный лабаз. На Базарной площади популярностью у горожан пользовалась лавка ГУМа и еще один магазин-универмаг, появившиеся в декабре 1924 г. [29. Л. 2].

В Тюмени контора и магазины ГУМа были открыты в 1922 г. (см. рис. 8). В местной прессе не было ни соответствующей статьи, ни объявления о данном событии, но в газете «Трудовой набат» 1 сентября 1922 г. читатели познакомились с объявлением (рис. 6).



Рис. 6. Объявления в газете «Трудовой набат» от 1 сентября 1922 г. [30. С. 4]

Это первое доказательство существования и работы ГУМа в Тюмени в 1922 г. Опубликованное 1 августа 1924 г. рекламное объявление сообщает нам не только о скидках на товары, но и о двухлетнем юбилее конторы тюменского отделения ГУМа [31. С. 4], что подтверждает год его открытия. Третьим неоспоримым аргументом является сохранившаяся в государственном архиве Тюменской области «Книга лицевых счетов тюменского отделения ГУМа», которая датируется периодом 1 января – 31 декабря 1922 г. [32]. Сделанные в ней записи раскрывают цели расходов коллектива конторы универмага: мелкие торговые и материально-хозяйственные нужды организации, командировка управляющего в г. Екатеринбург, решение транспортной проблемы для поставки товаров в торговые точки (покупка лошади) и т.д. (табл. 1).

Таблица 1
Подотчетные суммы, выданные сотрудникам тюменского отделения ГУМа в 1922 г. [32. Л. 1–23]

Ф.И.О. сотрудника	Дата	Цель расходов	Сумма, руб.
М.В. Тарасов	Август – сентябрь	Не указано	202 925
М.В. Тарасов	Ноябрь	Командировка в г. Екатеринбург	20 000
И.А. Зенков	Ноябрь – декабрь	Мелкие торговые и материально-хозяйственные нужды организации	95 000
Ф.П. Киселев	Ноябрь	Покупка лошади	60 000
В.Н. Костарев	Декабрь	Хозяйственные нужды организации	28 290

Первая строка расходов, цель которых не указана, совпадает с временем публикации первого рекламного

объявления тюменского универмага в ежедневной городской газете «Трудовой набат». Перед открытием торговой точки 202 925 руб. могли быть потрачены на аренду помещения, ремонт и оборудование торговой площади, закупку товаров и рекламную кампанию (см. табл. 1).

Книга приказов по тюменскому отделению ГУМа – четвертый источник, подтверждающий его деятельность в 1922 г. Приказом № 1 от занимаемой должности в ноябре 1922 г. освобождалась А.В. Еремеева, чья анкета не сохранилась. Приказ № 2 от 13 ноября 1922 г., опираясь на постановление Губисполкома № 75, обязывал И.А. Зенкова, С.А. Андреева и И.В. Медведева 29 и 30 ноября провести проверку товарного фонда и кассы универмага с целью формирования отчета к 1 декабря [33. Л. 1А].

ГУМ должен был ассоциироваться с нэпом, стать образцовым магазином государственного сектора советской торговли. В Москве его образ создавался великими поэтами и художниками СССР. В людных местах столицы из репродукторов звучал голос В.В. Маяковского, который призывал советских граждан: «Нечего на цены плакаться – в ГУМ, комсомольцы, в ГУМ, рабфаковцы!», «Хватайтесь за этот спасательный круг! Доброкачественно, дешево, из первых рук», «Нет места сомнению и думе – все для женщины только в ГУМе!», «Где и как достать английский трубчатый табак? Сообщаем, чтобы вас не мучила дума, – только в ГУМе и отделениях ГУМа!» [34. С. 330–333].

В провинциальной Тюмени в период нэпа подобных поэтических рекламных кампаний с использованием репродукторов не было. Огромной популярностью у тюменцев пользовались стихотворные [35. С. 1] и прозаические фельетоны [36. С. 2], отличавшиеся злободневностью тематики, сатирической заостренностью и юмором. Главными героями становились представители частной и кооперативной городской торговли. Их образы противопоставлялись друг другу. Будни Тюменской сырьевой ярмарки, участником которой был ГУМ, освещали местные таланты, рифмуя частушки для газетной рубрики «Ярмарочные частушки» [37. С. 2]:

Не пойду я к торгашу,
К черту спекуляцию!
Я на ярмарку пойду –
Зайду в кооперацию!

Логотип ГУМа в провинциальной Тюмени был точно таким же, как и в Москве (рис. 7, 8). Его создатель – известный советский живописец и плакатист, родоначальник советского дизайна и рекламы А.М. Родченко [38] (рис. 7). Минимализм, геометрически точно вычерченные прямые буквы первого в СССР универмага красовались на гербе и в рекламных объявлениях магазина. Отказ от стиля модерн при создании логотипа демонстрировал негласный отказ и от прежних капиталистических традиций, в том числе и в торговой сфере. Советский коллекционер Г.Д. Костаки назовет А.М. Родченко «великим экспериментатором». Подтверждением этого являются «сотни рекламных листовок, плакатов, вывесок, которые живописец

(совместно с В. Маяковским (текст)) создавал для государственных предприятий, трестов, акционерных обществ: «Добролёт», «Резинотрест», Госиздат и ГУМ, разрабатывая для каждой из организаций уникальную программу, определявшую её графическую неповторимость. Яркость, плакатность, некоторая брутальность рекламы первой половины 1920-х характерна для раннего конструктивизма» [39].

Каждое рекламное объявление ГУМа, выходявшее в свет на страницах прессы, включало логотип универмага, который мог включать не только название, но и адрес, номер телефона, ассортимент товаров или поступивших в продажу новинок. Другие государственные торговые организации (например, Уралторг) не были удостоены внимания великих художников и поэтов в деле создания и продвижения рекламы.



Рис. 7. Объявление столичного ГУМа в газете «Рабочая Москва», 1923 г. [40. С. 8]

Сохранились изображения логотипа тюменского ГУМа в ежедневной городской газете «Трудовой набат» (1920-е гг.), подтверждающее его аналогичность столичному (рис. 8).



Рис. 8. Реклама тюменского ГУМа в газете «Трудовой набат», 1924 г. [31. С. 4].

В первые годы нэпа провинциальная публика негативно относилась к созданию рекламы путем привлечения художников, так как их услуги становились отдельной строкой расходов для магазинов, что способствовало повышению цен на товары и сокращало благотворительные пожертвования от торговых организаций. Настроение и переживания тюменцев на эту тему

передает заметка, опубликованная в «Трудовом набате» 1922 г. в рубрике «Житейская пестрядь», где осуждались действия губернского Комитета помощи голодающим. Его представители, с целью повысить продажи благотворительных лотерейных билетов, обратились к местному художнику за созданием рисунка для билетов. Услуги мастера оценивались в 28 млн руб. В условиях массового голода в стране, когда на эту сумму можно было приобрести три пуда муки, горожанами ситуация воспринималась как неоправданная и пустая трата денежных средств: «Денег у нас мало, нужда бесконечно велика. Бросаться зря деньгами голодающих не следует» [41. С. 4].

С развитием нэпа меняется отношение горожан к делу организации советской торговли. С 1926 г. публикуются частные объявления местных художников с предложением оформить вывески, плакаты и лозунги. Так, мастерская живописца Л.Н. Шелехова, располагавшаяся по адресу ул. Тобольская, д. 33, предлагала выполнение заказов по предварительно утвержденным эскизам и доступным ценам [42. С. 6]. Таким образом, после преодоления трудного периода по борьбе с голодом, услуга, предлагаемая местными художниками, стала доступной и востребованной, что благотворным образом повлияло на развитие рекламы. На тюменских улицах, кроме вывесок с логотипом столичного универмага, появляются оформленные местными художниками витрины и фасады торговых зданий.

В годы нэпа не было обязательного требования и инструкций по оформлению вывесок, витрин и фасадов зданий торговых точек. Поэтому творчество столичных поэтов и художников служило образцом и было источником вдохновения. Внешнее убранство магазинов в Тюмени становилось аккуратным, информативным и узнаваемым. Однако даже в 1930-е гг. в Тюмени еще можно было встретить магазин или универмаг, вывеска и витрины которого не устраивали тюменцев своей неопрятностью. Газета «Советский Север» в марте 1934 г. писала о том, что вывески большие и грязные, как и витрины универмагов [43. С. 2]. Только в феврале 1936 г. Омский областной отдел внутренней торговли издал постановление «О правилах устройства и содержания магазинных вывесок» [44. Л. 32].

Открытие в Тюмени отделения московского ГУМа – это и возможность прикоснуться к искусству столичных художников и поэтов, благодаря которой местные таланты старались по образцу и подобию приносить творчество в провинциальную городскую рекламу, торговые вывески и публикации о состоянии торговых дел. Так, художественное слово и карандаш художника в провинциальной Тюмени работали на развитие и улучшение местной торговли.

В начале 1920-х гг. торговле уделялось меньше внимания, чем голоду, беспризорицизму, церковному вопросу, возрождению промышленности, развитию народного образования и жилищной проблеме. В годы эпидемий холеры и брюшного тифа актуальной была информация о медицинских услугах частных врачей Тюмени. Реклама государственного займа и лотерейных розыгрышей – неотъемлемая часть рекламного

блока в газете в 1920-е гг. Публикация информации об открытии магазина могла быть встречена неоднозначно в условиях голода и безденежья среди городского населения. Смещение интересов тюменцев в сторону советской торговли, политики цен и ассортимента товаров можно отнести к 27 мая 1922 г., когда в «Трудовом набате» вышла в свет заметка-претензия «Что почем?» [45. С. 4]. Автор обратил внимание редакции издания на недовольство горожан тем, что в газете отсутствует информация о ценах на товары в магазинах города, игнорируются актуальные новости торговой сферы, но постоянная рубрика «Кто дороже торгует?» появляется только в 1924 г. [46. С. 4]. Это объясняется не столько ответом на претензию, сколько обязательным постановлением СТО «О снижении розничных цен» от 29 февраля 1924 г., которое распространялось на государственные и кооперативные торговые организации [47. С. 29]. Рубрика не просто освещала движение цен на товары, но и позволяла проследить качество исполнения постановления СТО. В ней регулярно давался обзор цен на товары в местном ГУМе, кооперативных торговых точках и у частника. Согласно данным за 6 июня 1924 г., масло сливочное и сахар рафинад – в кооперативном магазине «Церабкопа» и ЕПО «Пахарь»; папиросы и бязь – в тюменском ГУМе. Частник дешевле торговал ржаной и пшеничной мукой, крупами гречневой и пшеничной [46. С. 4].

Требовательный потребитель спешил лично сравнить цены и вынести свой вердикт на страницах «Трудового набата». Так, 12 августа 1924 г. местная пресса опубликовала разоблачительную заметку о скидках на товары в ГУМе: «Увидев в газете широковещательную рекламу ГУМа о скидках от 10% до 30% я бегом помчался туда чего-нибудь купить, предварительно заглянув в магазин “Церабкопа” и цены мне их показались дороги. Что же я узнал в ГУМе? А вот что: ситец №12 Иваново-Вознесенского треста с 10% скидкой стоит 38 копеек, а в “Церабкопе” – 36 копеек. Кальсонный материал “Гринсбен” со скидкой в ГУМе стоит 48 копеек, а в “Церабкопе” – 45 копеек. Полотенце со скидкой в ГУМе – 1 рубль 8 копеек, а в “Церабкопе” – 75 копеек. Что это? Затемнение рабочему мозгов? Или с переходом на метры аршин стал длиннее? Не понимаю!» [48. С. 4]. Таким образом, цены местного ГУМа были такими же, как и на вольном рынке у нэпмана [46. С. 2], а кооперация предлагала товар по самой доступной и привлекательной для потребителя цене. Данная ситуация сложилась под воздействием нескольких факторов.

Во-первых, цены в местном универмаге зависели от способов поставки товаров. Если кооперация имела возможность пополнять свой товарный фонд из местных ресурсов (собственное производство: завод фруктовых вод, пекарни, колбасная и конфетная мастерские) [49. Л. 24, 162], закупать в Екатеринбурге и Москве товары первой необходимости, то тюменский ГУМ до ноября 1924 г. снабжался лишь со складов областной конторы УралСибГума [7. Л. 54]. Поставки товара областной конторой производились без опоры на спрос, без возможности выбора и только из того перечня, которым она располагала на момент поставок,

поэтому на полках местного ГУМа скапливалась малоходовая продукция, требующая уценки на 75% [7. Л. 52]. Это происходило систематически. Прибыль могли принести товары, пользующиеся высоким спросом, но они постоянно были в дефиците и поступали с перебоями. Нарушение системы и своевременности получения прибыли негативно влияло на обязательства по вексельным платежам и кредитам перед банками. Товарный голод в условиях новой государственной политики снижения розничных цен поставил местное отделение ГУМа в тяжелое финансовое положение, что не позволяло снижать цены на текстильные товары, сахар, чай, табак и одежду.

Во-вторых, в Тюмени открываются торговые точки государственной организации Уралторг, которая к 1926 г. становится главным конкурентом кооперации в городе и предлагает горожанам товары с низкой наценкой на их себестоимость. Надбавка стоимости на мануфактуру в Уралторге составляла 16,6%, в ГУМе – 24,8%, в Церабкопе – 22,2% [50. С. 3].

Третьим важным аспектом, который стоит учитывать, является активная благотворительная деятельность тюменского ГУМа и его сотрудников. Коллективом организации было разработано множество благотворительных акций, направленных на борьбу с беспризорничеством и детской преступностью, на поддержку детей-сирот, на помощь тюменскому студенчеству и пострадавшим от наводнения в 1924 г. ленинградцам. В местной прессе мы встречаем лозунги и призывы ГУМа к актам благотворения: «День красного студенчества! Кто сочувствует, покупайте в этот день в ГУМе!», «Праздничный базар в ГУМе в пользу Детского городка имени Ленина», «День детского городка имени В.И. Ленина. Базар с отчислением 5% в пользу детского городка. Покупайте в эти дни в ГУМе!», «Сотрудники ГУМа помогли ленинградцам!» и т.д. Местной торговой кооперации и госторговле опыт ГУМа ставился в пример в статьях и заметках «Трудового набата» [8. С. 119].

Если сравнивать благотворительную деятельность ГУМа, Уралторга и Церабкопа, то, бесспорно, более результативной, весомой и значимой она была в ГУМе. Об этом свидетельствуют акты благотворения на строительство и обеспечение детского дома им. В.И. Ленина в селе Талица (табл. 2).

Таблица 2
Пожертвования в комиссию по увековечиванию памяти
В.И. Ленина с 10 по 30 июня 1924 г. [51. С. 4]

Жертвователи	Денежные средства	Облигации
Контора ГУМа	445 руб. 6 коп.	0 шт.
Сотрудники ГУМа	76 руб. 86 коп.	2 шт. (10 руб.)
Сотрудники Уралторга	8 руб. 90 коп.	1 шт. (5 руб.)
Сотрудники Церабкопа	0 руб.	8 шт. (40 руб.)

Традиция заниматься благотворительностью особенно свойственна сотрудникам тюменского ГУМа, потому что большую часть его коллектива составляли бывшие мещане, мелкие торговцы или служащие купеческих магазинов («мальчики», приказчики, продавцы), для которых филантропия была неотъемлемой

частью жизни и в дореволюционный период. Анализ анкет сотрудников местного универмага показал, что из 95 человек 51 имел опыт работы в купеческих торговых домах, частных торговых фирмах или товариществах, а также магазинах нэпманов, оказывавших безвозмездную материальную поддержку нуждающимся тюменцам в 1920-е гг. [52]. Заведующий местным отделением столичного ГУМа Правдин личным примером помощи беспризорникам побуждал коллектив совершать акты благотворения [53. С. 4]. Тюмень во все времена славилась не только ярмарочными торгами, но и успешными торговцами и известными благотворителями.

Таким образом, в результате перенасыщения ассортимента малоходовыми товарами, из-за низких доходов торговых точек, крупных сумм пожертвований на решение социальных и городских проблем, критического снижения торгового оборота Тюменского отделения ГУМа, с февраля 1924 г. начинается необратимый процесс по закрытию этого торгового предприятия несмотря на все усилия коллектива изменить ситуацию. Решающим аспектом стало извлечение значительной части денежных средств у Тюменского отделения универмага конторой Уралсибгума 1 октября 1924 г. в свой бюджет для укрепления собственного положения в торговле и переадресацию своих кредитов и долговых обязательств на тюменский ГУМ. Такое положение дел привело к тому, что Тюменский ГУМ, начиная с января 1925 г., продолжил свое существование под знаком ликвидации, что окончательно лишило торговую организацию доверия кредиторов, следовательно, и возможности на дальнейшую торговую деятельность в провинциальном городе [7. Л. 53].

На данном этапе экономического развития государственная торговля через ГУМы в розницу была нежизнеспособной. Оценка деятельности государственных универмагов в стране, озвученная А.А. Андреевым на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 марта 1924 г., оказалась объективной. ГУМ являлся убыточной торговой государственной организацией. Если в 1922 г. у ГУМа функционировало 37 филиалов, то к 1 апреля 1924 г. количество отделений в СССР сократилось до девяти. Работу продолжили отделения ГУМа в Тюмени, Нижнем Новгороде, Краснодаре, Саратове, Козлове, Харькове, Ленинграде, Перми и Свердловске [7. Л. 2]. Все они были ликвидированы, включая Московский ГУМ, к 1931 г. В Тюмени ГУМ имел в 5 раз меньше торговых точек, чем кооперация и не мог конкурировать с широкой торговой сетью Церабкопа, который в 1926 г. объединял 20 магазинов, две мясные лавки, три киоска, колбасное, пряничное и конфетное производство [25]. После ликвидации тюменского отделения ГУМа в 1926 г. его торговые точки были переданы Церабкопу [52. Л. 677] и государственной торговой организации Уралторг [52. Л. 63].

Именно с ГУМа в провинциальной Тюмени началось формирование особенностей новой государственной советской торговли, а не ЦУМа или Уралторга, как это утверждалось местными краеведами и историками ранее. Через тюменское отделение универмага осуществлялась экономическая, торговая, социальная и культурная связь провинции и столицы.

Тюменское отделение ГУМа способствовало росту интереса к торговой деятельности, поднимало ее престижность, укрепляло авторитет новой власти. Государственный сектор торговли в провинциальном городе, с сильными традициями купечества и меценатства, представлял собой симбиоз купеческих устоев, меценатства и зарождающихся традиций советской торговли. Кадровый состав тюменского отделения ГУМа на 54% был представлен сотрудниками, имевшими дореволюционный опыт работы в купеческих торговых домах. Материально-техническая база,

национализированная у тюменского купечества, была передана формирующейся торговой системе города, что значительно облегчило ее развитие. Кроме того, тюменское отделение ГУМа не только сохраняло традиции благотворительности, но и активно им следовало. В контексте общероссийской советской истории, опыт Тюмени в организации и развитии государственного сектора торговли, с одной стороны, можно считать особенным, а с другой – как часть общего опыта развития торговли в стране в рассматриваемый период.

Список источников

1. День рождения области отмечает тюменский ЦУМ // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. 17.08.2024. URL: https://media.admtymen.ru/OIGV/media/news/more_News_.htm?id=12087522@egNews (дата обращения: 15.09.2024).
2. Бакулина Т.И. Развитие торговли в Тюмени в 1930–1936 годах // Земля Тюменская : ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2006. Вып. 20 / под. ред. В.П. Петровой. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. С. 84–90.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 427.
4. Инструкция о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней: декрет СНК РСФСР от 19 июля 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 57. Ст. 356.
5. Лютиков Е.Ю. Наградная фалеристика предприятий и организаций СССР «Ветеран труда» : каталог. М., 2015. 497 с.
6. Правила о порядке публичной отчетности и о порядке обязательных публикаций в газете «Экономическая Жизнь» от 17 ноября 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 78. Ст. 983.
7. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 629. Оп. 2. Д. 12.
8. Корсукова О.О. Становление системы государственной универсальной торговли в Тюмени (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 5 (170). С. 117–125.
9. Обязательное постановление тюменского Губисполкома № 64 от 18 июля 1923 года // Трудовой набат. 1923. № 162. 4 с.
10. Обязательное постановление тюменского Окрисполкома № 25 от 10 февраля 1926 года // Трудовой набат. 1926. № 46. 4 с.
11. Санитарные правила // Трудовой набат. 1924. № 180. 4 с.
12. ГАТО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 6, 7.
13. На красной площади // Советская Сибирь. 1924. № 192. 10 с.
14. Боярский Л.В. Очерки старой Тюмени: воспоминания старожилов. Тюмень, 2011. 143 с.
15. Литовченко В.П., Вычугжанин А.Л., Петрушин А.А. Дома как люди. От особняка купцов Брюхановых до здания Информационно-библиотечного центра: судьба дома. Тюмень, 2015. 216 с.
16. Объявления: тюменская контора ГУМа // Трудовой набат. 1923. № 9. 2 с.
17. ГАТО. Ф. 629. Оп. 1. Д. 5.
18. День детского городка им. В.И. Ленина: базар тюменского отделения ГУМа // Трудовой набат. 1924. № 119. 4 с.
19. Тюменское отделение ГУМа выступает на Тюменской сырьевой ярмарке на Ярмарочной площади // Трудовой набат. 1925. № 134. 4 с.
20. Иваненко А.С. Новые прогулки по Тюмени: путеводитель. Тюмень, 2008. 336 с.
21. ГАТО. Ф. 629. Оп. 1. Д. 5.
22. Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени: путеводитель. Тюмень, 2006. 312 с.
23. Юркин Кондуит: тюменские фамилии в письменных источниках. Опыт энциклопедического словаря : в 5 кн. / сост. Ю. Зотин. Тюмень, 2009. Кн. 1. 360 с.
24. Объявления: открыт новый магазин тюменского отделения ГУМа на Базарной площади // Трудовой набат. 1925. № 163. 4 с.
25. Схематический план г. Тюмени. 1926 год. URL: https://img-fotki.yandex.ru/get/43843/87778005.31/0_f8111_af46b9bb_orig (дата обращения: 02.07.2023).
26. Тюмень до нашей эры // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tyumengrad> (дата обращения: 18.08.2023).
27. Угол Царской (Республики) и Садовой (Дзержинского). Магазин Шитовой и Единоверческая церковь. 1911 год. URL: https://vk.com/tyumengrad?z=photo-23696452_456246986%2Falbum-23696452_139208866%2Frev (дата обращения: 7.05.2023).
28. Колбасная М. Миншутина. Единоверческая церковь. 1906 год. URL: https://vk.com/tyumengrad?z=photo-23696452_224558306%2Falbum-23696452_139208866%2Frev (дата обращения: 8.05.2023).
29. ГАТО. Ф. 629. Оп. 1. Д. 7.
30. Объявления: тюменское отделение ГУМа // Трудовой набат. 1922. № 1066. 4 с.
31. Базар-дешевка по случаю двухлетнего юбилея тюменской конторы ГУМа // Трудовой набат. 1924. № 173. 4 с.
32. ГАТО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 1.
33. ГАТО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 6.
34. Маяковский В.В. Гум: [Реклама] // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений : в 12 т. М., 1939–1949. Т. 5: Агитстихи; Агитпоэмы 1920–1930 / ред. и примеч. В. Катаняна. 1940. 763 с.
35. Фельетон без заглавия // Трудовой набат. 1922. № 1079. 2 с.
36. Затюменский Е. Наши у Макария // Трудовой набат. 1922. № 1091. 4 с.
37. Ярмарочные частушки // Трудовой набат. 1925. № 138. 4 с.
38. Чупринина Ю. Московская легенда: ГУМ // Москвич Mag. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskovskaya-legenda-gum-2/> (дата обращения: 08.07.2023).
39. Лаврентьев А.Н. Родченко Александр Михайлович: биография // Энциклопедия русского авангарда. URL: <https://rusavangard.ru/online/biographies/rodchenko-aleksandr-mikhailovich/> (дата обращения: 08.07.2023).
40. Объявление ГУМа: неделя червонца // Рабочая Москва. 1923. № 246. 8 с.
41. Житейская пестрядь // Трудовой набат. 1922. № 976. 4 с.
42. Объявления // Трудовой набат. 1926. № 72. 6 с.
43. Тюмени – специализированную торговую сеть // Советский Север. 1934. № 9. 4 с.
44. ГАТО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 16.
45. Что почем // Трудовой набат. 1922. № 987. 4 с.
46. Кто дороже торгует? // Трудовой набат. 1924. № 127. 4 с.

47. Дроздов А.В. Сибирский рынок в условиях нэпа (1924–1925 гг.): проблемы государственного вмешательства // Омский научный вестник. 2001. № 15. С. 28–32.
48. Что за скидка? // Трудовой набат. 1924. №181. 4 с.
49. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1.
50. Федоров В. Борьба за оздоровление рынка. Торговое царство: итоги обследования торгового аппарата Тюмени // Трудовой набат. 1926. № 8. 4 с.
51. На памятник Ленину // Трудовой набат. 1924. № 142. 4 с.
52. ГАТО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 11.
53. Поможем беспризорным детям! Наши взносы и вызовы // Трудовой набат. 1926. № 56. 4 с.

References

1. Official Portal of Tyumen Regional Government. (2024) *Den' rozhdeniya oblasti otmечаet tyumenskiy TSUM* [The Oblast's Anniversary Is Celebrated by Tyumen GUM]. August 17. [Online] Available from: https://media.admtyumen.ru/OIGV/media/news/more_News_.htm?id=12087522@egNews (Accessed: 15.09.2024).
2. Bakulina, T.I. (2007) *Razvitie trgovli v Tyumeni v 1930–1936 godakh* [Development of Trade in Tyumen in 1930–1936]. In: Petrova, V.P. (ed.) *Zemlya Tyumenskaya* [Tyumen Land]. Vol. 20. Tyumen: Tyumen State University. pp. 84–90.
3. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 163. File 427.
4. RSFSR. (1921) *Instruktsiya o poryadke otkrytiya i proizvodstva vsyakoy trgovli i pravila nadzora za ney* [Trade Regulations Decree]. *Sobranie zakonov RSFSR* [RSFSR Legislation Collection]. 57. Article 356.
5. Lyutskov, E.Yu. (2015) *Nagradnaya faleristika predpriyatiy i organizatsiy SSSR "Veteran truda"* [USSR Labor Veteran Awards Catalog]. Moscow.
6. RSFSR. (1922) *Pravila o poryadke publichnoy otchetnosti* [Public Reporting Rules]. *Sobranie zakonov RSFSR*. 78. Article 983.
7. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 2. File 12.
8. Korsukova, O.O. (2016) *Stanovlenie sistemy gosudarstvennoy universal'noy trgovli v Tyumeni* [State Universal Trade System Formation in Tyumen]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5/170. pp. 117–125.
9. *Trudovoy nabat*. (1923) *Obyazatel'noe postanovlenie tyumenskogo Gubispolkoma № 64* [Tyumen Executive Committee Decree No. 64]. 162. 4 p.
10. *Trudovoy nabat*. (1926) *Obyazatel'noe postanovlenie tyumenskogo Okrispolkoma № 25* [Tyumen District Executive Committee Decree No. 25]. 46. 4 p.
11. *Trudovoy nabat*. (1924) *Sanitarnye pravila* [Sanitary Rules]. 180. 4 p.
12. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 2. File 6, 7.
13. *Sovetskaya Sibir'*. (1924) *Na krasnoy ploshchadi* [On Red Square]. 192. 10 p.
14. Boyarskiy, L.V. (2011) *Ocherki staroy Tyumeni* [Essays on Old Tyumen]. Tyumen.
15. Litovchenko, V.P., Vychugzhnin, A.L. & Petrushin, A.A. (2015) *Doma kak lyudi* [Houses Like People]. Tyumen.
16. *Trudovoy nabat*. (1923) *Obyavleniya: tyumenskaya kontora GUMA* [Tyumen GUM Office Advertisements]. 9. 2 p.
17. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 1. File 5.
18. *Trudovoy nabat*. (1924) *Den' detskogo gorodka im. V.I. Lenina* [Lenin Children's Town Day]. 119. 4 p.
19. *Trudovoy nabat*. (1925) *Tyumenskoe otdelenie GUMA vystupaet na Tyumenskoy syr'evoy yarmarke* [Tyumen GUM present at Tyumen Raw Materials Fair]. 134. 4 p.
20. Ivanenko, A.S. (2008) *Novye progulki po Tyumeni* [New Walks Around Tyumen]. Tyumen.
21. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 1. File 5.
22. Ivanenko, A.S. (2006) *Progulki po Tyumeni* [Walks Around Tyumen]. Tyumen.
23. Zotin, Yu. (ed.) (2009) *Yurkin Konduit: tyumenskiye familii v pis'mennykh istochnikakh. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya : v 5 kn.* [Yurkin Conduct: Tyumen surnames in written sources. An attempt at an encyclopedic dictionary: in 5 books]. Book 1. Tyumen: Mandri Ka.
24. *Trudovoy nabat*. (1925) *Obyavleniya: otkryt novyy magazin tyumenskogo otdeleniya GUMA* [Advertisement: New Tyumen GUM Store Opened]. 163. 4 p.
25. *img-fotki.yandex.ru*. (2023) *Skhematicheskyy plan g. Tyumeni* [Tyumen City Plan]. Year 1926. [Online] Available from: https://img-fotki.yandex.ru/get/43843/87778005.31/0_f8111_af46b9bb_orig (Accessed: 02.07.2023).
26. VK. (2023) *Tyumen' do nashey ery* [Tyumen Before Our Era]. [Online] Available from: <https://vk.com/tyumengrad> (Accessed: 18.08.2023).
27. VK. (2023) *Ugol Tsarskoy (Respubliki) i Sadovoy (Dzerzhinskogo)* [Corner of Tsarskaya and Sadovaya Streets]. Year 1911. [Online] Available from: https://vk.com/tyumengrad?z=photo-23696452_456246986%2Falbum-23696452_139208866%2Frev (Accessed: 7.05.2023).
28. VK. (2023) *Kolbasnaya M. Minshutina* [M. Minshutin's Delicatessen]. Year 1906. [Online] Available from: https://vk.com/tyumengrad?z=photo-23696452_224558306%2Falbum-23696452_139208866%2Frev (Accessed: 8.05.2023).
29. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 1. File 7.
30. *Trudovoy nabat*. (1922) *Obyavleniya: tyumenskoe otdelenie GUMA* [Tyumen GUM Advertisements]. 1066. 4 p.
31. *Trudovoy nabat*. (1924) *Bazar-deshevka po sluchayu dvukhletnego yubileya tyumenskoy kontory GUMA* [Cheap bazaar on the occasion of the two-year anniversary of the Tyumen office of GUM]. 173. 4 p.
32. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 2. File 1.
33. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 2. File 6.
34. Mayakovskiy, V.V. (1940) Gum [GUM]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow.
35. *Trudovoy nabat*. (1922) *Felet'on bez zaglaviya* [Untitled Feuilleton]. 1079. 2 p.
36. Zatyumenskiy, E. (1922) *Nashi u Makariya* [Our People at Makariy Fair]. *Trudovoy nabat*. 1091. 4 p.
37. *Trudovoy nabat*. (1925) *Yarmarochnye chastushki* [Fair Ditties]. 138. 4 p.
38. Chuprinina, Yu. (2023) *Moskovskaya legenda: GUM* [Moscow Legend: GUM]. *Moskvich Mag*. [Online] Available from: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskovskaya-legenda-gum-2/> (Accessed: 08.07.2023).
39. Lavrent'ev, A.N. (2023) *Rodchenko Aleksandr Mikhaylovich* [Alexander Rodchenko]. In: *Entsiklopediya russkogo avangarda* [Encyclopedia of Russian Avant-Garde]. [Online] Available from: <https://rusavangard.ru/online/biographies/rodchenko-aleksandr-mikhaylovich/> (Accessed: 08.07.2023).
40. *Rabochaya Moskva*. (1923) *Obyavlenie GUMA: nedelya chervontsa* [GUM Chervonets Week Ad]. 246. 8 p.
41. *Trudovoy nabat*. (1922) *Zhiteyskaya pestryad'* [Everyday Miscellany]. (976). 4 p.
42. *Trudovoy nabat*. (1926) *Obyavleniya* [Advertisements]. 72. 6 p.
43. *Sovetskiy Sever*. (1934) *Tyumeni – spetsializirovannuyu set'* [Specialized Trade Network for Tyumen]. 9. 4 p.
44. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 305. List 1. File 16.
45. *Trudovoy nabat*. (1922) *Chto pochem* [What the Prices Are]. 987. 4 p.
46. *Trudovoy nabat*. (1924) *Kto dorozhe torguet?* [Who Sells More Expensively?]. 127. 4 p.
47. Dроздов, А.В. (2001) *Sibirskiy rynek v usloviyakh nepa (1924–1925 gg.): problemy gosudarstvennogo vmeshatel'stva* [The Siberian Market under the NEP (1924–1925): Problems of State Intervention]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 15. pp. 28–32.

48. *Trudovoy nabat*. (1924) Chto za skidka? [What Discount?]. 181. 4 p.
49. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 20. List 1. File 1.
50. Fedorov, V. (1926) Bor'ba za ozdorovleniye rynka. Torgovoye tsarstvo: itogi obsledovaniya torgovogo apparata Tyumeni [The Struggle for Market Recovery. Trading Kingdom: Results of the Survey of Tyumen's Trading Apparatus]. *Trudovoy nabat*. 8. 4 p.
51. *Trudovoy nabat*. (1924) Na pamyatnik Leninu [For Lenin Monument]. 142. 4 p.
52. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 629. List 2. File 11.
53. *Trudovoy nabat*. (1926) Pomozhem besprizornym detyam! Nashi vnzosy i vyzovy [Let's help homeless children! Our contributions and challenges]. 56. 4 p.

Информация об авторе:

Корсукова О.О. — канд. ист. наук, доцент Академического департамента (УИОТ) Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: o.o.korsukova@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.O. Korsukova, Cand. Sci. (History), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o.o.korsukova@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.08.2024;
одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 14.08.2024;
approved after reviewing 01.10.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/15617793/511/14

Современная отечественная историография студенчества России позднеимперского и раннесоветского периодов

Александра Андреевна Ромахова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, aleksandra522@inbox.ru

Аннотация. Анализируются исследования, посвященные студенчеству России позднеимперского и раннесоветского периодов. Выделяются основные точки зрения исследователей на данную проблему. Делается вывод о преобладании взгляда на студенчество как особую корпорацию в контексте общественно-политической и социальной обстановки, а также о влиянии антропологического подхода, открывающего новые перспективы для междисциплинарного изучения студенчества как социокультурного феномена.

Ключевые слова: историография, студенчество России, положение студентов, история высшего образования, реформа высшей школы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

Для цитирования: Ромахова А.А. Современная отечественная историография студенчества России позднеимперского и раннесоветского периодов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 141–150. doi: 10.17223/15617793/511/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/14

Modern Russian historiography of students of the Late Imperial and Early Soviet periods

Aleksandra A. Romakhova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, aleksandra522@inbox.ru

Abstract. This work is the result of studying the modern historiography of the "transitional" era: the Late Imperial (after the adoption of the new University Charter in 1884) and Early Soviet (1920s, the time of experiments with higher education) periods. The turn of the 20th century became a time of destruction of outdated structures in the economy, society and politics. This period was accompanied by rapid social changes caused, among other things, by the activity of students. Historiography has accumulated a significant amount of research on various aspects of student history during this period. Its current state requires rethinking and systematization in order to assess the real potential of research in this area. The research methodology includes comparative-historical and historical-typological methods. The comparative historical method was used to identify various theoretical attitudes in interpretations that allow segmenting the process of developing research ideas about Russian students of the Late Imperial and Early Soviet periods. Using the historical and typological method, the historiographical material was classified according to theoretical criteria. A comprehensive analysis of the scientific literature showed that, in general, Russian students of the Late Imperial and Early Soviet periods received wide coverage in modern Russian historiography. The main perspectives from which student researchers approach the subject of their work were highlighted: students in the context of youth history and university history, students in exile, the relationship of students with the authorities and the teaching staff, the organization of scientific activities, etc. Of course, the anthropological turn in social and humanitarian research has drawn the attention of scientists to man and his daily life. Students are no exception. To date, the most relevant works are those carried out in line with the study of the history of everyday life, a promising direction in modern historical science. Determining the possibilities for further development of the highlighted areas, it is necessary to note the prospect of an interdisciplinary approach to the study of students as a complex socio-cultural phenomenon. The problem of students requires a comprehensive study, which is possible using a wide variety of sources – both personal origin (diaries, letters, etc.) and official documents regulating the situation of students, the relationship between students and professors. Of interest are the transformations in the appearance of students associated, on the one hand, with the introduction of the last University Charter (1884), the collapse of the Russian Empire, and, on the other, the creation of a new state and, accordingly, a new vector of government policy in the field of education.

Keywords: historiography, Russian students, students' status, history of higher education, higher school reform

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

For citation: Romakhova, A.A. (2025) Modern Russian historiography of students of the Late Imperial and Early Soviet periods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 141–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/14

Данная работа представляет результаты изучения новейшей историографии «переходной» эпохи: поздней имперской (после принятия нового университетского Устава 1884 г.) и раннесоветского (1920-е гг., время экспериментов в отношении высшей школы) периодов. Рубеж XIX–XX вв. стал временем разрушения устаревших структур в экономике, обществе и политике. Данный период сопровождался стремительными социальными изменениями, в которых не последнюю роль занимало студенчество.

Процесс превращения российского студенчества в советское был сложным и противоречивым в связи с трансформацией образовательной системы и идеологических установок, расширением доступа к высшему образованию. Изменения в жизни студентов являлись важным показателем социальных перемен, которые начались в стране. Историография накопила значительное количество исследований по различным аспектам истории студенчества в России в конце имперского и начале советского периода: взаимодействие студенчества с властью, профессорско-преподавательским составом, повседневные практики, студенческие корпорации и др. Её текущее состояние требует переосмысления и систематизации для оценки реального потенциала исследований в данном направлении.

Целесообразность обращения к историографии, посвященной одновременно двум смежным эпохам в истории отечественного студенчества, определяется подходом к изучению университетского прошлого через призму разрывов и преемственности. Такой подход позволяет ответить на вопросы о том, в какой мере разрыв, вызванный политическими событиями (революция), был тотальным, сохранялись ли признаки преемственности студенчества, несмотря на осевидную радикальную смену эпох, как в истории страны, так и высшей школы.

Со второй половины последнего десятилетия XX в. стали появляться историографические работы, посвященные исследованиям темы студенчества поздней имперской и раннесоветского периодов. Можно выделить труды таких авторов, как О.А. Вахтерова, Ю.К. Рачковская, Г.А. Камчатова, А.К. Писанова, Э.Ф. Абукиерова [1–5]. По большей части указанные публикации достаточно узко ограничены территориальными, хронологическими рамками или направлением работ рассматриваемых авторов. В данной статье предпринимается попытка сопоставления исследований двух смежных эпох для выявления историографических лакун в изучении темы.

Современный период развития историографии (1990-е гг. – настоящее время) отмечен плюрализмом методологических подходов и мнений, при этом основное внимание уделяется исследованию студенчества как отдельной социальной группы. В исследованиях данного периода получили развитие как новаторские направления (студенчество в эмиграции, история молодежных объединений, неотъемлемой частью которых были студенты), так и традиционные подходы (социальный состав студенчества, его материальное положение).

Исследователи студенчества подходят к предмету своих работ с разных ракурсов:

- студенчество в контексте истории молодежи;
- студенчество в контексте университетской истории: взаимоотношение профессорско-преподавательского состава и студенчества, организация научной деятельности;

- политическая история: взаимоотношение власти и студенчества, студенчество в эмиграции;
- история повседневности.

В 1990-е гг. появились первые работы, в которых была сделана попытка профессионально проанализировать становление и развитие организационных форм молодежного движения. В данном направлении студенчество представлено как составная часть молодежи страны. В диссертации Н.И. Морозов [6] рассматривает воздействие внешних и внутренних факторов на формирование организованных форм молодежного движения и изучает, как социальные интересы влияли на структуру и характер этих организаций, включая студенческие корпорации. В данной работе Н.И. Морозов делает акцент на процессе государственного контроля над молодежными организациями, вытеснения не proletарских молодежных организаций и их противодействии этому процессу. Автор обосновывает тезис о сложном и противоречивом воздействии интервенции и Гражданской войны на коммунистическую организацию молодежи и положение, в котором оказался комсомол в данный период.

Ю.А. Стецура [7], как и Морозов, рассматривает внешние предпосылки складывания корпорации студенчества. Помимо этого, указывает на определяющую роль социально-экономических условий той эпохи. Ю.А. Стецура придерживается мнения, что до революции в России не существовало отдельных политических организаций для молодых людей и молодежное движение сливалось с партийным. В начале 1920-х гг. РКП(б) начала рассматривать молодое поколение как основной социальный инструмент. Однако социально-экономическая ситуация в стране не позволяла партии сосредоточиться на проблемах молодежи.

В 2000–2010-е гг. продолжается развитие темы молодежных объединений. В данном направлении необходимо выделить работу Р.С. Туктарова [8], посвященную государственной молодежной политике и эволюции молодежного движения в период от революции до Великой Отечественной войны.

В статьях Р.В. Рыбакова [9, 10] исследуются структура и идеологические принципы молодежных организаций, не связанных с коммунистическими идеями, их взаимоотношения с ВЛКСМ. Автор рассматривает основные аспекты и условия их функционирования, особенности их идеологии, политики и организационной структуры, а также факторы, приведшие к прекращению их деятельности.

В соответствии с этим же подходом рассматривает студенчество России раннесоветского периода П.А. Меркулов [11–13]. В своих работах автор исследует роль и состав молодежных организаций в России к началу 1920-х гг. Автор приходит к выводу, что под руководством ВКП(б) комсомол начал вытеснять альтернативные молодежные организации из системы, устраняя несоциалистические объединения и национальные организации молодежи.

В последние десятилетия отмечается определенный рост интереса к теме студенческих объединений и региональных сообществ поздней имперской эпохи. Исследователи изучают процессы их формирования и роста. Также историками рассматривается влияние

разнообразных групп и объединений студентов университета на формирование мировоззрения и принятие участия в национальных движениях или социальных протестах. В этом направлении следует отметить работы Л.П. Могильного, Д.А. Тимохиной, М.Н. Кибальной, Д.А. Баринова [14–17].

С начала 1990-х гг. ряд исследователей осуществляли систематизацию и анализ исторических аспектов образования в России [18, 19]. В данном направлении необходимо отметить монографию одного из ведущих исследователей истории дореволюционной высшей школы А.Е. Иванова «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации» [20]. Данный труд представляет собой всестороннее исследование истории корпоративной структуры, культуры, социальной психологии и общественно-политического облика студенческого сообщества. Основу монографии составляют различные источники, такие как уставы студенческих организаций, студенческая переписка, пресса, мемуары, письма, документы полицейского сыска и материалы политических партий. Первая часть монографии посвящена академической субкультуре студенческой корпорации, включая землячества, научные кружки, общества, организации студенческой помощи, богословские и культурные объединения и др. Вторая часть исследует высшие формы студенческой самоорганизации через «самопереписи» и корпоративную прессу, рассматривая коллективное самосознание и культурно-общественную презентацию молодой российской интеллигенции. Третья часть посвящена политической культуре студентов и поискам общественно-политической идентичности, которые были неотъемлемой частью их повседневной жизни.

Отдельно стоит выделить работы, посвященные определенным университетам, в которых вопрос положения студенчества освещается, но не является главным. Например, диссертация В.А. Соломонова [21] представляет собой первую попытку создания подробной исторической хроники Саратовского университета, в которой автор сосредоточился на проблеме взаимоотношений между властью и обществом. В данной работе В.А. Соломонов стремится показать, как общественное мнение влияло на правительство и как университет способствовал формированию этого мнения. В плане студенческого вопроса в работе обобщены количественные и социальные изменения в студенческой среде.

В диссертационной работе Н.Г. Швед [22] фокус внимания направлен на роль Казанского университета в формировании политической культуры российской интеллигенции в 60–90-е гг. XIX в. Отдельная глава в данном исследовании посвящена вопросу влияния профессорско-преподавательской среды Казанского университета на формирование политических взглядов студенческой молодежи и других групп российской интеллигенции.

Е.А. Ростовцев в диссертационном исследовании, посвященном Санкт-Петербургскому университету в социально-политическом контексте, отдельную главу уделяет анализу характера отношений между преподавателями и студентами, политической поляризации и студенческому быту [23].

Одним из важнейших направлений изучения положения студенчества в раннесоветский период является проблема студенчества в эмиграции. В начале 2000-х гг. вышло несколько работ в данном направлении [24]. Развитие данного подхода продолжилось в 2010-е гг. [25, 26].

К пионерам, кто начал изучать указанную проблему, можно отнести Е.С. Постникова, диссертация которого посвящена российскому студенчеству на Родине и за рубежом в 1917–1927 гг. [27]. Данная работа представляет собой комплексное исследование положения студенчества в позднимперский и раннесоветский период. Автор анализирует структуры студенческого сообщества, их экономическое положение, образ жизни, политические взгляды и убеждения. Также рассматривается участие студентов в Гражданской войне.

Е.С. Постников обращает внимание на влияние новой экономической политики на студенчество, меры правительства по регулированию социального состава студентов, изменения в учебном процессе, а также социально-экономическое положение студентов в 1920-е гг. Работа затрагивает проблему эмиграции «первой волны» студентов из России, социальное обеспечение, быт и образование за рубежом, а также изменение политических убеждений, идеологических течений и религиозных поисков.

Характерным представителем данного направления является М.А. Сурайкин [28]. В своей работе он анализирует причины, которые побудили молодежь к эмиграции из России, приводит численные показатели эмигрировавшей молодежи, дает оценку их правовому статусу. Автор уделяет внимание изучению социального обеспечения, быта и учебы российской молодежи в зарубежье, включая анализ условий и возможностей, с которыми они столкнулись за пределами России. Отдельная глава исследования посвящена динамике политической ориентации, идейным течениям, религиозным исканиям эмигрантской молодежи.

Значительное количество работ, вышедших за последние 20 лет, посвящено взаимоотношениям власти и учащихся вузов. Касательно позднимперского периода исследователей привлекает вопрос системы наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору. Делается акцент на рассмотрении правового поля, соответственно, основным источником в данных работах являются уставы и правила вузов, законы, положения.

В статье В.В. Суязова [29] рассмотрены предпосылки возникновения профессорского дисциплинарного суда в университетах Российской империи. В ходе исследования было установлено, что создание дисциплинарного суда представляло собой компромисс между интересами администрации вузов и студентов. С одной стороны, это позволило снизить нагрузку на университетское руководство, а с другой – отвечало интересам студентов, которые были недовольны тем, что судопроизводством занималось правление (исполнительный орган вуза).

Дисциплинарный суд также являлся элементом университетской автономии, который внес и дополнил утраченные положения Университетского устава 1863 г.

М.В. Фадеева [30] в статье, поднимающей вопрос правового положения студентов Императорского Московского университета, выдвигает тезис о том, что

идея создания Профессорского дисциплинарного суда представлялась профессорам Московского университета гарантией спасения университетской жизни от студенческих волнений.

А.О. Степнов и С.Ф. Фоминых в совместной статье [31] исследуют реализацию системы взысканий среди студентов Томского университета через штрафную книгу как отражение факторов, способствующих возникновению массовых протестов. Предполагается, что осознанное нарушение строгих правил, регулировавших поведение студентов как внутри, так и за пределами университета, можно рассматривать как форму сопротивления всепоглощающему контролю.

С точки зрения взаимоотношений власти и учащихся вузов раннесоветского периода можно выделить несколько основных подходов, которых придерживаются исследователи последние 25 лет: изменение системы управления вузами и преподавания в них (связанное с лишением автономии) и изменение социального состава студенчества (пролетаризация). Как правило, рассмотрение данных проблем происходит на примере определённого региона или вуза.

В рамках первого подхода можно выделить исследования, рассматривающие взаимоотношения высшей школы Урала и власти в условиях нэпа [32], проведение реформ в высшем образовании в Петроградском университете [33].

Массовые студенческие волнения 1920–1921-х гг. послужили толчком к углублённому изучению идеологического компонента в вузах со стороны руководства страны. В ответ на протесты студенческой молодежи, которая подвергалась жестоким преследованиям, началась активная работа по пролетаризации вузов. Этот процесс осуществлялся тремя основными способами: направлением в вузы политически надёжной молодежи, расширением сети рабочих факультетов и исключением студентов не-пролетарского происхождения («чисток»). В современной историографии неоднократно рассматривались сюжеты, связанные с пролетаризацией студенчества как в целом [34], так и на примере вузов различных городов [35–38].

Диссертация Д.А. Андреева [39] является первым комплексным исследованием «красного студенчества» как идеологемы. Обращаясь к изучению государственной политики в области высшего образования, основное внимание в работе автор уделяет проблеме сущности идеологемы, а также ее использования учащимися. В исследовании автор обосновывает тезис о том, что обязательными признаками «красного студента» в идеологеме являлись рабочая одежда, манеры и финансовое неблагополучие. В периоды «чисток» особо важной чертой «красного студента» являлось его семейное происхождение.

Лишение данного статуса могло повлечь лишения ряда материальных льгот или исключение из вуза. Также Д.А. Андреев рассматривает меры, направленные на политическое воспитание студентов.

В данном аспекте необходимо выделить продолжение развития проблемы деятельности рабочих факультетов. Как правило, в посвящённых этой теме работах исследователи рассматривают данный вопрос с устоявшейся точки зрения: эволюция и характеристики образовательного процесса и воспитания на рабочих факультетах, их

материальное обеспечение, студенческий состав, взаимодействие между преподавателями, студентами основных факультетов и рабочим факультетом [40].

И.А. Сергачев, рассматривая деятельность рабфаков на примере вузов Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской губерний [41], обосновывает тезисы о том, что студенческое самоуправление имело значительное воздействие на рабочие факультеты, а местные власти, учитывая трудное положение студентов, оказывали им ощутимую поддержку. Отдельная глава посвящена «чисткам» учащихся рабфаков. В статье Е.И. Горбушиной поднимаются вопросы привлечения на рабочие факультеты в Волго-Вятском регионе женщин и национальных меньшинств [42].

Статья А.Ф. Кривоноженко [43] интересна взглядом на проблему рабочих факультетов с точки зрения непрерывного образования. Автор приходит к заключению, что рабочие факультеты предшествовали современному подготовительным факультетам в университетах, которые в свою очередь являются частью современной системы непрерывного образования. Кроме того, активная культурная и общественная жизнь студентов, направленная на их многогранное развитие, также является общей чертой, объединяющей рабочий факультет и парадигму непрерывного образования.

К отдельной категории относятся исследования, раскрывающие проблему становления высшего образования и формирования интеллигенции в раннесоветский период в регионах, где в имперское время не было высших учебных заведений. Основопологающим принципом при формировании советской интеллигенции был учет классовых интересов. Проблема студенчества рассматривается в данных исследованиях косвенно, обычно с точки зрения пролетаризации социального состава, участия в общественных мероприятиях, материального положения. Вопросу становления высшего образования в различных регионах страны посвящены работы М.В. Ермушина, Н.А. Данькиной, Н.В. Хисамудиновой, О.Н. Гончаренко, М.В. Коваленко, В.В. Лобовой, Е.В. Даниловой, Ш.И. Аюбовой [44–51].

В целом в историографии достаточно подробно освещена советская государственная политика в области высшей школы, политическая борьба в вузах в 1920-е гг. Исследователи в работах осветили такие важные аспекты истории студенчества раннесоветского периода, как механизмы распределения стипендий и других форм материальных льгот, статистику увеличения среди студентов числа лиц – выходцев из рабочей или крестьянской среды, раскрыли изменения в учебном процессе. Тема университетских чисток является составной частью изучения проблемы пролетаризации и трансформации высшего образования, а также истории студенческой повседневности, внутривузовской борьбы и стратегий студенческой самоидентификации. Однако степень проработанности данной темы еще нельзя признать удовлетворительной во всех аспектах. В исследованиях о развитии высшего образования упоминались репрессии в отношении профессорско-преподавательского состава, но не студенчества.

На данный момент в отечественной исторической науке наблюдается постепенный переход от преимущественного изучения функционирования отдельных элементов университетской системы к фокусированию на

человеческом аспекте истории. С начала 2000-х гг. активно развивается направление истории повседневности относительно студенчества позднимперского и раннесоветского периодов, объектом изучения которых является жизнь и быт людей. Первые работы в данном направлении представлены статьями Д.Ю. Гнатовской, М.Р. Зезиной, А.Я. Лившиной, И.Б. Орлова [52, 53].

Одна из первых фундаментальных работ в данном направлении принадлежит А.Ю. Рожкову [54]. Его диссертация представляет собой комплексное исследование повседневности советской молодежи начала 1920-х гг. и системы рабфаков. Автор придерживается мнения, что изначально рабочие факультеты, созданные для подготовки не имевшей среднего образования пролетарской молодежи к поступлению в вузы, на практике быстро стали средством вытеснения талантливых, но «классово чуждых» студентов из высших учебных заведений. Также в работе рассматривались материальное положение студентов, формы досуга, здоровье и повседневная жизнь студенческих общин.

С середины 2000-х гг. наблюдается тенденция к постепенному географическому сужению темы. Исследователи рассматривают повседневность студентов на примере отдельных регионов [55, 56] и вузов [57–59]. В целом в трудах авторов данного подхода отражен широкий спектр повседневной жизни студентов, включая их настроения, быт в учебных заведениях, материальное положение, процессы внедрения и распространения идеологии, а также пролетаризации учащихся вузов. Освещены инициативы самоорганизации студенческого сообщества, направленные на взаимопомощь.

С 1990-х гг. набирают популярность исследования, показывающие изменения в положении студенчества на сломе эпох на примере конкретных личностей [60–66], а также исследования, основанные на источниках личного происхождения [67–71].

В современной историографии количество трудов, посвященных теме организации научной деятельности студентов позднимперского периода, не столь велико. Исследователи рассматривают систему привлечения студентов дореволюционных университетов к научной работе и формирование научных кадров [72]. Анализируются изменения в методах организации практической подготовки [73] и особенности организации научно-исследовательской работы студентов в рамках научных студенческих кружков при высших учебных заведениях Российской империи [74, 75].

Революция 1917 г. стала переломным моментом в системе высшего образования России. Начались многочисленные преобразования. Прежде всего, реформы коснулись социального состава учащихся вузов. Декрет от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» отменил все формальные ограничения и открыл доступ в вузы всем желающим независимо от образовательного ценза. Помимо этого, женщины впервые получили равные с мужчинами права на получение высшего образования.

В современной историографии изучению женского высшего образования в первые годы советской власти посвящено немало работ. В них рассматриваются количественные изменения относительно получения ими

образования [76], процесс становления женского образования [77], а также дискриминационные препятствия, с которыми сталкивались женщины, желавшие получить высшее образование в 1920-е гг. [78].

В части трудов в современной историографии рассматривается тема студенчества в переломный период. В работе А.Ю. Сизовой [79] исследуется политика Временного правительства относительно высшей школы. Автор придерживается мнения, что она была направлена на расширение сети учебных заведений и увеличение эффективности их работы. Были сделаны конкретные шаги в исправлении диспропорций географического размещения высших учебных заведений. Однако данные меры не смогли быть реализованы в полной мере ввиду ряда кризисов, обострившихся в стране к осени 1917 г.

В.В. Левченко рассматривает университет в Одессе, исследуя, является ли он прямым преемником Новороссийского университета или примером разрыва между имперскими и советскими университетами [80].

А.Ю. Мартынова [81], рассматривая роль студенчества в Февральской революции, приходит к заключению, что с начала марта 1917 г. студенты прекратили обучение, студенческое сообщество начало постепенно распадаться. К октябрю 1917 г. эта активная группа из-за нарушения общественных связей уже не существовала.

Важнейшим для исследования студенчества позднимперского и раннесоветского периодов является вопрос взаимоотношений между профессорско-преподавательским составом и студенчеством. В.Л. Маркин [82] изучает роль студентов и преподавателей в общественной жизни страны в первой четверти XX в. Исследуется вопрос взаимодействия между преподавательским составом и студенчеством в российских университетах на переломе XIX–XX вв., авторы констатируют усложнение отношений между преподавательским составом и студентами. Сложившаяся в XVIII – начале XIX в. модель взаимоотношений, при которой преподаватели занимали главенствующую позицию относительно студентов, претерпевала изменения, усугубляясь общественной нестабильностью начала века.

М.В. Грибовский [83, 84] выделяет различные формы внеуниверситетских отношений, таких как благотворительная деятельность преподавательского состава в отношении студентов, работа профессорского дисциплинарного суда и взаимоотношения между профессорами и студентами в период «студенческих волнений». Среди основных причин конфликта между студентами и профессорами можно выделить расхождение мнений относительно прав и возможностей студентов в университете и ограничения для законного проявления студенческой самоорганизации. С.Ф. Фоминых и А.О. Степнов [85] приходят к выводу о том, что в рассматриваемый период существовала неформальная этика взаимоотношений профессора и ученика в университетской среде, которая противопоставлялась официальному кодексу и в значительной степени определяла коллективную психологию преподавательского состава.

Комплексный анализ научной литературы свидетельствует, что в целом студенчество России позднимперского и раннесоветского периодов получило широкое освещение в современной отечественной историографии,

представленной исследованиями, посвященными студенчеству как особой корпорации со своей внутренней структурой, организации студенческой научной деятельности, различным формам контактов студентов и профессорско-преподавательского состава и др. Практически каждым исследователем во внимание принимается общественно-политический и социальный контекст, в рамках которого происходило развитие студенчества.

Отметим тот факт, что в основном авторы рассматривают раннесоветский и позднимперский периоды в истории студенчества и университета, противопоставляя друг другу. В дальнейшем развитии историографии представляется важным обратить внимание на проблему преемственности между смежными эпохами, разделенными революцией. В перспективе развития исследовательского поля можно выделить несколько факторов преемственности: модель взаимодействия преподавателя и студента, материально-бытовое положение. В данном контексте особое внимание следует уделить проблеме изменения социокультурного уклада студенчества. Трансформация социокультурных основ является ключевым аспектом процесса модернизации, поскольку именно в этой сфере, в условиях социального раскола, происходят значительные изменения в ментальности общества.

Безусловно, антропологический поворот в социально-гуманитарных исследованиях обратил внимание учёных на человека и его повседневную жизнь. Студенчество не является исключением. Подчеркнём ещё раз, что на сегодняшний день наиболее актуальными являются работы, выполненные в русле изучения истории повседневности, перспективного направления в современной исторической науке.

Определяя возможности дальнейшего развития выделенных направлений, необходимо отметить перспективу междисциплинарного подхода к изучению студенчества как сложного социокультурного феномена. Проблема студенчества требует всестороннего изучения, возможного при использовании самых разнообразных источников – как личного происхождения (дневников, писем и т.д.), так и официальных документов, регламентирующих положение учащихся, взаимоотношения студентов и профессоров. Интерес представляют преобразования в облике студентов, связанные с кризисным периодом в истории высшей школы, вызванным – с одной стороны, введением последнего университетского Устава (1884 г.), распадом Российской империи, а с другой – созданием нового государства и, соответственно, новым вектором правительственной политики в сфере образования.

Список источников

1. Вахтерова О.А. Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 186 с.
2. Рачковская Ю.К. Студенчество Петербурга и Москвы в освещении авторов либерального направления : конец XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 210 с.
3. Камчатов Г.А. Отечественная историография дореволюционного русского студенчества: 1860 – февраль 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 250 с.
4. Писанова А.К. Модернизация высшей школы в советский период в российской историографии // Известия Петербургского университета путей сообщения. Науки об образовании. 2013. № 1. С. 194–199.
5. Абуликерова Э.Ф. Повседневность высшей школы в 20–30-е годы XX века (историографический аспект) // Власть. 2023. № 31 (4). С. 231–236.
6. Морозов Н.И. Становление и развитие организационных форм молодежного движения в России (1917–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. 22 с.
7. Стецуря Ю.А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20–30-е годы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 43 с.
8. Туктаров Р.С. Государство и молодежь в период от революции 1917 г. до Великой Отечественной войны : Исторические опыт и уроки : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. 417 с.
9. Рыбаков Р.В. Некоммунистические политические и общественные объединения молодежи в 1917 – первой половине 1920-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2013. № 1. С. 59–77.
10. Рыбаков Р.В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917–1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 119–124. doi: 10.17223/15617793/382/20
11. Меркулов П.А. Молодежные организации РСФСР начала 1920-х годов // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 196–204.
12. Меркулов П.А. Борьба РКСМ с другими общественными организациями за влияние на молодежь в 1920-е годы // Управленческое консультирование. 2017. № 9 (105). С. 164–169.
13. Меркулов П.А. Комсомол в системе молодежных общественных организаций 1920-х гг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Вып. 16, № 1. С. 49–58.
14. Могильный Л.П. Жизнь студентов и студенческие землячества в Киевском университете Святого Владимира // Гилея: научный вестник. 2014. № 90. С. 41–44.
15. Тимохина Д.А. Столичное студенчество и конституционно-демократическая партия: Санкт-Петербургская студенческая фракция партии народной свободы в 1905–1908 годах // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 6. С. 124–130.
16. Кибальная М.Н. Студенческие объединения в Императорском ун-те св. Владимира в 1880–1905 годы // Научное мнение. 2015. № 5-3. С. 127–132.
17. Барinov Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 253 с.
18. Змеев В.А. Эволюция высшей школы Российской империи. М. : ЛАТМЭС, 1998. 241 с.
19. Аврус А.И. История российских ун-тов: Очерки. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. 85 с.
20. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 408 с.
21. Соломонов В.А. История десятого ун-та императорской России: Саратов. ун-т, 1909–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 304 с.
22. Швед Н.Г. Роль Казанского ун-та в формировании политической культуры российской интеллигенции, 60-е – 90-е годы XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 254 с.
23. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2017. 37 с.
24. Макеева Н.А. Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны»: 20–30-е гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2003. 22 с.
25. Сорокина М.Ю. Российская научная зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2010. № 1. С. 75–94.
26. Волошина В.Ю. Социальная адаптация ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012. 46 с.

27. Постников Е.С. Российское студенчество на Родине и за рубежом, 1917–1927 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Тверь, 2000. 507 с.
28. Сурайкин М.А. Молодёжные движения и организации Российского Зарубежья в 1920-е–1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 196 с.
29. Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской империи // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). С. 101–105.
30. Фадеева М.В. Студенты Московского Императорского университета в правовом поле российской империи: под надзором трех инстанций // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 251–275.
31. Степнов А.О., Фоминых С.Ф. По страницам штрафной книги: система наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору в Императорском Томском ун-те (1893–1899 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 184–197. doi: 10.17223/15617793/443/23
32. Пропп О.В. Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа : Опыт взаимоотношений, 1921–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 280 с.
33. Кривоноженко А.Ф. Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Вып. 22, № 5. С. 51–55.
34. Платова Е.Э. Формирование советской элиты в высшей школе 1921–1927 гг. // Переломные моменты истории: люди, события, исследования : материалы междунар. науч. конф. : в 3 т. СПб., 1 апр. 2022. Т. 1. СПб., 2022. С. 313–319.
35. Котов А.С. Пролетаризация учебных заведений Вологды и Череповца в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Вып. 4, № 4. С. 46–53.
36. Валуев Д.В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере смоленских вузов) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 20–26.
37. Стребкова Н.В. Динамика социального состава студенчества вузов в г. Саратове в 1920-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Вып. 14, № 2. С. 112–114.
38. Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 177–182. doi: 10.17223/15617793/411/24
39. Андреев Д.А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007. 187 с.
40. Кривоноженко А.Ф. Деятельность рабочего факультета Петроградского университета в 1919–1922 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 4. С. 166–171.
41. Сергачев И.А. История создания и деятельность рабочих факультетов в вузах Центрального Черноземья: 1919–1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 174 с.
42. Горбушина Е.И. К истории развития рабочих факультетов в Волго-Вятском регионе в 1920–1930-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 4-3. С. 123–126.
43. Кривоноженко А.Ф. Рабочие факультеты в контексте парадигмы непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2016. № 3 (15). С. 90–96.
44. Ермушин М.В. Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг. : На материалах Верхнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2001. 182 с.
45. Данькина Н.А. Формирование интеллигенции Хакасии : Конец XIX – 30-е гг. XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2002. 216 с.
46. Хисамутдинова Н.В. Становление высшего технического образования на Дальнем Востоке России (1918–1941 гг.): исторический опыт : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 299 с.
47. Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье 1917–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005. 259 с.
48. Коваленко М.В. Развитие высшего образования на Дону в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009. 25 с.
49. Лобова В.В. Становление и развитие высшего ист. образования на Дону в первой четверти XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010. 221 с.
50. Данилова Е.В. Отечественная высшая школа в 1917–1927 гг. : исторический опыт и уроки становления : на материалах Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 208 с.
51. Аюбова Ш.И. Становление и развитие образовательной сферы Дагестана в условиях российских трансформаций: конец XIX – 30-е годы XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012. 192 с.
52. Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х – начале 30-х годов // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1998. № 1. С. 42–58.
53. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 94–102.
54. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников : Школьники, студенты, красноармейцы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003. 44 с.
55. Королева В.В. Состав, быт и социально-экономическое положение студенчества Европейской части РСФСР : 1921–1932 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 199 с.
56. Синанов Б.А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2010. 176 с.
57. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. Студенты медицинского факультета Томского государственного университета (1920–1930 гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 29, № 2. С. 91–98.
58. Фоминых С.Ф., Степанов А.О. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 160–170. doi: 10.17223/15617793/416/24
59. Бушуева Л.А. Университетский устав 1884 г. и организация учебной повседневности в Казанском университете на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2022. Вып. 22, № 3. С. 291–297.
60. Физики о физике и физиках : сб. ст. / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 220 с.
61. Валявко И.В. История Киевского ун-та св. Владимира в персоналиях: Дмитрий Чижевский как студент Киевского университета // Гуманітарні студії. 2009. № 5-6. С. 259–260.
62. Ульянкина Т.И. К биографии ректора Московского ун-та профессора М.М. Новикова: события 1917–1922 гг. // Историко-биологические исследования. 2010. Вып. 2, № 1. С. 65–84.
63. Игонина Д.С., Кузнецов А.А. «Синицын ... казался смелым пионером в области высшей школы»: первый ректор ННГУ и советское студенчество // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 30–37.
64. Голуб В.Б. Деятельность Л.Г. Раменского в студенческом ботаническом кружке в Санкт-Петербургском университете // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2019. Т. 28, № 4. С. 214–220.
65. Мережко А.А. Л.И. Петражицкий в Киевском Императорском университете св. Владимира // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 172–182.
66. Барinov Д.А., Абдулина Б.М. От науки к политике: судьбы участников студенческих объединений Санкт-Петербургского университета 1880-х гг. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 186–194.
67. Бакунина Т.А. Воспоминания об А.А. Кизеветтере (к 60-летию со дня его кончины) // Археографический ежегодник за 1993 г. 1995. С. 209–214.
68. Ключевич А.С. Воспоминания химика-выпускника КГУ. Казань : Изд-во КГУ, 2002. 72 с.
69. Кузьмин А.Н. Из жизни Томского студента: письма К.К. Белкина к народовольцу Н.А. Морозову (1916 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 78–83. doi: 10.17223/15617793/411/11
70. Нечкина М.В. Дневники: Казань и Казанский ун-т (1917–1924 гг.). Казань : Изд-во КГУ, 2003. 107 с.
71. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Русская революция 1917 г. и Томский университет в воспоминаниях Л.В. Арнольдова // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 158–167. doi: 10.17223/15617793/424/22

72. Некрылов С.А., Кузьмин А.Н., Фоминых С.Ф. Участие студентов медицинского факультета Императорского Томского университета в научно-исследовательской и практической работе // Сибирский медицинский журнал. 2016. Т. 31, № 2. С. 133–137.
73. Бугрова И.Ю. Из истории полевой геологической подготовки студентов в Санкт-Петербургском государственном университете // Геология Крыма. СПб., 2021. С. 5–22.
74. Иванченко А.В. Студенческие научные общества Московского и Петербургского университетов на рубеже XIX–XX вв. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : сб. материалов междунар. науч. конф., Иваново, 31 марта – 1 апр. 2021 г. Иваново, 2021. С. 563–567.
75. Кузёма Т.Б. Формы организации научно-исследовательской работы студентов в научных студенческих кружках университетов Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, № 4. С. 344–351.
76. Комащук О.А. Женщины и образование в советской Украине (20–30-е годы XX в.) // Вестник Луганского государственного университета им. В. Даля. 2023. № 6 (72). С. 90–97.
77. Магамедова А.З., Магамедова Д.М. Коррективы и изменения в процессе получения образования чеченскими женщинами после установления советской власти // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4 (5). С. 220–227.
78. Баум Е.А. Женщины и революция 1917 г. Профессиональная социализация в области химической науки и образования в постреволюционные 1920-е гг. // Память о прошлом – 2017 : материалы и докл. VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России, Самара, 18–20 апр. 2017 г. Самара : Науч.-технич. центр, 2017. С. 412–421.
79. Сизова А.Ю. Российская высшая школа в 1917 году. Между самодержавием и большевизмом. М. : Проспект, 2017. 188 с.
80. Левченко В.В. От Новороссийского университета к Одесскому университету: «лабиринты» истории классического университета // Классический университет: история и современность : материалы II-й Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., Ижевск, 29 янв. 2021 г. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский ун-т», 2021. С. 100–108.
81. Мартынова А.Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2. С. 166–181.
82. Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 213 с.
83. Грибовский М.В. Профессура и студенчество в предреволюционном российском университете: грани взаимоотношений // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4 (12). С. 158–166.
84. Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских ун-тов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 67–73. doi: 10.17223/15617793/424/9
85. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Коллективный портрет профессоров Императорского Томского университета в зеркале их взаимоотношений со студенчеством (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 159–169. doi: 10.17223/15617793/446/20

References

1. Vakhterova, O.A. (1998) *Otechestvennaya dorevolutsionnaya istoriografiya studencheskogo dvizheniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Domestic pre-revolutionary historiography of the student movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
2. Rachkovskaya, Yu.K. (1999) *Studenchestvo Peterburga i Moskvy v osveshchenii avtorov liberal'nogo napravleniya: konets XIX – nachalo XX vv.* [Students of St. Petersburg and Moscow in the coverage of liberal authors: late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
3. Kamchatov, G.A. (2008) *Otechestvennaya istoriografiya dorevolutsionnogo russkogo studenchestva: 1860 – fevral' 1917 gg.* [Domestic historiography of pre-revolutionary Russian students: 1860 – February 1917]. History Cand. Diss. Moscow.
4. Pisanova, A.K. (2013) Modernizatsiya vysshey shkoly v sovetskiy period v rossiyskoy istoriografii [Modernization of higher education in the Soviet period in Russian historiography]. *Izvestiya Peterburgskogo universiteta putei soobshcheniya. Nauki ob obrazovanii*. 1. pp. 194–199.
5. Abubikero, E.F. (2023) Povsednevnost' vysshey shkoly v 20–30-e gody XX veka (istoriograficheskiy aspekt) [Everyday life of higher education in the 1920s–1930s (historiographical aspect)]. *Vlast'*. 31 (4). pp. 231–236.
6. Morozov, N.I. (1994) *Stanovlenie i razvitie organizatsionnykh form molodezhnogo dvizheniya v Rossii (1917–1922 gg.)* [Formation and development of organizational forms of the youth movement in Russia (1917–1922)]. Abstract of History Cand. Diss. Perm.
7. Stetsura, Yu.A. (1998) *Molodezh' v postrevolyutsionnom preobrazovanii Rossii v 20–30-e gody* [Youth in the post-revolutionary transformation of Russia in the 1920s–1930s]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
8. Tuktarov, R.S. (2000) *Gosudarstvo i molodezh' v period ot revolyutsii 1917 g. do Velikoy Otechestvennoy voyny: Istoricheskie opyt i uroki* [The state and youth from the 1917 Revolution to the Great Patriotic War: Historical experience and lessons]. History Dr. Diss. Saratov.
9. Rybakov, R.V. (2013) Nekommunisticheskie politicheskie i obshchestvennye ob'edineniya molodezhi v 1917 – pervoy polovine 1920-kh gg. [Non-communist political and public youth associations in 1917 – the first half of the 1920s]. *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii*. 1. pp. 59–77.
10. Rybakov, R.V. (2014) On the alternatives in the youth movement of Russia (1917–1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 382. pp. 119–124. (In Russian).
11. Merkulov, P.A. (2017) Molodezhnye organizatsii RSFSR nachala 1920-kh godov [Youth organizations of the RSFSR in the early 1920s]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 1 (97). pp. 196–204.
12. Merkulov, P.A. (2017) Bor'ba RKSM s drugimi obshchestvennymi organizatsiyami za vliyaniye na molodezh' v 1920-e gody [The struggle of the RKSM with other public organizations for influence on youth in the 1920s]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 9 (105). pp. 164–169.
13. Merkulov, P.A. (2017) Komsomol v sisteme molodezhnykh obshchestvennykh organizatsiy 1920-kh gg. [Komsomol in the system of youth public organizations of the 1920s]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 16 (1). pp. 49–58.
14. Mogil'nyy, L.P. (2014) Zhizn' studentov i studencheskie zemlyachestva v Kievskom universitete Sv. Vladimira [Life of students and student associations at Kiev University of St. Vladimir]. *Gileya: nauchnyy vestnik*. 90. pp. 41–44.
15. Timokhina, D.A. (2014) Stolichnoye studenchestvo i konstitutsionno-demokraticeskaya partiya: Sankt-Peterburgskaya studencheskaya fraktsiya partii narodnoy svobody v 1905–1908 godakh [Capital students and the Constitutional Democratic Party: St. Petersburg student faction of the People's Freedom Party in 1905–1908]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 6. pp. 124–130.
16. Kibal'naya, M.N. (2015) Studencheskie ob'edineniya v Imperatorskom un-te sv. Vladimira v 1880–1905 gody [Student associations at the Imperial University of St. Vladimir in 1880–1905]. *Nauchnoe mnenie*. 5-3. pp. 127–132.
17. Barinov, D.A. (2015) *Etnokonfessional'nye i regional'nye organizatsii studenchestva Sankt-Peterburgskogo universiteta (1884–1917 gg.)* [Ethnic-confessional and regional organizations of students at St. Petersburg University (1884–1917)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
18. Zmeev, V.A. (1998) *Evolutsiya vysshey shkoly Rossiyskoy imperii* [Evolution of higher education in the Russian Empire]. Moscow: LATMES.
19. Avrus, A.I. (2001) *Istoriya rossiyskikh un-tov: Ocherki* [History of Russian universities: Essays]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond.
20. Ivanov, A.E. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: Opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [Student corporations in Russia in the late 19th – early 20th centuries: Experience of cultural and political self-organization]. Moscow: Novyy khronograf.
21. Solomonov, V.A. (1998) *Istoriya desyatogo un-ta imperatorskoy Rossii: Saratov. un-t, 1909–1917 gg.* [History of the tenth university of Imperial Russia: Saratov University, 1909–1917]. History Cand. Diss. Saratov.
22. Shved, N.G. (1999) *Rol' Kazanskogo un-ta v formirovaniy politicheskoy kul'tury rossiyskoy intelligentsii, 60-e – 90-e gody XIX veka* [The role of Kazan University in the formation of the political culture of the Russian intelligentsia, 1860s–1890s]. History Cand. Diss. Kazan.
23. Rostovtsev, E.A. (2017) *Sankt-Peterburgskiy universitet v kontekste sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii: 1884–1917* [St. Petersburg University in the context of the socio-political history of Russia: 1884–1917]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Makeeva, N.A. (2003) *Vysshee obrazovanie rossiyskoy molodezhi v usloviyakh emigratsii "pervoy volny": 20–30-e gg. XX v.* [Higher education of Russian youth in the conditions of the "first wave" of emigration: 1920s–1930s]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Saransk.

25. Sorokina, M.Yu. (2010) Rossiyskaya nauchnoe zarubezh'ye versus russkaya nauchnaya emigratsiya: k opredeleniyu ob"ema i soderzhaniya ponyatiya "rossiyskoe nauchnoe zarubezh'ye" [Russian scientific diaspora versus Russian scientific emigration: defining the scope and content of the concept of "Russian scientific diaspora"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna*. 1. pp. 75–94.
26. Voloshina, V.Yu. (2012) *Sotsial'naya adaptatsiya uchenykh-emigrantov v 1920–1930-e gg.* [Social adaptation of emigrant scientists in the 1920s–1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
27. Postnikov, E.S. (2000) *Rossiyskoe studenchestvo na Rodine i za rubezhom, 1917–1927 gg.* [Russian students at home and abroad, 1917–1927]. History Dr. Diss. Tver.
28. uraykin, M.A. (2003) *Molodezhnye dvizheniya i organizatsii Rossiyskogo Zarubezh'ya v 1920–e–1930-e gody* [Youth movements and organizations of the Russian diaspora in the 1920s–1930s]. History Cand. Diss. Moscow.
29. Suyazov, V.V. (2015) Professorskiy distsiplinarnyy sud v vuzakh Rossiyskoy imperii [Professorial disciplinary court in universities of the Russian Empire]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 5 (7). pp. 101–105.
30. Fadeeva, M.V. (2016) Studenty Moskovskogo Imperatorskogo universiteta v pravovom pole rossiyskoy imperii: pod nadzorom trekh instantsiy [Students of Moscow Imperial University in the legal field of the Russian Empire: under the supervision of three instances]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 251–275.
31. Stepnov, A.O. & Fominykh, S.F. (2019) Through the pages of the penalty book: the system of punishments and practices of student resistance to disciplinary supervision at Imperial Tomsk University (1893–1899). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 184–197. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/443/23.
32. Propp, O.V. (2002) *Vysshaya shkola Urala i vlast' v usloviyakh nepa: Opyt vzaimootnosheniy, 1921–1925 gg.* [Higher education in the Urals and the authorities during the NEP: Experience of relations, 1921–1925]. History Cand. Diss. Yekaterinburg.
33. Krivonozhenko, A.F. (2016) Nekotorye problemy stanovleniya sovetskoy vysshey shkoly: opyt Petrogradskogo universiteta [Some problems of the formation of Soviet higher education: the experience of Petrograd University]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22 (5). pp. 51–55.
34. Platova, E.E. (2022) [Formation of the Soviet elite in higher education 1921–1927]. *Perelomnye momenty istorii: lyudi, sobytiya, issledovaniya* [Turning Points in History: People, Events, Research]. Proceedings of the International Conference: in 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 313–319. (In Russian).
35. Kotov, A.S. (2013) Proletariatsiya uchebnykh zavedeniy Vologdy i Cherepovtsa v 1920-e gg. [Proletarianization of educational institutions in Vologda and Cherepovets in the 1920s]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4 (4). pp. 46–53.
36. Valuev, D.V. (2013) Sotsial'naya diskriminatsiya v sisteme obrazovaniya v pervye desyatiletia sovetskoy vlasti (na primere smolenskikh vuzov) [Social discrimination in the education system in the first decades of Soviet power (on the example of Smolensk universities)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 20–26.
37. Strebkova, N.V. (2014) Dinamika sotsial'nogo sostava studenchestva vuzov v g. Saratove v 1920-e gg. [Dynamics of the social composition of university students in Saratov in the 1920s]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 14 (2). pp. 112–114.
38. Fominykh, S.F. & Shandala, D.E. (2016) Student purge at Tomsk State University in the late 1920s as a tool of higher school proletarianization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 177–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/411/24
39. Andreev, D.A. (2007) *"Krasnoe studenchestvo" v nachale 1920-kh gg.* ["Red students" in the early 1920s]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
40. Krivonozhenko, A.F. (2012) Deyatel'nost' rabocheho fakul'teta Petrogradskogo universiteta v 1919–1922 gg. [Activities of the workers' faculty at Petrograd University in 1919–1922]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 4. pp. 166–171.
41. Sergachev, I.A. (2006) *Istoriya sozdaniya i deyatel'nost' rabochikh fakul'tetov v vuzakh Tsentral'nogo Chernozem'ya: 1919–1930 gg.* [History of the creation and activities of workers' faculties in universities of the Central Black Earth Region: 1919–1930]. History Cand. Diss. Voronezh.
42. Gorbushina, E.I. (2011) K istorii razvitiya rabochikh fakul'tetov v Volgo-Vyatskom regione v 1920–1930-e gg. [On the history of the development of workers' faculties in the Volga-Vyatka region in the 1920s–1930s]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-3. pp. 123–126.
43. Krivonozhenko, A.F. (2016) Rabochie fakul'tety v kontekste paradigmy nepreryvno obrazovaniya [Workers' faculties in the context of the paradigm of continuous education]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 3 (15). pp. 90–96.
44. Ermushin, M.V. (2001) *Formirovaniye tekhnicheskoy intelligentsii v 1921–1929 gg.: Na materialakh Verkhnego Povolzh'ya* [Formation of the technical intelligentsia in 1921–1929: Based on materials from the Upper Volga region]. History Cand. Diss. Kostroma.
45. Dan'kina, N.A. (2002) *Formirovaniye intelligentsii Khakasii: Konets XIX – 30-e gg. XX vv.* [Formation of the intelligentsia in Khakassia: Late 19th – 1930s]. History Cand. Diss. Abakan.
46. Khisamutdinova, N.V. (2005) *Stanovleniye vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1941 gg.): istoricheskiy opyt* [Formation of higher technical education in the Russian Far East (1918–1941): historical experience]. History Cand. Diss. Vladivostok.
47. Goncharenko, O.N. (2005) *Stanovleniye sovetskoy intelligentsii v Zaurale 1917–1941 gg.* [Formation of the Soviet intelligentsia in Trans-Urals 1917–1941]. History Cand. Diss. Tyumen.
48. Kovalenko, M.V. (2009) *Razvitiye vysshego obrazovaniya na Donu v 1920–1930-e gg.* [Development of higher education in the Don region in the 1920s–1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
49. Lobova, V.V. (2010) *Stanovleniye i razvitiye vysshego ist. obrazovaniya na Donu v pervoy chetverti XX v.* [Formation and development of higher historical education in the Don region in the first quarter of the 20th century]. History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
50. Danilova, E.V. (2009) *Otechestvennaya vyssshaya shkola v 1917–1927 gg.: istoricheskiy opyt i uroki stanovleniya: na materialakh Povolzh'ya* [Domestic higher education in 1917–1927: historical experience and lessons of formation: based on materials from the Volga region]. History Cand. Diss. Saratov.
51. Ayubova, Sh.I. (2012) *Stanovleniye i razvitiye obrazovatel'noy sfery Dagestana v usloviyakh rossiyskikh transformatsiy: konets XIX – 30-e gody XX v.* [Formation and development of the educational sphere in Dagestan under Russian transformations: late 19th c. – 1930s]. History Cand. Diss. Nalchik.
52. Gnatovskaya, D.Yu. & Zezina, M.R. (1998) Bytovye kommuny rabochey i studencheskoy molodezhi vo vtoroy polovine 20-kh – nachale 30-kh godov [Everyday communes of working and student youth in the second half of the 1920s – early 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 1. pp. 42–58.
53. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (1999) Vlast' i narod: "signaly s mest" kak istochnik po istorii Rossii 1917–1927 godov [Power and the people: "signals from the localities" as a source on the history of Russia 1917–1927]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 94–102.
54. Rozhkov, A.Yu. (2003) *Molodoy chelovek v sovetskoy Rossii 1920-kh gg., povsednevnyaya zhizn' v gruppakh sverstnikov: Shkol'niki, studenty, krasnoarmeytsy* [Young people in Soviet Russia in the 1920s, everyday life in peer groups: Schoolchildren, students, Red Army soldiers]. Abstract of History Dr. Diss. Krasnodar.
55. Koroleva, V.V. (2005) *Sostav, byt i sotsial'no-ekonomicheskoe polozheniye studenchestva Evropeyskoy chasti RSFSR: 1921–1932 gg.* [Composition, everyday life, and socio-economic status of students in the European part of the RSFSR: 1921–1932]. History Cand. Diss. Orel.
56. Sinanov, B.A. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' "novogo studenchestva" Severnoy Osetii v 1920-kh gg.* [Everyday life of the "new students" of North Ossetia in the 1920s]. History Cand. Diss. Vladikavkaz.
57. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F. & Shandala, D.E. (2014) Studenty meditsinskogo fakul'teta Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (1920–1930 gg.) [Students of the medical faculty of Tomsk State University (1920–1930)]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 29 (2). pp. 91–98.
58. Fominykh, S.F. & Stepanov, A.O. (2017) Everyday life of the university community in Tomsk during the revolutionary events of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 160–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/416/24.
59. Bushueva, L.A. (2022) Universitetskiy ustav 1884 g. i organizatsiya uchebnoy povsednevnosti v Kazanskom universitete na rubezhe XIX–XX vekov [University Charter of 1884 and the organization of academic everyday life at Kazan University at the turn of the 19th–20th centuries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 22 (3). pp. 291–297.
60. Anokhina, I.N. (ed.) (1998) *Fiziki o fizike i fizikakh: sb. st.* [Physicists on physics and physicists: collection of articles]. Tomsk: Izd-vo NTL.

61. Valyavko, I.V. (2009) Istoriya Kievskogo un-ta sv. Vladimira v personaliyakh: Dmitriy Chizhevskiy kak student Kievskogo universiteta [History of Kiev University of St. Vladimir in personalities: Dmitry Chizhevsky as a student of Kiev University]. *Gumanitarni studii*. 5-6. pp. 259–260.
62. Ul'yankina, T.I. (2010) K biografii rektora Moskovskogo un-ta professora M.M. Novikova: sobytiya 1917–1922 gg. [On the biography of the rector of Moscow University Professor M.M. Novikov: events of 1917–1922]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2 (1). pp. 65–84.
63. Igorina, D.S. & Kuznetsov, A.A. (2015) "Sinitsyn ... kazalsya smelym pionerom v oblasti vysshey shkoly": pervyy rektor NNGU i sovetskoe studenchestvo ["Sinitsyn ... seemed a bold pioneer in the field of higher education": the first rector of NNSU and Soviet students]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4. pp. 30–37.
64. Golub, V.B. (2019) Deyatel'nost' L.G. Ramenskogo v studencheskom botanicheskom kruzhke v Sankt-Peterburgskom universitete [Activities of L.G. Ramensky in the student botanical circle at St. Petersburg University]. *Samarskaya Luka: problemy regional'noy i global'noy ekologii*. 28 (4). pp. 214–220.
65. Merezko, A.A. (2014) L.I. Petrazhitskiy v Kievskom Imperatorskom universitete sv. Vladimira [L.I. Petrazhitskiy at Kiev Imperial University of St. Vladimir]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 1 (312). pp. 172–182.
66. Barinov, D.A. & Abdulina, B.M. (2019) Ot nauki k politike: sud'by uchastnikov studencheskikh ob"edineniy Sankt-Peterburgskogo universiteta 1880-kh gg. [From science to politics: the fates of participants in student associations at St. Petersburg University in the 1880s]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 186–194.
67. Bakunina, S.A. (1995) Vospominaniya ob A.A. Kizevettire (k 60-letiyu so dnya ego konchiny) [Memories of A.A. Kizevetter (on the 60th anniversary of his death)]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1993 g.* [Archeographic Yearbook for 1993]. S.l.: [s.n.]. pp. 209–214.
68. Klyuchevich, A.S. (2002) *Vospominaniya khimika-vypusknika KGU* [Memoirs of a chemist-graduate of KSU]. Kazan: KSU.
69. Kuz'min, A.N. (2016) From the life of a Tomsk student: letters from K.K. Belkin to the Narodnaya Volya member N.A. Morozov (1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 78–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/411/11.
70. Nechkina, M.V. (2003) *Dnevnik: Kazan' i Kazanskiy un-t (1917–1924 gg.)* [Diaries: Kazan and Kazan University (1917–1924)]. Kazan: KSU.
71. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) The Russian Revolution of 1917 and Tomsk University in the memoirs of L.V. Arnoldov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 424. pp. 158–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/424/22.
72. Nekrylov, S.A., Kuz'min, A.N. & Fominykh, S.F. (2016) Uchastie studentov meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo Tomskogo universiteta v nauchno-issledovatel'skoy i prakticheskoy rabote [Participation of students of the medical faculty of Imperial Tomsk University in research and practical work]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 31 (2). pp. 133–137.
73. Bugrova, I.Yu. (2021) Iz istorii polevoy geologicheskoy podgotovki studentov v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete [From the history of field geological training of students at St. Petersburg State University]. In: *Geologiya Kryma* [Crimea's Geology]. St. Petersburg. pp. 5–22.
74. Ivanchenko, A.V. (2021) Studencheskie nauchnye obshchestva Moskovskogo i Peterburgskogo universitetov na rubezhe XIX–XX vv. [Student scientific societies of Moscow and St. Petersburg universities at the turn of the 19th–20th centuries]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov* [State, society, church in the history of Russia in the 20th–21st centuries]. Proceedings of the International Conference. Ivanovo. pp. 563–567. (In Russian).
75. Kuzyoma, T.B. (2023) Formy organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty studentov v nauchnykh studencheskikh kruzhkakh universitetov Rossiyskoy Imperii v kontse XIX – nachale XX veka [Forms of organization of student research work in student scientific circles at universities of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (4). pp. 344–351.
76. Komashchuk, O.A. (2023) Zhenshchiny i obrazovanie v sovetskoy Ukraine (20–30-e gody XX v.) [Women and education in Soviet Ukraine (1920s–1930s)]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. Dal'a*. 6 (72). pp. 90–97.
77. Magamedova, A.Z. & Magamedova, D.M. (2016) Korrektyry i izmeneniya v protsesse polucheniya obrazovaniya chechenskimi zhenshchinami posle ustanovleniya sovetskoy vlasti [Adjustments and changes in the process of education for Chechen women after the establishment of Soviet power]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 4 (5). pp. 220–227.
78. Baum, E.A. (2017) [Women and the 1917 revolution. Professional socialization in the field of chemical science and education in the post-revolutionary 1920s]. *Pamyat' o proshlom – 2017* [Memory of the past]. Proceedings of the VI Historical-Archival Forum. Samara: Nauch.-tekhnich. Tsentr. pp. 412–421. (In Russian).
79. Sizova, A.Yu. (2017) *Rossiyskaya vysshaya shkola v 1917 godu. Mezdu samoderzhaviem i bol'shevizmom* [Russian higher education in 1917. Between autocracy and Bolshevism]. Moscow: Prospekt.
80. Levchenko, V.V. (2021) Ot Novorossiyskogo universiteta k Odesskomu universitetu: "labirinty" istorii klassicheskogo universiteta [From Novorossiysk University to Odessa University: "labyrinths" of the history of a classical university]. In: *Klassicheskiy universitet: istoriya i sovremennost'* [Classical university: History and modernity]. Izhevsk: Udmurt University. pp. 100–108.
81. Martynova, A.Yu. (2005) Rossiyskoe studenchestvo i Fevral'skaya revolyutsiya [Russian students and the February Revolution]. *Novyye istoricheskiye vestnik*. 2. pp. 166–181.
82. Markin, V.L. (2009) *Studenty i prepodavateli Moskovskogo universiteta v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii nachala XX veka* [Students and teachers of Moscow University in the socio-political life of Russia in the early 20th century]. History Cand. Diss. Moscow.
83. Gribovskiy, M.V. (2010) Professura i studenchestvo v predrevolyutsionnom rossiyskom universitete: grani vzaimootnosheniy [Professors and students in pre-revolutionary Russian universities: facets of relationships]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (12). pp. 158–166.
84. Gribovskiy, M.V. (2017) "It is none of students' business to appoint teachers themselves": Conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 67–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/424/9
85. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2019) A collective portrait of professors of the imperial tomsk university in the mirror of their relationships with students (Late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 159–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/446/20

Информация об авторе:

Ромахова А.А. – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: aleksandra522@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Romakhova, laboratory assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aleksandra522@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 11.09.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 947.084.3+930.1(09)
doi: 10.17223/15617793/511/15

Современная историография исторической памяти о Гражданской войне (1918–1922) в России

Ирина Васильевна Скипина¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.skipina@mail.ru

Аннотация. Анализируется историография исторической памяти о Гражданской войне в России, сформировавшаяся в последнее десятилетие. Установлено, что и в общественной, и в академической среде продолжают «бои за историческую память», оценки событий российской истории 1918–1922 гг. имеют неоднозначный характер. В сложившейся ситуации историография способствует формированию коллективной памяти, соответствующей историческим реалиям, а не конструктам разноплановых политиков.

Ключевые слова: современная историография, историческая память, Гражданская война, 1918–1922, идентичность

Для цитирования: Скипина И.В. Современная историография исторической памяти о Гражданской войне (1918–1922) в России // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 151–158. doi: 10.17223/15617793/511/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/15

Modern historiography of the historical memory of the Civil War (1918–1922) in Russia

Irina V. Skipina¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, i.v.skipina@utmn.ru

Abstract. The article presents the results of studying the historical memory of the Civil War. The aim of the publication is to establish the degree of development of the problem of historical memory about the events of 1918–1922 that occurred in Russia in modern historiography. The methodological basis of the analysis is the principle of interdisciplinarity and the concept of collective memory; on their basis, historiography is considered as transforming under the influence of the era to which it belongs. The phenomenological method was used; it made it possible to analyze historical knowledge as a phenomenon and a cultural phenomenon. The personifying method made it possible to characterize the specifics of each author's views and contribution to the study of the topic. In modern historiography, an opinion was established that the Civil War was fratricidal. The country was spurred to this event by the First World War, which aggravated socio-economic contradictions, and then by the Great Russian Revolution. Modern authors see the confrontation of 1918–1922 as more negative than heroic and positive. It was established that the idea of the Civil War as a national tragedy is integrated into historical memory. The interpretation of the 1918–1922 events in Russian history continues to be ambiguous; some authors pay attention to the patriotism of the "White", some to the heroism of the "Red Movement", others are inclined to rehabilitate all participants in the conflict. Contradictions in assessing the essence and results of the confrontation between the parties during the Civil War (1918–1922) have not currently been overcome, and "memory wars" continue. Currently, the historiography of memory is undergoing a stage of transformation, which is due both to new methodological approaches to its study and to an understanding of the importance for people's self-identification both in relation to their past and in relation to the present. The cultural turn at the turn of the 21st century led to an intensification of the study of memorial sites and commemorative practices as a way of preserving the memory of experiences. Researchers talk about the possibility of using the "memorial turn" to form collective memory in the process of implementing state historical policy; academic science is called upon to contribute to the formation of a national memory, free from myths and prejudices constructed by politicians. It is emphasized that historiography can solve not only scientific, but also social problems; contribute to the formation of value guidelines that help people's self-determination in relation to the common past, which is a factor of collective identity based on knowledge, and not constructs created on the basis of outdated political beliefs and contradictions previous years. Researchers see the main drawback of Soviet historiography in ideologization, at the same time they recognize its role in creating the basis for modern state memory policy.

Keywords: modern historiography, historical memory, Civil War, 1918–1922, identity

For citation: Skipina, I.V. (2025) Modern historiography of the historical memory of the Civil War (1918–1922) in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 151–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/15

Гражданская война признана одним из самых трагических событий XX в., завершившим Великую Российскую революцию. Ученые отмечают обширность предметного поля исторической памяти об этом факте, что обусловливается не только неоднозначностью трактовки данного термина, но многогранностью и сложностью самого события. Емкое определение исторической памяти предложил Ж.Т. Тощенко, высказав мысль о том, что она является итогом целенаправленного процесса организации, сохранения, воспроизводства прошлого опыта с целью его возможного применения в деятельности людей либо с целью сбережения, осмысления и влияния на сферу человеческого сознания с перспективой его дальнейшего использования [1. С. 5].

Память о Гражданской войне сегодня рассматривается как феномен, трансформирующийся под влиянием ряда обстоятельств, в том числе и под воздействием историографических трудов, в которых данная проблема находит отражение. Главным действующим лицом в этом случае выступает профессиональный исследователь, продвигающий изучение вопроса. Историк находится в постоянном поиске, в его работах академическая объективность превалирует над эмоциональным восприятием прошлого, характерным для социальной памяти. При этом коллективная память понимается как общий опыт, который не тождествен действующим научным концепциям, он проявляется, прежде всего, в коммеморативных практиках, соединяющих прошлое и будущее, формирующих более понятные сведения о пережитом, полезные как в настоящем, так и в перспективе. В последнее десятилетие ученые активно рассматривают процесс взаимосвязи историографии и исторической памяти. Представляется обоснованным утверждение авторов, характеризующих историографию как одну из форм исторической памяти, хотя данная позиция не является единственной по этому вопросу. Ученые признают, что историография отражает трансформации, которые проходит историческая память во времени, при этом анализ сюжетов прошлого показывает не только состояние науки конкретного времени, но и изменения, происходящие в социуме, которому она принадлежит. Историография и историческая память определенным образом связаны друг с другом, и не только историческая память оказывает влияние на историографию, но и историография может воздействовать на память. Основопологающим для автора данной статьи является утверждение Л.П. Репиной о том, что социальная память служит не только для передачи опыта и сведений о прошлом, но и является показателем самоидентификации личности, социальной группы, общества. Этот тип памяти способствует конституированию социальных групп в настоящем, и они могут влиять на людей в своих интересах [2. С. 414–415]. Признание действенной силы коллективной памяти в жизни человека, несомненно, актуализирует ее изучение. В процессе работы над темой использовался феноменологический метод, позволяющий рассмотреть исторические сочинения как явления культуры, феномен своего времени. Полезен был персонифицированный метод, он давал возможность проанализировать достижения конкретного автора, его вклад в рассмотрение вопроса.

Основное внимание в статье сосредоточено на оценке степени изученности исторической памяти, дискуссионных вопросах темы, анализе возможных путей сохранения сведений о войне как на основе совершенствования организации и ведения научной работы, так и путем коммеморативных практик. Цель статьи – репрезентация и интерпретация историографии памяти о Гражданской войне, сложившейся в последнее десятилетие, как знания, влияющего на самоопределение человека не только отношению к своему прошлому, но и к настоящему.

Методологической основой рассмотрения проблемы является принцип междисциплинарности, изложенный в трудах А. Ассман [3], и концепция коллективной памяти М. Хальбвакса. Историографию М. Хальбвакс считает профессиональной сферой деятельности, имеющей социально-институциональные рамки, в ней прошлое не воссоздается, а реконструируется, исходя из потребностей настоящего. Память он представляет свойством, являющимся результатом социального конструирования, определенной группы людей [4. С. 30]. При этом историография решает определенные практические задачи, важные в данный момент обществу, интерпретируя проблемные вопросы прошлого, намечая перспективы его дальнейшего изучения.

Нельзя забывать, что первые теоретические подходы изучения исторической памяти были заложены Н. Бердяевым в начале XX в., но под воздействием пролетарской идеологии они надолго были забыты и не использовались учеными вплоть до настоящего времени. К рассмотрению этой проблемы философа подтолкнула Первая мировая война, это событие он считал величайшим испытанием для человека. В 1920 г. Н. Бердяев издал работу «Смысл истории», в которой писал, что история «опознается через историческую память», процесс, связанный с духовной активностью и самопознанием [5. С. 11]. Он отмечал проявления памяти в каждодневной жизни людей, писал о возможности осмысления реальности через «судьбы истории», хранящие сведения о пережитом. Философ признавал необходимость использования документов в изучении прошлого, но говорил об их недостаточности для понимания событий, так как считал важным фактором «преемственность», осуществляемую исторической памятью. В памяти он усматривал возможность обращения к «более широкой» действительности, которая поддерживает связь времен. Без признания значимости памяти, уверен он, настоящее отрезано от будущего и прошлого, а историческое знание как форма памяти невозможно. Память, по мнению философа, не сохраняет всего пережитого, она отбирает самое важное, оставляя многое в забвении. Н. Бердяев усматривал в революционных событиях негативное воздействие на общество: «...поскольку революционизм ваш уничтожает память о прошлом, о предках, он глубоко антинационален» [6. С. 601]. По его мнению, забвение важных событий ведет к кризису памяти и в конечном счете к кризису идентичности. Представления о сущности и значении памяти, изложенные Н. Бердяевым, сегодня особенно актуальны, так как позволяет связать

теоретико-методологические аспекты изучения памяти с пониманием ее роли в анализе процессов самоидентификации и формирования коллективной идентичности.

Изучение памяти о Гражданской войне прошло ряд этапов, которые в целом совпадают с основными периодами развития историографии революционных событий 1918–1922 гг. В 1920–1930-е гг., подчеркивают авторы, состоялась постановка вопроса о важности сохранения памяти о героическом периоде Гражданской войны, но как самостоятельная данная проблема не ставилась. От историков потребовали превращения воспоминаний в нарратив, а от общественности организации коммемораций с целью демонстрации большевистского единения [7. С. 243]. Основную свою задачу, указывают Е.И. Красильникова и С.С. Наумов, лидеры большевиков видели в сохранении памяти об этом периоде советской истории путем проведения мероприятий, способствующих формированию коллективных представлений о Гражданской войне как о времени, потребовавшем многочисленных жертв в борьбе с капиталом, но открывшем светлый путь к социализму [8. С. 61]. Власти устраивали похороны-демонстрации жертв белых режимов на центральных площадях, чтобы актуализировать память о героях в сознании населения, граждане публично выражали признательность погибшим, участвуя в мемориальных мероприятиях. Похоронные процессии сопровождалась пением «Интернационала», траурными митингами, могилами героев во многих регионах отмечали сооружением монументов. Исследователи подчеркивают результативность таких мероприятий для утверждения коллективной исторической памяти [9. С. 174–175].

С этой же целью вводились новые знаменательные даты, такие как День освобождения от колчаковцев и белогвардейцев, День 7 ноября. Эмоциональная атмосфера массовых мероприятий сопровождалась призывами навсегда сохранить память о павших героях и направить все силы на построение справедливого пролетарского государства. Е.И. Красильникова уверена, что такие коллективные действия находили отклик у присутствующих, сближали участников, способствовали выражению политической позиции властей в доступной для людей форме, помогая организаторам привлекать на свою сторону обывателей [10. С. 74–75]. И.А. Вальдман и Е.И. Красильникова считают, что политику памяти большевики успешно реализовывали посредством использования пролетарских символов и коммемораций, эти приемы призваны были сформировать в общественном сознании образы большевиков-патриотов и дискредитировать их противников [11. С. 49–50]. Политика памяти, отмечают исследователи, стала самостоятельным направлением большевистской пропаганды, утверждающим прогрессивность и закономерность победы пролетариата. Однако постепенно мемориальные мероприятия унифицировались, утрачивали эмоциональную составляющую, и люди теряли к ним интерес [12. С. 30]. Для привлечения общественного внимания к памяти о революции и войне власти в 1920 г. поддержали организацию Военно-научного общества (ВНО), 21 сентября 1920 г. создали

Комиссию для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) [13], к 10-летию начала Гражданской войны в ноябре 1928 г. приняли Постановление ЦИК СССР «О мероприятиях по увековечиванию памяти погибших героев Гражданской войны» [14. С. 85]. Ученые подчеркивают важность выхода в свет в этот период первых обобщающих исследований о войне, но обращают внимание, что уже к концу 1920-х гг., опасаясь «живой памяти», большевики стали запрещать публикацию воспоминаний участников революционных событий. В то же время продолжали издаваться методические пособия, агитационная литература, рекомендации по проведению просветительских мероприятий, велась и работа по выявлению и учету памятных мест, свидетельствующих о героическом прошлом. Говоря об итогах этого периода, авторы отмечают, что управленцы делали все от них зависящее для контроля не только настоящего, но и прошлого, любыми средствами ограничивали получение населением сведений, которые противоречили их политической позиции, независимо от того, к какому времени они относились. Память о Гражданской войне активно использовалась для пропаганды утверждений о неизбежности победы диктатуры пролетариата над старым и бесперспективным прошлым.

Сферу памяти о пережитом в 1918–1922 гг., подчеркивают исследователи, руководство страны считало частью государственной политики. 30 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял решение «Об издании истории Гражданской войны», перед авторами труда ставилась задача прославления героики военного времени. Пафос царил и на юбилейных мероприятиях в честь 20, 30, 35-летия победы пролетариата в революции и Гражданской войне. Авторы, оценивая состояние историографии памяти о войне, сложившейся в 1930-е – первой половине 1950-х гг., отмечают, что революционные события характеризовались как героические, создавшие условия для победы социализма и счастливого будущего страны. Ученые указали на смещение интереса исследователей и общественности с рассмотрения событий 1918–1922 гг. к изучению успехов в Великой Отечественной войне, что подтверждается значительным числом публикаций по данной тематике и сокращением коммеморативных практик в честь победы большевиков в Гражданской войне. Во многом это обуславливалось репрессивной политикой И. Сталина, некоторые участники войны были суждены как враги народа, а оставшиеся опасались устраивать массовые встречи. Несомненно, такое положение отрицательно сказалось не только на пополнении фонда источников и литературы о рассматриваемом периоде, но и на формировании памяти о противостоянии сторон. В это время еще были живы многие свидетели революционных событий, и они могли бы поделиться воспоминаниями, новыми оценками и переосмыслением пережитого, пришедшим со временем, но этого не случилось, такие воспоминания крайне редки. Отражение коллективной памяти о Гражданской войне в исторических трудах 1930-х – первой половины 1950-х гг. не претерпело значительных изменений. Даже смерть

И. Сталина в 1953 г. и наметившаяся тенденция критики культа личности не повлияли на оценки исторических событий. Кроме того, к концу сталинской эпохи, по мнению Н. Копосова, политическая пропаганда воспринималась частью населения как объективное знание о прошлом, доказательством этого является живучесть советских исторических мифов в памяти людей [15. С. 89]. В сущности, современные историки подтверждают мысль выдающегося ученого П.Л. Капицы, который написал в декабре 1955 г. Н. Хрущеву о том, что наука служила чиновникам, была оторвана от реальных задач времени, на заседаниях присутствующие восхваляли партийную элиту: «...Академики Нудники читают оторванные от жизни доклады, обычно по вопросам исторического характера, славя память великих ученых или великие события» [16. С. 206].

В условиях более свободной обстановки второй половины 1950–1980-х гг. в анализе рассматриваемой проблемы произошли позитивные изменения, были опубликованы ранее неизвестные документы, воспоминания и новые исследования о войне. Тем временем современники событий уходили из жизни, и остро встал вопрос об увековечивании их памяти, что нашло отражение в торжествах, посвященных 40, 50, 60 и 70-й годовщинам пролетарской революции, в решениях о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в 1965 г. и его отделений на местах. Процесс реабилитации, начавшийся с приходом к власти Н. Хрущева, поставил на повестку дня «возвращение имен» репрессированных участников войны, но изучение их судеб только начиналось. Деятельность ВООПИиК способствовала работе по возведению мемориалов героям и участникам войны. Принцип преемственности поколений и важности сохранения знания о войне «в героическом ключе» оставался ведущим в советской историографии, все работы создавались в рамках единой методологии, не позволявшей развить новые подходы к изучению памяти. Несмотря на существенное пополнение историографии Гражданской войны содержательными работами, ученые так и не приступили к анализу феномена исторической памяти.

Ситуация изменилась только после апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС, когда государственные и общественные институты приобщились к формированию «нового» прошлого, соотнося его с «перестроечным» настоящим. В этот период ученые активно изучали труды зарубежных коллег, приступивших к разработке исторической памяти, постепенно складывалась теоретико-методологическая база изучения этой проблемы. В Московском историко-архивном институте стали регулярно проходить встречи, на которых ставились вопросы, связанные с переосмыслением советского прошлого. Присутствующие обсуждали и то, какой должна быть память о пережитом, каким образом соотносятся и взаимодействуют историография и историческая память, каковы отношения социальной памяти и настоящего, как они проникают друг в друга. На одном из таких заседаний выступил Ю. Афанасьев, ректор института, свой доклад он посвятил вопросу со-

циальной памяти человечества, отметив, что люди изучают историю, прежде всего, с целью постижения коллективной памяти, так как без этого невозможно формирование самосознания и самоопределения. Говоря о героях революции и Гражданской войны, он сказал, что это люди, которые будут еще «служить примером, образцом для подражания» [17. С. 59].

Исследователи отмечали рост интереса к истории Гражданской войны в преддверии 70-летия Октября. Подготовка к знаменательной дате сопровождалась рассекречиванием источников, в том числе и материалов личного происхождения, которые позволяли продолжить исследование памяти об этом событии. Стали доступны данные, характеризующие позицию антибольшевистского лагеря на разных этапах Гражданской войны. В документах белого движения война предстала трагедией, сопровождающейся крушением империи, но в исторических трудах, вышедших в этот период, по-прежнему господствовало утверждение о том, что революция и война позволили сделать шаг в светлое будущее. Поколение участников войны к этому времени уже ушло из жизни, поэтому проблема сохранения памяти и научной трактовки события являлась задачей государства, исследователей и общественности. Авторы обратили внимание на неухаживаемость многих мест увековечивания памяти участников революционной борьбы, их слабую посещаемость в повседневной жизни, на то, что революция и война приобрели автономию, в то время как первое событие оставалось предметом интереса общественности, второе привлекало все меньше внимания, исключением являлся День 7 ноября, но и этот праздник масштабно отметили последний раз в 1987 г. [18. С. 85]. После распада СССР события, связанные с памятью о революции и Гражданской войне, отмечали без прежнего размаха. Г. А. Бордюгов назвал юбилейный 1997 г. временем «антипамяти» революции [19. С. 80]. Во второй половине 1980–1990-х гг. появилась тенденция изучения памяти о войне с учетом позиций всех ее участников, в том числе и сторонников белого движения [20. С. 216–219]. Существенным недостатком историографии советского периода являлась ее идеологизация, а главным достоинством – создание базы для формирования государственной исторической политики, в том числе и политики памяти.

В 1990-е российские ученые получили возможность узнать о достижениях зарубежных коллег, освоить новые подходы изучения исторической памяти, что во многом обуславливалось появлением перспективной формы научного исследования, которая получила название мнемонистории. Мнемонистория, как утверждает А. Ассман, это то, что можно назвать историей восприятия истории, когда «настоящее дирижирует прошлым», используя лишь то, что ему необходимо в данный момент, таким образом, прошлое, в определенном смысле, изобретается настоящим [3. С. 13]. В соответствии с таким подходом историограф должен прибегнуть к антропологическому эмпиризму, проследить деятельность памяти, проверить правдивость полученных данных на основе самого надежного

источника, которым является человеческий опыт. Особый интерес ученых вызвало заключение П. Нора о том, что историография является интеллектуальной работой, связанной с научным, структурированным отражением прошлого, в котором «память схвачена историей» и призвана, при необходимости, ее корректировать [21. С. 39]. Л.П. Репина обратила внимание на подвижность памяти, которая постоянно создает интерпретации, соответствующие потребностям современного общества, ученому следует это иметь в виду и руководствоваться исследовательскими принципами, а не действовать в соответствии с социально-политическими установками. Она поддержала идею о том, что социальная память может вырастать как из разделяемых, так и из оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые непременно вплетаются в наше понимание настоящего и будущего. В современной историографии историческая память чаще трактуется как одна из черт индивидуальной и коллективной памяти, влияющей на процессы самоидентификации, как многофакторный «социокультурный феномен», обусловленный постоянным переосмыслением исторических событий и прошлого опыта, а также как материал, который может использоваться для манипуляции массовым сознанием в угоду отдельных социальных групп [2. С. 497–500].

Изучение памяти о войне пережило настоящий всплеск под воздействием «мемориального поворота», произошедшего в конце XX – начале XXI в., в этот период остро встал вопрос о способах мемориализации прошлого, а вместе с ним обострились «конфликты памяти». Все чаще исследователи и общественность стали обращаться к воспоминаниям непосредственных свидетелей событий, представляющих разные политические силы. На основании этих часто эмоциональных данных участники дискуссий стали высказывать противоречивые суждения о сущности противоборства, проявляя при этом единодушие в том, что революция и война изменили исторический путь развития России. С целью преодоления разноречивых трактовок исторических фактов и развития академических знаний в 2012 г. было воссоздано «Российское военно-историческое общество», в этом же году организовали и «Российское историческое общество», одним из направлений их деятельности стало формирование коллективной исторической памяти. Интерес к противоборству сторон в 1918–1922 гг. не ослабевал со стороны элит, общественности, ученых и в последующие годы, что было связано со 100-летием событий Первой мировой, а позже и Гражданской войны [22]. В эти даты со всей остротой выявились существующие «конфликты памяти», участники обсуждений представляли наше общее прошлое по-разному, однако, восторжествовало мнение о том, что уроки пережитого должны послужить основой примирения, а не конфронтации [23. С. 40, 44]. Возобладало утверждение, что Первая мировая война и революция «подстегнули» братоубийственную Гражданскую войну, в которой было больше трагического, чем героического. Сегодня в историческую память также интегрируется вывод о Гражданской войне как общенациональной трагедии, в которой

жертвами конфликта являются все стороны противостояния. Несомненно, самыми обсуждаемыми являются «белые» и «красные» участники событий. Память о войне продолжает носить неоднозначный характер с оттенками героизации то «белого», то «красного» движения, то реабилитации всех противоборствующих сил, что свидетельствует о незавершенности изучения вопроса [24. С. 184–185].

В настоящее время в историографии получил развитие «мемориальный уклон», сторонники которого подчеркивают важность мест памяти в формировании коллективных представлений о войне. «Мемориальный поворот» вылился, прежде всего, в идею сооружения памятников участникам противостояния, находившимся по разные стороны баррикад. Реализация данной идеи привела к возведению монументов сторонникам не только «красного», но и «белого» движения – Л.Г. Корнилову в Краснодаре, Колчаку в Омске и Иркутске, Врангелю в Севастополе, памятного знака на доме, где проживал в Воронеже А. Пепеляев и ряда других объектов, но против таких решений высказалась значительная часть общественности, в результате несогласованность взглядов вылилась в усугубление противоречий и открытые «мемориальные конфликты». М. Шиловский считает, что для предотвращения противоречий, возникающих в связи с мемориализацией, необходимо принять нормативный акт, регламентирующий практику увековечения памяти выдающихся личностей [25. С. 133]. «Конфликты памяти» вылились в настоящие «войны памяти», в итоге ряд памятников, посвященных лидерам белого движения, пришлось снести. А.В. Сушко и Д.И. Петин, анализируя ситуацию с мемориализацией фигуры А.В. Колчаке в Омске, приходят к заключению, что мнения профессиональных историков часто не учитываются в процессе формирования памяти о лидерах «белого» движения, что обостряет отношения в обществе. Историки возлагают надежды на Центр изучения истории Гражданской войны в Омске, который открылся 13 января 2012 г. и ведет работу по преодолению упрощенных представлений о Гражданской войне как «белой» или «красной» правды, продолжая исследования глубинных социальных процессов 1918–1922 гг. и их воздействия на дальнейшее развитие общества [26. С. 10–12]. Исследователи предлагают создать именные списки всех жертв Гражданской войны, напоминающие о последствиях противостояния.

К трактовке памяти о войне приобщились ученые, общественность, управленцы, обсуждения вылились в сферу электронных и печатных СМИ, коммеморативные действия, создание общественных объединений. Коллективная память о Гражданской войне продолжает рассматриваться как один из значимых идентификаторов состояния российского общества по отношению к своему прошлому. Дискуссии показали, что процесс мемориализации событий и участников Гражданской войны сегодня не урегулирован, концептуально не обоснован, он носит непоследовательный характер, осуществляется государственными и общественными организациями несогласованно, что не способствует формированию коллективной исторической

памяти. Об остроте проблемы свидетельствуют многочисленные дебаты, посвященные способам сохранения и формам передачи памяти о Гражданской войне от поколения к поколению, но эти обсуждения, скорее, свидетельствуют о позиции неопределенности участников дискуссий по отношению к прошлому. Так, представители одной из конференций, состоявшейся в 2017 г., посещая мемориальные объекты, возложили цветы и к памятной доске А. Колчаку, установленной на фасаде особняка К.А. Батюшкина в Омске, и к памятнику его противникам в Сквере борцов революции [27. С. 60]. Опубликованы данные ряда опросов, которые свидетельствуют о неоднозначности оценок противоборства, развернувшегося в 1918–1922 гг., общественностью, а также об «обеднении» образа Гражданской войны в глазах наших современников, что во многом объясняется несформированностью коллективной памяти. Значительная часть населения считает Гражданскую войну сложным, противоречивым явлением, отдаленным во времени, но продолжающим влиять на современность. Представление о войне в обществе достаточно дискретно, считает А.В. Баранов, существует вне связи с другими историческими процессами, основано на знаниях, полученных в образовательных учреждениях. Роль научных разработок, коммеморативных пространств и профессиональных историков в формировании исторической памяти остается незначительной [28]. Некоторые люди надеются, что историческая память может сложиться естественным путем, без давления, с последним можно согласиться, но состояние современных представлений о Гражданской войне, переживших многочисленные манипуляции, говорит о необходимости профессиональных усилий для преодоления противоречивых позиций. Большинство авторов считает, что именно академическая наука должна внести вклад в формирование коллективной памяти, свободной от мифов и предрассудков, продемонстрировать свою способность формировать и интегрировать институциональную историческую политику, исключая манипулирование интерпретацией событий с целью раскола общества [29. С. 120]. Ученые видят перспективу в выявлении «коллективных смыслов» на

основе памяти, что поможет личности самоопределиваться, в том числе и по отношению к советскому периоду российской истории, обрести идентичность, прежде всего, с самим собой и со своим прошлым, и это будет способствовать сплочению общества. Историография памяти о событиях 1918–1922 гг. является актуальной, общественно значимой, но слабо разработанной областью, рассматривается историками в связи с относительно изученными социально-экономическими и военно-политическими процессами, но практически не участвует в анализе социально-психологического состояния общества военного и поствоенного времени, поэтому последнее направление является одним из самых перспективных [30. С. 9–10, 15, 19]. Сегодня возобладало мнение о необходимости решать спорные вопросы мирно, наполнять прошлое обоснованными сведениями, способствующими формированию непротиворечивых представлений о пережитом. Значительная роль в этом отношении отводится учебной и научной литературе, информационному контенту, коммеморативным пространствам и мемориальным практикам. Авторы подчеркивают важность источниковой информации для самоопределения личности, для обретения идентичности, которая может стать наднациональным элементом в сознании народа, базой формирования коллективной памяти о войне.

Исследователи пришли к пониманию того, что на основе исключительно памяти разрешить противоречия, разгоревшиеся между сторонниками разных точек зрения на сущность противоборства 1918–1922 гг., не представляется возможным. Выход из положения видится на пути коллективного осмысления пережитого, основанного на индивидуальном понимании важности консолидации общества на базе общего исторического опыта и памяти о нем. В настоящее время историография призвана стать одним из факторов формирования идентичности, решать не только научные, но и социальные задачи, способствуя самоопределению людей, утверждению в их представлениях ценностных ориентиров и по отношению к настоящему, и по отношению к прошлому, основанных на знаниях, а не построенных на мифах, политических трактатах и противоречиях предыдущих лет.

Список источников

1. Тощенко Ж.К. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
2. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика М. : Круг, 2011. 560 с.
3. Асман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М. : Юрайт, 2018. 175 с.
6. Бердяев Н. Дух и реальность. М. : АСТ: Астрель, 2011. 664 с.
7. Барышева Е.В. Коммеморация революции в советской праздничной культуре 1920–1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3. С. 235–244. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.058
8. Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920–2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 2. С. 58–69. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2)
9. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть...: Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск : Редакционно-полиграфическое объединение СО РАНХи, 2015. 404 с.
10. Красильникова Е.И. Коммеморативное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.
11. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54. doi: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
12. Красильникова Е.И. Память сибиряков о Гражданской войне. Коммеморации 1920–1930-х гг. // Гражданская война в России 1917–1922: историческая память и проблемы коммерциализации «красного» и «белого» движения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Омск,

16–17 июня 2016 года. Омск: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2016. С. 29–34.

13. Постановление СНК об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (большевиков). 21 сентября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. Август–сентябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1980. С. 200–201.
14. Тишкина К.А., Петин Д.И. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 2. С. 82–96. doi: 10.46539/jfs.v8i2.466
15. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
16. Капица П.Л. «Требуется смелость размах и дерзание». Пять писем академика П.Л. Капицы Н.С. Хрущеву // Знамя. 1989. № 5. С. 200–209.
17. Афанасьев Ю. Социальная память человечества // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 56–59.
18. Монсеенко А.Д., Шевцов В.В. Трансформация структуры празднования Октябрьской революции на страницах газеты «Красное знамя» (1985–1991 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4. С. 84–92. doi: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-84-92
19. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.
20. Ипполитов Г.М. Российская Гражданская война в отечественной историографии второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. (некоторые аспекты проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 1. С. 204–220.
21. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. 328 с.
22. Иванова Л.В. Мемориализация братских могил участников и жертв гражданской войны в Тюменском, Исетском и Тобольской районах Тюменской области (100-летию Великой Российской революции посвящается) // Наследие Тюменской области. 2017. № 1. С. 30–33.
23. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04.
24. Калашников В.В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Т. 6. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 184–252.
25. Шиловский М.В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о Гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1. С. 133–138.
26. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17
27. Стельмах М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.
28. Баранов А.В. Память о Гражданской войне в коллективных представлениях российского общества // Перспективы. 2022. № 3. С. 109–115. doi: 10.32726/2411-3417-2022-2-109-115
29. Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121. doi: 10.31857/S0869568722030086
30. Поршнева О.С., Фельдман М.А. Осмысление российской Гражданской войны в контексте двух юбилейных дат // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 3. С. 9–26. doi: 10.15826/izv2.2018.20.3.042

References

1. Toshchenko, Zh.K. (2000) *Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat': analiz sovremennogo sostoyaniya* [Historical consciousness and historical memory: an analysis of the current state]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 4. pp. 3–14.
2. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social theories and historiographic practice]. Moscow: Krug.
3. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Translated from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
5. Berdyayev, N.A. (2018) *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoy sud'by* [The Meaning of History. An experience of the philosophy of human destiny]. Moscow: Yurayt.
6. Berdyayev, N. (2011) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST: Astrel'.
7. Barysheva, E.V. (2019) *Kommemoratsiya revolyutsii v sovetskoy prazdnichnoy kul'ture 1920–1930-kh gg.* [Commemoration of the revolution in the Soviet festive culture of the 1920s – 1930s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (21). pp. 235–244. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.058
8. Krasil'nikova, E.I. & Naumov, S.S. (2020) *Istoricheskie simvol'y revolyutsii i grazhdanskoy voyny v publichnom prostranstve sibirskikh gorodov: izgiby politiki pamyati (1920–2010-e gg.)* [Historical symbols of the Revolution and the Civil War in the public space of Siberian cities: twists and turns of memory politics (1920s–2010s)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2 (7). pp. 58–69. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2)
9. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'...: Pamyatnye mesta i kommемorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remembering but not forgetting...: memorial places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid-1941)]. *Novosibirsk: Redaktsionno-poligraficheskoe ob"edinenie SO RASKhN*.
10. Krasil'nikova, E.I. (2014) *Kommемorativnoe znachenie massovykh pokhoron zhertv Grazhdanskoy voyny v gubernskikh gorodakh Zapadnoy Sibiri* [Commemorative significance of mass funerals of civil war victims in provincial cities of Western Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 71–75.
11. Krasil'nikova, E.I. & Val'dman, I.A. (2020) *Politika pamyati: istoricheskie simvol'y i kommемorativnye praktiki v sisteme sotsial'no-politicheskoy samoregulyatsii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv.* [Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the 20th – early 21st centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 1 (26). pp. 47–54. doi: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
12. Krasil'nikova, E.I. (2016) *Memory of Siberians about the Civil War. Commemorations of the 1920–1930s. Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1922: istoricheskaya pamyat' i problemy kommersializatsii "krasnogo" i "belogo" dvizheniya* [The Civil War in Russia 1917–1922: Historical Memory and Problems of Commercialization of the "Red" and "White" Movements]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 16–17 June 2016. Omsk: Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Likhacheva. pp. 29–34. (In Russian).
13. Institute of History USSR AS. (1980) *Postanovlenie SNK ob uchrezhdenii Komissii dlya sobiraniya i izucheniya materialov po istorii Oktyabr'skoy revolyutsii i istorii Rossiyskoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov)* [Resolution of the Council of People's Commissars on the establishment of the Commission for the collection and study of materials on the history of the October Revolution and the history of the Russian Communist Party (Bolsheviks). September 21, 1920]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 10. Moscow: Politizdat. pp. 200–201.
14. Tishkina, K.A. & Petin, D.I. (2023) *Prazdнование 10-letiya vosstanovleniya sovetskoy vlasti v Sibiri v 1929 g. (na primere Omskogo okruga)* [Celebration of the 10th anniversary of Soviet power in Siberia in 1929 (using the Omsk District as an example)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2. pp. 82–96. doi: 10.46539/jfs.v8i2.466

15. Kuposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regimen: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Kapitsa, P.L. (1989) "Trebuetsya smelost' razmakh i derzanie". Pyat' pisem akademika P.L. Kapitsy N.S. Khrushchevu ["Courage, scope and daring are required. Five letters from Academician P.L. Kapitsa to N.S. Khrushchev"]. *Znamya*. 5. pp. 200–209.
17. Afanas'ev, Yu. (1987) *Sotsial'naya pamyat' chelovechestva* [Social Memory of Humanity]. *Nauka i zhizn'*. 9. pp. 56–59.
18. Moiseenko, A.D. & Shevtsov, V.V. (2019) Transformatsiya struktury prazdnovaniya Oktyabr'skoy revolyutsii na stranitsakh gazety "Krasnoe znamya" (1985–1991 gg.) [Transformation of the structure of the celebration of the October Revolution on the pages of the newspaper Krasnoe Znamya (1985–1991)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 84–92. doi: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-84-92
19. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory. The cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
20. Ippolitov, G.M. (2008) Rossiyskaya Grazhdanskaya voyna v otechestvennoy istoriografii vtoroy poloviny 1980-kh – pervoy poloviny 1990-kh gg. (nekotorye aspekty problemy) [The Russian Civil War in Russian historiography of the second half of the 1980s – first half of the 1990s (some aspects of the problem)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 1(10). pp. 204–220.
21. Nora, P. et al. (1999) *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University..
22. Ivanova, L.V. (2017) Memorializatsiya bratskikh mogil uchastnikov i zhertv grazhdanskoy voyny v Tyumenskom, Isetskom i Tobol'skoy rayonakh Tyumenskoy oblasti (100-letiyu Velikoy Rossiyskoy revolyutsii posvyashchaetsya) [Memorialization of mass graves of participants and victims of the Civil War in the Tyumen, Isetsky and Tobolsk districts of the Tyumen region (dedicated to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution)]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti*. 1. pp. 30–33.
23. Malinova, O.Yu. (2018) Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: sravnitel'nyy analiz sopernichayushchikh narrativov [Commemoration of the centenary of the 1917 Revolution(s) in the Russian Federation: a comparative analysis of competing narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04
24. Kalashnikov, V.V. (2018) Noveyshaya istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii: ekspress-analiz [The latest historiography of the Civil War in Russia: an express analysis]. In: *Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii* [Russia in the Era of Revolutions and Reforms. Problems of history and historiography]. Vol. 6. Saint Petersburg: Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". pp. 184–252
25. Shilovskiy, M.V. (2019) Voyna s pamyatnikami ili za pamyatniki: memorializatsiya pamyati o Grazhdanskoy voyne v Sibiri [War with monuments or for monuments: memorialization of the memory of the Civil War in Siberia]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1. pp. 133–138.
26. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2019) Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A.V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'"*. 4 (4). pp. 9–17. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17
27. Stel'makh, M.M. (2018) Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v Omske: itogi nauchnoy diskussii [The main conference on the revolution and the civil war in Omsk: results of the academic discussion]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 1 (2). pp. 57–64.
28. Baranov, A.V. (2022) Pamyat' o Grazhdanskoy voyne v kollektivnykh predstavleniyakh rossiyskogo obshchestva [Memory of the Civil War in the collective representations of Russian society]. *Perspektivy*. 3. pp. 109–115. doi: 10.32726/2411-3417-2022-2-109-115
29. Goldin, V.I. (2022) Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy sovremennoy istoriografii [The Civil War in Russia: problems of modern historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 109–121. doi: 10.31857/S0869568722030086
30. Porshneva, O.S. & Fel'dman, M.A. (2018) Osmyslenie rossiyskoy Grazhdanskoy voyny v kontekste dvukh yubileynykh dat [Understanding the Russian Civil War in the context of two anniversaries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (20). pp. 9–26. doi: 10.15826/izv2.2018.20.3.042

Информация об авторе:

Скипина И.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: i.skipina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Skipina, Dr. Sci. (History), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.v.skipina@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024;
одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 15.07.2024;
approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 397;398
doi: 10.17223/15617793/511/16

Конь и образ коня в культуре алтайцев

Мария Юрьевна Чарышова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, charyshovamaria@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен культ коня в этнической культуре алтайцев. Проанализированы тексты самых крупных сказаний алтайского героического эпоса – «Мадай-Кара» и «Очы-бала» и показана многозначность образа коня. Раскрыт образ коня в малых фольклорных жанрах и прослежена его динамика по сравнению с героическим эпосом. Проанализированы современные формы обрядовых функций коня. Рассмотрено современное коневодство алтайцев и охарактеризованы конноспортивные состязания с точки зрения бытования культа коня.

Ключевые слова: алтайцы, мировоззрение, конь, героический эпос, малые фольклорные жанры, обряды, коневодство

Для цитирования: Чарышова М.Ю. Конь и образ коня в культуре алтайцев // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 159–166. doi: 10.17223/15617793/511/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/16

The horse and the image of the horse in the culture of the Altaians

Maria Yu. Charyshova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, charyshovamaria@mail.ru

Abstract. In this article, the author considers the dynamics of the cult of the horse in the traditional culture of the Altai ethnic group in the relationship of the ritual sphere and the production system. The works of V. V. Radlov and A. V. Anokhin, scientific travelers of the 19th and 20th centuries, were used, in particular, ethnographic subjects related to the description of the Altai horse and its role in the ritual sphere, including the rite of sacrifice. The texts of the largest tales of the Altai heroic epic – "Madai-Kara" and "Ochy-bala", recorded in 1963 by S. S. Surazakov from the famous storyteller A. G. Kalkin, are analyzed, as well as small folklore genres: riddles, proverbs, and good wishes. In the course of the analysis, the author relied on the conclusions of her predecessors. The cult of the horse among the Altaians is considered in articles by L. P. Potapov, V. M. Mendeshcheva, and L. V. Chanchibaeva; the topic of the development of Altai horse breeding is presented in articles by L. N. Muzikova, T. V. Lobanova, V. A. Trushnikov, A. A. Tishkin, and others. During the study, the author analyzed field materials collected in the Ust-Kan and Ongudai Districts of the Altai Republic in 2022–2023. The data of regional periodicals are involved: newspapers *Zvezda Altaya* [Star of Altai] and *Kan-Charas*. A systematic method was used, which helped show the role of the horse in all aspects of the functioning of traditional culture – the worldview, the ceremonial sphere, and the subsystem of production. The synchronic method was used to study the cult of the horse in various regions of the Altai Republic in order to identify common trends. From the standpoint of the historical approach, the dynamics in the existence of the cult of the horse and the development of horse breeding among the Altaians are traced. In the course of the study, the high semiotic status of the horse was determined, through which the sacred symbols of traditional culture are reflected. The plots related to the horse are highlighted and the ambiguity of its image is shown. It was established that the heroic horse is connected with two spheres of existence – natural and human; it combines both, and in both it occupies a dominant position, correcting natural phenomena, the mind, and human actions. It is shown that through the image of a horse, the mytho-poetic consciousness of the Altaians expresses the nature and the person themselves. The image of a horse in small folklore genres is analyzed and the dynamics of the image compared to the heroic epic is traced. The modern forms of the ceremonial functions of the horse, actualizing protective and producing magic, are revealed. The modern horse breeding of the Altai people is considered as a basis for preserving the cult of the horse: the improvement of the Altai horse breed and the history of breeding the New Altai breed, the process of branding horses, developed terminology in relation to horses. The role of the horse as a factor of social prestige is revealed. Equestrian competitions are characterized from the point of view of modern forms of existence of the cult of the horse.

Keywords: Altaians, worldview, horse, heroic epic, small folklore genres, rituals, horse breeding

For citation: Charyshova, M. Yu. (2025) The horse and the image of the horse in the culture of the Altaians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 159–166. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/16

Издревле конь играл важную роль в культуре кочевников, поэтому в тюркско-монгольском мире широко распространен культ лошади [1. С. 164]. Учитывая доминирующую роль кочевого скотоводства в традиционном хозяйстве алтай-кижи, существование культа коня вполне объяснимо и ярко выражено в этнической картине мира. Согласно мифам о сотворении мира, конь является созданием верховного божества *Ульгена*, это – животное с теплым дыханием, поэтому алтайцы считают конину «чистым» мясом [2. С. 12]. Небесное происхождение коня находит подтверждение в героическом эпосе «*Очы бала*»: богатырский конь спускается на землю к девушке-богатырше с небес:

Алтая радостная дочь
На новолунье, в третью ночь,
Напившись молодого сна,
Решила встать на стремяна.
Уздечкой звонкой золотой
Встряхнула девушка, и вмиг
С небес спустившись, конь гнедой,
Как пламя чистое – возник [3. С. 202].

Как следствие небесного статуса коня, в героическом эпосе подчеркиваются его сверхъестественные способности. Так, богатырский конь преодолевает огромные расстояния за короткий миг:

Встал богатырь на стремяна
Из кованого чугуна,
От стойбища к закату дня
Направил верного коня,
И аргамак темно-гнедой
Помчался красною стрелой
Над черной горною грядой,
Под белой облачной горой,
Перемахнул во весь опор
Подмышки высоченных гор,
Лопатки поднебесных гор,
Макушки невысоких гор,
И девяносто бурных рек
В единый мах перескочил,
Вдали оставив бай терек
И каменный дворец-айл [3. С. 20].

В трехчастной структуре мира алтайцев конь является главным жертвенным животным, поэтому для воссоздания сакральных функций коня обратимся к обрядовой сфере.

Чаще всего коня как жертвенное животное приносили божеству Нижнего мира Эрлику, чтобы задобрить его в случае тяжелой болезни либо несчастного случая. Для проведения обряда специально приглашали шамана – *кама*, который сам выбирал жертву, обычно лошадей темных мастей. Жертву выбирали тощую либо с какими-либо физическими недостатками, в чем, по дискуссионному мнению А.В. Анохина, выражалось некоторое пренебрежение к божеству [4. С. 2]. Жертвенник – *тайылга* сооружали возле кустов облепихи, боярышника либо шиповника: алтайцы верили, что *Эрлик* боится данных кустарников [4. С. 3]. Если жертва предназначена духам природы либо верховному божеству *Ульгеню*, конь должен быть без физического изъяна, потому что его качества проецируются на будущий скот [5. С. 229]. Стоит отметить, что выбор коня для жертвоприношения осуществлялся с учетом масти животного [6. С. 673]. Так, для божества

Верхнего мира приносят в жертву лошадей светлых мастей – светло-серую, светло-соловую, чалую, для духов Среднего мира – обычно рыжей или красной масти [1. С. 169], для божества Нижнего мира – темных мастей.

Конь также сопровождал своего хозяина в иной мир, его специально убивали для погребального обряда, когда хоронили зажиточных мужчин [7. С. 181]. Данный обычай существовал у южных алтайцев, проживающих на территории Улаганского р-на ещё в начале XX в. [8. С. 35].

В качестве жертвенного животного конь фигурирует и относительно Среднего мира, в частности, его приносили в жертву для божества *Јер-суу*, т.е. духа земли и воды [9. С. 278]. Конь, а точнее его часть – волосы из гривы, служат подношением духам местности – *эзи* при переезде через горные перевалы либо при посещении целебных источников – *аржан-суу*, как выражение уважения. Спутник спешил с коня, вырывал из гривы лошади несколько волос и подвешивал их к дереву, обычно березе. Очевидно, заменителем волос из конской гривы стали выступать ритуальные ленты – *жалама, кыйра* [10. С. 93].

Выражением культа коня стало и включение его в охранительную магию. Так, беременной женщине разрешалось заходить в дом, где находился уснувший человек, только при наличии у нее конской подпруги, которой она должна была подпоясаться [11. С. 257]. Магической силой обладают и элементы конского снаряжения. Например, после завершения летней переколки, сопровождающейся угоном скота на высокогорное пастбище, мужчина, убедившись, что все поголовье прибыло на место летней стоянки и расседлав коня, закалывает овцу на кожаном черпаке – *кејиме*. Тем самым он совершает обряд жертвоприношения духам местности, которые, по воззрениям алтайцев, защищают скот и лошадей от нападения диких хищников [12]. Продуцирующая магия проявляет себя при продаже коня: хозяин проданного животного срезает прядь из гривы и хвоста, чтобы поголовье его скота сохранялось и приумножалось [13].

Неудивительно, что образ богатырского коня стал центральным и в устном народном творчестве, в частности в героическом эпосе *кай чорчок*, где неразрывным спутником любого богатыря является его конь.

Образ богатырского коня слитен с природой: его красота воспевается посредством множества эпитетов, гипербола, метафор, связанных с природными объектами и явлениями:

Прекрасный белогривый конь,
Чьи уши небо бороздят,
Чьи очи звездами горят,
Светлы, как месяц золотой,
Из-под ступающих копыт
Земля до облака летит.
Пушистой гривой густой
Укрыты валуны колен,
Хвост – ниже щеток, золотой,
А грудь – мощнее горных стен [3. С. 66].

При описании процесса оседлания коня детали упряжи сравниваются с астральными объектами (рис. 1):

Огладив голову коня,
Взнуздала девушка коня,
И спину, гладкую как сталь,
Закрыла белым потником,
И крепко сложенный хребет
Укрыла лунным чепраком
Все в бронзе солнечной седло
Легко подняв, она берет,
Все в темном золоте седло
На скакуна она кладет.
И, обойдя коня вокруг,
Затягивает сто подпруг.
В глухой ночи, средь бела дня
Подпруги сильного коня
На ледяных вершинах гор
Горят, как солнечный костер,
В долинах сумрачных они
Блестят, как лунные огни [3. С. 202].



Рис. 1. Ортогулов И.И. Полет. Источник: Маадай-Кара. Горно-Алтайск, 1979. Контртитул

Следует отметить, что по окончании земного пути и преодоления всех испытаний богатырь и его конь становятся небесными светилами:

На новолунье, в третий день
Небесная Очы-Бала
От белых вод, от горных стен
Как птица в небо уплыла,
И стала молодой луной
На новолунье, в день восьмой...
И вмиг Очы-Дьерен исчез,
В тяжелой сбруе золотой
Поднялся в глубину небес
И стал вечернею звездой [3. С. 282].

Вместе с тем при слитности с природой богатырский конь обладает способностью преодолевать природную стихию благодаря сверхъестественной силе. Так, в героическом эпосе «Очы бала» героиня решает испытать своего богатырского коня и обогнать ветер:

Коня решила испытать
Красавица Очы-Бала –
Решила ветер обогнать,
Догнать и обогнать смогла [3. С. 286].

Обладает богатырский конь и способностью уничтожать природные объекты, например скалу:

Ударит по скале скакун –
Скала раскрошится в песок [3. С. 237].

Благодаря сверхъестественным способностям богатырский конь способен превращаться в другое существо. Так, конь девушки-богатыря в героическом эпосе «Очы-бала» обращается в духа-быка:

Скакун крылатою спиной
Припал к земле, и вмиг возник
Хозяин – дух земли родной –
Бык семилетний, красный бык [3. С. 233].

Подчеркну одно важное обстоятельство: для мифопоэтического мышления, составляющего фундамент фольклора, сверхъестественное в рациональном мышлении превращается в естественное качество и свойство персонажей.

Слитность коня с природой в героическом эпосе сочетается с его антропоморфизацией: жизни коня и главных героев, причем как с положительной, так и с отрицательной коннотаций, тоже неразрывны. В героическом эпосе «Очы бала» главная героиня подчеркивает, что не смогут поработить не только ее, но и её коня:

Меня – хоть станут убивать –
Рабой не сделать никому,
И жеребенком не бывать
Очы-Дьерену моему [3. С. 220]!

Та же мысль звучит и в обращении главной героини к своему богатырскому коню:

Сказала: «Конь – мое крыло,
Нам жить единою судьбой,
Нам вместе умирать с тобой» [3. С. 228].

В героическом эпосе «Маадай Кара» жизнь главного антагониста Кара-Кула тоже неразрывно связана с его конем:

Четвертый лама перебил
Всевидающего мудреца:
«А в ящике – ты не забыл? –
Перепелиных два птенца.
В одном душа коня его,
В другом – каана самого.
И если тех птенцов поймать,
Посередине разорвать,
Каана жизнь и жизнь коня [3. С. 110].

Конь не только неразлучен с героем, но нередко и превосходит его по разуму, выступая советчиком при преодолении серьезных испытаний. Например, за советом к коню обращается дева-богатырша:

Скажи, что делать нам теперь?
Спросила девушка коня.
Скакун проговорил в ответ,
Сестрице младшей дал совет [3. С. 232].

Стоит отметить, что не только богатырский конь, но и обыкновенная кобылица обладает разумом и человеческой речью, в чем проявляется превосходство над человеком не только богатырского коня, но и коня вообще:

А кобылица вслед ему
Сказала, плюнувши во тьму:
«Уйти я от тебя смогла,
Позор тебе Кара-Кула!
Увел народ, но погоди –
Увидишь горе впереди!
Из шкур семи твоих волков
Тут шубу теплую сошьют [3. С. 47],
Из перьев воронов твоих
Подушку толстую набьют!»
Кобылка после слов таких
Исчезла в зарослях густых [3. С. 48].

Конь выступает преданным другом, полноправным партнером в путешествии по мирам и даже спасителем главного героя:

Конь белогривый, это он
 Был в беркута преобразен,
 Из-под земли *алыпа* спас
 И излечил его сейчас [3. С. 226].

Богатырский конь ведет бой вместе со своей хозяйкой:

Очы-Бала мечом взмахнет –
 Враз сорок тысяч полегло,
Очы-Дьерен с горы шагнет –
 Вмиг двадцать тысяч полегло [3. С. 219].

Как видим, образ коня в героическом эпосе сакрализован, он связывает человека и природу. Конь предстает в виде боевого товарища и спутника главного героя, а также его советчика и даже спасителя. Конь выступает практически на равноправных правах с богатырем: сражаясь, принимая различные облики, обладая сверхъестественными свойствами, а по окончании земного пути, они совместно становятся звездами. Вместе с тем образ коня, его свойства выражаются через сопоставления с природными объектами и преодоления им природных стихий. Ипостаси коня в алтайском героическом эпосе хорошо согласуются с выводами В.Я. Проппа относительно русского фольклора. В «Морфологии сказки» он рассматривает коня в качестве универсального волшебного помощника [14. С. 135], способного выполнять даже функции героя [14. С. 136]. При этом подчеркивается, что действия помощника охватывают пространственное перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи, спасения от преследования, разрешения трудных задач, трансфигурацию героя [14. С. 131].

Образ коня широко распространен и в малых фольклорных жанрах – загадках, пословицах, благопожеланиях и даже народной лирике. В них подтверждается его небесное происхождение:

<i>Тенерининг</i> уулы	Сын неба
<i>Темир сангыс чайнайт</i>	Жует железную серу (Конь грызет удила)

[15. С. 60]

и, как следствие, особое отношение, раскрывающееся через сравнение со священными дарами:

<i>Алтын кайырчак ачылды,</i>	Раскрылся золотой сундук
<i>Ак торко жайылды</i>	Раскинулся белый шелк (Кобылица ожеребилась)

[15. С. 61].

В народной лирике, которую зафиксировал знаменитый художник Г.И. Чорос-Гуркин, встречается мотив сравнения природных явлений с образом коня. Это сравнение подчеркивает величие и красоту природы, а также её динамичность и живость, которые нашли отражение в мощи и благородстве коня:

<i>Айгыр жалду чөлбөд</i>	Вокруг тебя тайга косматым
<i>Ам жарыжы Кара-Көл</i>	лесом обросла, как конской гривой и раскинулось ты, озеро Кара-Кол шириной на лошадиный бег

[16. С. 32].

Линия на сравнение коня с природой отчетливо проступает и в благопожелании, которое выражают родственники при одаривании ребенка конем:

<i>Ай канатту ат болзын,</i>	С лунно-крылым конём
<i>Ак-Бурканнан</i>	пусть будет от белого Бурхана

[5. С. 434],

и в загадке о коне:

<i>Учып чыккан кучыйак,</i>	Две птицы, словно два бурхана,
<i>Удур кӱргӱн быркана</i>	Готовы вылететь из гнезда (Глаза коня)

[15. С. 59].

Соотносится образ коня и с огнем:

<i>Кызыл адым тилтеек</i>	Рыжий конь мой кусается,
<i>Кара адым тебиен</i>	Черный конь мой лягается. (Огонь)

[15. С. 34]

В алтайских пословицах заметное место занимает сюжет сравнения человека с конем. Более того, через них заданы практически все нормы ситуативного поведения человека, при этом приоритет отдается коню:

Чем хвалить себя, похвали коня [17. С. 34].

Конь умрет, коновязь останется,
 Отец умрет, сын останется;

Благодаря коню дорогу нашел,
 Благодаря отцу народ свой узнал [17. С. 7];

На коня своего, погладив, садись,
 К жене своей с нежностью относись [17. С. 146].

Вследствие большей мобильности малых жанров фольклора они добавили динамику в образ коня, подключив к нему и техногенную сферу:

<i>Болот туйгакту болор</i>	Со стальным копытом
<i>Кулжа тумчукту болор</i>	С носом, похожих на <i>кульдя</i> ,
<i>Кайчы кулакту болор</i>	С ушами наподобие ножиц
<i>Канат жүректү болор</i>	Сердцем, как крылья,

[15. С. 41]

Кто он?

(Богатырский конь);

<i>Кара айгыр шоокырат,</i>	Вороной жеребец фыркает и
<i>кара жерди антарат</i>	черную землю ворочает.

(Трактор)

[15. С. 48].

<i>Лакшы улда калта жок</i>	У хорошего парня нет кисета (Конь)
-----------------------------	---------------------------------------

[15. С. 19].

Как видим, образ коня в малых фольклорных жанрах включает в себя те же смыслы, что и в героическом эпосе – идею небесного происхождения, связи с природой и одновременно с человеком, но добавляет к ним и новый, заданный активно развивающейся техногенной сферой. При этом сюжеты имеют утилитарный характер и обладают назидательным эффектом.

Перейдем к характеристике подсистемы производства алтайцев, породившей культ коня. Безусловно, коневодство в кочевых культурах всегда являлось приоритетным традиционным занятием: именно конь, являясь основным транспортным средством, предоставил кочевникам возможность покорять новые территории и мобильно менять места перекочевков, от него получали мясо, кожу, волос, которые использовали в быту и хозяйстве. Основным центром коневодства в Горном Алтае исторически являлись территории Усть-Канского, Онгудайского, Шебалинского, Улаганского и Кош-Агачского районов [11. С. 251], практиковали и до сих пор практикуют свободный выпас. Однако при этом хозяева всегда имеют представление, где находится табун, и не только издали приглядывают за ним, но и подгоняют его ближе к фермам, а также ведут под-

кормку животных в виде соли и овса, особенно в зимний период. Для обозначения собственности, во избежание конфликтов при смешивании табунов либо утере поголовья, алтайцы таврят лошадей. Обычно этот процесс происходит поздней весной и представляет собой достаточно опасное действие, во время которого молодняку ставят с помощью техники горячего таврения знаки рода (*сёдка*), а также заглавные буквы фамилии владельца на груди либо крупе лошади. Применение тамги среди тюркоязычных народов было широко распространенным явлением, на территории Горного Алтая эта традиция сохраняется и сегодня.

Алтайцы разводили особую породу лошадей, которая была приспособлена к местным природно-климатическим условиям. Описание алтайской лошади встречается у В.В. Радлова. Исследователь отмечал, что алтайская порода лошадей к XIX в. лишь изредка встречалась в чистом виде, в большинстве своем она смешалась с породами лошадей живущих по соседству русских, киргизов и монголов [7. С. 145]. Помимо эстетической красоты В.В. Радлов отмечал быстроту алтайской лошади, ум и выносливость [7. С. 145]. Опытные наездники отмечали, что в случае опасности следует довериться лошади и отпустить поводья. Например, С.Г. Баданов, кавалерийский разведчик, участник Великой Отечественной войны, при форсировании Днепра в 1943 г., не умея плавать, добрался до другого берега целым и невредимым, ухватившись за гриву собственного коня [18].

Местная порода лошадей – теленгитская, в настоящее время она распространена преимущественно на территории Улаганского и Онгудайского районов. Это лошади чубарой масти, характеризующиеся далматинским окрасом и голубыми глазами [19. С. 2]. Стоит отметить, что благодаря генетическим исследованиям, инициированным археологом, доктором исторических наук А.А. Тишкиным, было выявлено генетическая близость лошадей алтайской породы с якутской, тувинской и бурятской [20. С. 74]. Алтайские лошади пользовались спросом, улучшением породы и скрещиванием лошадей различных пород занимался еще в XIX в. известный коннозаводчик, зайсан, яркий представитель алтайского предпринимательства, меценат Аргымай Кульдзин [21. С. 121]. Он вместе со своим старшим братом Манди занимался разведением племенного скота и лошадей и ежегодно продавал около 200 голов. В 1909 г. коннозаводчик приобрел племенного арабского жеребца в Англии, а для верхово-тяжеловозной метизации использовал как основу кузнецких кобыл, которых приобрел на конном заводе Павловского, в с. Салаире Кузнецкого уезда. После установления советской власти на Алтае и раскулачивания А. Кульдзина его лошади были распределены по колхозам Онгудайского района [22. С. 84]. В дальнейшем для улучшения экстерьера и конституции лошадей на Алтай были завезены племенные жеребцы – производители следующих пород: английская чистокровная, англо-арабская, траккененская, англо-нормандская, англо-кабардинская, донская, англо-донская, русский рысак и текино-кабардинская [22. С. 85]. С 1950-х гг.

на территории Алтая начали широко использовать жеребцов донской и буденовской породы, а уже в конце 1970-х гг. сотрудники Института коневодства А.А. Бордунов, А.И. Никонина и сотрудники конесовхоза «Кырлыкский» С.М. Клешев, А.А. Клешев, Т.Т. Таина, М.И. Манжин [23. С. 4] начали выводить новую породу лошадей путем скрещивания алтайских кобыл с жеребцами тяжелоупряжных пород: русской тяжеловозной, литовской тяжелоупряжной, советской тяжеловозной, жмудской. Процесс был успешно завершен к 1998 г. [22. С. 86]. Таким образом была выведена новоалтайская порода лошадей, характеризующаяся крупным массивным корпусом, широкой грудной клеткой, широкой спиной, ровной мускулистой поясницей, мускулистым, незначительно раздвоенным крупом, крепкими ногами и хорошо развитой мускулатурой. Официально новоалтайская порода была утверждена Государственной комиссией 29 марта 2000 г. [22. С. 87]. В настоящее время новоалтайская порода лошадей пользуется наибольшей популярностью среди всего полиэтнического местного населения ввиду хорошей приспособленности к суровым природно-климатическим условиям Горного Алтая и высоких мясных качеств.

В настоящее время в алтайском обществе по-прежнему, как и два столетия назад, основным занятием большей части населения региона является сельское хозяйство, в котором преобладает полукочевое скотоводство. Верховая езда является необходимым навыком для присмотра за скотом и лошадьми. Большую часть своей жизни алтайцы проводят на коне – выпас скота, охота, к тому же конь и в XXI в. являлся основным транспортным средством, в частности, в условиях высокогорья. Верховой езде обучают с самых малых лет, вне зависимости от гендерных различий. Алтайцы – искусные наездники, этот факт наилучшим образом описал В.В. Радлов: «Алтаец совсем не умеет ходить. Он ходит, медленно таща за собой ноги и покачиваясь... Но как только алтаец садится на лошадь, меняется вся его осанка. Здесь он чувствует себя на месте, его взгляд становится свободней, тело выпрямляется, кажется, что в его жилах течет обновленная кровь. Лошадь и всадник сливаются в одно целое...» [7. С. 153]. Коня начинают приучать к седлу с 2–3 лет, обычно этим занимаются молодые люди, имеющие небольшой вес. На недавно обученном коне первое время стоит ездить ежедневно, чтобы животное не отвыкло от седла. Езде вкруговую, т.е. впряженным в телегу, сани и пр., коня начинают обучать к пяти годам. На алтайском языке существует несколько обозначений аллюра (манера хода коня): *ман* – галоп, *желтириши* – рысь, *јорго* – иноходь, *сайга базыт* – переступь [13].

В настоящее время у большинства алтайских семей в хозяйстве преобладает поголовье лошадей, а не крупного и мелкого рогатого скота. И сегодня наличие нескольких табунов является мерилем богатства семьи, как и в XIX в. По отношению к лошади в алтайском языке существуют четкие обозначения гендерно-возрастных категорий: *кулун* – жеребенок в возрасте до года, *сарба* – полуторагодовалая особь и мужского, и женского пола.

Стоит отметить, что название *сарба* употребляется в Усть-Канском районе, а в Онгудайском – *жабага*. *Бай-тал* – кобыла в возрасте 2 лет, *тай* – жеребец в возрасте 2 лет, *айгыр* – жеребец, *бее* – кобыла. *Ам* – обученный под седло мерин.

Алтайцы обязательно дают клички лошадям в соответствии с окраской животного, наличием отличительных черт во внешнем облике (пятна на лице, ногах, туловище) или характера. Исключение делалось в случае, если жеребенок появлялся на свет одновременно с мальчиком, это считалось счастливой приметой, и коня называли тем же именем, что и ребенка [24. С. 81]. В настоящее время алтайцы, занимающиеся конным спортом, придерживаются не традиционных правил, а принятых в конноспортивном мире: дают название коню по первым буквам кличек родителей. Первой в кличке ставится заглавная буква матери, вторая буква – имя отца [26].

Современные алтайцы – самые настоящие фанаты коней, они готовы покупать лучших жеребцов-производителей и коней для спортивных состязаний за большие суммы денег. Так, конезаводчик и тренер М.И. Кабин приобрел английского скакуна за 400 тыс. руб., в 2022 г. предприниматель Н.И. Маташев из Усть-Канского района приобрел коня за 1,5 млн руб. и привез его из Крыма. Именно конь является самым дорогим подарком во время семейных праздников – свадьбы, а также *койу-кёч* – семейного торжества, посвященного празднованию первого года ребенка. Обычно такой подарок преподносит для племянника дядя по материнской линии, что служит отголоском обычая авункулата.



Рис. 2. Теленгитская борьба. Фото А. Тырышкина.
Источник: Новости Горного Алтая.
URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/91771>

Для мужчин в алтайском обществе, как и два столетия назад, основным развлечением являются конные состязания. Одной из самых популярных национальных игр в тюркском мире является игра *Кёк-бёру* (козлодранье), в данной игре участники демонстрируют навыки конников. Для игры коня начинают тренировать с девяти лет, считается что в это время он становится наиболее резвым [25]. Каждый игрок соблюдает запреты, связанные с конем: коня не используют для домашних работ, на него запрещено сажать детей и женщин и передавать его кому-либо. Конь должен

обладать следующими качествами – манёвренность, послушность, непугливость, резвость [26. С. 204]. Не менее известной национальной игрой с участием лошадей местной теленгитской породы является теленгитская борьба (см. рис. 2), на поясах, верхом на жеребцах без седла и стремян [19. С. 2]. Сведения об этой игре содержатся в героических сказаниях, где она устраивалась между богатырями на чубарых лошадях. В 2014 г. теленгитская борьба по инициативе заместителя главы администрации Улаганского района В.И. Ынтаева и коневода А.В. Юкина впервые была включена в программу районного праздника Эл-Ойын, а с 2018 г. стала неотъемлемым компонентом и венцом республиканского национального Эл-Ойына [27. С. 5]. Победа на нем особенно престижна. Автору удалось побеседовать с одним из самых известных тренеров лошадей – Михаилом Ивановичем Кабиным. Обученные им кони – Барабан, Эдисон, Кочубей – не раз становились победителями и призерами районных и республиканских соревнований. У Кочубея была наиболее яркая спортивная карьера: на протяжении восьми лет он выступал на соревнованиях, в том числе на *Эл-Ойыне*, и выигрывал следующие дистанции: 1 600 м, 3 600 м и даже в самом престижном забеге *Аргыманы маны* на 12 км. Кочубей заслуженно получил звание «Конь века» от Федеральной конноспортивной ассоциации Республики Алтай [28].

Профессионально М.И. Кабин стал заниматься подготовкой лошадей к скачкам с 1984 г. Любовь к лошадям ему привил дед Батай Иванович Буйтуев, 1904 г.р., участник Великой Отечественной войны, который всю свою жизнь проработал табунщиком в колхозе с. Кайсын Усть-Канского района [28]. М.И. Кабин выработал собственный подход к тренировке коней для спортивных соревнований: специализированное сбалансированное питание, при котором запрещен грубый корм, ограничено количество зеленой травы, овес подается с добавлением меда, поэтому в рационе питания присутствует морковь, яблоко и сахар. Ответственно тренер относится и к здоровью коней: в начале и конце тренировки происходит замер давления и пульса, при наличии подозрительных признаков заболевания измеряется и температура, также лошадям регулярно вводят инъекции с витаминами. Сами тренировки проходят не только в поле, но и на пересеченной местности, с чередованием затяжного галопа и быстрого шага [28]. После завершения спортивной карьеры тренер выпускает своих подопечных в табуны, и те становятся жеребцами-производителями. М.И. Кабин – не только известный в конноспортивном мире тренер лошадей, но и известный во всей Республике Алтай коннозаводчик.

Таким образом, культ коня – важнейший в этнической культуре. Именно конь выступает главным жертвенным животным в трехчастной структуре мира, поскольку создан божеством Верхнего мира. Конь наряду с богатырем воспевался в героическом эпосе красочными эпитетами и метафорами, наделен разумом и сверхъестественными способностями. Неоднократно подчеркивается его небесное происхождение, образы неба и комических объектов отождествляются с живым существом, т.е. конем.

В героическом эпосе образ коня воссоздается не только как боевого товарища, но и советчика и даже спасителя, конь выступает практически на равноправных правах с богатырем: сражается, принимает различные облики, обладая сверхъестественными свойствами, а по окончании земного пути они оба становятся звездами. В целом богатырский конь связан с двумя сферами бытия – природной и человеческой, он сочетает в себе обе, причем в обеих занимает главенствующее положение, корректируя как природные явления, так и разум, и поступки человека. Можно сказать, что через образ коня мифопоэтическое сознание алтайцев выражает природу и самого человека. Художественный образ коня в малых фольклорных жанрах включает в себя те же смыслы, что воплощены в героическом эпосе – идею небесного происхождения, связи с природой и одновременно с человеком, но благодаря большей динамике жанров добавляет к ним и новый, заданный активно развивающейся техногенной сферой. Как видим, фольклор выражает высокий семиотический статус коня в традиционной культуре.

Объективной базой для него служит коневодство как важнейшая отрасль традиционного хозяйства. Конь – важнейший компонент традиционного образа жизни народа и по сей день, являясь основным транспортным средством в условиях высокогорья, источником сырья и продуктов питания. Именно доминирование коня в подсистеме производства определило его роль в обрядовой сфере. В настоящее время у алтайцев сохраняются обычаи, совершаемые для сохранения поголовья скота и связанные с почитанием духов природы, в которых задействован конь. Бытует развитая терминология, связанная с конем, она выражена в обозначении гендерно-возрастных категорий и аллюров лошади. Неразрывная связь человека и коня по сей день проявляется в одинаковых именах, которые даются как мальчику, так и жеребенку. К тому же количество табунов является показателем социального достатка семьи. Все вышеперечисленное свидетельствует о сохранении культа коня в современной этнической культуре алтайцев.

Список источников

1. Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 164–178.
2. Муйтуева В.А. Традиционная пища алтай-кижи (обряды и представления). Томск: Издательство Томского университета, 2007. 154 с.
3. Калкин А. Алтайские героические сказания. М.: Современник, 1983. 288 с.
4. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 147 с.
5. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. 703 с.
6. Игнатьева О.П. Конское снаряжение южных алтайцев: традиции и новации // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. Вып. 7. 2008. С. 63–65.
7. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
8. Потапов Л.П. Культура алтайцев – наследница древней цивилизации кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2000. С. 22–30.
9. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. М.: Наука, 1951. 321 с.
10. Чанчибаева Л.В. О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 90–103.
11. Мендешева В.М. Конь в традиционной культуре алтайцев // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. II. С. 250–260.
12. Полевые материалы автора (ПМА). Онгудайский р-н, с. Онгудай. Респондент А.В. Кушаев. 2024.
13. ПМА. Усть-Канский р-н, с. Белый Ануй. Респондент Ю.В. Чарышов. 2009.
14. Пропп В. Морфология сказки. М.: Иллиминатор, 2022. 224 с.
15. Укачина К.Е. Алтайские загадки. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
16. Г.И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место. Горно-Алтайск: Изд-во Алтын-Туу, 2019. 192 с.
17. Крылатые слова: алтайские пословицы и поговорки. Горно-Алтайск: Ак Ченек, 2007. 152 с.
18. ПМА. Усть-Канский р-н, с. Усть-Мута. Респондент А.С. Баданов. 2010.
19. Кузнецова Ж.В. Спортивная игра теленгит-куреш как отражение этнической ментальности теленгитов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). С. 1–4.
20. Тишкин А.А., Куслий М.А., Графадовский А.С. Генетические исследования древних и современных лошадей Алтая и сопредельных территорий // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. 3. С. 75–78.
21. Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 2016. 1 июля.
22. Лобанова Т.В., Трушников В.А. Алтайская лошадь и этапы ее преобразования // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2005. № 1 (17). С. 83–87.
23. Кан-Чарас. Усть-Кан. 2022. 3 марта.
24. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горн.-Алт. отд-е, 1981. 184 с.
25. ПМА. Горно-Алтайск. Респондент А.М. Баданов. 2022.
26. Ябыштаев Т.С. Игра Кёк-бёру как социокультурный знак самоидентификации алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. (15). С. 201–209.
27. Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 2014. 3 июля.
28. ПМА. Усть-Канский р-н, с. Усть-Кан. Респондент М.И. Кабин. 2015.

References

1. Potapov, L.P. (1977) Kon' v verovaniyakh i epose narodov Sayano-Altaya [Horse in the beliefs and epics of the peoples of Sayano-Altai]. In: *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predaniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Connections of Folklore with Ancient Legends and Rituals]. Leningrad: Nauka. pp. 164–178.
2. Muiyueva, V.A. (2007) *Traditsionnaya pishcha altay-kizhi (obryady i predstavleniya)* [Traditional Food of Altai-Kizhi (Rites and Performances)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Kalkin, A. (1983) *Altayskie geroicheskie skazaniya* [Altai Heroic Tales]. Moscow: Sovremennik.
4. Anokhin, A.V. (1994) *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on Shamanism among the Altai People]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.

5. Ekeev, N.V. (ed.) (2019) *Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev* [Rituals in the Traditional Culture of the Altai People]. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova.
6. Ignat'eva, O.P. (2008) [Horse equipment of the southern Altaians: traditions and innovations]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Proceedings of the International Conference. Vol. 7. Barnaul. 27–30 October 2008. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 63–65. (In Russian).
7. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages of a diary]. Moscow: Nauka.
8. Potapov, L.P. (2000) Kul'tura altaytsev – naslednitsa drevney tsivilizatsii kochevnikov Tsentral'noy Azii [Altai culture – the heir to the ancient civilization of Central Asian nomads]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 22–30.
9. Potapov, L.P. (1951) *Altayskiy shamanizm* [Altai Shamanism]. Moscow: Nauka.
10. Chanchibaeva, L.V. (1978) O sovremennykh religioznykh perezhitkakh u altaytsev [On modern religious survivals among the Altaians]. In: *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 90–103.
11. Mendesheva, V.M. (2008) Kon' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Horse in the traditional culture of the Altaians]. In: *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect]. Vol. 2. Barnaul: Azbuka. pp. 250–260.
12. Field data of the author. (2024) *Ongudayskiy rayon, selo Onguday. Respondent A.V. Kukhaev* [Ongudai district, village of Ongudai. Respondent A.V. Kukhaev].
13. Field data of the author. (2009) *Ust'-Kanskiy rayon, selo Belyy Anuy. Respondent Yu.V. Charyshov* [Ust-Kansky district, village of Bely Anuy. Respondent Yu.V. Charyshov].
14. Propp, V. (2022) *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Moscow: Illyuminator.
15. Ukachina, K.E. (1981) *Altayskie zagadki* [Altai Riddles]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdelenie Altayskogo knizhnogo izdatel'stva.
16. Shastina, T.P. & Chinina, E.P. (2019) *G.I. Gurkin i Gornyy Altay – geniy i mesto* [Grigory Gurkin and Gorny Altai – Genius and Place]. Gorno-Altaysk: Izdatel'stvo Altyn-Tuu.
17. Petesheva, K. (ed.) *Krylatye slova: altayskie poslovitsy i pogovorki* [Winged Words: Altai proverbs and sayings]. Gorno-Altaysk: Ak Chenek.
18. Field data of the author. (2010) *Ust'-Kanskiy rayon, selo Ust'-Muta. Respondent A.S. Badanov* [Ust-Kansky district, Ust-Muta village. Respondent A.S. Badanov].
19. Kuznetsova, Zh.V. (2023) Sportivnaya igra telengit-kuresh kak otrazhenie etnicheskoy mental'nosti telengitov [Sports game Telengit-Kuresh as a reflection of the ethnic mentality of the Telengits]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 4 (130). pp. 1–4.
20. Tishkin, A.A., Kusliy, M.A. & Grafadovskiy, A.S. (2023) Geneticheskie issledovaniya drevnikh i sovremennykh loshadey Altaya i sopredel'nykh territoriy [Genetic studies of ancient and modern horses of Altai and adjacent territories]. In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern Solutions to Urgent Problems of Eurasian Archeology]. Barnaul: Altai State University. Vol. 3. pp. 75–78.
21. *Zvezda Altaya*. (2016) 1 July.
22. Lobanova, T.V. & Trushnikov, V.A. (2005) Altayskaya loshad' i etapy ee preobrazovaniya [Altai horse and stages of its transformation]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1 (17). pp. 83–87.
23. *Kan-Charas*. (2022) 3 March.
24. Shatinova, N.I. (1981) Sem'ya u altaytsev [Family among the Altai People]. Gorno-Altaysk: Altayskoye knizhnoe izdatel'stvo: Gorno-Altayskoye otdelenie.
25. Field data of the author. (2022) *Gorno-Altaysk. Respondent A.M. Badanov* [Gorno-Altaysk. Respondent A.M. Badanov].
26. Yabyshbaev, T.S. (2011) Igra K k-b ru kak sotsiokul'turnyy znak samoidentifikatsii altaytsev [The Kok-Boru game as a sociocultural sign of self-identification of the Altaians]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (15). pp. 201–209.
27. *Zvezda Altaya*. (2014) 3 July.
28. Field data of the author. (2015) *Ust'-Kanskiy rayon, selo Ust'-Kan. Respondent M.I. Kabin* [Ust-Kansky District, Ust-Kan village. Respondent M.I. Kabin].

Информация об авторе:

Чарышова М.Ю. – аспирант факультета политических и исторических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: charyshovamaria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.Yu. Charyshova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: charyshovamaria@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 30.08.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 28.02.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378:37.034
doi: 10.17223/15617793/511/17

Иноязычная подготовка в развитии толерантности студентов медицинских вузов

Ульяна Александровна Казакова¹, Ольга Юрьевна Макарова², Дарья Владимировна Горбунова³

¹ Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

^{2, 3} Казанский государственный медицинский университета, Казань, Россия

¹ kazakova-ulyana@mail.ru

² mrs.makarova@yandex.ru

³ darya.gorda@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается потенциал профессионально ориентированной иноязычной подготовки в формировании толерантности у студентов высшей медицинской школы. Авторы показывают содержание концепта «врачебная толерантность»: методологические основы иноязычной подготовки, коррелирующие с развитием социально и профессионально значимых качеств личности обучающихся; приведены практические примеры из методического комплекса учебных заданий, используемых в исследуемом процессе.

Ключевые слова: профессионально ориентированная иноязычная подготовка, английский язык для медицинских целей, профессиональная толерантность врача, профессиональное воспитание, профессиональное образование, медицинское образование

Для цитирования: Казакова У.А., Макарова О.Ю., Горбунова Д.В. Иноязычная подготовка в развитии толерантности студентов медицинских вузов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 167–176. doi: 10.17223/15617793/511/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/17

Foreign language instruction in tolerance development in medical higher school students

Ulyana A. Kazakova¹, Olga Yu. Makarova², Daria V. Gorbunova³

¹ Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation

^{2, 3} Kazan Medical University, Kazan, Russian Federation

¹ kazakova-ulyana@mail.ru

² mrs.makarova@yandex.ru

³ darya.gorda@yandex.ru

Abstract. Sustainable development of the Russian Federation is possible only through strengthening the social sphere, which necessitates the preservation of national identity, education aiming at global constructive cultural values, and instilling a moral compass in the younger generation. Tolerance is an imperishable value common to humanity, which plays an integral role in securing human rights and freedoms, promoting social integration and constructive intercultural dialogue, and reaching parity in interpersonal interaction. Thus, tolerance development in students is an urgent pedagogical task. The aim of the article is to clarify the potential of professionally oriented foreign language training in tolerance development in students of the higher medical school. The authors clarify the content of the concept of "professional tolerance of a doctor" and claim it to be a professionally significant quality of personality and one of the key competences in the framework of ethical, deontological, and communicative competencies. Professional tolerance of a doctor ensures the mental integrity of a specialist in the context of a stressogenic professional environment. It harmonizes person-to-person interaction with due consideration of heterogenic social, cultural, and personal variables. The article considers the methodological basis of foreign language instruction that correlates with the development of socially and professionally significant personality qualities of students. As an academic discipline, language is unique in its universality, since it expresses and conveys all phenomena of reality, shapes our understanding of the world and vice versa. It allows a lecturer to adjust the content of the discipline in accordance with the educational objectives and qualification requirements for graduates. The combination of cultural, person-centered, context, and activity approaches secures the positive learning environment and instructional settings. In the medical university, the foreign language syllabus implies the integration of basic and clinical disciplines content, which exerts the positive effect on students' motivation and involvement in educational activities. This, in turn, serves well in ensuring the unity of professional training and education when applying the appropriate methods. The authors provide the hands-on examples from the methodological set of educational activities used in the development of a tolerance of a doctor via professionally oriented foreign language instruction at Kazan State Medical University.

Keywords: professionally oriented foreign language instruction, English for medical purposes, professional tolerance of doctor, professional education, vocational education, medical education

For citation: Kazakova, U.A., Makarova, O.Yu. & Gorbunova, D.V. (2025) Foreign language instruction in tolerance development in medical higher school students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 167–176. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/17

Введение

Современная эпоха характеризуется аксиологической неопределённостью, десакрализацией культурного пространства, выражающимися в моральном релятивизме, антиценностной экспансии псевдотолерантных неолиберальных идей, этико-эстетической деградации массовой культуры [1, 2]. Вместе с тем, широкомасштабная цифровая трансформация порождает всё новые социальные вызовы и риски, провоцирует условия возникновения антропологического кризиса [3]. В свою очередь, индивидуализация современного общества также влечёт за собой «культурно-патологические феномены социальной ангедонии» [4. С. 452]. Тем самым, психологическая нагрузка на личность усиливается недостаточностью непосредственной социализации и конструктивной культурно-досуговой деятельности, негативным влиянием техногенной среды, компульсивным потреблением избыточного цифрового контента, а также цифровой социальной стратификацией [5, 6].

Укрепление и устойчивое развитие государства и социума во многом обусловлены способностью отечественной системы высшего образования работать на опережение, отвечая на вызовы современности, при этом не теряя своей идентичности и традиционных основ фундаментальной подготовки специалистов [7]. Как верно замечают учёные, «истина всё же в единении человечества вокруг созидательных нравственных ориентиров» [8. С. 12], поэтому актуальной задачей педагогики высшей профессиональной школы становится усиление внимания к воспитательному компоненту образовательной деятельности и развитию социально и профессионально значимых качеств личности будущих специалистов.

Актуальность исследования определяется необходимостью формирования и развития конструктивной толерантности у студентов с глобальной целью содействия консолидации общества и укрепления социального здоровья, т.е. степени комфорта взаимодействия между человеком и социумом, гармонии между личностными смыслами, деятельностью и общением человека, способствующей его самоактуализации, позитивному развитию личности и общества.

Цель исследования – определить потенциал профессионально ориентированной иноязычной подготовки в формировании толерантности у студентов высшей медицинской школы.

Постановка проблемы

Толерантность является многоаспектным феноменом, лежащим в основе принципа прав и свобод человека. Толерантность – это социально обусловленный и преобразующий адаптивно-регулятивный механизм,

обеспечивающий конструктивное сотрудничество людей; личностная диспозиция, отвечающая за паритетное взаимодействие человека с социумом; качество личности, являющееся важной составляющей её гуманистической направленности, определяющееся ценностным отношением человека к окружающим (как к представителям иных социокультурных групп, так и безотносительно) и отвечающая за индивидуальную адаптацию к социуму с условием сохранения внутренней целостности личности [9].

Границы толерантности определяются осознанием социально-нравственной ответственности индивида, сформированностью системы ценностных ориентаций личности (прочной системы ориентиров и ценностей; моральной и духовной силы личности); соблюдением прав человека и уважением достоинства личности, развитой Я-концепцией и асертивностью; неприятием деструктивных антисоциальных явлений [10, 11].

Врачебная толерантность представляет собой профессионально значимое качество личности и ключевую компетенцию в структуре этико-деонтологической и коммуникативной компетентности медицинских работников, которые непосредственно коррелируют с профессиональным мастерством. Профессиональная толерантность врача обеспечивает психоэмоциональную устойчивость и гибкость личности, пластичность поведения, гармонизирует межличностное взаимодействие, выражается в готовности «оказывать пациентам качественную медицинскую помощь вне зависимости от гетерогенности социокультурных и личностных факторов» из гуманистических и альтруистических побуждений [11, 12]. Как компетенция врачебная толерантность взаимосвязана с умением выстраивать терапевтический раппорт с пациентом, что, в свою очередь, влияет на степень удовлетворённости пациентов оказанной помощью, а также на их compliance – приверженность к лечению [13].

Однако, как отмечают учёные, фактическое поведение медицинских работников при взаимодействии с пациентами далеко от идеала, в связи с чем «освоение врачами принципов партнерства и конкретных приёмов ведения профессиональной беседы выступает как актуальная задача» [14. С. 1].

Методология

Язык формируется в контексте культуры и социума, и через эту призму формируется менталитет его носителей. Язык отражает культурные нормы и ценности, убеждения и стереотипы. В то же время как дисциплина язык является «беспредметным» и «универсальным», поскольку может описывать и передавать все явления действительности, что позволяет скорректировать содержательный аспект дисциплины в соответствии с целями и задачами обучения и квалификационными требованиями к выпускникам.

Изучение иностранного языка – больше, чем просто приобретение полезного навыка, поскольку оно также значительно влияет на формирование качеств личности студентов за счёт развития способности воспринимать (и в какой-то мере воспроизводить) то, что ранее было неизвестным или казалось странным.

Обучение студентов иностранному языку основывается на триаде: язык–культура–коммуникация, и предпо-

лагает развитие межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции, включающей языковые и лингвокультурные знания, готовность и способность к осознанному, адекватному межличностному взаимодействию, для чего необходимы понимание иного образа языкового сознания, навыки и умения адекватно реагировать в социально детерминированных ситуациях сообразно коммуникативному контексту (рис. 1).



Рис. 1. Основы иноязычной подготовки, коррелирующие с формированием толерантности

Тем самым, культурологический подход является методологической основой иноязычной подготовки обучающихся как на этапе среднего, так и высшего образования.

Процесс изучения иностранного языка способствует развитию толерантности посредством:

- развития культурной сензитивности личности, т.е. осознания, понимания и согласия человека с существованием различных культур и принятия культурной самобытности других людей, на чём основывается умение корректно вести межкультурную коммуникацию;
- расширения кругозора, восприятия миропонимания, отличного от собственного;
- становления комфортного самоощущения человека в нестандартных ситуациях – толерантность к неопределённости;
- выработки речевых и коммуникативных навыков на иностранном языке, развития речевого этикета, расширения спектра языковых средств эмоциональности и выразительности, что также способствует развитию эмоционального интеллекта.

Информационной и лингвистической составляющих самих по себе недостаточно для успешного формирования толерантности у студентов. Правильный подбор педагогических технологий, создание благоприятной образовательной среды и сама личность педагога позволяют стимулировать развитие толерантности у обучающихся.

Обеспечение конструктивной образовательной среды основывается на личностно ориентированном подходе и принципе диалогичности взаимодействия субъектов образовательного процесса. Это включает

демократический стиль педагогического общения, обеспечение педагогической поддержки, установление атмосферы взаимного уважения и принятия, стимулирование увлечённости совместной учебной деятельностью, где каждый субъект является её участником, создание ситуации успеха для всей группы и для каждого студента в частности. Данные условия позволяют нивелировать эмоциональное беспокойство, помочь студентам справиться с языковым барьером, стимулировать учебную мотивацию, обеспечить комфортные условия для развития личности обучающихся [15].

Деятельностный подход при формировании толерантности в процессе иноязычной подготовки стимулирует самоактуализацию и творческое развитие личности при организации индивидуальной и совместной деятельности в решении проблемных ситуаций, дискуссиях, ролевых играх, выполнении проектных заданий. Таким образом не только активизируется процесс овладения иноязычными знаниями, умениями, навыками и развития когнитивных способностей, но и вырабатывается готовность и способность к сотрудничеству, конструктивному и паритетному взаимодействию.

Если формирование толерантности осуществляется в процессе профессионально ориентированной иноязычной подготовки, то системообразующим компонентом выступает знаково-контекстный подход, ориентирующий содержание дисциплины на будущую профессиональную деятельность студентов, включая предметную и социальную составляющие. Ознакомление с общей культурой страны изучаемого языка, являющееся ядром учебного предмета на предыдущем

этапе обучения, плавно переходит к основам профессиональной культуры. Тем самым усвоение языковых и речевых средств – знаковых систем – происходит в профессионально-ориентированном контексте. Учёт предметного и социального компонентов в свою очередь оказывает смыслообразующее влияние будущей профессиональной деятельности студента как на процесс, так и на результаты его учебной деятельности [16, 17].

В медицинском вузе дисциплина «Иностранный язык» преподаётся на первом (на некоторых факультетах

также на втором) курсе, а учебная программа предполагает интеграцию предметного содержания иностранного языка и профильных медицинских дисциплин (рис. 2).

Профессиональная ориентация предметного содержания помогает обеспечить личностно-смысловую вовлечённость студентов в учебную деятельность, решить проблему развития мотивации к познавательной деятельности, поскольку оно придаёт учению и (само)воспитанию личностные смыслы, а также поддерживает интерес, что положительно влияет на вовлечённость студентов в образовательный процесс.

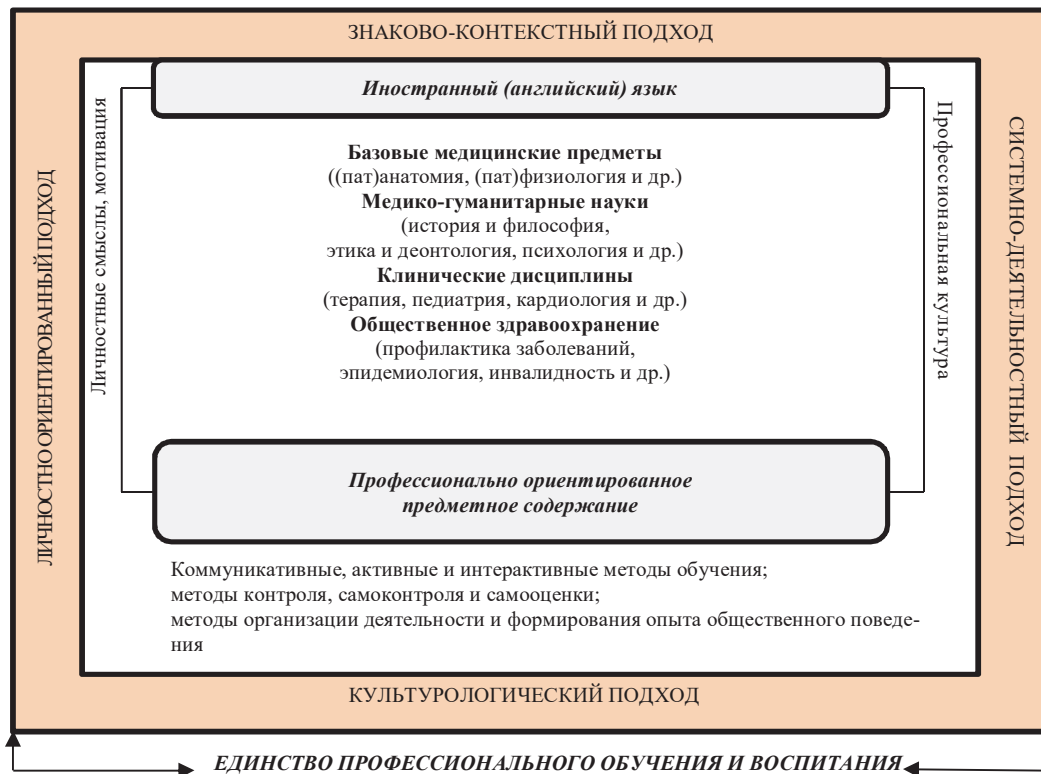


Рис. 2. Профессионально ориентированная иноязычная подготовка в медицинском вузе

Применение коммуникативных, активных и интерактивных методов обучения, методов организации деятельности и формирования опыта общественного поведения, методов контроля, самоконтроля и самооценки помогает обеспечить единство профессионального обучения и воспитания личности будущих врачей.

Формирование врачебной толерантности средствами профессионально ориентированной иноязычной подготовки: практические примеры

С целью формирования профессиональной врачебной толерантности средствами дисциплины «Иностранный язык» авторским коллективом используется комплекс различных видов учебной деятельности. Приведём несколько примеров.

Обсуждается роль врачей с широкой социальной и узкой индивидуальной позиций, рассматриваются основные принципы медицинского этического руководства Великобритании «Надлежащая медицинская практика», среди прочего раскрывающего значимость

установления конструктивных и взаимодовверительных отношений врача и пациента, корректное ведение профессиональной коммуникации. В рамках данной темы приводятся примеры исследования ключевых личностных качеств, наиболее значимых для пациентов, проведённого Mayo Clinic, среди которых: уверенность в себе и своих действиях, которая передаётся пациенту; понимание и эмоциональная отзывчивость; эмпатия, доброта и заботливость; восприятие человека как личности, а не как «случая»; умение донести информацию доступно и понятно; внимательность к словам и переживаниям пациента; добросовестность в профессиональной деятельности [18]. Далее изучается лексика, обозначающая положительные и отрицательные личностные качества (например, *empathy, humanism, intuition, kindness vs indifference, greed, rudeness, selfishness*), ведётся обсуждение в рамках темы (*Which of the given personality traits are essential in the doctor-patient relationship? Which ones ought to be avoided? How do these traits influence the patient experience? How do these traits influence the doctor's professional excellence?*).

В качестве задания на интроспекцию предлагается поразмышлять на тему собственных достоинств и недостатков, какие качества личности следует развивать и от каких избавляться.

Умение донести информацию доступно и понятно, упомянутое в исследовании Mayo Clinic, в английском называется «Plain language» – лёгкий, простой язык, и данная тема представляет интерес как с точки зрения изучения иноязычной лексики, так и коммуникативной субкомпетенции (например, «impaired pulmonary function – нарушение функции лёгких» – в plain language заменяется на «trouble breathing – проблемы с дыханием»). Важность Plain language подчёркивают как исследователи в области медицинского образования, так и клиницисты [19, 20]. В основном данную субкомпетенцию относят к письменному медицинскому дискурсу, и её функции заключаются в следующем:

- разработка информационных буклетов для психолого-консультативной поддержки пациентов;
- краткое изложение научных публикаций для повышения информированности населения по медико-социальным вопросам;
- урегулирование содержания инструкций по медицинскому применению лекарственного препарата для соблюдения безопасности и эффективности фармакологической терапии;
- обеспечение понимания пациентами важной медицинской информации при подписании информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство;
- содействие обратной связи с участниками клинических испытаний [19, 21–23].

Plain language в устной коммуникации является объектом исследования гораздо реже, вероятно, ввиду того, что его использование сложнее отследить, проанализировать и внести изменения в стиль повседневного профессионального общения врачей. Однако эта тема является весьма актуальной. Как верно замечают Р. Готлиб и соавторы, «медицинские работники регулярно используют жаргон при общении с пациентами, несмотря на то что сами признают, что его следует избегать» [24. Р. 2]. В исследовании, проведённом учёными, для оценки понимания распространённых медицинских жаргонизмов респондентами, не являющимися медицинскими работниками, было выявлено, что такие термины являются распространённой причиной непонимания, в частности, отрицательных и положительных результатов анализов: «Большая доля респондентов полагала, что фраза “had an occult infection” (перенёс «оккультную» инфекцию) имеет какое-то отношение к проклятию, лишь немногие поняли, что фраза означает *скрытую* инфекцию. Менее половины респондентов правильно поняли, что то, что результаты их неврологического обследования, сформулированные как “grossly intact” (в целом, в норме; на вид в норме), было хорошей новостью. Вероятно, это свя-

зано с тем, что слово “gross” чаще означает “неприятный”, чем “в целом” в повседневном употреблении» [24. Р. 6].

Тем самым, освоение студентами специальной медицинской терминологии непременно должно сопровождаться изучением общеупотребительных синонимов и отработкой навыков объяснения анатомо-физиологических концептов, симптомов, диагностических результатов и т.д. [25] для развития способности ясно и корректно выражать свои мысли и передавать профессиональную информацию в форме, доступной широкой аудитории.

Эффективной представляется лексическая игра «Medical Riddles» (медицинские загадки), регулярно используемая авторами в образовательном процессе: студентам раздаются карточки с терминами по изучаемой теме, их задача – загадать загадку одноклассникам, объясняя слова с помощью общеупотребительной лексики, не озвучивая сами термины. Первый человек, отгадавший загадку, загадывает группе свою, например: «*A general feeling of discomfort or uneasiness which exact cause is difficult to identify – **malaise**; a sign of a disease – **manifestation***». Практика показывает высокую степень вовлечённости студентов в данный вид учебной деятельности, эффективность в расширении вокабуляра и развитии обсуждаемой субкомпетенции.

Восприятие человека как личности, а не как «случая» ясно иллюстрируется посредством ознакомления с правилами личностно ориентированной коммуникации в медицинском дискурсе – норма «people-first language» (PFL), выражающая приоритет личности над недугом, например, не «disabled people – инвалиды», а «people with disabilities – люди с ограниченными возможностями» [26]. Тем не менее важно ознакомить студентов и с противоположной коммуникативной формой – identity-first language (IFL), предполагающей упоминание диагноза прежде, чем человека (например, autistic (person) – аутист, diabetic (patient) – диабетик). Данная необходимость объясняется тем, что отдельные представители некоторых медико-социальных групп (в частности с расстройством аутистического спектра) предпочитают IFL, поскольку рассматривают свой диагноз не как стигматизирующий, а интегрированный в личную идентичность [27].

Тему PFL и IFL следует разбирать как отдельно на занятии, так и привлекать внимание к используемым конструкциям при выполнении заданий разного вида: просмотр видеолекций и выступлений (например, TedTalks), чтение профессиональных текстов. При этом контрастивный анализ, являющийся одним из методов лингвистического исследования, показывает эффективность и в качестве обучающего метода. Также необходимо подчёркивать, что если в английском языке PFL представляется предпочтительным выбором, то в русском языке аналогичная личностно ориентированная форма обращения является прескриптивной.

Примеры задания на отработку PFL представлены на рис. 3, 4.

Imagine you are on the ward round. Your attending physician asks you to present the patient's case. Remember to use people-first language and provide some extra information.

- 1) Shani, male, 73 y.o., dementia.
- 2) Lakisha, female, 89 y.o., deaf-mute.
- 3) Amari, male, 34 y.o., schizophrenia.
- 4) Fionola, female, 23 y.o., muscular dystrophy.
- 5) Jane, female, 56 y.o., cerebral palsy, confined to a wheelchair.

Пример эталона ответа: Mr. Amari, aged 34, was admitted yesterday afternoon complaining of hearing voices and loss of appetite. He was diagnosed with schizophrenia 3 years ago. After a year of therapy sessions and medication intake, Mr. Amari seemed to have been in remission...

Рис. 3. Представление пациента на обходе: PFL

Read through the papers 'Pancreatic cancer: Advances and challenges' and 'Nash and hepatocellular carcinoma: Immunology and immunotherapy' and choose the PFL and IFL phrases. Which phrases appear to be more frequent?

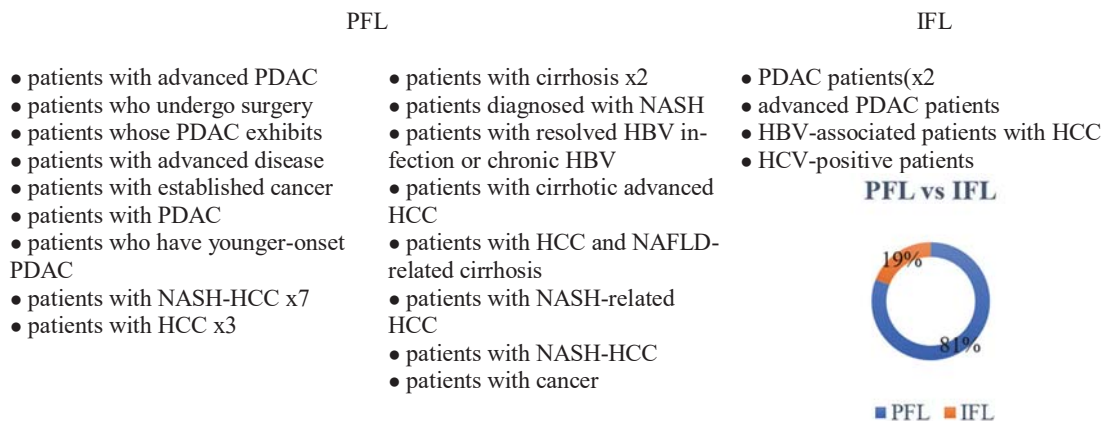


Рис. 4. Анализ PFL и IFL на материале аутентичных медицинских статей

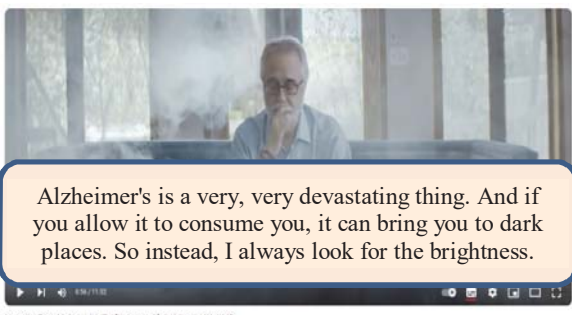


История Клэр, живущей с эпилепсией

«Конфуз был моим большим страхом. Мне кажется, что люди меня осудят. Это сложно».



Видео 1



История Брайана, с диагнозом болезни Альцгеймера

«Болезнь Альцгеймера – очень, очень разрушительная штука. И если вы позволите ей поглотить вас, она погрузит вашу жизнь во мрак. Поэтому вместо этого я стараюсь не терять оптимизма».



Видео 2



*What is it like to live with conditions like these?
How does psychological support influence the patients' experiences?*

Рис. 5. Пример видеороликов с историями пациентов

В рамках изучения заболеваний и расстройств следует рассматривать не только анатомо-физиологические аспекты. Просмотр видеороликов с личными историями людей с определёнными заболеваниями способствует более эффективному эмоционально-чувственному вовлечению в процесс осознания значимости целостного подхода к пациентам (см. рис. 5).

Являясь зафиксированной моделью фактического профессионального дискурса, аутентичные видеоролики также выступают полезным средством при изучении коммуникативных аспектов взаимодействия диады врач–пациент, содействуя развитию эмпатийных способностей и аналитических навыков, усвоению и активизации коммуникативных стереотипов, а также позволяя распознавать и систематизировать актуальную вербальную и невербальную информацию и на этой основе выстраивать собственные речевые модели.

Решение образовательных этико-коммуникативных задач и кейсов, проведение дискуссий и обмена мнениями, имитация консилиума развивают навыки

анализа и самоанализа, помогают сформировать этико-теоретические знания и критическое мышление, которое является важным компонентом толерантности личности [28] (рис. 6).

Рольевые игры – как с описанием определённой ситуации, так и продумываемые студентами полностью самостоятельно – предполагают проигрывание проблемной ситуации и помогают научиться анализировать собственные и чужие слова и действия, вносить необходимые изменения в коммуникативный процесс сообразно ситуации, развивают способность к наблюдению, сотрудничеству, помогают сформировать навыки профессионального речевого этикета.

Нивелирование стереотипов, предубеждений и стигм заболеваний является ключевым аспектом в исследуемом процессе.

Практика показывает действенность включения материалов о социально значимых заболеваниях и разбора информации о них в формате «правда или миф» [29] (таблица).



Case 1

- Read and discuss the case.
- Why did this situation happen?
- What prejudice does the duty doctor have?
- What ethical principles were violated?
- What are the right decisions and actions, which should have been made?

Patient J. was admitted to the hospital by A&E, unconscious. There were no identity documents, no cell phone, or any other things that could help to identify him or contact his relatives. The ambulance was called by the passersby, who told the ambulance team that it was evident his abdomen hurt a lot. The ambulance team suspected appendicitis. Patient J. looked as if he spent some days on the street. The doctor on duty refused an urgent surgery because of the elective one. Later, Patient J. regained consciousness, but his condition was worsening. Finally, he got operated, but there were major complications.

Рис. 6. Этический кейс: отказ пациенту в срочной операции

Миф или правда: психические расстройства (фрагмент)

1	a) Mental health problems are rare. <i>Проблемы с психическим здоровьем встречаются редко</i>	✗
	b) Mental health problems affect 1 in 4 people during their lives. <i>Проблемы с психическим здоровьем затрагивают 1 из 4 человек в течение жизни</i>	✓
2	a) Mental illness is a sign of weakness or unwillingness to handle life problems. <i>Психическое заболевание – это признак слабости или нежелания справляться с жизненными проблемами</i>	✗
	b) Mental health issues affect people regardless of their personality or the ability to handle life problems. <i>Проблемы с психическим здоровьем затрагивают людей независимо от их типа личности или способности справляться с жизненными проблемами</i>	✓
3	a) There is a number of factors, which may contribute to mental health problems. <i>Существует ряд факторов, которые могут способствовать возникновению проблем с психическим здоровьем</i>	✓
	b) Everyone with mental health problems was born with them. <i>Каждый, у кого есть проблемы с психическим здоровьем, родился с ними</i>	✗

Создание инфографики, презентаций, подготовка кратких сообщений и учебных медико-социальных проектов по повышению социальной осведомлённости помогают закрепить пройденный материал [30].

Заключение

Таким образом, вышеизложенные примеры позволяют не только расширить иноязычный словарный запас, сфокусироваться на языковых особенностях меди-

цинского дискурса, рассмотреть рекомендуемые коммуникативные стратегии для конструктивного профессионального взаимодействия, но также предоставляют возможность самоанализа относительно существующих стереотипов и предрассудков, углубляют знание изучаемых тем и повышают уровень осведомлённости. Наряду с новыми научными фактами, с которыми знакомятся студенты, они получают возможность осознать индивидуальные переживания и трудности, возникающие у людей при столкновении с недугом,

осмыслить личную и профессиональную роль врача. При этом комбинация личностно ориентированного, культурологического, деятельностного и знаково-контекстного подходов обеспечивает оптимальную образовательную среду, способствующую личностному раз-

витию, самоанализу и самосовершенствованию студентов, их самоактуализации в творческой деятельности, стимулирующую их к сотрудничеству друг с другом, содействуя формированию готовности к совместной деятельности.

Список источников

1. Штофер Л.Л. Ценностная неопределенность как источник антропологического кризиса в современном мире // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 4. С. 104–112. doi: 10.18522/2227-8656.2023.4.6
2. Jones A., Kao E. Sexual Ideology Indoctrination: The Equality Act's Impact on School Curriculum and Parental Rights. Background. No. 3408 // Heritage Foundation. 2019. URL: <https://www.heritage.org/civil-society/report/sexual-ideology-indoctrination-the-equality-acts-impact-school-curriculum-and>
3. Орешников И.М., Шкерина Т.И. Гуманитарный антропологический кризис нашей эпохи и проблема существования общечеловеческих духовно-нравственных ценностей // История и педагогика естествознания. 2022. № 4. С. 86–95. doi: 10.24412/2226-2296-2022-4-86-95
4. Хорошилов Д.А. Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 4. С. 447–461. doi: 10.21638/spbu16.2023.401
5. Богоудинова Р.З., Казакова У.А. Социокультурный контекст информационно-коммуникативных технологий: вызовы и риски // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 6–11.
6. Осипов П.Н. Об очевидных и неочевидных последствиях цифровизации // Профессионально-личностное развитие будущих специалистов в среде научно-образовательного кластера : материалы 14-ой Междуна. науч.-практ. конф., Казань, 28 мая 2020 г. Казань : Редакционно-издательский центр «Школа», 2020. С. 43–46.
7. Kazakova U.A., Kondratyev V.V., Kuznetsova M.N. Priorities of Vocational Training of Educators of Engineering Universities in the Formation of Their Psychological and Pedagogical Competency // Auer M.E., Hortsch H., Michler O., Köhler T. (Eds) Mobility for Smart Cities and Regional Development – Challenges for Higher Education. ICL 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 390. Springer, Cham, 2022. doi: 10.1007/978-3-030-93907-6_69
8. Иванова С.В., Иванов О.Б. Аксиологический кризис в современном мире: найти выход // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1, № 1(82). С. 7–29. doi: 10.24412/2224-0772-2022-82-7-29
9. Горбунова Д.В., Казакова У.А., Макарова О.Ю. Конструктивная толерантность у студентов высшей школы // Управление устойчивым развитием. 2023. № 2(45). С. 65–71. doi: 10.55421/2499992X_2023_2_65
10. Мчедлов М.П. Толерантность. М. : Республика, 2004. 416 с.
11. Горбунова Д.В., Казакова У.А., Макарова О.Ю. Содержание врачебной толерантности как профессионально-значимой компетенции в полиаспектной медицинской деятельности // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5(154). С. 67–75. doi: 10.51379/KPJ.2022.156.6.008
12. Gorbunova D.V., Makarova O.Yu., Kazakova U.A. Professional tolerance of a physician within the professional medical culture // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6(103). С. 336–338. doi: 10.24412/1991-5497-2023-6103-336-338
13. Tian Y., Zhang J., Che H., Su Y. Weaving rapport: Doctors' strategies towards patients' noncompliance // BMC Health Services Research. 2023. Vol. 23(1). doi: 10.1186/s12913-022-08947-7
14. Трушкина С.В. Вызовы современности: медицинский комплаенс, партнерские отношения, коммуникативная компетентность врача // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 4 (51). С. 9. doi: 10.24411/2219-8245-2018-14090
15. Казакова У.А., Кондратьев В.В., Галиханов М.Ф. Профессионально-педагогическая подготовка преподавателей технических вузов на основе интегративного подхода. Казань : РАР, 2023. 124 с.
16. Кудрявцев Ю.М., Казакова У.А. Подготовка психологов к профессиональной деятельности средствами иностранного языка // Мир образования – образование в мире. 2012. № 4 (48). С. 158–168.
17. Алехин И.А., Казакова У.А., Кузнецова М.Н. Профессиональная ориентация как один из факторов формирования мотивации изучения иностранных языков преподавателями инженерных вузов // Мир образования – образование в мире. 2017. № 1(65).
18. Bendapudi N.M., Berry L.L., Frey K.A., Parish J.T., Rayburn W.L. Patients' perspectives on ideal physician behaviors // Mayo Clinic Proceedings. 2006. Vol. 81, № 3. P. 338–344. doi: 10.4065/81.3.338
19. Baba A., Richards D.P., Smith M. et al. Youth and family involvement in the development of a plain language trial results communication tool: Communikids // Research Involvement and Engagement. 2023. Vol. 9, № 1. doi: 10.1186/s40900-023-00499-2
20. Warde F., Papadakis J., Papadakis T. et al. Plain language communication as a priority competency for medical professionals in a Globalized World // Canadian Medical Education Journal. 2018. Vol. 9, № 2. doi: 10.36834/cmej.36848
21. Holmes-Rovner M., Stableford S., Fagerlin A. et al. Evidence-based patient choice: A prostate cancer decision aid in plain language // BMC Medical Informatics and Decision Making. 2005. Vol. 5, № 1. doi: 10.1186/1472-6947-5-16
22. Miron-Shatz T., Yaniv H. Digital Consent: Engaging patients with plain language and better communication // BMJ [Preprint]. 2022. doi: 10.1136/bmj.o2378.
23. Wittenberg E., Goldsmith J., Ferrell B., Small Platt Ch. Enhancing communication related to symptom management through plain language // Journal of Pain and Symptom Management. 2015. Vol. 50, № 5. P. 707–711. doi: 10.1016/j.jpainsymman.2015.06.007
24. Gotlieb R., Praska C., Hendrickson M.A. et al. Accuracy in patient understanding of common medical phrases // JAMA Network Open. 2022. Vol. 5, № 11. doi: 10.1001/jamanetworkopen.2022.42972
25. Andreeva M.I., Amatysh V.A. Medical terminology of case records: lexis, semantics and context // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2(105). С. 369–371. doi: 10.24412/1991-5497-2024-2105-369-371
26. Горбунова Д.В., Казакова У.А., Макарова О.Ю. Развитие коммуникативного компонента врачебной толерантности у студентов: people-first vs identity-first // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1 (150). С. 98–106. doi: 10.51379/kpj.2022.151.1.012
27. Botha M., Dibb B., Frost D.M. "Autism is me": an investigation of how autistic individuals make sense of autism and stigma // Disability & Society. 2020. Vol. 37, № 3. P. 427–453. doi: 10.1080/09687599.2020.1822782
28. Гаранина Р.М., Гаранин А.А. Методика проведения занятия методом кейс-анализа в медицинском ВУЗе // Высшее образование в России. 2016. № 2 (198) С. 89–95.
29. Горбунова Д.В. Tolerance in healthcare. Иностранный язык (английский язык) : учеб. пособие для обучающихся по специальности 31.05.01 «Лечебное дело». Казань : Казан. гос. мед. ун-т, 2021. 70 с.
30. Галиахметова А.Т., Гайнутдинова Д.З., Андреева М.И. Проектное управление процессом развития глобальных компетенций у студентов зарубежных вузов // Современный ученый. 2024. № 1. С. 144–148.

References

1. Shtofer, L.L. (2023) Tsennostnaya neopredelennost' kak istochnik antropologicheskogo krizisa v sovremennom mire [Value uncertainty as a source of anthropological crisis in the modern world]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 4 (12). pp. 104–112. doi: 10.18522/2227-8656.2023.4.6
2. Jones, A. & Kao, E. (2019) Sexual Ideology Indoctrination: The Equality Act's Impact on School Curriculum and Parental Rights. *Background*. 3408. Heritage Foundation. [Online] Available from: <https://www.heritage.org/civil-society/report/sexual-ideology-indoctrination-the-equality-acts-impact-school-curriculum-and>.
3. Oreshnikov, I.M. & Shkerina, T.I. (2022) Gumanitarnyy antropologicheskii krizis nashey epokhi i problema sushchestvovaniya obshchechelovecheskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey [Humanitarian anthropological crisis of our era and the problem of the existence of universal spiritual and moral values]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*. 4. pp. 86–95. doi: 10.24412/2226-2296-2022-4-86-95
4. Khoroshilov, D.A. (2023) Individualizatsiya i psikhologizatsiya sovremennogo obshchestva kak faktory oslableniya sotsial'nykh svyazey [Individualization and psychologization of modern society as factors weakening social ties]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 4 (13). pp. 447–461. doi: 10.21638/spbu.16.2023.401
5. Bogoudinova, R.Z. & Kazakova, U.A. (2021) Sotsiokul'turnyy kontekst informatsionno-kommunikativnykh tekhnologiy: vyzovy i riski [Sociocultural context of information and communication technologies: challenges and risks]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 1. pp. 6–11.
6. Osipov, P.N. (2020) [On the obvious and non-obvious consequences of digitalization]. *Professional'no-lichnostnoe razvitiye budushchikh spetsialistov v srede nauchno-obrazovatel'nogo klastera* [Professional and personal development of future specialists in the environment of the scientific and educational cluster]. Proceedings of the 14th International Conference. Kazan. 28 May 2020. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skiy tsentr "Shkola". pp. 43–46. (In Russian).
7. Kazakova, U.A., Kondratyev, V.V. & Kuznetsova, M.N. (2022) Priorities of vocational training of educators of engineering universities in the formation of their psychological and pedagogical competency. In: Auer, M.E. et al. (eds) *Mobility for Smart Cities and Regional Development – Challenges for Higher Education. ICL 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 390. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-93907-6_69
8. Ivanova, S.V. & Ivanov, O.B. (2022) Aksiologicheskii krizis v sovremennom mire: nayti vykhod [Axiological crisis in the modern world: find a way out]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 1-1 (82). pp. 7–29. doi: 10.24412/2224-0772-2022-82-7-29
9. Gorbunova, D.V., Kazakova, U.A. & Makarova, O.Yu. (2023) Konstruktivnaya tolerantnost' u studentov vysshey shkoly [Constructive tolerance among higher education students]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem*. 2 (45). pp. 65–71. doi: 10.55421/2499992X_2023_2_65
10. Mchedlov, M.P. (2004) *Tolerantnost'* [Tolerance]. Moscow: Respublika.
11. Gorbunova, D.V., Kazakova, U.A. & Makarova, O.Yu. (2022) Soderzhanie vrachebnoy tolerantnosti kak professional'no-znachimoy kompetentsii v poliaspektnoy meditsinskoj deyatel'nosti [The content of medical tolerance as a professionally significant competence in multi-aspect medical activity]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 5 (154). pp. 67–75. doi: 10.51379/KPJ.2022.156.6.008
12. Gorbunova, D.V., Makarova, O.Yu. & Kazakova, U.A. (2023) Professional tolerance of a physician within the professional medical culture [Professional tolerance of a physician within the professional medical culture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6 (103). pp. 336–338. doi: 10.24412/1991-5497-2023-6103-336-338
13. Tian, Y. et al. (2023) Weaving rapport: Doctors' strategies towards patients' noncompliance. *BMC Health Services Research*. 1 (23). doi: 10.1186/s12913-022-08947-7
14. Trushkina, S.V. (2018) Vyzovy sovremennosti: meditsinskiy komplains, partnerskie otnosheniya, kommunikativnaya kompetentnost' vracha [Challenges of the modern world: medical compliance, partnerships, communicative competence of a physician]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 4-10 (51). doi: 10.24411/2219-8245-2018-14090
15. Kazakova, U.A., Kondrat'ev, V.V. & Galikhanov, M.F. (2023) *Professional'no-pedagogicheskaya podgotovka prepodavateley tekhnicheskikh vuzov na osnove integrativnogo podkhoda* [Professional and Pedagogical Training of Teachers of Technical Universities Based on an Integrative Approach]. Kazan: RAR.
16. Kudryavtsev, Yu.M. & Kazakova, U.A. (2012) Podgotovka psikhologov k professional'noy deyatel'nosti sredstvami inostrannogo yazyka [Training psychologists for professional activities by means of a foreign language]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 4 (48). pp. 158–168.
17. Alekhin, I.A., Kazakova, U.A. & Kuznetsova, M.N. (2017) Professional'naya orientatsiya kak odin iz faktorov formirovaniya motivatsii izucheniya inostrannykh yazykov prepodavatelyami inzhenernykh vuzov [Career guidance as one of the factors in the formation of motivation to study foreign languages by teachers of engineering universities]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 1 (65).
18. Bendapudi, N.M. et al. (2006) Patients' perspectives on ideal physician behaviors. *Mayo Clinic Proceedings*. 3 (81). pp. 338–344. doi: 10.4065/81.3.338
19. Baba, A. et al. (2023) Youth and family involvement in the development of a plain language trial results communication tool: *Communications Research Involvement and Engagement*. 1 (9). doi: 10.1186/s40900-023-00499-2
20. Warde, F. et al. (2018) Plain language communication as a priority competency for medical professionals in a Globalized World. *Canadian Medical Education Journal*. 2 (9). doi: 10.36834/cmej.36848
21. Holmes-Rovner, M. et al. (2005) Evidence-based patient choice: A prostate cancer decision aid in plain language. *BMC Medical Informatics and Decision Making*. 1 (5). doi: 10.1186/1472-6947-5-16
22. Miron-Shatz, T. & Yaniv, H. (2022) Digital Consent: Engaging patients with plain language and better communication. *BMJ* [Preprint]. doi: 10.1136/bmj.o2378
23. Wittenberg, E. et al. (2015) Enhancing communication related to symptom management through plain language. *Journal of Pain and Symptom Management*. 5 (50). pp. 707–711. doi: 10.1016/j.jpainsymman.2015.06.007
24. Gotlieb, R. et al. (2022) Accuracy in patient understanding of common medical phrases. *JAMA Network Open*. 11 (5). doi: 10.1001/jamanetworkopen.2022.42972
25. Andreeva, M.I. & Amatysh, V.A. (2024) Medical terminology of case records: lexis, semantics and context. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (105). pp. 369–371. doi: 10.24412/1991-5497-2024-2105-369-371
26. Gorbunova, D.V., Kazakova, U.A. & Makarova, O.Yu. (2022) Razvitiye kommunikativnogo komponenta vrachebnoy tolerantnosti u studentov: people-first vs identity-first [Development of the communicative component of medical tolerance in students: people-first vs identity-first]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 1 (150). pp. 98–106. doi: 10.51379/kpj.2022.151.1.012
27. Botha, M., Dibb, B. & Frost, D.M. (2020) "Autism is me": an investigation of how autistic individuals make sense of autism and stigma. *Disability & Society*. 3 (37). pp. 427–453. doi: 10.1080/09687599.2020.1822782
28. Garanina, R.M. & Garanin, A.A. (2016) Metodika provedeniya zanyatiya metodom keys-analiza v meditsinskom VUZe [Methodology for conducting a lesson using the case analysis method in a medical university]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2 (198). pp. 89–95.
29. Gorbunova, D.V. (2021) *Tolerance in healthcare. Inostranny yazyk (angliyskiy yazyk)* [Tolerance in Healthcare. Foreign language (English language)]. Kazan: Kazan State Medical University.
30. Galiakhmetova, A.T., Gaynutdinova, D.Z. & Andreeva, M.I. (2024) Proektnoe upravlenie protsessom razvitiya global'nykh kompetentsiy u studentov zarubezhnykh vuzov [Project management of the process of developing global competencies among students of foreign universities]. *Sovremennyye uchenyye*. 1. pp. 144–148.

Информация об авторах:

Казакова У.А. – д-р пед. наук, канд. психол. наук, и.о. зав. кафедрой методологии инженерной деятельности Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия). E-mail: kazakova-ulyana@mail.ru

Макарова О.Ю. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: mrs.makarova@yandex.ru

Горбунова Д.В. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: darya.gorda@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

U.A. Kazakova, Dr. Sci. (Pedagogics), Cand. Sci. (Psychology), acting head of the Department of Engineering Methodology, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: kazakova-ulyana@mail.ru

O.Yu. Makarova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Foreign Languages Department, Kazan Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: mrs.makarova@yandex.ru

D.V. Gorbunova, senior lecturer, Kazan Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: darya.gorda@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 04.09.2024;
approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 37.013.32
doi: 10.17223/15617793/511/18

Использование аутентичных подкастов на испанском языке во внеаудиторной работе студентов в неязыковом вузе

Анастасия Николаевна Никифорова¹, Анна Владимировна Макарычева²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹ nikiiforova.a.n@my.mgimo.ru

² makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Аннотация. Изучается потенциал использования аутентичных подкастов на испанском языке во внеаудиторной работе студентов старших курсов бакалавриата. Авторы выявляют особенности самостоятельной работы студентов с неадаптированными подкастами, дают рекомендации по их отбору и интеграции в учебный процесс, предлагают типовые форматы заданий. Результаты исследования могут быть использованы непосредственно в учебном процессе, а также при реализации индивидуальных образовательных траекторий.

Ключевые слова: подкасты на испанском языке, обучение иностранному языку, интернет-ресурсы, аутентичные подкасты, аудирование, самостоятельная работа студентов, индивидуальные образовательные траектории

Для цитирования: Никифорова А.Н., Макарычева А.В. Использование аутентичных подкастов на испанском языке во внеаудиторной работе студентов в неязыковом вузе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 177–182. doi: 10.17223/15617793/511/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/18

Using authentic podcasts in Spanish in students' extracurricular activities in a non-language higher education institution

Anastasiya N. Nikiforova¹, Anna V. Makarycheva²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation

¹ nikiiforova.a.n@my.mgimo.ru

² makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Abstract. The article addresses the potential of authentic Spanish-language podcasts as teaching materials. The research mainly aims to outline the possible ways of using authentic Spanish-language podcasts in extracurricular activities of senior students. The objectives pursued within the framework of this aim are as follows: to examine the concept of authentic podcast as a teaching material, to identify the distinctive features of independent work with podcasts, to elaborate the criteria for selecting podcasts, and to give practical recommendations for working with them. The methodology of the research consists in systematising and summarising the experience gained in the field of using podcasts in language teaching, as well as in selecting, systematising and interpreting Spanish-language materials available on audio streaming services. The authors of the present research analysed free online podcast listening platforms (Apple Podcasts, Google Podcasts) and selected Spanish-language non-adapted podcasts with didactic potential. The authors used three criteria for selection: the duration of the episode varies between 15 and 30 minutes; the episode has a heterogeneous structure; the speech in the episode is characterised by a neutral accent. The selection results generated a list of non-adapted podcasts that can be used in extracurricular activities, such as "Hoy en El País", "Mañana empiezo", "Acontece que no es poco", "Picasso. La forja del genio" and "Tú eres tu lugar seguro". The authors prove that the integration of authentic podcasts into the educational process as part of extracurricular activities corresponds to current trends both in Spanish language teaching and in the educational environment in its current stage of development. Putting special emphasis on the student's personality, interests, background and life experience allows not only to boost motivation to learn Spanish, but also to gradually turn the process of interacting with Spanish-language content into a part of students' everyday life, which is essential for maintaining the general level of language proficiency. The provided algorithm of selecting authentic podcasts and integrating them into extracurricular activities can be used directly in the learning process, as well as in the implementation of individual educational trajectories. The experience of extracurricular activities supervised by the teacher and subject to subsequent reflection can be successfully implemented in the process of student's independent interaction with Spanish-language content.

Keywords: podcasts in Spanish, foreign language teaching, Internet resources, authentic podcasts, listening, independent work, individual educational trajectories

For citation: Nikiforova, A.N. & Makarycheva, A.V. (2025) Using authentic podcasts in Spanish in students' extracurricular activities in a non-language higher education institution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 177–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/18

Введение

В рамках современного языкового образования всё большее значение приобретает вопрос организации внеаудиторной деятельности студентов. Так, в перечне ключевых компетенций преподавателей иностранных языков, опубликованном Институтом Сервантеса в 2012 г., упоминается способность привлечь студентов к контролю над своим обучением [1], а понятию учебной автономии уделяется большое внимание в публикациях по методике преподавания испанского языка. Кроме того, в последние годы прослеживается явная тенденция к сокращению количества аудиторных часов в вузах [2. С. 68].

В то же время продолжается процесс трансформации образовательной среды посредством внедрения новых технологий. Доступ к образовательным онлайн-платформам, электронные учебные пособия, проведение тестов и срезов для оценки текущего контроля успеваемости в дистанционном формате, отслеживание оценок и обеспечение обратной связи [3] – только некоторые формы работы в сети. Цифровизация открывает новые категории учебных материалов, применяемых в языковом образовании. Одной из таких категорий, созвучных обеим рассмотренным выше тенденциям, выступают аутентичные подкасты. Ряд исследователей считают, что студенты, использующие подкасты в учебной деятельности, достигают более высоких результатов по сравнению с теми студентами, которые ограничиваются выполнением традиционных заданий [4].

Проблематика задействования подкастов в учебном процессе находится в фокусе исследования как российских, так и зарубежных специалистов [5, 6]. Вместе с тем авторы в основном сосредотачивают своё внимание на англоязычных [7] и франкоязычных [8] подкастах, классифицируя их и давая конкретные методические рекомендации с опорой на британские, американские и французские сайты и учебные материалы [9]. Также изучаются критерии отбора и оценки подкастов [10], характеризуются их дидактические свойства [11], роль в повышении мотивации обучающихся [12] и т.д. Вместе с тем исследования, посвященные использованию подкастов во внеаудиторной деятельности студентов на примере испанского языка, носят очень ограниченный характер [13].

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить возможности использования аутентичных подкастов на испанском языке для внеаудиторной работы студентов старших курсов бакалавриата. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: изучается понятие аутентичного подкаста как учебного материала, проводится оценка особенностей самостоятельной работы с подкастами, выделяются критерии отбора подкастов, даются практические рекомендации по работе с ними. Методология исследования состоит в систематизации и обобщении опыта применения подкастов в обучении иностранным языкам, а также в подборке, систематизации и интерпретации испаноязычных материалов, доступных на онлайн-платформах для прослушивания подкастов.

Аутентичный подкаст как учебный материал

Подкасты представляют собой аудио- или видеозаписи, доступные для прослушивания или просмотра в сети Интернет или для скачивания [14. С. 191]. Подкасты различаются по тематике, продолжительности, целевой аудитории, могут быть аутентичными или адаптированными для учебных целей. Подкасты могут быть размещены как на бесплатных онлайн-платформах (Apple Podcasts, Google Podcasts, YouTube), так и на специализированных сайтах (Hoy Hablamos, Spanish Language Coach).

К аутентичным подкастам относятся материалы, разработанные и озвученные носителями языка в реальных ситуациях общения и изначально не предназначенные для учебных целей [15]. Аутентичность заданий прямо пропорциональна степени их приближенности к реальной коммуникативной ситуации [16]. Отметим, что аутентичные подкасты предназначены для студентов продвинутого уровня, обладающих определённой лексико-грамматической базой.

Подкаст как учебный материал характеризуется общедоступностью, удобством взаимодействия (возможность неоднократного прослушивания, прослушивания на ходу), тематическим разнообразием, приближенностью к ситуациям речевого общения. Спецификой аутентичного подкаста является отсутствие расшифровки и сопутствующих дидактических материалов.

Внедрение аутентичных подкастов в систему обучения иностранному языку позволяет создать необходимые условия для развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, что достигается путём совершенствования навыков аудирования и произношения, обогащения лексического запаса, закрепления грамматических навыков, а также развития навыков письменной речи и говорения [17. С. 92]. Применение подкастов целесообразно также с точки зрения расширения социокультурных компетенций и формирования представлений о реалиях страны изучаемого языка. Всё это становится особенно релевантным, если принять во внимание, что аудирование как вид речевой деятельности представляет наибольшие трудности для студентов, особенно если на занятиях по иностранному языку преподаватель часто переходит на родной язык, а студенты не слушают иноязычную речь вне аудиторных рамок.

Современное представление о процессе восприятия иноязычной речи на слух включает два одновременных и взаимосвязанных процесса: извлечение языковой информации (фонетический рисунок, интонация, синтаксис, значения отдельных лексических единиц) и её интерпретация исходя из ситуации общения, коммуникативной задачи и собственного жизненного опыта. Трудности, возникающие в первом процессе, могут быть обусловлены непривычным регионально маркированным акцентом, незнакомым пластом тематической лексики, незнанием функциональных особенностей грамматических структур и интонации. Успешность второго процесса непосредственно связана с

уровнем развития лингвострановедческой компетенции и наличием опыта взаимодействия в различных ситуациях межкультурного общения. Отдельная категория трудностей связана с некорректным восприятием текста заданий, которое может возникать из-за наслоения процессов чтения и восприятия на слух – нередкое явление в традиционных форматах аудирования – или ошибочной интерпретацией формулировок.

Особенности самостоятельной работы студентов с аутентичными подкастами

Самостоятельная работа студентов (СРС) является формой опосредованно управляемой преподавателем учебной деятельности, направленной на решение образовательных задач. Выделяют самостоятельную работу под контролем преподавателя в рамках учебного занятия, а также внеаудиторную СРС с непосредственным или опосредованным контролем преподавателя [7. С.149]. Последняя форма представляется наиболее целесообразной при работе с подкастами. Студенты самостоятельно прослушивают подкаст на иностранном языке в целях выполнения определённого задания, что способствует не только формированию их иноязычной коммуникативной компетенции, но и развитию навыков самостоятельной работы, которая в третьем поколении образовательных стандартов высшего профессионального образования существенно возросла [18. С. 270–271].

СРС с подкастами имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой подкаста как учебного материала. Студент может прослушать подкаст в удобное время и из любой точки, в том числе находясь в движении, что позволяет постепенно перевести взаимодействие с аутентичным испаноязычным контентом в плоскость досуга и увлечений и повысить мотивацию к изучению языка. Выведение процесса прослушивания за рамки аудитории значительно экономит время на занятии и высвобождает его для практики устной речи. Последнее становится возможным во всем многообразии форматов, так как прослушанный предварительно подкаст вызывает у студентов внутренний отклик и становится идеальной отправной точкой для самостоятельных устных высказываний.

Особое место в работе с аутентичными подкастами занимают вопросы мотивации и самооценки. Процесс вычленения отдельных элементов из потока речи и их интерпретации может вызывать у студентов тревогу, неуверенность в себе или даже ступор и отторжение. Классические форматы заданий в форме закрытого вопроса, например вопросы с множественным выбором, могут усугублять эти состояния. В связи с этим предложенные далее форматы заданий направлены на снижение напряжения и смещение акцента на целостное восприятие и интерпретацию услышанного, обмен мнениями и личным опытом. Работа в парах или группах также способствует поддержанию положительной мотивации и позволяет снизить напряжение на этапе контроля, что в долгосрочной перспективе позволит студентам выработать привычку слушать аутентичные материалы для удовольствия.

Отдельно стоит отметить, что отсутствие расшифровки к аутентичным подкастам позволяет создать эффект погружения в языковую среду, сделать акцент на лексическую сочетаемость, облегчить освоение лексических единиц в контексте и развить языковую догадку. В то же время интерфейс платформ для прослушивания подкастов позволяет неоднократно прослушивать вызвавшие затруднения фрагменты, а в силу автоматизированной перемотки не требуется дополнительных затрат с технической точки зрения.

Критерии отбора аутентичных подкастов

В статье О.В. Борщевой сформулирован ряд принципов отбора подкастов для обучения иностранному языку, среди которых стоит особо отметить принцип соответствия содержания подкаста интересам студента, принцип социокультурной направленности, принцип познавательной ценности, принцип формирования активной жизненной позиции [19]. В рамках настоящего исследования были проанализированы бесплатные онлайн-платформы для прослушивания подкастов (Apple Podcasts, Google Podcasts), после чего был произведён отбор испаноязычных неадаптированных подкастов, обладающих дидактическим потенциалом. Наряду с вышеупомянутыми принципами авторы при отборе руководствовались тремя критериями:

1. Длительность выпуска составляет от 15 до 30 мин. Специфика неадаптированных испанских подкастов такова, что многие из них длятся более часа (например, *Un Libro Una Hora*, *La Escómbula de la Brújula*, *De Piel a Cabeza*). Учитывая большой объём и разнонаправленность внеаудиторной деятельности студентов, а также необходимость повторных прослушиваний, в подборку вошли подкасты, имеющие меньшую продолжительность. В то же время в рамках исследования не рассматривались подкасты продолжительностью до 5 минут (например, *Las Noticias de ABC*, *Noticias de la ONU*), так как их более целесообразно использовать непосредственно в аудитории.

2. Выпуск имеет неоднородную структуру. С точки зрения построения особый интерес представляют подкасты, основанные на взаимодействии двух и более собеседников, как в студийном формате, так и в естественной обстановке с фоновыми шумами. Выпуск также может содержать включения различного характера: аудиофрагменты фильмов, элементы ситуаций речевого общения (например, разговор по телефону), фоновая музыка, акцентные звуковые эффекты. Такая структура оптимальна для формирования познавательного интереса у студентов и поддержания концентрации внимания в процессе прослушивания.

3. Речь в выпуске характеризуется нейтральным акцентом. Учитывая особенности аутентичного подкаста как учебного материала, авторы не рекомендуют использовать в рамках СРС выпуски, содержащие региональные варианты испанского произношения, которые могут вызывать сложности для восприятия (например, андалузский диалект). Первоначальную работу с региональными акцентами Испании и вариантами произношения в странах Латинской Америки

представляется целесообразным проводить со студентами продвинутого уровня в аудиторном формате на коротких фрагментах аутентичных аудиозаписей, фильмов или сериалов. Предварительные комментарии преподавателя, освоение характерных особенностей конкретного варианта произношения и поэтапное прослушивание с обратной связью позволит избежать снижения мотивации у студентов на фоне затрудненного восприятия. По мере повышения осведомленности об основных диалектах и при наличии опыта успешной СРС на материалах с нейтральным акцентом, внеаудиторная работа с региональными вариантами становится возможной.

По результатам отбора нами был сформирован следующий список неадаптированных подкастов, которые могут быть использованы во внеаудиторной работе:

1) **Hoy en El País** – общественно-политический подкаст, затрагивающий ключевые проблемы международной и испанской внутриполитической повестки;

2) **Mañana empiezo** – подкаст о здоровом образе жизни, правильном питании и заботе о себе во всех её проявлениях;

3) **Acontece que no es poco** – исторический подкаст, с юмором освещающий основные события мировой истории;

4) **Picasso. La forja del genio** – серия аудиорепортажей по испанским местам из жизни Пикассо;

5) **Tú eres tu lugar seguro** – подкаст о ментальном здоровье и межличностных отношениях.

Данный список может быть расширен исходя из интересов студентов и их опыта взаимодействия с аутентичным контентом. Так, например, можно обратить внимание на особую группу испанских подкастов – аудиосериалы в жанре научной фантастики (*El Gran Apagón, Simulacro, La Esfera, Retornados*).

Разработка материалов для аудиторной работы определенно потребует от преподавателя творческого подхода и готовности действовать методом проб и ошибок. Поиск тем и форматов, вызывающих наибольший отклик у конкретной группы студентов, а также необходимость каждый раз заново погружаться в новую тему могут демотивировать на начальном этапе, но долгосрочный эффект такой работы стоит приложенных усилий.

Этапы работы с подкастами и типовые варианты заданий

Несмотря на то что существенный объем подготовки выполняется студентами во внеаудиторных условиях, на преподавателя также ложится немалая ответственность. После выбора подкаста на основе интересов студентов и целей обучения мы рекомендуем прослушать подкаст и выполнить следующие шаги:

1. Отобрать тематическую лексику, а также разговорные обороты и случаи употребления грамматических конструкций. Для удобства поиска по аудиозаписи рекомендуется также фиксировать тайм-код для каждой лексической единицы.

2. Составить список тем и проблем, затрагиваемых в подкасте, и выделить дискуссионные аспекты рассматриваемой темы.

3. Сформулировать открытые вопросы на понимание содержания прослушанного.

Процесс работы студентов с подкастами может быть разделён на три этапа: 1) подготовительный этап (введение в тему, ознакомление с «активными» лексическими единицами, объяснение методики работы с подкастом и выполнения заданий, снятие грамматических трудностей при необходимости); 2) этап непосредственной работы с подкастом (его прослушивание, фиксация значимой информации, выполнение задач, поставленных преподавателем); 3) заключительный или послетекстовый этап (выполнение заданий на понимание услышанного, обсуждение материала, дискуссия, оценивание проделанной работы) [20].

Предлагаем рассмотреть организацию внеаудиторной работы с подкастом на примере выпуска подкаста “*Mañana empiezo*” о здоровом сне и причинах бессонницы (“*Cuando no dormir te quita el sueño*”). Работу на подготовительном этапе можно начать с активации уже имеющихся знаний по теме (*lluvia de ideas*): лексические единицы, связанные с материальной (кровать, одеяло, будильник) и нематериальной (бессонница, ночной кошмар, «сова» и «жаворонок») сторонами сна, глаголы, связанные с этим процессом (рано вставать, проспать, вздремнуть). На этом этапе также можно задействовать KWL-таблицу – классический инструмент для работы с аутентичным контентом. В трех колонках тезисно фиксируется, что студентам уже известно по теме, что им хочется узнать (например, как быстро заснуть или каким может быть перекус перед сном) и что удалось узнать после прослушивания (обсуждается на заключительном этапе). Не менее важно персонализировать тему подкаста: обсудить со студентами их опыт организации сна, проблемы с недосыпом и бессонницей, сон в период экзаменационной сессии. Финальным компонентом подготовительного этапа является разбор предварительно отобранных преподавателем лексических единиц и грамматических трудностей.

В рамках внеаудиторной работы с подкастом студенту могут быть предложены следующие форматы заданий: лексическое бинго (вычеркнуть из списка прозвучавшие в подкасте слова и выражения), определение основных идей подкаста (предварительно составленный преподавателем список дополняется 3–4 лишними позициями), открытые вопросы по содержанию, задания исследовательского характера (например, найти информацию о фазах сна в испаноязычных ресурсах), задания, направленные на решение проблемы (например, составить список того, что нужно делать перед сном и чего делать не стоит), задания, относящиеся к реальной жизни (например, составить плейлист для отхода ко сну).

На заключительном этапе рекомендуется сделать максимальный акцент на самостоятельных устных высказываниях студентов и групповом взаимодействии. Так, обсуждение и проверка заданий, выполненных вне аудитории, можно организовать в парах с элементами контроля преподавателя и представлением отдельных результатов всей группе.

Затем можно провести круглый стол по теме подкаста, организовать ролевую игру (например, вы проспали встречу с другом или несколько ночей подряд не

можете заснуть и просите совета у близких), обсудить смежные темы (польза и вред кофеина, организация зоны отдыха в современных офисах).

Заключение

Таким образом, интеграция аутентичных подкастов в образовательный процесс в рамках внеаудиторной работы соответствует как актуальным тенденциям в сфере преподавания испанского языка (стремление к учебной автономии студентов, принципы лексического подхода и проблемного обучения), так и современному уровню развития образовательной среды. Предложенный нами алгоритм отбора и организации работы с аутентичными подкастами может быть использован непосредственно в учебном процессе (например, в качестве дополнения к привычным занятиям в лингафонном кабинете), так и при реализации индивидуальных образовательных траекторий. Рассмотренные форматы заданий для аудиторного контроля могут послужить отправной точкой и своего рода ориентиром для разработки собственных материалов – задачи, представляющей особый вызов при работе с разноплановым аутентичным контентом.

Специфика аутентичных подкастов обуславливает особую значимость подготовительного этапа перед осуществлением внеаудиторной работы. Основной задачей преподавателя становится предварительная «контекстуализация» содержания подкаста: активизация фоновых знаний по теме, погружение в культурный и региональный контекст, снятие возможных лексических и грамматических трудностей. Такая подготовка в сочетании с осведомленностью о формате подкаста (кто, где и с какой целью говорит) приближает взаимодействие с аутентичным подкастом к реальным ситуациям повседневной жизни, где требуется понимание прослушанного. Целью такого восприятия на слух может выступать понимание общего содержания, вычленение специфической информации, достижение понимания какого-либо феномена или процесса, улавливание скрытого смысла.

В рамках аудиторного контроля допустимо смещение акцента с получения правильных ответов на

получение самостоятельных устных высказываний. Особый акцент на личности студента, его интересах и жизненном опыте позволяет не только повысить мотивацию к изучению испанского языка, но и постепенно сделать этот процесс частью повседневной жизни обучающихся, что является основополагающим условием для поддержания общего уровня владения языком.

Применение аутентичных подкастов во внеаудиторной деятельности позволяет положительным образом изменить подход студентов к прослушиванию аудиозаписей. На второй план уходит стремление понять каждое слово, чрезмерное внимание к отдельным фрагментам с последующей потерей концентрации, стремление записать услышанное.

В то же время освоение новых лексических единиц происходит спонтанно, без строгой тематической привязки и с полноценным погружением в контекст употребления. При прослушивании студенты перенимают не только опыт взаимодействия в различных ситуациях общения, но и устоявшиеся в языке функциональные обороты и интонационные паттерны.

На послетекстовом этапе преподаватель сочетает в своей деятельности функции контроля понимания услышанного и поддержания положительной мотивации студентов. Этап перехода от адаптированных учебных аудиозаписей к аутентичным материалам неизбежно сопровождается кризисом студенческой самооценки и уверенности в собственных знаниях и способностях. Это обусловлено как значительным повышением темпа речи, так и появлением множества новых аспектов естественных ситуаций общения (например, быстрая смена тем, юмор, разговорная лексика, культурные отсылки).

В связи с этим работа с мотивацией обретает первостепенное значение в контексте достижения учебной автономии. Опыт внеаудиторной деятельности с поддержкой преподавателя и последующей рефлексией может быть успешно спроецирован на самостоятельное взаимодействие студента с испаноязычным контентом.

Список источников

1. Instituto Cervantes. Las competencias clave del profesorado de lenguas segundas y extranjeras // Centro Virtual Cervantes, 2012. URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/competencias/competencias_profesorado.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
2. Соловова Е.Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранных языков // Вестник МГИМО университета. 2013. № 6 (33). С. 67–70.
3. Воевода Е.В. Интернет-технологии в обучении иностранным языкам // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 110–114.
4. Герасименко Т.Л., Ковальчук С.В., Мохова О.Л. Возможности и перспективы использования m-learning (мобильного обучения) в процессе изучения иностранного языка // Московский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 61–64.
5. Campbell G. Podcasting in education // EDUCAUSE. 2005. Vol. 77, № 2005. P. 33–44.
6. Schiefner M. Podcasts in der universitären Lehre – wie, warum und warum nicht // Universitaet Zuerich. 2006. URL: <https://www.news.uzh.ch/de/articles/2006/2261.html> (дата обращения: 20.06.2024).
7. Игнатенко Н.А. Подкасты англоязычного радио в самостоятельной работе студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку // Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 148–159.
8. Курских О.В. Использование подкастов общественно-политического характера в обучении французскому языку студентов-международников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 411–416.
9. Kay R.H. Exploring the use of video podcasts in education: A comprehensive review of the literature // Computers in human behavior. 2012. Т. 28, № 3. С. 820–831.
10. Протазанова Н.Г. Отбор и подготовка подкастов для интеграции в процесс обучения иностранным языкам // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2, № 1. С. 168–170.
11. Сысоев П.В. Современные информационные и коммуникационные технологии: дидактические свойства и функции // Язык и культура. 2012. № 1 (17). С. 120–133.
12. Insani N.N. Podcasts: Media to increase student learning motivation // Annual Civic Education Conference (ACEC 2021). Atlantis Press, 2022. P. 519–522.

13. Евдак А.Н., Сафина А.Р. Развитие навыков говорения у обучающихся вуза посредством подкастов // Перспективы развития современного гуманитарного знания. 2023. С. 317–322.
14. Сысоев П.В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 189–201.
15. Rime J., Pike C., Collins T. What is a podcast? Considering innovations in podcasting through the six-tensions framework // *Convergence*. 2022. Vol. 28, № 5. P. 1260–1282.
16. Wakefield A., Pike R., Amici-Dargan S. Learner-generated podcasts: an authentic and enjoyable assessment for students working in pairs // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2023. Vol. 48, № 7. P. 1025–1037.
17. Салин Б.С. Некоторые аспекты использования подкастов в обучении английскому языку // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 4. С. 91–93.
18. Виноградова М.В. Самостоятельная работа как вид деятельности с учетом государственных стандартов высшего образования // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 269–272.
19. Борщева О.В. Принципы отбора подкастов для обучения иностранному языку // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 62–70.
20. Гусева А.А., Калинина Е.А. Подкасты для развития навыков говорения и аудирования на уроках английского языка // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. № XII. С. 177–181.

References

1. Instituto Cervantes. (2012) Las competencias clave del profesorado de lenguas segundas y extranjeras. *Centro Virtual Cervantes*. [Online] Available from: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/competencias/competencias_profesorado.pdf (Accessed: 12.06.2024).
2. Solovova, E.N. (2013) Perspektivnye napravleniya razvitiya vuzovskoy metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [Promising directions of development of university methods of teaching foreign languages]. *Vestnik MGIMO universiteta*. 6 (33). pp. 67–70.
3. Voevoda, E.V. (2009) Internet-tekhnologii v obuchenii inostrannym yazykam [Internet technologies in teaching foreign languages]. *Vysshnee obrazovanie v Rossii*. 9. pp. 110–114.
4. Gerasimenko, T.L., Koval'chuk, S.V. & Mokhova, O.L. (2013) Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovaniya m-learning (mobil'nogo obucheniya) v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka [Possibilities and Prospects of Using m-learning (mobile learning) in the Process of Learning a Foreign Language]. *Moskovskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 61–64.
5. Campbell, G. (2005) Podcasting in education. *EDUCAUSE*. 2005 (77). pp. 33–44.
6. Schiefner, M. (2006) Podcasts in der universitären Lehre – wie, warum und warum nicht. *Universitaet Zuerich*. [Online] Available from: <https://www.news.uzh.ch/de/articles/2006/2261.html> (Accessed: 20.06.2024).
7. Ignatenko, N.A. (2016) English language radio podcasts in individual work of advanced foreign language students. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 1 (33). pp. 148–159. (In Russian).
8. Kurskikh, O.V. (2018) Ispol'zovanie podkastov obshchestvenno-politicheskogo kharaktera v obuchenii frantsuzskomu yazyku studentov-mezhdunarodnikov [Using podcasts of a socio-political nature in teaching French to international students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2 (90). pp. 411–416.
9. Kay, R.H. (2012) Exploring the use of video podcasts in education: A comprehensive review of the literature. *Computers in Human Behavior*. 3 (28). pp. 820–831.
10. Protazanova, N.G. (2013) Otbor i podgotovka podkastov dlya integratsii v protsess obucheniya inostrannym yazykam [Selection and preparation of podcasts for integration into the process of teaching foreign languages]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1 (2). pp. 168–170.
11. Sysoev, P.V. (2012) Sovremennye informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii: didakticheskie svoystva i funktsii [Modern information and communication technologies: didactic properties and functions]. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 1 (17). pp. 120–133.
12. Insani, N.N. (2022) Podcasts: Media to increase student learning motivation. In: *Annual Civic Education Conference (ACEC 2021)*. Atlantis Press. pp. 519–522.
13. Evdak, A.N. & Safina, A.R. (2023) Razvitie navykov govoreniya u obuchayushchikhsya vuza posredstvom podkastov [Developing speaking skills in university students through podcasts]. *Perspektivy razvitiya sovremennogo gumanitarnogo znaniya*. pp. 317–322.
14. Sysoev, P.V. (2014) Podcasts in teaching a foreign language. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 2 (26). pp. 189–201. (In Russian).
15. Rime, J., Pike, C. & Collins, T. (2022) What is a podcast? Considering innovations in podcasting through the six-tensions framework. *Convergence*. 5 (28). pp. 1260–1282.
16. Wakefield, A., Pike, R. & Amici-Dargan, S. (2023) Learner-generated podcasts: an authentic and enjoyable assessment for students working in pairs. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 7 (48). pp. 1025–1037.
17. Salin, B.S. (2010) Nekotorye aspekty ispol'zovaniya podkastov v obuchenii angliyskomu yazyku [Some aspects of using podcasts in teaching English]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. pp. 91–93.
18. Vinogradova, M.V. (2021) Samostoyatel'naya rabota kak vid deyatel'nosti s uchetom gosudarstvennykh standartov vysshego obrazovaniya [Independent work as a type of activity taking into account state standards of higher education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (87). pp. 269–272.
19. Borshcheva, O.V. (2019) Printsipy otbora podkastov dlya obucheniya inostrannomu yazyku [Principles of selecting podcasts for teaching a foreign language]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 3. pp. 62–70.
20. Guseva, A.A. & Kalinina, E.A. (2020) Podkasty dlya razvitiya navykov govoreniya i audirovaniya na urokakh angliyskogo yazyka [Podcasts for developing speaking and listening skills in English lessons]. *Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii*. 12. pp. 177–181.

Информация об авторах:

Никифорова А.Н. – магистр педагогики, преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: nikiforova.a.n@my.mgimo.ru

Макарычева А.В. – канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Nikiforova, Master of Pedagogy, lecturer, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nikiforova.a.n@my.mgimo.ru

A.V. Makarycheva, Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024;
одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 02.07.2024;
approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 373.5(796.034.2)
doi: 10.17223/15617793/511/19

Организация массовой физкультурно-оздоровительной работы с юными пионерами и школьниками в Крыму с начала 20-х до середины 30-х гг. XX в.

Андрей Викторович Мутьев¹, Дмитрий Владимирович Лебедев²

^{1, 2} Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ dsport76@mail.ru

² dimon211199@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов анализируется процесс организации физкультурно-оздоровительной работы с детьми в Крымской АССР в 20–30-х гг. XX в. Установлено наличие четкой государственной политики и формирование соответствующей нормативной правовой базы для решения проблемы улучшения состояния здоровья детей. Дана характеристика особенностей подготовки работников физической культуры для организации физкультурно-оздоровительной работы с детьми, приводятся фактические данные о численности и особенностях организации летнего оздоровительного отдыха пионеров и школьников в Крымской АССР.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительная работа, Крымская АССР, школьники, подготовка физкультурных кадров

Для цитирования: Мутьев А.В., Лебедев Д.В. Организация массовой физкультурно-оздоровительной работы с юными пионерами и школьниками в Крыму с начала 20-х до середины 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 183–190. doi: 10.17223/15617793/511/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/19

Organization of mass physical culture and recreation work with young pioneers and schoolchildren in the Crimea from the early 1920s to the mid-1930s

Andrey V. Mutiyev¹, Dmitriy V. Lebedev²

^{1, 2} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

¹ dsport76@mail.ru

² dimon211199@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of archival documents, the process of organizing physical culture and recreation work with children in the Crimean ASSR in the 1920s–1930s is analyzed. The study used general theoretical and general historical research methods. The database of research sources was compiled by the office documentation of the Crimean authorities of physical culture and sports of the specified period from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. It was established that the basis of physical culture and recreation work with children in the Crimea were the detachments of young pioneers created since 1922. The main physical education work to improve the health of young pioneers and schoolchildren was carried out in the form of morning gymnastics, games, mass competitions and tournaments. Outdoor activities were used to the maximum, for which summer and winter playgrounds, summer baths were equipped, mass walks and excursions were conducted. A new mass form of health improvement was the pioneer camps of the health resort type, where the emphasis was not on military and labor education, but on strengthening the health of children. One of the first such camps was established in Crimea on June 16, 1925 in the Artek tract, which received the all-Union status. In the early 1930s, physical education courses for pioneer leaders began to be held in the cities of Crimea, the program of which was developed specifically for Crimea, taking into account regional peculiarities. By the mid-1930s, mass physical culture and wellness work became systemic and systematic, covering a significant number of Crimean children. Thus, it was established that there was a clear state policy and the formation of an appropriate regulatory legal framework to solve the problem of improving the health of children by ensuring a continuous integrated process of their upbringing and socialization, organizing logistical, scientific, methodological, programmatic, personnel support for the activities of recreational institutions, coordinating the activities of various structures and departments in the field of physical culture and recreation with young pioneers and schoolchildren in the Crimean ASSR during the period under study.

Keywords: physical education, recreation work, Crimea, schoolchildren, training of physical education personnel

For citation: Mutiyev, A.V. & Lebedev, D.V. (2025) Organization of mass physical culture and recreation work with young pioneers and schoolchildren in the Crimea from the early 1920s to the mid-1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 183–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/19

Актуальность

Историко-педагогические аспекты становления и развития системы массовой физкультурно-оздоровительной работы с детьми и молодежью в нашей стране продолжают оставаться актуальными и в современных условиях. Особое значение приобретает исследование этих вопросов на начальных этапах существования молодого Советского государства, в котором физическая культура становится неотъемлемой частью воспитания подрастающего поколения. В этот период, в соответствии с целями социалистического строительства, Коммунистическая партия и советское правительство ставили задачи подготовки здоровой и крепкой смены для «завершения дела коммунизма», отводя в этом важнейшую роль физкультурной работе среди детей.

Важную роль в распространении физического воспитания детей и юношества сыграла пионерская организация. Была начата реализация концепции воспитания посредством организации детского пионерского движения, пришедшего на смену английской системе военно-физического и трудового воспитания детей – скаутингу, существовавшей в Российской империи, а позже и Советской России вплоть до 1922 г. С самого начала в планы работы пионерских отрядов обязательно включались физкультурные занятия в виде выполнения гимнастических упражнений, подвижных игр, футбола, экскурсий и др.

Для вовлечения новых членов в ряды юных пионеров в детской среде начали усиленно культивироваться физкультурно-спортивные мероприятия и соревнования, не требующие больших материальных затрат, поскольку дети с большим удовольствием и интересом принимали в них участие. При этом их проведение отличалось простотой. Первостепенное значение при этом имело максимальное оздоровление пионеров и всех детей. Для этих целей использовались лагеря и детские площадки, выступавшие основной формой их отдыха. Важное место при этом было отведено восстановительно-воспитательной работе посредством физической культуры, трудового воспитания и естественно-научной работы. Занятия с детьми и юными пионерами чаще всего проводились в игровой форме, широко использовались все доступные виды физических упражнений на свежем воздухе. Отсутствие подготовленных кадров и недостаточное материальное обеспечение, особенно в деревенских пионеротрядах, чаще всего решались за счет шефства из города и приглашения платных инструкторов, многие из которых ранее сами были скаутами.

В последнее время в работах современных ученых исследованиям организации физкультурно-оздоровительной работы с детьми в первые десятилетия существования советской власти уделяется все больше внимания [1, 2]. Рассмотрены данные вопросы и на примерах отдельных регионов страны, таких как Красноярский край [3], Кировская область [4], Луганщина [5], Белорусская ССР [6], Курская губерния [7], Восточная Сибирь [8] и др. Обусловлено это тем, что сегодня, когда происходит возрождение традиций детских и мо-

лодежных организаций, ставящих своими задачами помимо всесторонней заботы о здоровье, военно-патристическое, гражданское, нравственное воспитание и совершенствование личности детей и подростков, накопленный в этом плане региональный опыт советского периода может быть весьма полезен.

В то же время, несмотря на наличие единичных публикаций по развитию системы физкультурно-оздоровительной работы с детьми в дореволюционном Крыму [9, 10], информация об организации этого процесса в советский период в научном фонде отсутствует.

Очевидное противоречие между необходимостью исследования постановки оздоровительной и физкультурно-массовой работы с детьми и практическим отсутствием научных работ, освещающих эти вопросы на территории Крымской АССР, определило основную цель данной работы: рассмотреть особенности организации физкультурно-оздоровительной работы с детьми в Крымской АССР в 20–30-х гг. XX в. Были использованы общетеоретические и общеоисторические методы исследования. Источниковую базу составила делопроизводственная документация советских органов управления физической культурой и образованием из фондов Государственного архива Республики Крым, большая часть которой впервые вводится в научный оборот.

Результаты и обсуждение

В организацию физкультурно-спортивной работы с первых лет существования молодого Советского государства активно подключился, созданный в октябре 1918 г. Российский ленинский коммунистический союз молодежи (РЛКСМ). На своем втором съезде в 1919 г. он принял Постановление «О физическом воспитании и скаутизме», где объявил систему скаутского воспитания детей и молодежи буржуазной. Было решено бороться против скаутских организаций и выделить на пункты допризывной подготовки и в военно-спортивные клубы политруков для проведения политико-воспитательной работы среди молодежи. Решения III съезда РЛКСМ в октябре 1920 г. придавали еще большее значение задачам комсомола в области физического воспитания. Указывалось, что «физическое воспитание подрастающего поколения является одним из необходимых элементов общей системы коммунистического воспитания молодежи, направленной к созданию гармонически развитого человека, творца – гражданина коммунистического общества» [11]. Далее РЛКСМ приступил к созданию пролетарских физкультурных организаций, повсеместно привлекая к участию в них комсомольскую и несоюзную молодежь. Активную роль в развитии физической культуры в первые годы после установления советской власти стали играть и профессиональные союзы. Они создавали физкультурные кружки на фабриках и заводах, в учебных заведениях и рабочих клубах и обеспечивали их материальными средствами. На них же возлагалась помощь в обеспечении детского физкультурного движения.

В резолюции 5-го Всероссийского съезда РЛКСМ (1924 г.) указывалось, что основным содержанием работы среди детских групп не может являться копирование элементов взрослых, а также всех элементов скаутинга. Задачей выступала подготовка революционных борцов на основе широкой общественно-политической деятельности, знакомство и приучение к труду с учетом особенностей детского возраста, с включением элементов длительной игры. Юные пионеры были призваны «усилить революционное влияние на школы» путем «постепенного завоевания руководящего положения в органах школьного самоуправления». В то же время на первый план выступала оздоровительная работа в детских отрядах юных пионеров, где среди средств работы «вполне оправдали себя игры, экскурсии, работа по физическому воспитанию, беседы, общественная работа вне отряда» [12]. Воспитывать характер и развиваться следовало посредством культивирования обычаев, игр и состязаний [13. С. 218]. Постепенно детское движение завоевывало авторитет в городах и было решено «осторожно» переносить его в деревню, где особое внимание следовало уделять санаторно-гигиеническим навыкам посредством проведения оздоровительной работы среди детей (площадки, экскурсии, прогулки). Рекомендовалось для организации досуга детей часть времени отводить для любимых занятий пионеров. Широкое распространение должны были получить шахматные и другие турниры, спортивные состязания. Работу по оздоровлению и организации досуга следовало проводить вкупе с военной пропагандой среди детей (непродолжительные походы, военно-спортивные игры, стрелковый спорт, топография, первая помощь). Мероприятия рекомендовалось проводить на воздухе, для чего обустроивались летние и зимние площадки, летние купальни, были организованы массовые прогулки, экскурсии, занятия утренней гимнастикой и т.п. Основной массовой формой оздоровления должны были выступать лагеря, всячески поддерживалась инициатива создания лагерей санаторного типа [14].

Возникновение и рост пионерского движения в Крыму шел в соответствии с Постановлением II Всероссийской комсомольской конференции от 19 мая 1922 г., ставившим целью новообразованной Пионерской организации имени Спартака (затем Ленина) воспитание в детях «чувства советского патриотизма», стремление стать «верными ленинцами, преданными делу Коммунистической партии», и рядом нормативных документов, определяющих «оздоровительные задачи пионерской деятельности» (Временный устав детских групп «Юные пионеры» имени Спартака, Резолюция VI съезда РЛКСМ). По мнению В.Е. Возгрина, на начальном этапе эти решения на полуострове оказали воздействие исключительно на русскоязычное городское население и по большей части на переселенцев [15]. Самый первый пионерский отряд в Крыму был создан 3 октября 1922 г. на Корабельной стороне в г. Севастополе [16. С. 21]. Он состоял из детей русских военных моряков и рабочих военных предприятий. Пионер-ветеран 1920-х гг. Зоя Кондратьевна Подорожко вспоминала: «...в отряде я с первого дня его

организации. Первое время пионерский отряд располагался в доме, вблизи старой железнодорожной водоканчки. Мы, пионеры, собирались на сборы, проводили игры, много занимались гимнастикой, играли в баскетбол, ходили в походы по окрестностям Севастополя, по его историческим местам. На сборах с нами вели беседы члены партии, рассказывали о революции 1917 года, о гражданской войне, о жизни рабочих в до-революционное время и о вождах пролетариата, Карле Марксе, Фридрихе Энгельсе, Розе Люксембург, Карле Либкнехте и о жизни вождя Владимира Ильича Ленина. Велись беседы на антирелигиозные темы» [17].

В конце 1922 г. пионерские отряды появляются и в Симферополе. Особенностью формирования детского движения там выступила организация регулярной формы работы с детьми в виде спортивных групп (спортгрупп). С декабря 1922 г. в городе были организованы 1-я и 2-я спортгруппы, с которыми начата работа по проведению цикла лекций, продолженная и в январе 1923 г. В группах шла работа, направленная на физическое развитие, читались лекции по общей и социальной гигиене, о жизни животных и растений и по истории родного края, которые «очень охотно» посещали юные пионеры и спортсмены, внимательно их слушали и вели записи. Работа спортгрупп осуществлялась на базе детских домов Наркомздрава и Наркомпроса силами самих питомцев 1-й и 2-й спортгрупп. Количество спортгрупп росло. Так, в январе 1923 г. к 1-й спортгруппе присоединилась группа пионеров, организованная при Татарских детских домах (Татдомах) имени Рефатова и имени Субхи, начата работа по организации групп в Детском доме имени погибших коммунаров и детском коллаторе [18]. Спортгруппами было подготовлено к выпуску 50 человек для преподавания гимнастики в детских домах.

Важной особенностью становления детского движения в Крыму выступало развитие региона как национальной республики. При этом в рамках национальной политики «коренизации» советские органы власти всячески старались вовлечь в движение детей всех национальностей, особенно крымских татар. В апреле 1923 г. в Татарском детском доме имени Рефатова была организована группа юных спортсменов-татар, которым от 1-й спортгруппы было преподнесено и торжественно вручено знамя. После вручения состоялись выступления юных спортсменов [19]. Много внимания уделялось физкультурно-оздоровительной работе и в отряде пионеров опытно-показательной Татарской школы второй ступени Симферополя, получившей в феврале 1925 г. имя Председателя ЦИК СССР Н.Н. Нариманова. Серьезную материальную поддержку воспитательной и оздоровительной работы среди пионеров в Крыму оказывал методологический центр пионерской организации Крыма «Татбаза», богатое и влиятельное учреждение, которое постоянно курировал обком партии [20. Л. 1].

Следует отметить, что спортгруппы просуществовали недолго и были распущены по инициативе РЛКСМ в мае 1923 г. По этому поводу в главной газете полуострова «Красный Крым» писали: «...есть и такие, которые до сих пор считают наши отряды Юных

пионеров имени Спартак бойскаутскими отрядами, только под другим названием. В Крыму только два месяца назад мы приступили к организации отрядов Юных пионеров, предварительно распустив буржуазные отряды бой-скаутов, приютившиеся под вывеской спорт-групп Наркомздрава» [21]. По линии РЛКСМ стали готовить свой руководящий состав для новых отрядов пионеров.

Осенью 1923 г. в Симферополе по решению Бюро обкома комсомола в здании бывшей детской буржуазной организации «Будущих граждан» по улице Желябова, 17 состоялось открытие Центрального Дома юных пионеров. В отчете Крымского обкома РЛКСМ за сентябрь–октябрь 1923 г. отмечалось, что он занимал 9 комнат, в которых располагались библиотека, переплетная мастерская, кабинет вожатого звена а также склад спортивного инвентаря, что говорит о важности физического воспитания среди пионеров.

Новой формой работы с юными пионерами выступала организация летних лагерей. Именно в Крыму 16 июня 1925 г. в урочище «Артек» был создан один из первых пионерских лагерей нового типа, где был сделан упор не на военное и трудовое воспитание, а на оздоровление ребят. Создателем всесоюзного лагеря-санатория был председатель Российского Общества Красного Креста Зиновий Соловьев. А. В. Копцева отмечает, что «в 1925 г. в Артек приехали 280 детей в возрасте от 11 до 17 лет из четырех регионов – Москвы, Самарской губернии, Иваново-Вознесенска и Ленинграда – и 40 пионеров из городов и селений Крыма. Длительность каждой смены составляла 30 дней. По социальному положению все дети относились к категории детей рабочих крупнейших заводов и детей крестьян» [22. С. 666]. В 1928 г. к палаточному городку добавились деревянные домики. В первые годы существования лагеря детей комплектовали строго по медицинским показаниям, а уже в 1930-х гг., путёвку в «Артек» стали давать пионерам, имеющим определенные заслуги и отличия.

В распорядок дня палаточного «Артека» входил обязательный физический труд, на который отводилось 2–3 часа в день. Пионеры занимались уборкой территории, парка, очисткой пляжа, работали и на уборке урожая винограда и других фруктов, в сельскохозяйственной коммуне, расположенной по соседству. Огромное значение придавалось гигиеническим навыкам и здоровому быту. Зиновий Соловьев написал особые «правила для пионера», которые вырабатывали привычку к культурному быту, физическому здоровью и спорту. Около самого моря была организована физкультурная площадка, где проводились занятия и игры, а вечером все могли собраться у пионерского костра. Уже с первой смены в 1925 г. среди 21 сотрудника лагеря был инструктор по физкультуре – студент III курса Московского медицинского института Петр Еринский [23]. В начале 30-х гг. была подана заявка в Высший совет физической культуры СССР на работника с высшим физкультурным образованием для работы в лагере.

Согласно этой заявке в 1931 г. для работы в лагере юных пионеров «Артек» был направлен выпускник

Московского государственного центрального института физической культуры Пластинин [24. Л. 4]. Это подчеркивало важность организации физкультурно-оздоровительной работы с юными артековцами, поскольку на весь Крым специалистов с высшим физкультурным образованием в 1931 г. было лишь одиннадцать человек.

С 1927 по 1930 г. Областное бюро юных пионеров Крыма возглавлял известный крымский педагог Савелий Захарович Бондаренко, который активно приступил к введению физкультуры в работу пионерских отрядов.

На Первом Всекрымском съезде преподавателей физической культуры, состоявшемся в г. Симферополе 28–29 декабря 1927 г., ответственный секретарь Высшего совета физической культуры (ВСФК) Крыма Д.В. Красников, характеризуя развитие физической культуры на полуострове за первое десятилетие после установления в стране советской власти, отмечал: «По линии юных пионеров мы имеем охват физкультурой большинства городских отрядов и удаление достаточного внимания подготовке вожатых отрядов к проведению занятий, достаточного руководства физкультурной со стороны Обл.[астных] и Рай.[онных] Бюро Ю.П.[юных пионеров], но вместе с тем отмечаются и недостатки в виде отсутствия инвентаря и мест занятий, полного отсутствия физкультурной работы в деревенских отрядах и частая замена вожатых, отчего последние не могут получить достаточных знаний в области физкультуры» [25. Л. 11]. 12 января 1928 г. на заседании президиума Научно-технической комиссии ВСФК Крыма обсуждался вопрос «О работе по физической культуре в деревенских пионерских отрядах», где отмечалось отсутствие подготовленных кадров по физической культуре в деревне. Этот вопрос было решено вынести на Национально-деревенское совещание, которое было решено созвать 30–31 января 1928 г. На заседание приглашались по одному инструктору-организатору от районных СФК и по одному представителю татарского населения от деревенских кружков [25. Л. 19]. Накануне проведения совещания членом ВСФК Крыма и областным инструктором Бюро Юных пионеров Крыма С.З. Бондаренко была предложена программа по физической культуре для пионерских отрядов, разработанная на основе порядковых упражнений согласно уставу Рабоче-крестьянской красной армии [25. Л. 20].

Дальнейшее развитие крымской организации Юных пионеров проявилось в активном участии в работе I Всесоюзного слета пионеров, где крымчане состязались по программе Всесоюзной пионерской спартакиады. При подготовке к этому мероприятию 6 июня 1929 г. на заседании президиума Высшего совета физической культуры при ЦИКе Крымской АССР был заслушан вопрос о пионерской Всесоюзной спартакиаде, где после выступления докладчика постановили: «...для выявления кандидатов на Всесоюзную Спартакиаду провести районные и Всекрымские слеты. В состав команды Крыма включить коллективы отрядов, выигравшие первенство по тому или иному виду

физупражнений. Для создания общих условий соревнований считать целесообразным провести Всекрымские слеты пионеров – по водной части в Севастополе, а остальные виды в г. Симферополе» [26]. Крымчане выступили достаточно успешно, а пионер Гайковой стал победителем плавательных соревнований Спартакиады [27. С. 5].

С начала 1930-х гг. в Крыму разворачивается активная физкультурно-оздоровительная работа среди детей школьного возраста. В соответствии с Постановлением ВСФК СССР от 9 мая 1932 г. ВСФК Крыма предложил городским и районным советам физической культуры, Пролетарскому спортивному обществу «Динамо», Наркомпросу, Крымскому совету профессиональных союзов, Военному ведомству и Наркомздраву выделить из числа членов Совета, Правления, Бюро и т.д. лицо, на которое возложить ответственность за проведение работы среди детей. При этом в пользование детям следовало бесплатно предоставлять помещения, стадионы, водные станции, физкультурные залы независимо от их принадлежности. Советы физической культуры и отделы народного образования должны были прикрепить школы и пионерские организации к физкультурным базам, залам и т.д., где бесплатно должен был совершаться отпуск детского спортивного инвентаря [28. Л. 109].

В городах Крыма стали проводить курсы по физической культуре для пионервожатых, программа которых была разработана специально для Крыма председателем научно-методической комиссии Высшего совета физической культуры Крыма Валентиной Александровной Третьяковой в 1932 г.

По программе курсов предусматривалось овладение пионервожатыми знаниями о том, как построить и провести занятия физической культурой для всех возрастных групп пионеров, как организовать детскую спартакиаду, физкультурную экскурсию, физкультурный вечер с массовыми играми и аттракционами, перемены в школе и как провести физкультминутку, зарядку. При этом они должны были быть знакомы с основами советской физкультуры, с работой спортивного движения за рубежом, с физиологическими и психологическими особенностями детских возрастных групп соответствующим пионерским возрастным группам, с основами судейства баскетбола и волейбола, плавания стилем кроль, правилами пользования солнечными и воздушными ваннами, особенностями проведения купания, обтирания, обматывания. Должны были овладеть основными элементами легкой атлетики, профилактикой спортивных повреждений и организацией детской спортивной площадки.

Курсы были рассчитаны на 88 часов и проводились в вечернее время без отрыва от производства. На изучение биологических особенностей детского возраста с методикой физических упражнений отводилось 7 часов; из них на психологические и физиологические особенности возрастов 10–12, 12–14 и 14–16 лет – 2 часа; на воспитательное и гигиеническое значение физических упражнений – 1 час; на понятие о физиологической кривой – 1 час и на изучение принципов

составления занятий по физической культуре в соответствии с возрастными особенностями – 3 часа.

Важным элементом программы выступало применение естественных факторов природы. На методику применения воздушных и солнечных ванн, водных процедур было отведено 2 часа.

Специальный блок программы был посвящен политическим моментам. 4 часа было отведено изучению основ советской физической культуры. Этот раздел содержал темы: «Физическая культура и социалистическое строительство» (2 часа); «Значок ГТО и его значение, нормативные показатели как подготовка к сдаче ГТО» (1 час) и «Основы самоконтроля» (1 час). «Международное рабочее спортивное движение» и «Мировую спартакиаду» изучали 3 часа, где по часу учебного времени отводилось на темы: «Красный спортивный интернационал и его секции», «Люцернский спортивный интернационал и буржуазный спорт», а также «Значение Мировой спартакиады».

На изучение организации массовых физкультурных мероприятий отводилось 8 часов. Среди тем раздела были цели и задачи школьной спартакиады – 1 час; принцип составления программы и вопросы оценки достижений – 2 часа; организация эстафет и военных ходов – 1 час; организация аттракционов – 1 час; организация выходных дней, физкультурных экскурсий – 3 часа.

Важным разделом курсовой программы было изучение танцев. 3 часа было отведено на физкультурные танцы (Краснофлотский № 1, Краснофлотский № 2, «Во саду ли в огороде» и т.п.); 5 часов – на национальные татарские танцы, которые делили на: а) коллективные: Хоран, Ялы-бой-джиуны, Хоран баар-кельсе; б) парные: Хайтарма, Алты-кыз; в) одиночные: Ек-секминарз, Аунык-авасн. Также 3 часа отводились на национальные танцы других народов Крыма (Алым-алым-амхыч, Кулюк-тавлук, Хапу, Чельме-топ, Айгарчик, Ертура, Мырт, Бешеном-беш, пастух, Баар).

Большое внимание было уделено подвижным и воспитательным играм (9 часов). Их предлагалось изучать согласно сборникам «Новым детям новые игры» М.А. Корнильевой-Радиной, «Игры в доме отдыха» А. Дубова, «Быть на чеку» В.М. Федосеева.

7 часов было выделено на легкоатлетические упражнения:

а) разучивание элементов бега на длинные, средние и короткие дистанции и старта для бега на короткие дистанции (4 часа);

б) боковой прыжок в высоту с разбега (1 час);

в) прыжок в длину с места (2 часа);

г) метание гранат (2 часа);

д) толкание ядра (1 час);

е) метание диска (1 час).

В разделе спортивных игр включались следующие темы:

а) баскетбол и его судейство – 6 часов;

б) волейбол и его судейство – 4 часа.

В течение восьми часов изучались гимнастические упражнения. В частности, на разучивание нескольких комплексов гимнастики отводилось 2 часа; на организацию физкультминуток (6 комплексов) –

3 часа; на гимнастические уроки с учетом возрастных групп – 3 часа.

В разделе «Плавание и основы спасения на водах» были включены три темы:

- а) «Стиль плавания кроль» – 3 часа;
- б) «Прыжки в воду» – 1 час;
- в) «Спасение на воде» – 1 час.

2 учебных часа отводилось на знания по профилактике спортивных повреждений и организации детских спортивных площадок

Дополнительно были выделены 4 часа на учет занятий и 2 часа оставалось в резерве [28. Л. 92–94].

Для Крымской АССР были разработаны контрольные цифры по проведению оздоровительных мероприятий среди крымских школьников. Так, протоколом № 9 заседания Совета народных комиссаров Крымской АССР от 25 марта 1933 г. устанавливались контрольные цифры оздоровления на летний период 1933 г. Указывалось, что всего детей на полуострове 121 992, из которых школьными площадками планировалось охватить 24 000 человек, туризмом и экскурсиями – 20 000, массовыми пионерскими лагерями – 11 000, в областном лагере юных пионеров и Детском санатории должно было отдохнуть по 1000 человек. Таким образом, летними оздоровительными мероприятиями планировалось охватить 46,7% (56 000 человек) крымских детей.

Детская физкультурно-оздоровительная работа с юными пионерами и школьниками начинает активно проводиться на детских площадках в городах Крыма и пионерских лагерях. Для ее обеспечения в городах Симферополь, Севастополь, Феодосия, Керчь для пионервожатых были проведены курсы и семинары по физической культуре. В летний период 1933 г. в Ялте была организована специальная площадка и секция водного спорта для детей, где проводились систематические занятия по плаванию и гребле. В г. Керчь был организован Центральный кружок физической культуры при Центре юных пионеров, где был проведен семинар по физической культуре, охвативший 18 человек. Лагеря обеспечили инструкторами физической культуры и активистами. Был организован пионерский военно-физкультурный полк из 1110 человек, демонстрировавший упражнения в строевой подготовке трудящимся города. В Севастополе организовали два летних лагеря: под Балаклавой (на 115 человек) и под Симеизом (на 240 человек). Лагеря обеспечивались инструкторами физической культуры. За летний период работы летние оздоровительные школы были организованы на 15 пунктах с общим количеством детей 1845. 7 июня 1933 г. был проведен физкультурный пионерский праздник, в котором приняли участие 200 человек. В летнее время были проведены два соревнования по плаванию (127 человек участников – 75 мальчиков и 48 девочек). В г. Алушта детская физкультурно-оздоровительная работа была сконцентрирована в санаторном лагере «Клары Цеткин». Было проведено четыре смены с общим охватом 461 человек. В каждую смену проводились 10 физкультурных вечеров, военизированные походы. Состоялась водная спартакиада со сдачей нормативов. Были организованы семинары (по

25 человек каждый) для старших групп, готовившие физкультурный актив. В г. Симферополе работало 26 летних площадок с охватом 1882 человека и 3 площадки в пригородной полосе с охватом 103 человека, которые были полностью обеспечены инструкторами физической культуры. В г. Джанкой был организован пионерлагерь, который обслуживался инструктором физической культуры, где проведены за лето 1933 г. две смены с количеством участников 370 человек [28. Л. 244–245].

Ведение физкультурной работы в летних пионерских лагерях расширялось. Для этого в июне 1935 г. всем секретарям Советов физической культуры Крыма были разосланы письма от ВСФК Крыма, где предлагалось немедленно укомплектовать пионерские лагеря их районов лучшими инструкторами физической культуры. 9 июня 1935 г. на специальном совещании было указано представить списки инструкторов в пионерских лагерях и количество лагерей по районам [29. Л. 81], что и было своевременно выполнено.

Подготовительная работа становится систематической. Так, 28 апреля 1936 г. Совет народных комиссаров Крымской АССР принял Постановление «О проведении летней оздоровительной работы среди детей по Крыму на 1936 г.», согласно которому контрольные цифры охвата детей должны были составить 34 600 человек: в лагерях 11 600, на оздоровительных площадках 15 000, экскурсиями и туризмом – 8 000. Районные исполкомы и горсоветы были обязаны совместно с отделами народного образования выделить и закрепить помещения школ для летних пионерских лагерей и оздоровительных площадок. Все они должны были быть обеспечены инструкторами физической культуры к 1 июня 1936 г. [30. Л. 126].

Заключение

Исследование показало, что, несмотря на простоту применяемых подходов в решении проблем оздоровления средствами физической культуры, уже в непростое время 20–30-х гг. XX в. четко прослеживается государственная политика и подведение соответствующей нормативной правовой базы для решения проблемы улучшения состояния здоровья детей путем обеспечения непрерывного комплексного процесса воспитания и социализации детей, организации материально-технического, научно-методического, программного, кадрового обеспечения деятельности оздоровительных учреждений, координации деятельности различных структур и ведомств. Постепенно физкультурно-оздоровительная работа с юными пионерами и школьниками в Крыму прочно занимает свое место через ее введение в программу работы пионерских отрядов, детских лагерей и площадок. К середине 30-х гг. XX в. эта работа становится планомерной и системной, охватив значительное количество крымских детей. Таким образом, представленный опыт исследуемого периода вполне может быть полезен и для формирования составляющих современной концепции организации сферы детского отдыха и оздоровления средствами физической культуры.

Список источников

1. Орлова Л.Н. История становления летнего отдыха детей в 20-е годы XX века в Советском Союзе как одного из направлений деятельности пионерской организации и прообраза современной системы оздоровления // Образование и общество. 2020. № 6 (125). С. 10–17.
2. Шчекина Н.Б. Физическое воспитание учащихся как фактор формирования здоровья (первая половина XX века) // Физическое воспитание студентов. 2011. № 3. С. 108–111.
3. Лобанова О.Б., Казанцев Е.М., Зернин А.П., Бурушкин Д.Д. Организация физкультурно-оздоровительной работы с детьми в Красноярском крае в 1920-е годы // Перспективы науки. 2024. № 2 (173). С. 132–134.
4. Сахаров Р.А. Организация отдыха детей в оздоровительных лагерях Кировской области накануне Великой Отечественной войны // Медицинское образование сегодня. 2019. № 4 (8). С. 85–90.
5. Анпилогова Т.Ю. Организация оздоровления и летнего отдыха воспитанников учреждений интернатного типа УССР в 1920–1930-е гг. (на материале Луганщины) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2021. № 3(78). С. 31–38.
6. Ершова О.И. Из истории оздоровления детей школьного возраста в БССР (1926–1935 гг.) // Актуальные вопросы антропологии. 2021. № 16. С. 100–116.
7. Цуканова О.М., Карпова Г.Г. Становление и развитие врачебного контроля физкультурно-спортивной работы в России в 1917–1930 годах (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 161–169.
8. Шаламов В.А. Служба здоровья юных пионеров и красный крест в Восточной Сибири в 1920-е годы // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2021. С. 243–248.
9. Мутьев А.В., Чолаков О.Д., Иванов А.В. Реализация взглядов П.Ф. Лесгафта на физическое образование в процессе работы детских площадок для подвижных игр и упражнений в Крыму в начале XX века // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 11 (177). С. 303–308.
10. Мутьев А.В. Распространение сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания в Крыму в начале XX в // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 147–154. doi: 10.17223/15617793/487/17
11. Лебедев Г., Шохин А., Ярцев Г. ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918–1928. М., 1929. 354 с.
12. Справочник партийного работника. М., 1924. 331 с.
13. Справочник партийного работника. М., 1923. 331 с.
14. Справочник партийного работника. М., 1928. 640 с.
15. Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. Симферополь : Карадениз продакшн, 2015. Т. 2. 938 с.
16. Максименко М.М. Развитие социалистической культуры в Крыму. Симферополь : Крымиздат, 1963. 88 с.
17. История Севастополя первый пионерский отряд в Севастополе и в Крыму. URL: <https://ok.ru/yuzhnyforp/topic/156133040219070> (дата обращения: 17.10.2024).
18. В спортивных группах // Красный Крым. 1923. № 75 (700). 5 апреля. С. 4.
19. Татарский детский дом имени Рефатова // Красный Крым. 1923. № 66 (692). 25 марта. С. 2.
20. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР. Оп. 1. Д. 1140.
21. Работы «Юных пионеров» // Красный Крым. 1923. № 130 (755). 14 июня. С. 4.
22. Копцева А.В. Истоки организации отдыха и оздоровления детей в Артеке: опыт первых смен // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № 4. С. 665–666.
23. Храброва Н.С. Мой Артек. Таллин : Ээсти Раамат, 1983. 42 с.
24. ГАРК. Ф. Р-1209. Комитет республиканский по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР. Оп. 2. Д. 11.
25. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 1.
26. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1674.
27. Всесоюзная пионерская спартакиада // Физкультура и спорт. 1929. № 3 (35). С. 5.
28. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 28.
29. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 828.
30. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 85.

References

1. Orlova, L.N. (2020) Istoriya stanovleniya letnego otdykha detey v 20-e gody XX veka v Sovetskom Soyuze kak odnogo iz napravleniy deyatelnosti pionerskoy organizatsii i proobraza sovremennoy sistemy ozdorovleniya [History of the development of children's summer recreation in the 1920s in the Soviet Union as one of the activities of the pioneer organization and prototype of the modern health system]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 6 (125), pp. 10–17.
2. Shchekina, N.B. (2011) Fizicheskoe vospitanie uchashchikhsya kak faktor formirovaniya zdorov'ya (pervaya polovina XX veka) [Physical education of students as a factor in health formation (first half of the 20th century)]. *Fizicheskoe vospitanie studentov*. 3. pp. 108–111.
3. Lobanova, O.B., Kazantsev, E.M., Zernin, A.P. & Burushkin, D.D. (2024) Organizatsiya fizkul'turno-ozdorovitel'noy raboty s det'mi v Krasnoyarskom krae v 1920-e gody [Organization of physical culture and health work with children in Krasnoyarsk Krai in the 1920s]. *Perspektivy nauki*. 2 (173). pp. 132–134.
4. Sakharov, R.A. (2019) Organizatsiya otdykha detey v ozdorovitel'nykh lager'yakh Kirovskoy oblasti nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny [Organization of children's recreation in health camps of Kirov region on the eve of the Great Patriotic War]. *Meditinskoe obrazovanie segodnya*. 4 (8). pp. 85–90.
5. Anpilogova, T.Yu. (2021) Organizatsiya ozdorovleniya i letnego otdykha vospitannikov uchrezhdeniy internatnogo tipa USSR v 1920–1930-e gg. (na materiale Luganshchiny) [Organization of health improvement and summer recreation for pupils of boarding institutions in Ukrainian SSR in 1920–1930s (based on materials from Luhansk region)]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy*. 3 (78). pp. 31–38.
6. Ershova, O.I. (2021) Iz istorii ozdorovleniya detey shkol'nogo vozrasta v BSSR (1926–1935 gg.) [From the history of health improvement for school-age children in BSSR (1926–1935)]. *Aktual'nye voprosy antropologii*. 16. pp. 100–116.
7. Tsukanova, O.M. & Karpova, G.G. (2020) Stanovlenie i razvitie vrachebnogo kontrolya fizkul'turno-sportivnoy raboty v Rossii v 1917–1930 godakh (na primere Kurskoy gubernii) [Formation and development of medical control of physical culture and sports work in Russia in 1917–1930 (on the example of Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 10 (1). pp. 161–169.

8. Shalamov, V.A. (2021) Sluzhba zdorov'ya yunykhn pionerov i krasny krest v Vostochnoy Sibiri v 1920-e gody [Health service of young pioneers and Red Cross in Eastern Siberia in the 1920s]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. pp. 243–248.
9. Mut'ev, A.V., Cholakov, O.D. & Ivanov, A.V. (2019) Realizatsiya vzglyadov P.F. Lesgafta na fizicheskoe obrazovanie v protsesse raboty detskikh ploshchadok dlya podvizhnykh igr i uprazhneniy v Krymu v nachale XX veka [Implementation of P.F. Lesgaft's views on physical education in the work of children's playgrounds for outdoor games and exercises in Crimea in the early 20th century]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 11 (177). pp. 303–308.
10. Mut'ev, A.V. (2023) The spreading of the Sokol gymnastic system for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 147–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/17
11. Lebedev, G., Shokhin, A. & Yartsev, G. (1929) *VLKSM v rezolyutsiyakh ego s"ezdov i konferentsiy. 1918–1928* [Komsomol in resolutions of its congresses and conferences. 1918–1928]. Moscow.
12. Anon. (1924) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of party workers]. Moscow: [s.n.].
13. Anon. (1923) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of party workers]. Moscow: [s.n.].
14. Anon. (1928) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of party workers]. Moscow: [s.n.].
15. Vozgrin, V.E. (2015) *Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoy istorii korennoy naroda Kryma v chetyrekh tomakh* [History of Crimean Tatars: essays on ethnic history of Crimea's indigenous people in four volumes]. Vol. 2. Simferopol: Karadeniz produktshn.
16. Maksimenko, M.M. (1963) *Razvitie sotsialisticheskoy kultury v Krymu* [Development of socialist culture in Crimea]. Simferopol: Krymizdat.
17. Ok.ru. (2024) *Istoriya Sevastopolya pervyy pionerskiy otryad v Sevastopole i v Krymu* [History of Sevastopol: the first pioneer detachment in Sevastopol and Crimea]. [Online] Available from: <https://ok.ru/yuzhnyforp/topic/156133040219070> (Accessed: 17.10.2024).
18. *Krasnyy Krym*. (1923) V sportivnykh gruppakh [In sports groups]. 5 April. 75 (700). p. 4.
19. *Krasnyy Krym*. (1923) Tatarskiy detskiy dom imeni Refatova [Tatar orphanage named after Refatov]. 25 March. 66 (692). p. 2.
20. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-663 (*Tsentral'nyy Ispolnitel'nyy Komitet Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeytskikh i krasnoflotskikh deputatov Krymskoy ASSR, g. Simferopol' Krymskoy ASSR* [Central Executive Committee of the Councils of Workers, Peasants, Red Army and Red Navy Deputies of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, Simferopol, Crimean ASSR]). List 1. File 1140.
21. *Krasnyy Krym*. (1923) Raboty "Yunykhn Pionerov" [The works of the "Young Pioneers"]. 14 June. 130 (755). p. 4.
22. Koptseva, A.V. (2023) Istoki organizatsii otdykha i ozdorovleniya detey v Arteke: opyt pervykh smen [Origins of organization of children's recreation and health improvement in Artek: experience of first sessions]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 31 (4). pp. 665–666.
23. Khrabrova N.S. (1983) *Moy Artek* [My Artek]. Tallinn: "Eesti Raamat".
24. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 11.
25. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund P-1209. List 2. File 1.
26. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund P-663. List 1. File 1674.
27. Anon. (1929) Vsesoyuznaya pionerskaya spartakiada [All-Union pioneer Spartakiad]. *Fizkul'tura i sport*. 3 (35). p. 5.
28. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund P-1209. List 2. File 28.
29. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund P-1209. List 2. File 82.
30. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund P-1209. List 2. File 85.

Информация об авторах:

Мут'ев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru

Лебедев Д.В. – аспирант кафедры педагогики Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dimon211199@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Mutiyev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru

D.V. Lebedev, postgraduate student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dimon211199@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 19.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 19.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 37.02 : 373.1
doi: 10.17223/15617793/511/20

Использование цифрового образовательного контента в школе: модель методики и принципы

Наталья Ивановна Рыжова¹, Денис Андреевич Молохов²,
Илья Борисович Государев³, Сергей Дмитриевич Каракозов⁴

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹ nata-rizhova@mail.ru

² denis.web@mail.ru

³ goss@itmo.ru

⁴ sd.karakozov@mpgu.su

Аннотация. В условиях цифровой трансформации российского образования актуализируется проблематика использования цифрового образовательного контента (ЦОК) при обучении школьников на всех уровнях общего образования. Изложенные материалы базируются на результатах исследования востребованности учителями данной проблематики и интерпретируются в контексте поиска универсальной модели и принципов использования верифицированного ЦОК Библиотеки Федеральной государственной информационной системы «Моя школа», внедряемых на современном этапе цифровой трансформации школы.

Ключевые слова: цифровая трансформация школы, смешанное (гибридное) обучение, цифровой образовательный контент, Библиотека ЦОК, Федеральная государственная информационная система «Моя школа», методика использования ЦОК, модель методики, принципы использования ЦОК

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации на НИР по теме «Разработка модельных (примерных) методик использования цифрового образовательного контента при реализации основных общеобразовательных программ» (регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР № 124060500044-0).

Для цитирования: Рыжова Н.И., Молохов Д.А., Государев И.Б., Каракозов С.Д. Использование цифрового образовательного контента в школе: модель методики и принципы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 191–199. doi: 10.17223/15617793/511/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/20

Digital educational content in school: Teaching methods model and usage principles

Natalya I. Ryzhova¹, Denis A. Molokhov², Ilya B. Gosudarev³, Sergey D. Karakozov⁴

^{1, 2} Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

³ ITMO University, Saint-Petersburg, Russian Federation

⁴ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

¹ nata-rizhova@mail.ru

² denis.web@mail.ru

³ goss@itmo.ru

⁴ sd.karakozov@mpgu.su

Abstract. Currently, it is widely recognized that the foundation of the digital transformation of the modern Russian school lies in the active use of a digital educational environment, the basic components of which include verified digital educational content (DEC) for studying academic subjects and tools for teacher-student pedagogical communication based on digital technologies. An example of these components is the Library of DEC of the Federal State Information System (FSIS) "My School" ("Moya Shkola"), developed under the Digital Educational Environment federal project for all subjects and levels of general education, accessible online. This article, based on empirical domestic and international experience, proposes an interpretation of the model of the methodological system of education as a foundation for designing a methodology for using verified DEC (as exemplified by the implementation of the Library of DEC from FSIS "My School", recommended by the Ministry of Education for widespread use since 2021 in Russian schools), taking into account the conditions and features of both the digital transformation of general education and blended (hybrid) learning in Russia. The relevance of developing a methodology for using verified DEC in the context of the digital transformation of modern Russian schools at various levels of general education is driven not only by the large-scale implementation of FSIS "My School" services in practice but also by the demand for such a methodology among

the teaching community—teachers and educational professionals at various levels. This is substantiated in the article by the results of research and aggregated empirical data obtained through interviews with teachers and educational professionals and their consultations organized by the Center for Methodological Support for Users of Digital Educational Content at the Federal State Autonomous Educational Institution "State University of Education" (Moscow) as part of its support service activities. This service performs situational, informational, and methodological consultations. It was found that all requests could be conditionally divided into the following five groups, with their respective percentages: (1) presentation of technology for using DEC in lessons, 47%; (2) training in lesson design using DEC (advanced training, educational webinars), 40%; (3) development of informational and reference materials for all participants in the educational process, 5%; (4) creation of a communication platform for sharing teaching practices, 5%; (5) development of regulatory explanations for the use of DEC, 3%. Thus, the majority of requests from subject teachers were somehow related to the need to develop a universal scheme, technology, or algorithm for using educational content from the DEC Library. All these aspects, demanded by educators, according to the authors of this article, are reflected in the proposed model of methodology for using verified DEC and are disclosed through the description of the basic characteristics of the educational process, namely: the goal, content, and components of teacher-student interaction (methods, tools, and forms of teaching). The formal and substantive content of each component is primarily determined by the materials of the FSIS "My School" DEC Library.

Keywords: digital transformation of schools, blended (hybrid) learning, digital educational content (DEC), DEC library, Federal State Information System (FSIS) "My School", methodology for using DEC, methodology model, principles of using DEC

Financial support: The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme No. 124060500044-0 "Development of models (approximate) training methodology of use of digital educational content in basic general education programs").

For citation: Ryzhova, N.I., Molokhov, D.A., Gosudarev, I.B. & Karakozov, S.D. (2025) Digital educational content in school: Teaching methods model and usage principles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 191–199. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/20

Введение

Цифровая трансформация современного социума диктует системе образования необходимость коррекции и развития содержания образования, а также методов, форм и средств обучения на разных его уровнях с учетом инновационных возможностей и рисков цифровизации. При этом одна из главных целей современного российского общего образования в условиях цифровой трансформации школы – обеспечение сегодняшних школьников (будущего кадрового потенциала страны) качественным образованием, отвечающим требованиям цифрового социума, экономики и рынка труда, непосредственно связанных с цифровой трансформацией образования и профессиональных сфер, в основе которых лежит использование цифровых технологий, инноваций на основе «цифры», в том числе использование систем с элементами искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация школы, например, согласно А.Ю. Уварову [1], представляет собой «системное обновление целей и содержания обучения, инструментов, методов и форм учебной работы в развивающейся цифровой среде, направленное на всестороннее развитие каждого ученика, формирование у него компетенций, необходимых для жизни и деятельности в цифровом мире и служения обществу в цифровой экономике» [1. С. 19].

Обобщая отечественный и зарубежный опыт цифровизации образования, Л.Л. Босова указывала в ряде своих работ (например, [2, 3]), что доступность цифровых технологий и ресурсов для участников образовательного процесса – это необходимое, но недостаточное условие для повышения результативности учебной работы современной школы в условиях ее цифровой

трансформации. Распространение цифровых технологий помогает лишь улучшить работу отдельных учителей, но не позволяет без специального методического сопровождения и инструментария помочь остальным учителям повысить результативность образовательного процесса.

Методология исследования и методы

Методология исследования, направленного на разработку для школьных учителей-предметников в некотором смысле универсального инструментария для использования в образовательной практике российского образования на всех его уровнях и верифицируемого под эгидой Министерства просвещения РФ цифрового образовательного контента (ЦОК), обеспечивается:

а) составляющими стратегического направления в области цифровой трансформации образования, обозначенными в Распоряжении Правительства РФ от 2 декабря 2021 г. № 3427-п (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403075723/>);

б) накопленным опытом почти за 40-летний период реализации крупномасштабных федеральных проектов в сфере информатизации, а теперь и цифровизации образования [3].

Так, на *первом этапе* исследования, проводимого в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации на НИР по теме «Разработка модельных (примерных) методик использования цифрового образовательного контента при реализации основных общеобразовательных программ» в период 2024 г., изучалось современное состояние разработки и использования цифрового образовательного контента в российских школах основного образования посредством контент-анализа существующих

щих нормативных документов, научных статей и методических публикаций, обобщение и систематизация результатов исследований по вопросу использования цифрового контента в образовании в контексте цифровой трансформации современной школы. На этом же этапе проводилось регулярное интервьюирование и анкетирование учителей и педагогических работников образования, использующих цифровые технологии и информационные образовательные системы в своей профессиональной деятельности. Результаты анкетирования классифицировались, например, с помощью кластерного анализа, с целью выявления актуальных направлений для разработки специальной системы поддержки учителей и педагогических работников и методических рекомендаций для использования в условиях цифровой трансформации российской школы.

На *втором этапе*, опираясь на существующие эмпирические результаты научно-методических исследований (как отечественного, так и мирового уровня) в области педагогического проектирования и внедрения в образовательную практику моделей образовательных процессов в условиях вызовов современности, возникающих в контексте становления цифрового социума, в том числе в условиях широкомасштабного внедрения смешанного (гибридного) обучения, была предложена конкретная модель для разработки примерной методики использования верифицированного цифрового образовательного контента.

На *третьем этапе* исследования в 2025 г. планируется разработка конкретных интерпретаций предложенной модели и получение примерных методик ис-

пользования верифицированного цифрового образовательного контента по всем предметам и уровням общего основного российского образования.

Результаты и их обсуждение

Можно констатировать, что сегодня общепризнанным фактом является то, что основа цифровой трансформации – это активное использование цифровой образовательной среды, в которой среди базовых компонентов обязательными являются верифицированный цифровой образовательный контент для изучения учебных предметов и средства педагогической коммуникации педагога и обучаемых на основе цифровых технологий.

Примером указанных компонентов может стать разработанная в рамках реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда» Библиотека ЦОК Федеральной государственной информационной системы (ФГИС) «Моя школа» (рис. 1) по всем предметам и уровням общего образования, доступная в открытом доступе в информационно-коммуникационной сети Интернет [2], включенная в перечень электронных образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации общеобразовательных программ, и рекомендованная Министерством Просвещения к широкому использованию в регионах РФ в общеобразовательных учреждениях как на уровне начального, так и основного и среднего общего образования, учитывающая требования действующих ФГОС (см.: Приказ Минпроса РФ от 18 июля 2024 г. № 499. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409442069>).

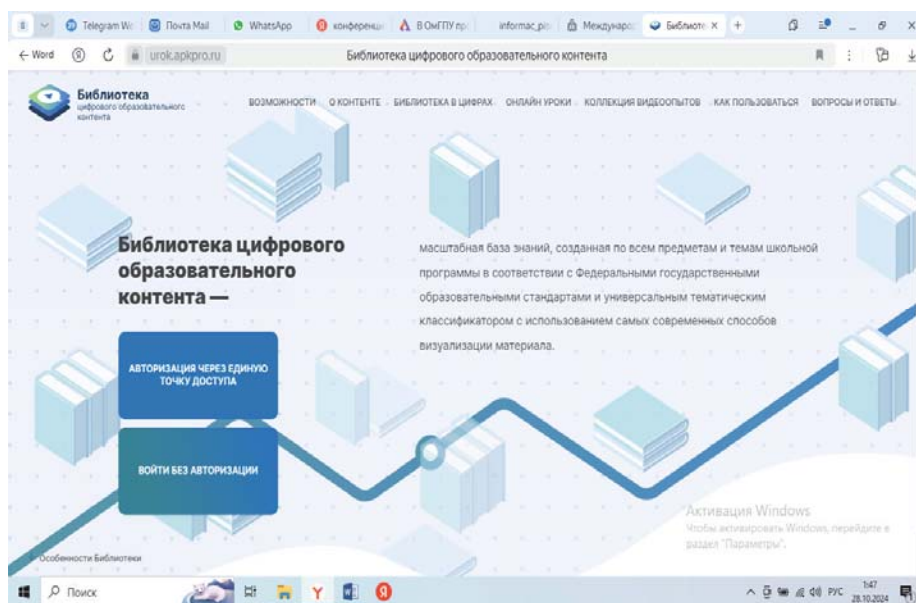


Рис. 1. Интерфейс работы с Библиотекой ЦОК (скриншот стартовой страницы см.: <https://urok.apkpro.ru/>)

Заметим, что ФГИС «Моя школа» представляет собой комплексную образовательную экосистему. Её архитектура непрерывно эволюционирует, как мы отмечали ранее в своей публикации [4], интегрируя инновационные сервисы в ответ на запросы педагогического сообщества. Так, в 2024 г. функционал базовой

платформы существенно расширился: появились интеллектуальные ассистенты для всех участников образовательного процесса – учителей, учащихся, администрации и родителей. Кроме этого, электронная библиотека художественной литературы значительно пополнилась оцифрованными версиями.

Верифицированный цифровой образовательный контент Библиотеки ЦОК системы демонстрирует впечатляющий охват школьных предметов – теперь 90% содержания общего образования представлено в формате структурированных уроков, которые предусматривают интеграцию с материалами ОГЭ и ЕГЭ. Каждый урок включает: интерактивные учебные материалы; автоматизированную систему домашних заданий и детальные методические рекомендации как к уроку в целом, так и к отдельным его этапам.

Библиотека ЦОК функционирует как масштабируемое хранилище знаний, систематизированное согласно Федеральным государственным образовательным стандартам российского общего образования. Её отличительная особенность – инновационный подход к визуализации учебного материала через *универсальный тематический классификатор* (УТК).

К началу 2024/25 учебного года завершена комплексная актуализация контента. Каждый урок теперь представляет собой мультимедийный комплекс, интегрирующий текстовые, аудио- и видеоматериалы высокого качества. Методическое сопровождение детально описывает алгоритмы действий как для педагога, так и для учащихся.

Структура уроков следует блочно-модульному принципу, включающему 6–7 последовательных этапов: от актуализации знаний до закрепления материала. При этом структура урока сохраняет гибкость, предоставляя педагогу свободу выбора между использованием готового сценария урока и его адаптацией с опорой на личные креативные способности и самостоятельно разработанные дидактические материалы.

Навигация в системе Библиотеки ЦОК оптимизирована благодаря имплементации УТК (все материалы *тегированы по ключевым словам* и входят в этот классификатор). Интуитивно понятная система тегирования позволяет педагогам оперативно находить релевантные материалы для подготовки к занятиям.

Библиотека ЦОК демонстрирует ряд существенных преимуществ перед альтернативными цифровыми образовательными платформами. Ключевыми дифференцирующими характеристиками выступают: отсутствие финансовых барьеров доступа, универсальная доступность, многоуровневая верификация контента и градация по уровням сложности.

Говоря о подходах к организации процесса обучения сегодня, нельзя не учитывать общеизвестную истину, что современная педагогическая парадигма требует интеграции *предметного* и *метапредметного подходов* в образовательном процессе на всех его уровнях. Метапредметный подход способствует формированию целостной научной картины мира через призму междисциплинарных связей и многоаспектного анализа изучаемых явлений. Эффективность данной методологии достигается путем установления когнитивных мостов между различными предметными областями через универсальные метапредметные концепты и посредством *познавательной активности* учащихся. Базовую сущность последнего аспекта с точки зрения дидактики, а также педагогических проблем формирования познавательных интересов учащихся можно

найти, например, в исследованиях научной школы Г.И. Щукиной, квинтэссенция которых составила основу классического учебника для педагогов [5].

Кроме того, возможности и архитектура Библиотеки ЦОК интегрирует дидактические и воспитательные компоненты как в структуру урочной, так и внеурочной деятельности, что было заложено в основу еще на этапе проектирования, а не только практической реализации образовательного контента разработчиками.

На базе ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва) функционирует специализированный Центр методической поддержки пользователей цифрового образовательного контента. Центр осуществляет комплексное консультирование учителей и педагогических работников по ситуационным, информационным и методическим аспектам использования платформы. Анализ обращений педагогов, полученный в результате топологической сортировки запросов, представлен в виде гистограммы (рис. 2). Заметим, что в результате этой процедуры было выявлено два доминирующих запроса: оптимизация временных затрат при проектировании уроков с использованием ресурсов Библиотеки ЦОК и разработка универсального алгоритма интеграции цифрового контента в образовательный процесс.

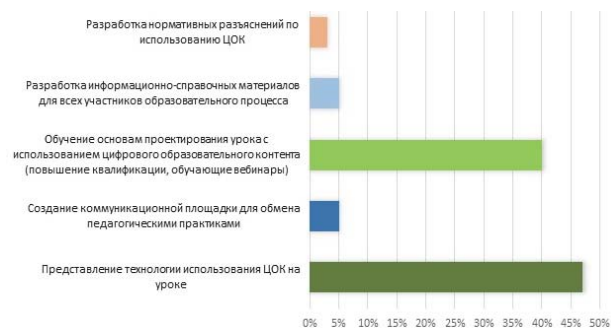


Рис. 2. Перечень профессиональных запросов педагогических работников при начале работы с Библиотекой верифицированного ЦОК ФГИС «Моя школа» (выполнен Д.А. Молоховым на основе кластерного анализа результатов анкетирования учителей)

Таким образом, налицо *актуальная педагогическая задача* – разработка примерной методики использования цифрового образовательного контента, направленной на удовлетворение потребностей учителей в универсальном методическом инструменте для работы с Библиотеки ЦОК, проектируя конкретный урок или систему уроков, направленных на достижение конкретных целей и дидактических задач в реально возникающих (каждый раз новых) условиях организации и проведения образовательного процесса, например, в ходе такой учебной единицы, как урок.

Для решения данной задачи необходимо обратиться к результатам научно-методических работ в области педагогического проектирования образовательного процесса (В.Е. Родионов, И.А. Колесникова, О.Г. Прикот, Е.С. Заир-Бек и др.) и работ о развитии моделей методических систем для разных уровней образования (А.М. Пышкало, В.П. Беспалько, А.П. Тряпицына, М.В. Швецкий, Г.Г. Хамов, И.Б. Готская,

Т.А. Бороненко, Н.И. Рыжова, С.Д. Каракозов, К.Р. Пиотровская, Ю.В. Вайнштейн и др.).

Согласно базовым основам педагогического проектирования по И.А. Колесниковой [6], а также идеям развития методической системы обучения (МСО) и проектирования ее интерпретаций в контексте использования информационно-образовательных систем и цифровой трансформации школы, изложенным С.Д. Каракозовым и Н.И. Рыжовой в [7. С. 28–38], на наш взгляд, под *моделью примерной методики использования ЦОК* (рис. 3) целесообразно понимать конкретную интерпретацию МСО в условиях цифровой трансформации системы школьного образования, где одним из основных средств обучения становится ЦОК и технические средства на основе «цифры»; причем цифровые технологии и инновации на их основе также становятся базой для педагогической коммуникации учителя и ученика в условиях смешанного обучения.

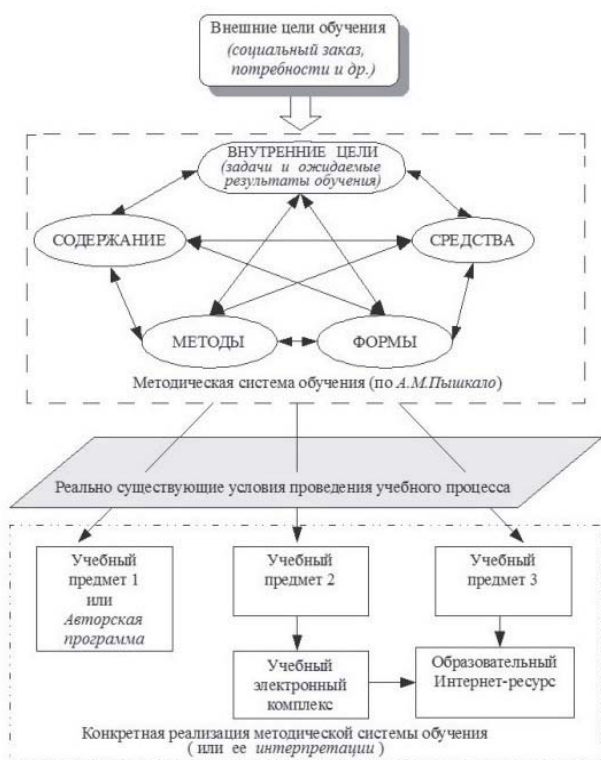


Рис. 3. Модель МСО и ее интерпретаций (выполнена Н.И. Рыжовой)

Заметим также, что поскольку предлагается разрабатываемую методику использования ЦОК в контексте цифровой трансформации школы, в частности в условиях смешанного обучения, то целесообразно рекомендовать учителям-предметникам в учебном процессе опираться на общепризнанное толкование терминов электронного обучения, учитывающего эволюцию их феномена, проанализированных, например, в работах М.А. Чошановым [8], И.Б. Государевым [9], и инновационные модели обучения, предложенные и описанные в рамках исследований мирового опыта цифровой трансформации образования М.В. Клариным [10].

Тем не менее, на наш взгляд, все-таки следует при проектировании уроков опираться в первую очередь на

такие общепризнанные и апробированные педагогическим сообществом современные формы обучения для смешанного (гибридного) урока, как «перевернутый класс», автономная группа, ротация станций или ротация лабораторий, гибкая модель и др.

Здесь же необходимо отметить, что смешанное и гибридное обучение [11], имеющие одну сущностную основу, нередко рассматривают как синонимы, определяя эти понятия как образовательную стратегию, соединяющую классно-урочную систему, эмпирическое обучение и цифровые образовательные материалы урока, направленную на получение максимального результата для каждой поставленной цели обучения. В принципе, это верное утверждение, но есть небольшое различие между данными стратегиями. Разницу между смешанным и гибридным форматами обеспечивают виды синхронизации участников образовательного процесса. Гибридный формат предполагает параллельную работу онлайн-участников и очных, обучающихся в единой гибридной обучающей среде. Между тем смешанный формат позволяет последовательно комбинировать формы очную и онлайн, например, сегодня все обучаются в классе, а завтра – все являются онлайн-участниками.

Таким образом, в интерпретации модели МСО для методики использования ЦОК, учитывающей цифровую трансформацию школы и условия смешанного (гибридного) обучения, **основными компонентами**, раскрывающими сущность пяти базовых взаимосвязанных элементов образовательного процесса, являются:

1) **целевой компонент**, в котором *внешние цели* формулируются на уровне социального заказа к системе российского общего образования в соответствии с действующими нормативно-образовательными документами как обеспечение равного доступа к качественному образованию путем формирования на всей территории Российской Федерации единого образовательного пространства, а *внутренние цели* раскрываются через параметры планируемых образовательных результатов согласно действующим ФГОС, которые необходимо достичь в результате обучения школьников по конкретным учебным предметам, включая развитие ключевых компетенций, таких как информационная грамотность, глобальные компетенции, критическое мышление, креативность и умение работать в команде;

2) **содержание обучения** – определено действующими ФГОС по образовательным предметам для начального и каждого из уровней общего образования;

3) **средства обучения** – среди всевозможных средств обучения, доступных современному учителю-предметнику, базовым и занимающим центральное место является Библиотека ЦОК ФГИС «Моя школа»;

4) **формы обучения** – среди всех форм обучения из арсенала современного учителя-предметника наиболее актуальны при работе с Библиотекой ЦОК ФГИС «Моя школа» формы смешанного (гибридного) урока такие, как «перевернутый класс», автономная группа, ротация станций или ротация лабораторий, гибкая модель и др.;

5) **методы обучения** – кроме традиционных методов, которые может использовать учитель в учебном процессе с современными школьниками, центральное место в предлагаемой модели должно отводиться *активным методам обучения*.

Отметим, что три последних элемента – средства, формы и методы, образующие *основу педагогической коммуникации* в модели методики использования ЦОК, должны опираться на инновационные принципы, имеющиеся у современного учителя-предметника в условиях цифровой трансформации школы, а именно на цифровые образовательные технологии, в том числе и с элементами искусственного интеллекта.

Особого внимания заслуживают возможности Библиотеки ЦОК как средства организации образовательного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий и цифровых технологий, в том числе на основе инноваций и искусственного интеллекта, выделяемых в работах, например, Е.А. Самохваловой [12], Н.Ю. Королевой [13], К.Р. Пиотровской [14] и Н.Н. Самылкиной, А.А. Салаховой [15], поскольку именно эти аспекты позволяют учителям находить новые идеи для развития существующих и изобретения новых эффективных методов и форм обучения школьников в ответ на вызовы цифровизации.

При этом основными классическими принципами, на которые следует опираться при реализации модели методики использования ЦОК в учебном процессе, следует считать принципы целенаправленности, системности, научности, взаимосвязанности, преемственности и полноты, модульности и открытости, практической направленности, наглядности и доступности и др. [16]

При освоении содержания обучения школьниками в контексте урока с использованием Библиотеки ЦОК необходимо опираться на принцип структурного единства содержания обучения и принцип ценностно-смыслового единства содержания обучения, принцип межсубъектного взаимодействия, межпредметности и многоаспектности учебного материала, наглядности и доступности учебного материала, а также на общепризнанные частно-дидактические принципы, учитывающие как возрастные особенности школьников, так и проблематику каждого из уровней общего российского образования в условиях цифровой трансформации.

Например, при наличии соответствующего оборудования участники образовательного процесса в условиях смешанного обучения имеют возможность обращаться к имеющимся в ЦОК виртуальным лабораториям и симуляторам, которые позволяют учителю предоставить ученикам возможность проводить эксперименты и практические занятия в безопасной и контролируемой среде, что обеспечивает учебный процесс *наглядностью* и *доступностью*. Использование дополненной реальности позволяет школьникам взаимодействовать с 3D-моделями и анимациями прямо в контенте на компьютере или через мобильные устройства, причем посредством такого взаимодействия может быть обеспечено *обогащение учебных материалов*.

Кроме это, в условиях смешанного обучения следует в учебном процессе опираться на следующие

принципы смешанного обучения: принцип структурного единства содержания обучения; принцип ценностно-смыслового единства содержания обучения; принцип межсубъектного взаимодействия; принцип межпредметности и многоаспектности учебного материала, а также принцип использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровых инновационных технологий. В том числе, на передний план, выдвигаются принципы, которые напрямую связаны со свойствами ЦОК (в их числе – избыточность, разнообразие заданий и форм предъявления учебной информации, разноразностность содержания). На наш взгляд, именно этот факт, позволяет современному учителю реализовывать и разумно сочетать в учебном процессе *принципы вариативности, многоаспектности и персонализации содержания обучения*.

Так, по мнению Т.В. Долговой, «избыточность, разнообразие заданий и форм предъявления учебной информации, разноразностность содержания позволяют реализовать с его помощью *принцип вариативности содержания*, обеспечить гибкость и адаптивность образовательного процесса, что, в свою очередь, создаёт условия для персонализации обучения. Данный принцип предполагает разнообразие учебных материалов, заданий, форм организации учебного процесса, что обеспечивает самореализацию каждого ученика через возможность выбора типа, вида и формы деятельности в соответствии с его личными предпочтениями. В результате становится возможным нелинейное освоение учебного материала и учёт в процессе обучения личностных особенностей учащихся, что, в свою очередь, делает цифровые образовательные ресурсы неотъемлемой частью смешанного обучения» [17. С. 5]. В нашем случае таковым является рекомендованный Министерством просвещения цифровой образовательный контент Библиотеки ЦОК ФГИС «Моя школа».

Изложенное выше подтверждается накопленным более чем за 20 лет педагогическим опытом внедрения в образовательный процесс на разных его уровнях проблематики смешанного (гибридного) обучения, которое насчитывает большое количество публикаций в виде результатов диссертационных исследований, а также научно-популярного контента в сети Интернет (см., например: российские электронные ресурсы «Смешанное обучение в России» (<http://blended-learning.pro/>) и «Смешанное обучение: преимущества и особенности организации» (<https://gb.ru/blog/smeshannoe-obuchenie/>). Кроме того, на наш взгляд, актуальными и полезными для педагогов являются также статьи научно-методического характера отечественных авторов: Н.В. Андреева [11], Т.В. Долгова [17], М.Л. Кондакова, Е.В. Латыпова [18], А.А. Марголис [19], В.И. Блинов, Е.Ю. Есенина, И.С. Сергеев [20], М.В. Дербуш, С.Н. Скарбич [21] и др.

Результативность применения разрабатываемой методики использования ЦОК в условиях смешанного обучения, на наш взгляд, будет зависеть от уровня профессиональной готовности учителя-предметника в области педагогического проектирования уроков, реализующих возможности смешанного (гибридного) обучения.

Как отмечает Н.В. Андреева, опираясь на исследования отечественных и зарубежных педагогов и учителей-практиков в области внедрения смешанного обучения в учебный процесс российской школы, претерпевающей свою цифровую трансформацию, «учитель должен: 1) уметь объяснять свои планы и действия, опираясь на теоретический материал; 2) анализировать проблемы/потребности учащихся, а также прогнозировать возможные проблемы; 3) формулировать учебные цели (предметные, а также метапредметные и коммуникативные результаты) с учетом особенностей учащихся до начала преподавания; 4) проектировать критерии оценивания и систему итогового оценивания (включая разработку итоговых заданий) до начала преподавания; 5) проектировать систему заданий с разбиением на малые шаги с учетом особенностей учащихся, т.е. планировать дифференциацию или персонализацию (и/или использовать онлайн-инструменты для решения этих задач); 6) проектировать продуктивное взаимодействие учащихся для достижения предметных, метапредметных и коммуникативных целей через групповое взаимодействие и проектную деятельность; 7) реализовывать формирующее оценивание и рефлексивные практики с учащимися, а также регулярную позитивную обратную связь для каждого ученика; 8) формировать культуру класса с применением приемов фасилитации; 9) выбирать онлайн-инструменты, соответствующие педагогическим задачам; 10) формировать учебную самостоятельность и умение учиться» [11. С. 16].

Кроме того, сегодня признанно педагогами на мировом уровне, что смешанное (гибридное) обучение при правильном и полноценном его использовании в учебном процессе в условиях цифровой трансформации школы способствует развитию таких личностных качеств школьника, входящих в перечень «мягких навыков» или компетенций XXI века, как:

- системное мышление – способность анализировать многофакторные проблемы и генерировать комплексные решения;
- информационно-аналитические навыки – умение критически оценивать источники данных и выделять релевантную информацию;
- дивергентное мышление – способность к нестандартной интерпретации информации и синтезу инновационных решений;
- коллаборативные компетенции – навыки эффективной командной работы и формирования профессиональных сообществ;
- метакогнитивные способности – развитие установки на непрерывное образование;
- управленческая ответственность – готовность принимать автономные решения и отвечать за их последствия.

Формирование этих качеств у каждого современного школьника – ученика класса, по мнению учителей-практиков, пропагандирующих инновационные технологии и смешанное (гибридное) обучение, способствует не только индивидуальному развитию личности школьника, но и формированию учебной культуры класса в целом.

Обратим внимание, что исследования, например Н.В. Андреевой, Т.В. Долговой, М.Л. Кондаковой, выявляют принципиальное различие между традиционной и смешанной моделями обучения. В отличие от классно-урочной системы, где доминирует формирование предметных навыков и поведенческих паттернов, гибридный формат акцентирует развитие метапредметных компетенций. Эмпирические данные демонстрируют, что такой подход способствует как индивидуальному прогрессу обучающихся, так и формированию продуктивной образовательной экосистемы класса. На наш взгляд, эта трансформация образовательной парадигмы смещает фокус с директивного формирования дисциплинарных навыков на развитие самоорганизации, коллаборативного обучения и коммуникативных компетенций. Данный подход создает синергетический эффект, интегрируя индивидуальную и групповую учебную деятельность в целостную систему педагогического взаимодействия.

Заключение

Предпринятые в Российской Федерации усилия, направленные на цифровую трансформацию образования, окажутся бесполезны, если мы помимо создания цифровых образовательных коллекций не обеспечим подготовку педагогов и руководителей образовательных систем к их использованию. Педагогическая наука должна не только разработать цифровые учебно-методические материалы, соответствующие современной эпохе, но также обеспечить верификацию цифровых средств обучения для реального образовательного процесса школы, но и прежде всего научить образовательное сообщество их эффективному использованию. На научно-методическое обеспечение решения этой задачи и направлены основные результаты описанного в данной статье исследования.

Предложенная модель методики использования ЦОК в условиях смешанного обучения с опорой на перечисленные выше базовые принципы и конкретные рекомендации позволит учителям-предметникам активно использовать в образовательном процессе актуальные цифровые решения для любых образовательных запросов, которые предложены разработчиками в Библиотеке ЦОК. Причем каждая подсистема цифровой образовательной среды, реализованной в рамках ФГИС «Моя школа», позволяет эффективно решать практически все актуальные вопросы учебного и управленческого характера на разных уровнях образовательного процесса в современной российской школе.

Так, например, для результативного достижения образовательных целей, школьники имеют возможность индивидуальной самостоятельной работы в условиях образовательной среды, развивая внутренний потенциал и способствуя фактически своему профильному и предпрофессиональному развитию, закладывая основы фундамента для возможной будущей профессии. В то же время педагогам предоставляются возможности для организации результативного и эффективного обучения школьников посредством реализации персонализированного обучения с помощью специально разработанных сервисов –

«цифровых помощников». Также доступны сервисы для администрации школы для эффективного управления учебным процессом на основе выстраивания стратегий развития образовательного учреждения.

Описание особенностей составляющих образовательной онлайн-среды и методических рекомендаций к предлагаемой методике использования ЦОК осуществляется коллегами – ведущими научными сотрудниками, специалистами управления внедрения современных образовательных технологий, ор-

ганизации мероприятий межрегионального и международного сотрудничества и преподавателями кафедры педагогики и профильных методических кафедр Государственного университета просвещения (г. Москва) при активном участии Министерства просвещения РФ и апробируется в рамках подготовки педагогических кадров и реализации программ повышения квалификации учителей-предметников в субъектах РФ на базе институтов развития образования.

Список источников

1. Уваров А.Ю. Цифровая трансформация и сценарии развития общего образования. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 108 с.
2. Босова Л.Л., Легостаев Б.Л., Молохов Д.А., Петрова Е.Г. Библиотека цифрового контента – ключевая составляющая цифровой образовательной среды современного школьного образования // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2023. Т. 6, № 3(22). С. 81–92.
3. Босова Л.Л. О современном этапе разработки и использования цифрового контента для общего образования // Педагогика информатики. 2022. № 1–2. С. 1–12.
4. Рыжова Н.И., Молохов Д.А., Бускина А.В., Колечкин И.С., Середа Е.В. Базовые принципы применения цифрового образовательного контента в организации воспитательной деятельности общеобразовательных организаций // Педагогическая информатика. 2024. № 3. С. 82–98.
5. Шукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М. : Педагогика, 1988. 208 с.
6. Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Академия, 2008. 284 с.
7. Каракозов С.Д., Рыжова Н.И. Теория развития и практика реализации содержания обучения в области информационно-образовательных систем. М. : МПГУ, 2017. 392 с.
8. Чошанов М.А. Дистанционное обучение и цифровая дидактика: уроки скептика // Народное образование. 2022. № 1 (1490). С. 79–93.
9. Государев И.Б. «Электронное обучение» в языке педагогики (эволюция феномена и толкование терминов) // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 141–150.
10. Кларин М.В. Инновационные модели обучения: Исследование мирового опыта. М. : Луч, 2016. 640 с.
11. Андреева Н.В. Педагогика эффективного смешанного обучения // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 3. С. 8–20.
12. Самохвалова Е.А. Разработка модели интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс вуза // Педагогическая информатика. 2023. № 4. С. 459–471.
13. Королева Н.Ю. Обучение будущих учителей использованию технологий дополненной реальности: подходы и опыт реализации // Информатика и образование. 2024. Т. 39, № 5. С. 40–49.
14. Пиотровская К.Р. Текст-майнинг: перспективы развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 168. С. 128–134.
15. Самылкина Н.Н., Салахова А.А. Обучение основам искусственного интеллекта и анализа данных в курсе информатики на уровне среднего общего образования. М. : МПГУ, 2022. 242 с.
16. Пиотровская К.Р. Базовые принципы построения методической теории обучения студентов-филологов математике и информатике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 12. С. 236–251.
17. Долгова Т.В. Смешанное обучение – инновация XXI века // Интегративное образование. 2017. № 5. С. 2–8.
18. Кондакова М.Л., Латыпова Е.В. Смешанное обучение: ведущие образовательные технологии современности // Вестник образования. 2013. № 9 (2759). С. 54–64.
19. Марголис А.А. Что смешивает смешанное обучение? // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 3. С. 5–19.
20. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 44–64.
21. Дербуш М.В., Скарбич С.Н. Организация исследовательской деятельности учащихся в условиях смешанного обучения математике // Непрерывное образование: XXI век. 2021. Вып. 3 (35). С. 1–18.

References

1. Uvarov, A.Yu. (2020) *Tsifrovaya transformatsiya i stsenarii razvitiya obshchego obrazovaniya* [Digital Transformation and Scenarios for the Development of General Education]. Moscow: HSE.
2. Bosova, L.L. et al. (2023) *Biblioteka tsifrovogo kontenta – klyuchevaya sostavlyayushchaya tsifrovoy obrazovatel'noy sredy sovremenno shkol'nogo obrazovaniya* [Digital content library is a key component of the digital educational environment of modern school education]. *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie*. 3-6 (22). pp. 81–92.
3. Bosova, L.L. (2022) *O sovremenno etape razrabotki i ispol'zovaniya tsifrovogo kontenta dlya obshchego obrazovaniya* [On the current stage of development and use of digital content for general education]. *Pedagogika informatiki*. 1–2. pp. 1–12.
4. Ryzhova, N.I. et al. (2024) *Bazovye printsipy primeneniya tsifrovogo obrazovatel'nogo kontenta v organizatsii vospitatel'noy deyatel'nosti obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [Basic principles of using digital educational content in organizing educational activities of general education organizations]. *Pedagogicheskaya informatika*. 3. pp. 82–98.
5. Shchukina, G.I. (1988) *Pedagogicheskie problemy formirovaniya poznavatel'nykh interesov uchashchikhsya* [Pedagogical Problems of Forming Students' Cognitive Interests]. Moscow: Pedagogika.
6. Kolesnikova, I.A. & Gorchakova-Sibirskaya, M.P. (2008) *Pedagogicheskoe proektirovanie* [Pedagogical Design]. Moscow: Akademiya.
7. Karakozov, S.D. & Ryzhova, N.I. (2017) *Teoriya razvitiya i praktika realizatsii soderzhaniya obucheniya v oblasti informatsionno-obrazovatel'nykh sistem* [Theory of Development and Practice of Implementing Training Content in the Field of Information and Educational Systems]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
8. Choshanov, M.A. (2022) *Distantionnoe obuchenie i tsifrovaya didaktika: uroki skeptika* [Distance learning and digital didactics: lessons from a skeptic]. *Narodnoe obrazovanie*. 1 (1490). pp. 79–93.
9. Gosudarev, I.B. (2015) *"Elektronnoe obuchenie" v yazyke pedagogiki (evolyutsiya fenomena i tolkovanie terminov)* ["E-Learning" in the language of pedagogy (evolution of the phenomenon and interpretation of terms)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 7. pp. 141–150.

10. Klarin, M.V. (2016) *Innovatsionnye modeli obucheniya: Issledovanie mirovogo opyta* [Innovative Learning Models: A Study of World Experience]. Moscow: Luch.
11. Andreeva, N.V. (2020) Pedagogika effektivnogo smeshannogo obucheniya [Pedagogy of effective blended learning]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 3 (9). pp. 8–20.
12. Samokhvalova, E.A. (2023) Razrabotka modeli integratsii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nyy protsess vuza [Development of a model for integrating Artificial Intelligence technologies into the educational process of a university]. *Pedagogicheskaya informatika*. 4. pp. 459–471.
13. Koroleva, N.Yu. (2024) Obuchenie budushchikh uchiteley ispol'zovaniyu tekhnologiy dopolnennoy real'nosti: podkhody i opyt realizatsii [Training future teachers to use augmented reality technologies: approaches and implementation experience]. *Informatika i obrazovanie*. 5 (39). pp. 40–49.
14. Piotrovskaya, K.R. (2014) Tekst-mayning: perspektivy razvitiya [Text mining: development prospects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 168. pp. 128–134.
15. Samylkina, N.N. & Salakhova, A.A. (2022) *Obuchenie osnovam iskusstvennogo intellekta i analiza dannykh v kurse informatiki na urovne srednego obshchego obrazovaniya* [Teaching the Basics of Artificial Intelligence and Data Analysis in the Computer Science Course at the Secondary General Education Level]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
16. Piotrovskaya, K.R. (2005) Bazovye printsiipy postroeniya metodicheskoy teorii obucheniya studentov-filologov matematike i informatike [Basic principles of constructing a methodological theory of teaching mathematics and computer science to philology students]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 12. pp. 236–251.
17. Dolgova, T.V. (2017) Smeshannoe obuchenie – innovatsiya XXI veka [Blended learning is an innovation of the 21st century]. *Integrativnoe obrazovanie*. 5. pp. 2–8.
18. Kondakova, M.L. & Latypova, E.V. (2013) Smeshannoe obuchenie: vedushchie obrazovatel'nye tekhnologii sovremennosti [Blended learning: leading educational technologies of our time]. *Vestnik obrazovaniya*. 9 (2759). pp. 54–64.
19. Margolis, A.A. (2018) Chto smeshivaet smeshannoe obuchenie? [What mixes up blended learning?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 3 (23). pp. 5–19.
20. Blinov, V.I., Esenina, E.Yu. & Sergeev, I.S. (2021) Modeli smeshannogo obucheniya: organizatsionno-didakticheskaya tipologiya [Blended learning models: organizational and didactic typology]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 5 (30). pp. 44–64.
21. Derbush, M.V. & Skarbich, S.N. (2021) Organizatsiya issledovatel'skoy deyatel'nosti uchashchikhsya v usloviyakh smeshannogo obucheniya matematike [Organization of students' research activities in the context of blended learning in mathematics]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 3 (35). pp. 1–18.

Информация об авторах:

Рыжова Н.И. – д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования современных направлений развития образования Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: nata-rizhova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5868-8157

Молохов Д.А. – начальник управления внедрения современных образовательных технологий, организации мероприятий межрегионального и международного сотрудничества Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: denis.web@mail.ru; ORCID: 0009-0009-6796-9856

Государев И.Б. – канд. пед. наук, доцент факультета программной инженерии и компьютерной техники Национального исследовательского университета ИТМО (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: goss@itmo.ru; ORCID: 0000-0003-4236-5991

Каракозов С.Д. – д-р пед. наук, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: sd.karakozov@mpgu.su; ORCID: 0000-0001-8151-8108

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.I. Ryzhova, Dr. Sci. (Pedagogics), leading research fellow, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: nata-rizhova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5868-8157

D.A. Molokhov, head of the Department for the Implementation of Modern Educational Technologies and the Organization of Interregional and International Cooperation Events, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: denis.web@mail.ru; ORCID: 0009-0009-6796-9856

I.B. Gosudarev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, ITMO University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: goss@itmo.ru; ORCID: 0000-0003-4236-5991

S.D. Karakozov, Dr. Sci. (Pedagogics), Director of the Institute of Mathematics and Informatics, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sd.karakozov@mpgu.su; ORCID: 0000-0001-8151-8108

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.02.2025;
одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 378+167:37.01
doi: 10.17223/15617793/511/21

Вуз как центр развития образовательной мобильности: история, содержание, дизайн

Олеся Владимировна Цигулева¹, Наталия Николаевна Абакумова²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, oltsiguleva@yandex.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tomsk-ann@yandex.ru

Аннотация. Актуализирована проблема развития образовательной мобильности в вузе. Проведен анализ феномена «мобильность» в контексте различных трансформационных изменений в системе высшего образования. Разработано понятие «образовательная мобильность». Результаты анализа массива отечественной и зарубежной литературы позиционируют мобильность, как одно из основных направлений развития мирового образовательного сегмента, а также как ключевой ресурс становления и развития личности в современном социуме. Сделан вывод, что образовательная мобильность является ключевым компонентом в формировании образовательной политики вуза, которая реализуется через организацию и селективный отбор содержания учебных программ, технологий, форм и методов проектирования образовательного процесса.

Ключевые слова: образовательная мобильность, профессиональная мобильность, академическая мобильность, человеческий капитал, высшая школа

Для цитирования: Цигулева О.В., Абакумова Н.Н. Вуз как центр развития образовательной мобильности: история, содержание, дизайн // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 200–207. doi: 10.17223/15617793/511/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/21

University as a center of educational mobility development: History, content, design

Olesya V. Tsiguleva¹, Nataliya N. Abakumova²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, oltsiguleva@yandex.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tomsk-ann@yandex.ru

Abstract. The article discusses the results of a phenomenological study of "educational mobility" essence in a university. The problem of creating and functioning of a modern system of personnel professional training, which would be based on the principles of continuity, succession, integration, flexibility, competitiveness, information transparency, mobility, focus on the individual and society needs, is updated. The study aimed to reveal the educational mobility essence and substantiate it as a pedagogical phenomenon that influences the formation human capital formation in a university. To reach this aim, the following tools were used: analysis of Russian and foreign literature, historical and pedagogical analysis of educational mobility, phenomenological method, and modeling and comparative analysis of the definitions of academic, social, professional mobility. In the study, educational mobility is presented as a factor of human capital formation, which requires definition, allocation of components and model representation in the university scientific and educational space. The historical and pedagogical analysis showed that the human capital formation in the university and mobility are dialectically inextricably linked through the mobilization of personal, social, cultural, informational and professional resources of the subject in education. The analysis of Russian and foreign literature proved the relationship between the concepts of academic, social and professional mobility, which allows us to concretize the phenomenon "educational mobility" through the subject's ability to self-education and self-design of their educational trajectory throughout their life. The analysis of Russian and foreign studies showed the debatable nature of the definition "educational mobility" and the lack of conceptual unity. Differences in the concepts of "academic" and "educational" mobility were revealed. Parameters influencing the educational mobility formation of the university were established: horizontal differentiation of the student body; centralization of funding and university resources; standardization of curricula and tests; university marketing policy. The basic components of educational mobility in the university (cultural, functional and personal, professional and personal) were identified and their characteristics were given. Summarizing the research materials, a definition of "educational mobility of a university" was given as a key component in the formation of the university educational policy, which is implemented through the organization and selective selection of the curricula content, technologies, forms and methods of designing the educational process. It has been established that the educational mobility of a subject is determined by the educational mobility of a university as a self-developing educational organization that creates and provides educational services.

Keywords: educational mobility, professional mobility, academic mobility, human capital, higher education

For citation: Tsiguleva, O.V. & Abakumova, N.N. (2025) University as a center of educational mobility development: History, content, design. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 200–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/21

Становление и развитие личности в современном социуме происходит во многом благодаря сфере образования. В этой связи мобильность человека в образовательной деятельности указывает на необходимость расширения дефиниции «образовательная мобильность» и применения ее к университету в целом. Современная образовательная организация может быть описана как динамичная, изменяющаяся, трансформирующаяся, что актуализирует необходимость развития образовательной мобильности вуза. В настоящее время вуз представляется центром формирования и развития человеческого капитала. В исследовании образовательная мобильность будет позиционироваться как педагогический феномен, влияющий на формирование человеческого капитала, который нуждается в определении, выделении компонентов и модельном представлении в научно-образовательном пространстве вуза.

Современная педагогика высшей школы, занимаясь проблемой формирования и развития человеческого капитала в вузе, решает актуальную задачу педагогической практики по созданию и функционированию системы профессиональной подготовки кадров, в основу которой положены принципы преемственности, гибкости, непрерывности, конкурентоспособности, интегрированности, мобильности, открытости (информационной прозрачности) и ориентированности на проблемы социума и личности. Результатом работы такой системы видится подготовка трансфессионалов, которые демонстрируют готовность к переменам, мобильность, способность к нестандартным трудовым действиям, ответственность и самостоятельность в принятии решений.

Цель исследования заключается в раскрытии сущности образовательной мобильности и обосновании ее как педагогического феномена, влияющего на формирование человеческого капитала в вузе. В задачи исследования входит: 1) проследить историческую трансформацию понятия «мобильность» в научно-образовательном пространстве вуза; 2) разработать понятие «образовательная мобильность вуза»; 3) определить дизайн образовательной мобильности (структуру, компоненты и функциональность в научно-образовательном пространстве вуза). Методы, используемые в данном исследовании: историко-педагогический анализ феномена «образовательная мобильность», анализ российской и зарубежной литературы, феноменологический метод, моделирование, сравнительный анализ дефиниций, академическая, социальная, профессиональная мобильность.

Рассмотрение феномена мобильности в историческом ракурсе демонстрирует, что еще древневосточные и древнегреческие философы акцентировали внимание на взаимосвязи дефиниций «образование» и «мобильность», подчеркивая, что возвышение культурного и профессионального статуса человека, его социальная стратификация напрямую зависят от уровня воспитания и образования, творческого, нравственного и трудового потенциала. Так, древнегреческий мыслитель Платон, а вслед за ним и его ученик Аристотель считали, что образование оказывает ключевое

влияние на социальное положение человека, на его культуру и профессиональное поведение в будущем, отмечая при этом, что наиболее талантливые и целеустремленные личности должны занимать верхнюю ступень социальной иерархической лестницы.

Позднее, в трудах чешского педагога-гуманиста Я.А. Коменского можно увидеть, что одним из ключевых признаков дидактики выдвигается принцип активности [1]. Не используя термин «мобильность», ученый тем не менее показывает ассоциативность двух этих дефиниций, отмечая, что активный, подвижный и пластичный человек приобретает больше знаний и умений, быстрее адаптируется к изменяющимся условиям социума и производственного процесса. В таком ракурсе дефиниции «активность» и «подвижность» ассоциируются с понятием «мобильность» и тем самым способствуют овладению личностью не только новыми видами трудовой деятельности, но и культурными, нравственными, духовными основами.

Исследуя вопросы развития российского образования, педагогами М.В. Лысаковским, Н.К. Крупской и другими предпринималась попытка развернутого анализа процесса формирования мобильности субъекта в образовательном пространстве. В исследованиях мобильность представляется как «феномен, определяющий движение сформированных в человеке умений и их применение в процессе его жизни и трудовой деятельности (то есть я – в культуре, я – в природе, я – в социуме), определяя термин мобильность личности в контексте понятия активности личности» [2]. Изучение истоков мобильности и ее формирования в зарубежных социологических науках датируется началом прошлого столетия. Первым, кто ввел понятие мобильности, был русский социолог, эмигрировавший в США, профессор Гарвардского университета П.А. Сорокин. Как отмечает И.А. Степанова, для определения движения перестановки внутри социального пространства Сорокин использовал определение «социальная мобильность» в конце 1920-х гг., трактуемое весьма широко [3].

Особое место мобильности отводится в Болонской декларации [4, 5], открывшей ее новые формы и возможности (вертикальная, горизонтальная, академическая, профессиональная, образовательная и др.) и сделавшей еще более сложным осмысление понятийного аппарата мобильности. Усиливающиеся в образовании процессы глобализации и интернационализации заставляют рассматривать мобильность как механизм, «сущность которого носит междисциплинарный характер» [6]. В контексте научно-образовательного пространства вуза феномен мобильности будет восприниматься через динамическую характеристику – «подвижность», «быстрая изменяемость» и пр. То есть, в своей ценностно-ориентированной, духовной, культурной и практической деятельности мобильный человек будет позиционироваться как «человек подвижный, способный к быстрому передвижению, обладающий качествами развивающейся личности» [2, 7, 8].

В понимании С.Е. Каплиной, «ключевую роль в осмыслении сущности мобильности играет диалектический закон единства и борьбы противоположностей,

определяющий данное явление как основной источник, как движущую силу развития» [2. С. 18]. С.А. Кугель отмечает, что мобильность – термин многокомпонентный [9] и инновационный для педагогических исследований [10], поскольку интерес к данному феномену в педагогической науке возникает лишь в конце второй половины 20 в. Учеными были сделаны попытки объяснения педагогического характера феномена «мобильность», предложены ключевые направления организации образовательного процесса, ориентированные на формирование мобильности [8, 11, 12].

Актуальность проблемы развития мобильности в последнее время находится в центре дискуссий как российских [7, 13], так и зарубежных исследователей [14, 15]. На первый план выходит понимание, что для информационного общества XXI в. ресурсом становится человеческий капитал, а следовательно, и его динамическая характеристика – степень мобильности субъекта. Человеческий капитал (образование) и мобильность диалектически неразрывно связаны между

собой. Это объясняется тем, что формирование человеческого капитала подразумевает мобилизацию личностных, социальных, культурных, информационных и профессиональных ресурсов.

Исследовательское поле педагогического феномена «образовательная мобильность» остается не до конца описанным и определенным. По мнению ряда исследователей, для дефиниции «образовательная мобильность» необходима понятийная определенность, которая «требует объяснения его сущности, детализации его основных характеристик. Дефиниции мобильность, образовательная мобильность, образовательная мобильность в контексте человеческого капитала могут быть объяснены как качество личности, процесс деятельности, стратегия образовательного учреждения в зависимости от степени их наполнения и обобщения» [7, 14, 16]. С целью анализа содержания образовательной мобильности в исследовании рассмотрена взаимосвязь и взаимозависимость следующих понятий: социальная мобильность, академическая и профессиональная мобильность (табл. 1).

Таблица 1

Интерпретация понятий «академическая», «социальная» и «профессиональная мобильность» в педагогической науке

Определение	Содержание определения
Социальная мобильность	Трансформации личности, занимаемой позиции в обществе как способности человека адаптироваться и преобразовывать социальную среду, оперативно устанавливать личностные, культурные и деловые контакты, проявляя при этом свою социальную компетентность (Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, Ю.И. Калиновский, М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов). Социальная мобильность классифицируется на следующие виды: вертикальная и горизонтальная [17]. Первая подразумевает перемещение из одной страты (сословия, класса, касты) в другую (Ю.И. Калиновский [18]). Вторая предполагает возможность смены функций, получения более сложной и интересной работы, расширения поля профессиональной деятельности (З.А. Багишев, Л.В. Зноненко, П. Сорокин)
Академическая мобильность	передвижение субъектов образовательного процесса на конкретный промежуток времени в иное образовательное или научное учреждение как внутри страны, так и за ее пределами для обучения, повышения квалификации или преподавания [5]
Профессиональная мобильность	Свойство личности, характеризующееся мотивационно подкрепленным управлением преферентной сферы самореализации личности, интегрирующим и организующим личность, проявлением гибкости в реакции на новую профессиональную ситуацию (М.В. Вотинцева, Ю.Ю. Дворецкая); способность и готовность личности достаточно быстро и успешно овладевать новой техникой и технологией, приобретать недостающие знания и умения, обеспечивающие эффективность новой профессиональной деятельности (С.М. Вишнякова, Н. Зверева); переход индивида или профессиональной группы из одной профессиональной позиции в другую (Г.Н. Соколова, О.М. Малыгина, О.Ю. Посухова)

Таблица 2

Интерпретация дефиниции «образовательная мобильность» в зарубежных и отечественных исследованиях

ФИО исследователей	Интерпретация дефиниции «образовательная мобильность»
A. Chana, J. Daw, S. Waibel	Получение международного опыта в процессе обучения, способствующего свободе передвижения [14, 15, 19]
I. Schoon, K. Burger, R. Cook	Превышение образовательного статуса человека в своей семье [20]
A. Gaentzsch, G. Román, C. Morgavi	Образовательная мобильность между поколениями, отражающая изменения, произошедшие в образовательной и демографической областях определенной страны [21, 22]
N. Sanitera, D. Schnitzleina	Выбор индивидуальной образовательной траектории [23]
S. Virdia, S. Schindler	Изменение социального и профессионального статуса [24]
R. Impicciatore, F. Tosi	Изменение социального статуса в связи с поступлением в зарубежный вуз, поскольку обучение в нем меняет положение индивида в социальном пространстве [25]
Н.Л. Антонова, Ю.Б. Епихина, Я. Кузьминов, М. Овчинникова	Возможность изменения образовательного статуса [26–28]
F. Torche	Возможность и доступность в обеспечении граждан образовательным потенциалом [29]

Исходя из вышеприведенных определений социальной, профессиональной и академической мобильности, становится очевидной необходимость введения в актив педагогической теории и практики понятия «образовательная мобильность», отражающего сущность индивида, не просто знающего, умеющего, но способного к самообразованию и самопроектированию своей образовательной траектории на протяжении всего жизненного периода.

Разработка дефиниции «образовательная мобильность» находится в самом начале, а потому проходит прогнозно и вероятно. Для уточнения понятия необходимы более масштабные исследования, которые позволяют провести детальный анализ феномена. Как показали ранее проведенные исследования [7, 8], осмысление понятия «образовательная мобильность» получило наиболее развернутое представление и обосуждение в зарубежных исследованиях (см. табл. 2).

Результаты анализа показывают, что не существует единого понимания данного феномена, как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Так, например, S. Waibel, H. Rüger, R. Impicciatore рассматривают образовательную мобильность как получение международного опыта в процессе обучения, как изменение социального статуса в связи с поступлением в зарубежный вуз (т.е. больше говорят об академической мобильности). S. Virdia и S. Schindler анализируют образовательную мобильность как изменение социального и профессионального статуса (это аспект профессиональной мобильности).

Отечественные исследователи (Н.Л. Антонова, Ю.Б. Епихина, Я. Кузьминов) под образовательной мобильностью понимают изменение образовательного статуса индивида (т.е. предоставление студентам возможности проводить, по крайней мере, один семестр в зарубежных университетах для овладения различными образовательными программами).

На основании проведенного анализа литературы можно сделать заключение, что понятие академической и образовательной мобильности не идентичны. Термин «академическая мобильность» получил наиболее развёрнутое объяснение в документах Болонской декларации. Его синонимом является термин «образовательная (учебная) миграция». В данном исследовании образовательная мобильность будет определяться как движение человека от его начального образовательного статуса к способности строить свою образо-

вательную траекторию в соответствии с происходящими изменениями в социуме, анализировать развитие жизненной и профессиональной ситуации, быть готовым к повышению или изменению своей культурной, социальной и профессиональной идентичности, умение учиться и переучиваться.

Поскольку обучение в высшей школе является «точкой бифуркации» (ситуация профессионально-личностного выбора и перестройка системы жизнедеятельности человека), то именно в вузе необходимо создавать условия для развития образовательной мобильности как движения от объектной к субъектной позиции в образовательной деятельности, от учебной к образовательной самостоятельности, от выполнения внешних норм и требований к формулированию и реализации собственных целей, от культуры тотального авторитаризма к образовательной культуре диалогизации. В данном случае можно говорить не только о формировании образовательной мобильности человека, но и об образовательной мобильности вуза. Это подтверждается и отчетом рабочей группы BFUG по мобильности и интернационализации образовательных систем за 2015–2018 гг., наглядно демонстрирующим, что продуктивность мобильности зависит от организационно-педагогических условий, созданных в учебном заведении [30]. Исследования R. Gruijters и T. Chan [31] также доказывают, что на высокую эффективность образовательной мобильности вуза влияют следующие параметры, представленные на рис. 1.



Рис. 1. Параметры, влияющие на формирование образовательной мобильности вуза

Образовательная мобильность влияет на внешние и внутренние трансформации личности. Например, внутренние изменения, которые связаны с образовательной мобильностью, предполагают создание совершенно новых социокультурных образов и ценностей, оказывающих влияние на дальнейшее формирование человека. В рамках научно-образовательного пространства вуза субъект «становится свободен от непосредственного подчинения влиянию окружающей действительности, что помогает ему осознанно изменять как эту действительность, так и самого себя» [2]. Трансформационные процессы происходят не только в поведении, но и способах умственной деятельности, что ведет к формированию активной позиции личностного и профессионального самоопределения субъекта.

В исследовании были определены условия, которые могут оказывать трансформационное воздействие на личностные качества субъекта. Личностные новообразования субъекта могут быть проявлены как различные способы умственной деятельности и оценены через уровень когнитивной сложности решаемых задач. В процессе моделирования было определено содержание образовательной мобильности, которое состоит из функционально-личностного, профессионально-личностного и культурологического компонентов (рис. 2).

1. *Функционально-личностный компонент.* С данной позиции образовательная мобильность анализируется как:

- участие человека в своем образовании – умение организовать свой индивидуальный образовательный маршрут, включая свои образовательные интересы и предпочтения;

– «создание мест личного присутствия» [32]: умение устанавливать цели своего образования, желание и готовность переосмысливать свою образовательную деятельность, рассматривать ее в инновационном аспекте, предвидеть результаты своей деятельности;

– применение приобретенных навыков и умений в жизни в условиях различных социальных и культурных трансформаций.

2. *Профессионально-личностный компонент.* В рамках профессионально-личностного компонента образовательная мобильность рассматривается как:

– овладение ключевыми характеристиками (т.е. формирование разносторонних компетенций, индиви-

дуальность, креативность и др.), являющимися фундаментом для построения межличностных отношений в профессиональном сообществе;

– понимание индивидом своего побудительного стимула к получению образования, осознавая степень неполноценности собственных знаний и предвидения действий, направленных на преодоление данных ограничений в соответствии с профессиональными интересами и предпочтениями;

– готовность человека трансформировать свой образовательный и профессиональный опыт с учетом требований среды и собственных запросов, т.е. двигаться от профессионала к трансфессионалу.



Рис. 2. Основные компоненты содержания образовательной мобильности

3. *Культурологический компонент* образовательной мобильности представляется как механизм культурного, интеллектуального и воспитательного обмена, в результате которого происходит формирование языковых и межкультурных компетенций, способствующих преодолению межнациональных барьеров.

Таким образом, разработка дефиниции, содержания и дизайна (структуры и компонентов) образовательной мобильности составит теоретическую базу и позволит перейти к проектированию новой системы ценностей в научно-образовательном пространстве вуза и социума в целом. Результатом образовательной мобильности человека в данном контексте выступают:

– умение находить правильное решение в любых обстоятельствах;

– способность и возможность построение своего индивидуального образовательного маршрута согласно будущим личным, социальным, культурным и профессиональным интересам;

– умение приспосабливаться к изменённым условиям в процессе трудовой деятельности;

– способность адекватно воспринимать и осознавать различные общественные трансформации и реагировать на них, не теряя при этом своей человеческой сущности и достоинства.

Проведенный анализ литературы показал, что сегодня будущий профессионал рассматривается не просто как субъект трудовой деятельности, а как обладатель определенных типов культурного мировоззрения и мышления, интеллектуальной и творческой деятельности, как связующее звено между существующим и будущим поколением, как транслятор культурных и профессиональных практик и норм. Это обусловлено, прежде всего, происходящими изменениями на рынке труда начиная с 2000-х гг., а также усиливающейся дифференциацией и специализацией профессиональной деятельности. Происходит стремительное обновление профессий, их интеграция в различные сферы, что влечет за собой расширение направлений подготовки в вузах, а также образовательных услуг в сфере программ дополнительного профессионального образования. Таким образом, университеты непосред-

ственно участвуют в формировании нового типа специалиста (профессионала) – трансфессионала, способного в результате требований рынка труда и запросов социума мобильно изменять профессиональный статус. Не имея жесткой привязки к одной профессиональной деятельности, трансационал строит свой образовательный маршрут, используя определенные знания и культурные практики, являясь создателем своего образования и профессиональной идентичности [33]. Неотъемлемыми характеристиками специалиста новой формации (трансационала) в современном социуме являются готовность к переменам, мобильность, способность к нестандартным трудовым действиям, ответственность и самостоятельность в принятии решений.

В исследовании установлено, что для современного вуза требуется разработка новой системы профессиональной подготовки кадров, которая должна основываться на принципах преемственности, гибкости, непрерывности, конкурентоспособности, интегрированности, мобильности, открытости (информационной прозрачности) и ориентированности на проблемы социума и личности. Результаты исследования подтверждают существующий тренд современной высшей школы, когда субъект может менять область профессиональной дея-

тельности несколько раз в течении жизни. То есть происходит изменение образовательного концепта. Выбранная профессия больше не является центром, вокруг которого происходит построение жизненного цикла субъекта. Центром становится вуз, способный предложить адекватные условия развития образовательной мобильности для профессионального и личностного самоопределения и самореализации субъекта. Следовательно, основой новой парадигмы в педагогической науке становятся главные приоритеты личностного становления – саморазвитие, самоопределение, самопроектирование, самореализация.

Таким образом, образовательная мобильность человека обусловлена образовательной мобильностью вуза как саморазвивающейся образовательной организации, создающей и предоставляющей образовательные услуги. Именно образовательные возможности и особенности высшей школы должны быть направлены на становление человека новой формации – трансационала, где базовым качеством является образовательная мобильность. В данном контексте образовательная мобильность выступает не только в качестве ключевой тенденции образовательной политики вуза, но и социокультурного фактора, проявляющегося в организации, селективном отборе содержания учебных программ, технологий, форм и методов проектирования образовательного процесса.

Список источников

1. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения / под общ. ред. А.А. Красновского. М. : Учпедгиз, 1955. 638 с.
2. Каплина С.Е. Концептуальные и технологические основы формирования профессиональной мобильности будущих инженеров в процессе изучения гуманитарных дисциплин : дис. ... д-ра пед. наук. Чебоксары, 2008. 568 с.
3. Степанова И.А. Профессиональная мобильность педагога как научно-педагогический феномен // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. 2009. № 5. С. 37–45.
4. The first decade of working on the European Higher Education Area. The Bologna process independent assessment. Vol. 2: Case studies and appendices. Bruxelles : CHEPS, 2009.
5. Ahola S. Finish Higher Education Policy and the Ongoing Bologna Process // Higher Education in Europe. 2003. Vol. 28, № 2. P. 217–227.
6. Bologna-Prozess – Nationaler Bericht 2005 bis 2007 für Deutschland von KMK und BMBF. Berlin, 2008. 59 p.
7. Цигулева О.В., Абакумова Н.Н., Поздеева С.И. Гуманитарные характеристики человеческого капитала в контексте компетентностного подхода к образованию // Язык и культура. 2022. № 57. С. 292–307. doi: 10.17223/19996195/57/15
8. Цигулева О.В., Колмакова М.В. Профессиональная мобильность и идентичность педагога в открытой образовательной среде // Комплексные исследования человека: психология : материалы VII Сибирского психологического форума. Томск, 28–29 ноября 2017 г. Томск, 2017. С. 238–241.
9. Кугель С.А. Профессиональная мобильность в науке. М. : Мысль, 1983. 178 с.
10. Попков В.А. Теория и практика высшего профессионального образования. М. : Академ. проект, 2004. 426 с.
11. Александрова З.И. Социально-профессиональная мобильность в современном мире // Вестник Костромского государственного университета. 2008. № 3. С. 35–39.
12. Гильдингерш М.Г., Добрушина М.Е. Концептуальные подходы к формированию профессиональной мобильности рабочей силы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 102–105.
13. Abakumova N.N., Tsiguleva O.V., Ju C., Lei G. Konstantin Ushinsky's world pedagogical heritage in the context of humanitarization in education // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 188–195. doi: 10.17223/15617793/487/21
14. Chan A., Chiub M., Yange S., Ngan L. Mobility, belongingness and schooling experiences of Chinese cross-border students // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 111. Art. No. 104870. doi: 10.1016/j.childyouth.2020.104870
15. Daw J., Gaddis S., Morse A. 3Ms of 3G: Testing three mechanisms of three-generational educational mobility in the U.S // Research in Social Stratification and Mobility. 2020. Vol. 66. Art. No. 100481. doi: 10.1016/j.rssm.2020.100481
16. Амирова Л.А. Проблема профессиональной мобильности педагога и перспективные ориентиры ее развития // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. 2009. № 8 (65). С. 89–96.
17. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. Т. 2 / сост. Д. Джери, Дж. Джери. М. : Вече, 1999. 588 с.
18. Калиновский Ю.И. Развитие социально-профессиональной мобильности андрогога в контексте социокультурной образовательной политики региона : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 470 с.
19. Waibel S., Rüger H., Ette L. Sauer Career consequences of transnational educational mobility: A systematic literature review // Educational Research Review. 2017. Vol. 20. P. 81–98. doi: 10.1016/j.edurev.2016.12.001.
20. Schoon I., Burger K., Cook R. Making it against the odds: How individual and parental co-agency predict educational mobility // Journal of Adolescence. 2021. Vol. 89. P. 74–83. doi: 10.1016/j.adolescence.2021.04.004
21. Gaentzsch A., Román G. More educated, less mobile? Diverging trends in income and educational mobility in Chile and Peru // GDI WorkingPaper 2018-031. Manchester: The University of Manchester. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance_19991487 (дата обращения: 15.10.2024).
22. Morgavi C. Comparative analysis of intergenerational educational mobility in Spain and Mexico // Diálogos sobre Educación. 2016. № 12 (7). doi: 10.32870/dse.v0i12.263
23. Sanitera N., Schnitzleina D., Siedler T. Occupational knowledge and educational mobility: Evidence from the introduction of job information centers // Economics of Education Review. 2019. Vol. 69. P. 108–124. doi: 10.1016/j.econedurev.2018.12.009

24. Virdia S., Schindler S. Educational upgrading, career advancement, and social inequality development from a life-course perspective in Germany // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2019. Vol. 60. P. 29–38. doi: 10.1016/j.rssm.2019.02.002
25. Impicciatore R., Tosi F. Research in Social Stratification and Mobility // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2019. Vol. 62. Art. No. 100409. doi: 10.1016/j.rssm.2019.100409
26. Антонова Н.Л. Потенциальная образовательная мобильность студентов-гуманитариев: новые вызовы в условиях интернационализации образования // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2020. Т. 20, № 3. С. 91–95. doi: 10.14529/ssh200313
27. Епихина Ю.Б. Работа по специальности, профиль образования и образовательная мобильность // *Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ*. 2019. № 4. С. 113–130. doi: 10.19181/inab.2019.4.8
28. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
29. Torche F. Educational mobility in developing countries // *WIDER Working Paper 2019/88*. Stanford University, Stanford, USA. 28 p. doi: 10.35188/UNU-WIDER/2019/724-8
30. Educational mobility and school-to-work transitions among disadvantaged students // *Equity in Education: Breaking Down Barriers to Social Mobility*. Paris : OECD Publishing, 2018. P. 141–174. doi: 10.1787/9789264073234-8-en
31. Gruijters R., Chan T., Ermisch J. Trends in educational mobility: How does China compare to Europe and the United States? // *Chinese Journal of Sociology*. 2019. Vol. 5 (2). doi: 10.1177/2057150X19835145
32. Прокументова Г.Н. Классический университет – инновационные школы: стратегические перспективы взаимодействия (опыт гуманитарного исследования). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 262 с.
33. Галажинский Э.В., Кабрин В.И. Перспектива развития творческой личности трансфессионала в условиях смены научно-образовательной парадигмы университета // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 447. С. 207–214. doi: 10.17223/15617793/447/25

References

1. Komenskiy, Ya.A. (1955) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Moscow: Uchpedgiz.
2. Kaplina, S.E. (2008) *Kontseptual'nye i tekhnologicheskie osnovy formirovaniya professional'noy mobil'nosti budushchikh inzhenerov v protsesse izucheniya gumanitarnykh distsiplin* [Conceptual and technological foundations for the formation of professional mobility of future engineers in the process of studying humanitarian disciplines]. Pedagogy Dr. Diss. Cheboksary.
3. Stepanova, I.A. (2009) Professional'naya mobil'nost' pedagoga kak nauchno-pedagogicheskiy fenomen [Professional mobility of a teacher as a scientific and pedagogical phenomenon]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya RAO*. 5. pp. 37–45.
4. CHEPS. (2009) *The first decade of working on the European Higher Education Area. The Bologna process independent assessment*. Vol. 2. Bruxelles: CHEPS.
5. Ahola, S. (2003) Finnish higher education policy and the ongoing Bologna Process. *Higher Education in Europe*. 2 (28). pp. 217–227.
6. Bundesministerium für Bildung und Forschung. (2008) *Bologna-Prozess – Nationaler Bericht 2005 bis 2007 für Deutschland von KMK und BMBF*. Berlin: [s.n.].
7. Tsiguleva, O.V., Abakumova, N.N. & Pozdeeva, S.I. (2022) Human capital's humanitarian characteristics of a competent approach to education. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 57. pp. 292–307. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/57/15
8. Tsiguleva, O.V. & Kolmakova, M.V. (2017) [Professional mobility and identity of a teacher in an open educational environment]. *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya* [Complex Studies of Man: Psychology]. Proceedings of the 7th Siberian Psychological Forum. Tomsk. 28–29 November 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–241. (In Russian).
9. Kugel', S.A. (1983) *Professional'naya mobil'nost' v nauke* [Professional Mobility in Science]. Moscow: Mysl'.
10. Popkov, V.A. (2004) *Teoriya i praktika vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Theory and Practice of Higher Professional Education]. Moscow: Akadem. proekt.
11. Aleksandrova, Z.I. (2008) Sotsial'no-professional'naya mobil'nost' v sovremennom mire [Social and professional mobility in the modern world]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 35–39.
12. Gil'dingersh, M.G. & Dobrusina, M.E. (2013) Conceptual approaches to the formation of labour force professional mobility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 377. pp. 102–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/377/20
13. Abakumova, N.N. et al. (2023) Konstantin Ushinsky's world pedagogical heritage in the context of humanitarization in education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 188–195. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/21
14. Chan, A. et al. (2020) Mobility, belongingness and schooling experiences of Chinese cross-border students. *Children and Youth Services Review*. 111. Article 104870. doi: 10.1016/j.childyouth.2020.104870
15. Daw, J., Gaddisb, S. & Morse, A. (2020) 3Ms of 3G: Testing three mechanisms of three-generational educational mobility in the U.S. *Research in Social Stratification and Mobility*. 66. Article 100481. doi: 10.1016/j.rssm.2020.100481
16. Amirova, L.A. (2009) Problema professional'noy mobil'nosti pedagoga i perspektivnye orientiry ee razvitiya [The problem of professional mobility of a teacher and promising guidelines for its development]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya RAO*. 8 (65). pp. 89–96.
17. Jary, D. & Jary, J. (eds) (1999) *Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar'* [The Big Explanatory Sociological Dictionary]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Veche.
18. Kalinovskiy, Yu.I. (2001) *Razvitiye sotsial'no-professional'noy mobil'nosti androgoga v kontekste sotsiokul'turnoy obrazovatel'noy politiki regiona* [Development of the social and professional mobility of an androgyne in the context of the socio-cultural educational policy of a region]. Pedagogy Dr. Diss. Saint Petersburg.
19. Waibel, S., Rüger, H. & Ette, L. (2017) Sauer Career consequences of transnational educational mobility: A systematic literature review. *Educational Research Review*. 20. pp. 81–98. doi: 10.1016/j.edurev.2016.12.001
20. Schoon, I., Burger, K. & Cook, R. (2021) Making it against the odds: How individual and parental co-agency predict educational mobility. *Journal of Adolescence*. 89. pp. 74–83. doi: 10.1016/j.adolescence.2021.04.004
21. Gaentzsch, A. & Román, G. (2018) *More educated, less mobile? Diverging trends in income and educational mobility in Chile and Peru*. *GDI Working Paper 2018-031*. Manchester: The University of Manchester. [Online] Available from: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance_19991487 (Accessed: 15.10.2024).
22. Morgavi, C. (2016) Comparative analysis of intergenerational educational mobility in Spain and Mexico. *Diálogos sobre Educación*. 12 (7). doi: 10.32870/dse.v0i12.263
23. Sanitera, N., Schnitzleina, D. & Siedler, T. (2019) Occupational knowledge and educational mobility: Evidence from the introduction of job information centers. *Economics of Education Review*. 69. pp. 108–124. doi: 10.1016/j.econedurev.2018.12.009
24. Virdia, S. & Schindler, S. (2019) Educational upgrading, career advancement, and social inequality development from a life-course perspective in Germany. *Research in Social Stratification and Mobility*. 60. pp. 29–38. doi: 10.1016/j.rssm.2019.02.002
25. Impicciatore, R. & Tosi, F. (2019) Research in Social Stratification and Mobility. *Research in Social Stratification and Mobility*. 62. Article 100409. doi: 10.1016/j.rssm.2019.100409
26. Antonova, N.L. (2020) Potentsial'naya obrazovatel'naya mobil'nost' studentov-gumanitariev: novye vyzovy v usloviyakh internatsionalizatsii obrazovaniya [Potential educational mobility of humanities students: new challenges in the context of internationalization of education]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 3 (20). pp. 91–95. doi: 10.14529/ssh200313

27. Epikhina, Yu.B. (2019) Rabota po spetsial'nosti, profil' obrazovaniya i obrazovatel'naya mobil'nost' [Work in the specialty, educational profile and educational mobility]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten'. INAB*. 4. pp. 113–130. doi: 10.19181/inab.2019.4.8
28. Kuz'minov, Ya.I. & Yudkevich, M.M. (2021) Universitety v Rossii: kak eto rabotaet [Universities in Russia: How it works]. Moscow: HSE.
29. Torche, F. (2019) *Educational mobility in developing countries. WIDER Working Paper 2019/88*. Stanford: Stanford University. doi: 10.35188/UNU-WIDER/2019/724-8
30. OECD. (2018) Educational mobility and school-to-work transitions among disadvantaged students. In: *Equity in Education: Breaking Down Barriers to Social Mobility*. Paris: OECD Publishing. pp. 141–174. doi: 10.1787/9789264073234-8-en
31. Gruijters, R., Chan, T. & Ermisch, J. (2019) Trends in educational mobility: How does China compare to Europe and the United States? *Chinese Journal of Sociology*. 2 (5). doi: 10.1177/2057150X19835145
32. Prozumentova, G.N. (2008) *Klassicheskiy universitet – innovatsionnye shkoly: strategicheskie perspektivy vzaimodeystviya (opyt gumanitarnogo issledovaniya)* [Classical University – Innovative Schools: Strategic Prospects for Interaction (Experience of Humanitarian Research)]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Galazhinskiy, E.V. & Kabrin, V.I. (2019) The prospect of the development of a creative personality of a "trans-professional" in the conditions of changes in the scientific and educational paradigm of the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 207–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/447/25

Информация об авторах:

Цигулева О.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранного языка межфакультетская Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Абакумова Н.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Tsiguleva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Interfaculty Department of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025;
одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Original article
UDC 37.02
doi: 10.17223/15617793/511/22

Spanish speaking practice in class using ChatGPT-designed didactic material

Ekaterina V. Shostak¹, Diego Arbildo Prieto², Liudmila P. Khalyapina³

^{1,3} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Jilin International Studies University, Jilin, China

¹ ekaterinavsh@yandex.ru

² diegoap12@hotmail.com

³ halyapina_lp@spbstu.ru

Abstract. The presented study underlines the need to elaborate an effective way of using ChatGPT potential for organising Spanish speaking practice for B1-level students in class. The literature analysis on the use of ChatGPT as a tool for creating various educational activities that enhance students' communicative competence is presented. Its advantages are as follows: generation of realistic and dynamic conversations, facilitation of practice on complex topics, argumentation skill formation, immediate and personalized feedback, creation of real-life scenarios and simulations, autonomous learning and 24/7 access, student-centered learning approach, etc. The major difficulties that occur when it comes to teaching Spanish speaking practice in groups of B1 Spanish learners are addressed, such as lack of active vocabulary, inflected grammar structure and the necessity to find a balance between highly organized practice (e.g., drills) and loosely controlled practice (e.g., debates). In relation to the problems solutions based on the use of ChatGPT are enlisted. A methodical description of a designed didactic material (interview and statement list) that implies using ChatGPT or any other similar AI technology in class is provided. The methods used are literature analysis, observation, experiential learning. The gained results of ChatGPT integration in teaching oral expression skills in Spanish for students of B1 level are described. The study shows that when certain conditions are met student engagement and confidence are significantly improved.

Keywords: ChatGPT, speaking practice, oral skills, Spanish teaching, interview, conversation

For citation: Shostak, E.V., Prieto, D.A. & Khalyapina, L.P. (2025) Spanish Speaking practice in class using ChatGPT-designed didactic material. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 208–212. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/22

Introduction

ChatGPT is recognized as an effective resource for teaching oral expression skills, facilitating the development of conversational tasks and providing numerous benefits for interactive learning. By addressing various subjects, including self-expression, artificial intelligence, and superstitions, ChatGPT plays a vital role in creating educational activities that enhance students' communicative competence.

The aim of the study is to elaborate a didactic tool based on the use of ChatGPT for teaching speaking practice for students of B1-level Spanish proficiency. The aim determines the research objectives:

- to make a literature review on the use of ChatGPT as a tool in teaching oral expression skills;
- to outline major problems that occur when teaching speaking in groups of B1 Spanish learners;
- to decide on how these problems can be addressed with the help of ChatGPT;
- to compose a didactic tool (speaking activities) in the light of the presented preliminary results;
- to conduct a learning experiment using the designed didactic tool and describe the final results.

The following methods are used: literature analysis, observation, experiential learning.

Literature review

In order to proceed with the creation of a special didactic tool to teach speaking with the use of ChatGPT, it is logical to ana-

lyze its advantages that are already described by other researches. Below, the advantages of using ChatGPT for generating oral expression tasks, its application in educational literature, and a literary analysis of its use in teaching are discussed [1].

ChatGPT can simulate authentic dialogues in diverse contexts, enabling students to practice their oral expression skills in a more natural setting. For instance, when discussing personal topics, students receive tailored questions related to their interests and aspirations, fostering a learning environment that mirrors real-life interactions [2].

Engaging with challenging subjects like artificial intelligence and superstitions can be daunting, especially for students lacking prior knowledge. ChatGPT adjusts questions and dialogues according to each student's level, offering simple explanations or exploring more intricate aspects as necessary, thus enabling discussions on abstract topics with a pedagogical focus [3].

In conversations about the ethics of artificial intelligence or cultural beliefs, ChatGPT can serve as an "opponent" in debates, presenting counterarguments that encourage students to defend their views. This approach enhances their argumentative skills and critical thinking regarding contentious issues [4].

One of the key advantages of ChatGPT is its capacity to provide instant feedback on grammar, vocabulary, and coherence of speech. This feature allows students to identify and rectify errors in real-time, which is crucial for language acquisition. The corrections and alternative suggestions contribute to the continuous improvement of their linguistic abilities [5].

ChatGPT can generate scenarios where students practice everyday situations, such as job interviews or public speaking. This functionality is particularly beneficial for preparing them for specific contexts that demand fluency and precision in oral expression [6].

The ability to interact with ChatGPT at any time supports autonomous learning, allowing students to practice beyond school hours. This flexibility reinforces continuous learning and provides more opportunities for practice [7, 8].

The integration of ChatGPT in education has been extensively examined in academic literature, highlighting various methods through which this tool is utilized to teach oral expression skills:

Simulations and role-playing. Several studies recommend using ChatGPT to simulate interviews or engage in role-playing, where students adopt different roles, such as interviewer or candidate. This practice aids them in responding to questions with confidence and structuring effective replies in both formal and informal settings [9].

Debates and structured dialogues. Educators have effectively employed ChatGPT to generate debate topics or create dialogue sequences that require active student participation. By presenting arguments from multiple perspectives, ChatGPT promotes the development of persuasive skills and encourages students to explore various viewpoints [3].

Enhancement of cultural and linguistic understanding. By addressing themes like superstitions and cultural beliefs, ChatGPT can provide cultural or historical context, enriching discussions and aiding students in comprehending cultural differences. This approach fosters inclusive and culturally sensitive education [10].

From a literary and pedagogical standpoint, ChatGPT can be viewed not only as a technical tool but also as a facilitator of communication and dialogue in the classroom. Its ability to generate adaptive content enables students to engage in an active knowledge construction process rather than passively receiving information. Educational literature emphasizes the following areas:

Student-centered learning. Interaction with ChatGPT reinforces a pedagogical approach tailored to students' needs and levels. Utilizing artificial intelligence for feedback and personalized content aligns with constructivist learning theories, promoting autonomy and active participation in the educational process [3].

Dialogism and discussion-based learning. The concept of dialogism, which emphasizes dialogical interaction for knowledge construction, finds practical application in ChatGPT. By stimulating the exchange of ideas, the tool cultivates an environment where students not only practice the language but also develop critical thinking skills as they are challenged to defend or reevaluate their perspectives [6].

Inclusion of multicultural and ethical perspectives: Engaging with superstitions and cultural topics using ChatGPT allows for the inclusion of diverse perspectives, which is vital for inclusive education. This guided analysis encourages students to question stereotypes and develop a critical understanding of their beliefs and those of others [11].

When it comes to teaching speaking in groups of B1 Spanish learners, certain problems occur. The most obvious one is students' lack of active vocabulary, which can

prompt them to resort to available Internet resources (online translators, dictionaries, and ChatGPT). On the one hand, such availability allows better flexibility in class and better thought expression; it facilitates the process. Due to the integration of computer technologies and the appearance of digital storytelling students' speaking skills as well as their motivation to speech production can be enhanced in class [12]. On the other hand, there is a tendency to rely too much on these technologies, which leads to a risk of using words without the necessity to memorize them, to retain them in memory.

The second widespread problem for Spanish language learners is related to grammar. It is a grammatically inflected language, a lot of words must be modified in accordance with their context: verbs (tense, mood, person), nouns (two genders), adjectives (gender, number). It can create barriers to speaking and prevent students from spontaneous thought expression.

Poor pronunciation is not the case with Spanish for Russian speakers, although there are some frequent mistakes that need correction on the part of a professor.

When planning speaking activities, it is necessary to find a balance between highly organized practice (e.g., drills) and loosely controlled practice (e.g., role plays) [13]. In class there should be space for spontaneous communication and there should be certain limits determined by grammar and vocabulary used to talk on a specific topic. The imposed limits will contribute to a better students' focus on the material they are supposed to learn and on the skills they are supposed to acquire.

All the above-listed problems when teaching speaking in Spanish became the basis of the research questions:

- how we can use ChatGPT (any other AI chatbot) in order to make students rely more on their own skills than on the artificial intelligence platform;
- how we can minimize the difficulties related to the grammatical structure of Spanish in speaking;
- how we can improve students' pronunciation skills;
- how we can balance the advantageous of highly organized practice and loosely controlled practice.

Once the major problems and research questions related to teaching speaking in groups of B1 Spanish learners are outlined, we can proceed with the part describing how exactly these problems can be addressed with the help of ChatGPT.

Fostering autonomy in vocabulary use. Problem: Students rely on online resources, impacting memory retention. Solution with ChatGPT: Create personalized exercises that encourage students to use new words in specific contexts through generated dialogues or scenarios [14]. Facilitate practice conversations with instant feedback on vocabulary usage, helping students reflect and improve.

Addressing grammatical difficulties. Problem: The complexity of Spanish grammar can hinder spontaneous expression. Solution with ChatGPT: Students can inquire about grammatical rules and receive straightforward explanations and examples to enhance understanding. Design exercises where students use specific grammatical structures in simulated conversations, practicing verb tenses and agreement.

Improving pronunciation. Problem: Common pronunciation errors still need correction. Solution with

ChatGPT: Integrate audio resources for correct pronunciation practice, along with suggested repetition activities or role-plays focused on pronunciation. In our case the repetition of the same questions on the part of the guest speaker or an instructor can also contribute to the problem.

Balancing organized and free practice. Problem: Finding a balance between structured practice and spontaneous communication is essential. Solution with ChatGPT: Develop activities that blend both structured and free practice, allowing for a more relaxed conversation after focused exercises. Provide structured conversation topics with grammatical and vocabulary limitations, enabling practice within a defined framework before moving to spontaneous communication. These strategies leverage ChatGPT to enhance vocabulary use, grammar understanding, pronunciation skills, and balance practice types, ultimately improving students' speaking abilities in Spanish.

Considering the listed solutions, we can move on to the step of designing our didactic tool that is presented in the form of a speaking activity (see Fig. 1). The class is planned for a group of ten students, B1 level. In fact, it can be implemented among many people in big groups, if stu-

dents are divided into small teams of 3–4 people. The material consists of two parts: an interview and a table with statements. A guest speaker (a native of Spanish) was invited to the class.

The interview part, which comes first, consists of 10 questions that have been carefully selected and organized in relation to their difficulty and communicative function. In the first question, students are asked to greet their guest speaker and have the so-called small talk with him. Russian people tend to skip this phase as we prefer to say "hello" and never ask how the other persons' life is going, whereas in the Spanish-speaking world the question "how are you?" is an important conversation starter. Such cultural difference has to be considered. Other questions of the interview address ordinary issues and imply simple full answer (one sentence): What is your name? How old are you? Where do you study? How long have you been studying Spanish? etc. Some questions are provided with additional words and examples to assist a student. The interview part finishes with two gaps reserved for questions that students are to think up for the guest speaker. Such role change will stimulate the interaction between the audience and the speaker.

ENTREVISTA

1. Saludar y preguntar cómo está

2. ¿Cómo te llamas?

3. ¿Cuántos años tienes?

4. ¿Dónde estudias? *La universidad politécnica de Pedro el Grande*

5. ¿Eres estudiante de qué año? *el tercer/el cuarto*

6. ¿Qué carrera estudias? *Lingüística, traducción o pedagogía*

7. ¿Cuánto tiempo llevas estudiando español? *Llevo 3 años estudiando español.*

8. ¿Cuál es tu nivel de español aproximadamente?

9. ¿Cómo estudias español aparte de las clases?

10. ¿Cuáles son tus aficiones? ¿Qué te gusta hacer en tu tiempo libre?

Tus preguntas para él:

1. _____
2. _____

los valores, las costumbres	los rusos	los latinos
1. Pueden enfatizar más el trabajo duro y la disciplina.		
2. Pueden disfrutar de un tipo de humor más extrovertido y cariñoso.		
3. Pueden tener una visión más holística del valor de la vida.		
4. Priorizan la pasión y la alegría en la vida familiar.		
5. Pueden enfatizar la responsabilidad individual.		
6. Pueden ser menos activos en reuniones formales.		
7. Prefieren mantenerse más reservados.		
8. Tienden a hacer contacto físico.		
9. Pueden mostrar una mayor tolerancia a la diversidad cultural y social.		
10. Valoran más la responsabilidad colectiva y la solidaridad entre familias y comunidades.		
11. Valoran el respeto del espacio personal.		
12. Suelen saludar con un abrazo o un beso en la mejilla.		
13. Pueden ser más conservadores a la hora de aceptar la diversidad cultural y social.		
14. Suelen mantener la mirada directa al hablar.		
15. Mantienen menos distancia respecto a los demás.		
16. Prefieren un simple saludo formal.		
17. Ambas culturas valoran la familia, pero ellos pueden estar más centrados en la estabilidad familiar y la educación formal.		
18. Suelen tomar la palabra y expresar opiniones en reuniones formales.		
19. Pueden preferir un humor más sutil y observacional.		
20. Pueden mirar hacia abajo o inclinar la cabeza.		

Fig. 1. Speaking activities designed with the help of ChatGPT and aimed at using ChatGPT in class

Students are given the interview questions at the beginning of the class, and they have some time to deal with the question on their own in pairs or individually. These questions do not require the use of ChatGPT on the students' part (although it can be used). Time allocated for the preparatory part is about 10 minutes, upon expiration of which the guest speaker starts interaction with the audience addressing each person the same question and repeating it each time for each student (or for each small group). Such

repetition only seems to be monotonous, but its didactic value is undeniable, as students get accustomed to each question, hear each other's answers and, as a result, are gradually gaining their confidence in speaking Spanish. In other words, it helps to find that balance between highly organized practice and loosely controlled practice, and it also improves students' pronunciation skills as they have to hear the same question pronounced by the guest speaker multiple times.

Afterwards, students proceed to work in pairs and consider the statements. The statements on the topic "Values, Traditions and Customs" were prepared with the help of ChatGPT by the teacher. The procedure is explicit: the teacher creates a prompt for ChatGPT (e.g., generate a list of Spanish customs and traditions, etc.) and, based on the ChatGPT outcome, elaborates a list of statements by adjusting them to the students' level of Spanish.

Students were asked to relate the customs either to the Russian speaking community or to the Spanish speaking community and to justify their opinion. Preparation time was given to address the statements and to get ready with the answers; students were encouraged to use ChatGPT to formulate and write down their answer. Once the preparatory work is done, the guest speaker starts asking the groups' opinion randomly, and students are supposed to provide a full answer to the question.

Results and discussion

After testing the designed didactic material in the course of experimental learning, students were asked to share their opinion and attitude to the experience. Observations on the part of the teacher and the guest speaker were recorded as well.

Many students indicated that they felt more assured in their speaking skills after engaging with the guest speaker. The structured setting allowed them to practice without the fear of making mistakes.

Students valued the emphasis on cultural differences, particularly the significance of small talk in Spanish-speaking cultures. This helped them grasp the subtleties of communication and encouraged them to participate more openly.

The first part (the interview part) was designed as a warming-up activity, where questions are simple in terms of grammar and vocabulary and thus are easy to answer (e.g., How are you? What is your name? Where do you study?). This part helps students feel more confident about their language skills and get accustomed to communication with a native speaker, as any new surrounding (new people in class) is always an extra stress. Repeatedly hearing the same questions from the guest speaker enhanced their listening abilities. Students mentioned that hearing the pronunciation multiple times aided them in accurately mimicking the sounds.

Collaborating in pairs and small groups promoted a sense of teamwork. Students enjoyed discussing the topics of values, traditions, and customs, leading to engaging debates and exchanges of ideas.

As stated above, for the second part of the activity (where students work with statements) students were encouraged to use ChatGPT to come up with the full answer justifying their point of view. It is impossible to predict in which case a student might need to resort to ChatGPT support, as student needs are individual and depend on their level of Spanish; although in general it was noted that at

least in half of the cases students had to make use of ChatGPT. The option to use ChatGPT was positively evaluated. Students found it beneficial for crafting their responses to the statements, enabling them to articulate their thoughts more clearly during discussions.

Nearly all students actively engaged in the interview and subsequent discussions. The format encouraged even quieter students to participate, as they felt supported by their classmates. The chance to formulate their own questions for the guest speaker was particularly inspiring. Students appreciated this change in role and took it seriously, generating thoughtful and relevant questions. Students showed their ability to provide complete answers to the guest speaker's questions, demonstrating their understanding of the material and the context of the conversation.

To sum it up, teaching speaking with the help of ChatGPT can be organized in the following way: a teacher can make use of ChatGPT to create a list of questions and a list of statements for both activities; students can make use of ChatGPT in class as an extra tool to help them justify their point of view and create a well-structured and grammatically correct answer. This two-activity system can be used for teaching speaking in other languages, as ChatGPT is multilingual and can easily generate answers in German or French, for example.

Some points to be improved when using ChatGPT in class were also revealed. Some groups required more time to prepare their statements. Future classes could benefit from allocating additional time for this preparation to improve the quality of responses. While the discussion on values, traditions, and customs was engaging, students expressed interest in exploring other themes in future sessions, such as food, music, and holidays. Follow-up activities can be added, like writing reflections or creating presentations based on what they learned from the guest speaker and their peers.

Conclusion

The integration of ChatGPT in teaching oral expression skills significantly boosts student engagement and confidence, facilitating realistic conversations and personalized interactions, so students feel more empowered to express themselves and practice their speaking abilities without fear of judgment.

ChatGPT's ability to tailor conversations and feedback to individual student levels allows for effective learning across varied competencies. This adaptability ensures that all students, regardless of their prior knowledge, can engage with complex topics and develop their oral skills at their own pace.

A carefully designed didactic tool (speaking activities) that can balance the advantages of highly organized and loosely controlled practices stimulates debate and students' engagement in conversation, since grammar and vocabulary obstacles are at least partly eliminated.

References

1. Jaramillo, N. (2021) Leveraging asynchronous speaking tasks to promote willingness and confidence to speak in Spanish: A qualitative study. *Australasian Journal of Educational Technology*. 38 (2). pp. 1–14. doi: 10.14742/ajet.6657
2. She, L. & Sears, E. (2020) Teaching Spanish in the United States in the digital age: Strategies and approaches on teaching Spanish in online and hybrid classes. *Bellaterra Journal of Teaching & Learning Language & Literature*. 13 (2). Art. No. 838. doi: 10.5565/rev/jtl3.838

3. Castañeda, D.A. (2021) Improving Conversational Interactions with Task-Based Activities in a Spanish as a Second Language Class. *Computer Assisted Language Learning*. 34 (8). pp. 1154–1181. doi: 10.1080/09588221.2019.1666149
4. Pérez-Núñez, A. (2024) ChatGPT in Spanish language instruction: exploring AI-driven task generation and its implications for teaching practices. *Journal of Spanish Language Teaching*. 11 (1). pp. 61–82. doi: 10.1080/23247797.2024.2366053
5. García, O. & Alonso, L. (2021) Reconstituting U.S. Spanish language education: U.S. Latinx occupying classrooms. *Journal of Spanish Language Teaching*. 8 (2). pp. 114–128. doi: 10.1080/23247797.2021.2016230
6. Rahman, M.M. & Watanobe, Y. (2023) ChatGPT for education and research: Opportunities, threats, and strategies. *Applied Sciences*. 13 (9). Art. No. 5783. doi: 10.3390/app13095783
7. Sok, S. & Heng, K. (2023) ChatGPT for education and research: A review of benefits and risks. *Cambodian Journal of Educational Research*. 3 (1). pp. 110–121.
8. Arzyutova, S.N. (2023) ChatGPT using in english language teaching. *Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology*. 16. pp. 39–47. (In Russian). doi: 10.24412/2712-827X-2023-15-39-47
9. Adeshola, I. & Adepoju, A.P. (2024) The opportunities and challenges of ChatGPT in education. *Interactive Learning Environments*. 32 (10). pp. 6159–6172. doi: 10.1080/10494820.2023.2253858
10. Palomo Martín, M. (2024) *Talking with Machines: Exploring AI as a Tool to Improve the English Pronunciation of Spanish-Catalan Teenagers*.
11. Grassini, S. (2023) Shaping the Future of Education: Exploring the Potential and Consequences of AI and ChatGPT in Educational Settings. *Education Sciences*. 13 (7). Art. No. 692. doi: 10.3390/educsci13070692
12. Bayramova, B. (2023) Technology in teaching speaking. *Mirovaia nauka – World Science*. 5 (74). [Online] Available from: https://www.science-j.com/_files/ugd/b06fdc_629182edee49440ca7ad0abd75128066.pdf?index=true
13. Khojikulov, Sh.K. (2020) Principles of teaching speaking skills. *Problemy pedagogiki – Problems of Pedagogics*. 4 (49). pp. 19–20.
14. Kravtsova, A.G. (2023) ChatGPT-3: Perspectives of Application to Foreign Language Teaching. *Mir Nauki, Kulhury, Obrazovaniia*. 3 (100). pp. 33–35. (In Russian). doi: 10.24412/1991-5497-2023-3100-33-35

Information about the authors:

E.V. Shostak, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ekaterinavsh@yandex.ru

D. Arbildo Prieto, professor, Jilin International Studies University (Jilin, China). E-mail: diegoap12@hotmail.com; ORCID: 0000-0001-8030-7149

L.P. Khalyapina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: halyapina_lp@spbstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Шостак Е.В. – канд. пед. наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ekaterinavsh@yandex.ru

Арбильдо Прието Диего – преподаватель Цзилиньского университета иностранных языков (Цзилинь, Китай). E-mail: diegoap12@hotmail.com; ORCID: 0000-0001-8030-7149

Халыпина Л.П. – д-р пед. наук, профессор Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: halyapina_lp@spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 11.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.*

*Статья поступила в редакцию 28.10.2024;
одобрена после рецензирования 11.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 159.9.072; 343.9
doi: 10.17223/15617793/511/23

Криминальные технологии дистанционной радикализации молодежи в сети Интернет

Ильдар Шамилевич Галиев^{1, 2}, Вали Фатехович Енгальчев³, Екатерина Сергеевна Палеха⁴

¹ Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Казань, Россия

^{2, 4} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

³ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

^{1, 2} Ildar.Galiev@tatar.ru

³ valiyen@gmail.com

⁴ katerina.paleha@gmail.com

Аннотация. Анализируется проблематика методов дистанционной вербовки потенциальных адептов деструктивных сообществ радикальной направленности из числа молодежи в информационно-цифровой среде, главным образом в сети Интернет. Описываются предикторы социального контекста, ведущие к росту личностной напряженности и депрессивности, технологизация процессов продвижения контента по принципу рекомендательной базы и ассоциативных словесных связей.

Ключевые слова: информационно-цифровая среда, вербовка, криминальная радикализация, психологический профиль, предикторы террористической деятельности, личностное воздействие

Для цитирования: Галиев И.Ш., Енгальчев В.Ф., Палеха Е.С. Криминальные технологии дистанционной радикализации молодежи в сети Интернет // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 213–221. doi: 10.17223/15617793/511/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/23

Technologies of remote radicalization: Once again on personally oriented recruitment on the Internet

Ildar Sh. Galiev^{1, 2}, Vali F. Engalychev³, Ekaterina S. Palekha⁴

¹ Kazan Branch of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Kazan, Russian Federation

^{2, 4} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

³ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation

^{1, 2} Ildar.Galiev@tatar.ru

³ valiyen@gmail.com

⁴ katerina.paleha@gmail.com

Abstract. The article raises the issue of an in-depth study of the methods of remote recruitment of adherents of destructive communities of radical orientation among young people visiting social media. The article describes the predictors of the social context that lead to an increase in tension and depression, the technologization of content promotion processes based on the principle of a recommendation base and associative verbal connections. In these conditions, the authors find it particularly relevant to study specific verbal and non-verbal remote involvement in virtual destructive communities and radicalization of social network users, which became the goal of the study. It is also important to analyze the results of existing scientific studies on the methods of influencing consciousness for the purpose of radicalization, to consider these techniques in the socio-cultural context, which allows us to clarify the psychological profile of the vulnerability of an individual susceptible to radical recruitment. The material for the study was the content for 2020–2024, distributed within an open terrorist community on the VKontakte social network. In total, more than 1,500 publications of the group were analyzed. The following methods were used: analysis of theoretical literature, analysis and synthesis, comparison and generalization, logical and semantic analysis, elements of component analysis, discourse analysis, intent analysis. The community content was considered as a holistic information block that solved certain problems in stages. It was concluded that individual posts and articles published in the group were logically and consistently placed in the community and were aimed at implementing the function set by the publishers, which was generally aimed at influencing the user's consciousness. The successive stages of involving the subject in a new destructive ideology were identified and described – the stage of inciting interest and evaluation, the stage of personal selection, the stage of rebuilding, the stage of forming a new complex identity, the stage of legalizing and inciting violence. The basis for involvement is the concentric deepening of the dichotomy "we" – "they", the romanticization of criminal meanings, illogicality, poeticization and metaphoricality. As a result, the authors came to the conclusion that after a

certain time, at the level of semantics of new, introduced concepts, three types of identities – criminal, religious and terrorist – are consolidated, and an emotional-volitional readiness for destructive actions is formed.

Keywords: recruitment, radicalization, portrait, psycho-social characteristics, predictors of terrorist activity, personal impact

For citation: Galiev, I.Sh., Engalychev, V.F. & Palekha, E.S. (2025) Technologies of remote radicalization: Once again on personally oriented recruitment on the Internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 213–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/23

Введение

Современная ситуация в мире характеризуется развитием коммуникационных и нейросетевых технологий, глобальным переходом многих процессов жизнедеятельности человека в онлайн-среду. Так, согласно данным исследования, проведенного аналитической компанией IDC, объем мировых данных к 2025 г. увеличится в 10 раз по отношению к 2016 г. и составит 163 зеттабайт [1]. Изменилась информационная структура общества: прежде ограниченный список источников достоверной информации о мире и людях расширился до бесконечного числа интернет-изданий, блогов, каналов, каждый из которых выдает вольную интерпретацию фактов. Обычный пользователь, таким образом, оказывается в весьма непростой ситуации: получить достоверные данные и доступ к объективной картине мира весьма сложно, этот факт повышает общее тревожное состояние общества.

По данным Всемирной организации здравоохранения ООН, человечество столкнулось с глобальным ростом психических заболеваний, которое в СМИ окрестили «психиатрической катастрофой». Если в 2017 г. ВОЗ указывала, что психически больных в мире порядка 450 млн, то в 2022 г. данная цифра выросла до одного миллиарда. При этом нарушениями психического здоровья, по мнению авторитетных международных структур, страдает каждый пятый ребенок. Значительную часть выявляемых заболеваний составляют тревожные и депрессивные расстройства [2]. В обзоре нейropsychологических исследований, проведенном L. Wendelberg, была показана связь между состоянием экзистенциальной тревожности и риском формирования склонности к действиям террористической направленности [3].

Помимо роста уровня информационной неопределенности в мире, наблюдается увеличение деструктивного контента в социальных сетях, размещение которого зачастую имеет признаки целенаправленного воздействия на психику и может быть использовано для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность [4–6]. Иногда это сочетается с дистанционным изучением и оперативной разработкой конкретной личности, особенно если она имеет особую политическую, социально-психологическую и иную ценность [7].

Расширение сети Интернет и доступность средств коммуникации приблизило лиц, носителей радикальной идеологии, к потенциальным заказчикам/исполнителям, облегчило им задачу выбора собственной идентичности, групповой аффилиации и подходящей деструктивной идеологии, оправдывающей, развивающей, усиливающей или переориентирующей их внутренние разрушительные интенции и побуждающий к

совершению насильственных действий на практике. Вербовщики деструктивных сообществ, в свою очередь, получили невозможные ранее инструменты для кооперации, разработки и распространения вербовочного контента, дистанционного поиска, отбора и привлечения потенциальных участников, их мотивации, налаживания каналов связи между ними и под. В этой связи отметим характерное совпадение по временному периоду тенденций роста террористической активности: по данным исследования А.Н. Cordesman, в 1970 г. – 175 инцидентов, в 2013 г. – 170 350 [8].

В указанных условиях весьма актуальным становится изучение особенностей дистанционного вовлечения в виртуальные деструктивные сообщества и радикализации пользователей социальных сетей. Анализ результатов имеющихся научных исследований о методах воздействия на сознание в целях радикализации, рассмотрение этих приемов в социокультурном контексте позволят уточнить психологический профиль уязвимой личности, подверженной радикальной вербовке.

Вместе с тем стоит сделать оговорку. Как метко заметили в одной из работ С. McCauley, S. Moskalenko, «плохие идеи не похожи на “нюхательную соль”, вдохнув которую, человек обязательно произведет радикальные действия» [8, 9]. Иными словами, радикальность потребляемого контента, мышления и даже до определенной степени взглядов не однозначно определяет дальнейшее преступное поведение личности, однако указанные факторы в совокупности могут стать необходимым компонентом в случае наличия других составляющих, определяющих деструктивные паттерны личностного поведения.

По данным А.Э. Яшлавского, Андерс Брейвик (неонацист, организатор взрыва в Осло в 2011 г.) изучал праворадикальные идеологические материалы в сети Интернет самостоятельно и достаточно долгое время [10]. Однозначно судить о том, что потребляемый контент сформировал готовность к террористическим действиям нельзя, однако подобного рода информация могла бы стать сигналом для правоохранительных органов и социальных служб, будь она известна до трагедии.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил контент за 2020–2024 гг., распространяемый внутри открытого сообщества террористического толка в социальной сети «ВКонтакте». В общей сложности было проанализировано более 1500 публикаций группы. Были использованы методы анализа теоретической литературы, анализа и синтеза, сравнения и обобщения, логико-семантического анализа, элементы компонентного анализа, дискурс-анализ, интент-анализ и др.

Теоретическая изученность вопроса

Феномен вербовки в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет объектом исследования специалистов гуманитарных сфер знания стал не так давно. Предметом изучения отечественных психологов, к примеру, становятся личностные, психологические и социальные особенности лиц, на которых обращают внимание вербовщики. И.Б. Гайворонская, Т.Ф. Фомина, Б.А. Аманжолова и другие дают следующее обобщенное описание: «...не вполне самостоятельные индивиды, склонные к внушению, преимущественно подростки и студенческая молодежь, имеющие недостаточные знания религиозных текстов» [11]. Р.Л. Ахмедшиным, О.Ю. Ананьиным, А.А. Базулиной, А.В. Жулановым выделено несколько психологических типов, наиболее подверженных деструктивному влиянию радикальной направленности: «...либо замкнутые, либо амбициозные, нереализованные максималисты, чувствующие себя непонятыми, непризнанными, недооцененными; те, кто испытал острый или хронический стресс (конфликты, череду неудач, потерю близкого, развод родителей, тюремное заключение); легко внушаемые; молодежь, ищущая смысл жизни или авторитет для подражания» [12; 13. С. 293].

С.В. Пазухина предлагает группировать факторы-предикторы, формирующие те социально-психологические особенности, из-за которых молодые люди наиболее часто становятся объектом воздействия в деятельности, направленной на распространение экстремистской идеологии. Так, к индивидуально-психологическим особенностям отнесены следующие факторы: *когнитивные* – это сознательные представления, оправдывающие применение зла и насилия для достижения нужных вербующему целей; *эмоционально-волевые* – неотработанные эмоции обиды, унижения, нереализованные желания, состояние фрустрации, острое чувство непонятости, одиночества, покинутости и др.; *мотивационные* – бессознательные агрессивные установки, стереотипы агрессивного поведения [14].

О.Е. Беркович и коллеги процесс вербовки в диверсионно-разведывательные группы и террористические организации описывают через два важнейших механизма подавления воли вовлекаемого – это «формирование разбалансированности эмоционального состояния» и «снижение волевого контроля» [15].

Другая группа исследователей – А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, А.Д. Вильнин, Д.В. Чайковский – используют ресурс междисциплинарного подхода в изучении процесса онлайн-радикализации, фокусируются на группе молодежи, активно использующей социальные медиа [16]. Как оказалось, привлечение подписчиков, проявляющих активный интерес к информации о разрушительных действиях, а также о лицах, совершивших данные преступления, осуществляется по определенным алгоритмам, реализации которых спо-

собствует настроенный автоматически таргетинг социальных сетей, поддерживающий и лоббирующий однажды (возможно, случайно) проявленный интерес пользователя к асоциальному контенту по принципу ассоциативной выдачи новой порции условно похожей информации. Наиболее явно такое «нагнетение» выдачи подобного материала наблюдалось в так называемых группах смерти: проявлявших даже минимальный интерес к тематике суицида подростков мгновенно буквально «заваливали» текстовыми, видео- и фотовариациями на заданную тему, фактически создавая замкнутую сферу из однородного, крайне депрессивного контента, которая сама по себе вела потребителя к «желаемому» действию. При этом центром управления по выдаче контента должен быть признан искусственный интеллект.

В подобного рода открытых массовых группах используется принцип поэтапного вовлечения пользователей, проявляющих интерес к специфической тематике. Постепенно, шаг за шагом они оказываются читателями/зрителями контента более закрытых, частных сообществ. Для маршрутизации этого процесса используется технология ARG (alternative real games): субъекты пошагово вовлекаются в выполнение «игровых» заданий в реальной жизни, а финальное задание «игры-бродилки» может оказаться реальным суицидом или разрушительными действиями. Этот механизм в сленге вербовщиков имеет название «воронка вовлечения» и используется по аналогии с «воронкой продаж» в маркетинге.

Важным компонентом описываемых процессов является так называемый эффект Вертера, который приводит к кластерному суициду при публичном распространении детальной информации о способах и мотивах самоубийства. Поданная соответствующим образом информация расширяет круг потенциальных агрессоров за счет лиц, рассматривающих самоубийство как способ решения своих жизненных проблем.

Исследователи Р.О. Галиева и Е.С. Палеха рассмотрели совокупность интра- и экстра-факторов, формирующих деструктивное поведение радикального толка среди учащейся молодежи. К ним были отнесены: особенности личности, актуальная жизненная ситуация, образовательная среда, интернет-контентные предпочтения [17, 18].

В целом, большинство исследователей фиксируют высокую степень распространения и популярности шок-контента в группах, представляющих сторонников большинства насильственных идеологий (особенно в большом объеме встречается в пабликах «колумбайн», МКУ, ИГИЛ¹), что позволяет говорить о наличии соответствующего фильтра восприятия. Н. Дойдж, например, пишет о том, что центры удовольствия и боли могут установить нейронную связь в результате действия защитной реакции на регулярное воздействие болевых факторов, которые человек не мог нивелировать физически или избежать [19].

¹ Признаны террористическими и запрещены на территории Российской Федерации.

В результате человек испытывает приятные эмоции при просмотре кадров изуродованных тел, взрывов, картин смерти. Высокая частота обработки такого контента позволяет ему преодолеть порог социальных и личностных запретов на насилие. Кроме того, распространение шок-контента в группах с деструктивной идеологией может использоваться для привлечения в них лиц с уже сниженными способностями к эмпатии и дополнительного развития этой дисфункции, что облегчает процесс их вовлечения в насильственные действия.

Результаты исследования

На следующем этапе исследования нами было изучено одно открытое тематическое сообщество террористического толка в социальной сети «ВКонтакте». В целях недопущения популяризации идеологии деструктивных групп название паблика не указывается, цитаты приводятся в сокращенном виде и исключительно в научных целях. Целевая аудитория группы – лица в возрасте 14–30 лет, мужчины и женщины, испытывающие разрыв с реальностью, окружением.

Анализируемый контент рассматривался нами как целостный информационный блок, решающий определенные задачи поэтапно; отдельные посты и статьи, публикуемые в группе, логически последовательно размещались в сообществе и были направлены на реализацию заданной публикаторами функции, в целом направленной на оказание влияния на сознание пользователя.

Первичный тематический блок наиболее ранних по времени размещения сообщений был направлен на первоначальное привлечение лиц, имеющих определенный способ восприятия реальности и аддикции, – условно назовем этот блок этапом **пробуждения интереса и первичной диагностики**. Приоритет отдавался лицам, имевшим криминальный опыт, «тюремную» идентичность, а значит, и опыта противостояния закону, способности нарушения общественных норм, наличия несогласия с нормой и внутренних психологических конфликтов. Авторами сообщений использовался прием подстройки через: 1) создание «мы»-субъекта и 2) романтизацию мнимого общего прошлого (например: *«то, что мы творили на улице, было, и в самом деле, искусством»*; *«вы учили меня воровать, а я знал, что там, где вы учились, я преподавал»*; *«время недобродяг и разгульных девиц»* (здесь и далее курсивом выделены примеры-цитаты из публикаций сообщества во «ВКонтакте». – Авт.)). Словесный ряд находил подкрепление в невербальном сопровождении (фотоизображение погони полицейской машины за автомобилем «Лада»; фото молодых парней, сидящих на лестнице в позах и одеждах, ассоциирующихся с участием в организованных преступных группах 1990-х гг.).

На следующем этапе – этапе **личностного отбора** – актуализировался дополнительный смысловой паттерн, цепляющий лиц, у которых, в дополнение к криминальному прошлому, имеется один из типов личностной уязвимости человека (термин наш. – Авт.):

– актуальный внутренний психологический конфликт: *«под маской жесткого сарказма скрывается едва дыша давно уставшая от мира, и заглубившая душу»; «я проснулся, тонущий в боли, и не мог изменить исход, я снаружи казался веселым, а внутри был давно уже мертв»; «твое сердце – это сад. Выдерни в нем все цветы и засыпь в землю соль, чтобы там больше никогда ничего не выросло»; «запакуйте, я полностью разорван»;*

– низкая самооценка: *«да кому я вообще нужен»; «поистине, я знаю сотню благих качеств человека, ни одно из которых я не обнаруживаю в себе»;*

– убежденность в собственной ненужности, отверженности: *«таких как я, увы не любят, таких как я увы не ждут»;*

– наличие паттерна страдания от собственных агрессивных и депрессивных проявлений: *«ты не в состоянии остановить бурю, которая разыгралась в тебе»; «в душе пропало равновесие: ранним утром агрессия, ночью начинается депрессия»;*

– острое переживание грусти и одиночества: *«грусть пустила корни в сердце: маэстро, сыграйте что-нибудь печальное»; «прошу, не лезь в мое одиночество»; «лежу в своем саду, лежу совсем один, вокруг меня лишь мрак, вокруг одна лишь грусть»;*

– переживание недавнего разочарования: *«вы скоро утонете в своей зависти и лжи»; «от ваших сплетен... устал...»;*

– актуализированное чувство вины или стыда: *«я так устал от самого себя: грехам потерян счет»; «ты сам виновник своих мучительных страданий»; «не ставлю себя в пример, я сам для себя лицемер»;*

– жажда искренних отношений и невозможность получить их: *«дайте мне глоток искренности / вечно с улыбкой, но с погубившей душой»;*

– дезориентация в смысложизненном пути или утрата смысла жизни: *«сбит с толку»; «о Боже, что я делаю со своей жизнью»; «искал, но не нашел / я честно хотел видеть смысл»;*

– сниженная способность к эмпатии и враждебность к миру: *«ты грубый и недружелюбный, ты даже не здороваешься»; «нет у меня ни любви, ни нежности, ни чувств»;*

– суицидальное настроение: *«уже ничего не волнует... теперь потерял интерес... ведь гложет боль и скука... я тихо жду свой конец...»; «в следующем году меня скорее всего, тут не будет» и т.п.*

Отметим предпочтение, во-первых, поэтической форме выражения, очевидно, как наиболее суггестивно емкой, способной обойти логику восприятия, и, во-вторых, агрессивному визуальному сопровождению (лужи крови, пронзенные ножами черепа, силуэты людей на краях крыш высоких зданий и проч.).

Все указанные концепты эмоциональной уязвимости человека связываются с идеей противопоставления «я» субъекта миру, социуму, ближайшему окружению (например: *«простите, я не тот, кто вам нужен»; «я родился в ненужное время, в этой страшной, кровавой войне»*). Это противопоставление становится повторяющейся базой для той модели мира, которая создается авторами паблика.

На третьем этапе производилась *отстройка* от прежних криминальных взглядов в пользу новых – лучших, более «чистых», религиозных. Формирование новой идентичности осуществляется через смыслы, которые имеют не только эмоциональную компоненту, но и логическую:

- введение концепта «религия» в смысловое поле субъекта: *«наша религия – это честь, а мы оставили ее, ради чего? Ради бластной жизни и гангстеров?»*;

- критика прежнего образа жизни и намеков на необходимость перемен: *«пора менять маски, приятель, кто ты сегодня, лицемер или предатель?»*; *«я счастлив, я очень счастлив, я был кяфиром (пречист Аллаха)»*; *«новогоднее настроение осталось примерно перед гневом Аллаха и огнем ада»*; *«взгляни назад, и посмотри как ты живешь»*;

- подстройка под свойственную для криминального сознания ценность отношения к матери, усиленную религиозными аргументами: *«ты та – которая дала мне жизнь... все это твоя заслуга – мам / клянусь Аллахом братья, ценность матери очень велика»*; *«Аллах запретил вам непослушание, непочтение и черствость по отношению к вашим матерям»*;

- убеждение, что религия является единственным способом прекратить страдания: *«быть может, благодаря обращению к моему Господу я не буду несчастен»*; *«душевные раны залечить вы не в силах, обратись же к Нему, ведь он все слышит»*;

- создание новой, альтернативной, позитивной идентичности: *«кто раскаивается и поступает праведно, тот действительно возвращается к Аллаху»*; *«тут слова на ветер не пускают, смайл скрепленных мечей»*;

- введение концепта «возмездие» в загробном и реальном мирах: *«грехи – это раны, а множество ран приводят к смерти»*; *«ты хочешь спастись, но ты идешь не по пути спасения»*; *«распустились девочки, как сирени в саду / и будут они углями в аду»*; *«воистину Аллах примет покаяние человека, пока не наступит момент смерти»*;

- актуализация апокалиптических переживаний: *«Близится час Судного дня»*; *«закрой окно, закрой скорей! Я слышу стон, молись все!»*;

- введение идеи необходимости подчинения высшему авторитету: *«достаточный почет для тебя – то, что ты являешься Его рабом / и достаточный повод для гордости для тебя – то, что Он – твой Господь»*;

- убеждение в тотальности контроля за поведением: *«Аллах за всем следит, даже за черным муравьем на черной горе в черную безлунную ночь / Неужели ты думаешь, что Он оставит тебя без внимания»*;

- обещание награды за соблюдение религиозных предписаний: *«кто прослушает аят из книги Аллаха, это будет светом для него в Судный День»*;

- побуждение к исполнению религиозных обрядов: *«кладбища забиты могилами тех, кто говорил: завтра начну молиться... ты следующий?»*; *«совершай молитву, пока молитву не совершили над тобой»*;

- формирование чувства вины за неисполнение предписаний: *«и даже шайтана не вините в своих грехах, он лишь позвал, а вы повелись»*; *«подумай о своих*

грехах»; *«Аллах дал всем чистые сердца, не сберегли мы их от греха»*; *«когда вера ослабнет в сердцах, когда буду бояться молиться... пусть пули окажутся в наших телах, чем будут сердца в них испуганно биться»*;

- введение требований и моральных предписаний: *«закрывайте тела, а не профиль»*; *«соревнуйтесь же в благих деяниях»*; *«поистине мужчины, что на женщину глазеть стремятся, подобны псам, что вокруг мяса бродят и толпятся»*; *«каким бы грешником ты ни был – молись»*;

- мотивация на преодоление трудности на религиозном пути: *«пусть не печалят вас трудности, верующие, подумайте о тех, у кого есть все, но нет веры»*; *«пусть даже каменные горы расплавятся в огне сражений, но никакие в мире орды нас не поставят на колени»* и под.

Важно, что на этом этапе разделение мира на «мы»-группу, поддерживающую субъекта и его новые религиозные взгляды, и «они»-группу из прошлого окружения, тех, кто не разделяет взгляды субъекта, усиливается. Теперь авторы контента используют несколько взаимодополняющих смыслов, чтобы сформировать представление о новом окружении (ингруппе), например:

- имплицитное указание на необходимость разрушения прежних социальных связей, отдаление от общества под предлогом его безнравственности: *«не привыкай и не привязывайся к тому, с чем вскоре расстанешься, а привыкай и привязывайся к Тому, Кто всегда с тобой»*; *«терять людей – норма, главное себя не потерять»*; *«покидаю берег бесконечных истерик, где вы вращались, а я верил»*; *«зачем тебе толпа, если Аллах всегда рядом»*;

- ставка на разрушение прежних дружеских, романтических, семейных связей с лицами, не поддерживающими новые установки субъекта и его картину мира: *«где твои друзья, которым ты помог?»*; *«приискорбно, но факт – самую сильную боль нам причиняют те, кто нам дорог»*; *«удивительно, как кусок ткани на голове может сделать тебя врагом даже в глазах собственной семьи»*;

- обвинение аутгруппы в грехах и во враждебном отношении к целевому субъекту: *«мы займемся деяниями, которые они совершили, и обратим их в развешенный прах»*; *«поступки ваши, вернутся бумерангом»*;

- создание модели новых «своих» («семьи») или так называемая бомбардировка любовью за счет использования формы внутрисемейного обращения: *«родные подписчики, я люблю вас ради Аллаха»*; *«на улице холодно стало, теплых снов, солнышки»*; *«волшебных снов, братья и сестры»*;

- убеждение адресата в наличии безусловной эмоциональной поддержки в кругу новых «своих»: *«и поражениями твоими я буду гордиться на уровне побед»*;

- переориентация на доверительное или романтическое отношение только с лицами, придерживающимися аналогичных ценностей, в том числе в контексте совместного участия в вооруженных действиях: *«мы сотворили вас парами»*; *«Всевышний Аллах сказал: “вы сотворены парами”»*; *«вдвоем против всех и всегда»*; *«найди свою и успокойся»*.

Противопоставление нового и старого окружения доводится до уровня несогласия в ценностях, эмоциях, переживаниях, целях существования. Невербальный уровень ориентирован на создание положительного схлестывания с новой группой «своих» (используются эмодзи-сердечки, фотоизображения обнимающихся котят, пары из мужчины и женщины в закрытой религиозной одежде).

На следующем этапе новая религиозная идентичность получает **агрессивную маркированность** и **дополняется акцентом на важности враждебного** отношения к аутгруппе – всем другим, не поддерживающим религиозные взгляды. В этих целях используются следующие уровни семантизации:

- создание устойчивой ассоциации новой группы с понятиями физической силы, войны: *«и наилучшие из вас те, которые не пропускают молитвы»* (надпись на изображении рядов молящихся мужчин в военной форме);

- убеждение во враждебности окружающего мира и необходимости отвечать на агрессию агрессией: *«забудь то, что тебе говорили: среди хищников, будь лучшим из них и всегда бей первым, чтобы не били тебя»*; *«вся военная пропаганда, все крики, ложь и ненависть, исходят всегда от людей, которые на эту войну не пойдут»*;

- формирование запрета на открытое проявление гнева и перевод враждебности в аффективную форму: *«если гневаешься, то молчи»*; *«улыбаться, зная что твой мир рушится, это и есть талант»*; *«кто молчит, тот спасен»*.

Последняя группа утверждений выглядит алогичной с позиций общезыковой логики, однако воспринимается как афоризмы.

На следующем этапе дополненная враждебностью новая религиозная идентичность обогащается рядом установок, повышающих предрасположенность личности **к насильственному поведению**. Для этого на когнитивном и эмоциональном уровнях формируется система новых убеждений:

- в том, что вооруженный конфликт является единственным способом отстоять интересы: *«порой нет смысла говорить правду, каждый слышит то, что хочет слышать»* (фото подложки – люди с оружием в руках);

- вооруженные действия допустимы, когда совершаются во имя религии: *«когда есть поддержка Аллаха, можно справиться с любой проблемой»*; *«душу – Аллаху, жизнь – отечеству, честь – никому»* (фоновое изображение – вооруженные люди в военной форме на бронированных автомашинах пехоты);

- имеются прямые религиозные предписания, обязывающие участвовать целевого субъекта в насильственных действиях: *«мы покинули наши дома только ради того, чтобы распространить Шариат Аллаха»*; *«Только ты Аллах воин»*;

- физические страдания – норма на пути достижения высоких целей: *«вы не жаловались даже когда чеплюсть слетала»*; *«нет страха, нет боли, есть дух, есть мужество, есть сила воли»*; *«гори, чтобы светить»*;

- жизнь не имеет ценности, она – воля Всевышнего и инструмент достижения награды после смерти: *«не ищите счастье в мирской дунье, здесь его нет»*; *«не теряйся, мой брат, и знай, наша жизнь лишь стремление в рай»*;

- смерть – награда, освобождение от мирских страданий: *«скоро исчезну с концами, я просто странник, я скоро уйду»*; *«разрушительница наслаждений – смерть»*; *«душа покидает тело взамен обрета покой, подожди от силу немного и ты вернешься домой»*;

- каждый умерший во славу Всевышнего – герой: *«дождь поливал свинцовые семена, посеянные в мертвые тела»*; *«и те сердца, что пулями пробиты, в горах сверкают пламенным огнем / и пусть кому-то быть из нас убитым, но никому из нас не быть рабом»*; *«герой умирает однажды, а трус каждый день»*; *«я могу умереть, но я не смогу сломаться»* и под.

Визуальный ряд этого этапа становится еще более романтическим (дуло автомата, в которое воткнуты цветы) и военизированным (изображения солдат, оружия, поля брани).

Далее следует новый этап – **формирование новой сложной идентичности** с нужными Всевышнему и ингруппе качествами ради достижения индоктринируемых целей:

- волевые качества: *«мы падаем, чтобы встать снова»*; *«не даются тебе испытания, которые ты бы не выдержал»*;

- терпение по отношению к своим: *«ради Господа твоего будь терпелив»*; *«Всевышний посылает нам испытания, чтобы укреплялись, а не отчаивались»*;

- смелость, доходящая до бесстрашия, готовность к действию: *«мужчину ценят по его поступкам, которые говорят за него, а не по словам, которые бегут впереди него»*; *«скупой платит дважды, а трус – постоянно»*; *«будь горд и опасен, будь смел и прекрасен»*; *«пусть мужество не покинет нас, пока душа не покинет наше тело»*; *«докажи что нет трусости в твой породе»*; *«избавься от страха, будь подобен львам»*; *«героям рай, трусам ад»* и др.

Примечательно, что на этом этапе все чаще звучат альтернативные предписания вроде *«либо смоги, либо умри (смайл меч)»*, *«будем либо сиять, либо сгорим»*, *«нас называют ворами, убийцами террористами, но они не посмели назвать нас трусами»* – так проверяется готовность к реальному действию. Ключевым минус-концептом становится «трусость», которому противопоставляется набор описанных выше качеств новой личности: смелость, бесстрашие, воля, терпение к боли и страданиям. Таким образом на уровне семантики новых концептов происходит **консолидация трех типов идентичности** – криминальной, религиозной и террористической (первые две оформились уже на первых этапах, последняя присоединилась к ним по принципу сходства и на этом этапе называется, но пока косвенно, непрямо).

Затем следует этап **легализации/оправдания насилия как формы правды, силы, истины**. Так, его рекомендуется использовать:

- в бытовых ситуациях: *«если я увижу мужчину с моей женой, я разрублю его мечом без прощенья»*; *«однажды ты спросишь, что я люблю больше – тебя или ножи? И я отвечу – ножи. Ты уйдешь, правда, недалеко»*;

– при взаимодействии с людьми: «если я плохой, покажите мне хороших» (фоновая картинка: мужчина в маске джокера и с топором в руках);

– как оружие мести: «наши шрамы зацветут цветами не забудем кто это сделал с нами»; «все бумерангом, двуличные мрази»;

– как форма праведного возмездия: «пришло время заплатить за все ваши грехи, жестокое прикосновение закончит мир лжи».

На заключительном этапе ведется **явное и скрытое, прямое и косвенное побуждение к насилию** через:

– визуальную и смысловую подстройку под криминальную романтичную самоидентификацию: «порвана рана и с душой хулигана»; «запомни меня молодым, запомни меня горячим»;

– общую романтизацию вооруженных действий: «им не понять тот ветер, что веет в горах, мы вдыхаем свободу, а они чувствуют страх» (фоновое изображение – мужчина в арабской одежде с автоматом на прицеле); «ты стал быльем» (фоном – труп в военной машине);

– прямые и аллегорические призывы к насилию: «иди вперед и ничего не бойся»; «наступайте, наступайте» (фоном – говорящий по рации мужчина в балаклаве с автоматом в руках); «вставай герой, победным маршем по всей планете мы пройдем / самим Всевышним силой данной над миром меч мы пронесем» (фоном – вооруженные люди в военно-полевой форме, совершающие намаз).

Параллельно с двумя-тремя заключительными этапами начинает внедряться тематика из **политической повестки**. Постепенно формируются установки, повышающие predisposedness к **политически мотивированному протестному вооруженному насилию**. Средствами воздействия выступают:

– облигаторно негативный образ России и государственной власти: «утопаю среди лицемерия / бежать некуда» (фоном – карта территории Российской Федерации); «для каждого места есть нужное слово, для каждого Майдана есть достойный мужчина»;

– нивелирование страха перед представителями правопорядка и тюремным заключением: «золото не ржавеет в земле – воин не погибает в могиле» (фоном – изображение верующего, совершающего намаз, в земном поклоне перед группой сотрудников правоохранительных органов); «будь беспощаден к своему врагу, он, как и ты, дорогой воина идет»; «не страшны нам казематы, где предстоит нам медленно треть, и не спугнет нас количество ваше, мы берем вас всех духом и что же теперь?»;

– дискредитация представителей правоохранительных органов и внедрение идеи «плохих убивать можно»: «а кем вы себя возомнили? пустая серая душа, и просто биомасса» (фоном – рука с пистолетом, направленным в спину человека в полицейской форме);

– формирование убежденности неизбежности позитивных изменений в будущем: «сквозь мрак воссияет солнце / Человек получит только то, к чему он стремился»; «и богом нам вечный рай обещан, наш мир полнотой соткан из трещин».

На данном этапе романтическая аллегоричность, псевдологичная аргументативность, получает крайнее проявление и становится похожей на поэтический романтизм, например: «сквозь горы сияло нам солнце свободы»; «Волк слабее тигра, но волки в клетке не сидят».

Однако подобного рода контексты регулярно перемежаются с воинствующей апологетикой, описанной выше.

Проведенный анализ позволяет предположить использование описанных приемов информационно-психологического воздействия на русскоязычное население при активном участии внешних модераторов, регулирующих интенсивность и частоту деструктивных информационных потоков: базовый контент депрессивных групп (так называемых групп смерти) формировался за пределами России, одновременно и перекрестно продвигались группы, в контенте которых акцентировалась неприглядность отечественной глубинки, критиковались и обесценивались символы российской государственности, демонстрировались сцены насилия над сотрудниками российских правоохранительных органов, сопровождающиеся критическими, уничижительными или обесценивающими комментариями. Вероятно, данные свидетельства являются отражением непубличных целей и направлены на расширение негативного, враждебного отношения к стране в целом, фокусировку агрессии на силовиках, признание насильственных действий по отношению к ним прежде всего допустимыми, обоснованными и желательными.

Заключение

Деструктивно маркированный контент по-прежнему активно распространяется в информационно-цифровой среде и ориентирован на молодых людей с актуализированными переживаниями одиночества, отверженности, находящихся продолжительное время в подавленном состоянии из-за обострения внутриличностного или межличностного конфликта. Контент помогает усиливать депрессивные и фрустрационные тенденции в психике целевого субъекта. Депрессивная акцентуация накапливается, и ее фокус перенаправляется на внешние объекты (страна, органы власти, родственные связи), которым приписывается тотальная субъектно ориентированная враждебность, которая становится мотивирующей базой для разрушения и уничтожения. Для усиления эффекта и обхода критического мышления используются ссылки на религиозных авторитетов и цитаты из канонических исламских писаний, а также колоритный визуальный ряд.

Совмещение противоречивого текста и доброго, часто наполненного позитивными эмоциями визуального оформления преследует одну цель – обойти контроль критического мышления, создать прочные позитивные ассоциации с новой группой, новой идентичностью и оказать мягкое успокаивающее воздействие. В результате целевой субъект приходит к стадиям «привыкания», «принятия» и «подстройки»: восприятие насилия сменяется с привычно негативного сначала на нейтральное, затем – на новое положительное.

Такая подача параллельно решает и другую задачу: создатели и распространители материала избегают

прямых призывов к насилию, отсюда соотнести их действия с антиэкстремистским законодательством становится сложнее. Поэтому необходима разработка новых

правовых критериев оценки вовлечения в деструктивную деятельность, в том числе путем использования возможностей гуманитарной и судебной экспертизы [20].

Список источников

1. Объем данных всего мира к 2025 году увеличится в 10 раз к 2016. 28 мая 2019 г. // Aftershock: каким будет завтра. URL: <https://aftershock.news/?q=node/758635&full> (дата обращения: 09.09.2024).
2. Около одного миллиарда человек страдают психическими расстройствами. 17 июня 2022 г. // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426022> (дата обращения: 09.09.2024).
3. Wendelberg L. Brain and Body "Fingerprints" of Existential Anxiety and Their Relevance for the Identification of Potential Terrorists: A Research Note // *Perspectives on Terrorism*. 2020. Vol. 14, Is. 1. P. 39–53.
4. Палеха Е.С. Эволюция директивного дискурса: способы формирования агрессивной модальности // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. Т. 154, кн. 5. С. 179–188.
5. Палеха Е.С., Садыкова А.А. Комментарии пользователей социальных сетей: еще раз к вопросу об агрессивном тексте // *Филология и культура. Philology and culture*. 2018. № 2 (52). С. 98–101.
6. Палеха Е.С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 161, кн. 5–6. С. 117–126.
7. Енгальчев В.Ф. Дистанционная психодиагностика личности: история, методы, предмет // *Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* 2001. С. 99–101.
8. Cordesman A.H. *Global Trends in Terrorism: 1970–2016*. 2017. URL: https://csiswebsiteprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/publication/170828_global_terrorism_update_0.pdf (дата обращения: 09.09.2024).
9. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, № 3. P. 415–433. doi: 10.1080/09546550802073367
10. Яшлавский А.Э. Ультраправый терроризм на Западе в XXI в.: тенденции и особенности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 12. С. 5–14. doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-5-14
11. Ананьев И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 4. С. 152–165. doi: 10.17759/psylaw.2020100411
12. Ахмедшин Р.Л. Профилактика террористической активности: криминологический, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 197–204. doi: 10.17223/15617793/437/28
13. Ананьев И.Б., Бабулина А.А., Жуланов А.В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 5. С. 290–295. doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-290-295
14. Пазухина С.В. Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде // *Психология и право*. 2023. Т. 13, № 2. С. 206–223. doi: 10.17759/psylaw.2023130215
15. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Романова Д.М. Психологические особенности противодействия вербовке в диверсионно-разведывательные группы и террористические организации // *Актуальные вопросы права, экономики и управления : V Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием (Ульяновск, 21 апр. 2023 г.) / редкол.: Т.А. Макарова [и др.]. Чебоксары : ИД «Среда», 2023. С. 252–254.*
16. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 159–181. doi: 10.14515/monitoring.2020.3.1585
17. Палеха Е.С., Галиева Р.О. Психолингвистические маркеры религиозно-политических девиаций // *Альманах Казанского федерального университета. Психология девиантного поведения: междисциплинарные исследования и практика : сб. науч. тр. Первой междунар. науч. школы (Казань, 26–27 мая 2016 г.) / под ред. А.И. Ахметзяновой. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 45–50.*
18. Галиева Р.О., Палеха Е.С. Предпосылки радикализации и вовлечения учащейся молодежи в деятельность террористических организаций // *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 3(134). С. 108–114.
19. Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М. : Бомбора, 2024. 576 с.
20. Енгальчев В.Ф., Конева Е.В., Симонова С.В., Тарусина Н.Н. Значение гуманитарной экспертизы в юридической психологии и криминалистике // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 482. С. 244–251. doi: 10.17223/15617793/482/26

References

1. Aftershock. (2019) Ob'em dannykh vsego mira k 2025 godu uvelichitsya v 10 raz k 2016 [The volume of global data will increase 10-fold by 2025 compared to 2016]. *Aftershock*. 28 May. [Online] Available from: <https://aftershock.news/?q=node/758635&full> (Accessed: 09.09.2024).
2. Novosti OON [UN News]. Okolo odnogo milliarda chelovek stradayut psikhicheskimi rasstroystvami [About one billion people suffer from mental disorders]. *Novosti OON* [UN News]. 17 June. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426022> (Accessed: 09.09.2024).
3. Wendelberg, L. (2020) Brain and Body "Fingerprints" of Existential Anxiety and Their Relevance for the Identification of Potential Terrorists: A Research Note. *Perspectives on Terrorism*. 1 (14). pp. 39–53.
4. Palekha, E.S. (2012) Evolyutsiya direktivnogo diskursa: sposoby formirovaniya agressivnoy modal'nosti [Evolution of directive discourse: ways of forming aggressive modality]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5 (154). pp. 179–188.
5. Palekha, E.S. & Sadykova, A.A. (2018) Kommentarii pol'zovateley sotsial'nykh setey: eshche raz k voprosu ob agressivnom tekste [Comments of social network users: once again on the issue of aggressive text]. *Filologiya i kul'tura*. 2 (52). pp. 98–101.
6. Palekha, E.S. (2019) Lingvoekologiya kak faktor informatsionno-kommunikativnoy bezopasnosti v seti Internet [Lingvoecology as a Factor of Information and Communication Security on the Internet]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5–6 (161). pp. 117–126.
7. Engalychev, V.F. (2001) Distantcionnaya psikhodiagnostika lichnosti: istoriya, metody, predmet [Remote psychodiagnostics of personality: history, methods, subject]. In: *Sovremennye psikhotehnologii v obrazovanii, biznese, politike* [Modern Psychotechnologies in Education, Business, Politics]. Moscow: [s.n.]. pp. 99–101.
8. Cordesman, A.H. (2017) *Global Trends in Terrorism: 1970–2016*. [Online] Available from: https://csiswebsiteprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/publication/170828_global_terrorism_update_0.pdf (Accessed: 09.09.2024).
9. McCauley, C. & Moskalenko, S. (2008) Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. 3 (20). pp. 415–433. doi: 10.1080/09546550802073367
10. Yashlavskiy, A.E. (2020) Ul'trapravyy terrorizm na Zapade v XXI v.: tendentsii i osobennosti [Ultra-right terrorism in the West in the 21st century: trends and features]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 12 (64). pp. 5–14. doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-5-14

11. Gayvoronskaya, I.B., Fomina, T.F. & Amanzholova, B.A. (2020) Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii posredstvom seti Internet [Recruitment into extremist and terrorist organizations via the Internet]. *Psikhologiya i pravo*. 4 (10). pp. 152–165. doi: 10.17759/psylaw.2020100411
12. Akhmedshin, R.L. (2018) Prevention of terrorist activity: Criminological, criminal procedural and criminalistic aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 197–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/437/28
13. Anan'in, O.Yu., Bazulina, A.A. & Zhulanov, A.V. (2022) Verbovka molodezhi v terroristicheskie organizatsii posredstvom sotsial'nykh setey: problemy profilaktiki [Recruitment of young people into terrorist organizations through social networks: problems of prevention]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 5. pp. 290–295. doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-290-295
14. Pazukhina, S.V. (2023) Psikhologicheskie osnovy psikhologo-pedagogicheskoy profilaktiki ekstremizma i protestnogo povedeniya v molodezhnoy srede [Psychological foundations of psychological and pedagogical prevention of extremism and protest behavior among young people]. *Psikhologiya i pravo*. 2 (13). pp. 206–223. doi: 10.17759/psylaw.2023130215
15. Berkovich, O.E., Matreshina, E.B. & Romanova, D.M. (2023) [Psychological features of counteracting recruitment into sabotage and reconnaissance groups and terrorist organizations]. *Aktual'nye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya* [Current Issues of Law, Economics and Management]. Proceedings of the 5th All-Russian Conference. Ulyanovsk. 21 April 2023. Cheboksary: ID "Sreda". pp. 252–254. (In Russian).
16. Karpova, A.Yu. et al. (2020) Izucheniye protsessa onlayn-radikalizatsii molodezhi v sotsial'nykh media (mezhdistsiplinarnyy podkhod) [Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 159–181. doi: 10.14515/monitoring.2020.3.1585
17. Palekha, E.S. & Galieva, R.O. (2016) [Psycholinguistic markers of religious and political deviations]. *Al'manakh Kazanskogo federal'nogo universiteta. Psikhologiya deviantnogo povedeniya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya i praktika* [Almanac of Kazan Federal University. Psychology of deviant behavior: interdisciplinary research and practice]. Proceedings of the 1st International Research School. Kazan. 26–27 May 2016. Kazan: Kazan State University. pp. 45–50. (In Russian).
18. Galieva, R.O. & Palekha, E.S. (2019) Predposylki radikalizatsii i вовлечения uchashcheyshya molodezhi v deyatelnost' terroristicheskikh organizatsiy [Prerequisites for radicalization and involvement of student youth in the activities of terrorist organizations]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 3 (134). pp. 108–114.
19. Doidge, N. (2024) *Plastichnost' mozga. Potryasayushchie fakty o tom, kak mysli sposobny menyat' strukturu i funktsii nashego mozga* [The Brain That Changes Itself: Stories of Personal Triumph from the Frontiers of Brain Science]. Translated from English. Moscow: Bombora.
20. Engalychev, V.F. et al. (2022) The value of humanitarian expert appraisal in legal psychology and criminalistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 244–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/26

Информация об авторах:

Галиев И.Ш. – директор Казанского филиала Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Россия); младший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: Ildar.Galiev@tatar.ru

Енгальчев В.Ф. – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: valiyen@gmail.com

Палеха Е.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: katerina.paleha@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.Sh. Galiev, director, Kazan Branch of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research (Kazan, Russian Federation); junior research fellow, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Ildar.Galiev@tatar.ru

V.F. Engalychev, Dr. Sci. (Psychology), professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com

E.S. Palekha, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: katerina.paleha@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 12.12.2024;
approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/15617793/511/24

Современный взгляд на доктринальные межотраслевые понятия

Раиса Петровна Мананкова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Аннотация. Обосновывается методологическое значение межотраслевого понятия, его структурная и содержательная сущность. Анализируется содержание понятий «чрезвычайная ситуация» и «реквизиция», а также особенности динамики (необходимость доктринального обоснования и контроля за легальными понятиями). Классификация этих понятий, ранее исследовавшихся только применительно к частному праву, дополнена новыми критериями общего плана. Анализируется позиция дореволюционных классиков отечественной цивилистики о возможности ограничения или отмены принципа свободы договора.

Ключевые слова: дисбаланс, критерии, функция, свобода договора, классификация, динамика, экспертное заключение

Для цитирования: Мананкова Р.П. Современный взгляд на доктринальные межотраслевые понятия // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 222–228. doi: 10.17223/15617793/511/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/24

A modern view on doctrinal intersectoral concepts

Raisa P. Manankova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is primarily due to the imbalance between the traditional and Soviet legal structures and their manifestations. Convergence, understood as the interpenetration of public and private law, in turn necessarily entails the need for connecting tools. Intersectoral concepts are one of them. This article continues to explore the little-studied issues of intersectoral concepts. The main thesis is that the intersectoral concept is an element of the methodology of legal science. Its main functions were investigated earlier and are expressed in the following: it holds together the normative mass and actually reduces its volume. High-quality developments by industry scientists make it possible to update and enrich the legislative system. Especially important for practice is that the unity of opinions and positions of scientists on the main problems of law enforcement determines the stability and quality of current legislation, its effectiveness. The article substantiates the content of the intersectoral concept using the concepts of "emergency" and "requisition" as an example. They are more developed and suitable for theoretical plots. The dynamics of the intersectoral concept and its features are shown, in particular, the need for preliminary doctrinal justification and control over legal concepts. The defining role of the expert opinions of the Presidential Council for the Codification of Civil Legislation is emphasized, and it is recommended that the most important of them be included in the postgraduate training program as examples of scientific thought. The position of the Council on controversial projects on the joint will of the spouses and the inheritance agreement is analyzed in detail. Additional criteria for the classification of intersectoral concepts are proposed. The author expresses doubt about the need to get involved in legal technology to the detriment of conceptual research. The primary element is still the concept. For successful construction, including legal structures, optimal high-quality materials, i.e. concepts, are needed. It is a long process, and it is easier and faster to build a law from what we have. It is necessary to think over a program for attracting creative youth to conceptual issues. The article analyzes the situation in healthcare legislation and daily practice in connection with the upcoming significant changes in the law. Legal measures are recommended to improve documentation management in medical organizations, increase patient awareness, and strengthen control over the performance of duties. In addition, the article, in comparative terms, uses information from pre-revolutionary classics (G.F. Shershenevich, I.A. Pokrovsky) on the familiar problem of freedom of contract, the possibility of its restriction or cancellation.

Keywords: imbalance, criteria, function, freedom of contract, classification, dynamics, expert opinion

For citation: Manankova, R.P. (2025) A modern view on doctrinal intersectoral concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 222–228. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/24

Применяя закон, юристы реагируют на текст, особенно задумываясь о его происхождении. И это вполне

естественно: всему свое место и свое время. Текст нормативного акта – это результат творческой деятельности

сти. За терминами, адресованными любому правоприменителю, незримо стоит наука, в упрощенном виде называемая системой понятий. Термин обозначает понятие.

Понятие как философская категория, по мнению специалистов правовых наук – явно недооцененное явление. Тем не менее существует бесчисленное множество правовых отраслевых классификаций понятий. Особенно в этом плане отличились представители науки права социального обеспечения, в частности, В.С. Аракчеев [1. С. 55–57] и А.Л. Благодар [2. С. 605, 614].

В некоторых классификациях правовых понятий упоминаются и межотраслевые понятия. Но в имеющихся публикациях информации по существу мало, в основном исследуются частные проблемы. То есть, как теперь повелось, автор решает свою практическую задачу, например, как участник арбитражного процесса.

Актуализация малоизученной проблематики существующих правовых связей между отраслями происходит в медленном темпе. Информационная масса носит в основном фрагментарный характер. Оценки и выводы исследователей в значительной степени субъективны.

Взаимодействие отраслей прежде всего осуществляется через понятия. Отсюда и следует доктринальное определение межотраслевого понятия как понятия, используемого в двух и более отраслях права [3. С. 110]. Как видно в нем отражена только его служебная роль. В действительности же содержание этим признаком не исчерпывается. Межотраслевое понятие (МОП) представляет собой структурно и содержательно сложный правовой феномен. Как разновидность общенаучного понятия оно, прежде всего, должно отвечать общим требованиям.

Основной вклад в теорию познания внесен философами [4. С. 177]. Понятие как предмет исследования в диалектической логике рассматривается в двух значениях: как форма постижения сущности и как часть суждения. В словарях четко различаются и понятие, и его содержание; юристы, напротив, их отождествляют. Взаимопонимание, к сожалению, не просматривается.

В отечественной теории права основы философской науки о понятиях, разумеется, давно усвоены и получили развитие (С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, Н.И. Матузов, В.А. Патюлин и др.). Именно советским ученым принадлежит теория отраслевой структуры права, обеспечившая реализацию уникальной идеи и сохраняющаяся в сложных условиях дисбаланса с традиционной структурой права.

Реальный вклад в теорию познания и правоприменения внесли российские цивилисты и прежде всего коллектив под руководством А.Л. Маковского. Законопроектная деятельность известных ученых, отраженная в огромном количестве различного рода публикаций, дает возможность увидеть и оценить качество творческих изысканий, их высочайший теоретический уровень. Это позволяет утверждать, что цивилисты создали надежную, обоснованную теоретическую платформу для предстоящих научных исследований. Именно поэтому частноправовая доктрина в ее нынешнем состоянии способна восполнить явный пробел и в понимании роли межотраслевого понятия.

Если не усложнять изложение, то суть сводится к тому, что любое из простых понятий (работающих на одну отрасль), в принципе, может быть заимствовано другой отраслью. С момента внедрения (разумеется, в установленном законом порядке) это понятие и становится межотраслевым. А самое интересное заключается в неопределенности правового режима (или правовой природы?) этого нового понятия.

Первоочередные вопросы для исследователя – содержание понятия, его динамика, классификация и функции. О функциях МОП в тезисном варианте главное уже было сказано. Как элемент юридической методологии это понятие, несомненно, скрепляет нормативную массу и уменьшает ее объем; обеспечивает обновление и обогащение системы законодательства качественными разработками ученых-отраслевиков; единообразие теоретиков по ключевым вопросам обуславливает стабильность практики, хотя бы ради этого эффекта и стоит заниматься межотраслевыми правовыми понятиями. Главное, что для достижения этой цели есть все необходимые средства, из которых исходным всегда будет гражданское право, и закон, и доктрина. Здесь можно найти ответы на все вопросы, не отвлекаясь на второстепенные по значимости проблемы, в частности юридической техники.

На известном форуме только профессор МГИМО А.А. Малиновский четко сформулировал мысль о том, что наука, а не техника должна быть определяющей в законотворчестве (подробнее о форуме по проблемам юридической техники см.: [5]).

Тем не менее нормотворческая техника как предмет исследования после целевого форума привлекает все большее внимание. Теорией юридической техники и юридической технологии занимались и многие отечественные ученые, такие как С.С. Алексеев, В.М. Баранов, В.Н. Карташов, Т.Н. Радько, В.К. Бабаев, А.С. Пиголкин и др. В отраслевых науках наиболее активны специалисты в области уголовного права – К.А. Вознесенский, А.В. Иванчина, Л.Л. Кругликов и др.

О результатах творческого процесса судить сложно, не погружаясь в их суть. Из авторефератов видно разнообразие мнений по основному вопросу о понятии и содержании юридической техники. Из последних по времени публикаций отраслевиков достойной внимания представляется докторская диссертация А.А. Смирнова [6]. Предложена концепция трудовправовой техники нормотворчества, обозначена актуальность темы, дано «собирательное» понятие, объединяющее в себе четыре вида техники.

Все актуально, убедительно, но остаются сомнения в оценках самого явления увлечения юридической техникой на данном этапе. Первично все же понятие; для успешного строительства кроме умения строить нужны качественные стройматериалы: вырастить лес, создать новые товары. Это длительный процесс, легче и быстрее соорудить конструкцию из того, что есть. Как иногда и происходит, если иметь в виду известные проблемы несовершенства понятийно-категориального аппарата.

Объективно приоритет за понятиями, а не за строительными конструкциями законов. Тем не менее и в советское время, и сейчас вырисовывается одна и та же

задача – привлечение внимания к понятиям. Много и в разное время этими вопросами занимались известные советские цивилисты (Б.И. Пугинский, Д.Н. Сафиуллин и их ученики). Конечно, время существенно подкорректировало многие оценки и выводы. Мы уже не говорим о дефиците понятий, не критикуем оппонентов, приводя необдуманные аргументы и др. Сохранилось главное «юридическое богатство», «правовая ценность» (С.С. Алексеев). В данном случае речь идет о научном потенциале, накопленном за многие десятилетия. Не нужно искать сюжеты для диссертаций молодым ученым, компилировать несовместимые области знаний, по большому счету, заниматься наукообразием. Прежде всего важно освоить созданное предшественниками. Скорее всего, именно там хранятся ответы на многие вопросы нынешнего времени.

В работах отечественных классиков редко можно встретить пространную аргументацию, но тезисы, идеи, прогнозы изумляют точностью. Кстати, термин «межотраслевой» употреблялся тогда хотя и не часто, но более объемно. Он сопровождал не только «понятие», но и разные элементы структуры советского права. Сейчас в научном обиходе чаще говорят о междисциплинарности, по крайней мере, на словах.

Старый тезис «доктрина готовит норму» избавляет от необходимости убеждать во взаимосвязи легальных и доктринальных межотраслевых понятий. Для легализации определенного понятия необходимо пройти стадию его научного обоснования. В наше время распространены так называемые пояснительные записки к законопроектam; о качестве их содержания можно говорить отдельно. Другое дело – экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Эти документы необходимо включать в учебные планы аспирантов как образцы научной мысли.

Особый интерес представляет экспертное заключение по проекту ФЗ № 801269-6 «О внесении изменений в части совершенствования наследственного права (см.: [7]). Совет по кодификации дал отрицательное заключение и по этому, второму варианту законопроекта. Критике главных специалистов подверглись новеллы о совместном завещании супругов, предлагающие решительно порвать с многовековой традицией российского наследственного права, последовательно и принципиально не допускающего совместных завещаний. По этим же соображениям недопустимы и наследственные договоры. Вывод Совета: «проект нуждается в дополнительной глубокой и тщательной проработке его концепции. В случае концептуального обоснования необходимости основных новелл проекта, если оно получит широкую поддержку в обществе, в том числе в науке и в судебном сообществе, возможно вернуться к юридико-технической проработке согласованной системы норм, регулирующих данные новые институты» [7. С. 149].

Несмотря на отрицательное заключение Совета по кодификации, в текст ГК РФ все-таки внесли нормы о совместном завещании супругов и наследственном договоре (в редакции ФЗ № 217-ФЗ от 19.07.2018). Но и

этим дело не закончилось. Статью 1118 ГК РФ вновь отредактировали. С 1 июня 2019 г. Федеральным законом № 217-ФЗ п. 4 ст. 1118 излагается в новой редакции: «В завещании могут содержаться распоряжения только одного гражданина. Совершение завещания двумя или более гражданами не допускается». То есть сейчас по российскому закону супруги не могут составлять совместное завещание. Однако уцелела конструкция наследственного договора. Теперь в ГК РФ появилась новая ст. 1140-1 «Наследственный договор». Статья введена в действие с 1 июня 2019 г. ФЗ № 217-ФЗ от 19.07.2018. Содержание статьи отражено на двух страницах текста ГК, т.е. концептуально она, по-видимому, отработана. Можно предположить, что продолжение этой «саги» еще последует; но специалистам из других отраслей есть чему поучиться.

В масштабе юридической науки легализация доктринального понятия является большим событием, оптимальным вариантом результатов творческой деятельности ученого-юриста. Но и доктрина не исчезает, не превращается в закон, хотя, может быть, заметно и не проявляется, если даже не следят за судьбой новых понятий особо тщательно, как, например, за главой 22 Уголовного кодекса РФ.

В поле зрения специалистов, ученых и практиков это понятие все равно остается, проверяется на прочность, востребованность, эффективность и на другие характеристики.

В советское время существовала практика условно называемого «испытательного срока» для новых, существенно важных нормативных актов. Обычно в течение года со дня принятия выяснялась реакция на него практических работников, прежде всего судебного сообщества, кстати, с участием народных заседателей. В этой работе принимали непосредственное участие специалисты, в частности юридического факультета Томского университета, а также руководители партийных организаций. В результате появлялись постановления пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР. Отдельно оформлялись обобщения судебной практики по конкретным категориям дел.

Доктринальный контроль за состоянием легальных понятий, в принципе, должен их сопровождать всегда, а не только при возникновении. Изменение редакции действующего акта – это и есть динамика; исключение статьи или ее части, т.е. прекращение, завершает динамику.

Содержание любого понятия, в том числе межотраслевого, должно составлять его существенные признаки. В действительности все не так просто. В литературе приводится немало примеров нарушения этого требования; спорят и о понятии существенности, и о числе признаков, необходимых для полноценного понятия, о соразмерности правовых и неправовых элементов содержания. Аргументируется соответствующая позиция в первую очередь нарушением общепризнанных законов логики.

Сейчас в разгаре полемика о понятии и правовой природе чрезвычайной ситуации. До завершения дискуссии еще очень далеко. Тем не менее уже просматриваются достойные внимания законодателя и научной общественности разработки, выводы и предложения.

Из них убедительными представляются положения о пяти признаках чрезвычайной ситуации, о дефектах ее легального понятия, о квалификации законодательства о ЧС как особой комплексной отрасли законодательства инкорпоративного типа [8].

Межотраслевое понятие соединяет разные отрасли в любом сочетании, поэтому содержание его формируют существенные признаки, присущие каждой из них. Чрезвычайная ситуация пронизана административной сущностью; еще и по этой причине трудно и даже невозможно собрать все нормы в единое целое, т.е. в кодекс о чрезвычайных ситуациях. Приоритет административного законодательства очевиден. Гражданское право и провозглашено, и гарантируется, но с реализацией его все очень сложно. Центральный вопрос здесь – ответственность.

Межотраслевое понятие чрезвычайной ситуации отражают и Конституция РФ (ст. 35, 42, 53, 56), и нормы процессуального законодательства. По существу, эти положения характеризуют любое МОП.

Сходная ситуация наблюдается в нашей стране сейчас при исследовании несколько подзабытого явления – реквизиции. В силу ст. 242 ГК РФ «в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция)». Это – одна из наиболее доступных норм из множества правовых предписаний, характеризующих реквизицию. Межотраслевой характер подтверждается нормами ГК РФ, Земельного кодекса РФ, ФКЗ «О военном положении», ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ», ФКЗ «О чрезвычайном положении» и др.

Принудительное изъятие имущества возможно только в порядке и на условиях, установленных законом, и только за плату. Исследователи института реквизиции обосновали несовершенство законодательства и отсутствие надлежащего механизма реализации этих положений. Сформулирована основная задача – разработка специального закона о реквизиции и механизма его осуществления, а также способов защиты гражданских прав собственников (законных владельцев) изымаемого имущества. Предложены схема проекта ФКЗ «О реквизиции» и образцы необходимых документов [9]. Прошло 15 лет, но в ст. 242 ГК РФ не изменилась ни одна буква.

У каждого межотраслевого понятия своя история и своя судьба, но для обстоятельного исследования слишком мало информации. И все же уже можно утверждать, что должна быть выявлена потребность в конкретном понятии, причем на данном историческом отрезке времени. Отслужили, т.е. устарели, привычные советскому человеку понятия «спекулянт», «нетрудовой доход». Новые времена и новые условия отражаются в понятиях и терминах, не доступных миллионам рядовых обывателей из старшего поколения. На бытовом уровне это используется операторами связи, банками, торговыми организациями и выражается в массовых злоупотреблениях. Для решения повседневных

социальных вопросов нужны адекватные правовые меры. В частности, необходимо разработать комплекс нормативных актов разноотраслевого назначения, доступных любому гражданину.

Межотраслевое понятие как предмет исследования и как потенциальный элемент методологии юридической науки заслуживает тщательного анализа всех его граней. Одним из основных направлений представляется решение задачи систематизации многочисленных видов МОП. Именно классификация позволит конкретизировать и углубить сведения о сущности этой теоретической конструкции. Вопрос о критериях классификации правовых явлений отчасти ранее уже освещался. Исследовались только частнопроводные понятия, а в числе критериев возможной классификации были предложены отраслевая принадлежность, происхождение понятия и его служебная роль. Эти критерии вполне приемлемы и сейчас, но с определенными корректировками. В центре внимания теперь находится не простое, обслуживающее одну отрасль понятие, а структурно сложное – межотраслевое, и это необходимо обосновать, доказать.

Происхождение понятия означает такие его свойства как основной или производный, первичный, исходный или вторичный характер. Применительно к МОП ответ зависит от конкретного вида понятия. Притворная сделка, например, производна от сделки.

Служебная роль МОП в доктринальной стадии предполагает ее обоснование в произведении науки либо соответствующем документе (пояснительной записке, экспертном заключении и др.). После легализации доказывать уже ничего не требуется, легальное понятие презюмируется соответствующим всем требованиям и по форме, и по содержанию, и пригодным для выполнения своей служебной роли.

В числе критериев классификации МОП присутствует время, срок существования конкретного понятия. Вечный характер наследования не требует доказательств. Казалось бы, за многие века создана надежная теоретическая платформа, отработана универсальная модель законодательства. Но страсти кипят и по сей день; людям свойственно со временем забывать азы.

В солидном возрасте находится и понятие доли в праве. Теоретики и цивилисты повторяют одни и те же аргументы; в законодательстве сплошная фрагментарность. Между тем потребность в легализации этого понятия не только не снижается, а, наоборот, обостряется. В советское время эти вопросы в значительной степени волновали граждан – обладателей права личной собственности. Теперь к проблемам долевой собственности подключились все остальные субъекты частной собственности. Некоторые из них склонны решать имущественные затруднения по своему усмотрению, но не по закону.

Критерием классификации МОП может быть его смешанная структура. В отличие от упоминавшейся выше сложной, обусловленной присутствием нескольких отраслей права, здесь имеется в виду наличие в его содержании признаков неправовых. Типичный пример – понятие семьи, универсальная категория во всех правовых науках.

Но и за пределами права она широко используется во многих науках. Семью изучают философы, социологи, историки, демографы, этнографы, психологи и др. Их исследования, несомненно, обогащают, развивают представления об этом феномене. В правовой вариант понятия семьи, естественно, добавляются и неправовые признаки. Социологи, например, характеризуют семью как малую социальную группу (объединение, общность лиц, союз, малый коллектив).

Доктринальное понятие семьи в Белоруссии легализовали, уделив значительное место в структуре кодекса (КоБС, 1999 г.). У нас пока не доходит дело даже до законопроектов, хотя теория создана в советское время, много конкретных вариантов обсуждается в специальных изданиях по семейному праву.

Присутствие в межотраслевом понятии неправовых элементов легко обнаружить также в содержании многих норм ГК РФ, в подзаконных актах. В советском законодательстве огромное внимание уделялось хозяйственным договорам. Теория хозяйственно-договорного регулирования претворялась в законодательство усилиями не одних только юристов. Поставка, капитальное строительство, грузовая перевозка как основные правовые институты могли появиться только на прочном фундаменте базовых отраслей отечественной экономики. Поэтому отмечались и факты диктата, дисбаланса интересов активной стороны (поставщика, перевозчика, подрядчика) и контрагента. В юридическом обиходе это называлось просто: «закон пишет строитель, перевозчик...». И только в инструктивных указаниях Госарбитража СССР ситуацию «разруливали» более или менее удачно.

Ушло то время, но невидимая презумпция силы активной стороны никуда не исчезла. В публикациях коллектива А.Л. Маковского немало информации о воздействии заинтересованных субъектов на процесс законотворчества. Да и в действующем ГК РФ исследователи находят уязвимые места, заказные нормы в частности.

Разговор о критериях классификации межотраслевых понятий, по существу, только начинается. По мере познания сущности МОП открываются и новые грани. Например, на поверхности оказывается вопрос о его месте в системе других понятий.

Специалисты в области права социального обеспечения (А.Л. Благодир, С.Ю. Головина) уже давно заявили о несовершенстве и законодательных предписаний, и об уязвимых доктринальных понятиях. Более того, выявилась и все более обостряется проблема реализации многих положений действующего законодательства о здравоохранении. Не вдаваясь в общезвестные социальные подробности, есть основания беспокоиться о состоянии правового обеспечения. В дискуссиях о проблемах и перспективах отечественного здравоохранения сформировалась, по существу, конструкция очередной реформы. Суть ее – в создании особого законодательства; выведение медицинских услуг из-под действия Федерального закона «О защите прав потребителей»; стандартизации на федеральном уровне проектов договоров на оказание медицинских

услуг. В науке необходимо решить вопросы с понятийным аппаратом, а их – понятий – бесчисленное множество, противоречивых, неполных, весьма неудачных и спорных. Межотраслевой характер их чаще всего очевиден.

Отдельного внимания требует цивилистический аспект. Человек проходит многие больничные коридоры, структуры и практически везде должен ориентироваться, имея необходимый запас правовых знаний. Пациент должен понимать значение и, кстати, цену каждого звена в цепи назначенных процедур (обследование, консультация, анализы и др.). Иначе говоря, в будущем нормативном акте должен быть детально исполнен цивилистический блок. Цивилисты предложили конструкцию преддоговорного правоотношения (Т.В. Шепель, В.И. Бояринова). Актуальность этой стадии обусловлена распространенной практикой игнорирования формы, бесконтрольностью за исполнением обязанностей, недостаточной информированностью пациента.

Возвращаясь к вопросу о месте межотраслевых понятий в системе иных понятий (общих, общенаучных, общеправовых, внутриотраслевых и др.), определенно ответить пока нельзя. Кроме того что ощущается явный дефицит конкретных разработок, есть и другие причины. Главная из них – динамичность самой материи. Меняются времена, приходят и уходят и новые, и старые понятия. Можно только «сфотографировать» конкретный исторический этап и получить более или менее достоверные оценки.

Наше время интересно стремительным развитием науки частного права: пересмотром многовековых представлений о собственности, договорах, семье, наследовании. На первом месте стоит фундаментальное универсальное понятие договора. За многие века объективно создана необозримая картина представлений об этом феномене. Есть мнение, что вполне реально осуществить мечту о подготовке общей теории договора. Насколько это достижимо, увидят потомки.

Советские ученые внесли значительный вклад в теорию договорного регулирования. Представителям свердловской научной школы цивилистов принадлежит признанный приоритет. Развивая идею Фридриха Карла фон Савиньи об универсальности договора, О.А. Красавчиков определяет договор как правовой феномен, приобретающий известные специфические черты, которые отражаются и юридически закрепляются в нормах различных отраслей права, определяющих соответствующие компоненты договора, модели, его содержания, формы, порядка заключения, правовые последствия и т.д. [10. С. 8–9].

Универсальность договора сейчас не нужно подтверждать ссылками на отраслевые разработки [11. С. 31–33]. И вместе с тем договорная тематика в цивилистике была и остается основной. В плановой советской экономике роль договора была, по существу, второстепенной. Жизнь подтвердила недостаточную эффективность плановой системы и основных ее принципов.

Пришло новое время, возникла новая система общественных отношений, потребовались, по сути, рево-

люционные преобразования во всех сферах жизни. Известный ученый, разработчик проекта Гражданского кодекса С.А. Хохлов точно заметил, что Россия получила, по существу новое договорное право, очищенное от многолетних наслоений, оставшихся в законодательстве от административно-командного прошлого [12. С. 425].

В центре внимания теперь оказался принцип свободы договора. Уже много написано, подкорректировано, предложено в плане совершенствования новых норм. Однако после восторженных и во многом заслуженных оценок появились сомнения в безупречности выводов. Практика, как всегда, самый лучший контролер. Каковы пределы свободы договора, нужно ли ее ограничивать, в чьих интересах и т.д. – этим мы и занимаемся до сих пор; мы – это «весь свет» (Г.Ф. Шершеневич), электорат, говоря современным языком.

Есть смысл вспомнить выдающихся русских ученых, которым более ста лет назад пришлось заниматься теми же самыми проблемами. Тогда тоже после отмены крепостного права вместе с правом частной собственности была провозглашена свобода договора. И также на первом этапе – повышенное внимание к этому принципу, акцент на его роли. А далее то же, что и у нас, – аналогия с процессами, происходившими в конце XIX в., и сейчас. Трудно удержаться от цитирования вывода Г.Ф. Шершеневича: «Безграничная свобода договора, которая выставилась недавно как необходимое условие гражданского быта и основной принцип законодательной политики, в последнее время подвергается стеснениям под влиянием общественного интереса, внимания к слабейшей стороне» [13. С. 449].

Главный вывод о том, что свобода договора не может быть безграничной, легко переносится в наше время и на нашу почву. Ограничивать эту свободу необходимо, но по каким критериям? Безусловно, им является закон, это признавали и предшественники; но и они тогда не договорились о других критериях. Однако вопрос об отмене принципа свободы договора тоже обсуждался, но очень осторожно, в присущих тому времени изящных формулировках.

Внимание к слабейшей фактически стороне заставляет законодателя в последнее время отрицать юридическое значение за такими договорами, при заключении которых один контрагент воспользовался к неудовольствию другого, его нуждой, неопытностью, легкомыслием. Так поступило германское Уложение (параграф 138) [13. С. 449].

Нам еще надо научиться подобной дипломатии, чтобы так ответить на простой вопрос: торжество начала государственного вмешательства над безграничным индивидуализмом еще не настолько выяснилось, чтобы устранить принцип свободы договора.

Отменять принцип свободы договора по большому счету, никто не собирался и тогда, и сейчас. И.А. Покровский, классик отечественной цивилистики, писал в 1917 г.: «Вместе с началом частной собственности этот принцип служит одним из краеугольных камней всего современного гражданского строя. Уничтожение этого принципа означало бы полный паралич гражданской жизни, обречение ее на неподвижность» [14. С. 250, 275].

В какой мере эти мысли наших классиков отразятся на состоянии современной науки и законодательства, покажет будущее.

Список источников

1. Аракчеев В.С. Основопологающие понятия и категории права социального обеспечения Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2019. С. 55–57.
2. Благодир А.Л. Понятия и категории права социального обеспечения // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 8. С. 605–614.
3. Ткачев Н.И. Межотраслевые правовые понятия (методологический аспект). Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов : сб. науч. тр. Тверь, 1991.
4. Копнин П.В. Дialeктика как логика и теория познания. М., 1973.
5. Мананкова Р.П. О трансформации правовых явлений // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 229–230. doi: 10.17223/15617793/497/24
6. Смирнов А.А. Трудоправовая техника нормотворчества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 48 с.
7. Вестник гражданского права. 2016. Т. 16, № 2. С. 140–149.
8. Фролов А.И. Чрезвычайная ситуация: цивилистический аспект. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.
9. Афанасьева Е.Н. Реквизиция: гражданско-правовые проблемы. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 176 с.
10. Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции. Свердловск : УрГУ, 1980. С. 3–18.
11. Мананкова Р.П., Лебедев В.М. Трудовые сделки и гражданско-правовые договоры : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 36 с.
12. Хохлов С.А. Новое договорное право России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. М. : Междунар. центр финансово-экон. развития, 1998. С. 423–427.
13. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1911.
14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.

References

1. Arakcheev, V.S. (2019) Osnovopolagayushchie ponyatiya i kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya Rossiyskoy Federatsii [Fundamental concepts and categories of social security law of the Russian Federation]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–57.
2. Blagodir, A.L. (2012) Ponyatiya i kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya [Concepts and categories of social security law]. *Rossiyskiy ezhegodnik trudovogo prava*. 8. pp. 605–614.
3. Tkachev, N.I. (1991) Mezhotraslevye pravovye ponyatiya (metodologicheskii aspekt) [Intersectoral legal concepts (methodological aspect)]. In: *Ponyatinyy apparat nauki sovetskogo grazhdanskogo prava i protsesssa i terminologiya zakonodatel'nykh aktov* [Conceptual Apparatus of the Science of Soviet Civil Law and Procedure and Terminology of Legislative Acts]. Tver: Tver State University.
4. Kopnin, P.V. (1973) *Dialektika kak logika i teoriya poznaniya* [Dialectics as Logic and Theory of Knowledge]. Moscow: Nauka.
5. Manankova, R.P. (2023) On the transformation of legal phenomena. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 229–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/24

6. Smirnov, A.A. (2024) *Trudopravovaya tekhnika normotvorchestva* [Labor-law technique of rule-making]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. *Vestnik grazhdanskogo prava*. (2016) 2 (16). pp. 140–149.
8. Frolov, A.I. (2015) *Chrezvychaynaya situatsiya: tsivilisticheskiy aspekt* [Emergency Situation: Civilistic aspect]. Moscow: Yurlitinform.
9. Afanas'eva, E.N. (2009) *Rekvizitsiya: grazhdansko-pravovye problemy* [Requisition: Civil-law problems]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Krasavchikov, O.A. (1980) *Grazhdansko-pravovoy dogovor: ponyatie, sodержanie i funktsii* [Civil-law contract: concept, content and functions]. In: *Grazhdansko-pravovoy dogovor i ego funktsii* [Civil-law Contract and Its Functions]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 3–18.
11. Manankova, R.P. & Lebedev, V.M. (2009) *Trudovye sdelki i grazhdansko-pravovye dogovory* [Labor Transactions and Civil-Law Contracts]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Khokhlov, S.A. (1998) *Novoe dogovornoe pravo Rossii* [New contract law of Russia]. In: Makovskiy, A.L. (ed.) *Grazhdanskiy kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika* [Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice]. Moscow: Mezhdunar. tsentr finansovo-ekon. razvitiya. pp. 423–427.
13. Shershenevich, G.F. (1911) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. 9th ed. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh.
14. Pokrovskiy, I.A. (1998) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. Moscow: Statut.

Информация об авторе:

Мананкова Р.П. – д-р юрид. наук, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.P. Manankova, Dr. Sci. (Law), leading analyst, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.12.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.*

*The article was submitted 23.12.2024;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.*

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/511/25

Формирование экосистем преступных сообществ как следствие цифровой трансформации организованной преступной деятельности

Виталий Викторович Поляков¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, agupolyakov@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена эволюция организованных преступных групп под воздействием цифровых инноваций. Выявлено распространение организованных групп, построенных на основе сетевых принципов управления и специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступлений. Установлено формирование экосистем преступных сообществ, представляющих собой объединения автономных преступных групп, взаимодействующих посредством цифровых платформ в сети Даркнет. Проанализированы особенности и криминальные преимущества таких экосистем.

Ключевые слова: организованные преступные группы, теория экосистем, высокотехнологичные преступления, компьютерные преступления, цифровые платформы, цифровизация, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Поляков В.В. Формирование экосистем преступных сообществ как следствие цифровой трансформации организованной преступной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 229–236. doi: 10.17223/15617793/511/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/25

The formation of ecosystems of criminal groups due to the digital transformation of organized crime

Vitaly V. Polyakov¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, agupolyakov@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of digital transformation within organized criminal groups. This transformation results from the introduction of innovative digital technologies into criminal activities and is manifested in the formation of decentralized organizational structures for criminal groups based on network management principles. It is shown that the transition from traditional hierarchical structures to alternative structures based on network interaction among participants is primarily typical of criminal groups specializing in high-tech crimes. In practice, the evolution of organized criminal activity has led to the emergence of groups with complex symbiotic structures, characterized by a combination of network interaction among the group's structural elements while maintaining a hierarchical structure within its governing core. The factors characterizing criminal groups with decentralized mixed structures are described, including a higher level of self-organization, increased group stability, adaptability to external conditions, responsiveness in addressing emerging issues, and enhanced anonymization of participants. The phenomenon of forming a new organizational structure for criminal groups has been revealed. This form is most accurately described by the concept of an ecosystem of criminal communities. It is shown that ecosystems of criminal communities are network associations of autonomous criminal groups interacting with one another based on the principle of "Crime as a Service", similar to the interaction principles found in business ecosystems within the digital economy. The technological basis for these ecosystems consists of digital platforms created and operating on the Darknet, which represent a shadow information environment that unites network services, data, and digital resources, facilitating the joint activities of ecosystem participants. The formation of ecosystems of criminal communities appears to be a qualitatively new and dangerous phenomenon. The criminal advantages gained from this transformation include the ease of attracting resources through the development of a global network market for criminal services and products on the Darknet; the "division of labor" through the narrow specialization of autonomous groups entering into cooperative and collaborative relationships; access to advanced means for committing high-tech crimes through the commercialization of criminal innovations; the rapid incorporation of new participants; the ease of overcoming interregional and interstate borders to commit transnational criminal acts; a combination of globalization and glocalization factors; and a significant reduction in the risk of criminal prosecution due to maximum anonymization of participants. The article concludes that the formation of ecosystems of criminal communities is becoming the dominant trend in the evolution of modern organized crime.

Keywords: organized crime, ecosystem theory, high-tech crimes, computer crimes, digital platforms, digitalization, criminal justice

For citation: Polyakov, V.V. (2025) The formation of ecosystems of criminal groups due to the digital transformation of organized crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 229–236. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/25

Введение

Одним из следствий кардинальных изменений в информационной сфере, произошедших в 2000-е гг., стало появление качественно новых форм организации различных социальных и экономических систем [1]. Отличительная особенность этих форм заключается в формировании децентрализованной сетевой структуры управления, заменяющей традиционную вертикальную иерархическую структуру. Технологической основой для реализации сетевых принципов управления и взаимодействия стали глобальные информационные сети (прежде всего сеть Интернет), обеспечившие децентрализованный оперативный обмен информацией и эффективную интеграцию информационных ресурсов.

Переход к сетевой модели взаимодействия в социальных и экономических системах стал в последние годы доминирующей мировой тенденцией. Наиболее отчетливо этот переход наблюдается в современной цифровой экономике, проявившись в быстром распространении качественно новых форм организации бизнес-структур. Динамичными социальными группами, восприимчивыми к происходящим в экономической сфере общества изменениям, являются преступные сообщества. Как справедливо отметили В.Д. Ларичев и Т.В. Якушева, «наивно было бы полагать, что организованная преступность... в цифровую эпоху продолжит действовать традиционными способами и сохранит свою прежнюю структуру» [2. С. 84]

Для исследования закономерностей, характеризующих новые формы управления в социальных системах, плодотворной оказалась концепция экосистем. Понятие экосистемы, первоначально сформировавшееся в естественных науках, заняло прочное место в анализе тенденций развития современной цифровой экономики. Так, по мнению О.А. Зайцева и П.С. Пастухова, в цифровой экономике «фундаментальным элементом использования данных» являются экосистемы [3. С. 293]. Л.А. Раменская определяет экосистему как «совокупность автономных организаций, производящих взаимодополняющие компоненты ценности» без вертикальной интеграции, при этом внутри экосистемы происходит формирование «единой среды обмена информацией и ресурсами» [4. С. 20]. Важно отметить, что это понятие вошло в «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденную Указом Президента Российской Федерации, где экосистема цифровой экономики определяется как «партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие» на основе технологических платформ, интернет-сервисов, информационных систем»¹.

Понятие экосистемы в силу его научной широты и междисциплинарности в последние годы было успешно применено и в правовых исследованиях. Так, С.В. Зуев рассматривает уголовное судопроизводство с позиций социальной экологии как социальную экосистему [5. С. 186]. А.Б. Смушкин считает, что цифровая трансформация формирует «экосистему всего уголовного судопроизводства – от подачи заявления о совершении преступления... до судебного приговора» [6.

С. 243], включающую в себя криминалистический, уголовно-процессуальный и организационный блоки. Принципы построения экосистемы начального этапа уголовного судопроизводства рассмотрены в работе Л.Н. Масленниковой [7. С. 63].

Среди организованных преступных групп наиболее подготовленными к внедрению инновационных форм управления и взаимодействия оказались преступные сообщества, специализирующиеся на совершении высокотехнологичных преступлений [8] посредством использования специально разработанных программно-аппаратных средств [9] и применения информационно-коммуникационных сетей. В настоящее время можно говорить о том, что происходит цифровая трансформация таких преступных организаций. Эта трансформация выражается в качественных изменениях их внутренней структуры, способов управления и взаимодействия и детерминирована внедрением в криминальную деятельность передовых цифровых технологий.

Отражением происходящей цифровой трансформации выступает новое и опасное явление, которое может быть охарактеризовано как становление экосистем преступных сообществ. Структура экосистем преступных сообществ строится на принципах управления, сходных с бизнес-экосистемами и основанных на взаимодействии между участниками в соответствии с бизнес-моделью «преступление как услуга» («Crime-as-a-Service», модель CaaS) [10. Р. 147; 11], отражающей появление теневого рынка криминальных киберуслуг, функционирующего в соответствии с экономическими законами обычного рынка.

Интересно отметить, что одними из первых на формирование экосистем обратили внимание специалисты-практики, занимающиеся расследованием компьютерных инцидентов. Так, аналитики АО «Лаборатория Касперского» изучили деятельность преступных сообществ, совершавших вымогательство денежных средств у крупных корпораций с помощью вредоносных программ. Сделанный вывод заключался в том, что такие сообщества – «лишь верхушка айсберга», поскольку в совершении каждого преступления задействовано множество автономных организованных групп, оказывающих друг другу преступные услуги посредством сервисов сети Даркнет и формирующих, по мнению аналитиков, «сложные экосистемы» [12], построенные по принципу бизнес-структур. На становление экосистем также обращалось внимание в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. М. Chertoff М. и Т. Simon считают, что формирование в сети Даркнет скрытой экосистемы («the hidden ecosystem») «способствует пропаганде, вербовке, финансированию и планированию» киберпреступлений [13. Р. 5]. По мнению Р.И. Дремлюги и А.И. Коробеева, использование в криминальных целях сетевых платформ фактически поддерживает «экосистему для преступной деятельности» [14. С. 53].

Исследование цифровой трансформации организованных групп и преступных сообществ является сложной комплексной задачей, требующей привлечения теоретического аппарата всех наук криминального цикла.

В то же время специфика новых форм организованных преступных групп фактически остается не изученной. Представляется, что особая роль в решении этой задачи принадлежит криминалистике, являющейся, по выражению А.Н. Савенкова и Е.Р. Россинской, наукой «синтетической природы», интегрирующей «все новые достижения естественных, технических и гуманитарных наук» [15. С. 101].

В настоящей работе с криминалистических позиций рассматриваются понятие экосистем преступных сообществ, их структура, формирование и закономерности криминального функционирования.

Организованные преступные группы с сетевой структурой

Особенности преступных групп с традиционной внутренней структурой к настоящему времени изучены достаточно подробно [16, 17]. Классификация этих групп основывается на ст. 35 УК РФ и разъяснении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12². В случае организованных групп к отличительным признакам относят устойчивость состава и наличие руководителя, для преступных сообществ добавляется сложная иерархическая внутренняя структура, включающая вертикальное соподчинение и наличие различных структурных элементов (подразделений или организованных групп) при устойчивых связях между структурными элементами и едином руководстве всем сообществом, причем все эти признаки являются при квалификации оценочными. Такой подход был заложен и обоснован в XX в., его можно проиллюстрировать следующим образом: «С точки зрения структуры преступное сообщество представляет собой систему разноразмерных организаций, находящихся в строгой иерархической зависимости друг от друга, с устойчивой внутренней структурой и распорядком» [18. С. 298]. Можно сказать, что главной особенностью организованных преступных групп с традиционной структурой является вертикальная система управления со строго иерархическим характером. На практике в тех случаях, когда иерархическая структура не находила подтверждения, суд, как правило, исключал из предъявленного обвинения квалифицирующий признак «организованная группа». В качестве примера можно привести типичное судебное решение в отношении участников преступной группы, обвинявшихся в хищении денежных средств из банкоматов с помощью скимминговых устройств. В описательно-мотивировочной части приговора содержится следующее основание для изменения предъявленного обвинения: поскольку из доказательств и справки-меморандума не следовало, что «среди подсудимых была создана и содействовала строгой иерархической подчиненности»³, суд исключил указание на совершение преступления организованной группой.

Появившиеся в 2000-е гг. информационно-коммуникационные технологии привели к возникновению преступных групп, специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступных деяний [19].

В таких преступных группах стали использоваться инновационные формы управления, основанные не на иерархическом, а на альтернативном сетевом принципе. Эта трансформация была отмечена рядом исследователей. Так, А.Л. Осипенко обратил внимание на принципиальные отличия структуры этих групп от традиционных преступных формирований с иерархическим строением [20]. Для иллюстрации высокой общественной опасности такой эволюции можно указать быстрое формирование организованных групп с сетевой структурой, специализирующихся на распространении наркотических средств с помощью компьютерных технологий [21, 22]. В качестве типичного примера, подтверждающего распространение подобных преступных деяний, может быть приведено уголовное дело в отношении участников организованной преступной группы с сетевой структурой управления, занимавшейся незаконным оборотом наркотиков⁴. Распространение наркотических средств осуществлялось посредством сети Интернет без непосредственного контакта покупателей и продавцов, вырученные денежные средства поступали на виртуальные счета биржи криптовалют, при этом взаимодействие между соучастниками осуществлялось через анонимные мессенджеры.

Организованные преступные группы со смешанной структурой

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел позволил прийти к выводу, что на практике в трансформации организованных преступных групп в Российской Федерации доминирующим направлением стало формирование групп с достаточно сложной симбиотической структурой. Эта организационная структура характеризуется сочетанием сетевого взаимодействия между структурными частями группы (преступными подразделениями) с сохранением элементов иерархического управления для ее руководящего ядра.

Приведем конкретный пример формирования организованных групп со смешанной организационной структурой. Организованная преступная группа специализировалась на совершении преступлений, заключающихся в дистанционных хищениях денежных средств коммерческих банков⁵. Группа была создана неустановленными лицами, выступавшими под сетевыми псевдонимами, путем анонимного общения по информационной сети. С помощью вредоносных программ осуществлялся дистанционный сетевой доступ к управлению диспенсерами банкоматов, на которые подавались команды для выдачи наличных денег. Отдельные подразделения группы перемещались в районы расположения подвергшихся атаке банкоматов и забирали похищаемые денежные средства. Группа курьеров, специализировавшаяся на обороте средств платежа, забирала эти средства, обменивала их на чеки биржи криптовалюты «BTC-E» и передавала организаторам. Взаимодействие между структурными подразделениями осуществлялось исключительно дистанционно с помощью специальных программных средств, не допускавших идентификацию пользователей.

Правоохранительным органам удалось задержать руководителей и участников ряда подразделений и предъявить им обвинение по совокупности преступлений, подпадавших под ч. 4 ст. 159.6, ч. 3 ст. 272 и ч. 2 ст. 273 УК РФ. В описанном примере иерархическая структура отдельных групп и руководящего ядра сочеталась с сетевым характером взаимодействия между группами. Отметим также типичность того негативного обстоятельства, что организаторы преступной группы не были установлены.

Исследование судебно-следственной практики позволило выявить факторы, обеспечивающие криминальные преимущества организованных преступных групп с сетевой и смешанной структурой перед группами с иерархическим строением. К таким факторам могут быть отнесены:

- способность к самоорганизации, вследствие этого в зависимости от ситуации координирующим центром могут выступать структурные элементы, обладающие в конкретных условиях наибольшими ресурсами и возможностями;
- высокая устойчивость преступной группы в целом, связанная с децентрализацией управления и обеспечивающая быструю регенерацию после нейтрализации отдельных структурных элементов;
- повышенная адаптивность к меняющимся внешним условиям по сравнению с более «жесткой» иерархической структурой;
- оперативность в решении возникающих в процессе преступной деятельности задач за счет коммуникации по информационно-телекоммуникационным каналам;
- повышенная мотивированность участников как следствие добровольного участия в совершении преступления и легкости выхода из группы;
- высокая степень анонимизации входящих в преступную группу участников, достигаемая дистанционной формой контактов посредством информационно-телекоммуникационных сетей с привлечением специальных программно-аппаратных средств;
- снижение внутренних конфликтов вследствие дистанционного способа контактов, анонимности, добровольности выхода из группы и отсутствия иерархического неравенства.

Характерным примером, иллюстрирующим указанные преимущества, может служить следующее уголовное дело. Находившиеся в федеральном розыске лица посредством знакомства в сети Даркнет организовали преступное сообщество. С помощью специально разработанного вредоносного программного обеспечения они установили дистанционный контроль над компьютерными системами организаций, осуществлявших продажу железнодорожных билетов. Посредством неправомерного доступа к компьютерной информации за счет денежных средств этих организаций производилось оформление проездных документов на привлекаемых лиц, которые далее возвращали билеты в железнодорожные кассы, тем самым обналичивая похищенные средства. Через сайты в сети Даркнет в различных регионах Российской Федерации и ближнего зарубе-

жья формировались структурные подразделения сообщества, реализовывавшие данный способ хищения денежных средств. Связь между соучастниками поддерживалась с использованием кросс-платформенной системы мгновенного обмена сообщениями ICQ, при этом руководители структурных подразделений оставались анонимными друг для друга и для низших звеньев. Как установил суд, данное преступное сообщество претерпело спад активности вследствие ликвидации правоохранительными органами части структурных подразделений, однако затем «регенерировалось путем привлечения в свои ряды новых участников и возобновило криминальную деятельность в прежних масштабах»⁶.

Экосистемы преступных сообществ

Анализ эволюции преступных групп, специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступлений, позволил выявить новое явление – формирование экосистем преступных сообществ. Именно понятие экосистемы позволяет наиболее точно описать новую форму организационной структуры организованных преступных групп, возникшую в условиях глобальной цифровой трансформации. При этом точно так же, как в цифровой экономике иерархические корпорации уступают дорогу «экономике, чья деятельность организована через платформы и экосистемы» [23. С. 462], так и традиционные иерархические преступные сообщества уступают место более эффективным объединениям, осуществляющим преступную деятельность путем формирования экосистем.

Полагаем, что основные отличительные признаки экосистем преступных сообществ заключаются в следующем:

1. Экосистемы преступных сообществ представляют из себя сетевые объединения автономных преступных групп, взаимодействующих в рамках экосистемы на основе принципа «преступление как услуга».
2. Технологической основой функционирования экосистем преступных сообществ служат цифровые платформы, создаваемые в сети Даркнет, являющейся теневым сегментом сети Интернет. Такие цифровые платформы представляют из себя информационную среду, объединяющую сетевые сервисы, услуги, информационные данные, цифровые ресурсы и предоставляющую техническую возможность для совместной деятельности автономных групп, входящих в экосистему.

Представляется, что именно появление цифровых платформ в сети Даркнет вызвало качественный скачок в организации высокотехнологичной преступной деятельности преступных сообществ. М. Chertoff и Т. Simon отмечали, что скрывая в сети Даркнет экосистема с безопасной цифровой платформой обеспечивает неотслеживаемую инфраструктуру, используемую для огромного количества незаконных действий [13. Р. 6]. Можно сказать, что формирование этих платформ привело к своеобразной «капитализации» преступного потенциала сети Даркнет. В силу этого пред-

ставляются совершенно обоснованным мнением о целесообразности криминализации создания и использования подобных платформ в преступных целях [2. С. 96] и о выделении подобной деятельности в качестве самостоятельного состава преступлений [14. С. 54].

В качестве примера экосистем преступных сообществ можно привести транснациональные преступные организации, которые специализировались на вымогательстве денежных средств у производственных и финансовых корпораций, осуществляя дистанционное шифрование содержащейся в компьютерах информации и требуя затем выкупа за ее восстановление. Согласно данным аналитической службы «Лаборатория Касперского», состав участников экосистем включал в себя такие автономные преступные группы, как разработчики вредоносного программного обеспечения; продавцы парольно-кодовой информации, обеспечивавшей доступ к объекту преступного посягательства; владельцы бот-сетей, собиравших данные о жертве; «упаковщики», обеспечивавшие вредоносной программе защиту от обнаружения; группы, занимавшиеся обналачиванием выплаченного в виде криптовалюты выкупа [12]. Взаимодействие между участниками внутри экосистемы поддерживалось в сети Даркнет через цифровые платформы анонимно и на условиях оплаты за оказанные преступные услуги.

Формирование экосистем преступных сообществ, специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступлений, вызывает синергетический эффект, приводящий к значительным криминальным преимуществам. Полагаем, что эти преимущества заключаются в следующем.

1. *Легкость привлечения ресурсного обеспечения преступной деятельности.* Возникновение экосистем преступных сообществ фактически означает развитие в сети Даркнет глобального сетевого рынка преступных услуг, таких как заказ вредоносного программного обеспечения, и незаконно созданных продуктов, например конфиденциальной информации о юридических или физических лицах. Использование ресурсов этого сетевого рынка достигается с помощью сервисов Даркнет [24], что позволяет существенно снизить высокие затраты на подготовку высокотехнологичных преступлений и тем самым повысить криминальную эффективность преступной деятельности.

2. *«Разделение труда» между участниками экосистемы.* Такое «разделение труда», вообще говоря, возможно и в преступных организациях с традиционной структурой [25. С. 12], однако в экосистеме оно выступает в наиболее законченном виде как узкая специализация автономных преступных групп, объединенных более сложными отношениями кооперации и коллаборации.

3. *Доступ к новейшим цифровым средствам совершения преступлений.* Можно утверждать, что экосистемы преступных сообществ обеспечивают быструю и эффективную коммерциализацию преступных инноваций. Присоединение к цифровой платформе позволяет организованной преступной группе получить доступ к новейшим разработкам программных и программно-аппаратных средств, используемых при совершении высокотехнологичных преступлений.

4. *Возможности быстрого расширения.* Инкорпорация новых участников преступного сообщества достигается за счет возможностей, предоставляемых сетью Даркнет, и осуществляется с обеспечением анонимности привлекаемых участников. Отметим, что с помощью цифровых платформ преступные группы ведут активную рекламу своей деятельности для привлечения новых участников, а также предоставляемых преступных услуг и продуктов аналогично тому, как это делают обычные коммерческие организации.

5. *Легкость преодоления межрегиональных и межгосударственных границ.* Для экосистем преступных сообществ характерна географическая диверсификация преступной деятельности, основанная на специфике функционирования цифровых платформ в сети Даркнет и проявляющаяся в распространении преступных посягательств, осуществляемых транснациональными преступными группами, на разные регионы и государства. В качестве примера указанных особенностей можно привести следующее достаточно типичное уголовное дело. В. на цифровой платформе интернет-биржи программистов с территории Королевства Таиланд заказывал через обезличенные разовые аккаунты вредоносное программное обеспечение, реализующее несанкционированное копирование парольно-кодовой информации от серверов юридических лиц⁷. Получаемая информация распространялась заказчиком через сайт, сервер которого был расположен в России, при этом сама вредоносная программа функционировала за счет соединения с дата-центром хостинговой компании в США. Администрирование интернет-ресурсов проводилось через компании, расположенные в Германии, а для оплаты использовалась система электронных платежей WebMoney с идентификатором, зарегистрированным на гражданина Республики Узбекистан. Можно сказать, что наличие межгосударственных границ практически не сказывается на осуществлении подобной преступной деятельности, однако оно создает труднопреодолимые барьеры для законной деятельности правоохранительных органов.

6. *Сочетание факторов глобализации и глокализации преступной деятельности.* Географическая диверсификация ускоряет процессы глобализации организованной преступной деятельности, происходящие под воздействием цифровых инноваций. В то же время выход на международные преступные рынки региональных преступных сообществ, специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступлений, существенно повышает роль нового фактора, практически не изученного науками криминального цикла. Таким фактором является глокализация преступной деятельности, выражающаяся в усилении ее локальных (государственных, региональных и иных) особенностей [10]. В экосистемах преступных сообществ происходит объединение и взаимодополнение одновременно протекающих процессов глобализации и глокализации, что создает дополнительные конкурентные преимущества.

7. *Снижение риска уголовного преследования.* В экосистемах преступных сообществ достигается максимальная анонимизация участников, при которой

остаются лично не знакомыми даже руководители автономных преступных групп, входящих в экосистему. Для повышения законспирированности привлекаются дополнительные способы противодействия возможному расследованию, например, безопасность экосистемы повышается путем исключения преступных посягательств в зоне юрисдикции государства, являющегося местом основной дислокации сообщества.

Приведенные факторы, обеспечивающие существенные преимущества новой формы организационной структуры преступных групп, позволяют объяснить причины быстрого становления экосистем преступных сообществ.

Развитие уголовного законодательства в целях противодействия современной организованной преступной деятельности

Организованные группы и преступные сообщества, построенные на сетевых принципах взаимодействия и управления, не полностью соответствуют тем признакам, которыми характеризуются традиционные преступные группы с иерархической структурой. Можно сказать, что они не укладываются в рамки сложившихся правовых представлений, исходящих из требований строгого иерархического соподчинения, устойчивости состава и связей между участниками, единого руководства. В то же время принципиально важно то, что такие группы продолжают оставаться организованными формированиями, только приобретшими иные качества. Более того, в силу существенных криминальных преимуществ они способны не менее, а более эффективно осуществлять высокотехнологичную преступную деятельность и тем самым представляют более серьезную общественную опасность.

Полагаем, что для приведения уголовного законодательства в соответствие с новыми формами организованной преступности из действующих уголовно-правовых норм целесообразно исключить избыточные признаки, сужающие возможность привлечения к уголовной ответственности участников организованных преступных групп с сетевой структурой или объединенных в экосистемы преступных сообществ. Такие предложения уже высказывались отечественными учеными. Так, В.С. Овчинский считает, что «в условиях цифрового мира с всеобщей телекоммуникационной

связанностью, вероятно, пора отказаться в определении ОПГ от признака непосредственной связи и личного взаимодействия участников ОПГ» [26. С. 204].

Отметим, что имеются и позитивные примеры адекватного реагирования Законодателя на происходящие изменения, прежде всего – затрагивающие сферу национальной безопасности. Именно, возросшие угрозы от террористической деятельности в определенной степени связаны с тем обстоятельством, что в структуре террористических групп наблюдается переход от иерархического к сетевому принципу [27. С. 80]. Оперативный учет данного обстоятельства проведен в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, в которой дано определение террористического сообщества без указания на признаки его структурированности.

Заключение

Начавшаяся в 2000-е гг. глобальная цифровизация привела к появлению организованных преступных групп, построенных на основе сетевых принципов управления и взаимодействия и в силу этого обладающих конкурентными преимуществами по сравнению с преступными группами с традиционной структурой. В последние годы произошла дальнейшая цифровая трансформация организованной преступной деятельности, проявляющаяся в таком качественно новом явлении, как формирование экосистем преступных сообществ. Это явление означает становление и развитие наиболее высокоорганизованных и опасных форм преступных организаций, специализирующихся на совершении высокотехнологичных преступлений и имеющих межрегиональный и транснациональный характер.

Можно полагать, что данная тенденция в трансформации организованной преступной деятельности в ближайшие десятилетия станет доминирующей в Российской Федерации и других высокоразвитых странах. В связи с этим представляется, что в исследованиях современной организованной преступности *назрел перенос центра внимания на новые явления, проявляющиеся в быстром становлении новых форм организованных групп и преступных сообществ. Такие исследования призваны стать надежной теоретической базой для разработки практических рекомендаций, предназначенных для правоохранительных органов и направленных на эффективное противодействие высокотехнологичной преступной деятельности.*

Примечания

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203). Ч. 4. Пункт с). URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf>

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Верховный суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/33243/> (дата обращения: 24.10.2024).

³ См.: Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбург № 1-22/2014 1-523/2013 от 17.06.2014 по делу № 1-22/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JOWYYTmt8u51/> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ См.: Уголовное дело № 1-12/2016 // Архив Центрального районного суда г. Кемерово.

⁵ См.: Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-681/2019 от 26.08.2019 по делу № 1-1462/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8jIATe7oVfNK/> (дата обращения: 16.01.2024).

⁶ См.: Приговор Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-41/2016 1-501/2015 от 02.02.2016 по делу № 1-41/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VKr2k6rRHcot/> (дата обращения: 16.01.2024).

⁷ См.: Уголовное дело № 1-222/2016 // Архив Советского районного суда г. Владивостока.

Список источников

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Инземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505.
2. Ларичев В.Д., Якушева Т.В. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного урегулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 82–99. doi: 10.12737/jrp.2023.031
3. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308. doi: 10.17072/1995-4190-2022-56-281-308.
4. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 16–27.
5. Зуев С.В. Уголовное судопроизводство как цифровая социальная экосистема // Университетские правовые диалоги «Право и экология» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 25–26 марта 2021 г. Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та (нац. исслед. ун-та), 2021. С. 186–189.
6. Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 242–247. doi: 10.17223/15617793/488/26
7. Масленникова Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 52–65. doi: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065
8. Поляков В.В. Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4. С. 151–162. doi: 10.55001/2587-9820.2023.19.44.015
9. Поляков В.В. Тенденции развития средств совершения высокотехнологичных преступлений // Информационное право. 2023. № 4 (78). С. 26–28. doi: 10.55291/1999-480X-2023-4-26-28
10. Lavorgna A., Antonopoulos G.A. Criminal markets and networks in Cyberspace // Trends Organ Crime. 2022. Vol. 25, Is. 2. P. 145–150. doi: 10.1007/s12117-022-09450-5
11. Третьяков Г.М. Модель «преступление как услуга» в системе способов совершения преступлений с использованием компьютерной техники и информационных технологий // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов : сб. науч. ст. Гродно : ГрГУ, 2024. С. 267–270.
12. Безверщенко Л., Галов Д., Квятковски И. Шифровальщики: кто, как и зачем использует их в 2021 году // АО «Лаборатория Касперского». URL: <https://securelist.ru/ransomware-world-in-2021/101425/> (дата обращения: 24.10.2024).
13. Chertoff M., Simon T. The Impact of the Dark Web on Internet Governance and Cyber Security. Centre for International Governance Innovation and Chatham House, 2015. No. 6. February 2015. 8. p. URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/gcig_paper_no6.pdf
14. Дремлюга Р.И., Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия платформизации преступной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 47–56. doi: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56
15. Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110. doi: 10.31857/S102694520025650-6
16. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. 172 с.
17. Скуратов Ю.И., Глазкова Л.В., Грудинин Н.С., Незнамова А.А. Развитие организованной преступности в России: системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 638–648. doi: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).638-648
18. Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1989. 352 с.
19. Поляков В.В. Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 117–126. doi: 10.34076/20713797_2023_1_117
20. Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 10–16.
21. Глушков Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 45–53. doi: 10.21681/2226-0692-2019-1-54-60
22. Давыдов С.И., Кондратьев М.В., Поляков В.В. Противодействие транснациональным организованным группам, использующим информационно-коммуникационные технологии для незаконного сбыта наркотических средств // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 1. С. 111–120. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).111-120
23. Захаров В.Я., Дустинов О.В., Фролов В.Г., Новиков А.В. Управление экосистемой: механизмы интеграции компаний в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6, № 4. С. 453–468. doi: 10.18334/lim.6.4.41197
24. Beshiri A.S., Susuri A. Dark Web and Its Impact in Online Anonymity and Privacy: A Critical Analysis and Review // Journal of Computer and Communications. 2019. Vol. 7, № 3. P. 30–43.
25. Воронин Ю.А. Анализ феномена организованной преступности в России: криминологические аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 1. С. 12–18. doi: 10.14529/law170102
26. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира : учебник. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2018. 352 с.
27. Петров В.И. Основные тенденции современного терроризма в условиях глобализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 24 (96). С. 78–82.

References

1. Castells, M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [Formation of a Society of Network Structures]. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [New Post-Industrial Wave in the West. Anthology]. Moscow: Academia. pp. 494–505.
2. Larichev, V.D. & Yakusheva, T.V. (2023) Organizovannaya prestupnost' i kiberprestupnost': voprosy sootnosheniya i zakonodatel'nogo uregulirovaniya [Organized Crime and Cybercrime: Issues of Relationship and Legislative Regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3 (27). pp. 82–99. doi: 10.12737/jrp.2023.031
3. Zaytsev, O.A. & Pastukhov, P.S. (2022) Tsifrovoy profil' litsa kak element informatsionno-tehnologicheskoy strategii rassledovaniya prestupleniy [Digital Facial Profile as an Element of an Information Technology Strategy for Crime Investigation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 56. pp. 281–308. doi: 10.17072/1995-4190-2022-56-281-308
4. Ramenskaya, L.A. (2020) Primenenie kontseptsii ekosistem v ekonomiko-upravlencheskikh issledovaniyakh [Application of the ecosystem concept in economic and managerial research]. *Upravlenets*. 4 (11). pp. 16–27.
5. Zuev, S.V. (2021) [Criminal proceedings as a digital social ecosystem]. *Universitetskie pravovye dialogi "Pravo i ekologiya"* [University Legal Dialogues "Law and Ecology"]. Proceedings of the International Conference. Chelyabinsk. 25–26 March 2021. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 186–189. (In Russian).
6. Smushkin, A.B. (2023) On the ecosystem of the preliminary investigation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 242–247. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/26
7. Maslennikova, L.N. (2020) Kontseptual'nyy podkhod k postroeniyu ugovovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [Conceptual approach to the construction of criminal proceedings ensuring access to justice in the

- context of the development of digital technologies]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)*. 10 (74). pp. 52–65. doi: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065
8. Polyakov, V.V. (2023) Ponyatie "vysokotekhnologichnye prestupleniya" v kriminalistike [The concept of "high-tech crimes" in forensic science]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. 4. pp. 151–162. doi: 10.55001/2587-9820.2023.19.44.015
 9. Polyakov, V.V. (2023) Tendentsii razvitiya sredstv soversheniya vysokotekhnologichnykh prestupleniy [Trends in the development of means of committing high-tech crimes]. *Informatsionnoe pravo*. 4 (78). pp. 26–28. doi: 10.55291/1999-480X-2023-4-26-28
 10. Lavorgna, A., & Antonopoulos, G.A. (2022) Criminal markets and networks in Cyberspace. *Trends Organ Crime*. 2 (25). pp. 145–150. doi: 10.1007/s12117-022-09450-5
 11. Tret'yakov, G.M. (2024) Model' "prestuplenie kak ushuga" v sisteme sposobov soversheniya prestupleniy s ispol'zovaniem komp'yuternoy tekhniki i informatsionnykh tekhnologiy [The "crime as a service" model in the system of methods for committing crimes using computer equipment and information technologies]. In: *Aktual'nye problemy razvitiya pravovykh institutov v kontekste global'nykh vyzovov* [Current Problems of Development of Legal Institutions in the Context of Global Challenges]. Grodno: Grodno State University. pp. 267–270.
 12. Bezvershenko, L., Galov, D. & Kvyatkovski, I. (2021) Shifroval'shchiki: kto, kak i zachem ispol'zuet ikh v 2021 godu [Ransomware: who, how, and why uses it in 2021]. *Securelist by Kaspersky*. [Online] Available from: <https://securelist.ru/ransomware-world-in-2021/101425/> (Accessed: 24.10.2024).
 13. Chertoff, M. & Simon, T. (2015) The Impact of the Dark Web on Internet Governance and Cyber Security. *Centre for International Governance Innovation and Chatham House*. 6. [Online] Available from: https://www.cigionline.org/sites/default/files/gcig_paper_no6.pdf.
 14. Dremlyuga, R.I. & Korobeev, A.I. (2022) Uголовно-правовая политика v sfere protivodeystviya platformizatsii prestupnoy deyatel'nosti [Criminal legal policy in the sphere of counteracting the platformization of criminal activity]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 1 (16). pp. 47–56. doi: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56
 15. Savenkov, A.N. & Rossinskaya, E.R. (2023) Vektor razvitiya kriminalisticheskoy nauki v usloviyakh global'noy tsifrovizatsii [Vector of development of forensic science in the context of global digitalization]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 100–110. doi: 10.31857/S102694520025650-6
 16. Yablokov, N.P. (2002) *Rassledovanie organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti* [Investigation of Organized Criminal Activity]. Moscow: Yurist.
 17. Skuratov, Yu.I. et al. (2016) Razvitie organizovannoy prestupnosti v Rossii: sistemnyy analiz [Development of organized crime in Russia: systems analysis]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 4 (10). pp. 638–648. doi: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).638-648
 18. Dolgova, A.I. & D'yakov, S.V. (eds) (1989) *Organizovannaya prestupnost'* [Organized Crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
 19. Polyakov, V.V. (2023) Gruppovaya forma soversheniya prestupleniy kak odin iz priznakov vysokotekhnologichnoy prestupnosti [Group form of committing crimes as one of the features of high-tech crime]. *Rossiyskiy yuridicheskii zhurnal*. 1 (148). pp. 117–126. doi: 10.34076/20713797_2023_1_117
 20. Osipenko, A.L. (2012) Organizovannaya prestupnost' v seti Internet [Organized Crime on the Internet]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 3. pp. 10–16.
 21. Glushkov, E.L. (2018) Sbyt narkoticheskikh sredstv beskontaktnym sposobom posredstvom seti Internet: puti vyyavleniya i raskrytiya [Contactless sale of narcotics via the Internet: ways of detection and disclosure]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti*. 2. pp. 45–53. doi: 10.21681/2226-0692-2019-1-54-60
 22. Davydov, S.I., Kondrat'ev, M.V. & Polyakov, V.V. (2024) Protivodeystvie transnatsional'nym organizovannym gruppam, ispol'zuyushchim informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii dlya nezakonno sbyta narkoticheskikh sredstv [Counteracting transnational organized groups using information and communication technologies for the illegal sale of narcotic drugs]. *Pravoprimenenie*. 1 (8). pp. 111–120. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).111-120
 23. Zakharov, V.Ya. et al. (2019) Upravlenie ekosistemoy: mekhanizmy integratsii kompaniy v sootvetstvi s kontseptsiey "Industriya 4.0" [Ecosystem management: mechanisms for integrating companies in accordance with the Industry 4.0 concept]. *Liderstvo i menedzhment*. 4 (6). pp. 453–468. doi: 10.18334/lm.6.4.41197
 24. Beshiri, A.S. & Susuri, A. (2019) Dark Web and its impact in online anonymity and privacy: a critical analysis and review. *Journal of Computer and Communications*. 3 (7). pp. 30–43.
 25. Voronin, Yu.A. (2017) Analiz fenomena organizovannoy prestupnosti v Rossii: kriminologicheskie aspekty [Analysis of the phenomenon of organized crime in Russia: criminological aspects]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 1 (17). pp. 12–18. doi: 10.14529/law170102
 26. Ovchinskiy, V.S. (2018) *Kriminologiya tsifrovogo mira* [Criminology of the Digital World]. Moscow: Norma; INFRA-M.
 27. Petrov, V.I. (2007) Osnovnye tendentsii sovremennogo terrorizma v usloviyakh globalizatsii [Main trends of modern terrorism in the context of globalization]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 24 (96). pp. 78–82.

Информация об авторе:

Поляков В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: agupolyakov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Polyakov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: agupolyakov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 06.01.2025;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/511/26

Алгоритм построения допрашивающим последовательности задаваемых вопросов

Алена Сергеевна Скоревич¹

¹ Независимый исследователь, Томск, Россия, skorevich.a.s@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются способы организации тактической составляющей производства коммуникативных следственных действий. Выводы базируются на результатах исследования зависимости между тактическим воздействием (стимул) допрашивающего и изменением состояния психологических параметров личности (реакция) допрашиваемого. Анализируются полученные результаты в рамках типологического подхода. Разработанные тактические приемы базируются на склонности лица следовать формальному ритуализованному общению вне зависимости от уровня правосознания, криминализированности и других особенностей личности.

Ключевые слова: тактические приёмы, коммуникативные следственные действия, личность допрашивающего, последовательность

Для цитирования: Скоревич А.С. Алгоритм построения допрашивающим последовательности задаваемых вопросов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 237–241. doi: 10.17223/15617793/511/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/26

Algorithm for constructing a sequence of questions by the interrogator

Alyona S. Skorevich¹

¹ Independent researcher, Tomsk, Russian Federation, skorevich.a.s@mail.ru

Abstract. The article reveals a set of problems of theoretical and applied orientation, inherent in the tactical optimization of the most common investigative action – interrogation. The range of problems affects the methodological, historical, tactical and forensic aspects. The subject of the study was the features of the analytical activity of the investigator during the investigative action of interrogation. The conclusions obtained by the author are based on the results of the study of the relationship between the tactical impact (stimulus) of the interrogator and the change in the state of psychological parameters of the personality (reaction) of the interrogated. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, the systemic-structural method. The special scientific methods of observation and expert assessment were also employed. The article received the following conclusions. By the time the question is voiced, a fragment of associative connections in the configuration necessary for discussing the question has already been formed in the interrogator's mind. At the same time, for the interrogated person, the actualization of information necessary for discussing the question begins only after the question has been heard. A monosyllabic answer occurs in about half of all observations. This is probably due to the fact that in an interrogation setting, if the interrogated person can simply answer "yes" or "no", that is exactly what they will do. This is a clear example of the "simple answer to a simple question" rule in action. Conversely, a composite answer occurs six times more often when formulating additional questions. Additional questions should be directly related to the main topic of discussion and also initiate the activity and interest of the person being interrogated based on observations made during the interrogation. Usually, empathic listening is associated with empathy for the feelings of the interlocutor. However, given the procedural status of interpersonal interaction during interrogation, it can be difficult to implement such a recommendation. The best way to concentrate on the testimony may be to repeat the speech of the person being interrogated to oneself. This way, the information is absorbed better, listening is continuous and attentive, and there is no desire to interrupt the interlocutor. The disadvantages include a decrease in the criticality of information perception. In general, the result of the study was the conclusion that social synchronization mechanisms are activated through the "mirror neuron system". Therefore, the interrogated are inclined to follow formal ritualized communication, regardless of the level of legal awareness, criminality and other personality traits.

Keywords: tactical techniques, communicative investigative actions, personality of interrogator, sequence

For citation: Skorevich, A.S. (2025) Algorithm for constructing a sequence of questions by the interrogator. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 237–241. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/26

Вербальная коммуникация на допросе представляет собой содержательную составляющую данного следственного действия.

Построение очередного речевого высказывания в диалоге основано на реплике собеседника. «Особенностью межличностного общения при допросе выступает

исходящая от следователя инициатива» [1. С. 11]. Он должен задавать вопросы таким образом, чтобы получить достоверную исчерпывающую информацию, имеющую значение для расследования преступления.

Подготовительный этап к производству допроса включает в себя составление примерного плана действий. В зависимости от уровня личностной организованности допрашивающего этот этап имеет широкий диапазон реализации: от изучения материалов уголовного дела с составлением письменного перечня вопросов до самонадеянной убежденности в умении ориентироваться «по ходу следственного действия».

В любом случае, прежде чем начать задавать вопросы, допрашивающему необходимо припомнить известные ему сведения о произошедшем. «В нейрофизиологической основе представлений лежат цепи ассоциаций, т.е. закономерная связь между отдельными событиями, фактами, предметами или явлениями, отраженными в сознании» [2. С. 133]. Актуализированные в сознании фрагменты ассоциативных связей выстраивают «особый внутренний план речевого мышления, опосредствующий динамическое отношение между мыслью и словом» [3. С. 329]. Конфигурация актуализированных фрагментов зависит от того, какой информацией допрашивающий располагает к определенному моменту времени, от его профессионального опыта, стиля мышления и иных личностных особенностей. «Нейрофизиологическая активность различна на этапах подготовки к произнесению устного сообщения и его озвучивания» [4. Р. 871]. Чем больше времени было затрачено на подготовку, тем более сложной по строению будет конфигурация ассоциативной сети.

В свою очередь, допрашиваемый, придя в кабинет правоохранительных органов, вероятно, понимает, в связи с чем он был вызван на допрос. В его сознании также актуализируются фрагменты ассоциативных связей известной ему информации о произошедшем

событии преступления. Очевидно, что конфигурации ассоциативных связей допрашивающего и допрашиваемого не идентичны. От того, насколько они схожи по строению, помимо прочего, зависит полнота и достоверность показаний. Принципиальным в коммуникации является то, что к моменту озвучивания вопроса в сознании допрашивающего уже сформирован фрагмент ассоциативных связей в такой конфигурации, которая необходима для обсуждения данного вопроса. В то же время для допрашиваемого актуализация информации необходимой для обсуждения заданного вопроса начинается только после того, как вопрос был услышан.

Построение очередности задаваемых вопросов имеет определяющее значение в алгоритмизации коммуникативной деятельности допрашивающего. Проведенное эмпирическое исследование позволяет определить зависимость между тактическим воздействием (стимул) допрашивающего и изменением состояния психологических параметров личности (реакция) допрашиваемого. Тактическая характеристика воздействия в данной части исследования состоит в очередности задаваемых вопросов. Сбор данных осуществлялся посредством наблюдения во время присутствия на допросах в следственных отделах Следственного комитета города Томска (табл. 1). Общее количество наблюдений, сделанных на 59 допросах – 9 506. Наблюдения фиксировались в виде шифров для последующей статистической обработки данных.

Полный ответ встречался в среднем в 17% наблюдений. Чаще всего полный ответ встречался при ответе на уточняющие вопросы (43%). Это в 2,5 раза больше средней вероятности получения полного ответа. Не так часто полный ответ был дан при ответах на дублирующие (26,7%) и первоначальные вопросы (20,9%), реже всего – в ответах на вопросы повторные (7%) и дополнительные (2,3%).

Таблица 1

Реакции допрашиваемого на очередность задаваемых вопросов

		6.3.1	6.3.2	6.3.3	6.3.4	6.3.5	%	6.3.1	6.3.2	6.3.3	6.3.4	6.3.5
17.1	86	18	6	23	37	2		20,9	7	26,7	43	2,3
17.2	3	1	0	2	0	0		33,3	0	66,7	0	0
17.3	58	13	2	11	31	1		22,4	3,4	19	53,4	1,7
17.4	6	2	0	0	4	0		33,3	0	0	66,7	0
17.5	20	6	0	6	7	1		30	0	30	35	5
17.6	13	2	0	2	9	0		15,4	0	15,4	69,2	0
17.7	2	1	0	0	0	1		50	0	0	0	50
17.8	5	0	0	1	3	1		0	0	20	60	20
17.9	47	11	2	12	20	2		23,4	4,3	25,5	42,6	4,3
17.10	2	0	0	0	2	0		0	0	0	100	0
18.1	320	88	18	60	140	14		27,5	5,6	18,8	43,8	4,4
18.2	124	32	5	19	64	4		25,8	4,0	15,3	51,6	3,2
18.3	22	4	1	3	10	4		18,2	4,5	13,6	45,5	18,2
		178	34	139	327	30						

Примечание. Ответ: полный (17.1), частичный (17.2), пространственный (17.3), не по теме (17.4), бессвязный (17.5), односложный (18.1), развернутый (18.2), составной (18.3); встречный вопрос (17.6); отказ отвечать (17.7); игнорирование (17.8); «не знаю / не помню» (17.9); переспрашивание (17.10); вопрос (здесь и в табл. 2): первоначальный (6.3.1), повторный (тот же) (6.3.2), дублирующий (про то же) (6.3.3), уточняющий (6.3.4), дополнительный (6.3.5).

Частичный ответ встречался при первоначальных и дублирующих вопросах. Вероятно, это связано с начальным этапом актуализации мышления на заданную тему. Вместе с тем ответ на вопрос без проявлений

пассивных противодействий, показатель готовности обсуждать данную тему, частичность ответа в данном случае указывают на необходимость актуализации в памяти определенного фрагмента событий. Ответ не

по теме рассматривается как вариация пассивного противодействия. Данная реакция является попыткой избежать необходимости отвечать на определенный вопрос в совокупности с нежеланием инициировать открытую конфронтацию с допрашивающим. Вместе с тем данный вид противодействия демонстрирует наличие энергетического потенциала у допрашиваемого. Следовательно, оптимальной тактикой взаимодействия будет настаивание на получении информации путём формулировки повторного либо дублирующего вопроса.

Другая форма пассивного противодействия допрашиваемого со схожей мотивацией с предыдущим случаем – это бессвязный ответ (не имеющий отношения к обстоятельствам расследуемого дела). Исходя из полученных данных, оптимальной тактикой взаимодействия будет повторное озвучивание вопроса с той же формулировкой.

Прямой отказ отвечать на вопрос встречался в небольшом количестве наблюдений. Данная реакция встречается в двух случаях. Во-первых, допрашиваемый отстраняется от взаимодействия с сотрудником правоохранительных органов. В этом случае оптимальной тактикой взаимодействия будет переформулирование вопроса по той же теме, либо уточняющий вопрос, конкретизирующий необходимую информацию. Смысл такой стратегии – в формировании у допрашиваемого установки на невозможность избежать взаимодействия с допрашивающим, но согласия последнего на компромисс в виде минимизации такого взаимодействия. Во-вторых, прямой отказ отвечать на вопрос встречается при значительной степени психоэмоционального истощения допрашиваемого. Так же об истощении свидетельствует переспрашивание вопроса. Соответственно, в моменты, когда допрашиваемый демонстрирует признаки утомления, следует дать ему возможность снизить интенсивность работы нейронной сети. Выбор тактического приёма, обеспечивающего такой «когнитивный отдых», зависит от вертированности допрашиваемого. Для экстравертов эффективнее будет тактический приём «разговор на отвлеченную тему». Даже если сам допрашивающий относится к интровертированному типу, главное – дать возможность «выговориться» экстравертному допра-

шиваемому. Лучше всего поднять тему ранее упомянутую допрашиваемым, но пресечённую из-за неактуальности обсуждения в процессе расследования преступления. Для интровертов отдыхом будет кратковременное прекращение общения продолжительностью несколько минут. Такое время отдыха допрашиваемого может быть использовано допрашивающим для фиксирования в протоколе допроса уже полученных показаний, заполнения анкетных данных протокола, просмотра иных материалов уголовного дела для формулировки последующих вопросов. Предоставление допрашиваемому кратковременного когнитивного отдыха способствует установлению психологического контакта и более позитивному восприятию личности допрашивающего при дальнейшем общении.

Достаточно часто встречались случаи, когда в ответ на вопрос допрашиваемый заявлял, что не владеет информацией или не может её припомнить. Частота встречаемости связана с успешностью данной разновидности пассивного противодействия. В таком случае допрашивающему не стоит настаивать на ответе. Оптимальной тактикой взаимодействия будет смена темы на такую, которая с высокой степенью вероятности находится в ассоциативной связи с первоначальным вопросом.

Односложный ответ встречается примерно в половине всех наблюдений. Вероятно, это связано с тем, что в обстановке допроса, если допрашиваемый может ответить просто «да» или «нет», именно так он и поступит. Это наглядный пример действия правила «простой ответ на простой вопрос». И напротив, составной ответ встречается в 6 раз чаще при формулировке дополнительных вопросов. Дополнительные вопросы должны быть непосредственно связаны с основной темой обсуждений, а также инициировать активность и заинтересованность допрашиваемого, исходя из наблюдений, сделанных в процессе допроса.

Следующий этап исследования состоит в анализе тактических комбинаций очередности заданных вопросов (табл. 2). Реакции допрашиваемого была разделены на три категории: негативные (сокрытие информации, противодействие расследованию), нейтральные (пассивная позиция), позитивные (сообщение информации, содействие расследованию).

Таблица 2

Тактические комбинации очередности заданных вопросов

	6.3.1	6.3.4	6.3.5	6.3.1	6.3.1	6.3.3	6.3.4	6.3.1	6.3.2	6.3.3	6.3.4	6.3.4	6.3.5
	6.3.1	6.3.1	6.3.1	6.3.2	6.3.3	6.3.3	6.3.3	6.3.4	6.3.4	6.3.4	6.3.4	6.3.5	6.3.5
–	37	30	8	0	17	21	21	32	5	23	57	7	5
	32%	25%	42%	0%	33%	34%	22%	25%	19%	28%	19%	32%	56%
0	63	66	9	8	27	37	56	71	13	42	156	12	3
	54%	55%	47%	73%	53%	61%	59%	56%	48%	51%	53%	55%	33%
+	7	19	1	2	6	3	14	21	9	15	70	1	1
	6%	16%	5%	18%	12%	5%	15%	17%	33%	18%	24%	5%	11%
	9	5	1	1	1	0	4	2	0	2	13	2	0
	8%	4%	5%	9%	2%	0%	4%	2%	0%	2%	4%	9%	0%

Тактическое воздействие, характеризующее направленность посыла, встречалось с неравномерной частотой. Чаще всего встречался адресный вопрос (6.2.1). В большинстве наблюдений риторический во-

прос (6.2.2), реплика (6.2.3), высказывание (6.2.4) вызывали нейтральную реакцию, позитивная и негативные реакции распределены примерно поровну и составляют около 10–20%.

Наибольшее количество позитивных реакций допрашиваемого связано с эмпатийным слушанием (6.2.5) и пересказом (6.2.6). Они эффективны непосредственным воздействием, а также повышают вероятность позитивной реакции следующего за ним вопроса в 1,5–3 раза.

Обычно в литературе эмпатийное слушание ассоциируется с сопереживанием чувствам собеседника. Однако, учитывая процессуальный статус межличностного взаимодействия на допросе реализовать такую рекомендацию бывает затруднительно. Представляется лучшим способом сконцентрироваться на показаниях – проговаривать про себя речь допрашиваемого. Таким образом, лучше усваивается информация, слушание осуществляется непрерывно и внимательно, не возникает желания прервать собеседника. Из минусов – снижение критичности восприятия информации.

Пересказ показаний – эффективное тактическое воздействие, наблюдаемое на допросах. Реализуется оно следующим образом: допрашивающий заслушивает фрагмент сообщаемой информации и в момент логической паузы допрашивающий фиксирует полученные данные в протоколе допроса. После записи соответствующего фрагмента допрашивающий зачитывает его вслух, побуждая таким образом допрашиваемого продолжить рассказ либо внести правки в записи, если они были изложены неточно. Ограничением данного тактического приёма выступают сомнения в достоверности показаний. Если показания содержали ложную информацию, при проговаривании её допрашивающим создаётся впечатление убедительности сказанного. Для предотвращения такого эффекта следует повторить сказанное исключив информацию, вызывающую сомнения в достоверности.

Допрашиваемый ещё до начала допроса определяет для себя, какую информацию он будет сообщать допрашивающему, а о какой постарается умолчать. Также, если допрашиваемый обладает достаточным уровнем интеллектуальной продуктивности и определенным запасом времени, он может придумать версию (версии) события, искажающую действительно произошедшее до социально приемлемого. Однако стимул (вопрос допрашивающего) вызывает реакцию возбуждения всех ассоциативных связей, коррелирующих с заданным вопросом. Механизм очага возбуждения нейронов был исследован А.А. Ухтомским, который сформулировал учение о доминанте. Под доминантой «понимается более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [5. С. 39]. Вероятность получения истинной информации увеличивается по мере локализации возбуждения участка ас-

социативной матрицы, соответствующего произошедшему в действительности. В данном аспекте будут эффективны тактические приёмы демонстрации вещественных доказательств, результатов экспертиз, зачитывание показаний свидетелей.

Версия события, произошедшего в действительности будет иметь больше ассоциативных связей с объективными данными. Поэтому убедительно поддерживать ложную версию событий с течением времени будет становиться всё сложнее. Тактической ошибкой в данном случае будет упоминание ранее озвученной допрашиваемым ложной версии по типу «а почему ранее вы говорили?..». Попытка уличить во лжи вызовет негативные эмоции, которые закономерно приведут к негативному отношению к допрашивающему. Кроме того, участок нейронной сети, хранящий недостоверные данные, будет вновь актуализирован в сознании допрашиваемого. Что ещё хуже, может установиться взаимосвязь, что забывание этого участка приводит к негативным последствиям. Тогда вновь убедить допрашиваемого в необходимости отказаться от этой недостоверной версии произошедшего окажется весьма затруднительно.

Тактически верным будет деление показаний допрашиваемого на фрагменты. Следует последовательно задавать вопросы об элементах характеристики преступления, информация о которых согласуется с иными источниками данных. Затем останутся недостающие фрагменты, в истинности которых возникли сомнения. Соответственно, нужно конкретизировать вопросы на них. В случае, если сообщение ложной информации не способствует удовлетворению потребностей допрашиваемого, велика вероятность, что он предпримет попытку действовать иным образом – сообщит достоверную информацию.

Предложенный алгоритм построения взаимодействия на допросе является универсальным. Сотрудники правоохранительных органов ассоциируют себя с ведомственной структурой, устанавливающей порядок. Со временем формируется стереотип поведения. Поэтому универсальный алгоритм тактики взаимодействия будет удобен им для восприятия и реализации. Допрашиваемые в свою очередь осведомлены о процессуальном характере взаимодействия на допросе.

Ощущением превосходства властных полномочий допрашивающего обусловлена «повышенная согласованность нейрофизиологических процессов у взаимодействующих при вовлеченности в совместную деятельность». Посредством «системы зеркальных нейронов» [6] задействуются механизмы социальной синхронизации. Поэтому допрашиваемые склонны следовать формальному ритуализованному общению вне зависимости от уровня правосознания, криминализированности и других особенностей личности.

Список источников

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
2. Рудь Е.Е. Нейрофизиологические паттерны в фоносемантике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Ч. 2. С. 131–134.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь 5-е изд, испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.

4. Kuhlen A.K., Bogler C., Brennan S.E., Haynes J.D. Brains in dialogue: decoding neural preparation of speaking to a conversational partner // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2017. Vol. 12, Is. 6. P. 871–880.
5. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
6. Matthijs L.N., Newman-Norlund S.E., Ruiter J.P., Hagoort P., Levinson S.C., Toni I. Brain mechanisms underlying human communication // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2009. Vol. 3. Art. No. 14. doi: 10.3389/neuro.09.014.2009

References

1. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of communicative investigative actions]. Tomsk: Izdatel'skiy Dom TSU.
2. Rud', E.E. (2017) Neyrofiziologicheskie patterny v fonosemantike [Neurophysiological patterns in phonosemantics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2. pp. 131–134.
3. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. 5th ed. Moscow: Labirint.
4. Kuhlen, A.K., Bogler, C., Brennan, S.E. & Haynes, J.D. (2017) Brains in dialogue: decoding neural preparation of speaking to a conversational partner. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 12 (6). pp. 871–880.
5. Ukhomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg: Piter.
6. Matthijs, L.N., Newman-Norlund, S.E., Ruiter, J.P., Hagoort, P., Levinson, S.C. & Toni, I. (2009) Brain mechanisms underlying human communication. *Frontiers in Human Neuroscience*. 3. Art. No. 14. doi: 10.3389/neuro.09.014.2009

Информация об авторе:

Скоревич А.С. — независимый исследователь (Томск, Россия). E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Skorevich, independent researcher (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 30.12.2024;
approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья
УДК 342.553
doi: 10.17223/15617793/511/27

Полномочия органов местного самоуправления в сфере изъятия земельных участков для муниципальных нужд: проблемы теории и практики

Лилия Канзеловна Фазлиева¹

¹ Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, LKFaz@mail.ru

Аннотация. Отмечается легитимный правовой вакуум дефиниции «государственные и муниципальные нужды» и ее абстрактное разъяснение в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации. Выявлено, что полномочия органов местного самоуправления (ОМСУ) в сфере изъятия земельных участков для муниципальных нужд конкурируют с полномочиями органов государственной власти. Установлено отсутствие законодательных ограничений в реализации полномочий ОМСУ по изъятию земельных участков и иной недвижимости у титульных владельцев для муниципальных нужд в рамках проектов комплексного развития территории.

Ключевые слова: полномочия органов местного самоуправления, полномочия органов публичной власти, изъятие земельных участков, государственные нужды, муниципальные нужды, вопросы местного значения, комплексное развитие территории

Для цитирования: Фазлиева Л.К. Полномочия органов местного самоуправления в сфере изъятия земельных участков для муниципальных нужд: проблемы теории и практики // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 242–247. doi: 10.17223/15617793/511/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/27

Powers of local government bodies in the field of seizure of land plots for municipal needs: Problems of theory and practice

Liliya K. Fazlieva¹

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation, LKFaz@mail.ru

Abstract. The research comprehensively studies public relations arising in connection with the implementation of the powers of local self-government bodies to resolve issues of local importance in the field of seizure of land plots for municipal needs, as well as the identification of theoretical and practical problems in this area. The methodological basis of the study was a set of methods and techniques widely used in legal science and presupposing comprehensiveness, objectivity and interconnection of the phenomena under study. Among them are general scientific methods (analysis of normative legal sources, synthesis, induction, deduction, analogy, etc.); special scientific (special legal) methods of cognition (comparative legal, formal legal, etc.). Based on the study, the following conclusions were obtained: The sphere of seizure of land plots for municipal needs lies in the domain of public relations classified as issues of local importance, where the powers of local self-government bodies are defined extremely vaguely by the federal legislator and compete with the powers of public authorities. When deciding on the issue of local importance regarding the seizure of land plots, local self-government bodies are guided by an open list of grounds provided for in specific legislation (Article 49 of the Land Code of the Russian Federation), leading to a violation of the subjective rights of title owners of land plots. Local self-government bodies are not limited in their ability to seize land plots and other real estate from title owners for municipal needs as part of integrated development projects for the territory. The bases for the grounds for the seizure of land plots for state or municipal needs listed in Art. 49 of the Land Code of the Russian Federation are the Constitution of the Russian Federation, which defines the jurisdiction of the Russian Federation for the seizure of land (federal level); Federal Law No. 414-FZ, which specifies the powers of state authorities of a constituent entity of the Russian Federation on subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and constituent entities of the Russian Federation regarding the seizure of land (Clause 20, Part 1, Article 44) (regional level); Federal Law No. 131-FZ, establishing the authorities of local self-government bodies to seize land (local level). The federal legislator stipulates to what level (federal, regional, local) the powers to seize land from title owners belong, but does not provide a detailed definition of "state and municipal needs". The codified urban planning law de jure recognizes the decision of local self-government bodies to transform the territories of settlements, city (municipal) districts as another basis for the seizure of land plots and (or) real estate located on it exclusively subject to the rules for identifying public needs.

Keywords: authorities of local self-government bodies, powers of public authorities, seizure of land plots, state needs, municipal needs, issues of local importance, integrated development of territory

For citation: Fazlieva, L.K. (2025) Powers of local government bodies in the field of seizure of land plots for municipal needs: Problems of theory and practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 242–247. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/27

Институт изъятия земельных участков для муниципальных нужд отражен как в публичном (ст. 49, гл. VII.1 ЗК РФ), так и в частном (ст. 279–283 ГК РФ) праве. Кроме того, полномочия органов местного самоуправления (ОМСУ) по изъятию земельных участков указаны в перечнях вопросов местного значения (п. 20 ст. 14, п. 15 ст. 15, п. 26 ст. 16 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ)).

В гражданском кодифицированном законе институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд отнесен к основаниям прекращения права частной собственности, иных вещных (права постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения) и обязательственных (договора аренды) прав, если земельный ресурс находился в публичной собственности.

В соответствии с п. 4 ст. 279 ГК РФ утрачиваются все обременения (сервитут, залог) в отношении этого земельного участка в связи с его изъятием [1]. Однако в сфере сервитутных отношений в гражданском праве присутствует доктринальное и нормативное правило – он (сервитут) стабилен даже при переходе прав на земельный участок (ст. 275 ГК РФ). Соответственно, при буквальном толковании п. 4 ст. 279 ГК РФ утрачивается прочный фундамент вещных правоотношений – право следования. Считаем необходимым придерживаться общих правил в регулировании вещно-правовых отношений. В противном случае нарушается один из фундаментальных принципов права – верховенство права.

Гражданское законодательство выделяет три полномочия ОМСУ по принудительному прекращению прав (изъятию) земельных участков у титульных владельцев для муниципальных нужд (ст. 279 ГК РФ):

1) издание акта (решения) исполнительно-распорядительного органа муниципального образования о принудительном прекращении титульных прав на земельный участок в связи с его изъятием;

2) подготовка письменного обращения администрации муниципального образования об информировании титульных владельцев (правообладателей) об изъятии земельного участка;

3) направление письменного соглашения об изъятии земельного участка, в котором определены предмет, размер возмещения и другие условия (п. 6 ст. 279 ГК РФ). При этом размер возмещения определяется в твердой денежной сумме (рыночная стоимость) или в натуре (предоставление другого земельного участка и (или) другого недвижимого имущества) (ст. 280 ГК РФ).

Отдельной нормой (ст. 281 ГК РФ) предусмотрена позиция законодателя в случае несогласия правообладателя о принятом решении ОМСУ об изъятии земельного участка – принудительное изъятие по решению суда. Тогда правоприменительный орган самостоятельно определяет условия соглашения.

Следует отметить, что нормы гражданского законодательства являются отсылочными (регулируют прекращение вещных отношений на земельные участки по инициативе органов публичной власти) к земельному

кодифицированному закону, в котором учтены основания и порядок изъятия земельных участков для муниципальных нужд (ст. 49, гл. VII.1 ЗК РФ).

Отраслевое законодательство (ст. 49 ЗК РФ) предусматривает открытый перечень оснований для изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, наделенный признаком исключительности:

– выполнение международных обязательств России;

– строительство, реконструкция объектов государственного и муниципального значения в отсутствие возможности их размещения в ином месте;

– иные случаи, предусмотренные федеральными законами.

Изучение земельно-правовой нормы (ст. 49 ЗК РФ) позволяет констатировать присутствие необходимых критериев для изъятия земельных участков у титульных владельцев, принадлежащих им на праве собственности или ином обязательном праве:

1) наличие государственных и муниципальных нужд;

2) исключительность оснований изъятия;

3) источник определения оснований – федеральный закон;

4) замкнутость перечня объектов для размещения на изымаемом земельном участке;

5) безальтернативность размещения объектов государственного и муниципального значения на изымаемом земельном участке.

Допустимость возможного изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, определенная в земельном и гражданском законодательстве как принудительное прекращение законных прав и интересов субъектов, предусмотрена конституционной нормой (ст. 35). При этом правовое основание принудительного изъятия было расширено Конституционным Судом Российской Федерации [2]. Правоприменительный орган установил также полномочие ОМСУ по изъятию земельных участков, связанное с «решением публично значимых вопросов местного значения». Высший судебный орган отметил вхождение ОМСУ в единую систему публичной власти, правосубъектность которых сопоставима с правосубъектностью других публичных образований [3], и поэтому принудительное изъятие имущества для муниципальных нужд тождественно его изъятию в государственных интересах.

Основываясь на аргументации исследователей, целесообразно утверждать, что основополагающими признаками при формировании дефиниции «государственные и муниципальные нужды» являются «общественная потребность» (Е.А. Коных [4]; Н.П. Кабытов [5]), «общественно полезная цель» (В.А. Евстигнеев [6]).

В зарубежных странах на конституционном уровне также возможно изъятие имущества у титульного собственника с равноценным возмещением. При этом конституции разных стран используют не только термин «изъятие» при прекращении права собственности (ст. 15 Конституции Сирийской Арабской Республики (далее – Конституция Сирии), ст. 23 Конституции

Ирака), но также «ограничение» (ст. 35 Конституции Турецкой Республики (далее – Конституция Турции)), «экспроприация» (ст. 62 Конституции Португальской Республики (далее – Конституция Португалии)), «отчуждение» (ст. 14 Конституции Федеративной Республики Германии (далее – Конституция ФРГ)), ст. 42 Конституции Итальянской Республики (далее – Конституция Италии)) (табл. 1).

Таблица 1

Полномочия органов публичной власти и цели изъятия имущества у титульных владельцев

Нормативный правовой акт	Полномочие органов публичной власти	Цель изъятия
Конституция Италии (ст. 42)	Отчуждение	Общий интерес
Конституция ФРГ (ст. 14)		Общее благо
Конституция Турции (ст. 35)	Ограничение	Общественный интерес
Конституция Ирака (ст. 23)	Изъятие	
Конституция Дании (ст. 73)	Изъятие	Общественная необходимость
Конституция Сирии (ст. 15)	Изъятие	Общая польза
Конституция Португалии (ст. 62)	Экспроприация	Общий интерес
Конституция СРВ (ст. 23)	Изъятие	Государственный интерес

На основании представленных в таблице данных заключаем, что прекращение субъективных прав титульных владельцев, как правило, является принудительным (исключение – ФРГ, Италия). Цель изъятия имущества – общая польза, общий интерес, общественная необходимость, общее благо, государственный интерес, государственные нужды.

Аналогичное положение предусмотрено в России не только на нормативном уровне, такого же подхода придерживается Верховный Суд Российской Федерации [7]. Судебный орган признает общественно полезную цель (общественный интерес) как ориентир государственных и муниципальных нужд. Правоприменительный орган указал, что удовлетворение «потребностей публичных образований» невозможно без изъятия имущества, в том числе и земельного участка, принадлежащего титульному субъекту, но только в исключительных случаях на основании решения органов публичной власти.

Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации основывается на решениях Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку при разрешении споров осуществление судебного нормоконтроля выступает конституционным гарантом неприкосновенности собственности в случаях принудительного изъятия имущества (независимо от оснований такого изъятия) у титульного владельца [8].

Судебный нормоконтроль направлен на проверку оснований изъятия земельного участка публично-правовым образованием и их соответствия законодательству. Так, Десятый арбитражный апелляционный суд [9] признал,

что местная администрация не представила доказательства о наличии публичного интереса при изъятии у истца земельного участка и объекта недвижимости, расположенного на нем. Данное обстоятельство опровергает исключительность изъятия для строительства автомобильной дороги местного значения.

Правовой режим изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд установлен главой VII.1 ЗК РФ. Критерием разграничения собственных полномочий публичных органов власти (ст. 56.2 ЗК РФ) при изъятии земельных участков у титульных владельцев является цель для «потребностей публичных образований» (нужды соответствующего публичного уровня).

Следует обратить внимание на законодательное закрепление возможности принудительного изъятия земельного участка по ходатайству заинтересованного хозяйствующего субъекта (ст. 56.4, п. 3 ст. 56.3 ЗК РФ).

В то же время, даже если заявитель является лицом, указанным в п. 1, 3 ст. 56.4 ЗК РФ, данное обстоятельство не может быть основанием для удовлетворения ходатайства об изъятии земельного участка. Подтверждением данного тезиса является правовая позиция судов. Так, в Постановлении от 18.05.2017 № Ф09-1616/17 Арбитражного суда Уральского округа по делу № А50-10431/2016 [10] указано, что юридически значимым обстоятельством, определенным в законодательстве об изъятии земельных участков, должно быть наличие государственной или муниципальной нужды, подлежащей доказыванию ходатайствующим лицом.

Истец (общество «Прикамская гипсовая компания») в качестве доказательной базы привел следующие доводы: возможность пополнения местного бюджета Пермского края в будущем за счет налога за использование обществом участка недр местного значения на срок разработки месторождения и предоставление новых рабочих мест.

Кассационный судебный орган пришел к выводу, что основания изъятия земельных участков, определенные обществом «Прикамская гипсовая компания», лишь опосредованно служат интересам общества и направлены на извлечение прибыли самим заявителем.

Особый интерес в случае изъятия земельного участка для муниципальных нужд представляет ходатайство хозяйствующего субъекта – контрагента договора о комплексном развитии территории. Основопологающей целью соглашения выступает развитие отдельных муниципальных образований (поселений, городских (муниципальных) округов) (ст. 64 Градостроительного кодекса РФ; Далее – ГрадК РФ).

Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ [11] установил правовой режим территории, подлежащей комплексному развитию. В градостроительном законодательстве выделяется четыре вида указанных территорий (ст. 65 Градостроительного кодекса РФ):

- комплексное развитие незастроенной территории (для сравнения: ранее – комплексное освоение территории);
- комплексное развитие территории жилой застройки (для сравнения: ранее – развитие застроенной территории);

– комплексное развитие территории нежилкой застройки (для сравнения: ранее – комплексное развитие территории по инициативе органа местного самоуправления);

– комплексное развитие территории по инициативе правообладателей (наименование не изменилось).

Изучение и анализ законодательной регламентации территории, подлежащей комплексному развитию (гл. 10 ГрадК РФ) в рамках принудительного изъятия земельных участков у титульных владельцев для муниципальных нужд, приводят к следующим выводам:

1) принятие решения о комплексном развитии территории – это не только полномочие ОМСУ. Данное полномочие передано на региональный (высшие исполнительные органы государственной власти субъекта РФ) и федеральный (Правительство РФ) уровни. Кроме этого, указанной правоспособностью обладают юридические лица, определенные исполнительными органами государственной власти, и контрагенты (лица), заключившие соглашения (ст. 66 ГрадК РФ);

2) решение о комплексном развитии территории нежилкой застройки возможно по инициативе ОМСУ. Существуют исключения из этого нормативного правила. Так, градостроительная норма (ч. 3 ст. 66) расширила юридические возможности муниципальных образований (глав местной администрации) принимать решения о развитии незастроенной территории и территории жилой застройки только в тех случаях, если такое решение не принято высшими исполнительными органами государственной власти. Мы констатируем присутствие дополнительных полномочий ОМСУ в вопросах о преобразовании территорий поселений, городских (муниципальных) округов, так как федеральный законодатель установил закрытый перечень оснований для принятия решений о комплексном развитии территории для высших исполнительных органов государственной власти;

3) Федеральный закон № 131-ФЗ не исключает прямого запрета на перераспределение муниципальных полномочий в сфере комплексного развития территорий на региональный уровень [12];

4) ОМСУ не ограничены в возможности изъятия земельных участков и иной недвижимости у титульных владельцев для муниципальных нужд в рамках проектов комплексного развития территории (в частности, к таким объектам относят любые объекты недвижимого имущества, расположенные в границах одного элемента планировочной структуры (района, микрорайона, квартала)) (ч. 5 ст. 65 ГрадК РФ, ст. 56.12 ЗК РФ);

5) решение о комплексном развитии территории имеет главенствующее значение по отношению к другим градостроительным планировочным документам: отсутствие территории, подлежащей комплексному развитию в правилах землепользования и застройки (ПЗЗ), не является препятствием для принятия решения (ч. 5.2 ст. 30 ГрадК РФ); утвержденная документация по планировке территории, подлежащей комплексному развитию, – это ориентир для внесения изменений в документы территориального планирования (генеральный план и ПЗЗ) (ч. 2.1 ст. 24, ч. 3.4 ст. 33, ч. 10.2

ст. 45 ГрадК РФ). Данное правило противоречит основным принципам законодательства о градостроительной деятельности и приводит к нарушению субъективных публичных прав граждан (участия в публичных слушаниях проектов градостроительных документов).

С одной стороны, комплексное развитие территории как деятельность по преобразованию территорий общего пользования поселений, городских (муниципальных) округов (п. 34 ч. 1 ст. 1 ГрадК РФ) можно отнести к муниципальным нуждам. Однако наблюдается конкуренция полномочий органов государственной власти и ОМСУ: инициаторами незастроенной территории и территории жилой застройки, подлежащей комплексному развитию, являются органы государственной власти, а территории нежилкой застройки – ОМСУ.

С другой стороны, вопросы о преобразовании территорий поселений, городских (муниципальных) округов (территорий, подлежащих комплексному развитию) могут быть и не связанными с решением вопросов местного значения. Федеральный законодатель не ограничил полномочия ОМСУ по изъятию земельных участков и иной недвижимости у титульных владельцев для муниципальных нужд в рамках проектов комплексного развития территории (ч. 5 ст. 65 ГрадК РФ).

Указанные положения нарушают предусмотренную ст. 49 ЗК РФ исключительность изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд и не допускают обоснования и необходимости такого изъятия. Данные обстоятельства становились предметом спора в высших судебных органах (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.11.2012 № 2189-О [13]).

Напротив, по мнению исследователей (И.Н. Харина, Ю.Э. Киль [14. С. 66]), достижение целей комплексного развития территории – это самостоятельное («иное») основание изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд (ст. 49 ЗК РФ). Основанием принудительного прекращения прав титульных владельцев для этих целей является легитимное решение органа публичной власти о комплексном развитии территории. Авторы не допускают произвольности изъятия недвижимых объектов органами публичной власти и предлагают соблюдать правила идентификации публичных нужд, необходимых для достижения баланса публичных и частных интересов:

– наличие «потребностей публичных образований» (нужды соответствующего публичного уровня);

– наличие общественно полезной цели (общественного интереса);

– безальтернативность размещения объектов на изымаемом земельном участке, т.е. соответствие такой территории градостроительным требованиям (ст. 65 ГрадК РФ).

Особым условием при изъятии земельных участков является недопустимость нарушения основного принципа земельного права – баланса публичных и частных интересов, который достигается путем возмещения стоимости изымаемых объектов. Впервые отраслевой закон предусматривает при изъятии возмещение в виде равноценного земельного участка (гл. V.2 ЗК РФ), но

оно возможно только при использовании договорной конструкции – мены, участниками которой являются органы публичной власти и правообладатели.

Земельное законодательство при определении размера возмещения опирается на факт наличия титульного владения правообладателей на изымаемый объект, что подтверждается материалами правоприменительной практики [15].

Таким образом, федеральный законодатель наделил ОМСУ полномочиями в сфере изъятия земельных участков для муниципальных нужд, но в то же время наблюдается конкуренция их с полномочиями органов государственной власти вследствие неопределенности объема нормативного правового регулирования полномочий, необходимых в связи с реализацией этих функций. Выявлен легитимный правовой вакуум дефиниции «государственные и муниципальные нужды» и ее абстрактное разъяснение в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации. На основании изучения института изъятия имущества в зарубежных странах на конституционном уровне сделано заключение

о том, что прекращение субъективных прав титульных владельцев, как правило, является принудительным (исключение – ФРГ, Италия). Аналогичное положение предусмотрено в российском законодательстве и в правоприменительной практике. ОМСУ при решении вопроса местного значения по изъятию земельных участков для муниципальных нужд руководствуются незакрытым перечнем оснований, предусмотренных в отраслевом законодательстве (ст. 49 ЗК РФ), приводящим к нарушению субъективных прав титульных владельцев земельных участков. Установлена неограниченная возможность ОМСУ в сфере изъятия земельных участков и иной недвижимости у титульных владельцев, осуществляемого для муниципальных нужд в рамках реализации проектов комплексного развития территории. Градостроительный кодифицированный закон де-юре признает решение ОМСУ о преобразовании территорий поселений, городских (муниципальных) округов как иное основание изъятия земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества исключительно при соблюдении правил идентификации публичных нужд.

Список источников

1. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 499-ФЗ // Российская газета. 2015. 12 января.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2008 № 435-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фориса Константина Михайловича на нарушение его конституционных прав абзацем десятым подпункта 2 пункта 1 статьи 49 Земельного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 1.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006 № 540-О «По запросу Правительства Самарской области о проверке конституционности статьи 1, частей шестой и восьмой статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статьи 50 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.
4. Колюх Е.А. Обеспечение жилищных и земельных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 30–43.
5. Кабытов Н.П. Выкуп земельного участка как основание прекращения права частной собственности : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004.
6. Евсегнеев В.А. Собственность на землю в фокусе интересов // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 69–79.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013 // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
8. Постановления КС РФ от 16.07.2008 № 9-П и от 24.02.2004 № 3-П, Определения от 11.05.2012 № 758-О и от 03.07.2007 № 714-О-П // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.11.2023).
9. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2016 № 10АП-4767/2016 // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Постановление от 18.05.2017 № Ф09-1616/17 Арбитражного суда Уральского округа по делу № А50-10431/2016 // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
11. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий: федеральный закон от 30.12. 2020 № 494-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 33.
12. Кухаренко Л.В. Трансформация полномочий органов местного самоуправления в области градостроительной деятельности в связи с принятием Закона № 494-ФЗ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 5. С. 87–93.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 22.11.2012 № 2189-О // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
14. Харинов И.Н., Киль Ю.Э. Изъятие земельных участков в целях комплексного развития территории: проблема идентификации публичных нужд // Закон. 2022. № 12. С. 66–83.
15. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 12.09.2013 по делу № 33-11101/2013 // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 27.12.2024).

References

1. Rossiyskaya gazeta. (2015) O vnesenii izmeneniy v Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 31.12.2014 № 499-FZ [On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 499-FZ of December 31, 2014]. *Rossiyskaya gazeta*. 12 January.
2. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. (2009) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17.06.2008 № 435-O-O "Ob otkaže v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Forisa Konstantina Mikhaylovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav abzatsem desyatym podpunkta 2 punkta 1 stat'i 49 Zemel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Konstantin Mikhailovich Foris on the Violation of His Constitutional Rights by the Tenth Paragraph of Subparagraph 2 of Paragraph 1 of Article 49 of the Land Code of the Russian Federation. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 435-O-O of June 17, 2008]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 1.

3. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. (2007) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 02.11.2006 № 540-O "Po zaprosu Pravitel'stva Samarskoy oblasti o proverke konstitutsionnosti stat'i 1, chastei shesto i vos'moy stat'i 2 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii" i stat'i 50 Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» [At the request of the Government of the Samara Region to verify the constitutionality of Article 1, parts six and eight of Article 2 of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation" and Article 50 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 540-O of November 02, 2006]. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2.
4. Konyukh, E.A. (2006) Obespechenie zhilishchnykh i zemel'nykh prav sobstvennika zhilogo pomeshcheniya pri iz'yatii zemel'nogo uchastka dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Ensuring housing and land rights of the owner of residential premises during the seizure of a land plot for state and municipal needs]. Zhurnal rossiyskogo prava. 1. pp. 30–43.
5. Kabytov, N.P. (2004) Vykup zemel'nogo uchastka kak osnovanie prekrashcheniya prava chastnoy sobstvennosti [Redemption of a land plot as a basis for termination of private property rights]. Law Cand. Diss. Samara.
6. Evsegneev, V.A. (2004) Sobstvennost' na zemlyu v fokuse interesov [Land ownership in focus of interests]. Zhurnal rossiyskogo prava. 8. pp. 69–79.
7. Garant. (2015) Opredelenie Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 27.10.2015 № 309-KG15-5924 po delu № A07-21632/2013 [Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. A07-21632/2013 No. 309-KG15-5924 of October 27, 2015]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 11.11.2024).
8. Garant. (2012) Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 9-P of July 16, 2008 and No. 3-P of February 24, 2004, Definitions No. 758-O of May 11, 2012 and No. 714-O-P of July 03, 2007. Garant. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 11.11.2023). (In Russian).
9. Garant. (2016) Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal No. 10AP-4767/2016 of July 15, 2016. Garant. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
10. Garant. (2017) Resolution No. F09-1616/17 of May 18, 2017 of the Arbitration Court of the Urals District in case No. A50-10431/2016. Garant. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
11. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2021) O vnesenii izmeneniy v Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh obespecheniya kompleksnogo razvitiya territorii: federal'nyy zakon ot 30.12. 2020 № 494-FZ [On Amendments to the Urban Development Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Ensure the Integrated Development of Territories: Federal Law No. 494-FZ of December 30, 2020]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1 (Part I). Art. 33.
12. Kukhareno, L.V. (2023) Transformatsiya polnomochiy organov mestnogo samoupravleniya v oblasti gradostroitel'noy deyatel'nosti v svyazi s prinyatiem Zakona № 494-FZ [Transformation of the powers of local governments in the field of urban development in connection with the adoption of Law No. 494-FZ]. Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 5. pp. 87–93.
13. Garant. (2012) Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2189-O of November 22, 2012. Garant. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
14. Kharinov, I.N. & Kil', Yu.E. (2022) Iz'yatie zemel'nykh uchastkov v tselyakh kompleksnogo razvitiya territorii: problema identifikatsii publichnykh nuzhd [Withdrawal of land plots for the purposes of integrated development of the territory: the problem of identifying public needs]. Zakon. 12. pp. 66–83.
15. Garant. (2013) Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan in case No. 33-11101/2013 of September 12, 2013. Garant. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 27.12.2024). (In Russian).

Информация об авторе:

Фазлиева Л.К. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России (Казань, Россия). E-mail: LKFaz@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.K. Fazlieva, Cand. Sci. (Law), Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan, Russian Federation). E-mail: LKFaz@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 19.01.2024;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.